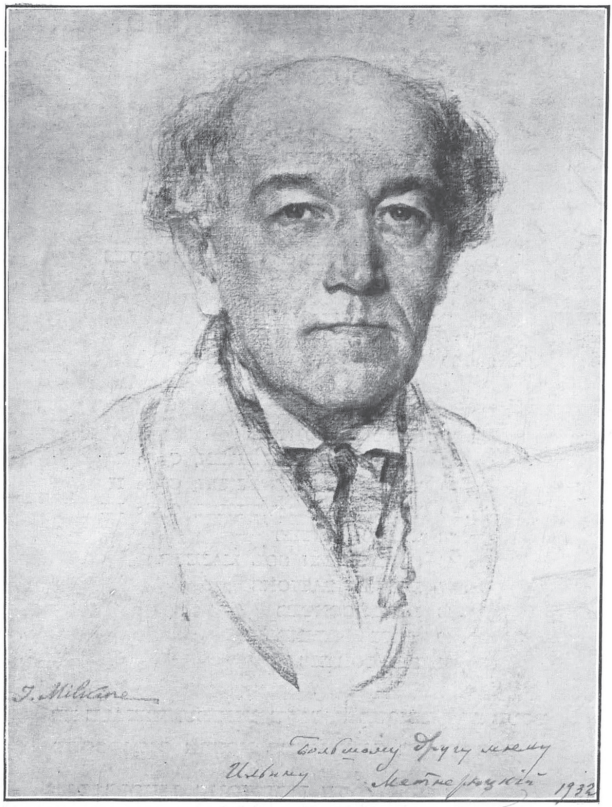
Иван Ильин

ПЕРЕПИСКА ИВАНА ИЛЬИНА И НИКОЛАЯ МЕТНЕРА (1915 – 1951)

*

Книга первая (1915 – 1934)



N. MEDTNER

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

И. А. ИЛЬИН

Собрание сочинений

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

2026

И. А. ИЛЬИН

Собрание сочинений [Т. 34]

ПЕРЕПИСКА ИВАНА ИЛЬИНА И НИКОЛАЯ МЕТНЕРА (1915–1951)

Книга 1 (1915–1934)

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

Москва
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

2026

УДК 1(470)(091)
ББК 87
И46

Составление
Ю. Т. Лисицы

Вступительная статья
Ю. Т. Лисицы, А. Ю. Лисицы

Подготовка текста
О. В. Лисицы, Ю. Т. Лисицы, А. Ю. Лисицы

Комментарии
А. Ю. Лисицы, Ю. Т. Лисицы

Идея оформления серии
Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.

И 46 Собрание сочинений [т. 34] : **Переписка Ивана Ильина и Николая Метнера (1915–1951), кн. 1 (1915–1934)** / Сост. Ю. Т. Лисицы; вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы и А. Ю. Лисицы; подг. текста О. В. Лисицы, Ю. Т. Лисицы и А. Ю. Лисицы. – Москва : Институт Наследия, 2026. – 848 с. : ноты.

DOI 10.34685/HI.2026.21.44.001
ISBN 978-5-86443-500-7

Первая книга переписки И. А. Ильина и Н. К. Метнера содержит их письма 1915–1934 гг. В приложения помещены статьи Ильина о музыке Метнера и другие материалы, связанные с впервые и полностью публикуемой перепиской.

УДК 1(470)(091)
ББК 87

На фронтисписе: Проспект с копией портрета Н. К. Метнера (художник – Я. Милькин) и дарственной надписью: «Большому другу моему Ильину. Метнерюцкій. 1932» (Архив, 4 – 10; см. письмо № 213 и комм. 1066).

DOI 10.34685/HI.2026.21.44.001
ISBN 978-5-86443-500-7

© Лисица Ю. Т., составление, 2026
© Лисица Ю. Т., Лисица А. Ю., вступительная статья, комментарии, 2026
© Лисица О. В., Лисица Ю. Т., Лисица А. Ю., подготовка текста, 2026
© Институт Наследия, 2026

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ ИВАНА ИЛЬИНА И НИКОЛАЯ МЕТНЕРА

Настоящий (34-й по счёту) том Собрания сочинений И. А. Ильина – первый из трёх объёмных томов обширной переписки философа Ивана Александровича Ильина (1883–1954) и композитора и пианиста Николая Карловича Метнера (1880–1951). Она содержит около 900 писем, однако всего их было больше: некоторые (как ильинские, так и так и метнеровские) по разным причинам не сохранились – о том же, что они были, прямо или косвенно можно судить по указаниям, рассыпанным в сохранившейся части переписки, публикуемой далее полностью и впервые.

Переписка занимает весьма длинный отрезок времени: с 1915 по 1951 год, в конце которого Николай Карлович скончался, и продолжается Ильиным потом ещё три года, до самой своей кончины, с супругой Н. К. Метнера Анной Михайловной (1877–1965), что, впрочем, совсем не удивительно: её письма, от себя ли одной или вместе и от Николая Карловича, составляют столь заметную часть всей переписки, почти с самого её начала, что, быть может, правильнее было бы озаглавить настоящие тома Собрания сочинений как «Переписка И. А. Ильина с Н. К. и А. М. Метнерами».

Более ни с кем такой долгой и обширной переписки Ильин не вёл, так что эта часть его эпистолярного наследия является у него самой значительной, хотя более или менее

объёмные и длительные переписки он вёл и с другими: со своей двоюродной сестрой Л. Я. Гуревич, с И. С. Шмелевым, с П. Б. Струве (эти письма уже опубликованы в Собрании сочинений), с А. А. фон Лампе и с Б. А. Никольским (эти письма ждут публикации в последующих томах). Сохранились и менее значительные (по объёму и длительности) переписки Ильина со многими другими интересными и примечательными людьми (частью они уже опубликованы, частью – ждут публикации), но его переписка с Метнерами превосходит всё другое по своей доброте и любезности, доверительности и душевности, серьёзности и драматичности, философичности и проникновенности: порой это исповедь, иногда – доверенная другу тайна, всегда – постоянная молитва друг о друге. Эта переписка – своеобразная повесть в письмах, открытках и даже нотах, повесть жизни как Ильина, так и Метнеров. В ней отражена и трагическая жизнь их любимой, ни на секунду не забываемой родины – России, преломляемая в нелёгкой жизни Ильиных и Метнеров на чужбине; и, часто довольно нелицеприятная, жизнь этой самой чужбины... Живая история встаёт на страницах писем ярчайшими фрагментами – так, как не написано ни в одном учебнике, да и едва ли может быть написано, но без знания и ощущения чего едва ли возможно хотя бы отдалённое понимание и существа и смысла исторических событий.

Ильины (супруга И. А. Ильина Наталия Николаевна почти не участвует в переписке, но на всём её протяжении ощущается как стоящая где-то очень близко, что сама она и определила однажды как «я это тоже ощущаю», и это стало её своего рода подписью-знаком, знаком согласия и поддержки сказанному, супругом ли или же друзьями) и Метнеры оказываются в переписке также и слушателями (иногда первыми), и читателями (тоже часто первыми или одними из первых) сочинений Н. К. Метнера и И. А. Ильина: Ильин, будучи изрядным меломаном и, пусть и не на исполнительском уровне, владея

фортепиано, разбирал ноты и старался приобрести все выпускаемые сочинения своего друга, как в нотах, так и на дисках-пластинках, многократно наигрывая их или слушая вместе с Наталией Николаевной; Метнеры же всегда старались читать всё, выходящее из-под пера Ильина (нередко присылавшего им даже машинописные копии своих ещё не вышедших книг), ценя всё, но особенно выделяя его «философские сказки» (это наименование дано было Анной Михайловной философским эссе Ильина, позже составившим его триптих «Я вглядываюсь в жизнь» – «Поющее сердце» – «Взгляд в даль»). И это было не формально вежливое, холодное прослушивание или прочтение – как правило, если не всегда, это было переживание прослушанного и прочитанного, так или иначе (пусть и не сразу, что, заметим, приводило порой к размолвкам и даже обидам, лишь подтверждающим, впрочем, настоящесть их дружбы) изливающееся в письмах или даже выливающееся в нечто ещё большее (в случае «Музы и Моды» Н. К. Метнера, например, завершившееся – увы, так и не опубликованным до сих пор, – немецким переводом этого труда, сделанным Ильиным).

Пожалуй, никакая биография, научно-сухая ли или же художественно-живая, подобная издаваемым в давней серии «Жизнь замечательных людей», не сможет превзойти эту переписку, ибо авторы-жизнеописатели невольно (иначе, должно быть, и невозможно?) вносят «возмущение» в повествование, добавляя к нему «своё», свой голос, нередко (даже в чисто научных трудах) смешивающийся с непосредственным голосом героев своих книг. Перед нами же – очень полный, пусть и с неизбежными лакунами, – голос, искренний и нелукавый, Ильина и Метнера, позволяющий, как ничто другое, увидеть, *что* это были за люди, *как* они жили и мыслили. Причём голос, звучащий на фоне эпохи – одновременно восстанавливаемой, повторимся, благодаря этому голосу; иногда если не лучше, то яснее, чем в каком бы то ни было историческом исследовании.

* * *

Ильин с самого начала был настроен на то, чтобы все письма переписки собрать вместе и в будущем опубликовать без изъятий и цензуры. В этом он проявил большую настойчивость, не позволяя А. М. Метнер передать не только оригиналы, но и копии писем супруга в американские архивы, которым Ильин определённо не доверял, – всё должно было принадлежать только будущей послекоммунистической (грядущей) России. Вот, что он писал Анне Михайловне в 1953 г.: «Но тут еще есть одно, для нас обоих *очень существенное* обстоятельство, оставшееся невыясненным доселе. А именно: что, эти документы, даваемые на сохранение в соединенно-штатную библиотеку конгресса – *отдаются им в собственность*, или с обязательством сохранить и *вернуть книгохранилищам освобожденной России*?!

Если в собственность, то это есть сущее ограбление России!.. Как идти на это?»[1]. Таково было его понимание дела, и только сейчас понятно, сколь верное историческое чутьё было у него.

Каждый из томов переписки дополняется приложениями, в которые входят и уже издававшиеся статьи Ильина о музыке Метнера, и две ранее не публиковавшиеся на русском языке его статьи из английского сборника 1955 г. памяти композитора, и ряд ранее не публиковавшихся материалов. Также в приложения помещается (полностью, и даже с небольшим авторским дополнением и некоторыми другими материалами) книга Н. К. Метнера «Муза и Мода»[2], являющаяся, вообще

[1] См. письмо И. А. Ильина А. М. Метнер от 19.III.1953 (№ 861).

[2] В рамках Собрания сочинений (в т. 6, кн. 1) «Муза и Мода» уже публиковалась, однако, к сожалению, с сокращениями в (положительно-теоретической) части книги, сделанными по настоянию издательства («Русская книга»), считавшего тогда в своей издательской политике «неуместной публикацию профессионально-музыкальных исследований», так что тогда не подверглась сокращениям лишь полемическая вторая часть. В наст. публикации мы восстанавливаем это серьёзное упущение.

говоря, неотъемлемой частью переписки: о ней и её идеях постоянно идёт речь, в том числе причём – как увидит даже не самый внимательный читатель, – и задолго до того, как Метнер решил свои мысли о музыке оформить в книгу. Также очень много обсуждается уже упомянутый её немецкий перевод, выполненный Ильиным, опубликовать который мы не решились, но ильинские комментарии к которому (в переводе на русский язык) публикуются полностью.

* * *

Эта переписка – произведение самой жизни – имеет собственную естественную *структуру*. На первом её плане, конечно, главные герои – авторы писем: философ-правовед Иван Александрович Ильин и композитор-пианист Николай Карлович Метнер, рядом с которыми их верные жёны – скрипачка и певица Анна Михайловна Метнер (в девичестве Братеньши) и философ, искусствовед и историк Наталия Николаевна Ильина (в девичестве Вокач). На втором – их близкие друзья: композитор С. В. Рахманинов, пианист К. Е. Климов, писатель И. С. Шмелев, а также ученики Метнера и исполнители его сочинений. Кроме того – Гольденвейзеры, Гедике, Конюсы, Рахманиновы-Сатины, Климовы, чета Бюлеров (Ленокс и Лени), Сваны... На третьем плане – композиторы, как современные Ильину и Метнеру, так и творцы прошлых лет, классики и модернисты; с ними и дирижёры, исполнители, музыковеды, издатели, импресарио... На четвёртом – неожиданные почитатели творчества Ильина и Метнера и их меценаты: жившая в Швейцарии американка Шарлотта Барейс и индийский магараджа Водеяр.

Имеется и постоянный фон, в котором участвуют важные для главных героев лица, но о них, кроме упоминаний или умолчаний, ничего или же, по большому счёту, очень мало сказано (даже если на первый взгляд говорится немало). Таковы старший брат Метнера Эмилий Карлович, сквозной линией,

часто у Метнеров под ласковым именем Миля (у Ильина же – строго как Эмилий Карлович) проходящий через почти всю переписку. В несравнимо меньшей степени, но всё же таковы же – видные представители психоанализа: З. Фрейд и К. Г. Юнг... или же, с другой стороны, например, Э. Гуссерль. Но бывают случаи, когда в этом, едва порой уловимом, фоне переписки проявляются лица людей, особенных в жизни героев. Например – Маргариты Кирилловны Морозовой, знавшей братьев Метнеров (Эмилия и Николая) ещё с 1902 года, в знаменитом московском салоне которой в 1913 году во время концерта младшего из них и случилось знакомство Ильина с ним, о чём Ильин очень ярко вспоминает в некоторых своих письмах[3]. В 1919–1921 годах Николай Карлович и Анна Михайловна, по существу выселенные из московской квартиры, жили сравнительно недалеко от хорошо им известной бывшей усадьбы М. К. Морозовой, на даче А. И. Трояновской в Буграх (в черте современного Обнинска), оттуда-то фактически и уехав за границу (не собираясь при этом эмигрировать – думая, что это поездка лишь на время). Дальнейшая трагическая, голодная и почти бездомная, судьба Маргариты Кирилловны, с невозможностью Метнерам и Ильину серьёзно помочь ей, есть ещё один, очень важный, штрих переписки.

Некоторой, если не полной, противоположностью образу «Маргоши» на этом же фоне встаёт, например, часто возникающий образ Мариэтты Шагинян, выступающей в переписке скорее, впрочем, в качестве полукомического персонажа.

Разумеется, эта «повесть в письмах» опускает несколько важных встреч друзей после их совсем короткого жительства почти соседями в Берлине в 1922 г.: в Пильнице, в Фонтен д'Иветт под Парижем, в Берлине на вокзале, в самом Париже, в Цолликоне... Они выпадают из освещения, если не считать их отголосков в следующих за ними письмах, часто очень

[3] См. письма № 427 (от 7.III.1939) и № 547 (от 29–30.XII.1946).

ярких. И остаётся лишь сожалеть, что ни Ильин, ни Метнер не вели дневников, где могли бы описать в том числе и их.

* * *

Вчитываясь, всматриваясь и вслушиваясь в творчество и жизнь Ильина и Метнера, нетрудно заметить некий параллелизм, то есть некоторое глубинное сходство, похожесть, родственность их мышлений, взглядов и судеб. Они – почти ровесники (с разницей в три с небольшим года), прожили оба по 71 году; оба имели верных, любимых и любящих жен (единственных в их жизни и бывших для каждого чуть старше: Н. Н. Ильина старше своего супруга на год, А. М. Метнер своего – на два года); у обоих не было детей, о чём они сильно сожалели, но оба же обожали и всячески развлекали детей своих близких и знакомых, о чём осталось немало свидетельств; оба вынуждены были не по своей воле или желанию покинуть Родину, обоими горячо любимую; оба были сознательными противниками большевизма; оба же, несмотря на некоторые и недолгие первоначальные иллюзии, очень быстро, задолго до начала Второй мировой войны, разобрались в природе национал-социализма и опасности Гитлера для России; оба погружены были в музыку и философию (как и Ильин, Метнер имел философский склад ума: тщательно продумав и, что называется, выносив её, он опубликовал книгу «Муза и Мода» – настоящую философию музыки); у обоих сложились произведения всей их жизни: у Ильина – труд по философии религии, «Аксиомы религиозного опыта», который он писал 33 года и сумел издать в самом конце своей жизни, у Метнера – Квинтет, последнее его крупное сочинение, задуманное ещё в 1904 году; в своей знаменитой книге («О сопротивлении злу силою») Ильин сформулировал и обосновал борьбу с радикальным злом, но Метнер сделал (в «Музе и Моде») во многом то же, сформулировав и обосновав в ней

сопротивление модернизму (который оба, и Метнер и Ильин, называли большевизмом в искусстве[4]); оба были русскими националистами в лучшем, положительном, значении этого термина; наконец, оба очень много трудились, чем подорвали своё здоровье (здоровье – сквозная и вынужденная тема во всей переписке, начиная с первого же, пусть и весьма шутливого, письма). И таким схожестям нет числа...

Конечно, между ними было ещё больше различий (не следует думать, что у нас есть намерение как-либо их отождествить), но эти различия на фоне столь ярких сходств видятся, порой, лишь своего рода музыкальными мелизмами-украшениями. Одним из самых ярких примеров различий между друзьями было отношение к курению: Метнер – заядлый курильщик, Ильин же, скорее всего, ни разу в жизни даже не попробовал табак. Другое – Метнер не любил Достоевского, считая, что он много «мрака пустил в искусство» и что это, особенно с его дарованием, непростительно[5], Ильин же, напротив, чрезвычайно Достоевского ценил, и в этом их отношении к великому писателю отражается, быть может, бóльшая разница между ними: в отношении к допустимости выражения в искусстве зла и мрака. Метнер как будто исключает это (его творчество всегда дóбро и светло, несмотря на многочисленные проявления печально-минорного настроения в его сочинениях), Ильину же слишком часто приходится погружаться в глубины зла, вскрывая его и обличая, о чём он не раз напишет другу с усталостью и сожалением (что на это приходится тратить время и силы), и всякий раз Метнер будет советовать ему всё такое бросить и продолжить зани-

[4] Срв., напр., письмо Н. К. Метнера И. А. Ильину № 158 (от 18.III.1929) или статью Ильина «О музыке Метнера» (*Возрождение*, № 2465 от 2 марта 1932 г.; см. также приложения к наст. тому).

[5] См. *Сван Е. В.* Н. К. и А. М. Метнеры в Нормандии // Н. К. Метнер. Воспоминания. Статьи. Материалы. – М., 1981. С. 157.

маться философией и вообще тем, светлым положительным, что давно задумано...[6]

Ещё одно одновременное сходство и различие между ними кроется в их корнях: оба дворяне, оба с предками-немцами в роду (Ильин – только по материнской линии), оба же они были потомками (точнее же, внуками) уже полностью *русских немцев*. У Ильина (во многом, конечно, потому, что по отцовской линии он русский дворянин) никогда не было никаких сомнений в своей русскости, но и у Метнера (по происхождению немца и скандинава, по духу же и культуре совершенно русского) такие сомнения, кажется, никогда не возникали. В отличие от его старшего брата Эмилия, который так, похоже, и не смог разрешить для себя эту природную раздвоенность, хотя, в противоположность Николаю, значительно больше тяготел к немецкой культуре. Быть может, отчасти в этом и заключалась причина охлаждения и размолвки между Ильиным и Эмилием Метнером (сначала столь дружными, что Ильин не побоялся решительно и публично выступить в защиту Э. Метнера против Андрея Белого) – размолвки и расхождения, совершенно очевидных из публикуемой переписки, но, увы, в ней лишь не совсем ясно очерченных и так до конца и не объяснённых.

Однако и Ильин, и Метнер, оба оставаясь русскими, прекрасно владели немецким языком: Метнер написал целый ряд песен на слова Гёте, Гейне, Ницше, Эйхендорфа и Шамиссо; Ильин же не ограничился несколькими книгами и многочисленными статьями и лекциями на немецком языке – столь же легко он сочинял на немецком стихи и некоторая часть их вошла в переписку (а точнее – в ней и появилась).

Различие же, связанное с происхождением, приходило извне: Ильина при жизни не так часто упрекали в немецкости (это отличительная черта, скорее, современных «критиков-знатоков»

[6] Срв., напр., письмо Метнеров Ильину № 609 (от 8.XII.1947).

Ильина, пытающихся таким образом нечто в нём «объяснить»), Метнеру же приходилось терпеть нарочитое «онемечивание» его со стороны критиков почти всю жизнь и утверждать свою русскость вопреки всем таким измышлениям.

Добавим, что оба друга получили очень хорошее образование (Ильин – в двух московских гимназиях и затем Московском Университете, Метнер – в Московской Консерватории), однако отнюдь не только потому, что обучались они у блестящих преподавателей, но и по самому *своему* желанию учиться, на что они нисколько не жалели своего времени, прикладывая к учёбе много сил. Им обоим, по существу, была близка в ученические годы позднейшая (когда оба уже давно стали преподавателями) идея Ильина об идеальной учёбе и совершенном преподавании: «...нет важнее того, как чтобы от *одного* огня загорались *другие*, бесконечно многие. Это загорание осуществляется ***или*** через *творчество* ***или*** через *преподавание*. И вот тут-то суть дела: преподавать стоит только тогда, если к Сократу пришел Платон. Тогда преподавание равно творчеству и становится *со*-творчеством...»[7].

Наконец, у обоих, при обширнейшем круге знакомств и более или менее настоящих дружб, было непрестанное чувство и ощущение одиночества. Вообще, тема одиночества проходит нитью через всю переписку: Ильин нуждается в *таких* читателях, как Метнеры, ждёт, если не жаждет, прочтения ими своих работ и отзывов-откликов именно от них, нередко обижаясь на что-то пропущенное или незамеченное Метнерами в его письмах; в свою очередь и Метнеры постоянно сокрушаются, что на (особенно премьерных) концертах Николая Карловича не было (и не могло быть, по отделявшим их друг от друга расстояниям) Ильиных – Николаю Карловичу нужны именно *такие* слушатели... и становится ясно, что *таких-то* (слушателей и читателей) у них часто не бывало совсем (одна из

[7] См. письмо № 14 (от 4.IX.1915).

сторон *одиночества художника*), и потому-то они ещё больше тянулись друг к другу, думая друг о друге и во время сочинения своих трудов, и во время представления их публике.

* * *

Но, конечно же, вся переписка буквально пронизана музыкой. Собственно, первое же письмо-ответ Метнера Ильину есть, пусть и шуточное (по определению одного из первых слушателей его в новейшее время, оно «продолжает традиции всяких хулиганских сочинений Моцарта, Бетховена и Мусоргского, а дальше [будет] продолжено Шостаковичем... в разных песнях»), но вполне цельное музыкальное сочинение: по определению того же слушателя, «...такое очень интеллигентное и аккуратно и тонко сделанное хулиганство, безо всякой молодой бесшабашности и т. п. – в отличие от других перечисленных».

Заметим, что это впервые публикуемое (если не считать воспроизведения оригинала на вкладке с фотографиями в 32-м томе наст. Собрания сочинений) и до 2021 года, когда появился из печати указанный том, не известное сочинение Н. К. Метнера – его «Цыдуля», opusculum 1, так, похоже, и оставшийся единственным и впоследствии, как видно и из переписки, забытый самим автором. Но не Ильиным, к которому оно, это «сочиненьице», и было обращено (и потому оно вполне может быть названо также и «Письмом Ильину»).

Однако «Цыдуля» – пусть и очень яркий, но всего лишь эпизод, лишь дважды возникающий на протяжении всей переписки. А она, повторимся, вся почти и в очень многом посвящена музыке, пронизана ею – её рождением, её исполнением и слушанием, постижением её смысла и величия (или же, впрочем, часто и ничтожества). Невозможная задача понять в этом *всё* и *до конца*, ибо музыка есть искусство, выражающее иначе не выразимое и говорящее о том, о чём иначе сказать никак нельзя...

И здесь сразу сто́ит определить как Ильина, так и Метнера в их отношении к своей эпохе, объясняющем, быть может со всей ясностью, чуждость их обоих как модернизму (отрицаемому обоими), так и Серебряному веку, которому оба они как будто должны были принадлежать и которого несомненно коснулись так или иначе (той или иной стороной своего творчества), но который так и не смог принять их в себя, а ими, в свою очередь, – быть принятым.

«Современные художники, – пишет Метнер Ильину весной 1939 г.; пишет как тому именно, кто заведомо глубоко и полностью разделяет и разделит эту его мысль и не раз сам её ощущал и высказывал, – забыли, что наши таланты – вовсе не наши, а что они нам только вверены, получены для иных, более важных, объективных целей... Никто не ищет этих целей... Мы забыли единственное и *вечное* назначение таланта, а именно – искать, вслушиваться, всматриваться в *темы вечности*... Темы эти существуют, пребывают помимо нас и наше дело заключается *лишь в том*, чтобы выявлять их, освобождать от тумана, пыли и мрака нашей повседневности...»[8].

В этих словах – суть, квинтэссенция отношения как Метнера, так и Ильина, и к своему творчеству в том числе. И как же далеко оно от «самовыражения» многих современных им художников, их экспериментов и, будем честны, выдумок. Выверенность, выношенность идей (в том числе, и музыкальных), тщательная сверка их с ощущаемым внутри мерилом правды (правды Божией, конечно) – то, что отделяет и Ильина, и Метнера как от зародившегося ещё в годы их юности модернизма, так и от Серебряного века в целом. И потому не удивительно, что Метнера вписать в ряд, например, Прокофьев – Стравинский – и даже (поздний) Скрябин так же сложно, как присоединить Ильина к кругу русской

[8] См. письмо № 434 (от II–III.1939).

религиозной философии (Соловьёв – Флоренский – Булгаков – Бердяев – и даже, например, Франк, хотя, казалось бы, с последним Ильин и работал вместе, и подчас развивал одни и те же темы). Это чувствовали и упомянутые (и неупомянутые) музыканты и мыслители, и сами дистанцировались как от Ильина, так и от Метнера, усугубляя тем, как следствие, их одиночество (ещё одна сторона *одиночества художника*). При этом, с другой стороны, как Ильин был уже далёк (но в совершенно ином смысле) от, например, Сергея или Евгения Трубецких и даже своего руководителя П. И. Новгородцева, так же и Метнер не может быть сравниваем со своим (пусть и несколько формальным) учителем С. И. Танеевым, и тем более, например, с А. К. Глазуновым и вообще со школой Н. А. Римского-Корсакова, восходящей к известному Балакиревскому кружку (и более позднему Беляевскому). И Ильин, и Метнер видятся самостоятельными вершинами, сумевшими, впрочем, взять как ученики всё лучшее у перечисленных своих учителей, но не только не растворившимися или потерявшимися в их сиянии, но ставшими столь же (если иногда не более) яркими источниками полностью своего света. Потому, быть может, что этот как будто бы *свой* свет они ощущали не столько как свой, сколько как тот именно, что им лишь вверен. Тот, который они должны лишь очистить, освободить от «тени повседневности». Высвободив эти «забытые мотивы», припомнить их и передать в своих трудах. Их трагедия, что они не смогли (несмотря на нескольких по-своему очень ярких учеников у каждого) создать полноценных собственных школ. Именно трагедия, но всё же не вина...

Не удивительно потому, и что *философия искусства* Ильина («Основы художества. О совершенном в искусстве», 1937), и *философия музыки* Метнера («Муза и Мода», 1935) оказываются весьма схожими в своих основаниях, предпосылках и установках, которыми существенно отличаются от философии искусства Серебряного века.

* * *

После сказанного может показаться несколько удивительным (но лишь на первый взгляд), что столь же, как и музыка, пронизывающей всю переписку является тема Родины – России, утраченной обоими и обоими же, как они надеются, не навсегда, а лишь на время. Метнер с года отъезда за границу (1921) смог однажды посетить Россию (в 1927 году) и очень надеялся на второе посещение. Поняв, что оно невозможно и что путь на Родину ему закрыт, он впал в ещё бóльшую печаль по утраченному отечеству, однако лишь к концу переписки в ней всё отчётливее проявляется гонимое прежде обоими друзьями, хотя и давно осознанное ими: при их жизни увидеть свободную от большевизма-коммунизма Россию им не удастся. Но, несмотря на то, и Ильины, и Метнеры живут только для России, работают (пишут) только для неё, скорбят о её горестях и трагедиях, думают о её будущем возрождении – верят в него и молятся о нём Всевышнему:

«Если бы Коля знал, какие у меня бывают периоды тоски о России...»[9].

«...от статьи этой ["О России"] все же как-то защемило на́ сердце – жутко, что Россия нуждается в защите и что лучшие ее люди должны тратить лучшие свои силы на то, чтобы быть адвокатами своей родины...»[10].

«У меня вся душа искровавилась от боли за Россию»[11].

«Сегодня сочельник. У нас сооружена маленькая елочка. Стои́т в столовой под иконой Божией Матери. Вся в серебре. А на душе печаль и скорбь о России»[12].

[9] См. письмо И. А. Ильина А. М. Метнер от 16.IX.1925 (№ 101).

[10] См. письмо № 114 (приписка Н. К. Метнера от 5.VIII.1926).

[11] См. письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от IV.1932 (№ 218).

[12] См. письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 6.I.1937 (№ 345).

«...болею за Россию и люблю ее...»[13].

«Знаешь, что? Играй в концерте <...> *самой России*, ее *реальнейшей идее*. <...>

А где-нибудь, в заднем ряду, будут и наши незримые тени...

Играй, мой друг: поздравляем тебя с этим *праздником русского духа, русского искусства, русского самоутверждения и самораскрытия*. Да ликуют с тобою сонмы душ, творивших нашу Россию! А остальное приложится»[14].

«Знаете, он сегодня ночью проснулся от ужаса, испытанного от сна, в котором оказалось, что большевики пришли и все взяли и что концерт тоже уже принадлежит им и другой публики, кроме них, не будет. Им играть...

Коля был в ужасе и тоске. Вся соната-то эта есть возрождение России и очищение от грязи и вдруг они»[15].

«И Россия воскреснет и русская Политейя Ильина станет реальностью. Мы верим в это»[16].

О победе в Великой Отечественной войне: «Случилось великое: гениальный народ, увидев злую историческую опасность, разбудил свой запуганный и заснувший инстинкт самосохранения, встал на ноги, как будто бы и не был четверть века в рабстве у "местечковых" доктринеров – и превратил своего внутреннего врага в орудие своей обороны; а его пустую и мертвую схему индустриализации налил живой кровью труда; и лег костьми»[17].

И, наконец, проникновенное credo-завещание Ильина:

«Сколько раз я спрашивал себя, что же делать? И всегда приходил к единому и единственному ответу: "петь мои лучшие песни Богу – для России"; и на каждой книге мысленно

[13] См. письмо Н. К. Метнера И. А. Ильину от 6.X.1938 (№ 378а).

[14] См. письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 7.II.1939 (№ 415).

[15] См. письмо А. М. Метнер И. А. Ильину от 9.II.1939 (№ 416).

[16] См. письмо А. М. Метнер И. А. Ильину от 4–7.III.1939 (№ 426).

[17] См. письмо И. А. Ильина Метнерам от XII.1945 (№ 503).

писать "посвящаю Богу, завещаю России". Ведь если Он меня пустил в мир, то *знал*, для чего; и знал, *как* я Его любил всю жизнь и как я все отдавал за Его правду. А в таком случае, знает Он и то, как распорядиться после моей смерти со всем тем, что я "насочинял". И точка. А потому: пока есть сила, буду *писать*; исчезнет сила, буду *про себя* петь и молиться. И если кто имеет Такого Душеприкащика, тот может спокойно "уходить". Ведь сколько раз мне люди говорили: пишите скорее!.. Вздор! Ягода должна созреть на гряде. Он дал мне *темы*; Он даст и *время*. А если мои писания *Ему* не нужны, то мне они и подавно не надобны. А теперь, когда я спокойнее смотрю на "материализм" жизни, я могу только *подтвердить свою жизненную линию*. Мы родимся не для успеха среди людей; а для успеха в *Божией Ткани мира*. Успех среди людей, купленный человекоугодничеством и кривизной – есть *неуспех в Божией Ткани*, есть предательство Ее, есть низость. И его *мне* (по крайней мере!) – не надо. А потому – пойду и дальше так, в уверенности, что все нужное *придет своевременно*, – может быть *посмертно*. Ну, тогда я оттуда порадуюсь. Ибо в этом грядущем "оттуда" или "там" я нисколечко не сомневаюсь»[18].

* * *

Ильин и Метнер не были отрешёнными «творческими натурами», для которых политические события в странах, где они пребывали – России, Германии, Франции, Англии, Швейцарии, – не имели совсем никакого значения и не вызывали никакой реакции или оценки. Их переписка отражает историчность событий, происходивших в Европе и в России в 20-е – 50-е годы, оценка которых естественным образом то обнаруживала некоторые надежды, то резко менялась от как будто бы положительной до решительного отвержения.

[18] См. то же письмо И. А. Ильина Н. К. и А. М. Метнерам.

Однако здесь важны не столько даже оценки и мнения (яркую динамику, например, нарастания неприятия и Ильиным, и Метнерами «Хитлера» и нацизма читатель сможет проследить по публикуемым письмам: от непонимания Гитлера, сопряжённого с некоторыми, совершенно ложными по собственным позднейшим признаниям, надеждами на него, до полного отрицания, чуть ярче выраженных у более импульсивных Метнеров, но вполне таких же у более спокойного Ильина) – в переписке отражены, пусть и отголосками, но отголосками, так сказать, показаний свидетелей эпохи, и давно забытые (затенённые штампами последующих публицистов и сухо-краткими учебниками) события, которыми, впрочем, жил тогда мир... Здесь и быт далёкой от фронта России в Первую мировую (тогда – Вторую Отечественную) войну, и быт её же в годы революции, и забытое коммунистическое восстание в Германии 1923 г., и вообще политическая жизнь Германии, в том числе тот же приход национал-социалистов к власти, и Франция с Англией, и даже немного Америки с Канадой (посещённых Метнерами и ярко описанных ими Ильиным). Здесь же – некоторые подробности быта нейтральной Швейцарии, тут и там очерченные, хотя бы и штрихами, Ильиным; да и многое другое, по крупицам складываемое из его, одно время многочисленных, поездок по Европе...

И из всего этого рисуется картина, как подтверждающая «само собою разумеющееся», так и дающая много нового и неожиданного к, казалось бы, давно и хорошо известному.

* * *

Не могла обойти переписку, конечно, и тема веры и религиозности, тема, если так можно сказать, отношений Ильиных и Метнеров с Богом. Выше уже приведено своего рода завещание Ильина, в котором он очень откровенно и недвусмысленно излагает эти свои отношения, но следует отметить, что и изначально (пусть это и не так заметно по первым письмам

переписки тогда ещё *москвичей*, которые ею лишь дополняли полноценное личное общение, прерываемое, быть может, лишь поездками кого-то из них – и тогда-то и порождавшими порцию писем) все участники переписки были религиозно настроенными и, несмотря на различие исповеданий, самым явным образом смотрели сходно на многие вопросы веры. Тем менее удивительным явился переход Николая Карловича в 1935 году в православие, что для него было очень далёким от какого-либо формализма, став действительным и осознанным принятием истинной веры. С этого момента в его письмах появляются выписки из духовных книг, никогда не многочисленные, всегда уместные и всегда же ненавязчивые (ему каким-то образом удалось избежать подчас невыносимой нарочитой «правильности» и неделикатности неофита). Быть может, в этом всём сыграла определённую роль именно деликатность Ильина, очень желавшего, чтобы его самый близкий друг был с ним одной веры, но никогда не насиловавшего его свободы, по-видимому – ни одним даже намёком (хотя вопрос о переходе Метнера в православие, несомненно и очевидно, некогда, и быть может не раз, уже обсуждался друзьями): «Огромной радостью было для нас, – писал Ильин Метнеру, – сообщение о твоем переходе в православную веру. За последние три года я столько раз собирался написать тебе об этом! Напомнить, упросить, представить верность, естественость, духовную необходимость этого... И все "стеснялся" начать. Казалось, как старая нянька говорила, "недалекатно". И вдруг оно состоялось. Это было мне *большой духовной радостью*»[19].

Вера обеих семей была вполне церковной, что видно и из сообщений о посещении праздничных служб и приобщении, хотя за пределами (одновременно пространственными и временными) Российской империи это не всегда бывало легко, и с годами она лишь росла. Но очень велика она была уже

[19] См. письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 30.XI.1935 (№ 327).

в тревожном для Ильиных 1938 г. (год их бегства из Германии в Швейцарию): «...если нам не придется больше свидеться, то помните, что я всегда буду благодарить Бога за то, что Он мне Вас послал, и за все, что я получил от общения с Вами! И да будет над всеми нами Его святая воля»[20]. И: «Я убежден, что люди, изверившись в политических теориях, в схемах, в могуществе убийственных изобретений, стали больше молиться... Убежден, что за это время молились во всех уголках земли... И вот, если мы, оставив наши прежние, жалкие политические схемы и мероприятия (породившие большевиков и Версальский договор и далее фашистских диктаторов), будем *продолжать* молиться, то Господь и дальше не оставит нас *без чуда*, т. е. того, чем *располагает* один Бог и чего мы даже и не можем и не смеем *предположить*...»[21].

Или в уже дважды цитированном нами утешительном письме Ильина Метнерам 1945 года:

«Милые мои! Есть на свете великая вещь. Она называется так: "опыт услышанной молитвы". Его надо самому испытать и пережить – и он открывает невероятно большие горизонты и пространства. Он открывает человеку: его неодиночество, его *любимость*, его небеззащитность, его тамошнюю светозарную родину, для которой *здешняя*, земная родина есть только подготовительное и слабое предчувствие. Этот опыт – волна света, утешения и успокоения. И еще многое другое, несказуемое, о чем человеку трудно и говорить...»[22].

И в 1950-м, в связи с болезнями:

«...вечером молишься: помоги! Но надо жить дальше и ждать мановения Божией руки – надо и нам, и Вам. У Него есть и милость, и благость»[23].

---

[20] См. письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 11.VIII.1938 (№ 369).

[21] См. письмо Н. К. Метнера И. А. Ильину от 6.X.1938 (№ 378а).

[22] См. письмо И. А. Ильина Метнерам от XII.1945 (№ 503).

[23] См. письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от IV.1949 (№ 696).

* * *

На жалобы Метнера своему другу, что его книга не замечается, Ильин, вполне пророчески, пишет: «Эмиграция книг не покупает. А трудных, философических книг не читает. Чуть потруднее – и в кусты. Рецензенты и музыкальные критики – сам знаешь, какие у нас... Поэтому каждый из нас, когда пишет нечто *не* беллетристическое, должен готовиться к *отсутствию отклика от современников*; должен апеллировать к духовной встрече потом; должен смотреть на свою книгу, как на наследие или завещание. Что делать? Это тягостно, но это так». И чуть ниже: «Поэтому, умоляю тебя, не огорчайся на отсутствие отклика, не принимай его к сердцу и не делай из него *никаких* выводов! Это *докладная записка Господу Богу*, а Он уже знает, когда и какого сочувствователя и ученика послать тебе»[24].

* * *

Символично, что «папка» с письмами Анны Михайловны 1954 года (то есть – что как будто бы и вся переписка) заканчивается письмом, написанным ею в Рождественскую ночь, в день рождения своего ушедшего супруга: она сидит перед портретом Николая Карловича, перед иконами, свечами и лампадкой, поздравляет Ильиных с Рождеством Христовым, собираясь, если сможет, привезти им метнеровский Квинтет и благодаря их за чудесные слова о её Коле. Это краткое письмо на самом деле написано 6 января 1954 года (то есть почти за год до кончины Ильина), но в нём проставлены лишь число и месяц, и притом по старому стилю, что заставило ошибиться кого-то из хранителей архива И. А. Ильина (то ли даже Наталию Николаевну, то ли Николая Петровича Полторацкого, то ли кого-то ещё) и поместить это короткое, написанное на

[24] См. письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 9.VII.1935 (№ 320).

оборотах двух открыток с изображениями иконы Божией Матери и Спасской башни Московского Кремля, письмо в самый конец переписки. И, действительно, оно похоже на краткий реквием, полный любви и благодарности и пронизанный всей драматичностью жизни друзей:

«24/XII

Мои дорогие!
С Рождеством Христовым!

Опаздываю в сроке, но никогда не опаздываю думать о Вас во все важные минуты жизни...

Сижу сейчас перед Колиным портретом; возле него горят свечи, а перед образами лампада.

Сейчас (за то время как я искала эти две карточки) пришло Ваше письмо – дорогой подарок мне ко дню Колиного рождения. Спасибо, мой дорогой друг, за чу̀дные слова о нем, о том, *что* он пел.

Если смогу еще приехать к Вам, то привезу Квинтет. Жажду, чтобы Вы его услыхали.

Пошли Вам Господь здоровья – это моя молитва.

Ваш друг Анюта».

Ю. Т. Лисица, доктор физ.-мат. наук
А. Ю. Лисица, преподаватель

1915

1

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> *<26.III.1915>*[1]

Барону Пузенкампфу.

Кондолеанс[2].

Н. К. Метнеру.

Милый барон!
Весь наш салон[3],
Скорбью одет,
Шлет Вам привет.
Тяжкий недуг
Нощию вдруг,
Бледен и хил,
Вас посетил.
Сделал Вам Крамф,
Длительный Камф[4],
Боль, тесноту
И – пустоту.
Главное: звук,
Нежный Ваш друг,
В тягостном «ох!»
Сразу издох.
Жалкий обман:

Мелкий орган
Нам в телефон
Вертит барон.

———

Пусть же свой миф
Горестный Пиф*
Снова найдет
И запоет.
Минет два дня –
И на коня,
Горд, как Бирон**,
Сядет барон.
С двери засов
В восемь часов
(Помните час!)
Снимем для Вас.
Будут Вас ждать –
Грелка, кровать,
Хлопоты дам...
Киндербальзам,
Легкий супэ
И канапэ[5]...

PS. Кланялась Матрешка[6] кума...

1915. 26 марта.
Москва.

* Сие есть мужская Пифия [Прим. И. А. Ильина.]

** (вариант: Нерон) [Прим. И. А. Ильина на правом поле страницы со стихотворением, напротив слова «Бирон».]

2

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<26.III.1915>***[7]

26-го Марта 1915

Г-ну Проферту[8]
фонъ деръ Остерцунге*

Остерцунге[9], милый другъ,
Шлю я Вамъ цыдулю,
Коей лишь хочу дать знакъ,
Что здоровъ мой эстомакъ**[10],
Что и стулъ и столъ в порядкѣ,
Так что ѣмъ я безъ оглядки
И субботній свой досугъ
Я ужъ не зажулю.

Фонъ Пузенкампфъ
въ отставкѣ

2а

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<27.III.1915>***

Посвящается Гр. Пр. и его единомышленникамъ.

«Цыдуля»

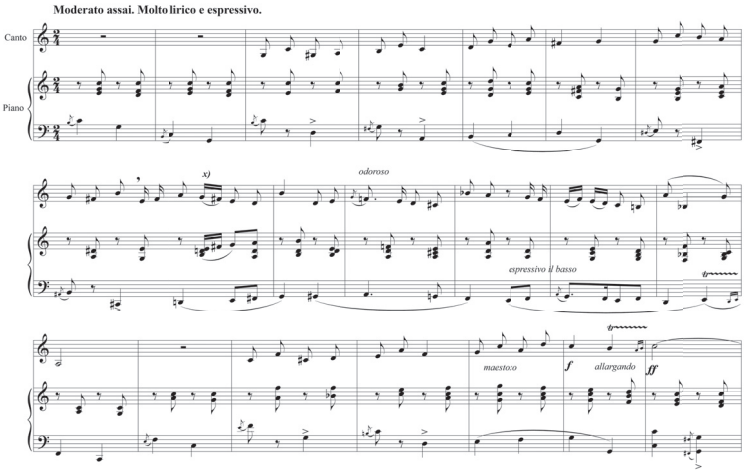
(текстъ*** которой прошу подписать подъ вокальной партіей)
Н. МѢтьнѢръ[11]
(онъ же Пузенкампфъ)
O***pus***culum 1[12].

---

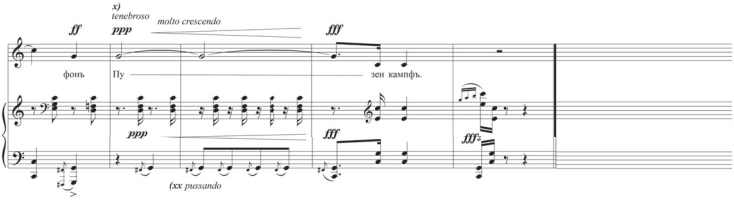
* от Остёръ (на языкъ), а не ostern (впрочемъ, можно и такъ) [Прим. Н. К. Метнера.]

** вольное произношеніе. [Прим. Н. К. Метнера.]

*** текстъ отправленъ вчера почтой [Прим. Н. К. Метнера.]



x) Ноты голосовой партіи, объединенныя лигой, поются на *одинъ* слогъ.



x) Главный моментъ всей пьесы.
(xx выражая пузій и всякій другой крёхтъ[13].

3

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> <между 27 и 31.III.1915>[14]

месяца марсія года от рождества Христова
тысяча девятьсотъ пятьнадесять

Милостивому Государю,
Николаю, Карлину сыну, Мѣтнѣру,
консерватеру[15] и лавреату, многихъ

забавныхъ музикъ[16] составителю, ордѣновъ кавалеру[17] и сиротъ прокормителю и на многихъ кимвалахъ мастеру!

Милостивый Государь!

Понеже како убо свѣдано есть, что чѣмъ человѣкъ больше вдается въ пороки, тѣмъ [больше] старается притворничать и слабою, распускною выступкою словесною отъ многихъ вопрошаній со свирѣпымъ ликомъ себя откланиваетъ! То незамедлительно изъемлется и паки вопрошаніями ко стѣнѣ Іерихонстѣй задоприпирается. А [по]чему, въ томъ послѣдствуютъ пунктиры –

Пунктиръ первый.

Поелику оная извѣстная купецкая вдовѝца, Моргоритою дразнимая, ко злоутробному чревонабитію кличуще, да во еже вамъ, осударь мой, и со вашею богоданною сродственницею и мамушкою Анною, встрѣтитися во семъ пиршистви со слугою вашимъ и его письмописьцевою супружницею; то въ семъ отвѣтъ дать – о согласіи, ино [–] резервъ и отклоненіе, ежели подло.

Пунктиръ второй.

Поелику оный охотный слухарь на оризонтѣ Вашего бытія выпухъ, Евгеніемъ сыномъ Трубецкимъ имянуемый[,] и день грядетъ, въ коій будете, осударь мой, громкій дебошъ затѣвать – руками плесканіе, ногами топтаніе, волосъ воздыманіе, пузій крёхтъ, – то въ семъ зрѣлищи, уху благоуханномъ, – желая прибыть; то въ семъ вѣсть дать, неминуя, прибытія ради, похоти вящщей, ежели не подло.

Пунктиръ третій.

Поелику окромѣ того князька акустика состаиваться имѣтъ, то безъ обману, какъ надлежитъ, уговорено, что бы кимвалъ продавливать въ соприсутствіи.

А у той грамотѣ писалъ и руку приложилъ худородный учъ и наукамъ профертъ со супружницей, дѣтишки и животишки

Ванька Лексашкинъ сынъ Ильинъ.

4

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<20.V.1915>***[18]

<Надписи рукой И. А. Ильина на конверте:>

Николаю Карловичу
Метнеру
Саввинский пер. д. 12 кв. 6.

Заказное *Здесь*

Отпр.: И. А. Ильин. Крестовоздв. пер. д. 2 кв. 36.

1915 г. 20 мая

Дорогой друг!

Напишите нам скорее, дачники Вы или все еще неудачники? Очень это нас беспокоит. И если дачники, то где? И если нет, то есть ли перспективы? Нельзя же Москву населять по сие время! Ведь этак в отчаяние придешь! А мы тихонько поживаем.

Через два дня по приезде кто-то большой «тытыбыкнул»[19] мне в душу и *все* в ней провалилось... Пустота и могильное молчание. Злак не растет и даже аспид с василиском не ползают[20]. Голову я обрил (факт) и хожу каторжником. Достал в Туле пианино, среднее.

Ждем вестей!

Оба шлем привет Вам и Анне Михайловне.

Ваш ИвИльин

<P. S.>

Уехала ли из Москвы Луиза Федоровна[21]?

Как только оправлюсь, напишу предметно.

5

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<28.V.1915>***[22]

Анне Михайловне Метнер
Девичье поле
Саввинский пер. д. 12 кв. 6

Москва

Дорогая Анна Михайловна! Если Вы не пришлете о себе весть, то я о Вас что-нибудь подумаю. Так и знайте. Напишите все, что можно; что же касается того, чего нельзя писать, – то тоже напишите. Беспокоимся[23]!

Ваш И. И

Ст. Лазарево
Тульской губ.
28 мая. 1915.

6

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<30.V.1915>***[24]

30-го Мая 1915 г.

Дорогой Иван Александрович!

Простите за карандаш (это у нас фамильная фамильярность) – и, кроме того, за *поздний* карандаш[25]. Это уж моя индивидуальная.

Мы сейчас в Москве, а что сейчас в Москве творится Вам конечно уже известно[26]. Еще до того, что затворилось в Москве, меня совершенно доконало мое личное творчество, т. е. все время, как мы с Вами расстались, я затворялся со своей музой часов по 8-ми в день и работал с таким напряжением, что настоящие события застигли мои нервы в состоянии тотальной вибрации. Теперь они гудят как телеграфный столб. Не сплю четвертую ночь.

Кроме всего этого Анюта[27] крепко зачихала. Из всего этого Вы видите, что нам сейчас не до дач. Очень нам Вас недоставало и недостает, но... хорошо, что Вы всего этого не видите. Все как-то расплескалось и закружилось вокруг себя и каждое перестало понимать другое и главное, но Бог даст, а это и есть главное, что все опять закружится вокруг главного. Но откуда этот толчок? Это никому не понятно[28].

———

Мы с Ан. Мих. шлем Вам с Нат. Ник. самые наисердечнейшие приветы. Если будете когда в Москве, Бог даст увидимся.

Всего хорошего!

———

Л.<уиза> Ф.<едоровна> уехала.

Ваш недодачник Н. М.

———

<P. S.> известия от Мили[29] спокойны, нормальны.

7

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<13.VI.1915>***[30]

Калужская губ. Почт. ст. Оболенское[31]

Имение М. К. Морозовой.

Дорогой Иван Александрович!

Я не могу Вам выразить, до какой степени мне было важно получить Ваше письмо! Но только право же мне нечего и некому прощать! Во-первых – если это был эксцесс, то тут не может быть и речи о прощении или непрощении, если же нет (т. е. было препарировано), то виноваты не «мы», а *они*. Во-вторых *я сам* себя никогда не выключал из этого «мы» и выключенным оказался совершенно неожиданно для самого

себя и в эти дни чувствовал себя весьма одиноким. Спасибо же Вам за Ваше письмо[32]!

Если бы Вы знали, до чего я устал! Я уже было снял дачу (весьма подходящую) в Востряковке Брянск. ж. д.[33], но благодаря всем этим событиям[34] должен был отказаться от нее. Третьего дня хоронили Танеева[35]. Это тоже страшно задержало меня. И вот в полном отчаянии от незнания, куда себя девать, мы решили воспользоваться приглашением М. К. и теперь со вчерашнего вечера находимся здесь. Я почувствовал большое облегчение от того, что мне хоть временно не нужно ни о чем думать, ничего решать. Здесь невероятно тихо и полное отсутствие каких бы то ни было разговоров или слухов о событиях. Пробудем здесь *не более* 2-х недель, а потом хотели в Финляндию, да опять-таки некоторые и от этого отговаривают. Что Вы об этом думаете? Во всяком случае через 2 недели будем временно в Москве. Как хорошо было бы нам повидаться? Если Вы случайно в это время не[36] будете в Москве, то мы хотели бы *непременно* побывать у Вас. Возможно ли это?

Я в настоящий момент чувствую себя полным идиотом. Тишина, воздух и природа подействовали одуряюще. Единственная мысль, которая посетила мою бедную голову, это та, что я должно быть очень низменное, чувственное создание, ибо *всецело завишу* от того, что́ нюхаю, что́ слышу, что́ вижу и т. д. Коли воняет, то и душа моя начинает вонять; коли благоухает, то и в душе благоухает... Раньше я был в этом отношении куда независимее. Вообще, дорогой мой Иван Александрович, Вы не представляете себе, как Вы меня мало знаете, какая скверная муть подымается иногда со дна моей души!.. Впрочем сейчас я даже не желаю об этом думать, т. к. кругом меня неистово благоухает!!

Очень рад, что Вы «двигаете Гегеля»[37]. Наталье[38] Ник. страшно, зверски завидую, что она растит цветы! Что касается недовольства Вашего инструментом, то это просто черная

неблагодарность! Подумайте – ведь в Москве не осталось ни одного музыкального инструмента[39]!

Пока всего-всего хорошего! Еще раз большущее спасибо за письмо!

Крепко жму Вашу руку и кланяюсь Наталье Николаевне.

От Анюты Вам обоим привет!

Ваш Н. Метнер.

<Приписка рукой А. М. Метнер (к ней прочерчена линия со стрелкой на конце, от слов «От Анюты Вам обоим привет!»):>

и новый Милин адрес: Zürich VII Gladbachstrasse 65 III.

8

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<18.VI.1915>***[40]

1915. июня 18.

Дорогой Николай Карлович!

Приезжайте прежде всего к нам, а здесь мы обсудим дальнейшее. От Москвы наша станция четвертая *за* Тулу. Вы в Калужской губернии и, казалось бы, Вам правильнее всего ехать к нам или от Сухиничей до Горбачева и повернуть по Курской дороге три-четыре станции на север; или от Калуги на Тулу и повернуть по Курской дороге на юг, четыре станции (ибо Лазарево между Тулой и Горбачевым). Однако сначала узнайте поезда, ибо на пересадках бывает (особенно теперь[41]) такая скандальная и утомительная трата времени, что может быть выгоднее пропереть прямым на Москву и из Москвы удобным поездом к нам. От Москвы до нас часов шесть езды. Удобнее всего ехать с поездом, отходящим из Москвы с Курского вокзала в 10.50 утра (по-Петроградски), т. е. 11.20 утра (по-Московски)[42]. Он пассажирский, спокойный, имеет только 2 и 3 класс. За сутки телеграфируйте, вставив слово «на-

рочным». Так: «Лазарево Тульской Выропаевкука[43] Ильину нарочным. Приедем шесть вечера пассажирским. Метнер».

Удручает несколько наша скаредная обстановка.

Итак, приезжайте.

Ваш И. И.

Все-таки кланяйтесь уж от нас М. К. Морозовой...

9

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину>
<около (и не позднее) 9.VII.1915>[44]

Дорогой Иван Александрович, надругатель Вы эдакий, дразнила-мученик, злостный Вы человек!!

Ваши ядовитые злыдни, хотя и обидели-таки меня порядочно, но все же цели не достигли:

Во *1-х*, если Вам хотелось обидеть меня настолько, чтобы отделаться от меня навсегда, то знайте – Вам это никогда не удастся. Я в своих привязанностях отменно крепок и постоянен.

Во *2-х*: приехать к Вам мы все-таки не можем, т. к. билеты в Крым уже взяты на 12-е число, «места» еще совсем не собраны, с родителями[45] еще не видались, ввиду чего обещали побывать у них послезавтра – словом, нам едва хватит на сборы оставшихся до 12-го числа дней.

Ответ на соображения «личного» характера:

1) К М.[46] *было можно*, а к Вам *сейчас* нельзя. Вольно ж Вам было не приглашать нас, когда нам *было можно*... Тогда Вам хотелось быть одним и позабыть о нашем приевшемся Вам за целый сезон существовании!! Гмм! Эгоисты!!

2) Мы хоть и сами люди бедные, да еще победнее Вас будем, т. к. и дачи-то у нас нет и денег-то у нас нет и фамилия-то у нас несвоевременная[47], да только мы тоже плюем на богатство.

3) Что касается комфорта, чистого белья и еды, то я и не думал сомневаться относительно всего этого у Вас, ибо давно заметил Вашу избалованность в этом отношении.

4) Несмотря даже на то, что «говорит Наталья Николаевна», у меня страха ехать одному к Вам не было никакого. Желанье же осталось большое, что бы она ни говорила...

5) Кофейник[48] все-таки выслан-таки Вам-таки...

6) Насчет «маргошина духа»[49] Анна Мих. Вам сама напишет и, надеюсь, сумеет постоять за себя...

Теперь вот что: мы через месяц будем возвращаться из Крыма и хотим во что бы то ни стало заехать в Лазарево. Напишите если Вам это не подходит. Впрочем, мы *все равно приедем*!!

А пока до свидания!

А я все-таки жму Вашу руку и все-таки очень кланяюсь Наталье Николаевне.

Н. Метнерюкъ.

10

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<20.VII.1915>***[50]

<Письмо написано на (английской) открытке, лицевая сторона которой содержит изображение лежащей на больших подушках головы то ли смеющегося или храплющего, то ли весело поющего человека, из уст которого как бы исходят нотные знаки. Ниже картинки тип. подпись: «Laugh and the world laughs with you \\ snore – and you sleep alone! [(*англ.*) – Смейся, и мир смеется вместе с тобой. Храпи – и ты спишь один!]», – под которой рукой Метнера:>

Не знаю, что здесь написано!

<Над изображением его же рукой:>

Сие есть символ избавления Анны Мих. от сенного насморка[51].

20-го Июля.

Дорогие Ильины!

Поздравляю Вас[52]!

Мне очень жаль, что мы не сможем к Вам приехать, т. к. если буду так много разъезжать, то не смѣтнерюкаю ни единой мѣтнеряшки и (не говоря уже о том ущербе, который потерпит от этого весь мир) я должен буду по бедности из ночной моей рубашки сделать не только полотенце, но и носовой платок...

Я очень огорчен, что Нат. Ник. не дала мне обещанного списка книг! Как Вы поживаете? Как работаете? Каковы Ваши цветы, фотография, стулья и лестницы? Когда будете в Москве?

Пишите!

Ваш Н. М.

11

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<24.VII.1915>***[53]

1915. июля 24.

Дорогой Николай Карлович!

Я все готов понять, принять и простить. Запасы моей доброты неисчерпаемы и злостность моя есть м*и*ѳъ[54], созданный Вами (поистине *худшая* из написанных Вами «сказок»[55]). Одного только было и для меня zu viel[56]; одного и я не мог вынести, и до сих пор волны моей вопрошающей души разбиваются о скалу сомнений: неужели же Вы серьезно и глубоко убеждены в том, что мы здесь выписываем и аккуратно получаем газету «Крымские сплетни» (см. прилагаемый № от 16 июля, который мне удалось-таки достать с невероятным трудом). Я конечно не сомневался (вместе с Вами), что

приезд такого выдающего[57] музыкального звездила в Крым будет немедленно анонсирован (если не денонсирован) в этой и других южных газетах[58]. Но ведь непонятным остается, откуда у Вас такая непоколебимая уверенность, что мы ее выпишем немедленно после Вашего отъезда из Москвы?

Конечно, можно было бы допустить и другое объяснение того, почему вы не сообщили нам своего крымского адреса: именно, Вы может быть хотите *изолироваться от нас*. Вы может быть хотите «быть одни и позабыть о нашем приевшемся Вам за целый»[59] летний сезон «переписки»[60] существовании зейнъ хабенъ верденъ лобенъ и реденъ[61].

Ну и что же Вы на это скажете? Какая гипотѐза вернее? Умирите же волны моей разбушевавшейся от сомнений души.

Гимн кофейнику.

Кто придумал, благодатный,
О, кофейник, о, тебя!
Фимиазму, нас любя,
Если хочешь, ароматный,
Испускаешь из себя!
Нам, творящим подвиг велий
И уставшим от труда
Крёхт твой пузий будь всегда
Твердый знак больших веселий!

Пришлите же скорей свой адрес, милый кофейник! А до тех пор – пунктум[62].

Ваш Кофепитель.

Само собой разумеется, что мы ждем Вас на обратном пути. Анне Михайловне – «огромное б***р***агодарствуйте» (см. С. Рахманинов. «Mercі». без опуса[63]) за присылку кофейника[64].

12

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<7.VIII.1915>***[65]

7 января 1916 г.*
Мисхор («близ Алупки»?) имение кн. Долгорукой[66]

Дорогой и очень милый Иван Александрович!

Мне густо стыдно, что я послал Вам свое предыдущее письмо. Стыдно стало, как только опустил его в ящик, но еще тытыбычнее[67] стыдно стало, когда на следующий день я получил Ваше. Правда, Вы ничем не угрожаемы в настоящее время[68] и следовательно Ваше благодушное настроение столь же естественно, как и мое паскудное, но разница между нами та, что Вы, находясь в паскудном настроении, не садитесь писать письма к своим друзьям, я же это сделал, в чем и винюсь слезно. Впрочем, я этого бы не сделал и вообще был бы ниже воды, тише травы, если бы дело касалось только меня, моего яичка, а не того, что мне дороже всего и чем я пренебречь не имею права, хотя бы этим пренебрегал весь мир. Но... винюсь!..[69]

Ваши письма привели нас в неистовую веселость, которой мы даже не воздержались поделиться с Гольденвейзерами[70]. Особенно хорошо Ваше Ильинское картографическое произведение. Изображенные на нем «Я», «Н. Н.», «цветы» и «грибы» являют собою картину полного единения человека с природой, ибо представляются почти неразличимыми. Впрочем «Н. Н.» имеет отдаленное сходство и с якорем...[71]

Если бы Вы знали, до чего мне хочется повидаться с Вами! Не знаю только, выйдет ли что-нибудь из нашего заезда к Вам – я пока еще не получил из Москвы ответа на сделанные

* Письмо Ваше помечено «31-м Дек.», а так как Вы професс. Университета, а я только консерватории, то и не смею спорить! [Прим. Н. К. Метнера.]

запросы[72], а от него и зависит – сколько нам еще «крымзиться» и сможем ли мы «осверчкиться» у Вас на пару суток. Впрочем для последнего необходимо еще некоторое знакомство с железнодорожным указателем.

Какую-такую лишнюю штуку понимает моя «понималка»? И почему она, эта штука, лишняя? Знаете, я часто думаю, что вот Вы как раз очень много лишнего понимаете о моей понималке, а она-то у меня и до самого насущного не дохватывает.

———

Хотел писать очень много, а вышло и мало и пусто. Работаю над концертом*[73]. Читаю лекции Трубецкого[74] (дошел до Платона). Купаюсь и греюсь на солнце (дошел до цвета туземных жителей), но вся эта радость отравляется мыслями о том, что творится на свете, и о том, что́ может твориться на свете параллельно с существованием этой радости[75]. Простите мою обывательскую «философию» и до свидания.

Крепко жму Вашу руку.

Приветствую Н. Н.

Ваш Н. М.

PS. Надеюсь, что поклоны Гольденвейзерам и от них Анюта взяла на себя[76].

PPS. Пишите (если только собираетесь) сюда, т. к. Гольденв. остаются здесь[77] до 29-го Авг. и если мы уедем перешлют нам письма.

PPPS. Познакомились здесь с В. О. Массалитиновой[78]. Очень натуральное и симпатичное существо!

PPPPS. Очень мила тоже Мария Павловна Чехова[79], с которой мы тоже познакомились.

* Это секрет. Но надеюсь не секрет по крайней мере от меня, над чем работаете Вы? [Прим. Н. К. Метнера.]

<Оставшаяся треть страницы письма разрисована символами «Р» и «S», постепенно превращающимися в подобие двух птичек (цыплят?), и дальше, в правом нижнем углу, мелким почерком, приписано:>

сие для заполнения пустоты моего письма.

13

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<18.VIII.1915>***[80]

1915. 18 авг.

Дорогой Николай Карлович!

Надеюсь скоро увидеться с Вами в Москве, куда собираюсь на пару дней по личным делам. Охотно посопутствую Вам на воинскую явку[81]. За исход ее я совершенно спокоен. И спокойствие этого совсем не только юридически обосновано. Будьте уверены, что с Вами ничего не случится в жизни, что не вело бы вверх!

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

14

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<4.IX.1915>***[82]

Николаю Карловичу Метнеру[83]

Девичье поле Саввинский пер. д. 12 кв. 6.

Москва
4 сент. 1915.

Дорогой Николай Карлович!

Метод[84] есть или мертвая схема для размножения выдумок, или *духовный путь*. Может быть это самое большое, когда человек имеет *осознанный духовный путь*. И может быть это самое *обязывающее*. Для жизни Духа на земле нет важнее того, как чтобы от *одного* огня загорались *другие*, бесконечно

многие. Это загорание осуществляется ***или*** через *творчество* ***или*** через *преподавание*. И вот тут-то суть дела: преподавать стоит только тогда, если к Сократу пришел Платон. Тогда преподавание равно творчеству и становится *со*-творчеством. Во всех остальных случаях преподавание – компромисс. А это обязывает к жестокости и суровости в выборе учеников. Эта суровость – предметна и предметно обоснована, а потому ее нечего избегать и «жалеть», в ущерб духу.

Простите мне этот трактат, но меня беспокоит, что в консерватории злоупотребляют Вашим снисхождением. А консерватория может остаться *средством* для творчества, а не преподавательским заданием. Напишите пожалуйста вкратце хотя бы, как это складывается. Привет.

Ваш И. И.

15

<Вячеслав Иванов (И. А. Ильин) – Н. К. Метнеру>
<31.X.1915>[85]

Его Высокородию
Николаю Карловичу Метнеру

Саввинский переулок

Здесь

дом № 12 кварт. № 6
У девичьего поля

окт. 31.

Редшайший Николай Карлович!

Во истину по слову Зофрония, дар богов есть соитие гениев на земле и обоюдное совлечение с обнаружением измарагдов, хранящихся в скрыне духовной – ликование. Ушедший в Великое Иное прозорливец звуков кропил чистым зраком своим поэтический полет мой. Осироченный его отлетом, тщетно жду, как невеста, огненной росы, вновь имеющей

опалить мой дух сладостью божественной страсти. Узы сотворчества да скрепят вашу жизнь и мою! Ищу видеть вас, ибо звуки ваши ред~~ш~~чайшие ранят сладко и зовут в тайники божественного соблазна. Ищу прибыть в дом ваш. Минет седмидневие и вернувшись в жилище мое из столицы северной спрошу ответ ваш желанный.

Вячеслав Иванов.

16

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<30.XII.1915>***[86]

Иван Александрович Ильин имеет честь поздравить ~~се~~Вас с высокоторжественным праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом. Искреннейше желает Вам проводить оный и многие будущие в полном здравии и благополучии.

1915/30 дек.

16а

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<31.XII.1915>***[87]

Тронутый Вашим уважаемым и высокоторжественным поздравлением, я беру на себя смелость позволить себе присоединить к нему наше Вам.

1915 г. 31-го Декабря.

P. S. Изображение на сей карточке прошу принять не иначе как символ моего *пес*симистического настроения, т. е. моей *пси*хики.

1916

17

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<9.IV.1916>***[88]

Николаю Карловичу Метнеру
Девичье поле Саввинский пер. д. 12 кв. 6

Москва

Дорогой друг! Поздравляю Вас с нашим прибытием и желаю *нам* всего лучшего, поправляться, поздороветь, пропечься на крымском солнце... Что? Да. А впрочем мы приехали. *Двое* суток в поезде и $10^1/_2$ часов на лошадях. Не правда ли нам хочется спать? Соснем полчасика! В поезде были *свободные* плацкартные места. В верхний пансион Кастрополя[89] мы приехали *первые*. Ну и что из этого? А вот что: завтра напишу еще. А, впрочем, если не хотите, то ~~и~~все-таки напишу. Поезжайте *не откладывая* во все Белкины[90] и т. д. и определяйте свой дачный вопрос. Он беспокоит меня столько же, сколько самые важные вопросы. Мысленно дарю Вам 2 Симеиза и $3^1/_2$ Кореиза и ни одной Аблупки.

Ваш «сочувствователь».

18

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<12.IV.1916>***[91]

Дорогой друг! Вчера были обрадованы Вашими открытками. Посылаю Вам на обороте Вашу моментальную фотографию: Колиньке в детском возрасте пришла в головку первая тема сонаты[92] opus 5. Желаю и впредь. Жизнь моя, можете представить, течет вегетативно: аз есмь жрец, спяк и солнцележе-бока. Мысли куцые, ленивые; в четверть часа приходит одна. Напр.: головная боль не то же самое, что баловная голь. Или стишки. Самая умная: музыка Скрябина есть Бальмонт, раздутый в Леонида Андреева и извратившийся в Вяч. Иванова. Читаю Байрона. Начал писать Вам закрытое письмо, но бросил ввиду мрачного настроения. Перечитал послание и вижу, что надо посылать открытку в конверте. Ради Бога найдите себе дачу хорошую. Меня этот вопрос прямо тяготит. Собираюсь писать брату нашему Эмилию. Здесь дивное красное вино. Письма мои буду номеровать. Это № 2. Самый наш Вам привет.

см. на обороте.

<Текст на указанном обороте, т. е. на лицевой стороне открытки, ниже подписи к репродукции картины:>

«Такая же Наталия Николаевна» так же Вам сопривествует. Это она велела так написать. На днях напишу Анне Михайловне.

19

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<между 12 и 18.IV.1916>***[93]

Милая Анна Михайловна, и Вам привет к празднику[94]. Живем мы здесь хорошо, у нас дом, сад и кругом никого:

еще не успели приехать. Кормят досыта. Посещают нас только сороконожки и тысяченожки, а мы ходим в гости к каким-то неведомым птицам и таракашкам. Передайте не такому же[95] Н. К., что здесь цветут: тюльпаны, ирисы, примулы, жимолость, сирень и еще многое незнаемое, что здесь лес, горы, море и солнце и еще солнце. Вот ему...

Здоровье мое скверно. Дни мои сочтены, но кем и сколько их остается – неизвестно. Все это – пессимизм, температура правда повышается, но общее самочувствие гораздо лучше.

Пришлите нам адрес Эм. Карл., пишу ему письмо.

Сороконожки наползают к нам на ночь в спальню. Мы зовем их «бацилл» и превращаем в слякоть подобную моей разложившейся душе.

Ваш Полу-трупъ[96].

<Приписка рукой Н. Н. Ильиной, сверху слева:>

Целую Вас.

Н. Ильина

20

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<18.IV.1916>***[97]

1916. 18 апр.

Дорогая Анна Михайловна!

Одновременно с этим посылаю письмо Эмилию Карловичу в Москву. Перешлите его пожалуйста. *Заказным* по его новому (?) адресу. Письмо начато в январе, кончено в апреле. Пишу ему много о деталях психоанализа и кое-что о моей рукописи[98]. Это моя первая просьба к Вам. Но не подумайте, что она единственная. Вот другая. Если Вы будете на концерте А. М. Ян-Рубан[99], то передайте ей пожалуйста от нас обоих

привет и скажите ей, что, будь мы в Москве, мы бы непременно были в ее концерте.

Что же Ваша дача? Вот поистине квадратура круга или кругатура квадрата[100]. Ради Бога устраивайтесь и не оставайтесь дачниками-неудачниками или летними недотыкомками[101]! Напишите нам, как у Вас обстоят эти дела. Вам непременно надо жить где-нибудь в имении и иметь *свой* стол. Здесь кормят не скудно, но до такой степени лучно[102], бесталанно и не диэтно, что даже иногда противно (напр. на ужин 1. мясо. 2. тоже мясо; или за обедом щи, за ужином копуссники etc.). Жить просторно и довольно спокойно, и даже отъесться можно (напр. я пью от 6 до 7 стаканов молока в день), но Ваша диэта превратилась бы тут в окончательный вред.

О своем здоровье не могу сообщить ничего выдающего. *Если* поправляюсь, то *очень* медленно[103]. Впрочем загорел и подобрел. Читаю.

Напишите нам о себе. Вообще, чем чаще от Вас будут вести, тем приятнее. Почта ходит тут каждый день – и почти всегда одна газета. Посему – одиноко.

Эмилию Карловичу на днях пишу еще. А что он пишет<?>

Итак, жду известий и шлю Вам самый сердечный привет.

Ваш И. Ильин.

Николая Карловича обнимаю. Вскорости пишу ему письмо № 3.

21

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<24 – 25.IV.1916>***[104]

24 апреля

Дорогой Иван Александрович! Получила Ваше письмо и таковое же для Эмилия Карловича, коим Вы учинили мне великий соблазн, не написав, могу ли я его прочесть или нет.

А т. к. ждать Вашего разрешения было бы слишком долго, то я и отправляю не прочитав.

Радуюсь, что Вы поправляетесь и не *если*, а несомненно. 7 стаканов молока в день не могут быть глотаемы безрезультатно. И еще я слышала, что во время нездоровья не загорают.

А. М. Ян-Рубан в ее концерте я передать ничего не могла, т. к. он был уже почти неделю тому назад, а письмо Ваше пришло вчера.

25[105]. Вчера меня прервали. Надо было идти на лекцию Трубецкого. Но зато я там увидала Анну Михайловну[106] и исполнила Ваше поручение. (О Трубецком могу сказать, что он себя не превзошел и был гораздо интереснее, когда говорил на эту же тему у нас дома (о старинной иконописи). В лекции слишком много второстепенных мест. К концу стало даже немного скучно[107]. У нас он был, думая послушать Н. К., но этого[108] не было, т. к. Н. К. очень отошел от своих вещей и занят тем, что̀ еще не вещь. Но он и не работает еще над этим чем-то, т. к. занят «делами», а просто дает этому бродить. Об этом я делаю догадку по нездешне «глупому» иногда виду его[109].

От Э. К. теперь приходят очень часто открытки, письма же прекратились, что приводит его, как он пишет, в отчаяние. Он даже подавал заявление в цюрихский почтамт, и ко мне здесь пришли с почты за справкой, сколь долго я не имею оттуда писем. Но это конечно делу не поможет и письма не приходят по-прежнему.

Вот маленькая выдержка из одной его открытки... «...несмотря на тоску я никогда еще не был так далек от мысли о возвращении. Надо готовиться к очень долгой разлуке. Приезжать домой – это значит[110]

<Сверху на первой странице письма приписка зелёными чернилами:>

Письмо было начато в Гнездниковском[111] (потому разные чернила), откуда Вам все шлют привет.

22

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<26.IV.1916>***[112]

1916. апр. 26

Дорогой друг! Мы получили от Вас за *все время* одно двойное письмо (2 открытки в конверте) и более *ничего*. Что это? 🕝? Т. е. пауза с ферматою[113]? Или неаккуратность почты? Главное: нашли ли Вы себе дачу? И где? И что предпринимаете? И получили ли наши письма? Сегодня я имел открытку от Э. К.[114]; он писал по-нашему[115] 14 марта. Особенно нового ничего не сообщает. Дошло ли до Вас мое письмо к нему? Я не знал его нового адреса, а теперь он сообщил мне его. О себе ничего не сообщаю, ибо с Вашей стороны не вижу интереса к этому. Здоровы ли Вы? Беспокоюсь.

И.

23

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину>
<между 14.IV и 7.V.1916>[116]

Милый Иван Александрович!

Получил Ваше письмо за № 2-м, жду № 3-его! Сам пишу Вам № 2-й (если считать № 1-й за одно, хотя оно собственно говоря обращено к 2-м лицам и потому может свободно сойти за два письма[117]). Очень скучно без Вас!..

За все это время ровно ничего не сделал, кроме нажи-вания: денег, неврастенических ощущений, скуки и прочей пакости.

Впрочем открыл одного очень талантливого композитора по имени Анатолий Александров[118], 28-ми лет. О нем напишу особо. Дачу мы нашли в Оболенском Калужской губ. Имение

Ліонъ[119]. Хотим переезжать через неделю. Пришлите закрытое письмо и бросьте мрачные мысли – они Вам не пристали.

Ваш Н. М.

<Приписка по левому полю:>

В высшей степени кланяюсь Наталье Николаевне. Пишите же.

<На лицевой стороне открытки:>

В ответ на Ваше кощунственное сравнение[120] вот Вам: таков я был бы в старости если бы дожил до нее...

Ваш Пузенкампфъ[121].

24

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<9.V.1916>***[122]

<На конверте рукой И. А. Ильина:>

Николаю Карловичу Метнеру
~~Девичье поле Саввинский пер. д. 12 кв. 6 Москва~~

В случае отъезда переслать!

<Ниже другой рукой указан адрес:>
Почтовая станция *Оболенское* Калужской губернии

1916. 9 мая.

Дорогой друг!

Пишу Вам в твердом убеждении, что Вы уже водворились в летнее убежище. К сожалению я не могу представить себе ни чтò оно из себя представляет, ни где оно. Поэтому не знаю и того, хорошо ли Вам будет там, и хочу обо всем этом знать. Вы не прислали даже своего адреса, ибо я не знаю, можно ли так писать: «Оболенское Калужской губернии имение Ліонъ, МѢтнѣру[123]». Адрес это почтовый, или географическое описание?

Открытка Ваша была великолепна, особенно это пуповое до, скрипично издаваемое неистовым старикашкой Пузенкампфом, облаченным к тому же в баде-хозе[124].

Жду от Вас прежде всего *адреса*, потом вестей о *даче*, потом о *самочувствии*. Мы выезжаем отсюда 15 вечером (из Севастополя) курьерским, 16 ночью прибудем в Москву; в Москве пробудем 17. 18. 19. Двадцатого рассчитываем выкатиться из Москвы по адресу: ст. Лазарево Тульской губ. Мне[125]. В Москве надо убрать квартиру, устроить финансы и дела, кое-что купить, показаться доктору.

Здоровье мое поправляется, но медленно. Погода стояла переменная, бывало, что по 5 дней нет солнца и по два дня холодные ветры. Стол был скверный, а теперь повар запьянствовал по случаю женского вопроса и присылает нам такой цинизм в кастрюльках, что гадко глядеть, хуже – нюхать, а в рот взять можно только спьяна. Вообще в смысле еды Кастрополь оказался кастрюполь.

Тем не менее я сильно ободрел, прибавил 4 фунта весу, пропекся на солнце и несколько спустил температуру. Все же в 6 ч. вечера бывает 37.2 и 37.3. Здешний доктор, слушавший меня, уверял, что катарр легкого относится к разряду *бывших*, однако температура лучше знает. Все же-таки я на положении полу-здорового, а внешне даже на-три-четверти здорового.

Главное, что в душе стали появляться кое-какие мысли и сильно потянуло писать. Теперь просится из меня бичевание под заглавием «Разложение критики», или «Что есть критика», или «Дух<овные> основы критики». *Всякая* критика имеется в виду – *и* научная, *и* эстетическая. Необходим бичующий зов к *предметности*, духовному объективизму и *нравственной свободе* критики. Хочется указать все пути компромиссного вырождения критики, начиная от «замалчивания» и кончая «корыстностью», начиная от «недоопредмеченности» и кончая коллекционированием импрессий в публике. Я хочу никого не назвать, но почти всех припечатать[126].

Из чтения наслаждался тут многим, чем Вы тоже должны насладиться, если, конечно, захотите. Но об этом после.

Когда же мы увидимся? Летом, и хорошо, и долго, и в природе? Иначе – не может быть. Но только не в мае. Наталия Николаевна торопится спасать свой цветник, пока еще не поздно, а без цветника – духовно не выносимо жить.

Обнимаю Вас и радуюсь свиданию. Наталия Николаевна питалась тут плохо, похудела и выглядит неважно. Шлет Вам привет.

Ваш И. И.

25

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<15.V.1916>***[127]

Николаю Карловичу Метнеру
Почт. ст. Оболенское Калужской губ. Им. Лион.

Дорогой Ай-Николь[128]! Пишу Вам, тронувшись в обратный путь, у Байдарских ворот[129]. Получили ли Вы мое закрытое письмо, посланное на Москву? Напишите нам в ст. Лазарево Тульской губ., где мы рассчитываем быть около 20 мая.

Ваш Ай-~~Вануль~~-Ваниль.

1916. мая 15.

<Приписка сбоку:>
бросил в Москве

26

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<16.V.1916>***[130]

Оболенское, 16 мая 1916 г.

Дорогой Иван Александрович и друг!

Сегодня мы были чрезвычайно обрадованы Вашим письмом. Так как через час надо отправлять мое письмо на почту,

то я пока постараюсь быть кратким и ответить Вам только по некоторым пунктам.

1. Мы уже больше недели в деревне. Местность очаровательна и живописна. Жилище же совершенно не приноровлено к столь собачьим холодам, какие нам пришлось пережить это время. В мире цветов и злаков мне пока благоухали только печные и ѵсамоварные головешки да керосиновые лампы, коекак спасавшие нас от холодной смерти.

2. Адрес наш, которым Вы обладаете, недостаточно почтов. Для бóльшей почтовости следует прибавить: ***Почтовоѣая*** *станция* Оболенское, Калужской губ. Имение Лиона, Мѣтьнерамъ[131].

3. Самочувствие мое было бы недурным, если бы я что-нибудь умел в жизни. Но увы, я ровно ничего не умею (от слова ум), а только глупею (от слова глупость). Я глупею сочинять музыку, а не умею, ибо каждый раз, когда я после большого промежутка остаюсь наедине со всем бесконечным материалом данных мне семян, то я только глупею от неумения взрастить их.

4. Письмо Ваше, повторяю, нас бесконечно обрадовало во 1-х тем, что Вы нас не забыли, во 2-х своим постыло-милым юмором, Вам одному свойственным, и в-главных тем, чтó Вы сообщаете о своем здоровье. Но почему же Вы так скоро сбежали из Кастрюполя[132]? Впрочем мы были бы и этому бесконечно рады, если бы были в Москве и нам удалось бы повидаться, но при данных условиях я сомневаюсь в осуществимости этого моего сильнейшего желания по следующим причинам: 1) На 3-х-часовое (maximum) свидание с Вами нам пришлось бы истратить 2 дня (minimum) – таково расписание поездов этой Богом оставленной* дороги. 2) Мы каждый день ждем сюда мою мать. 3) Приехать один я не могу, т. к. ни за что не оставлю Ан. Мих. одну в столь неуютной, дырявой,

* von Gott verlassenen [(*нем.*) покинутой Богом. Прим. Н. К. Метнера.]

картонной даче. <Далее на оставшейся свободной части строки абзаца четырёхстрочная со «съездом» на правое поле письма приписка А. М. Метнер бисерным почерком:> А я сейчас если брошу еще неустроенный дом, то все рассыпется. Да и ждем не сегодня завтра Александру Карловну. Напишу Вам на днях, а пока буквально задавлена беспорядком и неустройством. <Далее вновь рука Н. К. Метнера:>

Черт знает, что такое! Ведь я был в полной уверенности, что Вы будете в Москве только в Июне! Ведь я же хотел во что бы то ни стало повидаться с Вами! Впрочем это во всяком случае не отменяется, а только откладывается, и не далее как до Июля. Страшно хочется поговорить с Вами, ибо когда вспоминаю о Вас, то всегда очень много и здóрово думается, а когда вообще думается, то неизменно вспоминаю о Вас.

Встретился у М. К. с Габричевским[133]. Вспомнив, что он из Ваших[134], насторожился. Но насторожившись заметил нечто абсолютно чужое и подумал – как же это так? При чем же здесь Иван Александрович? Но вскоре же к великой своей радости из его же уст узнал, что Вы постоянно спорите с ним и браните его[135]. Это кажется старший.

Что Вы такое читали, что и мне советуете и о чем после?

Ну, пока всего хорошего! Выздоравливайте до кончиков волос и не забывайте нас. Главное работайте всласть!

Пишите нам почаще, ведь Вам это ничего не стоит, тогда как я невыразимо мучусь и трачу невероятно много времени, пиша письма и в особенности тем, кому многое хочется сказать. Я буду писать поэтому преимущественно открытки.

Поклонитесь пожалуйста полюбезнее и повежливее Наталье Николаевне* и поздравьте ее от меня 28-го числа[136]. Желаю ей взрастить тьму цветов!

Ваш Н. Метнер.

* присоединяется и А. М. [Прим. Н. К. Метнера.]

27

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<2.VI.1916>***[137]

1916. 2 июня

Дорогой друг! Только 26-го вечером нам удалось выбраться из Москвы. И теперь мы здесь. Т. е. ст. Лазарево Тульской губернии. Думаю, что Вы это уже знаете от Верочки[138], которую я поздравляю, как вновь возникшую на Руси интеллигентную женщину. Пишу Вам это «письмо» – пока. А на днях напишу закрыто. Ваше «редшайшее» получил в Москве от Верочки. Оно меня тронуло и согрело. На Ваш приезд в Москву я вовсе не рассчитывал; да и повидаться как следует нам бы не удалось – я все время был в хлопотах. Будьте здоровы и бодры и огромно сочиняйте! И не верьте себе, что не умеете. Кто же тогда умеет? Пишу. Пишите. Мы оба шлем привет Анне Михайловне и Вам.

И.

28

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<11.VI.1916>***[139]

Николаю Карловичу Метнеру

Почт. ст. Оболенское
Калужской губ.
Имение Ліона

1916. июня 11.

Дорогой Николай Карлович!

Давно уже собираюсь написать Вам, но все оттягивал, ожидая, чтобы жизнь вошла в летнюю колею. Умственно она

это сделала; но «погодно» – нет. А для меня теперь погода составляет больше, чем треть жизни.

За то время, что мы с Вами не виделись, я в значительной степени духовно восстановился и выгляжу внутренно опять человеком, а не лягушкой, верещащей a la Дебюсси[140]. Но где-то в глубине осталась трещина или надлом; что-то во мне не выдержало и лопнуло; и восстановится ли прежнее самочувствие уверенного в своих силах и не чувствующего им предела «вербного чортика»[141] – неизвестно; разве – если проживу еще несколько лет, в течение коих поправлюсь совсем. Где-то в душе живет тихий шепот, советующий располагать жизнь и работы на недолгие сроки, делать лишь самое важное, писать лишь самое нужное и не «распространяться» (как один извощик объяснял мне про немца, что он «всюду распространяется»). Впрочем, может быть, это самочувствие «беспредельного живчика» совсем и *не должно* возрождаться? Может быть это не более, как «абгелегте киндерхозе»[142]? И болезнь поставила грань моему щеголянью в числе «юношей»? Мне 33 года; Илья Муромец только «начал» в эти годы, а известный карлик *и в эти* годы затруднялся расстегнуть самостоятельно свои штанишки без помощи мимохожей дамы...[143] Во всяком случае я уверенно знаю про себя, что я *еще не начинался* в смысле *философского творчества*, но что, если кто-нибудь суровыми годами труда и выдержки подготовился к нему в наши дни – то это я. При таком чувствовании «себя-в-предмете» – дико и скорбно чувствовать себя неуверенным постояльцем «в вещи», именуемой «моим телом»; и зло берет, что на мое это помещение, претендуют немцы-диплококки[144], которым хочется на мой счет расширить свое «место под солнцем»...

Все это я пишу Вам не для того, чтобы огорчить Вас жалобностью собственной фистулы[145], а для того, чтобы пригласить Вас к тому, чтобы летом как можно лучше повидаться. Я считаю, что Метнеро-Ильинские свидания принадлежат к духовно-прекрасным явлениям здешней жизни и, если вся

«встреча» наша на земле – чудесна и значительна, то и единичные встречи таковы. Тем более летом...

Я совершенно не ждал Вас в Москву и, если бы Вы для приезда прервали бы свой творческий транс, то это меня бы только огорчило. В Москве, как в Москве; перед отъездом, как перед отъездом – и кроме «дел» и «попупок» (pardon, описался!) я ничего не видел в Москве, неесясь с утра до вечера, не будучи курицей. Поэтому нам и повидаться не удалось бы как следует, ибо к вечеру от ~~меня~~ моей души оставалась только «бахрома у брюк»...

Но летом другое дело. Вы любезно написали, что наше свидание откладывается «только до июля» и потому на вопрос Верочки, когда мы увидимся с дядей Колей, я ответил «неикак не позднее августа».

Дык – не отложить ли до сентября?

Однако об условиях нашего свидания пишу отдельно Анне Михайловне[146].

Я мечтаю, что Вы сочиняете. Много ли? Этого не знаю. Прекрасное ли? Это знаю: прекрасное! А что именно? Во всяком случае, то, что само лезет...

Обнимаю Вас от всей души, но не крепче, чем люблю.

Ваш Ай-Ваниль (в отставке[147]).

29

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<18 – 19.VI.1916>***[148]

[–1–] Почт. ст. Оболенское Калужск. губ.

18-го Июня 1916 г.

Дорогой друг!

Позвольте мне пока не отвечать на Ваши письма – я сам давно уже коплю Вам письмо и не виноват, что Вы меня

опередили своими. Никогда еще мне не хотелось, не было так необходимо поговорить с Вами, как теперь. Но в то же время я страшно боюсь, что мое послание придет некстати, что Вам сейчас не до меня или вернее не <до> того во мне, о чем я собираюсь говорить. В таком случае я «предоставляю» Вам «ликвидировать» весь этот вопрос до нашего свидания. Так вот в чем дело. У меня все последнее время такое чувство, ~~что~~ будто я переживаю какой-то кризис. Я никак и ни в чем не могу с собой справиться, а справиться с собой пора! Ну и справляйтесь – скажете Вы. Но, дорогой мой, ведь Вы сочувствуете моей музе, а ведь о ней-то я главным образом и беспокоюсь – я боюсь, что она скоро меня совсем оставит. Тысячи семян, которые она мне доверила, лежат в чемодане, а почва эта, как Вам известно, ни для каких семян не пригодна. На это Вы скажете, что я уже не раз надоедал Вам подобными жалобами. Нет, не совсем подобными. Тогда, жалуясь на себя, я хотя и продолжал работать, но не над собой, а над своей музыкой, т. е. не над почвой, а над семенами.

Теперь же, посеяв было часть семян на прежнюю почву и увидев, какой ничтожный процент семян проросло и какие жалкие всходы дали столь великолепные семена, я принялся за почву. Прежде всего, я попытался заняться исследованием ее и убедился, что ничего кроме лахудры[149] (это наш домашний термин для обозначения всякого ункраута[150]) на ней произрастать не может.

Боже! До чего я чудовищно работал всегда, до чего нелегко жил, как мало думал. То есть думать-то думал, пожалуй, но не мыслил. Всю жизнь пробавлялся только наитиями и эмоциями. Всю жизнь реагировал на всякую эмпирическую дрянь и увязал в ней. Всю жизнь паршиво субъективничал. И это в то время, как самое сокровенное мое, т. е. мое содержание, всегда протестовало против подобной формы жизни. Да! в моей жизни да и в творчестве произошел страшный разлад содержания и формы, которые вообще по существу должны

быть неделимы, а бывают делимы или взятые абстрактно, или же в случае несовершенства одного из этих элементов*. И вот у меня оказалась в высшей степени несовершенной именно форма, почему должно быть о ней так много и говорят, ибо если бы она оказалась *достойной* моего содержания, то ее никто бы не заметил, т. к. она слилась бы с ним в одно целое. Черт возьми! Мысли разбегаются, уходят в стороны, никак не соберешь их! Уж Вы, дорогой мой, потерпите, дайте мне выгрузиться как бы то ни было. Ведь я Вам не философ, а только консерваторист, некогда длинноволосый, а теперь, увы, уже плешивый.

———————

19-го Июня.

Страшно хочется мне описать Вам, как я работаю, да только уж очень это трудно!.. Вначале, когда я приступаю к работе, у меня в голове обыкновенно происходит нечто невообразимое – миллионы тем ковыряют мой убогий мозг и требуют от него немедленного своего осуществления в виде законченной пьесы – так должен себя чувствовать нищий внезапно ставший Вандербильдом[151]. Это интродукция. (В общем, состояние ~~форменного~~ буйного помешательства, но не мрачного, а скорее даже веселого характера.)

За этой интродукцией большей частью следует непосредственно кода: мозг, не будучи в состоянии концентрироваться, угнаться за темами, безнадежно коснеет и уже ни на что не реагирует. [–2–] (Это состояние уже тихого помешательства и в высшей степени мрачного характера). Так должен чувствовать себя Вандербильд, мгновенно превратившийся в нищего. Эта интродукция и кода составляют обычные две ступени в процессе моего ***«творчества»*** (слышите, каким

* Если бы не было смерти, то мы не разделяли бы духа и плоти. [Прим. Н. К. Метнера.]

язвительным тоном я произнес это слово?[152]) Правда, в виде редкого исключения (приблизительно раз в год) эта интродукция и кода оправдывают свое формальное назначение и между ними появляется еще одна ступень – та самая пьеса, без которой они не имеют никакого значения, и тогда Пузенкампф опузившись постепенно вы***пуз***кает маленький опузкулум[153] (простите вольное подражание Ив. Ильину) и происходит то, что гора рождает мышь.

Но и это бы еще ничего. Да беда в том, что, *как это* происходит, я уже не знаю. Скажу только, что, хотя в этих случаях мысль ~~хотя~~, разумеется, и удается концентрировать, но с невероятными усилиями, с битьем головы об стену, причем состояние это тоже весьма похоже на помешательство. Итак, видите, мысли мои обладают почти исключительным свойством или разбегаться, или же коснеть, т. е. нуждаются в постоянном управлении ими, и это-то мне абсолютно не дается.

В тех же редчайших случаях, когда мне это удается (или вернее может быть, когда им самим удается управиться), получаются столь ничтожные результаты, т. е. *опуск*улум является таким ничтожеством по отношению ко всему материалу, что его свободно можно было бы *опуст*ить (опять невольное подражание!)

Я очень размазал все это описание процесса моего сочинительства, тогда как вовсе не в этом дело. Я собственно говоря хотел поделиться с Вами теми мыслями, которые пришли мне *по поводу* процесса моей работы. Правда и они недоцентрализировались, да уж все равно... Дело в том, что каждый человек вообще, а с призванием в особенности, *должен каждый день работать*, и работа эта должна быть разумна, непохожа на проделки обезьяны с чурбаном или с очками[154], т. е. она (работа) должна быть, или вернее ее результат, хоть сколько-нибудь фиксируем положительно и объективно. Я же триста дней в году занимаюсь проделками обезьяны.

Я хочу разума, ясного разума, черт возьми! Я хочу памяти! То есть, если работа не идет, то в большинстве случаев я предаюсь эмоции отчаяния и только изредка меня осеняют светлые утешительные мысли (т. е. немузыкальные), но и это происходит по наитию, случайно... Так я хочу по крайней мере их-то помнить – эти мысли, и вот я начал пробовать хоть их фиксировать, чтобы не погибнуть в окончательном беспамятстве, и таким образом я исписал полтетради. И правда этим путем мне стало легче справляться с собою, т. е. с ним, с Мѣтьнеромъ[155], с «братом ослом» по выражению Франциска Ассизского[156], или с сестрой обезьяною, скажу я. Но разве в ней все дело-то! Ведь в мыслях музыкальных, в семенах музиных! А с ними я все-таки не справляюсь и даже у меня такое чувство бывает, что сколько бы я не говорил себе о всяких «мудростях» и «истинах», все это помочь может только самой жизни, самому ослу Метьнеру[157], а не музыке, т. е. другими словами: «а вы друзья как ни садитесь все в музыканты не годитесь»[158] с добавлением *если нет вдохновения*. Но ведь, черт возьми, у меня нет вдохновения *только для управления своим вдохновением*, а это-то есть. Что же это такое! Хоть с ума сходи!..

Ведь когда у меня нет вдохновения художественного порядка, т. е. опять-таки формы, то я вообще *ничего* не могу делать в пределах своего искусства, кроме только механического упражнения на фортепиано. Все как-то проходит мимо меня. Все раскладывается по мертвым схемам времени, по часам и все недоделывается до конца и тогда время кажется мне величайшим моим врагом! Мысль ни за что не зацепляется, и вечером идешь голодный спать и спишь не до конца, только вид делаешь, что спишь. Уж не с ума ли я схожу?!.. Я опять ухожу в сторону, эмоционирую, субъективничаю и не говорю дела!..

Среди «истин»*, которые надлежит помнить, я пометил себе в тетрадке – здоровье, характер и Бог, т. е. не утомлять-

* слова в кавычках произносите поядовитее! [Прим. Н. К. Метнера.]

ся, терпеть и верить, т. к. утомление порождает бесчувствие и пресыщение, нетерпение – ленивое отчаяние, а забвение Бога – тщеславие и суету. Но ведь опять-таки все дело вовсе не только *в отсутствии* бесчувствия, лени, отчаяния, тщеславия и суеты, а в *присутствии*... чего-то неизвестного. (То есть *все дело для дела*, а не для жизни.) Так не есть ли то, присутствие чего необходимо для моего дела, просто *чудо*, но не только мгновенное чудо вдохновения, а медленное постепенное чудо роста, перемены характера и вообще всяческих ослиных свойств. Шопенгауэр, которого я в настоящее время читаю (Parerga и Paralipomena[159]) за неимением чтения, рекомендованного [–3–] Вами (Вы так и не сказали мне, что это такое замечательное, что Вы читали в Крыму[160]!?..) Итак, Шопенгауэр говорит самые безнадежные вещи о человеческом характере и возможности его изменения, словом он в это чудо не верит. Я же верю. Я знаю, что в данном случае осуществлению этого чуда может способствовать третий пункт, помеченный мною в тетрадке, т. е. память о Боге. Знаю, что как бы человек не ослаб здоровьем, как бы не ослабла его воля, его способность овладеть своим характером, надо всем этим есть еще память о Боге и она вовсе не есть только благодать, наитие – это есть самый прочный уголок души человека (его только надо найти, о нем нужно вспомнить[161]) и из него-то и удается посмотреть на себя объективно, со стороны, как на «брата осла». В то время как субъективное самосозерцание рождает или тщеславные чувства, или отчаяние, т. е. оставляет человека в его ослиной шкуре, объективное дает ему полную свободу от всякой суеты, страхов и погружает его в абсолютную тишину, в которой ему все слышно. Все это я знаю! Знаю отлично, что не в ослиной шкуре можно справиться со своим здоровьем или характером, а вылезши из нее, и справиться в данном случае значит ~~объективно~~ приспособиться к тому, что изменить сразу, до конца не в нашей воле.

Вообще чудо совершается тогда, когда к нему относятся не по-сказочному, т. е. когда не ждут, чтобы оно заняло во времени и в пространстве так мало или, наоборот, много места, чтобы мы были ошеломлены... Таких чудес на земле почти не бывает. (Таким чудом является именно пожалуй вдохновение, единственное на земле сказочное чудо, потому что во время вдохновения человек несомненно мгновенно, но увы – зато временно, перерождается.) А вообще чудес на свете <*нрзб*. ~~вполне~~?> несказочных слишком много, чтобы в них не верить. Да и велика ли их разница со сказочными-то!? Ведь только во времени или в пространстве. А ведь эта-то разница антропоморфична! А ведь Антропка-то и есть «брат-осел»!! Итак, как это ни нагло и ни смешно, но таково мое возражение Шопенгауэру, который при всей своей колоссальной гениальности и следовательно способности вылезать из ослиной шкуры, иногда в важных случаях забывал это делать, ибо чем же иначе объяснить, что он итальянских шарманщиков предпочитал отечественным титанам – забыл, очевидно, снять ослиные уши! что в физиономии Гегеля он видел «трактирщика», что в философии его (о которой, впрочем, я могу судить только по Вашему признанию ее) «наглое шарлатанство»[162] и, наконец, говоря так безнадежно о характере, [] следовательно предоставлял мерзавцам оставаться мерзавцами, лентяям – лентяями и т. д. Очень уж у него самого, видно, был гадкий характер! Ну да Бог с ним! Я все-таки его читаю и, надо сказать, с большим удовольствием и пользой...[163] Что-то Вы скажете на это!..

Нет, Вы лучше мне вот на что ответьте: могу ли я, смею ли я спокойно и терпеливо из своего объективного уголка ждать чуда медленного превращения моего характера, а пока пробавляться редким чудом «вдохновенных» мгновений<?> Ведь первое-то чудо, может быть, нуждается в столетии (а мне уже 36 лет, да и вообще может быть это уже моя старость) и таким образом превращение может совершить-

ся только в загробной жизни, т. е. может быть уже не с Антропкой, а с каким-нибудь Селениткой[164]! А второе-то чудо, мгновенное, ведь оно так редко – чем же мне заниматься в остальное свободное от него время? Сумасшествовать?!!.. Вы не думайте, что я бездельник – я все это время путем преодоления своего паршивого характера усилием воли заставлял себя во что бы то ни стало воплощать, развивать, фиксировать лучшие свои, «вдохновеннейшие» темы, семена музины, но вся эта механика без вдохновения формы, художественного порядка, этого нужнейшего чуда, не стоит ничего для искусства! Из лучших семян выходит одна лахудра! Что же мне делать-то! Скажите же! [] Ведь я умею только копить семена, но не только растить их, но и отличать-то как следует не умею. Бывало посеешь – думаешь мак взойдет, ан глядишь вышла репа. Мне нужно вдохновение *даже* для определения сорта семян. Нормально ли это?.. Как я завидую в данном случае художникам всех других искусств! Благодаря тому, что образы их взяты из жизни, они могут недоговаривать – карандашный набросок лица достаточен для публики, ибо остальное – краски, туловище, затылок и т. д. – добавляется воображением – афоризм возможен для писателя по той же причине – а мы всегда должны все досказать, до последней детали!! Или может быть возможна такая афористическая форма и у нас?? О! Тогда бы я затопил литературу таким потоком афоризмов, что и Рокоткову[165] (помните?) не поздоровилось бы! Уж очень мне тесно...

Мне стыдно, очень стыдно, густо стыдно – сейчас просмотрел всю эту ахинею и вижу, что сам черт тут ничего не разберет. Но неужели же и Вы, *даже Вы*, ничего не разберете, ведь Вы же умнее черта, ибо, будучи столь же умны, в то же время и не черт, а напротив... Если Вы меня хоть каплю лю-

бите, то Вы разберетесь. – Ведь не к Далю[166] же мне идти со своей ослиной шкурой. Впрочем, если Вы откажетесь от меня, то я и к Далю найду дорогу... Было бы Вам это известно... И кто знает, может быть тогда и напишу концерт...

Ответьте мне хоть кратко и хоть только на предпоследнюю страницу. Мне очень нужно это. Анюта одна не может со мной сладить. Э. К.[167] нет, а я пропадаю...

Завтра же сажусь отвечать Вам на Ваши письма. О себе не скажу ни слова! Обещаю...

Пока крепко жму Вашу руку! Привет Н. Н.

Ваш Антропка.

30

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<19–20.VI.1916>***[168]

19 Июня

Дорогой Иван Александрович!

Не дождавшись завтрашнего дня, опять сажусь за письмо к Вам, но на этот раз с исключительным намерением ответить Вам на Ваши письма. Во-первых, спасибо Вам за них! Ванилевую открытку[169] получил – не помню, писал ли Вам о ней. Только Вы не Иван вовсе, как это Ваши родители могли дать Вам столь неподходящее имя? Оно вовсе не плохое, только не Ваше... Так и знайте – я вовсе и не подумаю поздравлять Вас с Ангелом 24-го Июня, а поздравлю 20-го Июля в Ильин день[170]...

Затем я получил Голубкинскую старуху[171]. Там Вас что-то тронуло и согрело в моем письме. Не знаю, что это, но во всяком случае меня это тоже тронуло и согрело. Обычно я и писать-то боюсь, потому что твердо уверен, что ничего не могу передать своим суконным языком.

Теперь о последнем письме от 11-го числа[172].

20-го Июня <за датой следуют три нарисованных гуся и знак Nota bene [(*лат.*) заметь хорошо]:> NB.

Я страшно рад, что Вы «духовно восстановились», и уверен, что ничего в Вас не «лопнуло», но в то же время сам склонен думать, что Вам просто был дан некий сигнал что-то начинать или что-то перестать, или во всяком случае что-то принять к сведению и ничего в этом нет зловещего, это просто задача, которую Вы про себя великолепно решили – я уверен в этом. И в самом деле, как бы много Вы ни сделали уже и как долго Вам ни предстояло бы еще жить, но разве же «самочувствие беспредельного живчика» и «уверенного постояльца в вещи именуемой телом» не есть (по-Вашему же выражению) «киндерхозе»[173], которые необходимо снять? И если «известный» Вам «карлик» (а мне по моему невежеству *неизвестный*) в Ваши годы нуждался для этой операции в «помощи мимохожей дамы» (и ее не знаю!), то для Вас роль этой дамы взяла на себя мимохожая болезнь. Ну конечно же она мимохожая!!! Скажите мерси и забудьте... При таком чувствовании себя *в предмете* (Ваши слова, которые я продолжаю по-своему) можно не только забыть мимохожую даму, но и прямо творить чудеса, как это показал Кант, сумевший использовать никуда не годную «вещь», именовавшуюся его телом, до восьмидесяти лет...

Теперь о жалобности собственной фистулы. Ваша «фистула» не имеет ни малейшего оттенка «жалобности» – Вы сами все великолепно знаете и только делаете некий «фасон разговари<ва>ть», а вот моя...

Впрочем я сдержу слово и не буду опять фистулить. Я и так фи! как настули́л. Дело в том, что вчера вечером мне пришлось внезапно прервать свое письмо (см. NB и гусей, которые, собственно, здесь ни при чем и изображены за неумением изобразить что-ниб. другое просто для указания длинной паузы или вообще сдвига) – ибо мне вдруг стало нехорошо и хотя домашние уверяли меня, что это от комбинации гри-

бов с творогом, но это конечно была фистула моего письма, разыгравшаяся в пузе моего существа. (Я хоть и шучу, но со мной всегда бывает так...) После этого ощущения я стал сыном (fils) – стула, а ночью голова моя сделалась дочерью умывальника и пошлó и пошлó... Ради Бога, простите, что я Вам об этом рассказываю (скройте от Нат. Ник.!!) – я сделал это для того, чтобы Вы видели, как я уже наказан за свое фистулирование, и не осуждали меня еще от себя. Прошу Вас, не стесняйтесь с этим письмом не только в смысле ответа на него, но и даже в смысле прочтения его, а в крайнем случае даже приобщите его к стулу...

Всего, всего Вам хорошего!

Крепко жму Вашу руку. Надеюсь, что наконец-то скоро увидимся по-настоящему! Сердечный и почтительный привет Наталье Николаевне!

Ваш Антропка Фистулькин.

31

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<26.VI.1916>***[174]

1916. июня 26.

Дорогой друг!

Ваше письмо получил вчера и спешу ответить с первой почтой. Если, согласно письму Анны Михайловны, Вы захотите приехать немедленно, то приезжайте, нимало не сомневаясь и не колеблясь. «Ах, Моцарт, Моцарт! Когда же мне не до тебя?»[175] И притом Ваша особь воспринимается мною так цельно, что я совершенно не могу разделить в Вас то, до чего мне, как до якобы «антропки-чистой-воды», дела нет. И, если бы в результате искусственных отвлечений такая условная операция дала бы в Вас такую величину «антропка», то я немедленно вспомнил бы народную песенку «Разлюбезный

кум Антропка, сударь ты моей души...». Я ее Вам и спою при первом, надеюсь скором, свидании.

Если Вы захотите приехать 1) сначала один, и 2) потом еще с Анной Михайловной во второй раз, – то это выйдут «цвей бутербрöте[176]» – один как бы Вы у нас, а другой как бы мы у Вас. И это еще *перево*сходнее.

Однако перед первым приездом, так как письма ходят долго, *телеграфируйте* за два дня, день и поезд, дабы были лошади. «Лазарево Тульской Выропаевка Ильину нарочным».

Что касается существа Вашего письма, то пока не отвечаю. 1. Я не успел еще *вжиться* в него, как следует. 2. Там кое-что[177] существенное еще не ясно мне. 3. Надо как следует поговорить *лично*. Третье самое важное. Будьте уверены, что каждое слово будет мною взвешено во всех оттенках и каждая фраза учтена. Когда созреет ответ – напишу. Скажу только, что письмо Ваше дало мне отрадное чувство той громадной силы, которая борется в лице Вашего «антропического начала» за духовную свободу; ей явно суждено победить. И еще отрадное: что Вы обратились с *таким* письмом ко мне; мне гордо и ответственно на душе. Письмо Ваше даже потрясает силою 1. абсолютного ума 2. безошибочного чувства истинного пути 3. размаха темперамента. Вижу, что вулканические силы достигают в Вас непомерно высокого давления и спираются наподобие, как это бывало у Л. ван Бетховена; но взрыв мы как-нибудь предотвратим, будьте уверены!

Повидаться бы! Вот!!

Обнимаю Вас крепчайше и жду вестей. Скоро пишу. Нат. Ник. шлет Вам дружеский привет и зов.

Ваш И. И.

<От последнего абзаца письма, мимо подписи, справа от неё, в угол страницы ведёт стрелка, как бы указывающая на занимающую целиком оборот страницы приписку:>

К Вам не приедем; ибо, если бы мы приехали, то ~~за наш~~ вследствие *нашего* нежелания ночевать в буфете (в столовой) и быть по рассеянности съеденными с утр. кофе – мы не согласились бы и ночевать в камер-обскура, дабы *Вас* не лишить возможности стать паки фис-стулькиным.

Гы!

32

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<26.VI.1916>***[178]

Дорогой друг! Одновременно посылаю закрытое. Ждем Вас и на этой неделе и на конец июля. Телеграфируйте за два дня: день и поезд, «Лазарево Тульской, Выропаевка Ильину нарочным». Тогда вышлем <за вами лошадей>.

Ваш И. И.

1916. июня 26.

33

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<7.IX.1916>***[179]

Анне Михайловне Метнер
Девичье поле Саввинский пер. д. 12 кв. 6 Москва

Дорогая Анна Михайловна! Спасибо Вам за письмо. Получили мы его уже здесь, в Теберде[180]. Порадовался тому, что не было у нас принципиальных разногласий. – Здесь хорошо: воздух, солнце и горы. Пробудем здесь до конца сентября. Шлем привет Вам и Николаю Карловичу.

Будьте здоровы.

Ваш И. И.

1916. 7 сент.

34

<Е. Тидебёлль (И. А. Ильин) – Н. К. Метнеру>
<4.XI.1916>[181]

Уважаемый Николай Карлович!

Я попросила Вашего почтенного родителя передать Вам, что у меня есть для Вас очень интересные рецензии, посвященные Вам, они были опубликованы в Заграничной Прессе и представляют немаловажный интерес для любознательного. Я думаю, что Вам было бы полезно обратить на них благосклонное внимание. Вы теперь после смерти покойного Александра Николаевича Скрябина стали один из выдающихся наших музыкантов и Вам нельзя не считаться с отзывами сведующих критиков. Вам было бы хорошо меня навестить, я всегда сочувствовала вашей музыкальной даровитости!

Не трудитесь мне отвечать! Я позвоню Вам в телефон, когда буду у моей дорогой сестры Китти[182].

Уважающая вас

Е. Тидебёлль.

Москва

34а

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<XI.1916>***[183]

Дорогой Иван Александрович!

Очень прошу препроводить письмо мое по назначению. Затрудняю Вас, т. к. не знаю адреса. И скажите-ка Вашей тётке Тидебелль-Елене, белль-Елене, Белене, чтобы она меня с моим родителем оставила в покое, что я к ней не пойду и если бы мне даже пришлось голодать, то я к ее помощи

прибегать не стану, ибо голод все же не тётка, т. е. во всяком случае лучше Вашей тетки!

Н. М.

Уважаемая Ѣ Елена Максимовна[184]!

Я очень извиняюсь, что целых три года не мог собраться «навестить» Вас, но у меня болел живот. Не скрою от Вас, что и в будущем он у меня заболит, едва я к Вам соберусь.

Что же касается Ваших рецензий, то хотя они мне и пригодились бы ввиду дороговизны бумаги, но все же я предпочту издержаться на клозетную, тем более что ее мне меньше понадобится, если я не буду Вас «навещать»... Не могу понять – что Вы будете от этого иметь, если я приду и «навещу» Вам!?.. Знаете что – поищите-ка себе чего-нибудь другого выдающегося, а меня с отцом оставьте в покое. Цыц! Halt's Maul![185] Никшни, старая колбасница! Тухло мне от Твоих липких речей!

Твоя жертва.

35

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<31.XII.1916 (?)>***[186]

Николай Карлович Мєѣтнер[187], прилагая при сем поздравление с прошедшим и наступающим праздниками, убедительнейше просит сообщить ему по телефону[188], куда он может позвонить сегодня между 12-ю – 1-м ночи для того, чтобы поздравить Вас с новым годом и напомнить Вам о забытом Вами стрюцком[189] своем существовании.

1917

36

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<до 29.I.1917 (?)>***[190]

а я все-таки к черту не пойду[191], к Вам же придем 29-го!

37

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<до III.1917 (?)>***[192]

Милый «дядя Коля»!

Почему? Не понимаю! Вы к нам – нет! Мы к Вам – нет! Почему? Не понимаю!

Мы стесняемся *звать* к себе, ибо тогда *Вам* измерять длину Плющихи и Арбата[193]. Но мы стесняемся и *к Вам идти* – ибо незваные!!

Итак – никогда?!

Прости, эльдорадо дружбы и близости. Все, кружась, исчезает в бездну! И зачем Вам «*мы*», когда есть у Вас

Беетховенъ[194]

и

ЧЕРНАЯ МУКА!

И.

<Надпись на конверте:>

Бесплатное добавление к платным *селедкам*!

От *бывших* друзей.

38

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<8.VII.1917>***[195]

<На сохранившемся конверте:>

Анне Михайловне Метнер
(*оставить в квартире до востребования*)
Девичье поле, Саввинский пер. д. 12 кв. 6 Москва

Заказное

Отпр.: И. А. Ильин. Ст. Лазарево Тульской губ.

1917. 8 июля

Дорогая Анна Михайловна!

Как можно что-нибудь «посоветовать» в такое время, да еще заглазно? Вы не поверите, как легко *должна* сочиняться музыка Николая Карловича *у меня в душе*; и никто не поверит в потомстве, что такая цельная, органическая и непосредственная музыка выкручивалась с такою болью и трудом. Психоаналитически понятный и простой механизм не смеет и не должен задерживать творчество, превращая выпархивающую песню в стон родильницы, сопровождаемый ревом Фафнера[196]. Но для механизма – нужен анализ, а для «не смеет» есть «все-таки». Ана<ли>заторов сейчас нет, а Даль[197] отложит все дело лишь в дальний ящик. Его худосочная внушистика действует, как растирание животика при констипации[198], т. е. механически на организм, а надо овладевать органически механизмом.

Есть еще одно средство, которое столь же мало помогает, как «дальнее» растирание, но зато животика душевного напрасно не мнет. Это всегда желанный для Ильина приезд к нему в деревню и, если бы Вы и Николай Карлович посягнули бы на эту приездку, то мы имели бы у себя глубоко желанных друзей. Из Москвы к нам – путь прямой и нетрудный. Николай Карлович делал его[199], а он (т. е. путь) длиннее не сделался. Аргарности[200] у нас нет; прокормиться кое-чем

найдем. Вообще, Бог милостив, было бы только желание у Ваших августейших высочеств. Конечно обстановка наша не в пример купеческой первой гильдии; и религиозно-кадетской богородицы у нас тоже не проживает[201]. И инструмента нет, не считая пианинной скордатуры[202]; и крокета[203] нет. Но вышни[204] еще не сошли, а вышня не что-нибудь; даже церковь поет «слава в вышнях Богу».

Те органические затруднения, коих мы опасались перед отъездом из Москвы (почему и не решались звать Вас тогда), порассосались и наладятся. И, словом, Бог милостив.

Раз что[205] Вы в Москве, то я, как полномочный член Иконского *волостного* комитета[206] и признанный юрисконсульт Иконского *земельного* комитета, делаю постановление о выселении Вас обоих к нам, по этапу, *без* возмещения расходов в пути, но с торжественной встречей на близлежащем вокзале.

Телеграмма идет к нам столько же, сколько письмо. Почту мы получаем: вторник утром, пятницу утром, воскресение утром. Газеты приходят к нам через сутки. Письмо, брошенное на Курском вокзале утром, придет тоже через сутки. Т. е. бросить надо понед. утром, четверг утром, субботу утром, на Курском вокзале.

Мы оба шлем Вам привет и зов. Ждем вестей.

Ваш И. И.

39

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<12.VII.1917>***[207]

Москва 12 Июля

Здравствуйте, дорогой мой!

Черт знает сколько хочется сказать!

Но скажу только пока, что письмо Ваше (до востребования на квартире) мы получили и тронуло оно нас до чрезвы-

чайности. Спасибо также и за то письмо, на которое я Вам пока еще не ответил[208]. Затем еще простите за Анюту, что она нудит Вам своими несвоевременными жалобами на меня. Все дело в том, что Господь Бог задал мне чрезвычайно трудную и непосильную задачу, имя которой я сам – я же бываю иногда настолько малодушен, что сваливаю эту задачу с себя на Анюту, она же в свою очередь однажды не стерпела и взвалила ее на Вас. Итак, простите. Не думаю, чтобы сто́ило и вообще-то, а уже в настоящее время и в особенности заниматься такими вопросами, как мой. Очень уж я не гениальный человек, не *настоящий* человек. Настоящие люди жизнеупорны. Они всегда от мира сего. Этот провинциально-дилетантско-романтический термин «не от мира сего»[209], навязанный дураками гениям, пристал гораздо больше к первым, чем ко вторым.

И я пристал гораздо больше к первым, чем ко вторым. Впрочем я ко вторым себя *сам* никогда и не примерял, но мне казалось иногда, что есть некоторые люди, которые меня к ним приравнивали, и вот мои слова являются только некоторым вызовом этим людям. Гениальные люди самые *настоящие*, а бездарности всегда фантомны. Я глубоко фантомен. У кого-то из ранних декадентов есть стих: «Тень несозданных созданий на эмалевой стене»[210]... Я каждый день вспоминаю этот стих, ибо чувствую 1) что я сам тень, 2) что я сам еще не создан, ибо каждый человек должен быть *досоздан* самим собой, а я еще не сделал этого и никогда вероятно не сделаю и 3) что я сам наполнен *только* тенями несозданных созданий.

В жизни столько, столько жизней – *настоящие* люди не только не пугаются этого, но даже радуются этому, а я с детства, например, когда попадал в *деловую* часть города на Ильинку или Никольскую, то мне всегда казалось, что все кончено... Испытал это сегодня! Но глубоко протестую!

Вовсе я не хочу о себе только говорить!

Я ненавижу лозунги, я их считаю самым вредным на свете, но мне хочется сейчас всем выкрикивать лозунг жизнеупорности «будьте от мира сего», будьте «настоящими людьми», долой «долой»! Все надо принимать, все прощать и все любить! Все мы виноваты и чертовски одинаково виноваты! Никаких партий, черт возьми! Только одна партия должна существовать, партия виноватых людей, *чертовски одинаково* виноватых людей, и к этой партии принадлежать должен весь мир.

———

Хотел вчера написать Вам, как следует, да не удалось, а сейчас адски спешу на поезд в Мытищи к Гедике[211]. Мне необходимо с кем-ниб. поговорить о своей оркестровочной работе. Чем больше думаю об инструментовке, тем больше вижу, что это есть область *не сочинения*, а *исполнения* и постольку может быть творческой, поскольку всякое исполнительство бывает таковым. Здесь... Фу, да ведь я опоздаю... До свидания. Анюта гонит меня. Спасибо за письма, спасибо за весьма соблазнительный зов, но если бы Вы прогулялись сейчас в Москву, то поняли бы, какое это *бедствие* в настоящее время. Не сидеть дома. Только моя трудовая повинность[212] могла меня заставить выехать... *Анюта* Вам все объяснит и расскажет[213], а пока крепко жму Вашу руку и кланяюсь Н. Н.

Ваш Карапет[214].

40

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<22.VII.1917>***[215]

1917. июля 22

Дорогой Николай Карлович!

Грустно, что Вы не приехали. Однако, если ж. д. не станут, то может быть еще что-нибудь выйдет? Мы кажется оконча-

тельно *не* едем на юг: поедешь, да и не вернешься... Значит, просидим здесь до половины сентября.

Жизнь глупая, душевно разодраная, не цельная, периферическая. Подумайте, одна из главных забот: закупка муки и крупы на *всю* зиму! Потом состою председателем волостной избирательной комиссии и членом исполнительного комитета (крестьянского)[216]. Потом пишу каждый день: Гегеля восстанавливаю[217], брошюры[218], «Правосознание» буду кончать[219].

Нет свободного, спокойного лета. Полупанично[220] за русский быт ближайшего года (*не* за *Россию*!). Мелко от самого себя. Нет радостного чувства *свободы* и молитвенного творчества. Не люблю людей: очень уж они нестерпимо Дух искажают и в грязи волочат.

Угнетает жадное, терроризующее хамство крестьян. Политика и сама по себе в *осуществлении* неблагоуханна, а политика в России – на $^{9}/_{10}$ «Мелкий Бес» Соллогуба[221]. Вот, поистине пророческая книга!

Хочется тишины, *гор*, отрешенности и очищения.

Будьте спокойны за себя и за свою «негениальную» гениальность. Гениальность состоит в предмето-одержимости. Das Götliche kommt auf leichten Füssen[222] – *не* в *душе* автора (ему часто лишь стон и вздох), а в сказанном предмете. То, что в рождении пахнет бездарью, рожденное – благоухает легкою радостью. Бетховен и Гегель всю жизнь рычали в творчестве и Господь их *за это* любил и прощал: единственное сто́ящее страдание...

———

Скажите Анне Михайловне, что я очень советую ей не откладывая закупить 3 пуда пшеничной муки, столько же ржаной, 1 $^{1}/_{2}$ пуда гречневой крупы, $^{1}/_{2}$ пуда пшена, 10 ф. картоф. муки, 20 ф. меду и все это через Вашу хозяйку отправить в Москву, к *ней* на дом на сохранение. А позднее – 6 пудов яблок Антоновки и 10 пудов картофеля. Все это – *чего бы* ни

стоило, в смысле цены[223]. Кроме того, запишитесь в Общество Потребителей Кооперативные Огороды (Б. Лубянка Б. Кисельный пер. д. 11 кв. 13. тел. 5-65-27). Членский взнос 10 р. 50 к. Зимой от них будет капуста, картофель etc.

Сколько у Вас запасено дров?

Обнимаю Вас, мой дорогой, и радуюсь впредь Вашим звукам. Храни Вас Господь!

Ваш И. Ильин.

Сколько с Вас слупили за телеграмму?

1918 – 1919

41

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<нач. VIII.1918>***[224]

Дорогой Иван Александрович!

Мы очень обрадовались Вашему письму. Сами не писали, т. к. долгое время были в неопределенном положении в смысле летнего вопроса[225]. Об этом вопросе Вам пишет Анюта. Я работаю. Пока написал 5 положений на музыку Пушкина: «Лишь розы увядают», «Цветок», «Ночь», «Ангел», «Ночной зефир» (!!). Наметил еще много других стихотворений Пушкина же... до Пророка все еще не могу добраться[226] – надо отдохнуть раньше, набрать побольше дыхания. Затем в пандан к вальсу «Могу ль»[227] сочинил еще вокальный вальс «Давно ль»[228] (Вы конечно подумали уж не ...но ль это?). Последний на слова Фета. Еще вожусь с Тютчевым. Пока наметил «Слезы» и еще кое-что... Много роюсь в своем материале и сортирую <его в> двух смыслах этого слова, <т. е. при>вожу в порядок годное, а <негодное> отношу в сортир.

Очень скучно без Вас, дор<огие наши!> Скоро ли Вы собираетесь в Мос<кву?>

Терпеть не могу писать письма, а поговорить хочется. Что Вы делаете? Чего ради у Вас опять ангина? Когда же Вы наконец окончательно де*мокро*тизируете[229] свой нос, горло

и легкие? Еще раз спасибо за письмо. Напишите пожалуйста еще хоть пару слов. Поклонитесь Наталье Николаевне и поблагодарите ее за цикламеночку[230] – она одна только нам ухает благо в нос.

Всего хорошего

Ваш Н. Метнер.

42

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<29.IX.1919>***[231]

29 сент. 19 г.

Дорогой друг!

Не браните меня за долгое молчание... я своевременно получил оба Ваши письма[232], но не было сил отозваться на *нашем* уровне, а на житейски-бытовом уровне писать я никак не мог себя заставить. То же остается сейчас; но Ваш возможный отъезд[233] понуждает меня наскрести хоть что-нибудь. Житейские затруднения наши, как Вам известно, очень велики; не уменьшаются, а скорее увеличиваются. Это однако нисколько не колеблет нас ни в религиозном созерцании событий, ни в общем и частном оптимизме, ни даже в работоспособности. За последние два месяца я кончил книгу[234] и подготовляю к печати сборник статей[235]. Много читаем. Здоровье у обоих поправилось и несколько отдохнуло, несмотря на монотонность питания; зато довольно молока и полезно вынужденное раннее ложение. Мечтаю о продолжительной командировке и о продолжительном душе-очистительном отдыхе; возможно, что летом[236] поживем где-нибудь вместе, погуляем, возродим нашу музыкальную философию и философскую музыку. Во всяком случае твердо верю в наши звезды и в их долгое сопутствие. Всецело понимаю Вашу решимость уйти в свой творческий колодезь и грущу только о том, что

Ваш колодезь, начавшись раньше моего, будет долго недосягаем для непосредственной переглядки и переклички[237]. Но что же делать; жизнь идет и Вам надо еще чрезвычайно много «насочинять». Пусть Господь сохранит Вас, укрепит и, благословив Ваше пение, насладится им вдоволь! Пойте больше, свободнее, легче и для-себя-радостнее и успокоительнее. Помните нас всегда, даже и тогда, если бы разлука наша стала бы трагически-продолжительна; но тогда у меня будет по крайней мере утешительная уверенность, что Вы посвятите мне в догонку что-нибудь достойное – напр. Симфонию C-dur opus 78...[238] Помните еще, что мне необходимо много беседовать с Вами о Христе, прежде чем я напишу книгу о нем...[239]

И в завершение: сделайте *все* возможное, чтобы нам повидаться *до* Вашего отъезда[240].

Н. Н. шлет привет Вам и Анне Михайловне. Я целую ее ручки и крепко обнимаю Вас.

Всегда по-прежнему и из глубины[241] любящий Вас

И.

1922[242]

43

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<X.1922>***[243]

Друзья!

Хочете к нам сегодня, часов у *семь*? Хочете или нет!? Отвечайте, постылые! Рорпостните![244] А то и без поста, просто приезжайте. Но если *нет* – то обязательно по-рор-поститесь[245].

А мы нашли квартеру. Что?

Rrrad-fahrr-rraparraturr-werrkstatt![246]

До увидания, постылюцкие?!

Іоаннъ имя ему.

октобрія позабытаго. Городъ Верлинъ[247].

<Вверху письма приписка:>
ветчины и чаю дадим.

44

<А. М. Метнер – Н. Н. и И. А. Ильиным> ***<23.X.1922>***[248]

Дорогие Наталья Николаевна
и Иван Александрович!

Я не уверена, написала ли я Вам о 7 $^1/_2$ или 6 $^1/_2$? Очень просим к 6 $^1/_2$, иначе придется мало поиграть, т. к. поздно нельзя[249]. В тот вечер, когда я Вас искала (заходила узнать адрес на

Kalkreuter[250]), была кое-чем встревожена и расстроена и потому не ручаюсь, что помнила о часе. Если же Вам нельзя так рано – все равно будем Вас ждать и попозже.

Ваша А. Метнер

<Ниже, рукой Ильина:>
1922. oktober 23.

<Им же сверху, поверх типографского Postkarte [(*нем.*) почтовая карточка]:>
Rohrpost

<Адреса на открытке: Absender [(*нем.*) отправитель]:>
Medtner
Schloβstr. 14
Charlottenbung

<Адрес получателя:>
Herr Prof. Ilyin
Berlin
Bayreutherstr. 12
Pension[251]

45

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<30.X.1922>***

Окт. 30
1922
Берлин

Дорогой друг!

Ааа – ууу!

Кажется, мы, нашедшую нас, наконец, квартиру зы[252] собою закрепляем! Что?

Может быть (страшно поверить!) переедем в конце недели.

Фамилия наших хозяев – пиковая, т. е. Пикъ (Pieck).

Когда к ним звонишь по телефону, то они отвечают так: «Hier Pieck, wer dort?»[253] Я один раз не удержался и ответил: «***Kack!***»

До среды? В шесть с половиной?

Твой Остерцунге[254].

От нашей мадами вашей мадами соприветствие.

<Сверху приписка:>

Надеюсь, мои 500 марок ты не прокутил, а купил на них тенгельманцу[255]?

46

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.XI.1922>***[256]

Дорогие т. е. валютные друзья!

Мы-ка́ковые, ~~*<прзб. Э?>*~~ т. е. марочные-«помарочные»[257], ждем Вас-пиковых[258] сегодня в $6\,^1/_2$ не позднее 7, ибо у нас можно валакдаться только до 10 ч.

Ка́ковые мы, потому что фамилия *наших* хозяев, начинаясь на Ка, кончается на Къ.

Что касается 500 марок, то так как тенгельманцу все еще не привезли, я прокурил (но не прокутил) их. Кроме того ввиду постоянного понижения марки Ты должен мне теперь разницу по курсу. Поклон Н. Н.

До вечера.

Н. Пузенкампфъ.

<На стороне открытки с адресами приписка рукой А. М. Метнер:>

Пожалуйста, захватите хозяйкины счета.

<Адрес на карточке, рукой Метнера:>

Herrn Professor
D-r Ilyin.
Bayreutherstrasse, 12
Pension

47

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<9–10.XI.1922>***

Алло!
Вы, дядя Метнер? Да?
Играйте нам скорей тогда
Презвучное музы̀ко Ваше!
Оно понравилось Наташе,
Анюте – малому ребенку,
И Ване – нашему котенку!
Алло! Алло!

Берлин
9 ноября 1922
Kommunisten-Putsch[259].

<Внизу письма с продолжением на обороте листа приписка:>

Вчера, в четверг[260], я хотел послать Вам это письмо; но узнав от Файн[261], что Вы *не* ездили во Фрейбург и, таким образом, грубо обманув нас, тем не менее неделю с нами не сносились, – посылаю Вам еще нижеследующее[262].

(?)

48

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<22.XI.1922>***[263]

Дорогие друзья!

Концерт, слава Богу, перенесен на неделю позднее и будет в воскресенье утром в 12 ч.

Надеемся повидаться до тех пор. Во всяком случае увидимся в воскресенье на торжестве[264].

Напишите нам хоть открыточку, подвигается ли Ваше дело с квартирой.

Ваша А. Метнер

<На стороне карточки с адресом приписка:>

Сейчас пришла открытка от Ян Рубан[265], что она будет у нас в 7 ч. Я не могу Вам позвонить, т. к. все магазины заперты по случаю праздника[266], а Rohrpost не успеет, т. к. уже шестой час. Очень это вышло досадно.

<Адрес:>

Herrn Prof.
Ilyin
Hier[267]
Bayreutherstr. W. Charl.
Pension 12.

49

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<XI.1922>***[268]

Была у Вас чтобы сказать, что завтра оказалось невозможно, а просим Вас в понедельник в $7\,^{1}/_{2}$. Если Вам нельзя, то пришлите Ro<h>rpost.

Потом объясним в чем дело. У нас много незадач, но расскажу Вам не при <Коле>.

~~Коля~~.

~~Онъ~~

Ну, до свидания. Не сердитесь.

Ваша А. Метнер.

50

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<26.XI.1922>***[269]

<Надпись И. А. Ильина на конверте[270]:>

От Н. К. Метнера, разочарованного речами Бердяева, Франка и Карсавина на открытии янкменской «академии»[271] (И. А. И. был болен и не выступал).

1922. ноябрь, последние числа[272].

<Первая[273] визитная карточка:>

Proschu uplatitj
po stschetu:
2 bileta sa wchod: 100
4 bileta tram.: 120
garderob: 30
Itogo: 250.
marok solotom.

Wisdorawliwai, a to ne chotschu igratj !!
N. Medtneruzky

[«Перевод»: Прошу уплатить по счёту: 2 билета за вход: 100; 4 билета трам[вайных]: 120; гардероб: 30. Итого: 250 марок золотом. Выздоравливай, а то не хочу играть !! Н. Метнерюцкий.]

<Вторая визитная карточка:>
5 тафель шоколаде летцтъ цу
85 маркъ махтъ 425
Уваколъ костетъ 60
485 м

Зендетъ Херрнъ Остерцунге замтъ Фрау Гемалинъ die фершпрохене шоколаде зо ви уваколъ. Анбей 15 маркъ цурюкъ митъ процентенъ.

Виръ зенденъ аухъ херцлихъ грюссе анъ дасъ фреундшафтлихе эхепаръ, аберъ лейдеръ дизе грюссе зиндъ нихтъ зо зюсъ ви ди шоколаде ундъ нихтъ зо нютцлихъ ви уваколъ!

Ауфъ видерзенъ бисъ цуръ нехстенъ вохе.

NM.

[«Переводы»* (*нем.*):

5 Tafel<n> Schokolade letzt zu 85 Mark. Уваколъ kostet 60. 485 m[ark].

Sendet Herrn Остерцунге samt Frau Gemahlin die versprechene Schokolade sowie уваколъ. Anbei 15 Mark zurück mit Prozenten.

Wir senden auch herzlich Grüße an das freundschaftliche Ehepaar, aber leider diese Grüße sind nicht so süß wie die Schokolade und nicht so nützlich wie уваколъ!

Auf Wiedersehen bis zur nächsten Woche. N. M.

Последние <прошлые? – *А. Л.*> 5 плиток шоколада по 85 марок равно 425. Увакол[274] стоит 60. <Итого:> 485 м<арок>.

Отправлен господину Остерцунге с госпожой <его> супругой обещанный шоколад, а также увакол. При этом 15 марок <возвращены> обратно с процентами[275].

Мы посылаем также сердечный привет дружественной <нам> супружеской паре, но, к сожалению, этот привет не такой сладкий, как шоколад, и не такой полезный, как увакол.

До свидания, до следующей недели. Н<иколай> М<етнер>.]

* Издатели благодарны В. Кокартис, любезно исправившей ряд неверностей и неточностей обоих «переводов».

1923[276]

51

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> <между 6 и 13.I.1923>[277]

Дорогие друзья!

Вот уже четвертый день, как мы вернулись[278]. Первые два дня ушли на головную боль. Передохнув после этой ужасной дороги, мы собирались навестить Вас, но тут обнаружились неожиданно такие неприятности, что мы в них совсем погрязли. Для краткости скажу только, что Liederabend[279] 13 янв. оказался совсем не оповещенным вòвремя и т. к. теперь слишком мало времени для этого, то его пришлось отменить. Найдут ли зал на другие числа – еще неизвестно[280]. Концерт с дирижером тоже провалился, т. к. Шварц[281] не достал дирижера[282]. Ну теперь идут хлопоты, возня и куча расстройств. Ко всему этому еще прибавляется очень крупная материальная неудача: польская поездка (несмотря на огромный художественный успех и матер. успех для *устроителей*!) дала нам в результате не прибыль, а долг Шварцу. Расходы все вел он и был, по-видимому, очень легкомыслен. Ну, тут не стоит распространяться.

Очень хотим повидаться. Напишите нам на выбор два (лучше три) дня, но не поздно, а так, чтобы мы в 10 ч. могли уже уйти от Вас. Я Вам тогда отвечу рорпостной[283] открыткой.

И мы уже не принесем к Вам расстроенных физиономий, т. к. успеем настроиться.

До ско<Далее рука Н. К. Метнера:>рого свидания!

<Далее – строка из 8 нарисованных Н. К. Метнером уточек.>

52

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<19.I.1923>***[284]

Herrn Prof. Ilyin
Grunewald
Jagowstrasse 10
bei Wolff[285].

Шарлоттенбург 19-го Января

Дорогой Іоаннъ Груневальдский!

Эмилий Цюрихский[286] прислал нам письмо, предлагающее нам решить его приезд. Нам же представляется возможным его принять *только* в том случае, если Вы в состоянии были бы как-нибудь приютить его или у себя – он конечно возместит Вам все убытки – или же где-нибудь возле себя, т. е. устроить его таким образом, чтобы его приезд не был связан с необходимостью слоняться по всему Берлину, с жизнью в гостиницах, едой в ресторанах и т. д. Конечно все это мы с радостью взяли бы на себя, если бы не квартирный кризис и натянутые отношения с хозяйкой. К тому же я сейчас абсолютно не принадлежу себе ввиду предстоящих концертов, репетиций, предстоящего отъезда и проч.[287] И потому, как бы мне ни хотелось бы его видеть сейчас – я все же боюсь подвести его. Подумайте и Вы об этом.

Твой Николай Шарлоттенбургский.

<Приписка А. М. Метнер в левом верхнем углу открытки:>

чтобы узнать ответ буду звонить часов в 5-[т]ь сегодня.

А. М.

53

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<29.I.1923>***[288]

[Absender]
Akakius Pusen Kampf [289]
Charlottenburg
Schlossstrasse 14.

Herrn D-r Proffessor Ilyin
Grunewald, Jagowstrasse 10
bei Wolff.

29-го Янв. 1923[290]

Дорогой Иван Александрович!

Очень уж я зол на то, что нам все не удается ни побывать у вас в Груневальде, ни – главное – попасть на Твои лекции. У меня все время температура выше 37-ми, и я даже немножко побаиваюсь за свой концерт[291]. Впрочем Бог даст как-нибудь обойдется. Теперь – как твое ухо? Если не лень, то черкни слово. Еще кланяемся Нат. Ник.

Твой НМ.

54

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<1.II.1923>***

Милый и дорогой мой Akakius Pusenkampfius!

Неизреченными словами благодарит тебя мой дух за вчерашний вечер. Все жесткие корки моей ожесточенной и зачерствелой души пробил ты своей музыкой и дал мне опять вкусить от *блаженства бытия*. Да благословит тебя Господь за это новыми неслыханно поющими пениями и даром благодарить Его без конца!

Какой был дивный ночной вечер, когда мы возвращались... И какая тишина сосновая в нашем Груневальде[292], лунно-облачное колдование...

Мы как будто можем опять говорить по телефону?
Обнимаю тебя.

Твой

Joannus Osterzungius Grunewaldiensis[293].

1923/II/1.

55

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<12.III.1923>***[294]

Herrn Prof. Ilyin
Berlin.
Grunewald
Jagowstr. 10

Саксенъ-Пильниц-Эльбе, амъ
Хаусбергъ бей Фридрихъ,
Николаусруе[295].

Наконец-то, дорогие друзья, вы можете нас поздравить с руей[296]!

Вчера был первый день, что мы ночевали и устроились окончательно у Фридрихов. Начал работать. Знаете ли вы Эйхендорфа[297]? Очень он мне понравился. Сатины, у которых мы несколько ночей стояли[298], очень много расспрашивали об Ильине и хотят его пригласить в местный русский кружок читать лекцию. Очень это было бы нам всем радостно.

Пишите. Обнимаем.

Метнер Николай

<Чуть правее и выше рукой А. М. Метнер приписано:>

Анна

56

<А. М. Метнер – И. А. Ильину>

<Между 13 и 16.III.1923>[299]

Дорогой Иван Александрович!

Только теперь извлекли Милиного[300] Гете из бездны книжных шкафов. Т. к. Коля в первом томе что-то вычитывает – посылаю Вам с конца. Это даже лучше, потому что в последней книжке есть регистр всего и Вы напишите мне, какой том Вам переслать со следующей оказией. Никто не может все равно свезти все сразу, т. к. это довольно тяжело.

Напишите нам хоть словечко!

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер.

57

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<17.III.1923>***[301]

суббота

Дорогой Иван Александрович!

Оба Ваши послания Коля получил[302], но ни в одном из них не сказано, дошел ли до Вас том Гёте с приложением моей записки. Послано это было с Оцупихой[303]. Если она Вам не передала до сих пор, то позвоните им об этом по тел. Lichterfelde[304] 33-60. Я спрашивала, в каком порядке посылать Вам Гёте, т. к. никому не могу дать сразу очень много. Завтра будет из Берлина одна ученица и если она сможет взять – дам ей еще одну книгу и будет это у Архангельского[305]. Таким образом могу постепенно переслать Вам всего Гёте.

Что касается лекции в Дрездене, то Коля вероятно сам напишет Вам. От себя могу только сказать, что русская компания в Дрездене вряд ли очень расположена к настоящему серьезному слушанию и пока что это просто клуб и им нужны

поводы, чтобы собираться. Думают они послушать Вас один раз и это просто чтобы иметь тоже о Вас представление, т. к. о Вас дошли слухи. Разумеется очень возможно, что после первой лекции они загорятся и захотят еще, но пока была речь об одной лекции, закрытой, в клубе и о чем Вы сами захотите. Не думаю, чтобы из-за этого стоило беспокоиться. Говорил об этом Влад. Ал. Сатин, а не Софья Алекс.[306], которая в Америке. Откуда она у Вас взялась? Нам бы страшно хотелось, чтобы Вы тут побывали. Мы будем в конце месяца в Берлине: 20 и 21* и тогда увидимся с Вами и все о Дрездене расскажем. А пока повидаем Сатина и с ним еще раз поговорим. Мне не хочется, чтобы Вы попали в неподходящую авантюру.

Целую Наталью Николаевну.

Ваша А. М.

58

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.IV.1923>***[307]

Frau Prof. Iljin
für Herrn Osterzunge
Berlin – Grunewald
Jagowstrasse 10
bei Wolf.

Pillnitz Elbe 1 April 1923

Hochachtungsvoller
Herr!

Ich bin so frei Sie mit meinen herzlichsten Wünschen zu beglücken. Ferner möchte ich wissen ob Herr Professor Iljin meine werte Postkarte bekommen hat? Sagen Sie bitte ihm dass mich meine schöpferische Arbeit so gestreichhölzert hat dass ich nicht

* не можете ли освободить для нас один перед обед или *перед* вечер, т. к. оба вечера придется быть в театре, а дольше оставаться не можем. [Прим. А. М. Метнер.]

un standebin ihm etwas solideres zu schreiben als blos eine Postkarte. Ihr stets ergebener hochachtungsvoller von Pusenkampf.

<На стороне открытки с фотографией рукой Метнера подрисованы две уточки, как бы плывущие по Эльбе, и им же ниже прибавлены три строки:>

Was soll ich Herrn Satin sagen wegen Prof. Ilyin? Gedankt er nach Dresden zu Kommen? <*Нрзб.*> <*нрзб.* Seiserpesen?> werden Ihm <*нрзб.*> ersetzt.

[Перевод, (*нем.*):

Госпоже проф. Ильин[308] для господина Остерцунге.
Берлин – Груневальд
Яговштрассе, 10
у Вольфа.

Пильниц-на-Эльбе, 1 апреля 1923 г.

Высокочтимый господин!

Я настолько свободен, что могу, с моими самыми сердечными пожеланиями, поздравить Вас[309]. Кроме того, я хотел бы знать, получил ли господин профессор Ильин мою ценную открытку? Пожалуйста, скажите ему, что моя творческая работа настолько увлекла меня, что я не мог написать ему что-нибудь более солидное, чем просто открытку.

Неизменно преданный, искренне Ваш фон Пузенкампфъ.

Что я должен сказать господину Сатину о проф. Ильине? С благодарностью он приедет в Дрезден? Все <*нрзб.*> будут ему <*нрзб.*> возмещены.]

59

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<5.V.1923>***[310]

5 – V – 23.

Дорогой Иван Александрович!

Посылаю Вам письмо, кот. у меня <составлялось> уже несколько дней, но мне все было некогда написать Вам. А глав-

ное я все ждала ответа В. А. Сатина, но до сих пор никакого ответа.

Очевидно у них там с лекциями не налаживается. Я думаю, что дело было так: В. А. от себя сбрендил, но одним своим голосом этого решить не может, а другие не очень заинтересовались. Не такого сорта эта публика. Я сразу подумала, что ничего из этого не выйдет. Да и теперь вероятно уже поздно. Все обленились и тянутся на отдых от безделия. Люди скучающие от безделия не могут очень хотеть устроить Ваши лекции. Все-таки надо сделать напряжение. Сатины разумеется не то, но они теперь поглощены разведением огорода и сада, т. к. только что переехали в свой новый дом.

Неужели помимо этого Вам не удастся приехать сюда?

Мы бы вместе прокатились по Эльбе. Кстати Коля хочет произвести переворот в Пирне (самое коммунистическое гнездо[311]) и сесть там королем и набирает сподвижников. Это по Эльбе в 40 м.[312] от нас. Не хотите ли? Для «пробного урока»... Как на экзаменах у нас бывало.

От Верочки[313] пришло наконец большое письмо. Она хворала и даже оперировалась. Пишет, что пока ей не «удавалось» пересылать Вам. Не понимаю, что значит это «не удавалось». Скажу ей, чтобы она обратилась к княжне[314]. А может это требует средств, а у них не было. И это возможно. Она очень просит о Вас сведений и говорит, что до них доходят только слухи, но определенно они о Вас ничего не знают. Сейчас еще от нее письмо. Говорит, что Вы все получите в мае. Просит сообщить Вам, что она была у Ек. Юл.[315] – она здорова, служит и чувствует себя хорошо, нужды не терпит. Вера собирается еще распросить о ней у Ел. Пав.[316] и тогда еще написать.

Из Верочкиного письма чувствуется, что им живется не очень легко, хотя она и не жалуется.

Она очень хочет писать Вам и спрашивает Ваш адрес. Разве Ваш адрес вообще в Москве не известен? Ведь это нелепо, если будут посылать письма мне, а я Вам! И лишнее время, и деньги. Можно дать Ваш адрес или нельзя?

А. Метнер.

Привет Вам обоим.

60

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<11.V.1923>***[317]

11 – V.

Милый Иван Александрович!

Отправка этого письма еще задержалась, т. к. Коля все собирался тоже написать Вам. Но у него сейчас опять такое отчаянное состояние из-за того, что совсем не идет работа. Вы это уже собственно говоря знаете. Целые дни и ночи уходят на одно мученье и писать сейчас он Вам совсем не в состоянии; а перед поездкой в Берлин было чудесное «вдохновенное» состояние. Он уверяет, что его свихнул Берлин.

Мне страшно хочется и уже давно хотелось, чтобы Коля мог с Вами как следует серьезно поговорить об этом и я сколько раз начинала об этом говорить, но никогда ничего не выходило, т. к. или Коля сердился, что я его сую Вам, или же Вы начинали дурачиться так, как будто Вам хотят подробно рассказывать и советоваться о какой-нибудь глупой истерике влюбленной курсистки. В том случае разумеется полезно высмеять и этим отрезвить. Да ведь тут и не в жалобах дело, кот. Вы не любите; да и Коля сам ненавидит жаловаться. Но ему полезно было бы поговорить с Вами о процессе своей работы, а Вам это могло бы быть и интересно, т. к. Вы же и сами думаете над этими вещами. Но Коля сам никогда не начнет с Вами говорить, т. к. решил раз навсегда, что

Вы этого не хотите, и говорит, что когда пробовал, то ничего из этого не выходило. Он не должен знать, что я пишу Вам об этом.

Думаете ли Вы быть здесь и когда?

<Приписка на первой стр. пред. письма (текст перевёрнут):>

Сведения о том, где здесь можно устроиться, даст Руся[318], т. к. она ищет и для себя.

61

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<11.V.1923>***[319]

Дорогой друг!

Невыразимо зол, что по-видимому из Сатинской антрепризы ничего не выйдет. Неужели нам не придется видеться?! Не говоря уже о нетерпении познакомиться с Твоими работами, а также с обещанным «ЭАрионом» Н. Н.[320] Просто скучаем по вас.

Писать не люблю и не умею, да и не остается ни времени, ни сил душевных. Где вы собираетесь провести лето?

Метнерчукъ.

62

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<3.VII.1923>***[321]

Herrn Professor
Iw. Ilьjin
Berlin Grunewald
Jagowstrasse, 10

Дорогой друг! Спасибо, что наконец вспомнил обо мне. Очень рады будем повидаться с Вами. Надеюсь, что само-

чувствие ваше скоро поправится и вы не заставите себя долго ждать.

Мне улыбается будущая неделя (без уроков и визитов), но я могу очистить для столь дорогих гостей любое время, но прошу *заранее* уведомить о приезде. Не забудьте оба о разных ваших манускриптах (Эстетика[322], Арион и пр.) Я жду этого. Обнимаю Тебя и целую ручку Нат. Ник.

Твой Квазипозиторъ

Pillni<t>z 3-го Июля 1923 г.

<Приписка слева рукой Н. К. Метнера:>

Анюта обоих целует.

<На стороне открытки с фотографией рукой Метнера изображены две стрелки-указатели (a и b) и ниже им же приписано:>

Стрелка a указывает направление от и к трамваям.
——— b ——— первый поворот налево к нам.

63

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<10.VII.1923>***

Pillnitz. 10-го июля 1923.

Дорогой друг!

Вот мы и опять разъехались!

А между тем кажется, будто мы едва только начали беседовать... И сколько же теперь времени тянется этот несносный ветер, который разметает всех, кому надлежит быть вместе... Точно какой-то жандарм былых времен – «разойдись»! да и только!..

И вот мы опять одни в колодце без вас, без Э. К.[323] ...Впрочем не подумай, что я сел за настоящую писулю, чтобы рас-

пустить слюни своей сентиментальности. Спасибо и на том, что увиделись хоть так-то... Но дело в том, что я совсем забыл попросить Тебя прислать нам свой летний адрес. Итак пожалуйста не скрывай его от нас. Я хоть и не пишу писем и не буду требовать их и от Тебя, но все же не мешает иногда хотя бы только переаукнуться. Поторопился же я с этим <письмом> потому, что Вы на днях уже уедете из Берлина и тогда пиши пропало!..

Спасибо за приезд и за чтение Твое и Н. К.[324] *Большое* спасибо!

Твой Н. М.[325]

64

<А. М. Метнер – И. А. Ильину>

<между 10 и 15.VII.1923>[326]

Дорогой Иван Александрович!

О паспорте я написала Оцупу[327], чтобы он взял его у Вас и пошел бы с ним в миссию[328]. Но боюсь, что он это затянет и потому очень прошу Вас вызвать его и вручить ему это дело и, кстати уж, и брошюру о Никише[329], т. к. он[330] едет сюда 15-го числа.

Верочке буду писать завтра и напишу очень вразумительно, но отправлять это письмо подожду, пока не получу от Вас извещения, на чье имя это должно быть отправлено[331]. Спрашивала Вас вчера об этом, но Вы мне так ничего и не сказали.

Итак жду извещения. Если хотите, можете и это передать через Оцупа. Желаю Вам найти себе самое подходящее и спокойное место для отдыха.

Привет Вам обоим от любящей Вас

А. Метнер

65

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<до 23.VIII.1923>***[332]

Письмо Метнерам из Оберстдорфа

Рады были мы душой, что ответил Пильниц...
Очень долго он молчал! Эдакий отвильниц!

_____

Завтра утром на заре – уезжаем в Мюнхен.
И, укладкой торопясь, я пишу лишь плюнхен...

_____

Визы наши получив, мы уедем в Цюрих.
Я оттуда напишу. Обнимаю.

Дурих[333].

Оберстдорф. Сентябрь 1923.

66

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<23 – 24.VIII.1923>***[334]

Pillnitz. 23-го Августа 1923.

Дорогие наши Ильины!

Доне́льзя тронуты Вашими (то есть Твоим) последним письмом[335] и доне́льзя краснею, что до сих пор не собрался писать в ответ на два предыдущих письма. Извиняющих обстоятельств было разумеется тьма тьмущая. Но не хочется всех их разгружать перед Вами в свое оправдание.

Но конечно же собирался я писать Тебе чуть ли не каждый день и конечно по обыкновению собирался послать поздравление в Ильин день.

– На открытку с Гёте, где Ты пишешь о *книге* с воспоминаниями «Андрюшки Б.»[336], я и не хотел отвечать... Воспоминаний *не* читал, ибо не всякий род памяти одобряю.

– На пьяный чох «Ивана Дуриста» хотел ответить всей душой, да жаль не было вина, а под сухую не вышло бы...

Теперь все-таки несколько слов о причинах молчания. Главная конечно же как и всегда – это мои вечные спазмы, удушающие меня, едва я соберусь в *ограниченный* срок и на *ограниченном* клочке бумаги выволочь что-нибудь из своей~~го~~ нутра – и добро бы оно, это поганое нутро, молчало бы, а то вечно ноет и просится наружу. Нет во мне доброго холода и спокойствия (как раз того, что столь многие считают ~~во мне~~ моим отличительным свойством) и потому я абсолютно не умею *собирать* своих мыслей... Ты скажешь – зачем я обо всем этом пишу и при чем это нутро, кому оно нужно – но что же мне делать, если как раз обращаясь мыслью к Тебе я никак не в состоянии бываю унять свое нутро... И потом ~~поверь~~ эти спазмы так утомляли меня в последнее время в процессе моей работы, что от меня ничего не оставалось на что-нибудь другое. И чувствую, что отстаю от всего, от всех и ничего не могу поделать... И *как* же я был счастлив, что Ты все-таки вспомнил нас! Теперь передаю перо Анюточке, которая будет сначала писать под мою диктовку, а потом уже и сама от себя.

<Далее рукой А. М. Метнер:>

Итак к черту ипохондрию!

Мы ели сегодня, сейчас[337], Italienischen Salat Анютиного производства, перед нами стоят роскошные шоколадные конфекты Саротти[338], и все эти блага благодаря тому, что во-первых я продолжаю быть ссужаем издателем.

<Далее, без перехода к новому абзацу, вновь рука Н. К. Метнера, но весьма вычурным, крупным почерком:>

Eben wollden wir mit Anjutotschka sogar Cherry Brandy auf Dein und Deiner verehrten Frau Gemahlin Wohl saufen und plötzlich kommt Hedwig und nimmt daran Theil... Also prosit!!!!

N. Medtnerjutzky

<Далее рукой, очевидно, H. Friederich, см. комм 295:>

Hedwig Friederich

[(*нем.*) Мы с Анюточкой как раз собирались выпить вишневый бренди за Ваше и Вашей уважаемой супруги благополучие, как вдруг появляется Ядвига и принимает в этом участие... Так что Ваше здоровье!!!!

Н. Метнерюцкий

Ядвига Фридрих]

<Далее строка с тремя уточками и за ними вновь рукой А. М. Метнер:>

Это Коля одурел и тыкал перо в вишню и изумлялся, что вишней можно писать.

<Отсюда и до конца письма вновь Н. К. Метнер:>

Пупокъ ⊙[339]

24-го Августа

Вчера, как это Ты видишь и как это часто водится, письмо было прервано... Сначала еще несколько слов о работе, которая так много отнимает у меня сил и времени и так ничтожно мало дает результатов... Несмотря на свои 43 года, до сих пор не могу понять, что это – полное неумение или это какая-то болезненная неповоротливость мозгов? Мысли приходят мне почти всегда ѣ так сказать в голом виде или вернее мне удается подслушать их на этом «Geweihter Platz'e»[340] в виде тем, абсолютно очищенных от инструментальной краски (в противоположность большинству современных композиторов, которые *исходят* в своем творчестве как раз из самого качества шума...) А так как меня «die Musen lehren *bescheiden* Geheimnisse sprechen» («dass die Götter nicht zürnen»[341]), то я и не знаю, в какой мере я имею право *одевать* подслушанные темы в отсебятину...

Пишу об этом, чтобы спросить Тебя наконец, что все это значит – есть ли это мой неизбежный путь, который я должен принять как должное, или же... или же я собственно говоря такой же декадент, как и большинство современников, ибо отличительной чертой декадентства является крайняя *односторонность* элементов, точнее – специализация в каком-нибудь *одном* элементе, тогда как настоящее искусство требует равновесия всей бесконечной сложности своих элементов. Но что же мне делать, когда я всегда жил и загорался *только* темой (разумеется не в узком смысле этого слова) и слушал только темы и учился только темам и что только они представлялись мне всегда зерном, заключающим в себе потенцию художественного цветения, а это подлое искусство современности кажется мне пустой шелухой...

Э, да я что там говорить, я просто никуда не годный садовник и потому у меня так мало прорастает семян...

Ты небось думаешь – вот хороший человек – ему предлагают по дружбе деньги, а он в благодарность угощает своими ипохондрическими излияниями. Но честное же слово, это не ипохондрия. И теперь я перехожу к настоящему ответу на Твое письмо.

Во-первых позволь Тебя поцеловать за трогательную заботу.

Денег же нам слава Богу не нужно. Циммерман[342] опять ссудил нас небольшой суммой (не в долг, а в счет тантьем[343]) и кроме того у меня прибавилось уроков. Из них один американский – пианистка из Канады (уже концертирующая, несомненно виртуозно одаренная и не без таланта) приехала в Германию специально для занятия со мною (каково?!). Не говорит ни слова по-немецки, несколько слов по-французски (объясняемся преимущественно жестами и музыкой), приносит шоколадные конфеты и платит за урок целый фунт (не конфет, а стерлингов), причем предложила эту плату сама[344].

Главное, о чем хотелось писать вам, это о Миле[345]. Он присылал нам такие интересные письма из Америки, что мы решили непременно кое-что процитировать из них. Но это придется сделать в другой раз, т. к. сегодня мы с Анюточкой хотели съездить на два дня в Wehlen[346], чтобы отдохнуть немного и от работы и от неприятностей, которые пришлось пережить за последнее время от нашего товарища-нибелунга. Он дошел до того, что стал устраивать мне звуковые обструкции, т. е. во время моей работы стоя на лестнице у моих дверей *нарочно* играл на гармошке нечленораздельную какофонию[347]. Ну черт с ним. Еще мы получили новую Милину книгу «Ueber die Intuition»[348] – то, что он читал в виде лекций в психоанал. клубе в Цюрихе[349]. Успели пока прочесть только один параграф.

О письме Мили скажу только вкратце – он в ужасе от Америки, ему представляется, что она носит лишь маску европейской культуры, а по существу более чужда ей, чем Азия или Африка. Сам он чувствует себя видимо хорошо, ни на что не жалуется и, слава Богу, письма его полны бодрого и светлого духа. Кстати меня опять усиленно зовут в Америку (у нас был представитель Стейнвей[350]), пока на пост профессора академии с обещанием в ближайшем будущем блестящих концертов, но меня это мало соблазняет особенно после Милиных писем и мы начинаем серьезно подумывать о Москве. Но это пока еще не определенно и во всяком случае не раньше нового года...

Устал писать. Очень жду от вас известий. Работал ли Ты? Набрались ли сил? Когда думаете назад в Берлин?

На мою ипохондрич. антимонию[351] не трудись отвечать – разве двумя словами, т. е. безнадёжен ли я или еще надежен? Крепко обнимаю Тебя и целую ручку Нат. Ник.

Твой Н. М.

67

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<24.VIII.1923>***[352]

Дорогие и милые наши друзья!

Очень виновата, что не отвечала, но дело в том, что вот уже две недели, как я злюсь на живущего над нами хама, устраивающего Коле обструкции, и потому не могла писать, т. к. когда я злюсь, то я совсем не я и в эту пакость втягивать дорогих людей не могу.

В конце концов дух возмутился и освободил меня от злости.

Вчера мы как раз думали писать Вам, когда пришло Ваше письмо[353] и принесло нам настоящую радость. Коля все последние дни говорил, что его никто не любит и все забыли, и Ваша срочная весточка его как раз вовремя устыдила.

Да, кругом делается что-то плохое. И не в нас дело – мы держимся, а жутко делается за весь мир земной. Как будто течет мутный мерзкий поток и все бросаются в него и текут черт знает куда и только немногие в стороне и ждут другого и работают для какой-то другой жизни. И вот вопрос: для какой другой? И дождемся ли мы? Чувство, что нас немного. И любовь к этим немногим очень большая и является огромным утешением.

Ну, вот когда я дошла до объяснения в любви, думаю, должна кончать. Тем более, что Коля написал Вам очень много.

———————

Что касается плэда[354], то я его не беру, пока не убеждусь, что это наш. А у нас никакого плэда не было. Не Вам ли это? Боялись дать Ваше имя и дали наше. *Кто* прислал?

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер

68

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<7.X.1923>***

1923. X. 7.
Берлин
(адрес старый)

Милый и дорогой друг!

Не написалось из Цюриха – что ж тут поделаешь... Все было общение или развлечение, руки и не дошли. В Цюрихе мы пожили хорошо – Трюбы[355] были с нами ласковы и заботливы до последней трогательности. Были и моменты ~~и~~ большого духовного напряжения; я читал в клубе[356] два доклада (об Искренности и о Правосознании) и еще третий о русской революции; были потом и отдельные напряженные беседы (с Мэдером[357], с проф. Шпёрри[358]) и коллективные, тоже весьма подъемные встречи. Но были и часы самого беззаветного отдыха, с этими удивительными итальянскими винами и чудесным, глупо осчастливливающим душу и бесконечно разнообразным Iodeln[359] (как будто впервые влюбившийся мальчик бессловесно запел...). Мы с Трюбом вдвоем ходили даже в цирк и потом всё подражали клоунам и зверюшкам. (Помнишь, как мы с тобою в цирк пошли в Москве?). Вдвоем с Н. Н. мы ездили на три дня на итальянские озера, переходили итальянскую границу и ночевали на Isola ~~ь~~Bella[360].

Все это отшумело теперь, как милый и приятный сон. И странно даже вспоминать о том, что мы были в этой здоровой, доброй и спокойной стране. И чудесным трепетом наполняется сердце, когда видишь в воображении эти изумительные, богоблагодатные горы, до половины занесенные только что выпавшим снегом, мимо которых нас мчал поезд обратно...

С Юнгом я *не* познакомился. На доклады ни он, ни Frl. Toni[361] не прибыли; приглашения я не имел; а набиваться

не в моих правилах. С Frl. Toni мы имели встречу у Трюбов; она произвела на нас отрицательное и прямо тягостное впечатление. Вообще посмотрев вблизи на атмосферу цюрихских аналитиков, мы не раз вспоминали твое вещее слово о том, что там «*не без чертовщины*»... При этом я постарался уяснить себе ее природу, возникновение и опасности – и вынес немало поучительного. Чем скорее Э. К. забудет свои аналитические годы и чем менее он ~~позволит~~ будет позволять своим аналитикам ворожить над собою впредь – тем будет лучше. Осторожно и мягко – но я ему уже написал об этом. Трюбы уже высвободились из этой атмосферы; счастливы те, кто совсем в нее никогда не попадали...

Теперь в Берлине. Как тягостно и противно! Эта вечная тревога о марке, об угле[362], о еде и обо всем прочем... Нажим от хозяев, разлад с уезжающим портье etc. etc. Понемногу все налаживается, но как это все противно! Лекции[363] начинаются с ноября; жалованье, кажется, будут платить; а русская эмиграция все такая же постылая.

Но поговорим лучше о тебе.

В последнем письме своем ты превосходно формулировал одну из причин своей «спазмы»: «в *ограниченный срок*» и «на *ограниченном клочке бумаги*»...[364] не выходит никогда. Отсюда правило: *никогда никак не нудить* – никаким «уроком на сегодня», никаким «ах, я сегодня ничего не сделал», никаким «да, ну же, лезь, черт». У меня была старая няня; когда я садился – я любил тужиться и кряхтеть, багровея; а она говорила всегда: «Ваня, не тужься, будешь кряхтеть и жилиться – пузинько лопнет»... Я и посейчас слишком часто *шпорю* делаемое, форсирую, подстегиваю уроками, гоню – и так бываю счастлив, когда мне кто-нибудь скажет: «Да ты, дурашка, не сразу, потихоньку, отпусти, спокойно, не торопись»... И вдруг «отпустишь» и удивляешься – чего же это я пер-то; я думал,

что это *я* пер дело, а это *оно само* только ..... (миль пардон! о резервуар![365]).

Серьезно: я думаю иногда (а я о тебе *очень* часто думаю, по несколько раз в день), что тебе отчасти мешает *сознательно-волевая функция*. Тут нужна особая установка перед процессом творчества; я сказал бы – особые, вдвигающие душу в легкоую самопроизвольность, медитации. Но об этом я тебе еще напишу, скоро; отдельно...

Декадент, насколько я понимаю, не тот, кто от-пал (de-cado = от-падаю) в *один* элемент, а тот, кто отпал от *главного* в неглавное, от центра и существа в нецентрированную несущественность. Чтобы тебе стать декадентом, надо было бы тебе умереть и родиться вновь в шкуре неудачника-пустоблюдолиза... Однако я склонен предположить, что возможно, что теб в тебе родятся *иногда* и в самом деле голые Ur-мотивы (ур-mMotiven[366]), которые хотят оставаться в райском костюме.

Музыка родится из стона (мелос) и вздоха (ритм); но ведь в первичном виде вздыхающий стон есть молитва *одноголосая*. Ты же в последнем и священном естестве твоем – создание *древнее*; ты живешь мифом праотцев и я с полной философической серьезностью склонен допустить, что у тебя могут ро зарождаться *одноголосые мифы* стоно-вздыхающих первочеловеков. Возможно, что тут нужна необходимо дерзновение, реставрирующее аркадскую[367] флейту-соло или безаккомпанементный и бессловесный вокализ?! Скрипку-соло?

Я думаю, что современные музыкальные фасоны-деперле[368] во всем их диапазоне для тебя *недостаточны*; надо тебе, чтобы ты разрешил себе особые *виды* и формы композиторского изложения... Какие? Да почем же я, черт возьми, знаю!.. Всякие! Афоризмы, бессловесные вокализы в три строчки, Schumann-Album[369], ***детскіея***[370] песенки без слов (колыбельная, качели, птичку послушает, бабочку ловит) – ну, словом, не приставай пожалуйста...

А, если глупо советую, плюнь и забудь.

Напиши вот что: серию бессловесных вокализов под интимным заглавием – «влюбленность пещерной женщины»; или другую серию: «короткие наставления о жизненной мудрости старого фавна молодым фавняткам»...

А впрочем – если не хочется, то *не* пиши! Позволяю. –

_____

Тут все, мысленно возвращаясь к тебе и шаля, я не удержал в себе каких-то стишков, посвященных тебе. Все они выпрыгивали, выпрыгивали (больше в поездах) – я их записал; на днях приведу в порядок и пришлю[371].

_____

Хочется мне еще сказать тебе словами Н. И. Гнедича, обращенным к Пушкину:

«Уши закрой от похвал и сравнений
Добрых друзей;
Пой, как поешь ты, родной соловей!»[372]

С этими словами, перечитывая твое письмо, я много раз обращался к тебе за этот месяц...

И еще одно, совсем простое: *творчество* есть всегда *самовыговаривание* ***влюбленности***. Не может быть, чтобы влюбленность не пела. Помнишь эрос Платона или «коней» Парменида, мчащихся в чертог богини[373]... Но когда она поет, то она поет сама *о чем хочет* и всегда о *сумасшедшем*, выпевая сумасшедше последнюю тайну ведающей Эрды и вещих Вед[374]... – Что же тут можно советовать?

Но «покряхтеть» тебе в помощь – я готов всегда; дети думают, что это «помогает»; а может быть они иногда и правы?..

Целую Вас обоих от себя и от Наталии Николаевны.

Какіея Ваши намерения на ближайшие месяцы? И когда же мы теперь увидимся?

Твой «филососъ»

<Приписка теми же чернилами, что использовались для письма:>

В здешних делах – левые гораздо слабее правых; но в Саксонии и Тюрингии левые сильнее и наглее[375], чем где бы то ни было. Слева вряд ли будет что-нибудь серьезное; но справа...

<Приписка карандашом:>

Утром, после разговора[376]:

Как я счастлив, что мы опять вместе поживем!

69

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<X.1923>***[377]

Пильниц

поэма

Н. К. Метнеру

1. Помнишь, милый Коля,
   Как, забыв свой сплин,
   Зреть тебя заволя,
   Кинул я в Берлин[378].

2. И приехав в Дрезден,
   Я себе сказал,
   Что судьбой заезден
   В счастье я попал.

3. А завидев Пильниц,
   Говорил с женой,
   Навзничь пасть мне, иль ниц
   Пред величиной,

4. Что живет на Гаусберг[379],
   Музыку творит
   (В яйце его страус вверг
   В человечий вид),

5. У хозяек Фридрих[380]
(Русский чародей)
Укрощая гидр их
Музою своей.

6. Говорят, саксонцы
Ходят не дыша:
Подносить червонцы
Хочет их душа.

7. Говорят, продукты
Даром все несут
И что виадукты[381]
Скоро проведут.

8. Слушая сонаты,
Травка не растет
И принцесса[382] ваты
В уши не кладет.

9. И лежит вся пыль ниц,
Как у ног царя,
И не надо мыльниц
Коле благдаря.

10. Даже коммунисты
(Смею ли сказать?
Души каменисты
Кочкина[383] их мать) –

11. Думают: у Эльбы
Коле в самый шлосс[384]
Постелить постель бы
Как бы не пришлось[385].

12. Веря сей поэмы
Сладостным мечтам,
Ехали к тебе мы
Эльбы по волнам.

13. Видим: местный дам – вшив,
Херр[386] же – вовсе лыс.
И, покинув дампфшиф[387],
Вверх полезли мы-с.

14. Вот и Гольднер Леве[388],
Отелили нас...
Горечь пива в зеве
Прямо аус дем фасс[389].

15. Вот пришли мы к Коле...
Что же я скажу?
Видишь: я от боли
Слов не нахожу...

16. То, о чем мечталось,
Даже у ворот,
Сразу оказалось –
Все наоборот...

17. Пильниц сер от пыли...
Прах летит столбом!
И автомобили
Ломят напролом.

18. Кто-то сквернословит,
Меркнет Божий луч.
Коммунист готовит
Богомерзкий путч[390].

19. И саксонец местный,
Рылом туповат,
Радикалик пресный
Коммунисту рад.

20. Жадностию дышет,
Злобою пыхтит...
Музыки не слышет[391],
Колю и не чтит.

21. Дороги продукты,
В лавках пустота,
Не созрели фрукты
И мошна пуста.

22. Что дают, то лопай
Сидя не у дел,
Немец пузо..пый
Коле надоел.

23. Воет пес поджарый,
С голоду отек,
Из принцессы старой
Сыпется песок.

24. Дом стоит без солнца,
Буйные кусты,
Дождь стучит в оконце,
Мерзость пустоты[392].

25. Новый Олеарий[393],
Что же я узрил?
Грубый пролетарий
Колю уплотнил[394].

26. Словно за̀ хвост кошку,
Подлая душа,
Писклую гармошку
Давит не спеша...

27. Пролетенок бледный
Вопли издает...
И Анюте бедной
Тысяча забот.

28. Но, взирая долу[395],
Крепок, как гранит,
Божию глаголу
Верность жрец хранит.

29. Божию веленью
Верностью дыша,
Верит вдохновенью
Колина душа.

30. Коля одинокий,
Как бы на горе,
Внемлет светлоокий
Божией заре.

31. Предков первозданных
Слышит вздох и стон,
Ждет вестей желанных
От зефиров он.

32. Пленник жизни бренной,
Легких муз супруг,
Ловит вдохновенный
Горней[396] жизни звук.

33. Видел я, как Метнер
В чувственной пыли
(Подлинный предметнер[397])
Строит дух земли.

34. И я понял, Коля,
(Кто я там ни будь),
Что благая Воля
Правит жизни путь.

1924. июль–август.
Oberstdorf in Allgäu[398]

1924[399]

70

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<9.IV.1924>***[400]

Germania
Herrn Professor
I. Ilyin
Berlin Grunewald
Jagowstrasse, 10. Флоренция 9-го Апреля 1924 г.

Дорогие друзья!

На пути застряли на 3 дня в Цюрихе – целыми сутками разговаривали... далее в Милане (где я уже ошалел от одной Беатриче д'Эсте Леонардо да Винчи[401]) и, наконец попав сюда, нам приходится на первых порах до такой степени захлебываться впечатлениями, что не остается ни сил ни времени ими делиться... Да сразу и не соберешь всего – до такой степени неукротим поток этих впечатлений. Скажу только, что вся жизнь сразу кажется разделенной на дофлорентинскую и послефлорентинскую и что далее жить как раньше уже нельзя. Никогда не думалось, что может быть столько свету на нашей бедной земле, столько мажора в образах искусства, природы, ... Здесь и печаль-то сама улыбается!.. Напишу непременно, как только опомнюсь!..[402]

Обнимаю и приветствую вместе с Анютой.

Н. М.

<На стороне открытки с фотографией, по верхнему краю фото и на свободном справа сверху месте, с продолжением по левому, нижнему и правому полям:>

Наш адрес: Firenze, Piazza dell'Indipendenza, 13. Pensione Bianchi. (Банки[403], кот. ставят ~~для~~ больным для оттягивания крови, а здоровым – денег из кармана..... совсем здесь *не* дешево!)

Думаем остаться подольше, не хочется и думать пока об отъезде отсюда и потому непременно пишите!!

О Рахманинове пока ни слуху ни духу...

71

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<15 и 19.IV.1924>***[404]

Флоренция 15 апреля 1924.
<Чуть ниже рукой Ильина:>
1924. апр. 15 – 19.

Дорогой друг!

Вот уже десять дней исполнилось нашему музейному радению и уже третий день, что я хромаю и глаза мои совсем выскочили на лоб от напряжения, а чудесам все еще не предвидится конца. Никогда не думал, что в состоянии быть по 8 часов в день на ногах и что, натерев себе ногу, с болью продолжать непрерывное хождение – теперь только понимаю, каким образом паломники выдерживали бесконечный путь к святыне...

Да, несомненно искусство, которое приходится здесь созерцать, – подлинная святыня... Конечно много слоняется здесь праздных туристов, но с радостью замечаешь, что большинство подходит к этому искусству не с любопытством, а с благоговением и каждый раз оглянувшись на публику видишь на лицах блаженную улыбку и это иначе и быть

не может, потому что все это искусство само есть святая, блаженная улыбка... Господи, если бы можно было весь мир поселить на время во Флоренции!..

И вот этой-то улыбки я не вижу у Микель-Анджело[405], у него вообще нет улыбки, а у Рафаэля хотя конечно есть, но уже не та улыбка... Я говорю о той несказанной божественной улыбке, которую я вижу начиная с Фра Беато Анжелико и Донателло на протяжении целого века до Рафаэля и Микель-Анджело, то есть с конца XIV до конца XV века. Всех предшественников я могу любить и ценить только как учителей этоґой светлой плеяды, а последующих – как учеников. Первые для меня слишком строго напряженны, а вторые слишком свободно-виртуозны, и хотя я разумеется восхищаюсь и ими, но *не до самой глубины души*, не до самой тишины души, не до умиления.

Ужасно хотелось бы самому разобраться в том, что именно меня так пленяет в итальянском искусстве именно этого века и почему по мере удаления от него (ве́ка) в прошлое или будущее, я становлюсь равнодушнее, не говоря уже о том, что переходя из зал итальянцев (Ботичелли, Гирландайо, Перуджино) к немцам (Дюреру или Кранаху) или к Рубенсу – я испытываю чувство близкое к отвращению... Ведь на самом-то деле я дальше чем кто-либо от возможности подходить к искусству как к сладкому пирожку и именно потому никогда не мог понять например увлечения итальянской оперой или Карлом Дольче[406], Мадонны которого те же примадонны и годятся разве только для украшения конфетных коробок или дамских будуаров... Мне кажется, что никогда живописное искусство не было столь истовым, как в ту эпоху у итальянцев, (т. к. истовость наших икон, которые я, кстати сказать, страшно люблю и ценю, все же до известной степени стеснена и обусловлена *церковно*-религиозными традициями и тем самым ставит их в такое же отношение к религиозным картинам Ботичеллей и Гирландайов, в каком находится например

знаменный распев к 9-й симфонии Бетховена. Нет, для меня непостижимо, как ~~можно~~ могли они, оставаясь в миру, быть столь целомудренны! Даже не только это, а как им удавалось перенести *ту же* истовость, целомудрие и на другие *нерелигиозные* темы. Вот этого-то сочетания я и не вижу ни у их предшественников, ни у последователей. Леонардо и Рафаэль улыбаются уже не той улыбкой как они, а строгая истовость Чимабуэ или Джиотто не так человечна, как у Мантеньи. А уж Дюрер!.. Боже, сколько Gehässigkeit[407], судороги, мятежного напряжения и как мало красоты. Сколько проблем художественного существования и как мало гармоничного бытия! Всегда такое впечатление, что что-то разбросанное, натыканное, накомканное надо еще раньше собрать глазом, да еще и соберешь ли – мне это почти никогда не удавалось. Верю, что говорят, да и сам капельку понимаю, что во многом огромное мастерство, новые пути и проблемы... Но ведь опять проблемы, а я хочу просто жить красотой...

И вот, отойдя с испугом от неистового Дюрера или безобразного Кранаха или же бесстыдного виртуоза Рубенса, осмеливающегося каких-то жирных банщиков называть Христом, к Рафаэлю, невольно отдыхаешь, любуясь красотой форм и красок, но... отдохнув испытываешь пресыщение от этой внешней красоты – Рафаэль начинает казаться каким-то Нарциссом, созерцающим свою собственную красоту... Я не хочу сказать, что он никогда не созерцал божественное (иначе он не написал бы Сикстинской Мадонны), но во всяком случае это было редко, а в большинстве случаев его религиозные картины (почти все знаменитые Мадонны, кроме Сикстинской) неискренни и потому вовсе не религиозны, а просто лишь красивые картины, а темы этих картин суть вовсе не темы, а лишь сюжеты. И чем дальше вперед тем больше видишь, как божественные темы становятся не по плечу художникам и потому отдыхаешь, глядя на голландцев с их скромными человеческими темами... Чем дальше тем больше видишь,

как художников главным образом начинают занимать чисто технические проблемы и так называемый пресловутый реализм; и тем больше забывается та простая истина, что техника в отрыве от темы, не порожденная ею, есть несовершенная техника и может интересовать лишь узких ремесленников и что разделение искусства на реальное и идеальное – простое недоразумение, ибо всякое искусство должно быть реально и идеально в одно и то же время. Так например ангелы Ботичелли для меня абсолютно «реальны» и никогда по-моему не удавалось никому достигнуть такого ангельского реализма, как ему, а с другой стороны банщик Рубенса реален лишь как банщик, но отнюдь не как Христос... С другой стороны искусство как бы всегда идеализирует, и все эти пресловутые «реалисты» не замечают того, что они идеализируют навозные кучи, в которых копаются так же, как скряга или сребролюбец несомненно идеализирует деньги и богатство, иначе не мог бы посвятить ему своей души.

19-го апреля.

Вчера совершенно неожиданно нагрянул в комнату нашу Сергей Васильевич[408]. Он как и всегда очарователен. Рад я ему бесконечно. Но из настроения своего я конечно выбит этой встречей. Впрочем вовсе не жалуюсь на это. Виделись подолгу вчера и сегодня, но пока главным образом говорили о моей поездке в Америку, т. к. необходимо не только вскоре же принять решение, но оказывается нельзя откладывать даже покупку билетов на пароход, т. к. многими это делается чуть ли не за год. Контракта я еще не подписал, т. к. его пришлют мне только на днях, но он (Рахманинов) решительно советует мне ехать, хотя и предупреждает, что самое большее (при экономной, скромной жизни) я смогу очистить 3 тысячи долларов. Для меня это конечно сумма очень большая, но зарабатывать ее я должен буду не 2, 3 месяца, как думал раньше, а minimum полгода. Во всяком случае я приму положительное решение...

Страшно рад возможности более основательно повидаться с С. В. – он с семьей пробудет здесь вероятно до 10-го мая.

Страшно тронул он меня, заявив, что нашел у меня еще один «гениальный на сто процентов» романс, оказавшийся по его на́свисту «Цветком» Пушкина[409]. Трогательно восхищался и «Ангелом», т. ч. я надеюсь, что он постепенно дойдет и до других замолченных им пока сочинений. Впрочем если не дойдет так и не надо... Очень уж он натурален и подлинен. Мечтаю, чтобы он мне хоть что-нибудь сыграл. Во всяком случае решил приставать к нему с этой просьбой, аки психопатка...

Как-то дико и неловко возвращаться к той галиматье, которую писал предыдущие дни. «И что это он мне все рассказывает» «И зачем это он мне рассказывает»? Так и слышится мне Твой вопрос. А я просто переваривая свои впечатления, желая в них разобраться мысленно обратился к Тебе и невольно взялся за перо. Но как и всегда мне ровно ничего не удалось сказать. Впрочем попытаюсь покороче резюмировать и закончить ~~то~~ главное~~,~~ из моих впечатлений.

Теперь мы перебывали уже везде и во многих учреждениях даже раза по два. Не пропустили ни одной церкви и даже ни одного cenacolo[410] (тайн. вечери). Многие художники раскрылись мне здесь впервые. И поразило меня следующее обстоятельство: когда я начал потом просматривать подчеркнутых мною художников и вглядываться в их хронологию, оказалось, что все до глубины захватившее меня относится к ~~началу <*прзб.*>~~ 15-му веку. Микель-Анджеловский Давид произвел на меня более холодное впечатление чем Донателловский и Вероккиевский. Гробницы Медичи великолепны. Мадонна (там же) изумительна по искусству. Везде много мысли и колоссальная сила воплощения. Но нет религиозного трепета, нет *человеческой* любви к Богу, а или безбожие, или богоборчество... Впрочем может быть и не то, а просто какая-то языческая психология. Здесь мне вспоминается наша, т. е.

Ваша, беседа о моем Арионе[411]. Я очень понял, что Вы тогда говорили, и опираясь на это хочу сказать, что конечно же искусство всегда должно быть религиозно (за какие темы оно бы ни бралось) и всякий отрыв от центрального религиозного чувства отражается в творчестве. Искусство по существу своему религиозно, и по происхождению и по устремлению и по всему. Оно по существу своему консервативно, по существу своему склонно к идеализации и проч. и проч. в противоречие всему, что сейчас говорится и делается в искусстве. А говорится и делается сейчас все противное в искусстве потому, что художники *постепенно* оторвали свое искусство от религиозного чувства и превратили его в специальность и мастерство. Если бы этого не было, то художники понимали бы всю глубину и значение настоящих апостолов: Ботичелли, Гирландайо, Перуджино, Фра Беато и т. д. и не предпочитали бы им Рафаэлей и Корреджио только потому, что у последних может быть смелее кисть и ярче краски. Я черт знает как безобразно говорю, но параллельно с умилением, вызванным во мне святыми óбразами итальянцев 15-го столетия, я испытываю такую ненависть и стыд в отношении к нашей современной суетности, «эволюции» к этому диавольскому революционизму, постоянной ломке и исканию в потемках!.. Господи, как у них все спокойно, торжественно, значительно и до чего покой этот божественен, т. е перспективен, т. е. покой в Боге, за которым неисчерпаемая волна человеческих чувств и страстей. Мне ~~кажется~~ представляется это искусство евангельской женщиной, возлившей миро на главу Христа, за что Он благословил ее до скончания веков[412]. А мы суетники – ничто иное, как смоковница, обреченная на бесплодие[413]. __ __ __ __ __

Ради Бога не подумай, что все это вызвано *религиозными* ***темами*** этих художников. Их религиозность, истовость потрясает меня одинаково и в портретах и в мифологических темах как напр. Рождение Венеры и Минерва Ботичелли – картины, превосходящие все, что было написано в этом роде.

72

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <19.IV.1924>[414]

Дорогие друзья!

Эта страничка почему-то оказалась у Коли пустой, и я решила ее использовать. Нам Руся[415] сообщила, что И. А. совсем поправился и нас это очень порадовало. Когда же Вы теперь и куда двинетесь? Уезжая из Германии Вы конечно получите уже и обратную визу – если не ошибаюсь. А то С. В.[416] нам сказал, что теперь русским с небольшевистским паспортом совсем не дают немцы въезда и он с трудом только благодаря протекции получил визу.

Н. Н. просила меня сообщить о нашем устройстве, о ценах и проч. ... Здесь гораздо дороже чем мы думали, но и благоустроенее. Начать с того, что каменный пол в комнате покрыт коврами и совсем не холодно. И еще: жуликами оказались только извощики и носильщики, и то не все, а вот прочие пока проявляли себя очень честно. Здесь народ за военное время абсолютно не испортился, их всеобщая чума не коснулась. Такой человечности мы уже давно не встречали. Не будь здесь так дорого и еще шумно для работы, мы бы могли прожить лето и здесь.

Пансион наш не из дорогих, но хороший. Кормят очень недурно и все очень приветливы. И не грязно. В день с человека 33 лиры. Это все кроме денного чая, кот. делаю сама. Т. е. утренний кофе с хлебом и маслом, завтрак из 2-х блюд и обед из 3-х. Сюда же входит и отопление, освещение и услуга. Но есть пансионы и в 40, 45 и 50 <лир>.

Что касается данных Вами указаний, где из картин что найти, то все оказалось переехавшим на другие квартиры и еще не вошедшим в каталоги и нам много пришлось бегать, пока мы все отыскали[417]. Некоторые вещи, указанные в Бедекере[418], исчезли и мы случайно напали на них. Колина

работа была почти каторжная. Но награда за это была щедрая! Ботичелли почти весь собран в одну комнату[419], и это производит особенно уводящее впечатление, когда уже ничто другое не мечтаешь. (И бедная мадонна Карла Дольче[420] может жить спокойнее и нам не пришлось услышать «Ecco la Minerva[421]...» и т. д.) Там и эта Минерва, и Annunziazione[422] и две Мадонны (одна Magnifica<t>[423] и другая грустная[424]), и Krönung Maria[425], и Поклонение Волхвов, и Весна[426]. А в St. Marco[427] собран Fra Beato[428] и там же в кельях его фрески. Это место совсем свято. Ну, да мне нечего и писать – Вам все сказал Коля. Обнимаю Вас.

Очень ждем ответа.

Ваша А. Метнер.

73

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<около 27.IV.1924>***[429]

Христос Воскресе!

Дорогой друг!

Спасибо тебе за письмо. Оно дало мне большую радость. Жизнь моя так же солнечно и благодатно озарилась во Флоренции[430]. Во *всем*, что ты пишешь, я вполне с тобою согласен; и в общем, и в деталях. У Микель-Анджело религиозную глубину можно найти кажется только в «Ночи» (Capelle Medicei[431]); а в остальном он более *исцеляет душу*, чем ведет дух[432]. Нет – религиозная глубина есть у него, и величайшая – в образах Римского плафона[433]!

Я не завидую тебе, читая твои письма, а бескорыстно радуюсь тому, что Флоренция так чудесна и что ты ею счастлив. Поглоти ее и пой, наш «родной соловей»![434]

Пиши мне чаще. Это меня утешает.

К сожалению Оцупы[435] сообщили Вам вздор обо мне. Я не только не поправился, а ползу куда-то вниз, в неизвестность. Температура повышается все больше и утром, и днем; погода скверная, холод, ветер, дожди. Доктора шлют на юг, и я судорожно боюсь за то, чтобы наскрести необходимые деньги. До сих пор ни одному издателю ничего не удалось продать. А без этого я не справлюсь. И не уеду.

Спасибо Анне Михайловне за приписку. Пожалуйста, не забывайте и пишите, чем больше, тем лучше.

Обнимаем обоих.

Ваш ИИ.

Раньше 1 июня отсюда *наверное* никуда не удастся тронуться.

Чувствую себя вполне в воле Божией и томлюсь больше темпераментом, чем духом.

74

<Н. К. Метнер – Н. Н. Ильиной> ***<2.VI.1924>***[436]

Erquy 2-го Июня. 1924.

Здравствуйте дорогая Наталья Николаевна!

Посылаю Вам эту открытку как образчик местной природы. Кроме того пользуюсь ею, чтобы ответить вам обоим по поводу Микель-Анжело. Я разумеется чувствую его силу. И вижу его «искание», но понимаю его более художественно, чем религиозно. Видел в Риме его «Карающего Христа» (Сикст. Кап.) и нашел эту картину ужасной во всех отношениях. Хороши там сибиллы. В особенности дельфийская. Видел гробницу Юлия (в Риме же) – ужасно мало вкуса – смесь ветхого завета с античным – никак не соберешь. Видел там же Христа с Крестом, обнаженного, аки Аполлон... Да, и Давид

его ***раздетый***! То-то и есть, что, насмотревшись на языческибожественную, религиозную по-своему, античную наготу того же Аполлона Бельв. в Ватикане и других античных шедевров, невольно видишь у Микеля людей, только что снявших с себя штаны. Ведь Аполлон-то носит свою наготу так же непринужденно, как истый денди фрак...

Нет, в наше время лучше держаться синтезов, а не исканий... Боже, как хороша Мадонна в скалах Леонардо!!

Не забывайте нас. Целую ручку.

Ваш Н. М.

75

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<2.VI.1924>***[437]

Адрес:
«Ker Linette», Erquy, Côtes du Nord, France

Бретань 2-го Июня 1924.

Дорогой друг!

Из Парижа отправил вам открытку[438], а теперь хочу попытаться написать более обстоятельно, благо что до сих пор не прибыл Стеинвейский рояль[439] и я не имею возможности работать.

Флоренция кажется мне сейчас каким-то сном из времен детства. Дорожная суета, тяжелое впечатление от Парижа и постоянная тревога за исчезающие деньги и (главное) время до такой степени раздражили меня, что я почти готов раскаиваться во всей этой авантюре[440]. Никогда в жизни я не был столь продолжительно на дорожном положении, как в последнее время, и даже теперь, несмотря на то, что мы уже с неделю достигли конечной цели нашего странствия, все еще сижу и жду рояля. Нет, не нашему брату и не в наше время путешествовать!!

Здесь, слава Богу, жизнь совсем деревенская. Природа вполне удовлетворительна своим разнообразием. Море, поля, холмы и даже лес. Пока очень тихо и можно гулять хоть в подштаниках. Лавки существуют только для того, чтобы доставлять обитателям эти самые подштаники, а также услужливо и за скромную цену снабжать их необходимым пропитанием. Я обожаю эти деревенские захолустные лавочки и ненавижу наглые столичные магазины, не обслуживающие жителей, а выпивающие из них кровь и заслоняющие собой и храмы и небо и самую жизнь...

Это определенно недорого. Думаю, что от 800 – 1000 франков хватит в месяц за все. На доллары это выходит 50 дол. круглым счетом *maximum*.

Местечко наше находится на северном берегу Бретани между St. Brieuc и St. Malo[441]. Таким образом наше море не океан, а Ла-Манш и кроме того на севере мы защищены маленьким мысом.

Впрочем не знаю – зачем я тебе все это рассказываю – вы вряд ли сюда поедете, т. к. стремитесь на юг. Нам же необходимо было засесть поближе к Шербургу[442], чтобы наше последнее перед океанским плаванием путешествие поменьше сто́ило и денег и времени.

Неужели же мы так и не увидимся до после Америки?!! Впрочем я все еще не подписал контракта, т. к. в исправленном (Рахманиновым) виде он мне еще не был прислан.

С Рахманиновым, как во Флоренции более двух недель, так и проездом в Цюрихе (5 дней), виделись ежедневно и общение это меня весьма порадовало. В чудесной, настоящей русской, флорентинской церкви встречали вместе Св. Праздник[443], причем он все время своим профундистым басом[444] подтягивал молитвы... Кстати – он уроженец Новгорода Великого, что на Волхове[445], и раннюю юность свою провел с бабкой[446] в этом древнем городе. Бабка воспитывала его в церковности. Он был

дружен со всеми монахами и монашками, принимал участие в церковной службе и много звонил в колокола.

Продолжительное общение с ним еще более убедило меня в огромной ценности его как художника, так и человека. Удивительно, как за его суровой внешностью скрывается живая, глубокая и в то же время простая, наивная душа. Он и молчит потому, что живо и глубоко чувствует. Америка нисколько не коснулась его души, а разве только заставила ее еще больше замкнуться. Жаль только, что он мне так и не играл. Я же по его настоянию играл ему три раза и помногу... Но об этом как-нибудь в другой раз.

Теперь, ради Бога, сообщите нам, куда вы едете и главное о здоровье! Оцупы писали нам по адресу Конюса[447] в Париже, что Ты по-прежнему жалуешься на здоровье. Это меня глубоко огорчает, хотя я и уверен, что главная причина затяжки Твоего недомогания в тревожной жизни. Нам всем необходимо научиться полагаться на Царя Небесного, раз у нас нет земного, нет ни родины, ни дома.

Еще необходимо не терять друг друга из виду. А потому пишите.

Крепко обнимаю Тебя

Твой Н. Метнер

<Приписка А. М. Метнер:>

Очень, очень грустно, что Вы все еще не здоровы. Надо скорее уезжать из Берлина. Если нет денег, то может найдется у кого занять? Мы все-таки надеемся, что Вы уже укатили и потому шлем это письмо Оцупам, т. к. вероятно, они знают, куда Вы поехали.

Скоро должна быть в Берлине проездом Верочка[448] и если Вы еще там, то она Вас увидит.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. М.

76

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<1.VII.1924>***

1924.VII.1

Дорогой друг!

Не знаю, сколько времени я бы еще откладывал письмо к тебе, если бы сегодня ночью мне не приснился этот сон. Мне приснился твой *новый* романс; я все его играл и пел, наслаждающийся и счастливый; волнуясь столь же метафизически, сколь и звуками; и (во сне) высказываясь Наталии Николаевне. А когда проснулся, то не помнил ни мелодии, ни слов. Знаю только, что в нем говорилось о благословенности земных страданий и смерти и что он был написан в ла-мажор. Вот и все.

Не знаю Вашего адреса и потому пишу на Льва Эдуардовича[449]. Мы оба шлем привет тебе и Анне Михайловне.

Твой И.

Поклон Конюсам. Пришли свой адрес!

Наш адрес изменчив и поэтому даю пересылочный:

München-Nymphenburg. Südliche Auffahrtsallée. 3. b. I
Herrn Kunstmaler Georg Gabritschewsky[450]
für Prof. Iljin.

Получил ли ты мое письмо, писанное в ответ тебе на Флоренцию<?>

77

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<17.VIII.1924>***

Erquy 17-го Августа 1924 г.

Милый друг мой!

Очень часто хочется писать Тебе. Но выходит очень редко, т. к. я по-прежнему веду непрерывную и непримиримую войну со временем. Теперь в особенности, т. к. все еще никак не могу кончить сочинять, а между тем Америка уже на носу

и приходится вовсю разыгрывать свои старые пальцы. Эта борьба со временем доводит до того, что я даже во сне вижу, будто стрелка моих часов вдруг начинает кружить с невероятной быстротой, потом вдруг останавливается и постепенно развивает ход в обратную сторону...

Письмо Твое от 1-го Июля получил и очень благодарю за него. Тронут, что Ты во сне слышал мой новый романс, но вряд ли это тот, который я сочинял как раз в это время. В нем говорится о «благословенности» не «земных страданий и смерти», как это было в Твоем сне, а о благословенности поэтической мечты и отношении ее к смерти... Кроме того он написан в сольмажоре, а не в ла-мажоре... Это «Элегия» Пушкина: «Люблю ваш сумрак неизвестный»[451], которая наконец-таки вылупилась из своей скорлупы... Песнь же о благословенности земных страданий и смерти, которая живет в душе моей уже 20 лет и которая связана с текстом «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь; блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь»... эта песнь все еще никак не может сложиться в окончательной форме... Впрочем, это не романс и тоже не a-dur'e, а в c-dur'-e...[452]

Дорогой мой, напиши мне пожалуйста о себе и Нат. Николаевне. Удалось ли лето? Поправились ли вы? Как работа?.. Как скучно об этом *писать* и как несносна наша разделенность и когда это мы опять, аки пролетарии, начнем соединяться!..[453]

Очень буду ждать напутственного слова от вас перед нашим отъездом за море, который состоится приблизительно через месяц, но не позднее 1-го Октября. Рука так устает от игры и писания, что не могу управлять пером...

Всего хорошего! Не забывайте нас и непременно вскоре же черкните пару слов!

Обнимаю Тебя и целую ручку Н. Н.

Анюточка вам обоим кланяется

Твой Н. М.

«Ker Linette» Erquy, Côtes du Nord[454].

78

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру <16–18.IX.1924>

1924. IX. 16–18.
Italia. Alto Adige[455].
Siusi[456]. Albergo Unterwirt[457]

Дорогой друг!

Не брани меня за молчание. Это не от «забвения». Постоянно ношу в себе твой духовный образ и часто медитирую твоими звуками; это уже раз навсегда – и невытравимо из моей жизни. Но писать...

О чем? О главном? Нет слов, ибо требуешь от себя *поступков* и прощаешь себе только те слова, которые равносильны поступкам. И потому –[458]. А о неглавном? Хотя бы о «себе» и своем «здоровье» – не стòит. И еще одно: очень важно, прямо необходимо чувствовать для писания – что оно, это писание, *необходимо духовно* тому, кому пишешь. А это в моей жизни становится все реже.

Скоро тебе уже ехать в Америку. Будь всегда уверен, что *в каждом концерте* тебя слушают два или три неизвестных тебе человека, чьи души только и ждали тех песен, которые тебе напел Кто-то «под небом полуночи»[459]; эти души слышали только отрывки этих песен и с тех пор ждали их всю жизнь. И *не смотри* на остальную толпу; особенно если она будет походить на толпучку. Испанская поговорка говорит «Gott giebt die Mandeln dem, der sie nicht beissen kann»[460]. Ну – и не забывай нас.

Я не обещаю тебе часто и много писать. Когда касаешься главного, то душа нередко начинает невозможно стонать и содрогаться. Надо заковать себя в тему и в грань литературной формы, тогда она уже не стонет, а молится и сражается. И это *можно* вынести. А о пустяках – . Но сделай все-таки так, чтобы мы всегда знали твой адрес и хоть открытками могли

следить за полетом твоей звезды. Я же обещаю тебе тогда, если ты это сделаешь, слать тебе *не менее* двух открыток в месяц.

Ну уж и о себе. Мы все еще в горах итальянского Тироля. Солнечно, горно, спокойно. Недорого; хорошо кормят. Температура моя наконец покачнулась и медленно стала съезжать вниз. Но еще не все сделано. Надо еще сидеть на итальянском солнце месяц или полтора. Мы оба сильно загорели и хорошо отдохнули нервами. Вероятно, скоро спустимся к морю, на итальянскую ривьеру[461] и оттуда уже посетим Флоренцию и маленькие итальянские города. Зиму наверное придется провести в постылом Берлине, преподавая десятку студентов[462] и огорчаясь при виде постылой эмиграции... Деньги у Науч. Инст., по-видимому, будут.

Июнь я провел в чтении. С июля сел писать. Пишу о «Сопротивлении злу». Листов пять печатных написал; листа три надо еще дописать. Издатель имеется; торопит, но я умею «торопиться» только по внутренним потребностям[463]. За лето наладилось еще издание Гегеля по-немецки: есть издатель, предложивший оплатить переводчика и есть переводчик, согласившийся взять скромный гонорар; переводчик хороший. Как это все сложится, покажет будущее...[464]

Ну, вот, и все пока.

Очень прошу тебя и Анну Михайловну писать нам. Нам интересно и важно все, что Вас касается; даже пустяки и мимолетные впечатления.

Мы оба целуем и обнимаем Вас обоих и уверены в том, что Господь Вам поможет.

Еще раз горячо тебя обнимаю и мысленно крещу тебя, провожая тебя на пароход.

Твой всегда И. И.

Пожалуйста напиши еще, хоть два слова перед отъездом.

<Далее приписка карандашом:>

Посылаю тебе открытку[465]. Справа на переднем плане наш Albergo; на балконе под парусиной видна моя соломенная шляпа и правее Н. Н. с белым отложным воротничком (впереди нас несколько загораживает чужой дядя). Налево распятие; сзади высится Шлерн[466], до пояса в еловом лесу. Солнечное утро.

Фотограф снял нас незаметно и потом пришел продавать открытки на другой день.

79

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<8.X.1924>***[467]

Атлант. океан 8-го окт. 1924 г.

Милый друг мой!

Перед отъездом в Америку я был страшно обрадован Твоим письмом из Италии[468] (зачем только Ты сомневаешься, что Твое писание может быть мне «духовно необходимо»<?>). Хотел сейчас же отвечать, но обстоятельства так закрутили нас (по обыкновению), что мы (кроме сумки[469]) едва не потеряли голову.

Спасибо Тебе, дорогой мой, за доброе напутствие и обещание хотя бы изредка посылать открытки. Из Нью-Iорка сейчас же пришлем свой адрес.

Помни, что нам это будет более чем необходимо.

По мере приближения к берегам Америки, она почему-то все менее и менее начинает казаться мне страшной, но в то же время по мере удаления от родины, она[470] все более и более становится мне дорогой и близкой. Рад, что Ты нашел издателя. Будьте здоровы, дорогие мои. Целую ручку Н. Н., а Тебя обнимаю с любовью.

Твой Н. М.

80

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<8.X.1924>***

8 – X – 24

Дорогой Иван Александрович, видно надо было сесть на пароход, чтобы смочь написать хоть самые важные письма и эти удовлетворить (до некоторой степени) не только ожидающих этих писем, но и свою душу.

Еще никогда в жизни не хотелось так сильно подавать голосом близким и чтобы они слышали это, понимали бы этот крик из самых простых слов и откликались бы.

Как только пришло Ваше письмо, было сильное желание тут же засесть и вывалить Вам все подробности нашей жизни, но это лето как раз последний месяц на моих руках было огромное хозяйство, т. к. гостили Миля, Вера и Раиса (дочь моего брата)[471]. Я была без кухарки.

Коля за этот месяц приводил в окончательный вид сочиненное: песни и скрипичные вещи, и это тоже требовало моего участия, т. е. переписка, игра на скрипке и пение. Перед самым отъездом накануне все это отправили.

Потом три дня в Париже, откуда хотела писать Вам, но тут случилось нечто столь неожиданное, что мы за два часа только до отхода нашего поезда в Шербург уверились, что мы уедем. Я бы ни за что не стала преподносить Вам такое количество эмпирии, если бы не думала, что за всем происшедшим кроется чье-то нападение на нас. Но сейчас мы едем и завтра будем на месте, а там как Бог поможет.

Итак, дело было вот как. Вы вероятно знаете, что Коля не носит при себе ни денег, ни паспорта и ненавидит расплачиваться с извощиком или с кондуктором и уж в особенности в таких Вавилонах как Париж. Накануне отъезда я *благоразумно* (кажется уже в этом моменте действовала враждебная нам сила) собрала в сумку паспорт с визой, все деньги, данные

нам как аванс (из них оставалось 400 дол.), пароходные билеты, багажную квитанцию, контракт, деловые письма и, *боясь* оставить все это в отеле, взяла с собой и мы с Колей и Милей поехали к Конюсу. Там нам отравило вечер присутствие Эберга[472], кот. всегда ухитрялся являться так, чтобы сделать какую-ниб. гадость Коле. И этот несчастный дурак и не подозревал, какую роль он играет. Но я его уже даже боюсь. И вот даже как будто положительный его шаг оказался отрицательным. Он вручил Коле тантьему[473] за проданные вещи, и у Коли в кошельке оказались деньги. Когда мы в 11 ч. ночи сели в автомобиль, чтобы ехать домой, я держала одной рукой свою сумку, а другой – ящик с немой клавиатурой[474]. Недалеко от дома случился толчок и я подхватила ящик двумя руками боясь, что он разобьёт стекло и тут вероятно и выпустила сумку. Подъехали и т. к. у Коли в кармане были деньги и он стал расплачиваться, то я и не спохватилась. (Не подумайте, что я как-нибудь оправдываю себя – наоборот страшно виню, но не это может быть интересно другому, а то, что я почему-то не боролась с чем-то враждебным).

Когда поднялись по лестнице, я спохватилась и можете вообразить, что мы пережили или вернее начали переживать... Всю ночь не спали, ходили по полициям и по улицам и думали, что все пропало и что нам никак не уехать. Как-то с Божьей помощью все обдумали и спозаранку принялись за работу, которую распределили между собой.

Чего стòило только один багаж (где весь оркестровый материал) отыскать без квитанции! В америк. конс. сказали, что без возобновлен. эстонск. паспорта визы не повторят. Тут помогло обстоятельство, сочтенное нами накануне за нежелательное и кот. мы хотели избегнуть, но к счастью не удалось. (Вообще, курьезно, что в линии мелких фактов, предшествующих какому-ниб. событию, иногда сам плохо видишь, как будто надеты фальшивые очки, и сам помогаешь враждебным силам и противодействуешь добрым, но теперь все это ясно).

Было так, что, когда надо было проставить в паспорте американскую визу, то в нашем паспорте не оказалось уже места и нам сказали, что вклеить лист может только наше же консульство. Я разозлилась сдуру на эту задержку, но это и спасло нас! Только благодаря тому, что консул эст. видел наш паспорт и запомнил его, он на другой день после злополучной ночи согласился дать нам новый, т. к. собственно должен был бы снестись с Ревелем[475]. Как мы, измученные, должны были еще сниматься для паспорта, как я потом ловила всех чиновников в америк. консульстве с трепетом глядя на двигающуюся стрелку часов и приближающийся отход поезда, обо всем этом уже не стòит говорить. И вот мы едем, невзирая на все противодействия. Ясно, что две какие-то друг другу враждебные силы боролись около нас. ~~В конце~~ Все это я не придумала для того, чтобы оправдать себя, т. к. я себя вовсе и не оправдываю. Это совсем на другом плане. Говоря попросту, я конечно совсем виновата, т. к. нельзя таскать всего материального имения с собой. Но за эти дни было как-то очень ясно и другое. Особенно стало это так, когда в конце концов оказалось, что все это вовсе и не потеряно, а только нас кто-то хотел не пустить. Когда мы подъезжали к Шербургу в поезде, везшем специально пассажиров Relianc'a[476], сопровождающему нас чиновнику пароходства была подана телеграмма, что шофер доставил мою сумку в контору пароходства, найдя там наши билеты. В пароходстве тоже об этом конечно знали и по книгам восстановили наши билеты. Сумку доставят нам в Н.-Йорк со следующим пароходом.

Шофер, у кот. я забыла эту сумку, был русский и слыша нас заговорил с нами* и показался очень интеллигентным. Счастье, что он сам нашел это, а не кто-ниб. из его пассажиров. Мы сразу так и подумали, что если найдет он, то вернет.

* ему отдадут 40 дол. [Прим. А. М. Метнер над этими словами.]

Вот теперь, мои дорогие, дальнейшее покажет, которые были добрые – те что не пускали или те что пустили.

Из Америки буду писать, если Вы мне скажете, что моя эта работа оплачивается Вашим желанием. Иначе это было бы очень дурно.

Вам наверно интересно знать, что Коля еще написал. Между прочим «Люблю ваш сумрак неизвестный и ваши тайные цветы»...[477]

Впрочем, о своей работе он будет, вероятно, писать Вам сам.

Все лето была борьба между необходимостью играть и невозможностью не сочинять, и он совсем не отдыхал. На пароход мы сели столь потрепанные, что не могли не могли вынести минимальной качки и два дня страдали, а теперь очень отдохнули. Завтра в 3 ч. мы на суше.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. М.

<Приписка А. М. Метнер (текст перевёрнут) на первой странице письма:>

Верочке я передала и она мне ответила, что уже писала Вам.

А сейчас я ей отсылаю в назидание Ваше письмо, т. к. оно имеет собственно отношение не столько ко мне, сколько к ней[478].

81

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<10.X.1924>***

Нью-Йорк 10-го окт. 1924 г.

Вчера благополучно высадились в Нью-Йорке. Были осаждены стаей фотографов. Вечером прогуливаясь по главной улице были почти до беспамятства ослеплены движущимися,

кружащимися разноцветно-огненными рекламами. Подняв голову к небу и увидев бедную луну, я первое мгновение принял ее также за электрический фонарик на верхнем этаже 57-миэтажного дома... Да! уж если *здесь* по небу полуночи ангел пролетит, то никто его не приметит и не услышит его тихой песни[479]. Никогда еще не былоа мне ~~не было~~ так очевидны~~м~~ой связь современного искусства с современной жизнью. Прежнее небо искусства и его светила не могут состязаться с рекламными электр. огнями и видны лишь в целомудренной тютчевской ночи[480].

82

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<27.XI.1924>***

1924.XI.27.

Милый и дорогой друг!

После долгого ожидания мне удалось, наконец, достать твой американский адрес. Прислала его Верочка, а потом и Лев Эдуардович (я и его запрашивал). Ведь ни ты, ни Анна Михайловна адреса не дали: так, оторвались и исчезли в американской прорве.

В том же письме Верочка пишет, что от Эмилия Карловича она знает о настоящем успехе твоих первых концертов. Мне даже грустно стало от этого известия: где-то люди тебя слушают, воспринимают, радуются, а я не слышу, и не вижу, и даже порадоваться с тобою не могу, и только из десятых рук через месяц узнаю об этом...

Но само по себе – как это хорошо! Ведь многие думают, что потребность в успехе – это тщеславие... Ничего они не понимают: любовь народа дает *силу* царю; это таинственнейший процесс аккумуляции энергии *на героя*; чтобы держать небо, Атланту непременно надо чувствовать, что поддерживаемое

небо *нужно* людям и что люди его любят и *молятся за него*. Пошли же тебе Господь всего этого, мой дорогой, мой превосходный предметовидец[481]!

Анна Михайловна спрашивает в своем письме, хотим ли мы от нее подробных писем? Да что же это за вопрос такой? Разве мы Вас не любим? Уроды Вы эдакие, проклятущие! Вы еще поищите себе таких *бескорыстных* друзей, как мы! Конечно хотим писем, *все* хотим знать. А поставив такой вопрос – не сообщить адреса, по которому на него можно можно было огрызнуться – это уж свинство!

Мы оба целуем Вас обоих. И ждем вестей!

Твой крепко и нежно
И. И.

Адрес: Italia. Trentino. Merano[482].
Villa Borodine[483].

Надеюсь, парижская катавасия забыта...[484]

1925[485]

83

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<4.I.1925>***

№ 2

Дорогой друг!

Вот уже три месяца, что Вы уехали в Америку, и за все это время мы не имеем от Вас ни строки. Так как адреса Вы тоже никакого не прислали, то я могу писать только на Стейнвея, – на адрес, который мне прислал Конюс из Парижа в ответ на мой запрос[486].

Почему это молчание?

Очень хотелось бы получить известие о твоих впечатлениях и выступлениях. Доволен ли ты? Что американская публика? Пресса?

Наступают наши Рождественские праздники и Новый Год. Мы оба шлем Вам поздравление и желаем здоровья и радости.

Целую ручки Анне Михайловне и обнимаю тебя.

Твой ИИльин.

Еще два месяца мне можно писать по адресу: Italia. Trentino. Merano. Villa Borodine. Потом – неизвестно.

1924.XII.22 / 1925.I.4.

Сверху номер – есть номер письма, посланного в Америку[487].

84

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<28.I.1925>***[488]

28-го Января 1925 года

Америка
Ниагарра

Дорогой мой друг!

Во-первых прости, что не писал Тебе, а во-вторых, что теперь пишу карандашом и может быть недостаточно разборчиво. Вследствие большой занятости мне пришлось выбрать для письма железнодорожный вагон (между Чикаго, где у меня вчера был концерт, и Нью-Йорком, где у меня будет концерт на днях) – куда уже никто не придет и не позвонит по телефону и где мне уже ~~мне~~ не приходится думать о ~~необходимости~~ ежедневной фортепианной повинности...

На первых порах прошу Тебя, мой дорогой, верить моей неизменной и глубокой любви, хотя Тебе это и кажется вероятно слишком голословным уверением... – Я всегда думаю о Тебе с Нат. Ник. как о самых близких и весьма тоскую по вас.

Письма Твои (оба коротких) получил. Очень был им рад – по обыкновению собирался писать основательно и потому не писал.

Что меня не удовлетворило и даже удивило в Твоих письмах, это полное отсутствие сведений о вас обоих, что в связи с вашим неожиданным пребыванием в Меране[489] особенно непонятно и досадно.

Никогда и нигде я не чувствовал себя столь старым и в старости своей одиноким, как здесь. Говорю о старости не только в отрицательном смысле, но и в смысле старшинства... Порой мне кажется – не здесь ли «расцветет на солнце» это Тютчевское из «Бессонницы» «младое племя»[490] – люди здесь

и впрямь кажутся необычайно молодыми, здоровыми и солнца здесь так много, как нигде, но нигде так мало не знают и понимают, что это солнце-день есть лишь «блистательный покров»[491], скрывающий от нас правду ночи с ее «славой звездной»[492]... Вместо этой славы звездной здесь с самого раннего вечера до раннего утра загорается слава рекламных огней столь ослепительных, что не только звезды, но сама матушка Луна окончательно затмевается.

Основные черты здесь суть смесь благожелательства и даже радушия с холодным эгоизмом; способности *заинтересоваться* всем чем угодно и полного нежелания *зажить* этим[493], т. е. отдать на это хотя бы атом своей души. Бездна интереса к «делу», к процессу и полное отсутствие его к сущности. Детское любопытство и в то же время детский страх перед всем, что требует сосредоточенности...

Так было и со мной. Я имел несомненный и большой успех. Моя муза вызвала и любопытство и интерес. Но благодаря тому что с одной стороны этим детским любопытством (как я уже сказал) исчерпывается всякий подход к чему-то бы ни было, а с другой стороны муза моя больше ночная, вследствие чего «покровами» не блистает и уж тем более не гонится за славой рекламных огней, то и выходит, что не только генералиссимусы по этой части вроде Стравинского или Кусевицкого[494], но и любой рядовой из их полка способен без труда отвлечь любопытный взгляд этих наивных детей... У Тебя конечно возникает вопрос, почему же устроители недостаточно освещают мою музу своими рекламными фонарями; да просто потому, что она (муза) привыкла глазеть в ночь и от фонарей этих слепнет, не выдерживает их и уходит от них в ночь, а если и грезит о дне, то только о том, что скрывается ***за*** этой ночью... Другими словами устроители любят рекламировать то, что по существу своему *рекламно*... Да и вообще это старая песня что деньги идут к деньгам, а слава к славе... Впрочем перейду к итогам всему сказанному. Конечно я и не

надеялся на внутренний глубокий успех своей музы, но все же результатом моей поездки сюда является то, что меня здесь теперь котируют (именно *котируют*, ибо настоящая оценка нашего искусства не только здесь, но и вообще больше не существует на земле) довольно-таки высоко и потому возможно, что на мою музыку спрос повысится. Кроме того по всей вероятности с Божией помощью меня удастся привезти на берег Европы тысячу или полторы долларов, что даст мне возможность на некоторое время отдаться сочинительству. Некоторое внутреннее удовлетворение было у меня еще, когда я играл в Нью-Йорке в музыкальном клубе, устроившем в мою честь вечер. Тут были одни музыканты-профессионалы, как будто многие даже и оценили, а не только котировали... Но ведь у детей долго ли держатся впечатления<?> как радость, так и слезы...

Еще мне предстоит играть в Йельском университете, куда меня пригласили давно уже знакомые с моей музой тамошние профессора. Может быть здесь и будет успех в твоем смысле... А это правда, что он нам нужен, именно этот успех. Ни минуты не сомневаюсь, что Рахманинов умолк именно как царь, потерявший силу за недостатком любви в народе. Скажу больше: этому молчанию предшествовало постепенное умолкание настоящей большой рахманиновской темы, которая в последних его Tableaux[495] все более и более растворялась, за исключением может быть одного только es-moll-ного (из последних), где его большая тема стоит во весь рост<;> в остальных он дает лишь тот звуковой шум, из которого должна родиться настоящая тема, а ее самое он не дослушивает потому, что черти-слушатели стали ее недолюбливать... Боже, как мне хотелось бы поговорить с ним по-настоящему. Ведь я-то его люблю! Ведь я только и жду от него его темы!! А между тем и с ним мне совсем не удалось общаться, так он занят и охвачен делами и суетой... Ко мне он отечески заботлив, но об остальном напишу другой раз.

<Примечание-приписка Н. К. Метнера к изображению отеля:>
Стояли мы в этом отеле на 15-м этаже в комнате No. 1517.

85

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<3.II.1925>***[496]

3-го Февраля – Нью-Йорк – 1925

Вот видишь, дорогой мой, сколько времени было не отправлено написанное письмо, и только потому, что хотелось еще что-то сказать... Вчера здесь в Нью-Йорке состоялся мой второй recital[497] и конечно с обычной точки зрения прошел с несомненным успехом... Но Боже, до чего это не тот успех, о котором говоришь Ты, и до чего у меня пусто и жестко на душе!!!...

Только тот Твой успех смягчает мою душу и, давая мне силу, в то же время делает меня более скромным и кротким. Когда же его нет, то во мне подымается такая сатанинская гордыня, презрение, что я не знаю, куда деваться с собой...

Не могу не покаяться Тебе в этом. Очень уж злачным местом стала эстрада и вообще рынок искусства... Голубчик, не забывай хоть Ты меня, а то я скоро и совсем замолчу... Целую ручки Наталье Николаевне. Тебя крепко обнимаю.

Твой всей душой Н. Метнер

<Слева приписка А. М. Метнер:>

Писать нам надо на адрес Стейнвея, хоть я и даю наш.

86

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<4.II.1925>***

4 февраля[498]

Сейчас бегу на почту и хочу сказать неск. слов о том, что было здесь и большое утешение Коле после последнего кон-

церта. Здесь сейчас находится английский критик Ньюман[499], известный всему муз. миру как совершенно *ничем* неподкупный и настоящий образованный и глубокий знаток и строгий критик. Он дал о Коле такой отзыв, какого только можно было желать, и Коле это очень дорого в его одиночестве. Особенно именно потому, что все критики вообще в той же толпе, кот. мчится по течению с «новаторами», а такой Ньюман один из немногих и одиноких, кот. идут против современного течения и охраняют ценности от потопа. Посылаю эту критик<у> Вам.

<Вверху страницы (текст перевёрнут) приписка:>

Этот критик имеет огромное значение не только для всей Европы, но и для Америки. Он здесь сейчас пишет.

87

<Н. К. и А. М. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<23.V.1925>

Villa «Bon Sejour». Rue de Genève, Fontaine d'Ivette, par Palaiseau. Seine et Oise. France[500].

23-го Мая 1925.

Дорогие, милые друзья!

Эту открытку[501] я припас для Вас на другой же день по приезде в Париж*. На ней хотел послать вам привет к Светлому празднику[502], но нигде не мог раздобыть Вашего адреса, тщательно скрываемого Вами от некоторых друзей...

На днях у общих знакомых случайно увидал на столе ~~увидел~~ Ваше (т. е. Твое Иваново) письмо с адресом, но, увы, без просьбы передать его нам. Итак, незаконно пользуясь похищенным адресом, спешу отправить сию от-

* Это было в 10-х числах Апреля. [Прим. Н. К. Метнера.]

крытку по ее первоначальному назначению и при сем самым навязчивым образом прилагаю свой точный и неизменный адрес и еще более неизменные свои дружеские чувства.

<Далее рукой А. М. Метнер:>

К тонкому Колиному яду не смею ничего прибавить.

Нетерпеливо ждем вестей от Вас. Сейчас посылаю Вере[503] Ваш адрес, чтобы она могла Вас навестить (кажется, в начале июня).

Ваша А. Метнер.

4-го февр. послали письмо с Кол<иной> фотографией – дошло ли[504]?

88

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<28.V.1925>***

28.V.1925.

Дорогой друг!

Только что получил твою открытку и спешу откликнуться. В воскресенье или в понедельник (31-го мая или 1 июня) выезжаю в Париж, где проведу пять или шесть дней[505]. Буду публично говорить о «сопротивлении злу силою». Надеемся увидеться с тобою (множ. число, потому что едем оба). ~~Сие~~ Адреса своего еще не знаю; меня встретят на вокзале представители организации и куда-то отвезут. Все подробности знает Глеб Петрович Струве и Алексей Петрович Струве. Адрес Глеба: 79. Bd. St. Michel. Paris V. Адрес Алексея: 85 rue de la Convention. Paris XV[506].

По-видимому с одним из них ты познакомился у Катуар[507]. Это наша догадка.

Напиши на них мне, как свидеться, чтобы к приезду они мне уже вручили письмо от тебя.

Мы оба шлем привет Вам обоим.

Твой И.

Напиши на *Алексея* Петровича! Pour Prof. Illyne[508].

89

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<31.V.1925>***

Fontaine d'Yvette

31 мая[509]

Дорогой друг!

Вот поезда, могущие доставить вас к нам в 50 минут: отход из Парижа 9.11, 10.53, 11.49, ~~15.6~~ 14.11, 15.43, 16.39 и т. д. Отъезжать из Парижа лучше с 3-й остановки, именуемой *Denfert*, ибо 1-я станция (или вернее отправной пункт), именуемая Gare Luxembourg, является подземельем, наполненным удушливым запахом серы. 2-я станция ~~не~~ Port-Royal не столь удобна сообщает с центром, а до Denfert *Rocheveau* можно доехать отовсюду по *metro*[510].

Страшно рад вашему приезду и полагаю, что всего лучше было б свидеться у нас на лоне природы, тем более, что моя Анюточка, кстати сказать уже зачихавшая[511], приглашает вас сюда, в то время как Ты в своем письме выражаешь лишь желание видеться со мной. Впрочем она и так вряд ли смогла бы ехать в город, а я ее одну не оставлю тем более, что вряд ли удалось бы съездить в город без ночевки.

Итак *очень, очень просим* вас приехать к нам в любой день и по возможности пораньше. Если успеете черкнуть заранее, было бы еще лучше.

Пока обнимаю Тебя и кланяюсь Нат. Никол.

Твой Н. Метнер

Забыл главное<:> наша остановка называется не Fontaine d'Yvette, а ***Lozère***[512], откуда ходьбы до нас спокойным шагом 15 мин. Если предупредишь – встречу. На всякий случай повторяю адрес: Fontaine d'Yvette par Palaiseau, Seine et Oise. (Rue de Genève, Villa Bon Sejour)

90

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<2.VI.1925>***[513]

Дорогой друг!
Были у Вас в $10\,{}^{1}/_{4}$ за минуту до[514] Вашего ухода.

Ждем завтра *непременно!* Вокзал Denfert (метро Denfert Rochereau) билеты брать (взад и вперед дешевле) до станции Lozère. Выйду встретить вас на поезд, отходящий из Paris-Denfert в 11 часов 2 минуты, приходящий в Lozère 11,47. На всякий случай даю еще следующий поезд<:> от Denfert – 12, в Lozère – 12,43. Но это уже поздновато. На всякий случай упоминаю еще раз, что местечко наше называется Fontaine d'Yvette в rue de Genève. Обнимаем и ждем с нетерпением

Н и А. М.

91

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<4.VI.1925>***

A M-r Alexis Strouve
pour M-r Prof. I. Illyne
85, Rue de la Convention
Paris XV

Четверг 4-го ~~3-го~~[515] Июня 1925

Дорогой Иван Александрович!

Что-то Ты не напишешь мне хоть парŧу слов – соберетесь ли вы к нам? Сколько пробудете в Париже? Когда и где

(и в котор. часу) лекция? Получил ли Ты мою открытку[516]? Я даже не уверен, приехали ли вы[517]?

Обнимаю Тебя.

Твой Н. Метнер

Villa «Bon Sejour», Rue de Genève
Fontaine d'Yvette, Seine et Oise

92

<Телеграмма Н. К. Метнера – А. П. Струве> <5.VI.1925>[518]

PRIERE TELEGRAPHIER OU[519] QUAND VOIR ILLYNE = MEDTNER

[(*фр.*) Умоляем, телеграфируйте нам, когда увидимся с Ильиным = Метнер]

93

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> <30.VI.1925>

Fontaine d'Yvette

30-го Июня 1925.

Дорогой друг!

Сегодня утром получил Твою книгу[520], за что низко кланяюсь Тебе и от души благодарю! Пока успел прочитать 17 страниц, весьма веских и в то же время четких. Прочту все в ближайшее же время и тогда напишу, если позволишь. А сейчас спешу отправить Тебе адрес Рахманинова от 10-го Июля: France, Château de Corbeville, Orsay, Seine et Oise. До 10-го Июля он в Дрездене: Arnstaedstrasse, 22 bei Satin, Dresden ~~19~~ A, 19.

Крепко обнимаю Тебя и кланяюсь Нат. Ник.

Твой Н. М.

<На открытке изображен восточный фасад усадьбы Корбевиль. Типографская подпись: «56 – Orsay (S[eine]-et-O[ise]) – Château de Corbeville (fasade Est) – *B. F., Paris*» и две записи рукой Метнера, первая вверху изображения:>

Сие и есть Château Рахманиновых, находящееся от нас в 40 минутах ходьбы.

<Вторая снизу справа:>

Жена[521] и дочь С. В. уже здесь, т. ч. можешь смело послать книгу[522] сюда.

94

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<11.VII.1925>***

Italia. Oberbozen. Rittnerhof [523].

1925.VII.11

Дорогой и любимый друг!

Спасибо тебе за милую открытку и за сведения. Рахманинову книгу я послал 28 июня на Дрезден: заказною бандеролью, местному попу Можаровскому[524] через Сатина[525] для С. В. Рахманинова. Там есть и надпись. Как хорошо, что Вы с ним будете видаться летом.

Читай пожалуйста мою книгу; я постоянно утешаюсь этим, что *ты* ее читаешь. И потом напиши мне. Еще не дождавшись книги, за одну лекцию – меня уже излаяли в За Свободу (Пасманик[526]), в Последних Новостях (Демидов 2 раза[527]) и в Советской Правде[528]. А вот еще прилагаю тебе полученное сегодня письмо от тонкого эстета (знаток живописи и фарфора) Н. Н. Флиге[529] из Берлина. Прочти уж и ответ мой; но только этот ответ я *ему не* послал: не стòит! А его коротко одернул через общего знакомого.

Мы сейчас в Oberbozen. Вид во все стороны удивительный. Высота 1200 m. Но дороговато.

Подробности о нас пишу Анне Михайловне.

Обнимаю тебя и грущу, что живу в разлуке с твоей музой. Да хранит тебя Господь!

Твой И. И.

Строгую и полную, настоящую православность моего «сопротивления» признают такие авторитеты, как митроп. Антоний и еп. Тихон[530].

<Приписка вверху страницы:>

Только что, кончая письмо, получил телеграмму из Дрездена от Рахманинова: «besten Dank für übersendles Buch herzlichste Grüsse. Rachmaninoff»[531]. Послана сегодня в 3 час. дня. Сюда пришла в 7 веч.

95

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<11.VII.1925>***

Italia. Oberbozen. Rittnerhof.
1925.VII.11

Дорогая Анна Михайловна!

Так мы и не увиделись с Вами! Все парижское пребывание осталось во мне, как темный вихрь со светлыми точками. Одною из них было конечно свидание с Колей. Какой он удивительный! Весь созданный из подлинного духовного эфира, оазис среди людей...

Наталия Николаевна совсем измучилась в Париже. По приезде в Берлин она оказалась страшно слаба. По два раза в день я возил ее на автомобиле к знаменитому профессору Шрёдеру[532] (специалист по челюстям). Так ~~чт~~ шло три дня и температура все подымалась. Огромная опухоль стала

твердою; она жила без сна и пищи, и все время мучительно страдала. На третий день к вечеру я отвез ее в клинику, ее сейчас же положили на стол и вскрыли флегмону[533] снаружи. В клинике она пролежала целую неделю; была невероятно слаба и исхудала так, что страшно было глядеть. Потом ездили на перевязки. Теперь ранка заживает.

Оба лечившие ее профессора сказали, что зубной врач посадил ей бактерию под пломбу – лет 8 или 10 тому назад; все это время организм боролся с инфекцией и наконец она одолела. Могло кончиться гораздо хуже. Теперь лечу ее горным воздухом и подкожными впрыскиваниями.

Посылаю Коле и Вам мою не состоявшуюся переписку с Флиге[534]. Неужели в самом деле от моего стиля может быть такое впечатление? Потом пришлю газетные отклики. Но конечно все это предполагает, что Вы прочтете книгу.

Мы оба шлем Вам привет. Я целую Ваши ручки и чувствую к Вам ничего кроме старой, верной дружбы.

Любящий Вас И. И.

Очень милы были со мною в Париже Конюсы! и Елена Михайловна[535]! Веяло старым московским теплом. Передайте им привет.

<Вверху письма две приписки Ильина карандашом:>

Письмо Флиге и мой ответ перешлите мне назад!
А что Верочка?

96

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<24 – 26.VII.1925>***[536]

24 – VII – 25.

Спасибо за милое письмо, дорогой Иван Александрович! Мы очень радуемся, что Вы в Италии и оба поправляетесь.

У Натальи Николаевны конечно все зажило? Не забывайте нас и хоть изредка извещайте, здоровы ли и как работа. Долго ли пробудете в Италии? Об этом в письме ни слова. И куда потом? Неужели не приедете больше сюда[537]?

Вашу замечательную книгу мы читаем вместе (Коля начал раньше, но я нагнала его) и очень наслаждаемся. Когда чувствуешь и видишь, что кругом все валится, все подгнило и не только от зла, но и от непротивления ему, то как же не возрадоваться, когда проносится бурная очистительная гроза, которая пусть снесет все подгнившее и больное. И надо быть таким ослом, как этот Флиге, кот. смеет говорить о распущенности именно там, где все кричит *против* распущенности. Распущенность там, где все бежит в одном мутном потоке современности, куда, т. е. в этот поток, он Вас и приглашает и там все *легко* и расхлябано; и какая же может быть распущенность там, где строго зовут и приказывают идти против этого течения, где трудно и одиноко. Подумаешь, не понял, бедный, некоторых слов! Возьми и посмотри в словарь, если все забыл или не знал. Я тороплюсь писать Вам, но еще не читала Вашего ему ответа. Мне это очень интересно. После буду продолжать мое письмо.

25 [июля]. Прочла Ваш ответ «тонкому эстету» и очень порадовалась, что Вы не отправили его ему. Уж очень неравная борьба во всех отношениях. Он ведь опять самого главного-то и не понял бы. Но почему же он вообще посмел давать Вам советы? Особенно уж юмористически глупо его вступление к письму, где он ссылается на Ваше же влияние, т. е. что «слушая Ваши лекции» он проникся и вот потому мол и всеми (т. е. и самыми глупыми) средствами борется с злом Вами содеянным. Ну, разве можно после этого писать ему письма?

26 [июля]. Милый Иван Александрович, я никогда не имею совершенно спокойного часа, чтобы мочь писать без перерыва.

Хотела вчера вернувшись от Рахманиновых написать Вам про него, но было уже поздно. А сегодня меня очень расстроил Коля (обычные муки деторождения[538]) и мне уже трудно писать. Могу только сказать вкратце, что С. В. делается все лучше. Он не отталкивается так, как прежде, от «вопросов» и больше не презирает «философствования»* и наоборот повидимому охотно углубляется в беседу о серьезных вопросах и даже иногда расставаясь говорит – «а это надо будет возобновить», т. е. эту беседу.

Если бы Вы столкнулись с ним теперь, то я не сомневаюсь, что ~~у~~в нем не было бы никаких препятствий к общению с Вами, как тогда.

Сейчас приехала Вера, и я говорю Вам до свидания, т. к. у нас в доме суета. Вера Вам на днях напишет. Она была у Вас в Берлине и не нашла, т. к. Е. М.[539] не предупредила ее, что Вас там нет.

Мой самый дружеский привет Вам обоим.

Ваша А. Метнер

Коля *очень* просит Вас как можно скорее прислать рецепт пилюль Елены Павловны[540]. У него постоянно трясется нутро.

Если Вам некогда пока писать, то просто вложите в конверт рецепт. Для легкости я даже посылаю конверт.

97

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<26.VII.1925>***[541]

Шлю Тебе, мой дорогой, самый сердечный дружеский привет! Мне очень досадно, что Анюточка зафиксировала в своем

* Эти слова он произносил с брезгливостью. [Прим. А. М. Метнер. Имеются в виду и «вопросов», и «философствования» – у обоих слов стоит знак ***х***), обозначающий примечание.]

письме «муки деторождения» и «трясение нутра» и таким образом представила вам меня в том метнерюцком состоянии, когда он, Метнерюк, «себя ковыряет и всех уверяет»[542] и т. д. ... Это, правда, бывает иногда, но слава Богу проходит и сейчас у меня пупок совсем не трясется, т. ч. можешь не торопиться с пилюлями. Г. Флиге по-моему чистокровный осел, хоть и тонкий эстет, как Ты его величаешь. Вообще сколько ни наблюдаю, все больше вижу, что именно это поганое похотливое эстетство и погубило и истину и красоту, и завелась-то эта тля во всех областях...

Рахманинов читает Твою книгу и недавно говорил мне о ней с большим сочувствием

Ревную вас к Италии и Италию к вам, а потому очень прошу присылать изредка открытки с изображением Италии и вас.

Обнимаю Тебя и целую ручки Нат. Николаевне

Любящий вас Н. Метнер
(не -рюк и не -рюцкий)

98

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<31.VII.1925>***

Дорогие друзья!

Спасибо вам за милое письмо. Пишу тотчас же, чтобы рецепт послать.

Страшно радуюсь тому, что Коля опять стал записывать «вздохи и стоны первозданных предков и желанные вести зефиров»[543]...

Пой, наш родной соловей! И да благословит тебя Господь!

Очень прошу: пишите о себе и о С. В. подробнее. Как утешительно, хоть за тысячу верст ощутить...

Коля! В предисловии[544] у меня стоит: «друзьям, которые помогли мне в этой работе»... Их совсем было мало. Ты – первый и главный. Помнишь наш разговор в Берлине, весной, когда я лежал больной на кушетке[545]? Я проверял свое решение и вйдение *тобою* и на протяжении *всего* писания чувствовал тебя за своими плечами...

Когда дочитаешь – до конца – напиши страничку мыслей! Это ты обязан...

Обнимаю Вас обоих и жду вестей. Нат. Ник. – тоже и так же.

Ваш И.

Жду письма от Верочки.

1925.VII.31.

Скоро напишу.

Посылаю еще книгу мою[546].

99

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<21.VIII.1925>***

1925.VIII.21.

Дорогая Анна Михайловна!

Посылаю Вам это письмо через Верочку, потихоньку от Коли. У меня хорошая связь с газетой Возрождение[547]. Хочу поместить там заметку о Метнере и заметку о Рахманинове[548]; просто информационную. Где за посл. год давал концерты, успех, где сейчас живет, какие предположения на будущий сезон.

Пришлите мне это потихоньку от них, я переработаю и помещу.

Адрес новый: Italia. Alto Adige. ~~Alberg~~

Seis am Schlern. Albergo Unterwirt.

(мы там были в прошлом году[549]!)

Целую Ваши ручки и Вас.

Ваш Каракуля[550].

На газету Возрождение стоит подписаться. Это дешево на 3 мес. 24 франка. Газета серьезная и благородная (*наша*). Ведет ее П. Б. Струве. И я там пишу.

100

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<3.IX.1925>***[551]

3 сентября.

Дорогой Иван Александрович!

Мы получили Вашу книгу *Религиозный смысл философии* и шлем Вам самую глубокую благодарность. И об этом и о *Сопротивлению злу силою* Коля будет писать Вам, как только хоть немного высвободится из тисков своей работы. Он пока просит обнять Вас и благодарить.

И письмецо (с рецептом) тоже получено – и за него спасибо!

А сейчас Вера еще передала мне то, которое «из рук в руки» от Каракуля.

Что касается Сергея Васильевича, то ведь он все годы, как из Москвы, только и концертировал что в Америке. О его успехе можно не задумываясь сказать, что он вполне по заслугам и что Европа в этом пункте, т. е. в оценке Рахманинова, от Америки отстала и Америка может гордиться, что оказалась лучшим судьей. О его планах знаю только, что он в конце октября едет опять концертировать в Америку, но уже не на целый сезон, как он проделывал все эти семь лет, а только на 6 недель.

Но после этого короткого турнэ[552] он все-таки останется там до апреля. И вот тут есть пункт, о кот. я не знаю, можно ли будет писать в газете, т. к. он сказал об этом пока только нам. Он хочет продолжить там (т. е. в Н.-Йорке) свою композиторскую работу и именно то, что им было начато еще в Москве

перед тем, как он покинул Россию. Это будет его четвертый концерт[553]. Но это только Вам.

Теперь о Коле. Но ведь Вы все знаете, и то, что я могу сказать *Вам* нового, то и это не для газеты, т. е. что сочиняется.

Был он полгода в Америке с октября до апреля и играл в главных городах свой концерт[554] с лучшими дирижерами (Стоковский[555], Филадельфия и Нью-Йорк | Сток[556], Чикаго | Рейнер[557], Цинциннати | Габрилович[558], Детройт), а еще он играл четвертый, его любимый, концерт Бетховена в Нью-Йорке с Ван Хугстратеном[559]. И каждый раз имел огромный успех. Но в Бостоне, где дирижировал симфоническими Кусевицкий[560], туда его разумеется не пригласили, т. к. этот гениальный дирижер кажется находит, что фортеп. концерт Метнера «не для европейской эстрады»*, и уж заодно по-видимому и не для американской, и вообще всячески интригует против него. Т. к. он вполне «передовой» художник, то пропагандирует Стравинского и Прокофьева и даже осмелился недавно сказать Рахманинову, ругавшему Стравинского, – «ну, вы ничего не понимаете»... а он вот видите ли понимает. С. В. нам рассказывал это сам.

Однако, я отвлеклась.

Вернувшись сюда (С. В. в получасе ходьбы от нас, место назыв. общим именем Vallée Chevreuse[561]), Коля принялся за композит. работу и ни о чем и думать не хочет другом по крайней мере год, т. е. до будущего лета, когда он опять начнет и поигрывать, чтобы мочь вступить. (К нам приезжал Красин[562] звать его в Россию, но он отказался).

Теперь о самом главном. Написано (совсем готово) неск. фортеп. вещей из кот. одна *Веселая* сказка, да такая веселая, что самый мрачный человек не утерпит[563]. Но есть и траурные не то марши, не то песни[564]. Но они не мрачные. Почти совсем готовы две крупных вещи: соната для скрипки и фортепиано[565]

* Это его слова. [Прим. А. М. Метнер.]

и Импровизация для рояля с бесконечным множеством вариаций. Но может быть он это еще и не назовет импровизацией[566]. Обе эти вещи недели через две <будут> готовы. И за что он примется после этого – не знаю. Есть материалы, о которых он давно мечтает, но все не принимался, т. к. эта работа требует неограниченности во времени. Теперь, когда он мог бы о времени и не думать, может быть и примется за то, что он сам считает главным.

А из всего написанного сейчас наиболее капитальна пожалуй скрипичная соната[567]. Очень хотелось бы, чтобы Вы оба поскорее услышали ее. Вот сейчас через стену слышу финал, в котором все темы (темы I-ой части и финала) превращаются каждая в отдельный колокол и каждая звонит своим звоном и потом все они сливаются в один колокольный вихрь – заливаются и звенят, дружно летя во что-то одно. Мне кажется, что эта соната доставит Вам радость.

Милые дорогие друзья! Очень не достает Колиной музе Вас. У него ведь очень мало настоящих слушателей, т. е. таких, кот. слышат то же, что и он. Иногда такое скажут (да еще с восхищением), что и не поймешь, о чем это.

Ну, вот и вышло, что для газеты я ничего не сказала, да и не знаю, что могла бы я еще для этого сказать, кроме где живет и сколько времени собирается жить и что сочиняет, а уж все прочее я говорила только Вам. Ну, да Вы сами уж будете знать, что надо сказать.

Как здоровье Натальи Николаевны? Оправилась ли она после всей этой зубной истории?

Обнимаю Вас обоих с любовью.

Ваша А. М.

Не забывайте нас!
Пишите!

P.S. На *Возрождение* непременно подпишусь.

Как надо писать Вашу фамилию по-басурмански?

101

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<16.IX.1925>***

Дорогая Анна Михайловна!

Спасибо Вам за милое письмо и за сведения.

Одновременно посылаю Вам заказною бандеролью тетрадь с моими фельетонами из Нового Времени о «евразийцах»[568]. Я не стал бы обременять Вас чтением этого – но я упомянул там о Коле и об С. В. Рахманинове в такой связи, которая может быть им интересна.

Пожалуйста прочтите это с Колей, дайте Сергею Васильевичу и Верочке. И потом пришлите мне назад, когда будет ненужно.

Как я грущу о нашей разлуке! Если бы Коля знал, какие у меня бывают периоды тоски о России и о неудавшемся мироздании, он бы вспомнил, что Давид целил Саула[569], а Орфей строил духовные стены своего града[570]...

И когда-то мы увидимся!? И когда-то я его услышу, удивительного, да хранит его Господь!..

Ваш ИИльин.

1925.IX.16. Italia. Alto Adige. Suisi. Unterwirt.

<Справа от адреса приписка:>

И что он, черствый, мне не напишет?!

102

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<23.X.1925>***

23 – X – 1925.

Дорогой Иван Александрович!

Наконец-то я отправляю Вам сегодня обратно «Идейный оползень». Продержала так долго, потому что много народу читало и напоследок задержали Рахманиновы.

Долго ли остаетесь во Флоренции? Надеемся, что Вы оба поправились в этой чудесной стране.

Ждем хоть коротенькой записочки. Когда мы увидимся?

Если Саулу нужен Давид, то последнему не меньше нужен Саул[571].

Обнимаю Вас обоих

Ваша А. Метнер

Коля не черствый и от того, что Вам не пишет, сам страдает больше Вашего. Но в своей работе он всегда как бы обращается к Вам.

1926[572]

103

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<7.I.1926>***

Милый и дорогой мой!

Сегодня день твоего рождения[573], и мы пили за твое здоровье зеленым итальянским ликером! Но, увы, Вы оба далеко, нас Вы забыли и забросили вдребезги и когда мы увидимся – неизвестно...

Ничего не знаем о Вас; месяцы идут, а Вы молчите. Ты скажешь, что и *мы* молчим. Да я-то не пишу оттого, что от Вас нет никакейшего поощрения...[574] Значит Вам не интересно.

С 9 ноября мы в Берлине. С 1 декабря поселились оседло. Адрес: Berlin. Fridenau. Stuberauch Str. 3 bei Schindler. Это возле самой Kaiserallée, где она сходится с Hauptstrasse. Три комнаты; хозяйка одинокая старуха, весь день кашляет и по своим комнатам напахивает мышою. За это она и прозвана у нас «мышà». Готовит нам *ее* прислуга, но отдельно (лоханки врозь). Говорит по телефону: у нее дочери замужем и она галдит громко и мы знаем все подробности. Плотим за комнаты 140 марок и 25 за центр. отопление. Сухо, светло, <окна> на юг.

Живем скаредно, но не унываем; по-прежнему на Бога не ропщем и Россию любим. Видимся мало с кем. Но есть

хорошие люди. Если Научный Институт с Апреля лопнет, то вероятно переедем в Париж: там, говорят, голодать дешевле.

Здоровье мое, как это ни странно, довольно удовлетворительно. Кажется, температура нормальна, но на гриппы еще потягивает.

Италия дала нам на этот раз дивную Сиену, куда мы в октябре ездили из Флоренции. Вернулись оттуда ошалевшие от радости и восхищения; и я потом все ходил и твердил, что флорентинская живопись мне «согрубляет» – до того сиенская утонченна, ангельска; целительна, утешительна: *обетование* благодати, а когда отойдешь, то видишь, что это обетование *уже состоялось* и даровано тебе уже само обетованное. О, как хорош этот нежный дар, эта *реальность божественности человека*! Не греза ли?

———

Дорогой! Жив ли ты? Не греза ли и ты, и твои дивные глаголы? Может быть, ты мне приснился? И остались только слезы на глазах?

Одно я знаю, что мне достаточно подумать о тебе, и я чувствую, как стал нравственно чище и лучше! А думаю я о тебе часто – по нескольку раз каждый день. Должно быть – иллюзия и это мое «улучшение»; потому что не святостью, а горем и гневом мятется моя душа; и презрением, к людям...

Пишешь ли ты? Что родилось? Что ожидается? Как Вы живете? Спокойно ли? Что впереди? *Все* хочется знать, а не знаем ничего. Вы оба хучь постыдились бы!

Вас обоих я крепко целую и обнимаю. Поздравляю с праздником и новым годом!

И жду вестей.

Всегда твой И. И.

1926.I.7.
т. е. 1925 XII.25.

PS. Напишите мне, что сталось с Верочкой Метнер. Я послал ей в сентябре две мои книги. Она *даже не ответила*!

PPS. Читайте меня в Возрождении. Я пишу там, кроме своей фамилии еще *«Ивер» Письма о фашизме*[575]. Но об этом *другим не говорите*!

<Вверху первой страницы письма приписка:>

Если ты не напишешь, то я сойдусь с пианистами Крейцером и Фридманом и стану ихним клевретом[576]! Вот, мол, тебе!

104

<Н. Н. Ильина – Н. К. Метнеру> ***<7.I.1926>***[577]

7 I 26; 25 XII 25

Дорогой Николай Карлович, шлю Вам к дню Вашего рождения, празднику Рождества и к Новому году – мой сердечный привет. Так как мы давно не видались, то я совсем забыла, какой Вы, и все представляю себе почему-то Вас в Московском виде: круглой шапочке, стрюцком[578] пальто и тусклых (несмотря на мои наставления) калошах. И таким Вы мне чрезвычайно нравитесь!

Жизнь наша тихая, в Берлине пусто: нет, кому бы подарить голубой листочек[579], некому запрятать его в самое ненужное отделение самого ненужного кошелька...

Летом видели много чудес... Вспоминали Вас в Сиене – в царстве нежной, утонченной грации, в Сиене, которая, одевшись в пурпур и золото, радостно спела хвалу своей Мадонне[580] и застыла на века в этой светлой хвале. Если услышите от кого-нибудь: «не знает Италии тот, кто не видел маленьких ее городов», – верьте, хотя бы он был негодяем[581].

Мой Боттичелли[582] переводится. Две первые главы читала, звучит восхитительно: перезвон кристаллов эта итальянская речь!

Как хотелось бы скорее услышать Ваши новые песни! Пойте больше в своей тишине – назло несносному миру.

Целую Вас, чудный певец,
так, в виде исключения.

Н. Ильина.

105

<А. М. Метнер – Н. Н. Ильиной> ***<19.I.1926>***

19 – I – 1926 г.

Наконец-то мы знаем, где Вы!

Мы очень обрадовались Вашим письмам, милая Наталья Николаевна[583], и, как видите, получив возможность, сейчас же и пишу Вам.

Последний адрес у нас был флорентинский, и я отправила туда тетрадку с статьями Ивана Александровича и письмо, но ответа не было и мы решили, что все это пропало, т. к. Вы оттуда уехали[584].

Начну с ответа на все Ваши вопросы и если это выйдет очень длинно, то уж вините себя.

Елки у нас нет, но есть сосна (ёлки здесь не достали), которую мы постарались нарядить ёлкой, и в Колин день рождения зажигали ее. Она и сейчас еще красуется и неизвестно, когда будет убрана.

Тепло у нас очень, т. к. у нас центральное отопление и одна большая печь обогревает ~~наш~~ весь дом, но и здорово нагревает наши карманы. И т. к. наши средства постепенно тают, то мы думаем «владеть» нашим «замком» только до 1-го мая – когда истечет год. Фотографию этого замка мы могли бы прислать, если бы у нас был фотографический аппарат. Впрочем это еще не безнадежно: у Коли бывает один американский ученик с аппаратом, и я его попрошу сделать снимок и снаружи и внутри, хотя бы одну Колину рабочую комнату.

С Кошицей[585], разумеется, не видаемся. Интересно, о каком таком духе она может говорить? Коля что-то не помнит, чтобы ее просвещал в таком деле. Дальше выражения «оттенок» такой или иной он вряд ли шел в занятиях с нею и просто требовал точного исполнения того, что он ей сам показывал. И наоборот, когда она пробовала «вдохновляться» сама – он этого пугался и отставлял и конечно знал, что опасно этой особе говорить о духе, ибо она моментально перенесла бы это на взывание к «вдохновению» (иначе она это никак вероятно и не думает[586]), что у нее как раз и есть самое противное. А в общем все певицы сводятся на одно и все ничего не понимают и могут только тогда что-нибудь делать, когда над ними строгая плётка. И любить и вдохновляться чем-нибудь они тоже не могут, а только делают вид, потому что им нравится только, что звучит *их* голос. Вот напр. *духовная* А. М. Ян-Рубан. Она никогда сама от себя не споет *ни одной* вещи Колиной, хотя и делала всегда вид, что любит его музыку. Все только один расчет и больше ничего. Ну, да Бог с ними! Кошиц ли, Эль Тур[587] – Ян Рубан – всех в одну корзину и на рынок.

С. В. никогда нигде с Красиным не сталкивался, и откуда такой слух[588]? Вот значит и бывает дым без огня.

А если бы и было такое дело, что Красин попал в концерт С. В-ча, то уж можно поручиться, что выгнан бы не был, т. к. более прилично и с большей заботой об этом приличии, чем С. В. на эстраде, вести себя нельзя (он вообще не героичен[589]). А ведь это был бы как-никак скандальчик.

Коля сейчас и сам пишет Вам и вероятно скажет и о том, над чем работает[590]. Не помню теперь, о каких его вещах я Вам писала? Закончена большая скрипичная соната и на днях Коля будет ее исполнять в самом тесном кругу в классе у Л. Э. Конюса, и будет это утром между 11 и 1 ч. и это очень неприятно, но вечером сделать эту пробу негде, т. к. мы не можем всех этих людей звать к нам, ибо их много. А самых любимых этой музыкой ее слушателей[591] не будет. И верно Вы говорите,

что будто мы на разных планетах. И еще хорошо, что хоть почтовое-то сообщение существует.

Не соберетесь ли опять в Париж? Но уж пожалуйста без флюсов! И к нам!

Вера[592] уехала в Москву. Если бы она могла писать Вам, следовательно у нее был бы Ваш адрес, а следовательно и мы бы его знали, но этого не было.

Сейчас перечитывала письмо Ивана Александровича и с удовольствием увидела, что есть возможность даже Вашего переселения сюда, а не только визита. Но не полагается очень откровенно выказывать радость, т. к. это связано с печальным фактом краха Института[593]. Очень просим сообщить, если у Вас предвидится какая-нибудь перемена.

Мы подумываем в будущем (т. е. в конце лета), если найдем что-нибудь подходящее, устроиться ближе к Парижу, чтобы можно было легче и самим бывать в городе и у себя людей принимать. У Коли бывает обыкновенно после того как он так посидит в уединении, поработает и вытащит из недр свои сокровища – его из уединения тянет к людям поделиться. И вот в мае будет год[594]. Может быть в мае поедем к морю на юг, а потом в сентябре или октябре постараемся найти что-нибудь на окраине Парижа. Вот если бы и Вы приехали, так хорошо бы пожить недалеко друг от друга. Что Вы об этом думаете?

А куда поедете летом? Или еще не думаете об этом? Ивану Александровичу нужны горы или можно и море? Ваша открытка с Валгаллой[595] изумительна и Вас может быть опять будет тянуть в те места? А нам надо к морю. Но во всяком случае Вы нам заранее сообщите, куда соберетесь.

У нас настоящая российская зима и вокруг нас сугробы, так что трудно пройти. Но при этом французская речёнка Иветка[596] не замерзает и делает вид, будто она бурный поток, и адски шумит. Но это в десяти минутах от нас и мы этого нарушения русской зимней картины не видим.

Ну вот кажется я Вам все выложила, что Вас интересовало. О Коле не писала много, потому что он сейчас сам Вам пишет.

Вас обоих целую

А. Метнер

P. S. При сем препровождается бесплатное приложение из «Музыкального календаря»[597], но с просьбой, ввиду необыкновенной уникальности и единственности этого экземпляра, вернуть его отправителю, предварительно вволю насладившись.

Коля[598] так и не успел Вам написать. Просит передать благодарность за книжку[599]. Читает ее сосредоточенно. А потом и мне велит прочесть сосредоточенно.

Сейчас мы получили от Мили письмо. Не знает, удастся ли ему выбраться, т. е. вернее забраться в Германию: без уважительной причины немцы теперь не впускают.

Ну, вот и все пока.

Коля Вам обоим сосредоточенно кланяется.

PS. Не спросите ли Вы при случае Угримову[600], получила ли она мою открытку и не обиделась ли она за что-нибудь. Мы всё[601] к ней собирались, но никак не могли успеть.

106

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> <между 7 и 20.I.1926>[602]

Дорогой друг!

Очень тронут вашей цыдулей[603]! Спешу ответить, ибо ~~боюсь~~ напуган возможностью Твоего алианса с Крейцером... ~~но в то же время~~ Давно не писал, т. к. хотелось непременно откликнуться на Твою книгу ~~и в то же время очень трудно собрать~~ а для этого необходимо было собрать свои мысли

в надлежащий фокус, а для этого фокуса необходимо было денька на два забросить свою насущную работу... Теперь же решил писать как попало – книга Твоя содержит в себе весьма много замечательных мыслей и положений, но несмотря на это трудно мне было писать о ней потому, что она содержит в себе также и попытку философского и религиозного оправдания казни (пресечения), чего я принять никак не мог. По-моему убийство есть всегда защита человека или человечества (а не Бога), т. е. в более широком смысле акт самозащиты. Богоотверженность человека может быть известна только Самому Богу. Вера в возможность полной богоотверженности человека есть сама по себе зло. Пресекая жизнь, мы не даем возможности человеку подойти к Богу, тогда как многие подходят к Нему на склоне дней. Убивая во имя Бога, мы превращаем себя самовольно в орудие Бога[604]. Допуская возможность убийства во славу Божию, я могу допустить это лишь как *бессознательное* действие. Стр. 22 – Только человек, мертвый в любви... духовный вкус. О путях к Богу и *о греховности всего, что может требовать убийства.* Политика тем и грязное дело, что...

О мироотвержении или богоотверженности.

Что-нибудь одно. Много путей к Богу.

Примеры с модными композиторами. В этом своем пути они преступники, но ведь у них могут быть и другие <пути.>

О сосне[605]. О свидании. О Флоренции. О своей работе. О тоске по общению. О смущении от его слов. О его здоровье. Портрет Крейцера.

Тороплюсь писать, т. к. угроза Твоего алианса с Крейцером и Фридм<аном>.

Огромное спасибо за привет. Давно собирался писать, ~~но если бы не мое~~ и я давно бы уже раз девяносто написал бы, если бы ~~не~~ мо~~й~~е ~~ответ~~письмо не было связано с желанием откликнуться на Твою книгу и если бы этот отклик не был бы для меня затруднителен.

Я против непротивления. И нахожу, что ты блестяще[606] полемизируешь с Толстым, ~~но~~ к сожалению только напрасно представляешь себе его чуть ли не единственным оппонентом. Но сочувствуя противлению злу и даже силою, я не могу только согласиться с Твоим *философским и религиозным* освещением и освящением того, что Ты называешь пресечением, т. е. казни или убийства. Впрочем ~~даже и этому я~~ по грешному темпераменту своему я пожалуй готов подчас сочувствовать даже и убийству, поскольку оно вызывается ~~чувством оскорблением справедливости~~ ~~оскорблением добра~~[607] надругательст<вом> над добром, но не тогда, когда я философствую или молюсь, ~~ибо в эти минуты чувствую себя самого себя~~ т. е. когда мысль моя или дух, возвышаясь над земными делами, освещает мне и самого меня во всей жалкой и грешной[608] моей наготе. Читая Твою книгу, я помечал себе все, что хотелось сказать.

Но это не значит ни *что я в эти минуты прощаю другим их зло*, <ни> что я тогда бываю настроен на «міронепріятіе»*, но значит только, что не бываю настроен считать *себя* достойным быть орудием Бога или считать кого бы то ни было богоотверженным.

Ей[609] о стрюцких. Голубой листочек. О Сиене. Я сочиняю на зло, но хотелось бы и на добро.

---

* а также с другой стороны не значит, что я бываю настроен сентиментально прощать тем или иным идейным своим врагам (все умножающ<имся>), но значит лишь, что [Прим. Н. К. Метнера, оборвано на этих словах. После, как будто бы в той же строке, но с огромным пробелом и чернилами (весь черновик написан карандашом), приписано:] не буду бить ненавидя. [Чуть выше всего этого примечания Н. К. Метнером же дополнено:] Но повторяю – не ручаюсь, что завтра я не кликну клича на своих идейных врагов [возможно, в «не буду бить ненавидя» «не» следует прочесть как «но» и счесть эти слова, написанные очевидно позже, окончанием приписки. Т. е. верное чтение такое: «Но повторяю – не ручаюсь, что завтра я не кликну клича на своих идейных врагов, но буду бить ненавидя». Срв. соотв. фрагмент в следующем за этим чистовом письме].

107

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<20.I.1926>***[610]

Fontaine d'Yvette 20/7-го Января 1926 г.

Милый друг Иван Александрович!

Спасибо Вам с Натальей Николаевной за ~~в~~Ваше письмо и поздравления. Цыдуля ваша весьма обрадовала и тронула нас, но в то же время, как и всегда, вызвала ревность в том смысле, что опередила наше к вам послание. Поверь, друг мой, что и я (т. е. и мы) постоянно думаю о вас и я написал бы вам по крайней мере девяносто раз, если бы мое обращение к Тебе на этот раз не было связанно с желанием откликнуться на Твою книгу. Но ведь для этого необходимо было бы эдак денька на два забросить свою насущную работу и как следует собрать свои мысли в надлежащий фокус... Вот я все и не решался на эту операцию. Да и теперь, заглянув в свои рваные бумажки, на которых я помечал свои мысли о Твоей книге, я на первых порах должен был вытереть холодный пот, обильно выступивший на моем челе, но потом решил писать Тебе во что бы то ни стало, отложив попытку поделиться своими мыслями о Твоей книге до другого раза (если только Ты этого хочешь). Очень уж Ты напугал меня возможностью Твоего альянса с Хеллерами, Крейцерами и Шиллинхами – впрочем и я тогда могу подружиться с Франком...[611]

Впрочем шутки в сторону, т. к. хотя я и решил отложить поделиться своими *мыслями* о Твоей книге, но все же не могу не высказать Тебе в нескольких словах ~~своего~~ общего, основного *впечатления*, вызванного ею. Она, как и все что Ты пишешь, содержит в себе весьма много замечательных и ценных мыслей. Кроме того она сильна и значительна своей полемикой с Толстовством. Но мне кажется, что Ты не должен был представлять себе Толстого своим главным и чуть ли не единственным оппонентом. Вот я например – против

непротивления. Я смаковал Твою полемику с Толстовцами, но, сочувствуя противлению злу и даже силою, я в то же время не могу согласиться с Твоими *философским* и ***религиозным*** освещением и освящением того, что Ты называешь *пресечением*[612], т. е. казни и убийства. Впрочем я пожалуй подчас готов сочувствовать или сомыслить даже и убийству, поскольку оно вызывается надругательством над добром, но заметь себе – или только сочувствовать или только сомыслить, т. е. тогда, когда во мне действует или только чувство или только мысль, но не тогда, когда и мысль и чувство, соединяясь в *философском* или *религиозном* созерцании, возвышаются над <«>туманами земных дел», освещают мне и самого меня во всей жалкой и грешной моей наготе... Но это не значит, что я тогда бываю настроен на «міро*не*пріятіе», а также не значит, что я тогда бываю склонен *сентиментально* прощать тем или иным из многочисленных своих идейных врагов, но значит только, что я тогда не бываю склонен прощать зло, живущее во мне самом, и потому не чувствую себя вправе ни признавать кого-нибудь *богоотверженным*, ни считать себя достойным стать орудием самого Бога. Но еще раз повторяю – я не могу поручиться за то, что завтра же я не кликну клич на своих идейных врагов и что послезавтра я не пойду на них с кулаками, но тогда уже это будет бой, а не убийство или казнь, и в бою этом мне уже не придется отдаваться религиозному или философскому созерцанию, иначе мои звериные кулаки сейчас разжались бы... И кроме того (за это я ручаюсь) уж тогда я буду бить вовсю, т. е. нисколечко не любя, а со всею ненавистью, на какую только способен...

Друг мой сердечный! Я уже вижу, как Ты зашагал по комнате и мечешь молнии по моему адресу, словом не на шутку трепещу, что Ты уже ликвидировал меня в качестве друга и единомышленника, но что же мне было делать-то? Ведь не врать же! Кроме того Ты сам же виноват, что считаешь меня вправе тоже рассуждать – иначе бы я не дерзнул высказывать

свою критику. Наконец ведь это *Ты же* почему-то считаешь меня гораздо хорошим, что кстати сказать всегда до глубины души смущает меня... А между тем знаешь что́ – ведь может быть я потому и не способен думать по-Твоему на вышеупомянутую тему, что гораздо хуже тебя... Тебе вот не страшно так думать, а мне страшно...

Ну прости, голубчик, давай же поцелуемся!

Очень радуюсь, что здоровье Твое не шалит. Очень тоскую по общению с вами обоими. Хорошо бы наконец к весне свидеться!

Кстати у меня кое-что накопилось, что хотелось бы поиграть вам. Главное хотелось бы сыграть новую скрипичную сонату, которая вышла целой огромной симфонией с финалом на тютчевское: «Весна идет, весна идет»[613].

Еще есть одна новая, довольно большая сказка (C-dur)[614] весьма веселого характера... Не знаю, откуда эти тона́? Ибо в общем мысли не очень-то веселые... В особенности в жизни искусства дело совсем дрянь... И когда-то опять проглянет солнышко и наступит настоящая весна!?...

Крепко обнимаю Тебя и очень прошу черкнуть хоть пару слов, чтобы знать, что Ты еще не ликвидировал Твоего неизменного друга

Н. Метнера.

108

<Leonid Kreuzer (И. А. Ильин) – Н. К. Метнеру>
<21.II.1926>[615]

Милейший собрат
Николай Карлович!

Встретившийся мне на днях мой старый друг профессор Н. А. Ильин сознался мне, то вы весьма интересуетесь моей компонистической деятельностью. Зная со своей стороны, что

вы тоже кое-что компонироваете, я поставил своей задачей предложить обмениваться нашими музыкальными тетрадями. Это было бы весьма приятно и я мог бы, если у вас есть что-нибудь правда дельное, сыграть что-то из этого во время одного моего фортепианного вечера. Мои вечера чрезвычайно успешно посещаются, и я был бы рад популяризовать кое-что из созданий моего компатриота[616]. Не сомневаюсь, что и вы с радостью ответите мне тем же и таким образом мы сделоваем друг другу пропаганда.

Н. А. Ильин подробно рассказывал мне об своеобразных приемах вашего композического процесса. Он все такой же балагур и шуточник.

Хотел бы еще предложить вам, не приедете вы в Берлин сыграть фортепианное партию в моем концерте моего сочинения. Я тогда выступлю диригентом. Гонорар мы разделим пополам. Ответьте пожалуйста телеграммой по адресу Проф. Ильина.

Моя супруга рекомендует себя вашей жене

In alter Freundschaft[617]

Leonid Kreuzer

26. 21Febr.

<На втором экземпляре приписка:>

в шутку сочинено и послано мною

ИАИльинъ

109

<Нина Кошиц (Н. К. Метнер) – И. А. Ильину>
<27.II.1926>[618]

17, rue Scribe Paris VIII
Paris 27-го февраля 1926 г.

Cher[619] Иван Александрович!

Решаюсь написать Вам хотя это и не очень convenable[620], как говорят французы, но впрочем мы оба состоим в супруже-

стве и кроме того мы ведь и не французы, а русские – одним словом «я Вам пишу чего же боле»[621]...

Дело в том, что у меня к Вам безумная просьба и я надеюсь, что Вы в память наших встреч на родине не откажи~~т~~ете мне оказать некоторую услугу *на чужбине*.

Одна моя приятельница (Ваша страстная поклонница) на днях писала мне из Берлина, что Вы часто пишете в тамошних газетах.

И вот не могли ли бы Вы к тому времени, когда я собираюсь выступить в Берлине – это будет в начале Апреля – поместить там обо мне фельетон? Ну что Вам сто́ит, милый Иван Александрович!? У Вас такой чудный слог! Кстати эта же приятельница пишет мне, что у Вас есть книга о Гоголе – Вы знаете – ведь это мой кумир, я его так обожаю и потому мне очень хотелось бы иметь Вашу книгу[622].

Для ориентализации посылаю Вам программы моих здешних концертов, которые, без хвастовства должна сказать, пользуются огромным успехом. Как видите пою и Вашего друга – Метнера. Но очевидно ему про меня наговорили наши *общие знакомые* – он ни разу не был ни у меня, ни в моих концертах.

<Завершение письма по левому полю первой страницы:>

Крепко жму Вашу руку и кланяюсь Наталье Петровне!

Ваша Нина Кош<иц>.

<К письму приложен листочек с пометкой Ильина:>

Шуточна~~я~~ое письмо Н. К. Метнера якобы от Нины Кошиц (*кто* именно писал его – неизвестно)[623].

110

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <9.III.1926>

Дорогие друзья!

Наш план таков. Мы выезжаем на Зар. Съезд[624] (при благополучном стечении обстоятельств) отсюда первого апреля (здешний страстной четверг[625]) вечером; вечером 2-го апреля приезжаем в Париж. Ночуем там. В субботу 3-го, часам к 12 дня, приезжаем к Вам в Фонтенку диветку[626], чтобы пробыть до вечера. С 4-го начинается съезд; мне будет очень набито и растерзано; вероятно съезд продлится до 10-го. Тогда останемся еще на день или на два для свидания с Вами, вторичного. Вот и все. Прочее обсудится лично.

Одновременно пишу Л. С. Мееровичу[627], прося его закрепить за нами в каком-нибудь отелишке двукроватную комнату.

Пожалуйста напишите немедленно Ваши соображения по всем сим обстоятельствам. И между прочим с какого парижского вокзала ездиют к Вам, какие поезда, сколько времени к Вам поезд идет, и как Ваша станция, и как с Вашей станции приезжие жулики пробираются на бонсежурку. И еще напишите все, что Вам придет в голову и в сердце.

Мы оба целуем Вас обоих. Ваш

Іоаннъ Фриденаускій[628].

26.III.9. Пишите нимало не медля! Адрес узнаете у Нины Кошиц[629].

111

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину> <12.III.1926>

12 – III – 1926.

Дорогие друзья!

Очень радуемся Вашему плану и разумеется ждём Вас в субботу 3-го.

Наши «соображения» по всем сим обстоятельствам самого приятного свойства.

Ехать к нам можно с Gare Luxembourg*, но этот вокзал очень пропитан какой-то копотью и мы обыкновенно садимся с Gare Denfert. Билеты (взад-вперед – дешевле[630]) надо брать до Lozère[631]. Не сесть по ошибке в поезд, кот. на этой станции не останавливается! А это бывает. Ехать до нас немного меньше часу. Предыдущая станция – ~~Vi~~ Palaiseau-Villebon и тогда надо готовиться к выходу, т. к. Lozère через 5 минут. Здесь встретит Вас Коля. Ходьбы 15 м.<инут>, но когда не знают нашей улицы и спрашивают здешних французов-«старожилов», кот. никогда ничего не запомнят, то они указывают так, что идти около получасу.

Поэтому надо приехать с заранее условленным поездом. Самое лучшее было бы приехать с поездом, отходящим от Denfert**: (11,2 или ровно 12 ч.[632]) от Luxemburg все поезда отходят на 10 минут раньше.

<Далее рука Н. К. Метнера:>

Спасибо, дорогой друг, за письмо от Крейцера, которое я раз двадцать принимался читать и каждый раз все пуще хохотал. Еще больше благодарю за добрую весть о нашем скором свидании. С радостью и нетерпением жду его! Обнимаю Тебя и всей душой приветствую Вас обоих.

Твой Н. Метнер.

---

* Стòит только в том случае, если Ваше жилье будет соблазнительно близко от этой Gare. [Прим. А. М. Метнер.]

** Gare Denfert находится там же, т. е. рядом, где Metro Denfert Rocherau. Билеты к нам надо брать до станции Lozère. Хорошо бы знать заранее, с каким именно поездом Вы приедете, 11,2 или 12 из Denfert? [Прим. Н. М. Метнера к тексту А. М. Метнер.]

112

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <31.III.1926>

Дорогие друзья!

Столь тщательно обдуманный мною план, – приехать на день раньше и провести этот день с Вами, – лопнул в последнюю минуту: мне не удалось достать билета на четверг и пришлось взять на пятницу вечером. Это значит, что мы приедем в ночь накануне начала съезда, в католическую пасхальную ночь. С воскресенья же начнется съезд и я не знаю, как это будет складываться... В воскресенье же, выяснив, что̀ это такое будет, я или напишу Вам, или телеграфирую; тогда же сообщу и адрес. Комнату нам достает Лазарь Соломонович[633].

Грустим оба.

Обнимаю.

И. И.

1926.III.31.

113

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> <20.VI.1926>

20–VI–1926 года

Дорогие друзья! Ваша весточка (от 26 мая[634]) застала нас в самый момент укладки и отъезда[635], а теперь уже вторая половина июня, когда и Вы собираетесь уезжать, и боюсь, что это письмо Вас не застанет, и шлю его заказным, дабы оно уж наверняка было переслано.

Мы были *очень* огорчены, когда Вы уехали из Парижа, не простившись с нами; мы приехали бы хотя бы на вокзал.

Теперь увидимся не раньше января, когда будем продвигаться в Россию. Тогда спишемся и приедем на один день

раньше, чтобы прожить его с Вами (если, разумеется, Вы будете в Берлине).

Мы не очень охотно оставляли Fontaine d'Yvette, но это было необходимо. Здесь мы думали найти южное солнце и тепло, но вот уже почти три недели плохая погода и потому Коля все еще не делал перерыва в работе, пока не захворал. Почти целые сутки была рвота, и врач определил, что это от давления животных (от слова живот) мускулов на печень и потому его рвало желчью, которая по-видимому терпеть не может никаких «давлений». А Коля невольно причиняет ей эти неудобства. Он сидит за своей работой почти весь день (а при ней у него всегда напряжение в животе), а кроме того перед самым этим случаем ему пришлось писать пространственный ответ на одно письмо из Москвы, которое его очень взволновало и затронуло самое трудное место[636]. Все это привело к тому, что желчь взбунтовалась довольно яростно.

Два дня он не только не ел, но и не пил ничего, кроме лекарства.

Со вчерашнего дня солнце греет и стоит чудесная погода. Сегодня Коля встал и сидит в саду и читает. Проглотил даже чашку черного кофе с сухарем и обошлось благополучно, т. е. ни боли не поднялись (одну ночь он кричал от боли) и никаких других последствий. Ясно, что эта неприятная история кончилась.

Думаю, что Вам может быть интересно, что̀ это за письмо из Москвы.

Это сделанное частным образом (Алекс. Фед. Гедике[637]) предложение приехать не в январе, а в сентябре и занять место на «творческом факультете»[638]. Место это освободилось вследствие смерти Егора Львовича Катуар. Знали ли Вы его[639]? Это один из последних музыкантов, и он еще учил, как надо работать, а не ходить на голове. И потому его класс пустовал и «ученики» предпочитали классы «учителей» как Мясковские, Яворские и т. п., так как там цель достигалась уже в самый момент начала «ученья»[640]...

И вот Коля должен был бы, чтобы «спасать искусство», бросить свое сочинительство и приехать в ~~консерв~~ Москву, постараться получить это место (ведь не весь художественный совет может желать его, а только меньшинство) и потом может быть, добившись этого с Божьей помощью, учить пятерых или шестерых мальчишек всему тому, чего никак нельзя делать, чтобы иметь право сочинять, и когда им это будет это преподано, то может оказаться, что они и совсем не сочинители, а научить сочинять, т. е. создать сочинителя, никто кроме Бога не может. А т. к. они там это проделывают и этот соблазн очень велик (у этих магов масса учеников), то кто же пойдет на запрет, которому будет учить Коля<?>[641].

Но А. Ф. писал в таком духе, что простой необоснованный Колин отказ был бы несомненно принят как проявление эгоизма, и вот к сожалению пришлось все это разъяснять. А казалось бы так ясно, что Коля может еще сделать что-ниб. для «спасения искусства» (выражение А. Ф.-ча) сочиняя, а не бросив это для того, чтобы учить пять дураков, которым лучше не сочинять.

Так как я хочу отправить это сегодня же в надежде еще застать Вас в Берлине, то пока прекращаю и обещаю написать подробнее, как только откликнетесь и пришлете адрес.

Завтра или послезавтра ждем сюда Милю.

Мы в пяти минутах от моря. В 10-ти часах от Парижа и в 4-х от Бордо.

Тихо, спокойно и все кругом приветливо – и природа и хозяева. Хозяйка нам готовит, и очень хорошо.

У Коли есть новые друзья – три курицы, и он каждый день их кормит. Кроме всех этих благ есть еще собака, танцующая настоящий вальс и делающая это не из собачьей угодливости человеку, а для собственного услаждения. Она большая и мохнатая с разными глазами: один карий, другой опаловый. Сюда же приехали в соседний пансион и две Колины ученицы: Руся Оцуп и одна (бывшая у него в Москве) из Лондона,

(но русская) сменившая рояль на пение, т. к. у нее чудесный голос (очень благородный) и она проходит Колины песни, причем за роялем Руся и этот ансамбль великолепный[642]. Обнимаю Вас обоих и жду ответа.

Ваша А. Метнер.

<Приписка Н. М. Метнера на первой странице письма, до приветствия (текст перевёрнут):>

С любовью приветствую вас обоих! Напишу в другой раз, когда починюсь немного... Не забывайте нас.

Н. М.

114

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину>
<25.VII и 5.VIII.1926>

25 – VII – 1926 г.

Самые дорогие друзья!

Получили открытку Вашу с одиноким деревом, стойко выдерживающим бушующую кругом него грозу[643]. Очень обрадовались тому, что Вы наконец выбрались из Берлина и попали в чудесную страну[644]. Ждем хоть таких же коротких писем и дальше и нисколько на это не будем обижаться, но только хотим знать, как живете, как здоровье и хоть кратко о внутреннем состоянии – а если найдете нужным и возможным распространиться, то мы только рады будем.

«Перезвоны»[645] получили и очень благодарим. «Отзыв» наш самый отзывчивый и вообще мы-то на все Ваши зовы отзываемся, но ведь мы не та рать, которую собрать бы надо на спасение Руси. Как бы это так сделать, чтобы все Ваши зовы и вопли влить в *один* колокол[646], да ударить разом так, чтобы на весь мир слышно и чтобы содрогнулись те, кто губят Россию, и те, что могут, но не идут спасать, потому что она им

не нужна. А то ведь все разбросано: одни прочтут что-нибудь одно в каком-ниб. журнале, другие – другое в газете, и все это в разных концах.

Где Вы будете будущую зиму? Все в Берлине? Мы тогда с Вами хоть проездом увидимся. Но надо знать заранее Ваши свободные дни, т. к. больше двух дней нам застрять будет в Берлине нельзя. Но впрочем наша поездка в Россию еще не совсем верное дело, т. к. нам писали, что Росфил (кот. приглашал Колю) будто бы обанкротился и трансформирован во что-то другое и вряд ли они испытывают себя ответственными в выполнении договоров[647].

На этом основании, но не упоминая о падении Росфила, уже прислал приглашение Персимфанс, т. е. безголовый оркестр. Но Коля иначе ответить не мог, как отказом, ссылаясь на договор с Росфилом. Не может же он на основании слухов нарушить договор[648].

Что будет дальше, мы не знаем. Пока Коля занят инструментовкой фортепианного концерта, который он закончил (выписав партию оркестра в фортепианном изложении) накануне отъезда из Pontaillac'a[649].

Очень хотим знать, что-нибудь о Вас и просим поскорее написать. Не могу сейчас же отправить это, т. к. Коля хотел написать хоть несколько слов, но сколько времени пролежит этот листок в ожидании его приписки – неизвестно.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер

<Далее приписка Н. К. Метнера:>

Дорогие друзья!

Анюточка написала 25-го, а сегодня уже 5-е Августа... Каждый день собирался сделать приписку, да не хватало пороху даже на пару слов... Весь порох ушел на работу и теперь я до того выпотрошен, что даже не знаю, как справиться

с оставшейся частью работы... Огромное спасибо за присылку журнала с великолепной статьей «О России». Не скрою впрочем, что от статьи этой все же как-то защемило на́-сердце – жутко, что Россия нуждается в защите и что лучшие ее люди должны тратить лучшие свои силы на то, чтобы быть адвокатами своей родины... Как это мерзко, что мы не видимся и не можем говорить! Писать очень трудно, долго и все выходит холодно и сухо...

Обнимаю обоих и прошу не забывать.

Любящий Вас Метнерюкъ.

<На правом поле ещё одна приписка Н. К. Метнера:>

Миля очень просит кланяться и справляется, получены ли деньги?[650]

115

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину> <12.IX.1926>

12 – IX – 1926.

Дорогой Иван Александрович,

Ваше письмо для Э. К-ча пришло девятого числа утром и я в тот же вечер была в Орсэ[651] на почте и отправила его заказным.

А на другой день пришла Ваша открытка с изображением не существующего более собора[652].

Мы очень рады бываем вестям от Вас, хотя бы даже столь кратким. Но содержание нас не порадовало. Чудный месяц август, когда и отдыхать и работать лучше, чем в другие месяцы, Вы потратили на нарыв. Впрочем надеюсь, что у Вас там[653] и сейчас очень хорошо. Сегодня пришло письмо от Рахманинова и он представьте страдал тоже тем же. У него был фурункул на руке и тянулось это очень долго[654].

Вы мне не ответили на один вопрос, на который мне надо бы иметь ответ до ноября, когда мы окончательно будем решать срок нашего отъезда в Россию. А именно: где Вы будете зимой? Остаетесь ли в Берлине и не будете ли вторую половину января в отсутствии. Теперь выясняется, что может быть нам не пришлось бы жить в отеле и тогда мы можем пробыть даже дня три, четыре. Но мне надо очень заранее списаться с одной особой, у которой мы могли бы остановиться.

Коля сейчас занят инструментовкой концерта. В печать готовится (т. е. переписывается (мною) и просматривается (Колей)<)> большая фортепианная вещь – <вторая> импровизация, но на первую совсем не похожа[655].

Переутомлен Коля до крайней степени, т. е. до того, что бывают головные боли и даже два раза была дурнота. Но прекратить на время работу он не решается, т. к. боится не успеть.

До отъезда надо не только закончить работу, но и переписать и прокорректировать. Материалу же куча, т. к. помимо партитуры еще и оркестровые партии.

Рахманиновы сейчас всей семьей в Канне (не Галилейской и не итальянск. Каннах, а французскойим[656]) и вернутся сюда только в конце октября и очень вскоре С. В. и Н. А. уедут в Америку[657]. Вот все новости.

Ждем от Вас хороших вестей.

Не будем писать больше, пока не получим известия и адреса, т. к. ведь и не знаем, до каких пор Вы остаетесь на одном месте.

Вас обоих крепко целуем.

Ваша А. Метнер.

<Далее приписка Н. К. Метнера:>

Драгоценные друзья!

Постоянно душой и мыслями с Вами, но писать в настоящее время абсолютно не могу, т. к. от своей работы устаю подчас до дурноты.

Спасибо за присланную статью «Родина и мы»[658]... Она великолепна, но все же вызывает в моей душе ту же примесь чувств, о которой писал вам недавно[659]. Работаешь ли Ты, дорогой Иван Александрович, в настоящее время над прежними своими темами<?>... Ведь и они нужны родине... Больному ли, умирающему ли или же осужденному одинаково нужны как врачи и адвокаты, так и духовники... Впрочем чувствую, что об этом так карандашом на клочке бумажки ничего не скажешь и потому умолкаю...

Крепко обнимаю Тебя и целую руки Нат. Ник.

Любящий вас Н. Метнер

P. S. Непременно присылайте о себе весточки, хотя бы открытками. Не забывайте нас.

116

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<17.X.1926>***

17 – X – 1926.

Дорогой Иван Александрович, вот уже вторая открытка от Вас[660] и по-видимому Вы оба, наши дорогие друзья, сейчас отдыхаете и наслаждаетесь в самых лучших уголках земного шара, а мы за Вас радуемся и желаем набраться сил как можно больше.

Вы не писали, сколько времени пробудете во Флоренции, и я боюсь, что это <письмо> уже не застанет Вас там, т. к. Вы поехали туда 8-го, а сегодня уже 17-ое. Но Вы разумеется оставляете адреса для пересылки.

У нас тоже совершенно летняя погода и даже вечером мы выходим в самом легком. Вчера я собирала еще в нашем саду землянику и малину, хоть и очень немного. Наши розы цветут; цветут и гвоздики и душистый горошек, настурции, маргаритки, георгины... совершенно неправдоподобно!

Но Коля бедный совсем замучился работой и чувствует себя жестоко утомленным, а бросить не может. Нам до поездки в Россию остается три месяца, а он еще только на половине работы над инструментовкой концерта, а потом еще надо успеть его переписать (и оркестровые партии) и все это прокорректировать. А Коля еще и играть не начинал и по этому поводу все видит беспокойные сны. Он все выходит на эстраду, даже не зная, *что* он должен играть. И не уговорить его никак хоть на один день оторваться. Вот посидеть бы ему хоть денек на таком озере Гарда![661] Гулять мы конечно ходим каждый день, но этого мало. По вечерам читаем Мольера в подлиннике (Коля читает вслух – это Вас не изумляет?) и очень изредка еще бываем в Париже.

К 25 числу ждем к нам Рахманинова, кот. вернувшись сюда из ~~Ниццы~~ Канн, где он сейчас с семьей, пробудет здесь с неделю, а потом опять в Америку.

Вот все наши новости. Обнимаю Вас обоих.

Пишите!

Ваша А. Метнер.

<На лицевой стороне сохранившегося конверта адрес:>

Italie.
Mr. I. Iliin.
Firenze.
Via del Presto St. Martino. 7, Pensione Fiorenza

<и тут же приписка рукой А. М. Метнер:>

Посылаю наугад на прежний берлинский адрес.

<На оборотной стороне конверта обратный адрес:>

Medtner.
6, Rue de Genève
Fontaine d'Yvette
par Palaiseau
(S. et O.)
France

<и во всю площадь конверта, в том числе и поверх этого адреса записка рукой А. М. Метнер (текст по отношению к адресу перевёрнут):>

Это письмо пролежало очень долго, ожидая Колю, т. к. он просил не отправлять, пока и он не напишет. Теперь я его все-таки шлю, хотя оно и старое[662].

117

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<24.XI.1926>***

1926.XI.24.

Дорогой друг!

Пишу из Берлина. Мы приехали сюда 5 ноября. Живем пока в пансионе (Berlin W. Lützow Str. 63. Pension Tonn[663]); но квартиру уже нашли и переедем туда 30 ноября. Квартирка маленькая, но зато abgeschlossen[664]; хозяйка уезжает надолго в Испанию; кухонка, центральное отопление, цена приемлемая. Но главное – *рояль*! И радости моей нет конца... Я конечно вполне представляю себе, что, проезжая в январе через Берлин, ты не захочешь и не будешь нам играть (как не играл ни в Дрездене, ни в Фонтендивете...). Но мы-то сами по крайней мере сможем быть себе не только непосильными Саулами, но и посильными Давидами[665]! Рояль недурной, нестарый, не расстроенный – и в квартире – никого кроме нас!

Посему шлю тебе просьбу. Сообрази немного, какие твои вещи переизданы и имеются в магазинах заграницей (по опусам!) и нет ли среди них таких, которые ты бы мог *презентовать* нам, хотя бы в виде ордера на получение из склада. Вспомни, как аккуратно я докучал тебе все эти годы присылкой моих, столь раздражавших твою отрешенность *тэр-а-тэристых*[666] *«адвокатски-патриотических» эксцессов*[667] и пойми, что христианин *платит добром* за *зло* и что, если ты не язычник и не мытарь[668], то ты *обязан* отплатить мне благоуханным добром

твоих «мȕзик» за ~~зло~~ смрадное зло моих литературных ковыряний. Пойми, подумай, *сообрази – и отомсти!*

Отнесись сердечно к моему *домогательству*! Позови на помощь милую и добрую Анюту и изложи ей своими словами мое положение. «У врат обители святой стоит просящий подаянья» – бедняк, *оглохший*, чуть живой – от *музикальнаго* страданья. Твоих он музикъ возжелал / и взор явил живую муку / – и я не верю, чтоб прогнал / ты его прочь за ту докуку[669].

О, лауреат и концертант! О, многих и толь забавных музикъ составитель! Ведь мы *когда-то были даже дружны с тобой!*

Вонми же!

Ни о чем больше не пишу и не напишу, пока не отзовешься.

Одно только – для Вашего проезда через Верлинъ[670] я берегу 20–30 января. Когда Вы поедете?

Обнимаю и целую ручки Анны Михайловны.

(басом:) «Же–на———кла–ня–ется!»

(Рахманинов. Письмо к Станиславскому
в исполнении Шаляпина[671])

Твой Іеровоамъ Павсикакіевичъ Подложный[672]
(многих докучливых речей составитель и адвокат).

С XI.30 абдресъ[673]: Berlin-Wilmersdorf. Südwestkorso. 18 Parterre.

Tel. Rheingau[674] 26-86.

118

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<начало XII.1926>***[675]

Милый и дорогой Иван Александрович!

Спасибо Тебе за письмо и память!

Очень сожалею, что не чувствую себя способным должным образом ответить Іеровоаму Павсикакіевичу на его ехидные

подхихикавания. Очень устал от непрерывной работы и главное чувствую себя в настоящее время не более, чем Акакіемъ Акакіевичемъ Башмачкинымъ, а всю свою работу рассматриваю лишь как старую шинель, вывернутую наизнанку...

Итак я, Акакій, отвечаю Павсикакіевичу молчанием...

Тебе же, Ивану, кланяется и дорогой Наталье Николаевне целует ручки любящий вас

Н. Метнер

P. S. Просьбу Твою, весьма меня тронувшую, постараемся исполнить, о чем Тебе подробнее пишет Анюта.

119

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<начало XII.1926>***

Дорогой Иван Александрович, пока еще Коля соберется Вам отвечать на Ваше великолепное письмо пройдет немало времени, т. к. он буквально задавлен своей работой над инструментовкой[676]. А тороплюсь сказать Вам, что разобрала все ноты и нашла ~~следующие~~ некоторые вещи, но не знаю, что Вы из этого хотите и главное нет ли у Вас чего из этого и тогда я бы напрасно выслала. Как только ответите – моментально вышлю. Коля уверяет, что он Вам кое-что из нового дал.

Получили ли Вы мое письмо, писанное в начале октября, но из-за Коли посланное в конце оного месяца: (он все собирался приписать). Отправила я его уже в Берлин на прежний адрес, т. к. думала, что квартира за Вами[677].

Итак, как только напишете, что у Вас есть, сейчас же вышлю все что смогу.

Подробности в следующем письме.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер.

P. S. Ирина ~~Рах~~ Волконская просила передать Вам, что статью Вашу получила и очень благодарит[678].

120

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<начало XII.1926>***[679]

Дорогие друзья![*]

Вот только когда удалось взяться за перо. С 8 ноября – каждую неделю читал по-немецки в Берлине; потом уезжал два раза с лекциями в Вестфалию и в Мюнхен; и в это же время успели обзавестись квартирой.

Теперь несколько отдыхаю. Это выражается в том, что день за днем пишу деловые письма и в промежуточки времени ковыряю на инструменте.

У нас есть Колиных[680]:

a) привезено с собою:
- opus 24 № 1 и № 4.
- opus 29 № 3. № 6. № 7.
- opus 32 № 1 и № 2.
- opus 36 весь
- opus 37 весь

} русское издание

b) получено здесь:
- opus 36 весь – – – – значит дубликат
- opus 37 весь – – – – значит дубликат
- opus 38.
- opus 39
- opus 40.
- opus 43 № 1 и № 2
- opus 45 весь.

} заграничное издание

Больше нет ничего. Нет ни одной моей любимой сонатинки и ни одной сказочки. И потому – если у Вас есть какие-нибудь возможности, дубликаты или корректуры других опусов – то шлите все не судом[681] к нам.

Когда Вас ждать? Если возможно, то приезжайте в Берлин не ранее *25 января* – 15-го янв. я уеду в Чехию и бо-

[*] Ввиду неприличия письма, это заглавие отменяется. Надо другое: *Милый и дорогой друг Коля!* [Прим. И. А. Ильина.]

юсь, что меня там задержат свыше недели. Там буду читать по-русски...

Напишите скорее Ваши журы-фиксы[682]. Буду беспокоиться.

Поздравляем Вас с наступающими не-русскими праздниками[683] и желаем Вам никак не встречать их, а ждать русских, к каковым поздравим еще отдельно.

Брожу по Берлину и высматриваю, где бы задешево приторговать

a) Бетговенцу
b) Бахцу
c) Шуманцу, – хоть на гривенничек.

Ноктюрны Шòпина кто-то мне ссудил; нежно-то оно нежно, но уж очень что-то минорно-канючливо[684].

А уж насчет Вагнерцу – потерпеть видно придется.

А Мусоргского – и вовсе не достать.

Целуем Вас обоих всех наперечет крест-накрест и ждем вестей.

Милый Коля!

Твой Іеровоамъ Перепалкинъ.

Недоразумение! Ужасное недоразумение! Но Вы скрывайте до конца жизни!!

Ирине Сергеевне Волконской-Рахманиновой – я послал брошюру свою по самому чистеющему недоразумению! Я хотел послать совсем другой-другейшей Волконской[685] и тоже в Париж; и вдруг такая нелепая перепалка, достойная заблудшего в жизни Іеровоама. Но Вы этого ей не говорите: пущай подо.....тся.... И надпись тоже зря была. Вот ужѣъ подлинно послал через картавое «л»...

1927[686]

121

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.I.1927>***

1 января 1927 г.

Дорогие друзья! Сегодня первый день нового года, который (не день разумеется, а год) пусть будет для Вас хорошим и спокойным и плодотворным – желаю Вам этого от всей души. Последнее письмо заблудшего Іеровоама обращено специально к милому Коле, кот. любит все что угодно, а отвечать-то приходится мне, т. к. от милого Коли долго ответа ждать придется. Он теперь засел за рояль с сегодняшнего дня, а в инструментовке концерта не кончил еще хвостик и страдает и разрывается. Работы у него по горло, т. к. учить надо очень много нового, а времени немного. Но к счастью удалось отодвинуть концерты и первый будет 18-го февраля. И едем мы не в январе, а в феврале – числа 4 – 6-го. Когда выяснится, напишу. А то может еще вот что быть с нами: из-за работы Коле придется оттянуть наш отъезд, а потом уж будет некогда застревать в дороге и мы может быть в Берлине задержимся на возвратном <пути> и уж торопиться не будем, а проведем с неделю. Будет это вероятно в конце марта или в самом начале апреля. Будете ли Вы в это время в Берлине? Или Вы не знаете заранее? Напишите об этом.

Получили ли два номера журнала Stimmwart[687]? Это послал Вам Эмилий Карлович через свой лейпцигский книжный магазин. Редактор этого журнала Georg Armin прислал Коле эти статьи и очень хорошее письмо, в кот. говорится о его желании с Колей познакомиться. Понравилось Вам то, что он пишет?

Э. К. спрашивает, получили ли Вы 450 фр. У них там в деле какой-то кризис, и надо было приостановить работы (может быть и временно – это еще не выяснено и потому ничего не говорите, особенно Вашим друзьям Трюбам[688]), а главное нельзя было больше никому выдавать денег, а Миля очень хотел еще успеть выслать Вам и представьте себе он сжулил и проставил в своем отчете задние числа, т. е. как будто Вам было выдано раньше, ну словом из-за Вас сделал «подлог», а Вы еще думаете, что он Вас не любит. Пробудет он здесь до 25-го января[689].

Завтра буду пересматривать все имеющиеся у нас ноты и все что возможно вышлю. Но к сожалению у нас из старого вообще очень мало, а новое у Вас оказывается все есть.

Это письмо придет к нашему Рождеству и я поздравляю Вас и тоже целую крест-накрест.

Ваша А. Метнер.

<Правее подписи А. М. Метнер приписка Н. К. Метнера мелким почерком:>

пролежало это письмо восемь дней!

<Ниже приписка Н. К. Метнера обычным почерком:>

Хотелось приписать к письму Анюточки, да вот сейчас принужден лежать от некоего недуга, происходящего от сидячей жизни.

Шлю привет обоим к новому году и не дождусь личного свидания!

Обнимаю. Любящий вас НМ

122

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<30.I.1927>***

30 янв. 1927 г.

Дорогие друзья, выходит совсем фатально! Мы все еще ждем денег на дорогу (из России), а главное визу и потому были в неизвестности о сроке нашего отъезда. Теперь же ясно, что раньше субботы 5-го февр. в 10 ч. вечера мы не выедем, т. к. получив визу, надо проделать еще много формальностей. Но срок отъезда это будет крайний, т. к. 18-го уже симфонический концерт (новый фортеп.[690]) и дирижеру нужно успеть выучить партитуру и надо успеть сделать репетицию ~~на~~ перед этим надо еще будет успеть очнуться от слишком сильных впечатлений совсем другого порядка. И так задержаться в Берлине не сможем, но возвращаясь обратно остановимся на несколько дней. Будет это или в конце марта или <в> самом начале апреля. Подходит это Вам? Оттуда напишу.

Наш поезд стоит в Берлине меньше часа. Он придет в воскресенье 6-го около 6 ч. веч. Французы ничего не знают точно. Но т. к. я не уверена, что Вы смогли бы сделать Sprung[691] на вокзал, то посылаю ноты – все что нашлось.

Обнимаю!

Ваша А. Метнер.

<На первой странице письма (текст перевёрнут) приписка рукой А. М. Метнер:>

Высыла<ю> ор’ы 11 и 20-й[692].

123

<А. М. Метнер – И. А. Ильину>
<не ранее 30.I и не позднее 4.II.1927>[693]

Сейчас была в Париже заказывать билеты и на субботу не достала спальных мест, и выезжаем только в воскресенье

6-го 10 ч. вечера. Значит Берлин проезжаем 7-го около 6 ч. вечера. Если мы Вас не увидим, то пришлите нам о себе хоть два слова в Москву на адрес Консерватории: улица Герцена 13.

Если, получив это, захотите что-ниб. сказать нам (в случае, если на вокзал не можете), то немедленно пишите на адрес Е. М-ны[694]. Мы будем в воскресенье с утра в Париже, и письмо еще дойдет.

11, Etienne Marcel Prolongée, Paris III.

<Сверху страницы (текст перевёрнут) приписка:>

Тут мне французы сказали, что наиболее длинная остановка на Schlesischer Bahnhof[695], но я им не очень верю.

124

<Телеграмма Н. К. Метнера – И. А. Ильину> <20.V.1927>

2635

iljin suedwestkorso 18 berlin wilmersdorf =

[Telegram]m[696] Nr. *7*
Aufgenommen den *21/5* 1927
um *21* Uhr *40* Min. $\frac{\text{vorm.}}{\text{nachm.}}$
durch *W*[697]

Telegraphie des Deutschen Reichs
Berlin-Wilmersdorf 1

Telegramm aus **warszawa 2 2635 10 20/5 19,20**

morgen friedrichstrasse neun zwanzig = medtner. ++

[Перевод (*нем.*):

2635, Ильин, Юго-западный проспект, 18. Берлин, Вильмерсдорф. Телеграмма № 7. Принята 21/5 1927 в 21 часа 40 минут $\frac{\text{дня}}{\text{ночи}}$ через W. Телеграфия Германской Империи. Берлин-Вильмерсдорф, 1.

Телеграмма из Варшавы 2 2635 10 20/5 19,20.

Завтра. Фридрихштрассе, девять двадцать[698]. Метнер.]

<На обратной стороне телеграммы довольно неразборчивая надпись (принадлежащая, по-видимому, почтальону по фамилии Hoch). Восстановлена нами так:>

Haus geschlossen, Nachtglocke vergeblich gerufen. Hoch 20/5 27

[Перевод (*нем.*):

Дом закрыт, в ночной звонок звонил безрезультатно. Хох. 20.5.27.]

<На телеграмме позднейшая приписка рукой Ильина:>

1927. 20 мая
на обратном пути из России

125

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <14.VI.1927>

Allemagne.
Herr Prof.
I. Iljin
Berlin Wilmersdorf
Südwestkorso 18.
Parterre[699]

Дорогие друзья! Эта открытка только предвестник моего письма, кот. скоро воспоследует. В Париже нас замотали. Главным образом ушло время на Рахманиновых. Обо всем напишу, но т. к. уже 14-ое число и я не уверена до 1-го ли Вы июля или только до 15 июня остаетесь в этой квартире, то рискую пока этой открыткой и буду ждать адреса, чтобы написать подробно.

Мы оба очень счастливы, что видели Вас, хотя этого и было недостаточно[700].

Тут неожиданно *очень* хорошо и это для нас приятный сюрприз. Обнимаю.

Ваша А. Метнер.

<На лицевой стороне открытки с типографской надписью «403. – VICHY. – Chalet de l'Empereur (Habité par Napoléon III en 1863)[701]» приписка Н. Метнера:>

Крепко обнимаю дорогих друзей. Целый день пью виши, подвергаюсь истязаниям 2-х массажистов (massage sous l'eau[702]) и читаю жизнь Пушкина[703]. Достаньте себе эту книжку.

Ваш Метнерюкъ.

<Одно из окон верхнего, третьего, этажа отмечено знаком ***(x***, которым А. М. Метнер обычно обозначает примечания, и ниже после такого же знака её приписка:>

мое окно. Колина комната рядом и окно уходит в крышу в небо! <От окна к крыше на открытке прочерчена чернилами стрелка.>

126

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<29.VI.1927>***

Monsieur
L. Meerowich.
51, rue Chardon-Lagache
Paris (16ª)
pour Mr. Iljin[704]. среда (утро)

Дорогие друзья, Ваше сообщение о Вашем прибытии в Париж пришло только вчера вечером и я думаю, что это письмо придет позже Вашего приезда, т. к. оно не дойдет к вечеру. О подробностях приезда[705] сговоримся, т. к. я приеду повидать Вас завтра же или самое позднее послезавтра.

Очень хотим видеть Вас здесь у нас.

Мы оба Вас обнимаем.

До скорого свиданья!

Ваша А. Метнер.

Сейчас подали письмо от Лазаря Соломоновича о том, что Вы сегодня вечером приезжаете и значит это не под вопросом, а верно.

127

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<10.IX.1927>***

Mr. Iljin
~~Hotel Milhomme~~
~~Grand Bornard~~ Hotel Fleur des alpes
~~Haûte Savoie~~ Saint Gervais les Bains
~~France~~[706]

10 Сент. 1927. 35, rue des Thermes[707]

Милый мой Иван Александрович.

Спасибо за открытку. Сам не пишу, ибо невесело. И природы не видал за лето и работа не спорится. Очень мы были и удивлены, и огорчены, что Вы не собрались к нам. Надеемся, что соберетесь на обратном пути.

Обнимаю Тебя, приветствую Наталью Николаевну и прошу не забывать нас.

Твой Н. Метнер

128

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<13.IX.1927>***

Ницца[708]

Дорогой друг!

Мы думаем быть в Париже 20–21 окт. Вероятно на неделю. Перед отъездом прошу еще открытку.

Спасибо Вам обоим за письмо. Мы тут живем очень плохо. У Нат. Ник. был 6-го сердечный припадок, сильно нас напугавший. Вчера 12-го он повторился еще раз. Были доктора – французский и русский. Оба *категорически* отрицают

порок сердца – но говорят о симпатической нервной системе, окружающей сердечный мешок; – «слишком много перенесено»; теперь лучше. Лечу. Но тревогой сам совершенно разбит за неделю.

Надеюсь тебе понравится и «О священном», и «Мы требуем понимания»[709].

Шлем привет Вам обоим.

Твой И. И.

1927.IX.13.[710]

129

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<21.IX.1927>***

Адрес пока старый:
Haute Savoie St Gervais les Bains
Hôtel Beau Rivage[711].

1927.IX.21

Дорогой друг!

Я тяжело утомлен работой над Колоколом[712]: устало внимание, устали нервы, устала творческая утроба. Главное, – все на мне – и даже организация торгового аппарата на $^3/_4$!! Отдыха не было вовсе. Сдана в набор вторая книга. Первую ты на днях получишь. Если, что понравится – напиши[713].

Во второй идет между прочим моя статья «Кризис Соврем. Искусства»[714]. Мысленно посвятил ее тебе, но компрометировать твое имя не решился. Впрочем, это все тебе безразлично, ибо мое творчество идет за последние годы *целиком мимо* тебя...

Скоро отсюда уедем – в Ниццу. После 20 окт. будем в Париже. Обнимаю тебя и целую ручки Анны Михайловны.

Твой бывый Остерцунге[715].

130

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<21.IX.1927>***[716]

Эксцесс о Поле,
и его фельетоне.

Н. К. Метнеру
[Из письма к Н. К. Метнеру]

Посмотри-ка – новый критик,
Жалкий нытик и рахитик,
Что̀ тут отмочил:
Из газетных испарений
Музыкальный новый гений
Шишкою вскочил!..
Дай критическую волю
Рахитическому Полю
Душу отвести:
Он натащит нам из «кучек»
Разных «отпрысков» и штучек –
Мать его ...
[Господи, прости!..]

Де-Кок.

1927. сентябрь
St. Gervais-les-Bains.

131

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<между 23.IX и 1.X.1927>***

В день получения Твоего
письма (не помню числа)[717]

Дорогой Иване!

Большое Тебе спасибо за письмо.

Стрела, пущенная Тобою в конце оного, однако прошла «*целиком мимо*» меня.

Спасибо и за де-кокoвский фельетон с комментариями и стишками, доставившими мне (да и другим) большое удо-

вольствие... т. е. комментарии и стишки, а не фельетон!.. ибо он, т. е. этот тон – не только фелье, но и мове...[718] Удивительный разгул дилетантизма наблюдается в наше время... Мир заеден этим дилетантизмом. Под дилетантизмом я не разумею вовсе непринадлежность к какой-ниб. специальности или неспособность к данной специальности. Дилетантом может быть и «специалист», и даже талантливый. Дилетантизм по-моему – врожденная, наследственная и ничем не искоренимая бацилла какого-то легкомыслия и недомыслия – это есть неспособность видеть глубину предмета – дилетант и не подозревает этой глубины, он изживает себя только в процессе периферического касания этого предмета. Дилетант никогда не сомневается. (Помню, как в одной твоей лекции Ты важно говоришь о сомнении[719].) Дилетанты пишут свои сочинения всегда прямо начисто и никогда не забывают поставить в конце рукописи число и место написания[720]... Дилетанты страсть любят выкликать или вернее кликушествовать, провозглашать пророков, устраивать радения, учреждать секты; дилетанты всегда – «кучкисты»[721]...

Дилетант не знает жертвы, не знает тайны и потому никогда не может быть жрецом хотя бы даже столярного дела. Если он даже и талантлив, то все же он всегда человек *без* призвания. Дилетант всегда – *само*званец... Разболтался так на эту тему потому, что чувствую, что именно дилетантизм (как я его понимаю) объединяет, сплачивает всех современников, подчас самых разнообразных направлений. Что именно он отличает искусство (по крайней мере *наше*) современности от великого, *царственного* искусства Бахов, Бетховенов и т. д. Штраус, Стравинский, Прокофьев *на первых порах* представляются мне жалкими дилетантами по сравнению с прежними царями, представляются мне плебеями, пролетариями искусства, самозванцами, и если их «призвание» внешне как будто и определилось, то только благодаря мелкому расчету, успеху и т. д. И между царями были настоящие и дилетанты. Наш<,>

хоть и не талантливый<,> был *настоящий*<,> потому что спокойно принял смерть у себя на родине, а талантливый немец своим позорным бегством явил себя дилетантом[722].

132

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину> <1 и 6.X.1927>

1 октября, 1927 г.

Дорогой Иван Александрович, отправляю Колино письмо[723] по данному Вами адресу, но боюсь, что Вы уже уехали в Ниццу. Впрочем пошлю заказным и надеюсь, что Вам перешлют. Теперь мы Вас скоро увидим? Радуемся и ждем!

Чуть было не случилось, что мы бы разъехались, т. к. предполагалось 20-го окт. ехать в Берлин, где 26-го должен был быть Lieder-Abend из Колиных песен с Вюльнером и еще какой-то певуньей. И я только собралась написать Вам об этом, как пришло от Вюльнера письмо, извещающее о перемене: вечер переносится на вторую половину сезона, ближе к весне[724]. Подробности при встрече.

И вообще сейчас никаких подробностей, т. к. скоро увидимся.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер.

<На оборотной стороне листочка записка Н. К. Метнера:>

6-го октября

Журнал получили! Успел проесть Твою чудесную статью о «Русском Колоколе» и еще правила «Как хранить тайну»[725], которые тоже мне весьма понравилась.

Но прочту разумеется все. Надеюсь скоро увидимся. Обнимаю Тебя. Целую ручки Нат. Николаевны.

Твой Пузенкампфъ.

133

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<23.X.1927>***

Дорогие друзья!

Думаем приехать[726] 26 вечером. Лазарь Соломонович закажет нам комнату. Мы проедем с вокзала прямо к нему, а потом в отель.

Едем оба чрезвычайно утомленные. У Наталии Николаевны было за последние 2 недели несколько припадков сердечного невроза. Она слаба и я измучен. И тем не менее мы хотим быть у Вас. Разрешите нам только так поступить:

часы поездов и удобного Вам приезда и отъезда нашего напишите нам немедленно по адресу Л. С.

(Mr. Lazar Meerowitch. Paris XVI. 51 rue Chardon Lagache. Для И. А. И.)

а день мы по комбинациям выберем сами – и *за сутки* Вам телеграфнем. Хорошо?

Обнимаю и целую.

1927.X.23 Полпѣтушка[727].

134

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<28.X.1927>***[728]

Monsieur L. Meerowitch
pour I. Iljin.
51, rue Chardon-Lagache
Paris 16-e

Пятница утро.

Дорогие друзья!

Ездила вчера в Париж, чтобы повидать Вас и сговориться о сегодняшнем вечере. Хорошо, что я не поехала <в> такую даль напрасно, а позвонила Мееровичу с вокзала. Его жена сказала мне, что Вас ждут только вчера[729] к вечеру. Сегодня Вы вероятно еще утомлены, но завтра мы бы очень, очень хотели

видеть Вас у нас. Коля бы приехал к Вам, но дело в том, что он сейчас весь день до вечера занят, т. к. спешно готовится к концерту 3-го ноября у Марселя Дюпре в Медоне[730]. Только поэтому мы просим Вас к вечеру, а не на целый день. Но зато поездка к нам до того легка, что если бы Вы только могли приезжать к нам каждый вечер (чему мы были бы бесконечно рады) – у Вас не было бы впечатления путешествия за город. Поезда очень часты. Самый удобный для нас 6 ч. 25* (от Gare du Nord[731]) и выходите Вы в Enghien les Bains через 11 минут. Тут я Вас встречу. К нам ходьбы 10 минут. От нас поезд без $^1/_4$ 11 ч. Это конечно очень коротко (немного больше трех часов) для свидания и уж Вы резервируйте для нас еще два, три вечера. А если Вы останетесь до после 3-го, то мы ждем Вас на целый день 4-го. Обнимаем Вас!

Ваша А. М.

<Приписка на верхнем поле письма, до приветствия (текст перевёрнут):>

PS. Увы, сейчас выяснилось, что и Воскресенье и понедельник Коля занят вечером репетициями с Ганзен. Постарайтесь завтра.

135

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.XI.1927>***

Monsieur I. Iljin.
Hôtel Exelmans[732].
B-d Exelmans.
Paris. 16-e

1 ноября 1927 г.

Дорогие друзья!

Оказалось очень нелепо и именно так, как мы боялись, то есть скрипачка оставила всю работу на последние дни и мы

* Этого поезда нет по воскресеньям. [Прим. А. М. Метнер.]

и с Вами не можем повидаться, и Коля утомляется перед концертом, чего никогда не делает сам, т. е. если он один. Из этого следует, что увидимся уже в Медоне[733]. Приехал Эмилий Карлович. Рассчитываем видеть Вас у нас 4-го, о чем прошу заранее, чтобы не случилось помехи.

Мы оба обнимаем Вас.

Ваша А. Метнер.

<Приписка А. М. Метнер сверху письма (текст перевёрнут), продолжающаяся по всему его левому полю и завершающаяся внизу, на свободном месте перед подписью:>

Я не решилась предложить Лазарю Соломоновичу приехать на концерт, т. к. ведь не знаю, интересно ли ему, а он бы постеснялся отказаться. Если он хочет, то может приехать просто с Вами.

136

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<18.XI.1927>***

Дорогая Анна Михайловна!

Ради Бога не браните меня за то, что задержал деньги[734]. Меня тут кружил все время целый водоворот осложнений и забот и я еле выплываю.

Скажите это пожалуйста Эмилию Карловичу. Всех Вас обнимаю.

Завтра вечером буду думать о Вас – концерт[735]!!

Адрес: Berlin W. Lützow Str.
63 Pension Tonn.

Ваш ИИльинъ

У нас тут холода! Квартиру найти трудно! Бяда!

1927.XI.18

137

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<21.XI.1927>***

Allemagne.
Herrn Prof. I. Iljin
Berlin W.
Lützow Strasse 63
Pension Tonn.

Anna Medtner.
35, rue des Thermes, Enghien les Bains (S. et O.)
France

21 ноября 1927.

Дорогой Иван Александрович, сегодня пришло Ваше письмецо со вложением денег[736]. Э. К. просит благодарить Вас.

Ужасно беспокоюсь, что не находите квартиры. А пансион не очень плохой? Почему ни слова о здоровье Натальи Николаевны? Будем ждать хотя бы самых кратких осведомлений о Вашей жизни.

Концерт прошел блестяще и при полной зале (хотя она всего на 600 человек). Но результаты материальные пока нам еще не известны. Устроители обыкновенно рассматривают устраиваемые ими концерты как благотворительные – в их пользу.

Э. К. здесь еще дня четыре.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер.

<Сначала по правому полю, а затем и поверх текста А. М. Метнер приписка карандашом Н. К. Метнера:>

Спасибо за память о моем концерте! Дошли ли до Вас статьи обо мне В. Поля в «Возрождении» и «России»[737]? Никак не ожидал!

Крепко обнимаю обоих!

Твой Пузенкампфъ

1928[738]

138

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<5.II.1928>***[739]

Дорогой друг!

Как Вы живете? Здоровы ли? Вспоминаете ли нас иногда? Мы живем трудно. Квартиры найти доселе не удалось; торчим в пансионе (мрачном и не дешевом). Нат. Ник. чувствовала себя все время неважно (сердечный нейроз[740]); а теперь только что перенесла ангину с нарывом в горле. Очень слаба и плохо выглядит. Материально трудно. Радостей мало. Потому и не писал.

На днях выпускаю третью книжку журнала.

Читаю Поля о тебе – сносно.

Привет тебе и Анне Михайловне от нас обоих. Когда Вы собираетесь в Берлин?

1925.II.5. Твой ИИл.

139

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<23.III.1928>***

23 Марта 1928 г.

Дорогой Иван Александрович,

Мы пропустили срок подписки на Ваш журнал[741], т. к. были в Англии и я затормошилась и забыла.

Теперь обращаюсь к Вам за протекцией, если возможно, чтобы нам все-таки выслали журнал.

Вы нам не дали Вашего адреса и посылаю это в редакцию.

Устроились ли Вы или все еще в пансионе? Как себя оба чувствуете? Увидимся ли летом? Мы будем где-ниб. у моря на юге Франции.

К 10-му октября приедем в Берлин, т. к. состоится Medtner-Liederabend, в кот. участвует Вюльнер[742]. Очень беспокоимся – вернетесь ли Вы к тому времени в Берлин и в особенности если не увидимся и летом. Черкните словечко! Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер.

140

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<4.IV.1928>***

4 апр. 1928 г.

Дорогой Иван Александрович, дошло ли мое письмо с 20 франками и верно ли я помнила эту сумму[743]?

А сейчас мне очень захотелось послать Вам прилагаемую здесь статью из цюрихской газеты[744].

Мы обнимаем Вас обоих и с нетерпением ждем вестей.

Ваша А. Метнер.

141

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<7.IV.1928>***

Дорогая Анна Михайловна!

Слышим стороной, – то из газет, то из частных рук, – что Вы ездили в Англию и что Николай Карлович имел там на-

стоящую аудиторию и большой успех. Радуемся этому; но чему – не знаем сами; ибо успех определяется прежде всего и больше всего самочувствием[745] артиста, а потом чувством артиста от аудитории и лишь потом чувством аудитории от артиста. А о первых двух пунктах ни газетные слухи, ни частные сообщения ничего не говорят...

С грустью думаю о тех прошедших временах, когда пути и успехи Метнеровой музы не только не чуждались нас, но с непреложной уверенностью требовали нашего сочувствия; когда я имел возможность не только следить за ее завоеваниями и победами, но участвовать в них так, как если бы они были *мои*. Во *мне* – ничего не изменилось с тех пор. По-прежнему я испытываю победы его музы как дело национально-русское и общечеловеческое, а это дело по-прежнему считаю и чувствую своим личным. Вам виднее, когда и насколько следовало меня отодвинуть и отстранить от его музы и от непосредственного общения с ней. Я же сумею и издали любить ее, любоваться ею, сочувствовать сердцем и волею ее расцвету, а может быть – и писать о ней.

Мы оба поздравляем Николая Карловича и шлем ему привет.

О нас ничего не могу сообщить; положение наше неопределенно, будущее тоже; намерений нет. Во Францию не собираемся и по-видимому вряд ли скоро увидимся. Где будем в октябре – не знаем.

Целую Вашу ручку.

ИИльинъ.

1928.IV.7.

Подписные деньги я передал в контору; все в порядке.

Адрес: Berlin-Grunewald. Wangenheim Str. 45 bei Voigt.

142

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<13.IV.1928>***

Страстная Пятница 1928[746].

Дорогой друже Иване!

Шлю Тебе и дорогой Наталье Николаевне горячий привет к Светлому Празднику!

Письмо Твое от 7-го числа одновременно и удивило и глубоко тронуло меня. Конечно я урод, что не пишу писем и именно вам, коим всегда имею что сказать... Но что же делать! Я прилежно принимаю уродонал[747], но не помогает, да и только!.. Читая Твои статьи и через них испытывая близость нашу, я всегда порываюсь писать Тебе, но к сожалению порывам этим не удается реализоваться в форме письма.

И вот я вменяю в особую заслугу Анюточке, что, вскоре по возвращении нашем из Лондона и по прочтении в Колоколе Твоих статей и «Ариона» Натальи Николаевны[748], она, моя Анюточка, со свойственной ей непосредственностью тут же села за письмо к вам. В особую заслугу ставлю я ей и то обстоятельство, что она *забыла* в этом письме о всей нашей Лондриаде[749] и думала только о вас. Но конечно я не ставлю ей в заслугу того обстоятельства, что она, по ее собственному признанию, скрыла истинный импульс этого письма... Но в этом ее постоянном «Hemmung»-е[750], может быть, виноваты и вы сами...

Еще не ставлю ни себе ни ей в заслугу, что оба мы не удосужились послать вам приветѣа из Лондона, но поверьте же, друзья мои, что де́ла было столько, как никогда. Если бы еще одни дела́, а то еще и работа, которая по-моему всегда очень плохо уживается с делами, ибо дело – дело хозяйское, а работа – рабское, а я признаться хозяин никудышный и с грехом пополам справляюсь едва съо своими рабскими обязанностями.

Спасибо Тебе, дорогой мой, за Твое всегдашнее сочувствие моей музе, хотя и выраженное на сей раз столь свирепо. Поверь мне, что, сидя в каком-то курятнике на чужом огороде, я, пытаясь петь, имею в виду среди очень немногих именно Тебя с Натал. Ник., а уж никоим образом не этих чужих кур, петухов и огородников, которые кстати сказать постоянно мешают мне.

Итак Христос Воскрес! И не сердись на любящего Тебя

«Николая Карловича»[751] Метнерюцкого

143

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<ок. 13.IV.1928>***[752]

Милый и дорогой Иван Александрович, если бы Вы только знали, до чего я казнюсь за то, что не написала Вам об Англии. Но даю Вам слово, что это не потому, что были как.-ниб. отрицательные причины («отодвинуть»... «отстранить»... что за дикая мысль!), а только потому что, пиша[753] Вам маленькое письмецо, до которого я и то наконец-то дорвалась, я думала только о том, где Вы, здоровы ли, и хотелось поскорее получить отклик и после этого я и сама без Вашего упрека написала бы Вам подробное письмо. Неужели Вы думаете, что во мне что-нибудь изменилось? И какая тому могла быть причина! По правде сказать и посылка-то 20 фр. на журнал на Ваше имя не была причиной моего письма (т. к. я просто могла послать эту просьбу в редакцию), а просто предлог Вас окликнуть.

Вы откликнулись, хоть и сердито, и я тороплюсь написать Вам, тем, о которых всегда думаю только с любовью и с радостью, что существуют два таких человека. Вообще и с Натальей Николаевной и с Вами у меня связано самое положительное и это никак не могло бы породить чувств «отодвинуть» или «отстранить», а совсем наоборот.

Итак об Англии. Еще до того, как мы туда поехали, у Коли уже, создалось чувство, что его там ждут и ждут с радостью, ибо ждали уже давно и знали давно. Кроме того, что нам сюда пересылали статьи с сообщениями о его приезде как о событии, но Коля ещё получал письма с выражениями благодарности за то, что едет туда. Но и все-таки, несмотря на все эти добрые признаки, он не ожидал, что его встретят так, как его встретили теперь только в Москве. А пресса даже и не так, а гораздо лучше, т. к. все газеты были переполнены восторженными статьями о нем и называли его они попросту гением, чего в Москве никогда не бывало. Коля даже смеясь говорил, что только там он понял, почему говорят «головокружительный успех», т. к. от этого ли шума вокруг него, от перемены ли воздуха – у него действительно были там головокружения (кот. впрочем и сейчас у него бывают, как только выйдет на воздух).

Весь этот прием и восторженность аудитории были тем ценнее, что это был цвет тамошней концертной публики. Об этом писали и говорили, а также и о том, что много народу уходило не получив мест, что там бывает редко. Овации в концерте заняли столько же времени, как и музыка. Музыканты приходили толпой в артистическую и даже такие почтенные люди, как директор Royal music Academie; а один старичок 75 лет Mathey[754], директор неск. музык. школ и очень известный педагог, даже поцеловал Коле руку и вообще все эти приходившие люди проявляли столько любви к Колиной музыке, кот. давно знали, а тут и к нему самому, что понятно он там расцвел и чувствовал себя как в родной атмосфере. Royal Academie устроила ему грандиозный прием и он там играл и уж как его там чествовали – этого он еще никогда не переживал. В антракте, когда Коля ушел в артистическую покурить и отдохнуть, на эстраду вышел Sir Henry Wood[755] (известный дирижер и там вообще очень видный человек) и говорил о Коле как о величайшем композиторе и о том, что

эти «гениальные» произведения, да еще в его собственном исполнении, должны были оценены всеми присутствующими как редкий дар и праздник и на всю жизнь останутся в их памяти. И вот такие вещи там и говорились и писались и у нас масса замечательных писем, кот. я храню. 1 ноября он играет свой 2-й концерт в Королевской Филармонии[756]. Сейчас должна оборвать <письмо>, т. к. тороплюсь на поезд по делам в Париж.

Обнимаю обоих Вас с любовью.

Ваша А. М.

<На первой странице письма, до приветствия (текст перевёрнут), приписка:>

P. S. Концерт устраивала просто одна певица, кот. полюбила Колины песни[757]. Доход от концерта покрывал наши обе дороги и жизнь в Лондоне почти три недели. А с собой мы привезли 40 фр., кот. Коля получил за свое исполнение в радио[758].

144

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<18.IV.1928>***

Христос Воскресе!

Милый и дорогой друг!

Спасибо тебе и Анюте за милые письма в ответ на мою свирепость. Но право же Вы не имеете никакого римского права забрасывать нас настолько, что про целые события, да еще триумфальные события, мы узнаем из постылых газетных сплетен!

Я читал Анютино письмо вслух и у меня несколько раз голос пресекался от волнения и глупая влага мешала читать дальше. Есть же, значит, на земле уши и души, достаточно

чистые и здоровые, чтобы звонить в колокола от твоей музыки (т. е. уши не звонят в колокола, ну, да все равно уж...). И не так уж, значит unzeitgemäss[759] твои видѐния. Одно только: подлой монеты могло бы и должно бы было быть куда больше!

Утешает меня, что ты заглядываешь в мой журнал. Он далеко еще не развернулся – ни по диапазону, ни в глубину. Он только еще *начался* и говорит о черном хлебе, о беде и позоре. Но я мечтаю, что он сможет заговорить и о радости.

Очень прошу тебя, пришли мне несколько страниц афоризмов твоих о сущности *искусства вообще* и *музыки в особенности*. Если хочешь и о *модернизме* в музыке; главное: ***о Боге*** в искусстве и в музыке, об их священной природе. Набросай о чем хочешь, совершенно *не связывая себя*, как и что придет, в любой форме, хотя бы тебе самому казалось «случайным» и «не совсем удачным».

Я напечатаю под псевдонимом, тобою указанным, т. е. который ты сам укажешь. *Очень* прошу тебя об этом!!

Ты начни только разговаривать об этом предмете с Анютой, и оно само все выскочит. Хочешь – пять страниц, шесть, семь; или три – сколько выйдет.

Очень прошу Анну Михайловну – у нее *наверное* есть записи за тобой из прежних времен, – может быть можно проредактировать тебе, т. е. просто пробежать с карандашом – и прислать!!

Горячо Вас обоих обнимаю. Богатейте, пожалуйста! Нат. Ник. шлет Вам обоим привет.

Твой И. И.

Адрес: Berlin-Grunewald. Wangenheim Str. 45 bei Voigt.

1928.IV.18

<На первой странице письма, на обширном свободном месте до приветствия, приписка:>

Четвертая книжка[760] вышла и Вам послана.

145

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<6–8.VI.1928>***

6 июня 1928 г.

Дорогие друзья! Вот мы и опять долго не писали. Письмо Ивана Александровича было еще 18 апреля! У нас за это время было много бед: мы оба хворали. И сейчас мы из-за болезней очутились в прескверном положении, т. к. застряли у Елены Михайловны[761], где ютимся кое-как. Мы должны были давно быть где-нибудь на лоне природы. Квартиру в Enghien мы ликвидировали уже 15 мая и вот с той поры мыкаемся. Теперь болезни утихомирились до известной степени, и завтра или послезавтра мы едем в Нормандию, т. к. это ближайший и недорогой пункт.

О болезнях подробно не стоит, а вкратце: у Коли головокружения и установлено – плохое давление крови и артрит. У меня же было воспаление надкостницы с 40° темпер.

В смысле материальном наши дела не очень важны, и Ваш приказ нам богатеть – мы бы и рады исполнить, да что-то не умеем. Теперь вероятно скоро выйдет Ваша пятая книжка. Если у нас еще не будет адреса, то пожалуйста распорядитесь пока, чтобы ее выслали на имя Hélène Medtner, 11, rue Etiènne-Marcel-Prolongée, Paris III, и нам перешлют. Во всяком случае как только найдем жилье, я сейчас же пошлю Вам наш адрес.

Как Вы оба? Здоровы ли? Когда и куда едете? Увидимся ли в октябре?

Отправка этого письма задержалась, потому что я хотела поискать среди записок, нет ли чего более или менее цельного. Но вряд ли из всего этого можно что-ниб. найти без того, чтобы это не требовало специального препарирования для печати. Может быть этим летом Коле удастся заняться приведением записок в какой-ниб. порядок.

Я посылаю Вам кое-какие клочки* для того, чтобы Вы видели, какого это рода и в каком это сыром виде. Боюсь, что Коля за посылаемые клочки даже рассердился бы на меня.

Т. к. сегодня уже 8-е, то я отправляю это и буду ждать, что Вы скажете. Дня через три мы едем в Нормандию и тогда пришлю Вам адрес. Но во всяком случае можно писать и Е. М-не – она перешлет.

Обнимаю горячо Вас обоих, дорогие друзья.

Ваша А. Метнер.

<Далее следуют приложенные к письму три «клочка», все записаны рукой А. М. Метнер.>

<Позднейший заголовок, данный И. А. Ильиным:>

Мысли Н. К. Метнера
приблизит. 1928 г.

<**№ 1**> Недостаток есть подделка недостающего.
«Блаженны кроткие, нищие духом»[762].

Каждый человек обладает хотя бы одним как.-нибудь подлинным достоинством, ценностью. В потустороннем бытии каждый и представляет собой одну эту ценность и этого вполне достаточно, т. к. восполняется гармонией других ценностей (гармония же эта в Боге).

Здесь же на земле, где нет гармонии (ибо мы не в Боге), одной этой ценности нам не достаточно, (мы смутно помним, что «там» это было не так) и вот добрый, зная, что кроме доброты нужен еще и ум, симулирует умность, т. е. умничает; умный же представляется добрым, *не любя* доброты и т. д. Если бы мы хорошо помнили Бога, то он осветил бы нам все

* Но это все не главное и не то, о чем Вы спрашиваете. То требует бо̀льшего внимания и я не могу выхватить оттуда так случайно, как я сделала с этими клочками. [Прим. А. М. Метнер.]

недостающие *нам* ценности в *других* людях и мы научились бы *любить* их и вернулись бы к *прежней* гармонии. Теперь же, не удовлетворяясь своей односторонностью, мы часто симулируем недостающее в нас и эта симуляция есть грех и пошлость. Лучше мириться со своей убогой односторонностью и восполнять ее созерцанием недостающего в других.

А если бывают такие кроткие (убогие), то они становятся предметом презрения, равно как и богатые многими ценностями становятся предметом зависти и потому *недостойного нелюбовного* подражания.

<**№ 2**> *О смысле в музыке*. Каждый из людей, кот. имел мало дела с пером, принимаясь за какое-нибудь ответственное письмо либо что-нибудь вроде, не раз спросит – употребляется ли такое слово или выражение, ибо отлично знает важность объективно принятых форм речи.

«Как говорят» и как «не говорят» в музыке и составляет главный предмет музык. теории.

(Но ныне мы музыканты отвергли всякую единую школу и слоняемся по свету, как эмигранты нашего искусства, без пастыря и без связи между собой... Композитор в наше время начинает с вопроса «как не говорят» и пишет как раз такую музыку, какую до него никто себе *не позволял* писать. И вот это-то и является причиной отсутствия *музыкального смысла*[763], который совершенно сознательно отменен и заменен исключительно произвол[764])

Также и во всяком деле есть свой специфический *смысл*; если я никогда не чистил картошку, то я на первых порах спрашиваю «как чистят ее» – т. е. *о смысле* чистки картошки... Бузони в своей «эстетике» (!!) сознательно отвергает музыкальный смысл[765].

Необходимо из нашего «свободного» стиля, т. е. того ныне классическ. стиля (Бах, Моцарт, Бетховен, Шопен, Шуман, Вагнер), который обычно противопоставляется «старому»

стилю допотопных композиторов – т. е. стало быть из практики искусства ***до***-революционного, необходимо выработать *новый* строгий стиль и преподавать его с неумолимой строгостью в консерваториях всего света.

Если человек плохо владеет каким-ниб. языком, то мы большей частью понимаем его *помимо* тех нечленораздельных звуков, которыми он пытается объясниться, а лишь благодаря жестикуляции и выражению лица.

———

В искании «новых путей», чем так усердно занимаются современники, обыкновенно упускается из виду сама цель (тема) и потому пути эти часто бывают столь кривыми. Если помнить всегда тему-цель, никогда не заблудишься.

Кроме того в механическом изобретении вряд ли возможно себе представить новую машину, не подчиняющуюся старым законам физики, т. е. возможна абсолютно новая машина, но все с тем же вечным колесом[766]... художественные же изобретатели почему-то стыдятся этого колеса; именно потому, что они *только* изобретатели и потому что нет у них другой цели, как только само *изобретение*.

<№ 3>

В наше время весьма принято тех немногих музыкантов, которые не порвали хотя бы только с некоторыми традициями или законами прежнего искусства – классифицировать с помощью частицы «нео» – «неоклассик», «неоромантик» и т. д. Все эти слова означают, что в искусстве данного музыканта найдена *бацилла старого* искусства, частица же эта является лишь снисходительной уступкой перед неоспоримым *фактом* принадлежности художника к *новому* времени... читай: тех же щей да пожиже влей. Из боязни этой обидной снисходительности *большинство* современников давно порвало со всякими традициями и законами прежнего искусства и каждый из

них за свой страх провозглашает *новый* смысл, *новую* форму искусства. Есть и такие, кот. не боясь быть заподозренными в романтизме, провозглашают «*новую* душу», *новый* дух искусства. Но ведь понятия «смысл», «форма», «душа», «дух» сами по себе стары, как мир. Как бы не нашелся критик, который благодаря этому все-таки назвал бы их *нео*смысленными, *нео*формленными, *нео*душевными и неодухотворенными.

Псевдоним «Антинео»[767].

146

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<26.VIII.1928>***

Милый и дорогой друг!

Ты жестоко ошибся бы, если бы подумал, что я за это время о тебе не думал или тебя не любил. Напротив. Больше чем когда-нибудь роптал на нашу разлуку и на невозможность видеться и говорить. Боже мой, до какой степени огромное большинство людей не живет главным и не думает о нем; и как вообще трудно на белом свете жить!

Мы выехали из Берлина 1 июля. За две недели до моего отъезда я начал постоянно ездить в Staatsbibliot<h>ek в Musikalische Abteilung[768]. Там я выписал по музыкальному каталогу все твои произведения и проводил часы в их чтении и разборе. Увы – абстрактном. Дело в том, что ни у меня, ни в библиотеке нет инструмента. И люди сидят и «читают» – или книги о музыке, или ноты про себя. Последним занимался и я. *Новые* для меня вещи – я не могу читать на слух; но слышанные и знакомые вещи, особенно игранные *и* тобою, *и* мною (если обо мне позволительно так выразиться) – я «слышу» хорошо. И должен сказать – это были *счастливые* часы... Я уходил с душой, наполненной заливным пением, чудесной ~~п~~волнующей полифонией и содрогающейся от твоих ритмов. Вот, что приходится делать с голодухи.

Тебе может быть будет интересно знать, ~~чтего~~ чего там нет из твоих вещей:

a) Дополнительно написанных частей Sonata-Ballada Fis-dur opus 27.
b) Всего 28 опуса.
c) 47 опуса.

Кончается опусом 48-ым. Остальное *все* есть.

Может быть эти мои занятия принесут скорый и крепкий плод[769].

———

Теперь о нас.

С 1 июля по сей день мы провели возле Мюнхена в Гаутинге у Софии Петровны Дурново[770]. Тут было удовлетворительно. Дальнейшие планы такие: на днях уедем в баварские горы; 1 сент. у меня доклад в Инсбруке на съезде домо- и землевладельцев[771]; потом на десять дней в восточную Швейцарию (Граубюнден); с ~~1~~6 – 23 сентября русский академический съезд в Белграде[772], где у меня три доклада, оттуда проедем в Италию и потом в Берлин[773].

Время отдыха прошло в напряженной работе и тревогах; у ворот стояла нищета и пустота. И тревога за мой журнал.

С ним дело обстоит так.

Я проделал за год огромную работу. Дело росло и ширилось. У меня в настоящее время по всей вселенной свыше 120 распространителей, из коих 95% работают идейно. Свои люди, единомышленные работают в Сан-Франциско, Монтевидео, Асунционе, на Яве, в Тянь-Цзине, Калькутте, в Харбине, в Персии, в Африке и т. д. Трогательные письма и приветствия радуют душу. Начинают образовываться местные кружки для идеологической работы в духе Русского Колокола. Тираж наш перешел за тысячу экземпляров. И люди, работая бесплатно, честно высылают деньги к нам в центр. Так с ~~марта~~ января по июнь тираж *удвоился*.

Но самоокупаемости еще нет. А с первого Августа всякие добавления иссякли. Первый деньгодатель[774] оскудел. А *все* богачи, которым я писал, ответили жестким отказом. Чтó им идея и чтò они идее? И ведь смешно сказать, какая сумма нам нужна. Я прекратил всякое вознаграждение редактору и авторам; и при таких условиях нам нужно всего 250 марок в месяц (60 долларов).

Как ни трудно мне отдавать $^{3}/_{4}$ времени делу, которое мне ничего не дает, и кроме того еще заработывать («наживать»), я решил пойти именно по этому пути. Иными словами: отдать все *на волю Божию*, а самому делать и строить дальше.

Я, видишь ли, считаю, что теперь, когда так много уже сделано, ~~и~~ когда дело начало держаться само и не хватает небольших сумм, – я должен идти на величайшие жертвы, чтобы спасти и закрепить его. Россия нуждается в здоровой и крепкой идее; на всех полях и во всех сферах. За год я начал расчистку политическую и религиозную. Ныне время и место – заговорить крепко об искусстве и науке, продолжая и углубляя начатое. И, если это дело *нужно*, то Господь мне как-нибудь поможет; а если *не* нужно – то Он прекратит его истощением.

16 августа начинался у меня лично бюджетный крах. И вдруг, как перепелов из пустыни[775], нанесло мне приглашений на немецкие платные лекции. И я на ближайшие месяцы выплыл. Я лично. Журнал бедствует и захлебывается. Но я как-то *религиозно* верю, что откуда-нибудь придет помощь. $^{2}/_{3}$ денег возвращается из продажи; не хватает $^{1}/_{3}$. Не может дело погибнуть на этом...

———

Дорогой мой! Напиши мне не откладывая все, что можно знать о Вас. Может быть Анюта будет так мила и добра, и напишет нам о том, до чего у тебя не дойдут руки!?...

Я знаю, где Вы. Но не знаю ни что̀ Вы, ни как Вы, ни Вашего точного адреса. Что сочинил ты? Что пишешь? Как складывается твой сезон? Когда и где ты играешь? *В Берлине-то, когда*?!

Слышу, что Сергей Васильевич будет концертировать в Германии. Ради Бога узнай, когда его выступления в Берлине – точно месяц и день – и напиши мне!

Анне Михайловне надеюсь скоро написать и подробно на все ответить.

Пока кончаю. Горячо обнимаю тебя и Анюту; и передаю Вам сердечный привет от Наталии Николаевны.

Твой старый и верный

барон Остерцунге.

1928.VIII.26

Адрес: Gauting bei München[776]. Gartenpromenade 15
(пожалуйста разоритесь на заказное!).

Дорогая Анна Михайловна! Я очень ценю Ваше письмо. Но должен ответить на него подробно в связи с другим планом.

Целую Ваши ручки.

Ваш И.

<Ниже приписка карандашом:>

Шестая книжка выходит на днях; куда ее выслать?

147

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<9.IX.1928>***

Villa Albertine, rue Convers, Villers sur mer, Calvados, France[777]

9 – IX

Дорогой Иван Александрович, на Ваше письмо (от 26 Авг.) ~~хотел~~ тут же хотел отвечать Коля, но неожиданно свалилась

спешная корректурная работа (ф. п. концерт, кот. должен исполняться 1 ноября в Лондоне и <потом в> Манчестере, и дирижеры уже ждут партитуру[778]), а между тем прошло уже больше недели и я боюсь, что Вы переменили адрес. Впрочем посылаю заказным и Вам перешлют.

Концерты Рахманинова в Берлине: 9-го и 12-го ноября – первый Clavierabend[779], а второй Симфонический.

Ну, а в октябре-то Вы уже будете в Берлине? Колин концерт 10-го октября*. Нам было бы очень грустно не встретиться с Вами и кроме того большим лишением для Коли <было бы> отсутствие Вас двух на его концерте. Ответьте нам на это еще сюда, мы здесь до 1-го октября. Числа третьего мы уже в Берлине и остановимся у Frau Else Wachsmann (Claudinsstrasse, 13) или у Prof. Braunstein (Meinekestrasse, 23)[780]. Зовут эти два дома, но мы еще не решили на чем остановиться.

Очень отрадно было читать то, что вы пишете о Вашей работе, и дай Бог чтобы она принесла плоды, ради которых Вы тратите Ваши силы. А богачи? Это жалкие нищие, которых дух делается рабом своего господина – богатства. И к сожалению это приходится наблюдать на людях таких, кот. должны были оставаться свободными от этого ядовитого влияния.

И ждать помощи приходится только от Бога и Вы сами видите, что Он не оставлял Вас до сих пор, как не оставит и впредь.

У нас это лето было не легкое, но не хочется сейчас писать об этом и в особенности потому, что мы скоро надеемся

* Надеюсь, что дата моего концерта Вас также интересует... [Прим. карандашом Н. К. Метнера к письму супруги. Отсылка в виде знака * в кружке стоит именно в этом месте, но текст, к которому относится этот комментарий, обведён «прямоугольником» тем же карандашом, почти все строки внутри «прямоугольника» подчёркнуты, а также подчёркнуты две строки вне его и ко всем четырём его углам пририсованы стрелочки. Выделенный таким способом текст: «Колин концерт ... до 1-го октября» (последнее предложение – вне «прямоугольника»).]

с Вами встретиться. Вы пишете, что до 23 сент. в Белграде, а оттуда в Италию. Надолго ли? Если больше чем на две недели, то значит мы в Берлине не встретимся.

Сочинил Коля шесть сказок для ф. п., посвященные Иванушке-дурачку и Золушке (Вы это поймете!), и три гимна для ф. п.[781] 2-ая импровизация (из кот. Вы немного слышали) напечатана[782]. Теперь ему пришлось от композиторской работы оторваться и засесть за рояль, т. к. у него на всю подготовку всего месяц.

Ждем ответа хотя бы очень краткого.

Крепко обнимаю Вас дорогих друзей!

Ваша А.

<Ниже карандашом приписка Н. К. Метнера:>

Дорогой друг! Все время не имел досуга писать. Теперь же Анюточка торопит отправить это письмо. Во 1-х спасибо за письмо и за ласку моей музе. Во 2-х, твердо надеюсь, что мы увидимся же наконец, черт возьми, через 3 недели. Крепко обнимаю Тебя и приветствую Н. Н.

Твой весь Пузенкампфъ.

<Слева от своего текста и текста приписки супруга также карандашная приписка А. М. Метнер (написанная, очевидно, раньше предыдущей):>

Как только придет Ваш адрес, т. е. если письмо достигнет Вас, так Коля сейчас же Вам напишет.

148

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<1.X.1928>***

Дорогая Анна Михайловна!

Увы, мы не можем приехать к 10 октября! Да это мы могли бы и заранее сказать. Нам всегда удается лишь очень поздно

уезжать из Берлина; а в этом году условия особенно были трудны. Из-за хлеба мне пришлось проработать напряженно весь июль и весь август, и когда в сентябре мне надо было ехать в Белград на Акад. Съезд (где было назначено три моих доклада) – то у меня обнаружилось такое переутомление, что пришлось отказаться от поездки. Со второй половины октября у меня начнется настоящая лекционная страда до самого декабря – одно турнэ по Германии за другим – и я молю Бога, чтобы как-нибудь не крахнуть ото всего этого. По всему этому *дорожу буквально каждым днем*, дающим мне возможность *не* возвращаться преждевременно в Берлин и, если бы мог, если бы обстоятельства позволяли, то пробыл бы здесь и *до ноября*. Назначение Колиного концерта на 10 октября – с самого начала означало для нас катастрофу: мы каждый год возвращаемся к ноябрю, а иногда и к 5, 6 ноября.

Я не буду говорить, какое это для нас лишение. Но что же делать?

Вы спрашиваете: «Ну а в октябре-то Вы уже будете в Берлине?» Вопрос звучит почти иронией: с 1923 года мы ни разу не провели октября в Берлине...

От всего этого мне так грустно, что писать больше не хочется и не можется.

На концертах Рахманинова в Берлине *меня* тоже не будет (мои турнэ!). Но я еще надеюсь поймать какой-нибудь из его концертов в других городах: в Гамбурге, Дрездене etc.

Напишите пожалуйста из Берлина, где Вы остановитесь и когда думаете *уехать из* Берлина.

Наталия Николаевна шлет привет. Обнимаю Колю и Вас.

Ваш ИИльинъ.

1928.X.1.

Italia. Menaggio (Como)[783]
Hôtel Corona

Здесь неописуемая красота!

149

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<20.X.1928>***

20 – X – 1928.

Дорогой Иван Александрович,

Так нам грустно, что не увидим Вас, что и слов нет! И когда случилось, что по болезни Вюльнера пришлось отодвинуть концерт, то мы сразу обрадовались мысли о том, что это может быть будет уже при Вас, но это переложено на 24-ое этого же октября, когда Вас все еще не будет здесь. Остаемся здесь до 25-го, а потом в Лондон. Адрес Лондона: 51, Lexham Gardens, Kensington W. 8. London[784]. Там будем ждать вестей от Вас. Поправляетесь ли Вы оба<?> (Как хотелось бы побыть там с Вами в этой красоте!)

И еще очень хотим знать, как пойдут Ваши дела дальше. Очень больно слышать, что Вам приходится нести такой непосильный труд и доводить себя до крайнего переутомления. Неужели нет просвета? Ну, а в Берлине опять искать квартиру и может быть целый месяц ютиться в пансионе?

Ждем вестей!

Крепко обнимаю обоих.

Ваша А. Метнер.

150

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<3.XI.1928>***

3 ноября 1928 г.
51, Lexham Gardens,
Tel. Western 0276. Kensingston, W. 8[785].

Дорогие друзья, мы очень грустим, что так и не пришлось побыть с Вами по-настоящему и даже не видно, когда это

сможет состояться. Сейчас посылаю обещанный список[786], кот. очень прошу мне вернуть по использовании, т. к. переписать его еще и для себя у меня просто нет времени. Работы по горло.

В прошлую посылку я забыла вложить одну статью A. Swan'a[787], кот. тоже прошу мне вернуть.

Теперь о симфоническом, где Коля играл свой концерт. Это было так, как могло быть только в Москве. Его так встретили (Э. К. был потрясен, т. к. несмотря на наши рассказы об отношении к Коле здесь, он подобного не ожидал), как могут встречать только очень любимое и долгожданное. И эта атмосфера способствовала тому, что Коля с первого же аккорда зажег и понес на себе и весь оркестр и дирижера и все прокатилось от начала до конца какой-то горящей волной. И это после совсем не удовлетворенных двух репетиций. Дирижер – бездарный и только добросовестно следящий за метром и Колиными движениями, но не в состоянии дать ни одного ритма сложного. Да и репетиции шли на скором автомобиле. Прошли старые времена, когда в искусстве работали на совесть, а не на карман... «Успех» был грандиозный! Окружили музыканты и полились бесконечные излияния.

Потом банкет, где говорились о Коле речи, но он ничего не понимал[788]. Сидел между директором Royal Academie[789] и его женой, и она все учила Колю английскому. В конце концов Колю просили сказать хоть одно слово и единственное, что он смог – «thank you very much» – вызвало (в англичанах очень много детского) восторг и ему за эту речь аплодировали.

В Royal Academie назначен конкурс с хорошей премией за исполнение Колиной Märchen-Sonate[790]. Просили Колю быть судьей и даже отложили из-за этого на удобное ему время (на 24-е ноября). Говорят, что его согласие вызвало среди учеников восторг и большое волнение.

Сейчас мы получили от Циммермана критику о берлинском концерте в Berliner Tageblatt от 27-го[791]. Отвратительнее и глупее нельзя было придумать.

Коля думает, что Берлин для него безнадежно закрыт навеки и что ему туда нечего и соваться.

Ну, вот пока и все.

Очень *очень* просим хотя бы вкратце написать нам о себе. Нашли ли квартиру? Как дела?

Крепко обнимаем обоих.

Ваша А. Метнер.

P. S. Дошло ли первое письмо?

<Далее длинная приписка Н. К. Метнера, заполнившая оставшуюся пустой треть страницы, продолженная затем на обоих её полях перпендикулярно тексту А. М. Метнер и сверху его (сверху текст перевёрнут), но всё равно не уместившаяся и завершившаяся двумя строками на обороте страницы, внизу её (но перевёрнуто):>

Дорогой друг! Я чуть не реву от злой судьбы, которая все не дает мне возможности общаться с наиболее близкими! Особенно злостной выходкой с ее стороны было устроить столь краткую встречу с вами, да еще в столь невозможной для какого бы то ни было общения обстановке[792]!.. Вообще Берлин, как всегда, а на сей раз в особенности, обошелся мне дорого в смысле душевных сил... Здесь[793] пока, слава Богу, хорошо. Дай Бог, чтобы и дальше было так же. Моя консервативная душа отдыхает здесь в консонансе[794] со всей здешней атмосферой. Концерт начался с гимна королю[795]. Ужин – с здравицы ему же.

Крепко целую обоих. Не забывайте нас.

Ваш любящий вас Н. М.

151

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<14.XI.1928>***

Germany.
Herrn Prof.
I. Iljin.
Berlin.
Lützowstrasse 63.[796]
Pension. 14 ноября 1928 г.

Дорогие друзья!

Вчера только отправила Вам программу симф.[797], котор. у меня не было раньше.

Сегодня вечером здесь[798] в университете концерт. Завтра пришлю программу.

Симфонич. прошло блестяще. Коля сам был очень доволен, несмотря на плохое исполнение дирижера, кот. сделал из соревнования сопровождение[799].

«Успех» был огромный.

Мы оба Вас обнимаем и ждем вестей.

Ваша А. М.

О печатаньи статьи здесь пока еще не имею ответа[800].

<Сверху открытки приписка Н. К. Метнера карандашом:>

Горячо приветствую.

Н. Метнер

152

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<19 – 23.XI.1928>***

19 ноября 1928 г.[801]

Дорогой Иван Александрович<!>

Посылаю Вам две наиболее интересные критики и карточку издателя, кот. сказал мне, что будет очень рад издать Вашу статью и даже и отдельной книжкой[802]. Но мне не

понравилось то, что когда я заговорила с ним о том, что ее надо раньше дать перевести на английский и что перевести может это Коллингвуд[803] (переводит очень хорошо все Колины песни) – он ответил, что хотел бы раньше прочесть это на немец. или франц. языке*. Я ответила, что решить это можете только Вы и тогда он дал свою карточку для Вас с тем, чтобы Вы сами ему написали. Как Вы это находите?

Все ли Вы получили, что я Вам посылала? Отсюда я посылала список сочинений (кот. просила мне вернуть), вырезки из газет, статью из журнала (Alfred Swan), предварительные программы (две) и в этом письме приписывал и Коля и после этого была еще открытка из Бенгора. Все ли дошло? Это[804] пошлю на всякий случай заказным.

Все концерты пока прошли великолепно, но было столько препятствий, что можно было заподозрить чьи-то враждебные противодействия, если быть мистически настроенным.

В сущности началось это уже с Берлина. Ужасная Ваксман[805]. Отмена концерта из-за болезни Вюльнера и потом все-таки охрипший Вюльнер.

Здесь[806] ужасный дирижер, кот. в местах, где оркестр аккомпанирует, устраивал форменную бомбардировку и заглушал рояль, а там, где у него главное и надо солировать – там он трусливо стушевывался и следовал за Колей, кот. в это время аккомпанировал. Получилось то, что некот. критики писали, что нет равновесия в инструментовке. А если бы Вы только слышали, как это звучало в Москве! Но к счастью Коля был в необыкновенно хорошем настроении и провел свою музыку так, как удается редко. Это была борьба, но борьба вдохновенная. Взрыв был единодушный и настоящий – и сам Коля был счастлив. После этого посыпались на него люди без конца и все это с самыми бурными выражениями восторга. Ну,

* т. е. как бы для того, чтобы еще решить, годится ли это для них. [Прим. А. М. Метнер.]

совсем не англичане! Потом ужин. Коля в центре, а вокруг самые видные музыканты. Спичи[807] в честь Коли так и лились. Говорили: директор Royal Academie[808] и другие и даже композиторы с Эльгаром[809] во главе. Он здесь набольший и любимый. Ну словом чувствовалась победа. Потом был Бенгор. Там произошло нечто совсем для нас необычное. Город на берегу моря. В этот вечер поднялась такая буря, что вырывало деревья и погиб даже один пароход и еще были несчастия. А в концерте несмотря на это было полно. Началось с песен и все шло благополучно, но как только зазвучала Соната-Баллада[810] загудел такой ветер и пошел такой свист, какого мы никогда не слыхали в жизни. Это вероятно то, что описывается в Короле Лире. А нам раньше приходилось слышать такие бури только в плохих провинциальных театрах, и тогда преувеличенный вой и визг казались бутафорией. Но в Бенгоре эти звуки были еще сильнее, и Коле приходилось играть сильно, там где нужно было pianissimo, чтобы заглушить крики бури. У него было такое чувство, как будто тысячи чертей освистывали его Сонату-Балладу. Ему приходилось выкрикивать самые нежные места.

Теперь следующий концерт. Возвращаемся из Бенгора 17-го к вечеру[811]. На другой день концерт и Коля почему-то сильно волновался за этот концерт, в кот. опять должен был играть эту же сонату. Мы даже уже привыкли, что должно быть какое-ниб. препятствие, кот. надо победить. За два часа Коля уже во фраке и волнуется. Макушина[812] где-то задержалась и не возвращается. Живут они над нами. Вдруг появляется полисмен за ее мужем. На ее автомобиль наскочил грузовик и произвел такой толчок, что у нее подвернулись ноги, ее подбросило так сильно, что ее подняли всю в синяках, но ни одного пореза ни поранения, несмотря на то, что все вдребезги. Муж привез ее из приемного покоя и она еле могла наступить на распухшие ноги, но была счастлива, что не убита. Но мы не знали, состоится ли концерт. Пришел врач

и позволил ей выйти на эстраду, хотя она и хромала (но после концерта она слегла).

Концерт этот прошел от начала до конца совсем необыкновенно. Коля исполнил сонату в полном смысле слова – вдохновенно. Аудитория была отборная. Вообще этот вечер был одним из счастливых вечеров нашей жизни, но был бы еще полнее, если бы и Вы были с нами[813].

23 ноября. Сейчас вернулись из Манчестера, где Коля вчера исполнял свой 2-ой концерт. Дирижер оказался чудесный. Hamilton Harty[814]. Великолепный музыкант и трогательный человек. Выучил партитуру назубок. Твердил все время, что Коля the greatest living composer[815] и что он обожает его музыку. Настойчиво просил, чтобы Коля написал что-ниб. для оркестра и дал бы ему. Играл свою оркестровую партию с большим увлечением. И хотя репетиция была всего одна, но она была с таким вниманием, что все шло сразу. У него великолепный ритм. Вот и немузыкальные англичане![816]

Успех этого концерта был огромный. Но и тут была борьба. Рояль был до того ужасный, что на репетиции Коля пришел в отчаяние, но его успокоили, что вечером при наполненном зале будет лучше. Но при наполненном осталось то же. И вынесло Колю только его поднятое душевное состояние и играл он великолепно, чему разумеется немало способствовал дирижер, ведший свою партию замечательно. Завтра Коля будет судьей конкурса в Royal Academie, кто лучше сыграет его Märchen-Sonate[817].

Обнимаю обоих.

А. М.

<На первой странице письма, до приветствия (текст перевёрнут), приписка:>

Мы *очень* просим написать нам хоть два слова о себе. Устроились ли наконец[818]? Уезжаем 27-го и потому отвечайте уже в Париж на имя Елены Михайловны[819].

1929[820]

153

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<16.I.1929>***

Дорогие друзья!

Что Вы? *Где* Вы? Знаем только, что живы – потому что «Н. Метнер» подписал порку Шлецера[821] за выходку против Глазунова. И правильно.

Не мог писать Вам. Мой Русский Колокол умирал медленною смертью; это лежало на душе тяжелым камнем – в особенности потому, что в следующей книжке должна была набираться моя статья о Колиной музыке. И вот тут-то хребет и хряснул. Но теперь я воскрес. Помощь пришла, в типографию заплочено, появились и новые перспективы, седьмая книжка скоро начнет набираться и в ней пойдет статья о Коле[822]. «И одиночества расправилась морщина», как сказал один непризнанный поэт[823].

Что мы еще делаем? – Я езжу, как цыган с медведем и козою (большой и малый чемоданы), и говорю[824]. Потом приезжаю к Наталии Николаевне на побывку, как хороший солдат «на дяревню к жанѣ». Замышляю разные философские замыслы, готовлю кое-что; но так как Вы оба (под влиянием Э. К.) охладели к моей философской музе – то об этом писать не хочу.

Третьего дня были на Мейстерзингерах в Staatsoper[825]; слушали впервые; впечатления и мысли наши тоже оставляю про себя. Что̀ Вам в них?

Где *Вы*? Что *Вы*? Как устроились? Коля, друг, сочиняешь ли? Мне-то по-прежнему ***все*** *важно* и *дорого*, что тебя касается, я не чурбан какой-нибудь, что впрочем скоро и докажу тебе, напечатавши о тебе статью № 1[826].

Дорогая Анна Михайловна! Все Ваши письма я получил. Спасибо. И программы, и списки, и статьи. Все цело. Радовались мы, что англичаны Колю полюбили. И, не понимая, изумлялись на других народов «романо-германского» происхождения. Погоди, Коля, друг, – *все* полюбят и еще извиняться будут, что опоздали...

Напишите о себе поскорее, все, что можно, все, что захочется. А если не напишете, то я отменю набор статьи о Коле и отложу ее до двенадцатой книжки (шантаж!)[827].

С новым годом! С легким вдохновением и полетом! Уррра! (Нет, Коля, я сейчас не вы-вы-ппил, ашшшибаешься...)

Наталия Николаевна шлет Вам обем[828] привет, а я – письмо и адрес: Berlin W. Wormser Str. 4 III.

Ваш Отецъ Іоаннъ
(заштатный пономарь с колокольни
Предтеченской церкви).

Напишите – ждать ли сюда Верочку Карловну[829]?
1929.I.16.

154

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину> ***<28.I.1929>***

28 – I – 1929.

6, rue des Basserons, Montmorency, (S. et O.) France[830].

Дорогие друзья!

Наконец-то мы знаем, где Вы. Я уж хотела писать в редакцию Колокола, но тоже не была уверена, существует ли

она еще, т. к. когда мы с Вами виделись в Берлине, то Вы намекнули на непрочность журнала. Радуемся седьмой книжке и на днях вышлю деньги.

Очень радовались Вашему настроению, дорогой заштатный пономарь! Впрочем в Вашем письме были и гадости, кот. нас уж совсем не порадовали: откуда Вы взяли, что мы охладели к Вашей философской музе, да еще под влиянием Эм. Карча? Если Вы нам не пришлете или не скажете хотя бы, что такое Вы замышляете, то мы навеки обидимся. Впрочем мы конечно будем знать, если какая-ниб. Ваша работа выйдет из печати и сумеем это и сами достать. А Ваша жадность на то, чтобы делиться Вашими впечатлениями и мыслями в письмах, уже давно нам известна и нечего прикрывать это ссылкой на то, что нам нет до этого дела. Мы Вам много раз повторяли, что самое нам дорогое общение – это с Вами. Мы очень часто грустим, что так далеко живем от Вас. А встреча в Берлине только подразнила. Где будете летом? Хорошо ли Вы устроились? У кого? Тихо ли и тепло ли? Есть ли у Вас пианино? Что это за часть Берлина? Мы не помним Wormser Strasse.

Просите написать о нас.

Мы пробыли весь ноябрь в Лондоне, а здесь с 1 декабря. Устроены мы не плохо, хотя дом с недостатками: входные двери пропускают такое количество холодного воздуха (несмотря на то, что мы края обили), что в нижнем этаже довольно холодно. А кухня и совсем холодная, т. к. в подвале и пол каменный. Но очень уютно и тихо. Местность прекрасная и здоровая, т. к. очень высоко лежит[831].

Сейчас уже несколько дней все бело от снегу: и дороги и крыши и деревья... напоминает Россию и Коля радуется и мечтает, чтобы это продержалось.

Работает Коля сейчас целый день до ночи и от этого плохо спит и думает, что сойдет с ума. А я думаю, что такие с ума не сходят – правда? Сейчас он работает над ф. п. сонатой[832]. А что он в печать приготовил сказки (посвященные Иванушке

и Золушке), это мы Вам уже в Берлине говорили[833]. Эти сказки особенно понравились в Лондоне и издательство Oxford Press обращалось к Коле с просьбой дать им это напечатать. Коля не дал, но обещал им что-нибудь из будущих вещей. От них было по крайней мере пять писем и наконец последнее (надеюсь! а то ведь это мне приходится им отвечать) высказывающее сожаление по поводу Колиного отрицательного решения ~~и~~с приглашением оказать честь с ними позавтракать, когда Коля будет в Лондоне. Курьезные люди: Коля будет еще только в феврале 30-го года[834], если Бог даст дожить, а уже приглашен к завтраку. Вы может быть удивляетесь, почему же Коля не принял этого предложения. Очень просто – потому, что эти сказки уже оплачены Циммерманом[835] и уже прожиты. Вот как мы торопимся жить.

Планы у нас пока вот какие. Жить здесь безвыездно как можно дольше. Но к сожалению это дольше будет не больше, как до сентября. За нами приедет в сентябре один канадец и повезет нас в Америку и Канаду. Оттуда около конца января придется вероятно опять в Англию, куда его звали уже к маю и самое крайнее к октябрю (в мае рано, а в конце сент. в Америку[836]), но Коля отказал, т. к. увлекаться концертной деятельностью в ущерб композиторской работе он не может. Ему нужен теперь промежуток хотя бы до сентября, т. е. минимум 9 месяцев, что и получается, начиная с 1-го дек. В сентябре начнет бряцать на ф-п.

Бехштейн[837] обещал прислать Коле рояль и вот мы все поджидаем, а пока у него паршивенький пианинишко.

Слышали ли Вы Рахманинова, дорогая Наталья Николаевна? Ведь Вы собирались. И какое впечатление? Очень хочется об этом знать.

Верочку мы не ждем, да и не собирались ждать, т. к. она вовсе <не> предполагала ехать заграницу. Это Николаша[838] собирался в Берлин, чтобы делать операцию, но и он не приедет, т. к. ему уже делали одну операцию в Москве, а теперь

как будто будут делать еще. Свержевский[839] пока откладывает и надеется, что еще будут добрые результаты и от первой операции. Ему расчистили какой-то проход в лобной пазухе. Если это окажется недостаточным, то придется прибегнуть к трепанации. Каждое письмо оттуда – большое для нас волнение.

Недавно умерла тётя Маруся[840] – последний человек прошлого поколения Метнеровской семьи. Стариков больше не осталось. Впрочем – вру – их уже и прибыло или почти прибыло.

Ну вот и все кажется новости наши. Если бы поговорить, то наговорилось бы гораздо больше.

Обнимаю Вас обоих и очень люблю.

Ваша А. Метнер.

PS. Порка Шлёцеру была написана гораздо рельефнее и осмысленнее, но Милюков «смягчил» – вычеркнул-заменил и получилась слякоть, а в одном месте и просто бессмыслица[841]. Ну, да не стоит об этом и хлопотать. Возрождение перепечатало конечно как было у Милюкова.

<Далее письмо продолжает Н. К. Метнер:>

Дорогой друже Иване!

Вчера виделся с Вл. Ал. Сатиным[842], который весь вечер говорил о Тебе и рассказывал о Твоих блестящих выступлениях и победах в Германии. Многое мне было совсем неизвестно, за что у меня начинают вырастать понемногу зубы против вас... Лучше бы вместо всяческих шпилек по нашему адресу (что мы, мол, не интересуемся Твоей философией и т. д.) лучше бы рассказал нам о себе, а то ведь и я Анюточке запрещу писать о себе...

Очень рад был всему, что Сатин рассказывал, и что нашел в нем явного Твоего друга.

До свидания, обнимаю Тебя! Расти большой и не обижай любящего Тебя отставного композёра

Мѣтьнера.

<Сбоку от своего приветствия приписка Н. К. Метнера:>

Глубокий, сердечнеший поклон Наталье Николаевне!

<Вторая его приписка (по левому полю страницы):>

Не могу забыть нелепую обстановку нашей последней встречи!!

155

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<II–III.1929>***[843]

Милый и дорогой друг!

Вчера вышла седьмая книжка Рус. Колокола и в ней моя статья о твоей музыке[844]. Поздний плод долгого созерцания... Не думай, что тут «все», что я хотел бы и мог бы сказать о тебе. Но сказанное – берусь всякому и показать, и доказать в порядке живых ссылок на живую музыку. Впрочем, «Деве» что-нибудь еще докажешь, но «Овну» и «Козерогу»[845] – не докажешь ничего. Не докажешь и бесчисленным «Сальерям», если они только не захотят – оувидеть и ouслышать.

Если ты захочешь, то я пришлю тебе несколько седьмых книжек для распространения среди твоих приверженцев и клевретов, вассалов и обожателей. Но лучше – пускай покупают сами, черти полосатые; надо же и мне тоже тираж увеличивать и «наживать» (хоть на тебе, да уж нажить...). А Циммерману в Лейпциг пошлю один экземпляр от себя.

Все-таки ты мне напиши что-нибудь; а то я буду думать, что тебе «не понравилось» или что «не прочел»... – «некогда»...

От моих разъездов я очень утомлен; а сейчас еще кроме того в гриппе. Голова глупая и тяжелая – и в ушах сплошное «ты-ты-бы»[846]. Музыки жажду, музыки!! Как Саул томящийся[847]!

А ты, мой Богом посланный Давид, поселился на кулѝчках и гордишься над нами с какой-то там подпарижной горы[848]. На днях играет Крейцер[849] – пойду его послушаю – может быть, и вправду

«сыграет что-то дельное»...[850]

Пока все. Обнимаю тебя и жду вестей.

Твой Пономарь.

PS. Дорогая Анна Михайловна! Вы поклялись мне написать *все подробно*. Помните?
PPS. А ты, небось, решил, что Ильин – это прорва и не стòит в нее наигрывать? Ан вот и не прорва[851]!
PPPS. И когда-то мы увидимся? На днях хочу требовать визу в Италию – на лето. Поеду осматривать чудеса искусства – живописи, ваяния и зодчества. Приезжайте и Вы. Из Генуи харррошие параходы идут через океан; прямо и махнете! За океан...

Подумайте только, чудаки: жживвопписсь, вваяннияе и ззоддччествво – и все на месте, итальянское! А?!

156

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<до 15.III.1929>***

Дорогой Иван Александрович<!>

Я бы давно Вам написала, но, т. к. естественно, что, после Вашего письма к Коле и невероятной статьи, Вы ждали письма от него, и я не хотела быть моментом разочарования, когда, открывая конверт, Вы нашли бы не то, чего ждали.

Но я наконец потеряла терпение и вот берусь за перо.

Коля Вашей статьей был буквально потрясен и даже несколько испуган. От времени до времени повторял, что это чересчур. Но ведь если кому-нибудь подарить напр. миллион, то он тоже скажет, что это чересчур. А я скажу от себя, что

Вы ему дали этим столько силы, кот. ни с какими миллионами не сравнится. И он сейчас же и написал бы Вам, если бы не поющие в нем песни, кот. сейчас буквально не дают ему ни днем ни ночью покою[852]. И вот его лучший Вам ответ. Кому же и поет Ваш «Давид», как не Вам? Вчера напр. у него от утомления поднялась такая головная боль, что он среди дня свалился и даже пирамидон[853] глотал. А рвется он к Вам всей душой и с утра ежедневно собирается писать. А тут уж в нем и вопит и он в этих тисках сплошь.

Нам здесь бывает очень одиноко и мы постоянно думаем о том, что хорошо бы нам пожить поближе к Вам. Вот сейчас напр. сколько Коле надо было бы Вам показать! И о Вас мы так мало знаем. Мы видели В. А. Сатина и напали на него с расспросами о Вас, и он нам очень много рассказывал о Ваших лекциях и о том огромном впечатлении и действии, кот. они производят. И знаем даже, как Вас вытаскивали показывать той публике, кот. слышала Вас в соседней зале (через радио[854]). И какой Вы там фурор производили. И очень нам это было приятно слышать и мы были горды.

Какие Коля песни написал – это он хочет сказать Вам сам, и мне запретил. Все на <слова> Пушкина. Он как его возьмет в руки, так оно само ему так и поется. И любит он Пушкина все больше и больше. Как хотелось бы все это попеть Вам обоим и очень вообще во всех отношениях – тоска по Ильиным огромная. А когда еще мы Вас увидим? Вот Вы в Италию покатите, а мы не можем. ~~Коле~~ У нас еще и на Америку-то и то денег на дорогу нету. И еще не знаем, как сделаем.

Если Коля завтра не напишет, то уж пошлю без него[855].

Обнимаю Вас обоих!

Ваша А. М.

<Приписка по левому полю и сверху первой страницы письма:>

А помните, Вы обещали мне вернуть список сочинений и проч. материал?

Я так и не знаю, было ли получено Вами мое письмо от 28 янв.?

<На письме позднейшая пометка Ильина:> 1929 ~~февр.~~ март

157

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<15.III.1929>***

Professor
I. Iljin
Berlin W.
Wormser Str. 4III
Allemagne.

15-го Марта[856]

Дорогой друг!

Меня бесконечно мучит, что я до сих пор еще не собрался ответить на Твое письмо, присылку 2-х №№ Колокола[857] и главное откликнуться на Твою статью. Так как до понедельника мне никак не удастся отправить Тебе письмо, которое я уже начал, то шлю Тебе пока эту открытку в виде: во 1-х расписки в получении Твоего письма и журналов, во 2-х в виде обязательства ответить Тебе на днях и выслать деньги за журналы и в 3-х в виде самого глубокого и благодарного поклона от неоплатного должника Твоего

Барона фонъ Пузенкампфа

P. S. Еще глубокий поклон Наталье Николаевне.
Мы оба вас очень любим.

158

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<18.III.1929>***[858]

Дорогой, милый друг и высокочтимый пономарь наш!

Бей, бей вовсю[859], но выслушай... Во 1-х Ты знаешь, что у меня перед писанием писем всегда образуется какой-то ком

на душе – ком этот особенно удушает меня, когда приходится писать очень близким, а когда еще вдобавок эти самые близкие ударяют в набат по поводу моей стыдливой музы, то и сам я превращаюсь в сплошной комъ, а позиторъ окончательно теряет способность держаться какой бы то ни было позиции[860]... Кроме того Твое письмо пришло в одно время с целым грядом разных деловых писем, с «Бехштейном»[861], присланным мне из Берлина, и главное застало меня в самом лихорадочном пылу работы, которая как раз незадолго до того очень плохо продвигалась у меня...

А главное, чорт возьми, я и сейчас, хоть и набрался храбрости и взялся было за перо, а боюсь до смерти *писать* Тебе-писателю и потому буду больше кланяться, чем писать.

Итак, начинаю кланяться. Первый поклон за любовь Твою и прилежную память, то и другое стало теперь очень редким качеством, а в особенности у г. г.[862] критиков... Никто ничего не любит и ничего не помнит...

Второй и *особо низкий* поклон за то, что Ты, чуть ли не единственный из писавших обо мне, признал меня русским *по существу*. Так как я родину свою люблю и помню всей душой, то не думаю, чтобы это давало мне меньшее право считаться русским, чем окончание фамилий на ...off[863] или ...ий... Итак, спасибо Тебе, что Ты любишь меня не как чужого, а как своего...

Еще кланяюсь за страницу 17-ю – я только всю жизнь и останавливал свое внимание на тех являвшихся мне темах, которые *казались* мне не моими личными, а, как Ты говоришь, «общечеловеч~~нн~~ескими»[864]. И это всегда входило в мое намерение, чтобы темы эти казались слушателю знакомыми и близкими, и, наоборот, я всегда отметал все «niedagewesenes»[865], за что и попал в эпигоны и «академики»[866] в глазах тех, у кого коротка память... Итак, спасибо *и за эту* Твою драгоценнейшую память.

Теперь для разнообразия на время прекращаю поклоны и позволю себе несколько критических (!!!!!) замечаний, но Боже сохрани, не по отношению к Тебе или к Твоей замечательной статье* самой по себе, а по отношению Твоего отношения (не критикуй же моего стиля!) к вышеупомянутому и нижеподписавшемуся комъ-позитору, которого *с* моей точки зрения Ты раздул так, что из некоего кома получилась целая гора, окончательно исчезающая *из* моей точки зрения.

То, что Ты говоришь о благородстве <и> благодатности, следует отнести не к *моей* музыке, а к музыке как Божьему дару *вообще*. Не Я облагораживаю Те звуки, которые мне приходят, а наоборот – они целят[867] мою мутную душу. Без них я давно бы уже погиб.

Вообще знаешь ли Ты такую музыку, которая не была бы благородна? Все цветы цветут и все птицы поют от радости и избытка...[868] Все дело лишь в том, что самый плохой садовник все же настолько-то уж знает свое ремесло, что не ошибется ни в семенах ни в цветах, также и птицевод, а музыканты нашего времени, не говоря уже о том, что не помнят той «первоначальной» музыки, песни, но зачастую попросту не знают *своего* ***ремесла*** и вместо цветов выращивают паразитных грибков и не отличают хрюканье свиней от песни жаворонка, бутылочного стекла от изумруда, т. е. лишены главной способности нашего да и всякого искусства – умения выбирать. И вот почему в такое злое время, вернее безвременье, наше искусство, которое по существу своему является драгоценным и благороднейшим камнем, превратилось в простой булыжник... Один из апостолов Модернизма Ферруччио Бузони в своей пустословной и претенциозной книжонке (о Музык. эстетике[869]) выражает удивление, что никто не видит, как много тем и гармоний рассеяно в мире, другими словами, красота общедоступна, она роится в воздухе

* Единственная ошибка – музыкально-орфографическая – Твоей статьи <–> это «mol» – надо писать с двумя «ll». [Прим. Н. К. Метнера.]

наподобие комаров – хватай, мол, и дело в шляпе. Если бы это сказал Моцарт, то это было бы наивностью гения, но со стороны Бузони это художественный большевизм – пролетарии всех стран соединяйтесь!.. Вот они теперь и соединились и раз навсегда отменили разницу между *материалом и произведением*...

Постараюсь быть короче, а то так и не отправлю письма. Итак, опять кланяюсь Тебе, что Ты хвалишь и ободряешь меня как *работника*, ежедневно спускающегося в темные удушливые шахты, где достается материал, или как кузнеца, который не боится жаркой кузницы и тяжелого молота, чтобы дать произведение[870]... Но право же самые эти мои произведения бесконечно скромнее того, что Ты о них говоришь... Ты пишешь о молитве и от этого мне стало особенно стыдно, т. к. молитва-то только хочет быть, но не бывает... И рад бы в рай, да грехи не пускают... Вот сейчас например – после долгого перерыва, окунувшись с головой в Пушкина, я и опять не написал ни «Молитвы» ни «Пророка», о которых думаю десятилетиями[871]... Вышло почти все про любовь – «Окно» (очаровательное юношеское стихотворение Пушкина, которое я почему-то раньше не замечал), «Элегия» (Безумных лет...), «Во́рон» (Шотландская – вернее, русская песнь), «Узник», «Приметы» и еще 2 испанские: «Пред испанкой» и «Я здесь, Инезилья»[872]...

Правда я и писал с большой любовью, ибо с каждым годом все больше и больше влюбляюсь в Пушкина.

Мне очень хочется посвятить Тебе 3 гимна (фортепианных) – все три в C-dur'е. Называются Гимны работе: 1-й перед работой, 2-й во время оной (он же именуется «Am Ambos»[873]) и 3-й после работы...

К сожалению я не смею сделать это посвящение печатно, ибо тогда отрежу себе пути на родину[874], но если Ты принимаешь это посвящение, то я пришлю Тебе эти гимны с соответственной надписью, как только они будут напечатаны.

Опять начинаю кланяться, но теперь уже не по поводу Твоей статьи обо мне (за нее все равно не откланяешься во всю жизнь – так много она мне дала и – так мало я ее заслужил), а кланяюсь я теперь пономарю Ивану за чу́дный его звон колокольный, за все его статьи, которые доставляют всем нам столько удовлетворения (Л. Э. Конюс был в восторге от всего последнего номера), еще кланяюсь его жене Наталье и очень прошу обоих помнить про нашу большую любовь к ним. Часто мы тоскуем по вас и даже иногда подумываем о бо́льшей близости к вашей колокольне – очень здесь подчас становится одиноко...

Крепко обнимаю Тебя, дорогой мой, и целую ручки Натальи Николаевны

Твой любящий Тебя Кузнец Никола

P. S. Вырезку из «Нового Времени»[875] получил, оценил и благодарю. Еще особо благодарю за 1-ю Твою статью «Россия зовет» и за удивительные выдержки из Карлейля[876].

<На первой странице письма, на левом его поле карандашная приписка Н. К. Метнера:>

Надеюсь Ты все же получил мою открытку? Яви такую милость и черкни 2 слова на открытке, когда получишь сие послание.

159

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<18.IV.1929>***

1929.IV.18

Дорогая Анна Михайловна!

Вы меня изуверски надули: Вы мне обещали еще в Берлине, а потом я Вам напоминал, написать мне, что̀ он будет «мычать» и «рычать», читая мою статейку. Ведь мне каждое

слово его дорого. И не исполнили! Одно только «чересчур» ко мне доехало... И теперь это, увы, невосстановимо[877].

Список опусов у меня цел и может быть выслан Вам в любой момент; прикажите.

Бесконечно грустно, что мы в длительном и бесперспективном разъединении! Разлука, ты, разлука – чужая сторона[878]!!...

Все-таки спасибо Вам за ласковое письмо!

Пожалуйста напишите мне поскорее:

1) Адрес Льва Эдуардовича[879] – у меня к ему дело.
2) Имя того <сына> Юлия Генриха Циммермана, который был у нас на Süd-West-Korso. Одного зовут Август, а другого Сентябрь[880]; один маракует[881] по-русски, а другой насвистывает только по-немецки. А который – не знаю. И *адрес его* – я хочу послать ему при письме Р. К. № 7.

С конца февраля, переутомленный, я схватил грипп. И с тех пор не могу оправиться. Живу больной и не поправляюсь. Каждый день температура. Боялись, что это возобновился процесс в легких. Доктора думают, что нет. Нашли гнойное воспаление гланд: давят, мажут, компрессуют, хотят вырезать. Особенно паскудно было в марте. С 1 апр. мы переехали на конец города, за Reichskanzlerplatz[882]. Адрес прикладываю Вам. Тут хорошие воздухи и совсем другие климактические отношения (klimatische Verhältnisse[883]). Вес у меня оч. хороший. Не кашля̀ю и не плюваю.

Когда это кончится – не знаю. Очень томлюсь и довольно сильно отравливаю существовательные условия моей бедной, но глубокоуважаемой супруге.

Что мы будем летом предпринимывать – еще глубоко неизвестно.

Письмо 28.I мы получивали, благодарю прекрасно.

Много работаю. Пишу по-немецки. От этого несколько портится русский стиль. Прошу о прощении!

Мы оба приветствуем и обнимаем Вас обоих.

Как хорошо было бы пожить рядышком!!

Читали Вы Шмелева «История любовная»<?> – ой, как даровито; ой, как значительно.

Ваш Пумперникель[884].

<На первой странице письма, до приветствия, три приписки. Первая и третья обведены прямоугольничками, первая – синим карандашом, третья – красным, и этим же красным карандашом третья приписка предварена словом «Главное», а также им же подчёркнуты все её строки до слова «каких-нибудь»:>

<1.> Адрес наш: Berlin-Westend Baden Alle. 1. bei Heinitz

<2.> Что слышно о Верочке?

<3.> Главное: какие-нибудь человеки говорили что-нибудь о моей про-Колю-статейке? Расспросите Льва Эдуардовича и каких-нибудь Прицупов* и беспременно отпишите мне[885].

<На втором листе письма приписка синим карандашом:>

Готовлю Р. К. № 8.

160

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<28.IV.1929>***

1929.IV.†28[886]

Милый мой и дорогой друг!

Тебе решительно и не за что мне «кланяться». Я только написал какую-то часть того, что люди давно уже должны были сказать о тебе, говорить, думать и чувствовать; – но почему-то не говорили. Но и это не самое важное для меня. Самое важное в другом, чего ты мне в письме *не дал*. А именно.

* Называю их «Прицупами», потому что знаю их способность прицупливаться, но не знаю, могут ли они также иногда и отцупливаться!... [Прим. И. А. Ильина.]

Только художник в последней инстанции компетентен судить о своем критике (конечно, Художник, а не «ху̀до-жни-к-черту-пойдет»). Не я – твой «критик» – а *ты* единственный и компетентный критик моей «критики». И этой критики ты мне не дал. Если бы я мог с тобой увидеться, я бы подсел к тебе со статьей и, водя пальцем по фразам, стал бы спрашивать – : «а *это* – верно?» – а *это*? – а *это*? и т. д. Если бы ты сказал: «да – это я имел в виду» или «да, в этом роде тогда из меня перло» – и т. д., я был бы не то что «доволен», но я был бы, проверенный и подтвержденный, стоящим твердо и идущим далее крепко. Далее – в интерпретации, в комментировании, в изъяснении людям твоих замечательных «метнерашекъ», твоих многих и прекрасных «музикъ». Но увы, – ты «прокланял» письмо свое и критику на мою «критику» не дал.

Ты пишешь о ~~странице 17-й ?!~~ «русскости». Ведь *вся* статья написана столько же о *тебе*, сколько и о *России*; вот что существенно; о России, ее путях, заданиях и судьбах. Потому и помещено в «журнале волевой идеи»[887]. И это, может быть, единственный пункт, где твоя компетенция меньше моей: ибо ты сидишь в потоке, ты сам течешь Россиею, а я рефлектирующе усматриваю и наименовываю. А кто этого не признает, того вообще нелюбопытно выслушивать; надо «оставить его пастись», как говорят жители твоей страны.

Мы, конечно, можем условиться с тобой называть ту музыку, которая «неблагородна», – не музыкой, а напр. «пузыкой». Но если этого условия не устанавливать, то конечно неблагородной музыки тьма тьмущая.

Ну и вот, я хотел бы просить тебя написать мне коротко по пунктам («да, верно» или «нет, неверно», или «не совсем так») по следующим вопросам:

1) на стр. 13 и 14 примечание о «программности» музыки в смысле определенности ее духовного сказуемого тела (?)

2) верно ли (стр. 16), что просветление хаоса дается *им самим* (в твоей музыке) (?) и стр. 20 «славословит голос мрака».
3) стр. 18 примечание о «Воспоминании» Пушкина – верно ли (?)
4) стр. 19 – то, что сказано о твоих сонатах и темах (?)
5) стр. 19–20 – о страшности и ответственности до мажора (?)
6) стр. 21 – о «радости и невинно танцуемых молитвах».
7) стр. 21 – о модуляциях.

Не делай из этого себе «труда» – тогда ты не справишься, будешь откладывать и не ответишь. А пиши коротко – и все.

А «засим» (как говорил Евг. Ник. Трубецкой) обнимаю тебя, и с любовью горжусь тобою.

Твой И. (оказывается, это не конец – см. далее).

Перечитал твое письмо и пишу еще.

Могу ли я хотеть какого-нибудь твоего посвящения?! Конечно – хочу, всякого – и печатного, и непечатного. Грустно, что ты способен выразить его только непечатно; ведь эдак никогда и в историю музыки не попадешь. И всякий неизвестный «Затаевич» (коему Рахманинов посвятил свои «маманы музикалы» opus 16) имеет предо мною все преимущества *печатно упомянутого* индивидуя[888]. Все сие высказываю *совершенно серьезно*, хотя по форме и «шутю».

Но когда же я все это *у-с-л-ы-ш-у*? Ибо, получив, я конечно начну климперовать[889], но ведь это будет (не только на рояле моем, но и *в духе моем*) – нечто вовсе другое. Вроде известной загадки* «чтобы ты не догадался»... Ты там, я вижу, *еще* насочинял. А я уже с 44, 45 опуса *ничего* не слыхал и только «на лице своем показываю» будто уже «*приобщался*»[890]. Поду-

* т. е. опус твой – как загадка; мне присылается – чтобы я не догадался, климперовая. [Прим. И. А. Ильина.]

май только: в каком черном теле ты систематически держишь, о Давид, Саула своего. А сказано, что Саулу надо играть, как самому себе[891]! Хоть бы «Ворона»[892] подслушать – по радио?

Очень огорчен, что статья моя оказалась изъедена «молью», а не «моллью»[893]. Не знаю, как это случилось! Промазалось как-то *само*!... Но ведь *моль* всегда *сама* собою плодится и летает.

<Далее на странице клякса и справа от неё приписка:> Это тоже само!

Глубоко утешен твоим откликом на мои колокольные усилия. Конечно – далеко мне до Паши Гедике[894]. Но – пишу верою и любовию[895].

161

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<V.1929>***

май 1929[896]

Адрес:
Berlin-Westend Baden Alle. 1.
bei Heinitz

Дорогая Анна Михайловна!

Давным давно, вскоре после получения письма от Коли и от Вас, я написал ему и Вам письмо с запросами. Там были и вопросы по философии Колиной музыки, были и деловые вопросы более прозаические. К сожалению я так и не знаю, дошло это письмо до Вас, или нет; и ответили Вы на него, или нет. Знаю только, что я *ничего* не имею с тех самых пор.

Мне очень трудно воспроизвести то письмо. Но прозаические вопросы были вот какие:

1) Я очень просил сообщить мне, как зовут того Циммермана, который понимает по-русски и который был на последнем здесь послеконцертном Колином чаепитии[897]. Я хотел бы послать ему в Лейпциг № 7 Р. К. со статьею моею.

2) Как<ов> адрес Льва Эдуардовича Конюса<?>; мне необходимо снестись с ним по одному вопросу.

В письме моем[898] я благодарил Колю за предложение «незримо» и «конспиративно» посвятить мне созданную ~~мне~~ им «Кузницу» и был бы очень огорчен, если бы Коля думал, что я не был тронут и не откликнулся.

Еще очень прошу Вас: напишите мне, были ли какие-нибудь отзывы (устные) или отклики на мою статью о Коле? *Кто* говорил и *что* говорил? Может быть знает Лев Эдуардович? Этим интересуюсь не из тщеславия, а из потребности видеть «отражение в умах» – автор не вправе отвертываться от последствий своего поступка, все равно, обходятся ли с его литературным поступком, как с бульварн~~ым~~ой скамейкой, или с уличной тумбой, или с витриной магазина.

Пожалуйста не умолкайте и не исчезайте. Напротив, напишите о себе все, – от здоровья до сочинения, и от погоды до планов!

У нас сейчас есть пианино; я играю (или, вернее, коверкаю) Колю. Виделись ли Вы с Сергеем Васильевичем? Здоров ли он? Буркнул ли он что-нибудь о моей статье? Какие его планы?

Целую Вас обоих. Наталия Николаевна шлет милый привет. Жду вестей. Через неделю выпущу Р. К. № 8.

Ваш Пономарь.

Посылаю Коле стихотворение Мартина Лютера (того самого):

«Wer sich die Musika erkiest
Hat ein himmlisch Werk begonnen,
Denn ihr rechter Ursprung ist
Von dem Himmel selbst gekommen,
Weil die lieben Engelein
Selber Musikanten ~~Sein~~ sein»[899].

И ты, Коля, положи это на музику и пришли мне, я буду радоваться!

162

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<31.V – 3.VI .1929>***

31 Мая 1929 г.

Дорогой мой Иван Александрович, Ваше письмо ни одно не пропало, а пропало мое, в кот. я Вам ответила на все Ваши вопросы. Начну опять по порядку и пошлю заказным.

«Мычал» и «рычал» Коля, читая Вашу статейку, что так еще никогда и никто о нем не писал... Восхищался до крайних пределов всеми положениями, касающимися музыки *вообще*, восхищался Вашим гениальным вѝдением и слушанием и только там, где это касалось его, – мычал, что это чересчур.

Подробности разбора он находил попадающими в точку гораздо больше, чем все, что писалось «специалистами» муз. критики. Не помню, что я Вам там еще писала, но досадно мне по поводу моих лирических излияний, кот. теперь я уже не могу повторить. Впрочем, т. к. по существу то, что я тогда писала, переживается нами обоими неизменно и только иногда острее, а иногда менее остро, то это не значит, что об этом можно говорить только в моменты острые. Мы всегда, испытывая среди людей одиночество, думаем о Вас как почти единственных совсем близких и очень мечтаем пожить поблизости. Вот напр. спрашиваете, виделись ли с Серг. Вас. и буркнул ли он что-ниб. о Вашей статье. Если что стрясается по отношению к Коле положительное, то об этом не разговаривают, и вряд ли ему Ваша статья и могла из-за этого понравиться. Уж слишком Вы Колю высоко подымаете. Нехорошо, что я так говорю, но ведь Вы друг и почему мне не сказать Вам этого? Нехорошо он стал вести себя с Колей. Для большего удобства проявления этого он подчеркивает свое внимание к другим, которых готов даже вдруг полюбить лишь бы подчеркнуть, насколько ему другие милее. Вот уже второй его приезд в Европу, и повторяется то же самое. Коля ждет его с любовью (Вы ведь оба знаете, как Коля любил

его всегда), с нетерпением и при первой же встрече тот так умеет отравить его душу, что у Коли полный упадок и горечь.

Всего не передать. Если собрать* тысячу мелких лоскутков, то получится порядочный ком. Вам будет ясно, если я дам Вам всего один пример. Закончил Коля сейчас семь Пушкинских песен**: Элегия – (Безумных лет минувшее похмелье) и проч., о кот. Вы уже знаете. *Элегия* и *Окно* самые глубокие и совсем единичные, как огромные столбы, а другие только как гирлянды протянуты от одного столба к другому. Показываем мы эти песни и явно, что впечатление они на Сергея Васильевича производят большое***. Но как бы вы думали, какой вывод он делает. Лучшей вещью для него оказывается *Приметы*. А это у Коли, как и у Пушкина, ~~где и лет~~ и более легко, изящно, иронично, ну словом не надо было всю душу подымать для этого. И это не то – на что сказавший ждет, т. е. не так уж ждет, отклика и сочувствия. Так отбрыкнулся изящно и тонко, и все тут.

А С. В. только и ждет, где бы полегче и попроще и так будто и хочет сказать: «ну чего там мудреную канитель разводить»... ****

---

* [Рядом пометка рукой Н. К. Метнера:] (но собирать не стоит)

** [В этом месте два перечёркнутых примечания А. М. Метнер. Первое:] Перечислю песни, т. к. боюсь не в том ли это письме сообщалось Вам, которое пропало.

[Позднейшее:] Сейчас перечла Ваше письмо Коле и вижу, что о песнях Вы знаете.

*** [Рядом пометка рукой Н. К. Метнера:] мое «пение» он принимает очень положительно

**** [Весь текст письма А. М. Метнер от начала второй страницы (от слов «Если что стрясается...» до этого места) перечёркнут Н. К. Метнером несколькими косыми чертами (так что – очевидно, по задумке – продолжает читаться) и к этому перечёркиванию сверху им написано примечание:] все это преувеличено Анюточкой и потому прошу разорвать этот лист

[Также им же после перечёркнутого текста повторено (часть письма А. М. Метнер от 3 июня к тому времени уже написана, ибо тщательно заполнено всё оставшееся свободным место):]

3 июня

Не дали мне эти дни писать Вам.

Коля хотел еще написать Вам по поводу пунктов Вашей статьи (где Вы указываете страницы), но, увы, у нас нет книжки, т. к. одну мы отправили Эмилию Карловичу, а другую нам еще не вернул Лев Эдуардович. Мы получим ее от него через четыре дня и тогда еще раз напишем Вам. Можно Коле писать Вам моей рукой, т. е. диктовать мне? Он ведь тогда гораздо легче писал бы, т. к. его парализуют бумага и перо, а так он просто говорил бы, думая о Вас и видя Вас и больше ничего.

Лев Эдуардович в полном восторге от Вашей статьи и на Колины конфузливые замечания он возражал решительно, что наоборот оценка самая точная, и восхищался, как Вы во всем разбираетесь, не будучи специалистом.

А что скажет Э. К. в подробном письме (которое обещано), мы еще не читали, но пока после первого прочтения (говорит, что ему необходимо прочесть ее еще) он только написал, что статья эта замечательная... что Вы зажили Колиной музыкой... верный детальный анализ... трогательность и верность многого в ней сказанного... и кончаются эти общие замечания тем, что эта статья очень важна и нужна.

Какое чудесное и наивное стихотворение Лютера Вы прислали!

Все это не совсем так: дело заключается в непрерывной, невидимой борьбе, в отталкивании моего... электричества, магнетизма, что ли<?>... Разорви, пожалуйста, это письмо...

Ну, теперь о планах.

Сидим здесь все лето до самого отъезда в Америку в самом конце сентября, а то и в начале октября. Коля уже начал барахтаться между сочинительством, от кот. никак не может отстать, и игрой на ф. п.

О планах Рах-<манино>ва ничего не могу сообщить, кроме того, что они устроились под Парижем в часе автомобильного сообщения. Он здоров, хотя невралгия его глаза и части лба не совсем вылечена. Мы вероятно скоро поедем к ним дня на три. Впрочем у меня уже началась сенная лихорадка и придется может быть отложить. К ним Коля один не поедет.

Мне очень жаль, что я не смогла дать Вам картину «отражения в умах» по отнош. к Вашей статье, но ведь это потому, что нам-то ведь неудобно об этом самим заговаривать. Молодежь (с кот. встречаются Оцупы) очень этой статье радовалась.

Ну, а Ваши планы? Италия? Проедете ли мимо нас? Мечтаем повидать Вас.

Обнимаю Вас обоих!

Ваша Метнерша.

<В конце письма приписка Н. К. Метнера:>

И я крепко обнимаю вас и напишу вскоре! Заверните-ка к нам!

Любящий вас Н. Метнер

<Сверху первой страницы, до приветствия (текст перевёрнут) приписка А. М. Метнер:>

Все, что пишу о С. В., не «преувеличено», как выражается Коля, а не точно, т. к. этого и нельзя передать в точности. Это случай вовсе не обычный, кот. можно квалифицировать обычным образом. И что не скажешь – все не совсем правда.

163

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<4.VI.1929>***[900]

Prof. Dr.
I. Iljin.
Berlin-Westend
Baden Allee 1
bei Heinitz.
Allemagne.

Дорогой Иван Александрович, сейчас вспомнила, что во вчерашнем письме не дала Вам адреса Л. Э. Mr. Léon Conus, 19, Boulevard Montparnasse, Paris.

Еще раз прошу уничтожить мое вчерашнее письмо и никому не говорить ничего о Fall[901] Rachm. Medtner. Кроме Вас никто ничего не знает и не будет знать.

Мы оба вас обоих обнимаем.

Ваша А. М.

164

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<1.VIII.1929>***

Дорогие друзья!

Знаем, что Вы скоро едете за океаны и хочется ещё хоть разочек снестись с Вами. Здоровы ли Вы? Бодры ли? Какой Ваш маршрут – когда, куда и где ~~в~~будет взыгрывать Колино вдохновение? Надолго ли и когда назад? Какой Ваш тамошний адрес, чтобы можно было на него *всегда* написать – перешлют?

И обо всем этом Вы нам хорошенько теперь же отпишите!

Наши дела очень средние. С конца февраля я все болел – гнойным воспалением гланд, хотели вырезать, я не дался –

и канитель все тянется. Хороший зубодер резал опять Наталии[902] Николаевне одну десну – словом врачи, врачи, врачи – и деньги – деньги...

С 17-го июля мы во Франции – на юге – в Эльзасе – ~~за~~проездом в Швейцарию и Италию. Завтра спустимся на Жен<евское> озеро. Здесь было нехорошо – я по дороге схватил грипп, въехали не выбирая, куда придется, комната мансардная, жары лютые и *дорого*. Мы рады, что уезжаем...

С осени опять будем в Берлине. Видели ли Вы Серг. Вас. и какой он в этом году?

Я для немецкого сборника (под моей редакцией[903]) много изучал советские дела и обстоятельства; в общем – такой удручающий кошмар и гнусь – что хочется плакать и биться головой о стенку.

Мы оба шлем Вам привет и дружеские поцелуи.

Ваш ИИ.

1929.VIII.1.

Адрес: Suisse. Lausanne. Poste restante[904].

165

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <9.VIII.1929>

9 Августа 29 г.

6, rue des Basserons,
Montmorency (S. et O.)
С ~~Сен~~Октября: c/o Mr. Alfred Swan.
1, College lane, Haverford, Penna, U.S.A.

Дорогие любимые друзья!

Мы очень обрадовались вестям о Вас, хоть и не очень они утешительные. Правы ли Вы, дорогой Иван Александрович, что не дали вырезать гланду? Хотя хороший климат и отдых помогут вероятно рассосаться. Как бедненькая Наталья Ни-

колаевна опять должна была страдать зубами. И что это на людей, да еще на лучших, сыпятся все беды. Так хотелось бы знать, что Вы оба здоровы и обеспечены и можете делать свою работу.

———

Сер. Вас-ча видели несколько раз. Один раз погостили у них три дня. Они в часе езды от Парижа – в Rambouillet[905]. Он и в этом году проделает турнэ по Европе и Вы можете его услыхать, но мы еще не знаем чисел, когда его концерты и где, а то бы я Вам написала. Он здоров, но иногда бывает утомлен – как всегда.

Наш отъезд назначен на 28 сентября. И уедем мы на полгода, если не надольше. Из Америки в Англию, где концерты в марте. Так и не увидимся значит в этом году? А мы-то мечтали, что Вы проездом у нас побываете!

«Когда и где будет взыгрывать Колино вдохновение»?.. Пока что – оно ему мешает взыгрывать, т. к. для концертов ему надо сейчас заниматься на ф. п., а оно у него взыгрывает совсем по-другому. Дело идет к осени и это его лучшее время для сочинительства, а он должен гнать это от себя, а оно так и лезет и его мучит. Не будь он вынужден – послал бы сейчас все эти концерты туда, куда Макар телят не гонял... Будь он независимее (материально), то назначал бы концерты по своей воле и брал бы для этого ноябрь, декабрь и январь, когда «вдохновение» делается сонным. А готовился бы к этим концертам только в июне и июле – когда тоже нет вдохновения. И так. образ. эти бесплодные пять месяцев шли бы на игру и весь год проходил бы более плодотворно. Так он делал последние годы в России.

Ну вот и все о нас.

Крепко Вас обоих обнимаю и очень люблю.

Ваша А. Метнер.

Будем ждать от Вас вестей еще сюда.

Как здоровье теперь?

<Приписка сверху страницы (текст перевёрнут):>

Это <письмо> не отправляется, пока не написано Колей.

166

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<VIII.1929>***[906]

Дорогой друг!

Спасибо Тебе за письмо.

Очень грустно, что вот и опять нам не пришлось увидаться! А мы очень надеялись на это. Ты вот спрашиваешь – бодры ли мы? Пока отправляем свои обязанности, слава Богу, бодры, но в общении с людьми, не считая двух, трех ближайших друзей, черпаешь большей частью только отрицательные впечатления и утрачиваешь всякую бодрость...

Неужели с вами нам так и не суждено чаще видаться!..

Теперь мы едем за океан, чтобы заштопать образовавшуюся огромную дыру в кармане, что-то будет дальше ничего не знаем... Продолжать торчать во Французии начинает становиться нецелесообразным, а куда деваться не знаем...

Не забывайте нас! Глубокий поклон Наталии[907] Николаевне! Обнимаю Тебя с любовью.

Твой Метнерюкъ.

167

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<15.VIII.1929>***

Дорогие друзья!

Случилась беда: И. С. Шмелев написал мне, что я будто бы «поэт»[908]. Я давно уже отказался от идеи тягаться с «Георгием

Раевским»[909] или Ходасевичем. Но тут из меня опять поперло. Что же делать? Переписал и посылаю – ему (Шмелю) и Вам. Сначала я сочинил коротенькое – в момент отъезда из проклятого Trois-Epis[910], а именно:

«Чемоданы я зазинул
И, сходив ... ...
С удовольствием покинул
Я Trois-Epis».

Но потом пришли еще разные... поперло; и одно, так как оно касается *музыкальных восприятий*, я не могу Вам не препроводить.

Чем надеюсь угодить.

Вы познакомились где-то с Ремизовым. Как это было, где и приглянулся ли он Вам?

Только сегодня получили мы Ваши милые письма. И на них на днях сурьезно отвечу.

А пока – обнимаю.

Ваш Поэтусъ-Дреднотикусъ[911].

Показать позволяю только
Льву Эдуардовичу.
Больше *никомушечки*!
А ему милый привет!
Ни От-цупам,
Ни При-цупам[912]!

Адрес: Suisse. Canton Vaud.
Vers-chez-les-Blancs.
Pension Barraud[913].

1929.VIII.15.

Бабы[914]

«Исполать тебе, жизнь, баба старая»[915]
граф А. К. Толстой

Две толстые бабы,
Поправиться дабы,
Покинувши дебри,
Устроились в Шебре; –
Чтоб выдержать стиль,
В отеле Сесиль,
С балконом, и даже
На третьем этаже.
И вот, каждый вечер
Ненужные речи
У тонкой стены
Мы слушать должны.
А станет смеркаться –
Трубою сморкаться
(Свирепой валторной,
Повторной, задорной)
Начнут обе бабы... –
Поправиться дабы.

———————

Взрывом, взрывом [вариант: Рывом, рывом]
С перерывом,
С неожиданным надрывом –
Хвать!
Двинут, двинут,
И застынут...
Переждут,
Понадкопят, принажмут
И опять:
Ревом, рокотом, тромбоном,
С хлюпом, с хрюком и подстоном –
Продвигать

Начинают свою сырость
В захлебнувшуюся дырость.

———————

О, толстые бабы!
Умолкните, дабы
Нам слышать молчанье далекое гор,
И тихой волною
Уплыть с тишиною
Туда, где блаженно витает наш взор!...

Женевское озеро,
Шебр, отель Сесиль, третий этаж (без балкона)[916].
Август 1929.

168

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <23.IX.1929>

Дорогие друзья!

Хотя Вы и не откликнулись на мое последнее шутливое писемцо, но мне хочется сказать Вам перед Вашим отъездом в американию, что наша дружба и наше сердце всегда с Вами. Колины успехи суть наши успехи; его победы – наши радости; Ваши огорчения – наши огорчения[917]. Будьте бодры, триумфальны и богаты; и да пошлет Господь Коле таких же «искренних и нежных» слушателей, каких он имел в нас.

Мы сейчас в Италии, на море (южнее Генуи, севернее Пизы). Пансион стоит на возвышении, море (синее, спокойное) чудесно видно; у нас две комнаты и большой балкон. Хорошо! Можно часами созерцать Божию благодать... Днем до 3 часов (от 10 утра) бывает жарко, но мы в это время не выходим.

Думаем пробыть здесь до начала октября. Потом проехать в Сиену и вернуться через озеро Гарда на север.

Надеюсь, что в этом году зима не будет такая трепаная, как в прошлом.

На этом кончаю.

1929.IX.23. Ваш ИИльин.

Italia. St. Margherita Ligure[918].
Pension Suisse.

NB. NB. NB. [919]

В Берлин вы *всегда* можете написать мне по след. адресу:
Berlin W. Königin Augusta Str. 53[a]
Russisches Wissenschaftliches
Institut
für Prof. Dr. Iwan Iljin[920].
(все дойдет аккуратно)

169

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <28.IX.1929>[921]

Адрес.
c/o Alfred Swan
1, College Lane
Haverford
P[a]
U.S.A.

Signor
I. Iliin
Italia
St. Margherita Ligure
Pension Suisse
Italie. 28 сент.

Дорогие друзья!

Сейчас (через 10 м.) уезжаем.

Спасибо за хорошее письмо!

Коля высылает гимны[922].

До свиданья!

Будьте здоровы.

Ваша А. Метнер.

Коля обнимает.

<На стороне открытки с адресами приписка:>

Дорогой Иван Александрович!

А. М. поручила мне отправить Вам это письмо, и я пользуюсь случаем сказать Вам, что думаю о Вас с любовию и благодарностью, и особенно вспоминала о Вас всякий раз, когда Н. К-ч играл. Спасибо за статью в № 7 Колокола.

Искренно преданная Вам

Людмила Аронсон[923]

170

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <15–20.X.1929>

~~c/o Alfred Swan~~
~~1, College Lane, Haverford~~
~~Pennsylvania, U.S.A.~~
c/o Mr. Greiner* – Steinway 109 west
57 Street <*нрзб*. ~~U.S.A.~~?>, New-York. U.S.A.[924]

15 октября 1929 г.

Дорогие друзья! Уезжая из Montmorency, мы отправили Вам Гимны и открыточку – дошло ли? Где-то Вы теперь? Последняя весточка от Вас была из St. Margherita Ligure. А мы несчастные с тех пор болтались на океане 9 дней и очень страдали, т. к. ехали не в очень хороших условиях. Можно

* Грейнер – русский Главный Заправила у Стейнвея. [Прим. А. М. Метнер.]

доехать в 5 дней и ехать с удобствами и мочь читать и отдыхать и письма писать и я бы Вам уже с парохода написала, но мне было негде, да и трясло очень. Из девяти дней только три море было довольно спокойное.

Ваше последнее напутственное письмо, оно пришло вечером накануне отъезда, было с нами и сейчас лежит передо мной. Да, самое главное и ценное пожелание, таких же «искренних и нежных» слушателей! И путь к достижению этого и мил и близок Колиной душе. Пой себе во славу Божию, а о другом не заботься и отзовется услыхавшая душа. Но этих мало для осуществления других Ваших пожеланий. Т. е. не мало, а много и одного такого слушателя для души Колиной...

Ну, а для богатства нужно не только петь, а что-то уметь, к чему у нас никаких нет способностей. Хоть бы я была более толковая и ловкая. Только я все надеюсь, что воля Божья над ним, и верю все будет как надо.

А пока много трудного и главное заедают мелочи, кот., когда их много, гораздо хуже крупных препятствий. Но это все надо отмести и думать только о главном.

18 окт.

Я Вам буду по возможности сообщать обо всем, что более интересно.

Выступить Коле придется в общем 18 раз, если только не будет еще приглашений. Первое выступление сегодня в College Swarthmore; 24-го в Haverford College[925]; 27 в Филадельфии в салоне (не удивляйтесь! Это устраивается как концерт с приглашенной публикой, среди кот. может оказаться такое же количество настоящих слушателей, как и при продающихся билетах). 1-го ноября в New-Haven'е при Yale University[926] утром репетиция с оркестром. Исполняется 2-й ф. п. концерт; 3-го утром еще репетиция, а в $4\,^1/_2$ дня самый концерт; 5-го вечером там же, только в маленьком зале recital[927];

10-го у попечителя учебн. округа Пенсильвании Mr. Turner (концерт очень серьезно обставленный, т. е. с очень серьезной, как нам говорили, публикой) и он же вице-президент Филадельфийского Симфонического <оркестра>; после этого отъезд в Нью-Йорк и там 12-го салон у какой-то дамы, попечительницы чего-то[928]. Колю здесь все уверили, что салоны, в которые его приглашают, ничем не отличаются от настоящего концерта. И еще уверили, что для начала это необходимо. Посмотрим. Ну, а еще на что пришлось согласиться «начинающему» артисту, это я Вам сейчас расскажу, но очень прошу заранее не волноваться и не сердиться. Коле никто *ничего* не смог устроить в Н. Йорке, и вся поездка в Америку таким образом являлась очень невыгодной для Колиного престижа*. Говорили бы, что и никто-то его не зовет, да и сам он не решается рисковать давать собственный концерт, чтобы не пришлось самому платить за это. А он и в самом деле не мог бы на это решиться. Но это неполезно, чтобы думали так другие. И вот положение было очень трудное, а ехать было неизбежно, т. к. уже полгода жили в кредит и другого пути добыть деньги не было. Да и кроме того и еще важнее этого естественная Колина потребность исполнять свои сочинения пока есть силы и не ждать, когда-то это будут делать другие.

20 окт. Никак не могу дописать это письмо. Итак, подхожу к критическому пункту, кот. и нас самих очень беспокоит. В момент, когда Коля испытывал себя припертым к стене с одной стороны необходимостью ехать, а с другой – сильным желанием не ехать, не имея выступления в Н. Йорке, но и не имея права отказаться от поездки, т. к. подводил этим Лалибертэ[929] и Свана, кот. наладили концерты в Канаде (Лалибертэ) и при некот. университетах (Сван). И вот в момент такой безвыходности явилось нечто, на что мы взглянули как

* Приехать в Америку и не выступить в главном центре – это как если бы кого-нибудь не пустили дальше передней. [Прим. А. М. Метнер.]

на освобождение и выход. Это была Кошиц[930], явившаяся, как Deus ex machina[931] или вернее просто как махѝна. Она очень настойчиво понаперла всей своей тяжестью. Предлагала известные гарантии и, главное, устройство в Carnegie Hall на свой риск (это около 2.000 дол., т. к. зал огромный и лучший и самый дорогой в Н. Йорке) концерта из Колиных сочинений, но разумеется с ее участием. Коля бедный в душе обрадовался этому как выходу, но все-таки согласия ей сразу не дал. Справились у Сергея Васильевича и Лалибертэ, бывших как раз под рукой, каково ее реномэ в Америке и не опустилась ли она как певица. Ответы были положительные и при этом советы соглашаться. Вот как слепилась наша эта поездка сюда. Но и кроме этого тут столько трудностей в нашей жизни и такая борьба за сохранение хотя бы минимума душевного покоя, столь необходимого душе, когда ей надо петь, что Вы уж на нас не сердитесь за Кошиц, а посочувствуйте!

Так много хочется сказать Вам, что я начинаю бояться, как бы это мое письмо не застряло тут надолго. Обрываю и лучше постараюсь написать вскоре еще.

Третьего дня было первое выступление[932]. Коля, несмотря на борьбу с роялем, кот. оказался стоящим на коврах, играл чудесно и явно произвел очень большое впечатление и у аудитории настроение было очень восторженное и, несмотря на длинную программу, надо было дать еще два биса. После этого прием у попечителя, и Коле надо было долго стоять и сотне человек и руку пожать и что-ниб. сказать. Это очень утомительно.

Обнимаю Вас обоих!

Ваша А. М.

<На первой странице письма, до приветствия, приписка (текст перевёрнут):>

Очень, очень просим написать нам, как Ваше здоровье и как дела. Устроились ли уже и как?

171

<Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<X.1929>***[933]

Шлю дорогим друзьям Ивану и Наталье из далекой Пенсильвании сердечнейший привет! Спасибо за письма, спасибо за ласку! Очень скучаем по вас. Очень хочется писать вам, да все время занят – только до Рождества у меня около пятнадцати концертов.

Обнимаю с любовью.

Ваш Н. М.

1930[934]

172

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <17–26.VII.1930>

17 Июля 1930 г.

Дорогие друзья!

Мы очень обрадовались Вашему письму и тому, что Вы отдыхаете в таком хорошем месте[935]. Очень пожалели Ивана Александровича, что к нему привязалась такая гадость – фурункулез. Но это по-видимому вообще была гастроль этой дряни, т. к. прошлую зиму здесь все переболели этим. Э. К. мучился три месяца. Это было уже после нашего отъезда и Люта[936] тут за ним ходила.

18. Это письмо будет вероятно все из клочков, т. к. и время мое все разбито на клочки. Не сто́ит объяснять почему. Случилось еще последнее время, что и Коля и я стали прихварывать и даже доктора звали. И вот оказалось, что хоть и ничего страшного, а время терять приходится на то, чтобы лечиться. У Коли крайнее переутомление, т. к. он ни единого дня не передохнул. Впрочем стану рассказывать все по порядку и тогда дойду до того, почему и здоровье подгуляло.

19. Спрашиваете, что дала Америка? Дала много самых положительных *моментов*. Говорю «моментов», потому что все нам говорили, что это не характерно, т. е. не обычно для

Америки. Были например такие случаи, что дирекция Колледжей и университетов, зная свою молодежь, боялась давать им целый вечер одного композитора, да еще нового, и Колю просили исполнять наполовину и другую музыку. Но он наотрез отказывал, и дирекция вынуждена была согласиться. А потом оказывалось, что студенты еще никогда ни на одном концерте так не бушевали от восторга и та же дирекция после концерта говорила Коле благодарственные речи и приглашала на будущий сезон.

Таких случаев было два. А был и еще один интересный случай. Пригласил Колю один монастырь (женский) в Монреале, где монашки изучают его вещи и где имеется полное собрание его сочинений. Принимали его там совсем невероятно. При монастыре зал на 600 человек и все это было наполнено наполовину монашками, а наполовину публикой. На почетном месте сидел кардинал Monseigneur Piètte, кот. состоит попечителем обоих университетов Монреаля (и французского и английского, при кот. Коля тоже играл) и он же опекун этого женского монастыря. Когда Коля вышел на эстраду, то monseigneur этот встал и поклонился ему, а Коля ему в ответ, а потом уж публике, кот. тоже встала. После каждой вещи монашки первые устраивали овацию. Когда весь концерт кончился и Коля дал неск. вещей впридачу и видно было, что он уже устал выходить, – кардинал дал ему сойти с эстрады и обратился к публике с речью. Говорил такие вещи, что даже не решаюсь повторять... постараюсь передать вкратце хоть самое главное. Начал он с того, что редко в жизни бывают такие события, как в этот вечер, когда они, т. е. все присутствующие, «зрели чудо» и проч. и проч. Что он никогда не думал, что понимает музыку, и вот впервые он уверен, что понял и что даже минутами ему казалось, что это он сам поёт... и что все они пили сейчас божественный мед и унесут его с собой на всю жизнь, и что все, что в этой музыке есть и жестокого, а не только сладкого, все от Бога и к Богу и что Коля –

«un de Ses apôtres»[937] – ...вообще всего не перескажешь, да и боюсь, что в моем письме это прозвучит Вам не так, как это было, и пожалуй может показаться смешно. За эту поездку Коля приобрел друзей среди лиц духовных. Один священник в Канаде писал о нем огромные статьи и ходил за ним как тень. Он даже приезжал в другие города на Колины концерты[938].

Много было хорошего и если бы мы увидались, то могли бы без конца рассказывать.

Ну а теперь расскажу и про отрицательное. Ведь Вам все интересно, не правда ли?

26 июля.

Вот как долго пишется мое письмо. Но я сегодня его отправлю, хотя бы не все написав, что хотела.

Итак, я хотела сказать, что было отрицательного.

1) Колина болезнь.

2) Посвящение Кошиц одной песни.

3) Замена наших денег, заработанных в Америке, фальшивым чеком. И т. к. это обстоятельство грозило нам настоящим бедствием на ближайший год по крайней мере и промучило нас целых три месяца, то мне очень неприятно вспоминать об этом подробно. Вкратце: нам был рекомендован представителем Стейнвея один агент (русский еврей Гудман) для устройства обратного путешествия и всяких налоговых и друг. дел. И вот он так обделал наши дела (и еще многих других дураков), что когда по покрытии всех расходов надо было всю оставшуюся сумму – 2.500 долларов – перевести из банка в Париж, то он прикарманил эти деньги, выдав нам пустой чек, на кот. нам здесь никаких денег не давали.

В таком же положении был и Глазунов, но тот теперь уже получил. Мы же измучились вдребезги, и наконец Сергей Васильевич решил от себя вести это дело через своего америк. адвоката, купив у нас этот чек. Это явилось настоящим спасением, т. к. мы погибали не от отсутствия денег, а от атмосферы

жульничества, сыска и проч. гадости, т. к. нам-то некому было даже поручить все это, а мне приходилось самой ежедневно ездить в Париж, где находится отделение этого мошеннического гнезда с «директором» Вейсблатом, подписавшим воровской чек в Н. Йорке еще в феврале. А Гудман «секретарь» этого «банковского» дела.

Теперь о втором, т. е. о Кошиц. Я в свое время писала Вам перед отъездом в Америку (ответа от Вас тогда не было), почему неизбежно было принять ее предложение выступить с ней, т. к. иначе мы не в состоянии были сами устроить концерт в Н. Йорке. Этот концерт, между прочим, сошел блестяще. Ну так вот Кошиц очень дипломатично пристала с просьбой посвятить ей один испанский романс (Я здесь, Инезилья[939]) за десять минут до выхода на эстраду и ясно было, что в случае отказа она может все испортить, т. к. баба она взбалмошная, и кроме того она сообразила, что перед самым выходом Коля так поглощен этим, что разные обстоятельства ему не так важны и что он может согласиться на посвящение ей лишь бы отстранить от себя всякие помехи. Так оно и вышло к величайшей моей досаде, а потом и Колиной, когда он сообразил это.

Что касается самого важного, т. е. здоровья, то оно пострадало в Америке же. Он там простудился. Его чествовали после каждого концерта и не всегда давали тут же переодеться. Один раз он весь мокрый и разгоряченный успел сильно остыть до того, как народ схлынул, и он смог переменить белье. И хотя он накинул шубу на плечи, его все-таки прохватило. Был сильный грипп и он лежал и пришлось потерять один концерт. Грипп этот отнял у него обоняние и никакие врачи не могли потом помочь. Затронуто было и ухо и глаза. Глаза до сих пор еще не совсем оправились. Кроме того он хворает сейчас и нервами: не в порядке солнечное сплетение. Причина вероятно в крайнем переутомлении. Поездка была очень утомительна: шесть месяцев Америки, один мес.

Англии, где делались еще и граммофонные пластинки, что очень утомительно, и потом ужасный приезд сюда с обнаружением мошенничества и Колино желание потопить все в работе, на кот. он набросился как голодный зверь и потому ни единого дня отдыха. И вот вчера он впервые сделал перерыв и мы съездили в Шартр[940] и чудесно отдохнули. Вернулись домой к 11 ч. ночи, а сегодня он уже опять всосался в работу.

Гостит у нас сейчас Эмилий Карлович.

Коля мечтает написать Вам, но я уж не стану ждать этого и отправлю свое письмо.

Обоих Вас обнимаю с любовью. Очень часто недостает нам Вас, дорогие друзья.

Ваша А. Метнер.

<На первой странице письма сверху, частью поверх текста А. М. Метнер, приписка Н. К. Метнера:>

Дорогой друг мой! Спасибо Тебе за привет.

Сам думаю о вас постоянно, часто порываюсь писать, но не хочу писать в состоянии упадка, в каком нахожусь все последнее время. Нас как головешки костра раскидали по всему миру подальше друг от друга... и вот подчас чувствую – моя головешка угасает в одиночестве. Спасибо за переброшенную Тобой искру: она на время поддержала мой огонь... Крепко обнимаю обоих дорогих близких.

173

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <29.VII.1930>

Дорогие друзья!

Наконец-то я добрался до Вас. – Я долго не писал Вам, потому, что меня *просто не было*... Был задерганный и переутомленный политик, надрывающийся над непосильной

задачей и забросивший на чердак свое собственное духовное естество. Вам до ~~него~~ этого господина не было дела; да и не могло быть. Переутомление его росло за зиму, сделалось к весне чрезмерным и завершилось фурункулезом. К июлю начался отдых; но только начался. До 20 июля длилась реакция: боли в солнечном сплетении, непорядки в сердце и повальная сонливость весь день. Тогда же, 4 июля, я послал Вам две открытки на Елену Михайловну (Etienne Marcel prolongée 11), прося откликнуться. Не имея отклика и не зная, где Вы, написал Люте Аронзон в ~~Париж~~ Варшаву. Вчера хотел писать Георгию Оцупу на Возрождение[941], но пришла открытка из Варшавы с адресом и дело выяснилось.

От Л. Аронзон я слышал о Вас, когда она проезжала через Берлин; а Вас тогда еще не было в Париже. Но было очень грустно, что я слышу это не *от* Вас, а *про* Вас. Так грустно, что я ее ни о чем подробно не расспрашивал. И это все. Напишите же о себе, хоть вкратце: как Вам представляются итоги американской зимы, какие завоевания совершены и какие планы на будущее?

Один Бог знает, увидимся ли мы и когда! Ехать в Париж для отдыха – невозможно; а для работы – нужно, чтобы она там была; а между тем французы меня не знают, а русская эмиграция тонет или в безразличии, или в страстной партийности. Ни тем, ни другим я решительно не нужен. Я хорошо знаю, где и чем я нужен *России*, как духовной величине; но эмиграции?!.. То, что происходит в России, – кошмарно и надрывает душу. Чтобы хранить душевное равновесие – надо *не думать* об этом или по крайней мере не воображать этого конкретно. Вижу – что надо извлечь данную мне от Бога духовную скрипку из этой выгребной ямы – и думать о России будущего, иначе весь изойдешь в бесплодной муке и кровавых слезах.

Зиму мы провели без инструмента и почти без музыки. Саул мой томился и все мрачнел, перегорая в земных отвраще-

ниях до черноты. Я даже не знаю, о чем говорят гимны труду, которые Коля якобы мне посвятил: не слышал их, а глазами не мог их прочесть (глазами я слышу одни намеки, если раньше не слышал ушами). Мы были три раза на концертах Сергея Васильевича, который играл изумительно, сверхчеловечески. После ~~второго~~ первого концерта мы виделись и с ним самим.

Дошел ли до Вас мой Колокол, № 9, вышедший этой весной, в апреле, где у Наталии Николаевны напечатан Домовой[942]?

Мы пробудем в Швейцарии, вероятно, еще август. Потом спустимся в Италию. Если решим ехать в конце сентября на академический съезд в Болгарию[943], то поедем непременно через Грецию, чтобы видеть Афины. В Берлин вернемся не ранее 20 октября.

Мы оба целуем Вас и обнимаем. Я теперь слава Богу проснулся, вижу, что все «утраченное» – только *мнимо* утрачено; опять душа полна лучами и идеями; и хочет только покоя и творчества. И чтобы не чистили скрипкой выгребную яму. Но Вас я так давно не видал, от Вас я отвык; и будучи от природы недоверчив и даже подозрителен – не знаю, есть ли Вам вообще до меня дело? Кто их знает?

Ваш ИИльинъ.

1930.VII.29.

Schweiz. Beatenberg[944]. Hotel Schoenegg.

174

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <21.XII.1930>

Дорогие друзья!

Двести лет мы с Вами не виделись и из них сто лет я Вам не писал. Вы пожалуй нас и забыли вовсе – что мы существуем и какие-такие мы?!

А мы Вас помним. Тому вот Вам доказательство: посылаем Вам по почте заказным фотографию с оригинала византийской Мадонны, т. е. уже не Мадонны, а Богоматери; эту икону мы разыскали в Сиене, в частной галерее Сарачини[945] и тогда же добыли снимок и для Вас. Век неизвестен. Автор неизвестен. Считается «сиенской школы» «13 века»; однако стиль сиенский совсем другой, и мы считаем школу византийской. Напишите, хороша ли?

Мы были с конца июня до начала августа в Швейцарии (Беатенберг); август в Моршахе (на Фирвальдштетском озере[946]); сентябрь в Ардженьо[947] на озере Комо; октябрь в разных итальянских городах (Милан, Бергамо, Специя, Пиза, Сиена, Орвьето, Флоренция). В Сиене пробыли 11 дней. К сожалению надо мной все время (с 20 сент.) висела очень трудная и нравственно мучительная работа (сборник статей о сов. России, на нем. языке[948]); в октябре и ноябре эта работа сделалась совсем сумасшедшей, я заболел сначала гриппом, а потом от нервного напряжения чем-то вроде нервного фурункулеза или экземы (не опасно, но мучительно). Однако работу продолжил; теперь она кончена, книга вышла, 36 печатных листов; что еще лучше, это что книга «идет» и покупается. Не посылаю Вам ее, чтобы не отвлекать и не удручать.

В Б<ерлине> мы с 23 октября. С 1 декабря сняли недорогую, но полумеблированную, темную квартирку. Адрес: Berlin-Westend. Bayern Allee. 5[949]. Здесь приходим в себя от типографского вихря. Мечтаем снять совсем пустую квартиру.

Был тут и концертировал С. В. Мы с ним провели вечер у них; и еще виделись.

Чувствуем и предчувствуем, что судьба приведет нас в этом году в Ваши края. Но когда – еще неизвестно. Напишите непременно, будете ли Вы уезжать куда-нибудь в январе-феврале-марте-апреле-мае – и когда? и куда? Чтобы нам не разъехаться!!

Поздравляем Вас с наступающим Рождеством Христовым и оба Вас обоих целуем. Вспомните нас и не давайте нам «поростать травой забвенья»[950]!

Ваш И. И.

1930.XII.21.
Адрес выше.

1931[951]

175

<Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<5.I.1931>***[952]

Драгоценные люди и друзья!

Спасибо за чудесную Мадонну – она не только прекрасна, но и бесконечно утешительна и ут***и***шительна.

И мы вас здорово помним, не проявляем же этого на деле по причинам, которые попытается изложить вам Анюточка...

И сейчас я не могу писать вам, несмотря на сильную потребность отвести душу, по причине гриппа...

Спасибо же, милые, за память, за подарок и за то, что собираетесь в наши края (ради Бога только не в феврале).

Шлю вам привет к Рождеству.

Крепко обнимаю

Любящий вас

Пузенкам<п>фъ-Гриппенкерль[953]

176

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<5.I.1931>***[954]

Дорогие, самые милые друзья, если бы Вы только знали, как мы постоянно о Вас думаем и тоскуем, что Вы далеко...

Неужели скоро увидим Вас?

Пожалуйста заранее напишите о том, когда звать Вас. Нас не будет здесь с 25 января и почти весь февраль, т. е. около месяца, а потом уже никуда не уедем и будем ждать Вас.

Коля пишет, что я попытаюсь изложить причины нашего молчания, но я не попытаюсь, т. к. перечисляя все беды наши, я значит все-таки сделаю то, от чего все это время воздерживалась. Были минуты, дни, недели и даже месяцы, когда мы оба только о Вас и мечтали, чтобы облегчить душу, но именно потому и трудно было писать. Не успевало улечься одно, как сваливалось другое.

Теперь Коля (больной и ослабевший от напряженной работы, над ф. п. сонатой, кот. только что закончил[955]) засел за рояль и волнуется, что не успеет спокойно подготовиться к концертам, но я надеюсь, что Бог поможет.

Концертов очень немного, а работа для них та же, что и для огромного турнэ. Жалко конечно, что это так, но утешением и очень большим является то, что зато скорее вернется к своей композиторской работе.

Перечислю все «выступления».

3-го февр. в симфонич. в Глазго, Шотландия, 2-й ф. п. концерт и во втором отделении просили дать (хоть минут на 10) других композиторов. Коля исполнит три этюда: 1) Скрябин; 2) Рахманинов (Etude Tableau) и 3) Лист Etude Gnomenreigen[956].

5-го фев. Clavierabend[957], там же в Глазго.

8-го в Оксфорде Clavierabend от университета.

11, 12 и 13-го в Лондоне для граммофона, и эта работа довольно неприятная и утомительная[958].

19-го концерт в Лондоне с участием певицы Елены Фрей[959], друзья которой и устраивают этот концерт. Я непременно из Англии напишу Вам обо всем. Сейчас иду на почту. Хотели успеть с этим письмом к Рождеству, но вряд ли дойдет – завтра уже сочельник.

Спасибо за дивную Мадонну, но мы и о книге Вашей думаем и я спрошу о ней здесь в русском магазине. Впрочем они очень неисполнительны: я заказала № 9 со статьей Натальи Николаевны и он так и не выписал его и мы этой статьи так и не читали. Если бы Вас это не очень затруднило и если бы Вы могли при этом сообщить, сколько я должна за это выслать денег, то мы были бы бесконечно Вам благодарны за присылку и № 9 Колокола и Вашей книги.

Как здоровье обоих? Совсем ли прошел фурункулез?

Здесь это сейчас у очень многих.

Какое-то поветрие на эту болезнь.

Крепко обнимаю обоих.

Ваша А. Метнер.

177

<Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <17.I.1931>[960]

Дорогие друзья!

Огромное спасибо за Василия Блаженного, за трогательное, но незаслуженное по форме поздравление, за Колокол и те две статьи в нем, кот. я пока успел прочесть – «Идея национальной науки» и «Домового»...[961] Ведь и первая как бы посвящена Пушкину! «Домовой» (кстати одно из самых любимых мною стихотворений) – это сущий шедевр интерпретации поэтического произведения. Спасибо, спасибо и спасибо, милые родные и любимые наши Ильины!

Ваш всей душой

Метнерюкъ

Когда же мы наконец увидимся!!

178

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <17.I.1931>

17–I–1931.

Дорогие друзья!

Шлю самую глубокую благодарность за Домового. Читаешь и впитываешь каждое слово. Нет, уже не слово, а то самое вдохновение, тот дух, ту тайну, о кот. *поет* и так бережно, такими простыми, такими мудрыми словами наша любимая Наталья Николаевна. И вот она тайна, «всего не выговаривает, не открывает до конца»[962]... а в какую глубь уводит, как потрясает. И забываешь уж, что читаешь не вдохновенную поэзию, не Домового... потому что льется струя из того же самого места. Ну, вижу, как вы оба улыбаетесь криво на мои излияния, но мне все равно.

Мы очень стосковались по Вас. Эти дни как-то особенно. Коля бурно восхищался статьей Ивана Александровича и радовался, удовлетворенный тем, что постоянно терзающее его чувство о том, что русское для иностранцев есть «книга за семью печатями», здесь в этой статье нашло себе выражение.

Очень хочется видеть вас, дорогих друзей.

Писать трудно, да и нет такого тихого спокойного часа для этого.

Готовимся к поездке и дел с этим связана пропасть[963].

Крепко обнимаю.

Ваша А. Метнер.

179

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <10.IV.1931>[964]

Христос Воскресе, дорогие друзья,
Коля и Анюта!

Живы ли Вы? Здоровы ли? Как съездили? Любили ли Вас иноземцы, берегли ли, благодарили ли?

Наши дела слагаются так, что мы (по-видимому) на последние дни апреля приедем в Ваши края, где у меня должно состоятся несколько выступлений. Пока ведутся переговоры, – сколько раз, о чем и где я буду говорить и т. д., – мне хочется договориться с Вами. Главный смысл нашего приезда в том, чтобы повидаться как следует с Вами и со Шмелевым. Но здесь возникает два вопроса<:> a) расположены ли Вы к этому, b) как это осуществить?

Несомненно, что будут дни, когда придется трепаться по городу, отбывая «переговоры», «разговоры», «приглашения», «визиты» и покупки. Эта суетня испытывается нами как повинность или тягостная неизбежность, которую придется все-таки проделать, сводя ее по возможности к минимуму. Но ни охоты, ни жизненных сил у нас на это не слишком много. Однако и в эти дни мы могли бы при наличности благоприятствующих условий – хоть полчаса или час посмотреть <друг> на друга. Для этого нам надо было бы иметь свой ночлег в Вашей местности. Можно было бы также (под условием *строжайшей доверительности*) приехать к Вам дня на два ранее нашего официального приезда и остановиться в более приличном отеле Вашего местечка и провести эти дни вместе. Но это имело бы смысл сделать только в том случае, если бы Вам это оказалось подходящим (в смысле Колиных занятий) и если бы мы действительно могли провести эти дни вчетвером, чтобы нам никто не мешал. Мы видимся так редко, это осуществляется с таким трудом, мы так давно не видались и вообще жизнь человеческая столь коротка, что может быть при настоящем желании это можно было бы устроить?

В Бедекере[965] обозначено, что из трех отелей Вашего местечка два имеют рестораны, где мы и могли бы беспрепятственно питаться. Может быть в одном из них нашлась бы комната на *солнечную* сторону и с *двумя* кроватями (а не с паскудным «lit national»[966]). Без солнечной стороны не

проживешь, а только простудишься. Конечно приятно было бы иметь и проведенную воду.

Подумайте, друзья мои, вообразите, сообразите и напишите со всею прямотою, которая причитается в наших отношениях. Но не соображайте слишком долго, ибо скоро надо будет запасаться жел. дор. спальными билетами. Само собою разумеется, что весь этот план *никакому* (особенно оцупьему[967]) *оглашению не подлежит*. Если это Вам неудобно, то мы поселимся где-нибудь в ином месте, а к Вам только приедем посидеть.

Но и в этом случае Вы должны нам многое множество Колиных сокровищ показать! Без этого не воображайте выйти сухими из воды.

Я только что перенес какую-то гастрическую инфекцию, слаб и очень утомлен. Душа пустая и вялая. Но надеюсь к тому времени оправиться.

Мы оба Вас целуем и обнимаем; и с нетерпением ждем ответа.

Любящий Вас, как раньше и всегда

Іоаннъ.

Бойтесь провести нас без показывания; хлеба нам не нужно, но «зрелищ» звуковых!

1931.IV.10.
День моего
урождения.

180

<Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <15.IV.1931>

15-го Апреля 1931.

Воистину воскресе!

Пишу нарочно на том листке, на котором пять недель назад (это был Март, а не Февраль – я ошибся) начал было писать вам и по обыкновению осекся...

Думаю о вас постоянно, в последнее время особенно и потому несказанно рад предстоящему нашему свиданию на Монморонсейских холмах[968]... Приезжайте непременно именно сюда. Оглашения никакого не будет, ибо это противоречит и нашим вкусам и намерениям. Вот только Ремизов, у которого мы были на днях и который сам знает о Вашем приезде, выразил желание собраться вместе, чтобы почитать вам и нам Гоголя и Толстого.

<На обороте листа начало текста упомянутого неотправленного письма Метнера Ильину:>

Montmorency *7-го февраля*[969]

Дорогой друг!

Пишу два слова с тем, чтобы только сказать вам, что очень вас люблю и постоянно мысленно обращаюсь к вам обоим, когда бываю чем-нибудь разбужен из обычного будничного состояния.

Всегда думаю о вас, как об одной из немногих станций, т. е. приемников беспроволочного сообщения, которые еще существуют для нас в виде современного радио, а

<На этом неотправленное письмо оборвано и далее, после горизонтальной черты во всю ширину страницы, продолжение нового письма:>

(15-го Апреля) Читает он действительно чудесно. Но и это зависит от вас.

Крепко обнимаю Тебя, целую ручки Нат. Ник. и жду с нетерпением

Твой Н. Метнерюкче.

<На левом поле первой страницы приписка Н. К. Метнера:>

Из моей музыки вам будут показаны новые Пушк. песни[970].

181

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <17.IV.1931>

17 апреля 1931 г.

Дорогие друзья, мы счастливы, что скоро увидим Вас и ждем не дождемся.

Я не сразу ответила, т. к. хотела уже знать, возможно ли Вас здесь устроить. Нам эта мысль (прожить два, три дня здесь) очень по душе и ничего лучшего и придумать нельзя. Но отели – увы! – оказались все ужасными и я думаю, что пройду теперь по пансионам, которые сдают комнаты без обязательного питания и только надо брать утренний завтрак. Так живет здесь обычно Эмилий Карлович. И берут эти пансионы не дороже, а скорее дешевле, чем отели.

Сейчас отправлю поскорее это письмо, т. к. прошло уже три дня с получения Вашего письма и буду ждать от Вас извещения, на какое число задержать комнату и на сколько дней.

Что касается lit national, то это иначе здесь и не бывает, но могут поставить кушетку.

Отправив это письмо, сейчас же пойду по пансионам и, как только придет Ваше извещение о дне приезда, тут же посылаю Вам адрес. Я бы очень хотела Вас встретить на вокзале в Париже. Только имейте в виду, что если приезжать очень поздно ~~ночью~~ к ночи, то сюда в Montmorency очень мало поездов и может получиться длинный промежуток с ожиданием на вокзале – что отвратительно во Франции.

Ждем скорого ответа, а пока обнимаем.

Ваша А. Метнер.

182

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<20.IV.1931>***

20 Апреля[971].

Дорогой Иван Александрович, пересмотрев здесь все, что было не очень далеко от нас, могу сообщить Вам только о двух пансионах, причем один из них с обязательным пользованием столом, другой по желанию (но утрен. завтрак включается).

Там, где полный пансион, – 50 фр. с челов. за все[972] – положение дома лучше, тише и хороший сад.

Другой – 45 фр. за комнату на двоих с утренним кофеем, а каждая трапеза отдельно 18 фр. с человека. В этом доме очень хорошо то, что трапезы необязательны (т. к. я ведь рассчитываю питать Вас) и что это в 3-х минутах от нас; и Э. К. всегда там останавливается и в общем доволен, но... там живет семья с четырьмя детьми и они иногда очень галдят и Э. К. жаловался, что они его будили.

Решайте, что из этого Вы выбираете, и я сейчас же задержу комнату.

Тороплюсь отправить это, чтобы поскорее получить Ваш ответ.

Вчера прочли в газете, что первый Ваш доклад 27-го[973]. Нам необходимо знать как можно скорее о дне Вашего приезда и в начале ли приедете в Montmorency или же после лекций.

Надо будет кое-что предотвратить заблаговременно. Одна из наиболее важных помех – это уже давно обещанное посещение Марселя Дюпрэ[974], назначенное на 24-е. Это мы должны предупредить по возможности заранее, т. к. отменяли уже неск. раз.

Ждем Вас с радостью и нетерпением и крепко обнимаем.

Ваша А. М.

183

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <10.V.1931>

Дорогие друзья!

Мы доехали удовлетворительно и с тех пор у нас все благополучно. Только устали. А я – так даже очень. Я еще третьего по дороге говорил на большом съезде о «пятилетке и дэмпинге»[975], а здесь[976] пятого начал курс о философии Гегеля по-немецки. Это окунание из омута в омут – очень утомляет. В душе щелкает семафор – новые рельсы – новые дали – вытаскивайся из вчерашнего – ломись до конца в новую сторону. Если есть «успех» – то даже не успеваешь ни порадоваться ему, ни почиститься от его дурмана и отравы. Эх, соснуть бы недельки две, в саду, под липой... Чай с малиновым вареньем...

У меня такое чувство, как если бы я видел большие[977] и чудесные горные хребты, в снегу и в зелени, застывшие молитвы, древле вознесенные вздохом земли... Это Колина новая музыка. Но, Боже мой, как быстро поезд жизни проскочил мимо этих хребтов! Стой, стой мгновенье!! Нет – пронеслось – мелькнуло *состоявшимся* обетованием, неудержимым видением... Рррассссъ... И опять копоть жизни и тарахтение грубых вагонов. И будто приснилось...

Знаю, что не приснилось, – а факт. Да от этого тоже горько. Пианино взял напрокат. Буду одиноко лазить по этим хребтам. По кусочкам, в лупу глядеть. Да 4 года не играл – пальцы деревянные, пианишка плохенькая, диссонансные аккорды шумят, руки грубые. Даже совестно.

Получил соменал[978]. Спасибо! Целую Вас обоих.

Не забывайте нас. Мы, все-таки, не на каждом перекрестке пасемся. Что?? Да. Так вот я и говорю.

А что Бетховен? Все еще π^2?[979] Ничего, пущай! – Дело это общечеловеческое.

Ну живите и вспоминайте нас, если будет нечего делать. Оба Вас обоих целуем и обнимаем.

Ваш Иван (Антонович Кувшинное Рыло[980])

1931.V.10.

P. S.

NB. Достал себе каталожство «Grammophon. Serie Polyfar. Сидит собакевич. Die Stimme seines Herrn. 1930/1931. Hauptkatalog»[981]. Вертел-вертел. Ни Метнера, ни Рахманинова – никак. Леонидъ Крейцеръ есть; в разных видах. Да зачем мне Креонидъ Лейцеръ. Еще есть Пиккаверъ, Ядловкеръ, Гушалевичъ Женіа (сопранъ) – но я от них воздерживаюсь: это вышло бы уже ското-ложство. Что сей сон значит[982]?

<На первой странице письма, на обширном свободном месте до приветствия, приписка Ильина:>

PPS. Вы так были милы с нами, что не знаю, чего Вам пожелать. Ну – да благословит Вас святой Лоллий, да осенит он Вас обоих покровом своих власов. Посылаю Вам частицу его мощей.

Блюдите ***тайну*** св. Лоллия. А то узнает первооткрывший – обида, оби-и-ида будет на ***всю жизнь***!

Вскрывать осторожно! И ~~по~~благоговейно! Не побольшевицки!

Конюсам, Оцупам *не* открывайте тайну[983]!

184

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<19.V.1931>***

19 Мая 1931.

Дорогие друзья!

Спасибо за письмо и за частицу мощей, кот. мы вскрывали с большим волнением и *наедине*! Но что с этим делать дальше? Мы не знаем. Проглотить что ли, разделив на две части?

Не отвечала Вам так долго, потому что еще больше дела и меньше уединения. Как только Вы уехали, дня через два мне пришлось Елену Мих. из клиники везти к нам и т. к. она с забинтованной ногой, то за ней требуется уход. В доме недостаточно спокойно. Но теперь осталось еще дней пять и она уедет.

О Колиной работе сейчас лучше ничего не скажу, т. к. пока еще ничего не вылупилось, а находится на полпути и момент этот не очень сладкий, когда и вперед далеко и назад нельзя...

Он грозит это уничтожить. Если кончит, то это будет соната грандиознее той, что Вам показывал[984]. Вот все, что могу пока сказать.

Пришли диски, и мы очень много потратили времени на выбор лучших и вчера отправили окончательное решение. Надеемся они будут скоро готовы[985].

От беспорядка и в доме и в душе не могу много писать и на этом кончаю.

Хочется еще раз сказать Вам, что Ваш приезд сюда был для нас большим переживанием и еще усилил постоянное желание видеть Вас.

До свиданья, милые, любимые друзья!

Ваша А. Метнер

PS. Прошу прислать рецепт вонючих пилюль.

<На первой странице письма, до приветствия, пометка А. М. Метнер карандашом (текст перевёрнут):>

Коля напишет отдельно.

185

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <12.VI.1931>

Дорогие друзья!

Замотали меня в отделку. Перечитал Ваше письмо и с ужасом убедился, что я до сих пор не послал Вам рецепта!! Простите меня, нелепого! Дал его переписать – и посылаю.

На 1 июля мы ликвидируем наше жилище здесь. *Очень просим Вас – не откладывая* дайте нам знать, *какие планы у Вас на июль и август*. Пахнет ли Швейцарией? Когда? Куда? *Непременно* поезжайте куда-нибудь и известите нас скорее, чтобы мы могли комбинировать.

Мы часто о Вас говорим и еще чаще думаем. Храни Вас обоих Господь.

Душевно Ваш

Іоаннъ Вестендскій[986]

1931.VI.12

186

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<23.VI.1931>***

23-го Июня 1931.

Дорогой друже Иване!

Спасибо Тебе за репестик[987] и еще больше за статью о Социализме, прочитанную нами с месяц назад в «Возрождении» и доставившую нам огромное удовлетворение[988].

Что касается наших планов на Июль и Август, о чем Ты запрашиваешь, то мы еще не установили их точно, ибо Анюточка пока еще все чихает[989]. Когда она отчихается, что нами ожидается приблизительно к 10-м числам Июля, мы думаем проехаться в Швейцарию, но лишь на остаток Июля и может быть пожалуй на начало Августа – словом, предполагаем покинуть наши Маросейские Монты[990] не более как на 3 недели. Лежит ли Ваш путь через Швейцарию? Очень счастливы были бы встретиться с вами! Ибо и мы постоянно о вас говорим и думаем...

Крепко обнимаю и люблю обоих.

Ваш Н. Метнер

Читал ли Ты на днях в Возрождении статью Бенуа о «Романтиках»[991] – здóрово!

187

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <9.VII.1931>

Дорогие друзья!

Вчера мы осели, сегодня даем знак жизни. Наш адрес: Oesterreich. Gmunden im Salzkammergut. Kalterbrun[n]er Str. 1[992].

У нас комната и еще вторая с большим крытым балконом, в первом этаже, в сад, с видом на озеро и горы. Когда автомобилей нет, то слышны только птички и плеск озера (Траун-Зее). Прямо перед нами старый монастырь на островке. Питаемся в соседнем Gasthof'е[993] – удовлетворительно. Все, со всеми куртаксами и курдворняжками[994], – дешевле пансионов, а ин-ди-ви-ду-а-лизм полный. Не хватает только домашнего кофию!

У нас виза в Швейцарию есть. Мы непременно будем там. Вопрос, когда? Это зависит от Вас. Немедленно дайте нам знать, когда, Вы думаете, будут те несколько дней, которые Вы могли бы выделить специально для нас, чтобы нам их вместе прожить, побеседовать и погулять в па-дё-катр[995], как на монмаросейке? Ждем этих вестей. Предлагаем конец июля – начало августа. Не ленитесь извещениями о плане и о начале и порядке его выполнения. Очень надеемся, что Анюта уже от-хей-фиберила[996]; этот фибер производит на меня даже издали впечатление тягостной беды или воинской повинности! Да исчезнет чих! Долой его!

Мы оба Вас душевно обнимаем и целуем. И ждем вестей.

Ваш И.

Кланяются: птички, озерные плески, облачки и дали горные. Да согреет Вас обоих солнышко!

1931.VII.9.

Дорогой Коля! А что твой настенный якобы «Бетговенъ»? Все еще π^2?[997]

188

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <17–18.VII.1931>

17 июля 1931.

Дорогие друзья, отвечаю на Ваше письмо от 9-го только сейчас вот почему: сидим здесь в Цюрихе[998] вот уже пятый день и все еще не знаем, куда поедем. Ищем, где подешевле и получше. Задержка пришла отчасти из-за погоды. Мы собирались в Оберэнгадин[999], а там сейчас, говорят, плохо. И самую эту дорогу туда тоже надо делать при ясной погоде, иначе пропадает вся прелесть этой поездки. А главная причина нашей задержки та, что мы приехали сюда вдребезги утомленные и как осели в ничегонеделании, так и не сдвинемся. Гуляем, спим, пьем, едим и наслаждаемся видом с балкона.

Повидать Вас мы мечтаем очень! Но вот, как это сделать, чтобы без Э. К-ча*? Ведь это он нас пригласил сюда, чтобы поехать с нами в горы, а потом с 1-го Авг. дней на 5, 6 к ихней здешней кузине[1000]. Разумеется, будь у нас деньги, мы могли бы потом от этой кузины поехать еще куда-нибудь одни специально с тем, чтобы с Вами встретиться. Но мы уже и так еле-еле натянем, чтобы прожить и этот срок. Из этого следует, что если Вы ~~хотите~~ согласны, чтобы эта встреча была при Э. К-че, то тогда мы сейчас же Вам напишем, как только найдем то место, где сможем осесть хотя бы дня на четыре, на пять.

Если бы мы могли поехать в Oberengadin, то это было бы очень близко от Вас, но при этой погоде туда ехать нельзя и оказалось еще, что там слишком дорого и нам не по средствам. Вероятно поедем к Интерлакену с тем, чтобы увидать самое замечательн~~ыя~~ое, что есть в Швейцарии, т. е. Berner Oberland[1001].

---

* Ведь для этого надо было бы ему это сказать. А другими словами определенно установить Ваше к нему отрицательное отношение. Нам это не легко. Ну, как же быть? [Прим. А. М. Метнер.]

18. Погода не меняется и для поездки не благоприятна, и мы ни на что не можем решиться. Коля вдобавок еще прихворнул и сейчас лежит с головной болью.

Итак, как только план выяснится, то я сейчас же напишу Вам. Во всяком случае это будет именно ~~конец~~ в конце июля, что мы могли бы встретиться, т. к. 2-го или 3-го, самое позднее, мы должны быть у кузины в St. Gallen'е[1002] и не позднее 10-го в Montmorency.

Пишите нам сюда – нам перешлют. Коля просит Вам сказать, что очень Вас любит и обнимает. Не пишет сам, потому что болит голова.

Крепко Вас обоих целую и жду ответа.

Ваша А. М.

189

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <29.VII.1931>

Дорогие друзья!

Мы не ответили Вам сразу потому, что надо было все взвесить. Мы хорошо понимаем всю деликатность сложившегося положения вещей и отнюдь не хотим как-нибудь его форсировать или причинять Вам ненужные затруднения и огорчения.

Все-таки, на всякий случай, сообщаем Вам, что мы думаем подняться отсюда через неделю, числа 3 или 5. Наш путь лежит в Швейцарию через Боденское озеро, где мы хотим провести пару дней. Это будет километрах в сорока от вашего Уцвиля[1003]. Если Вы нам сообщите адрес Вашей кузины, то мы известим Вас тотчас же по приезде на Боденское озеро, где именно мы остановимся. Для нас было бы огромною радостью, если бы Вы смогли отлучиться на день (от утра до вечера) или по крайней мере на полдня и повидаться с нами. На Боденском озере хорошо – ласково, созерцательно, краси-

во; и мы могли бы провести хорошие часы вместе. Потом Вы вернулись бы к своим, а мы поехали бы дальше в Швейцарию.

Но если бы Вам оказалось и это трудно, тогда отложим свидание до зимы или весны: может быть мы опять соберемся в Париж.

Ответ Вы успеете сообщить нам сюда. Сегодня среда 29 июля.

Душевно Вас обнимаем и не теряем надежды свидеться.

Ваш И. И.

1931.VII.29
Oesterreich. Gmunden im Salzkammergut
Kaltenbrun[n]er Str. 1.

Открытку от Эмилия Карловича я получил. Передайте ему пожалуйста благодарность и привет.

190

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<2.VIII.1931>

Herrn Professor
Dr. I. Iljin.
Oesterreich.
Gmunden im Salzkammergut
Kaltenbrun[n]er Str. 1.

2 Августа[1004].

Дорогие, милые друзья!

Только вчера попали на почту в Meiringen'е[1005], где и взяли Ваше письмо, но не могли написать тут же, т. к. торопились в дорогу и к ночи были уже в Цюрихе. Сегодня пробудем здесь, а завтра едем в Уцвиль, если ничего не помешает. Мечтаем и радуемся повидаться с Вами теперь же, не откладывая до зимы или весны. Зависит это теперь от: 1) *когда* Вы будете близ Уцвиля, т. к. вряд ли мы там долго вытерпим, ибо люди,

у кот. мы будем, – нам совсем чужие; и 2) от наших средств, кот. уже истощились, и нам надо рассчитать, чтобы доехать домой. Но мы намереваемся посягнуть на автомобиль сына нашей десятиюродной сестры и предложить ему отвезти нас к Вам. Если это состоится, то не позже 6 или 7-го, т. к. 8-го самое позднее мы должны уезжать домой.

Обнимаю!

Ваша А. М.

Не упрекните нас в жадности – мы ведь затеяли это путешествие как раз, когда Циммерман из-за кризиса* прекратил месячные взносы[1006]. Может быть это и временно – но ведь и живем мы временно. Боже, как отрадно смотреть на снежных великанов! Очень надеемся на нашу встречу. До свидания, милые!

Обнимаемю вас.

Н. М.

191

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <16.VIII.1931>

Милые и дорогие друзья!

Как ни кратко и ни мимолетно было наше свидание в Роршахе[1007], а все-таки очень хорошо, что оно было! Спасибо Вам за автомобильный эксцесс!

Нас все время гложет беспокойство, что Вас там жестоко обокрали... Пожалуйста, напишите пару слов: не навредили ли негодяи Колиным рукописям? и что именно у Вас сволокли? Я боюсь, что они Вас *раздели* – осень близится... Бедные Вы мои!

Пожалуйста, напишите!

* Немецкий крах и письмо Циммермана застали нас уже в Швейцарии. [Прим. Н. К. Метнера.]

С. В. был тут. Мы снеслись с ними письменно и телефонно и побывали у них. Собирались и они к нам, да кажется внезапно уехали. О нашем с Вами кратком и предотъездном свидании – мы на вопрос сказали.

Оба обнимаем Вас обоих. Ждем вестей. Погода плохая.

Ваш Іоаннъ Бюргенштокскій[1008]

1931.VIII.16.

Schweiz. Bürgenstock. Hotel Waldhein.

192

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<20.VIII.1931>

20 Августа 1931.

Дорогие и милые друзья!

Мы тоже себя очень благодарим за «автомобильный эксцесс», т. к. иначе причинили бы себе большой урон. Но хотели бы повидать Вас и поосновательнее и все думаем, как бы это сделать, чтобы Вас опять вытащили в Париж... Научите, *с кем* надо об этом поговорить и в каком тоне. Будем ждать на это ответа.

Жулики навестили наш дом довольно благородные и украли не очень много, но разрыли все. Боюсь, что они нас очень ругали за недостаток вещей, стòющих их работы. Рукописи целы (но в беспорядке). Это главное, что меня с ними примирило. Исчезли четыре золотых кольца, небольшие столовые часы (очень хорошие) и две новых Колиных сорочки, только что купленные. Сундук с зимними вещами и Колиными костюмами они не сумели взломать, т. к. он железный, американский с тройным запором.

Коля ни о чем не знал до той минуты, как мы вошли в дом, и он заметил, что на его столе другой порядок. А я этого не

предвидела и предполагала сказать ему это в более удобный момент, и чтобы перв~~ый же~~ое впечатление возвращения домой не было отрицательным.

Рукописи были убраны по моему поручению, ожидавшим нас здесь приезжим из Канады (Лалиберте[1009]), а белье и все прочие вещи, кот. тоже были разбросаны по всему дому, убрала Наташа Борисова (стихотворша, о которой мы Вам говорили).

Коля конечно взволновался тоже первым делом о рукописях и ему противно было, что кто-то трогал все его бумаги; но в общем он принял это посещение гораздо спокойнее, чем я думала. И был очень счастлив, что ему не сказали об этом, т. к. вся поездка сорвалась бы. А произошло это в первую же ночь после нашего отъезда, и мне тут же и написали.

Вот Вам все подробности.

Очень жаль, что погода плохая и гор вероятно не видно. Не пришлете ли нам открытку с Вашим местом?

Долго ли там просидите и куда потом лежит Ваш путь?

А мы сейчас живем не совсем так, как надо бы. Сезон съезда начался и все желают повидаться, а Коле бы сейчас работать без помехи, т. к. это его любимое время – осень.

Очень ждем хотя бы кратких вестей.

Обнимаю обоих.

Ваша А. М.

<Далее, на оставшейся свободной половинке страницы, письмо Н. К. Метнера:>

Спасибо, милые, что нас вспомнили и пожалели!

Твои жалостливые причитания так насмешили меня, что я готов жуликам простить покражу двух ночных* рубашек, из которых «полотенце вышло (б) вдруг»...

* Поэтическая вольность: рубашки были к фраку и, ложась спать, их обыкновенно не надевают. [Прим. А. М. Метнер к приписке супруга.]

У меня понемногу выколупывается другая соната (опусная сестра «романтики»), которая по-русски должна быть названа «грозовая», по-французски «orageuse», но так как я имею обыкновение пользоваться итальянским языком, а на нем – tempestosa звучит неточно (ибо уже означает бурю), то я очень прошу вас, любезные профессора, дорогие словесники и искушенные итальянцы, – помочь мне более точно окрестить мою дочь...[1010]

Очень надеюсь, что вы таки попадете в предстоящем сезоне опять во Французию. Крепко обнимаю обоих

Любящий Вас Метнерюцкій-Метнерюкъ[1011]

193

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <25.VIII.1931>

Милые и дорогие друзья!

Наши сердца полны по-прежнему сочувствия и отзвуков на Ваши беды. Знайте: никакие иронии о наших «жалостливых причитаниях» *не охлаждают нас* и *не умаляют нашего огня*!

Тому Вы найдете живые доказательства:

a) в конверте № ~~1~~2, который Вы ~~уже вскрыли~~ вскроете осторожно.

Это есть посильная попытка возместить понесенный Колей ущерб, чистое создание чистого сердца, символ непорочности и белой идеи. Да не смутит Вас интимность этого дара! Да угаснет в Ваших сердцах последний луч иронии! И не смейте злоупотреблять сим даром в качестве «полотенца»!..

b) Второе живое доказательство Вы найдете в конверте № 3, которогоый Вы ~~ещё *не* вскрыли, но вероятно вскроете~~ вскроете последним. Прочтите – и Вы

увидите, что наша жизнь доступна и открыта Вам во всех своих *интимнейших извивах*...

c) Третье живое доказательство Вы найдете в прилагаемой при сем развязной и беспомощной лингвистической справке.

Если Вы всего этого не оцените, то да присн~~и~~ятся Вам в наказание

a) Игнац Фридман
b) Поль де Кок[1012] –

во взаимной и совместной драке.

Если же Вы это оцените, то отзовитесь достойно.

В этом последнем случае наши эксцессы могут и продолжиться.

Да благословит Вас обоих Бог, а мы не виноваты.

Душевно Вас обнимаем.

Она и Он,
т. е. Они.

Августия 25.
года 1931.

В стране «щасливых швейцаров».

***Примечание**:*

Вскрыв конверт № 3, рассматривайте присланное в *строгом порядке*, читая *каждый раз* соответствующее приклеенное сбоку надписание!!

Каждое морсо[1013] пронумеровано! Всех 13.

(открытки со стихами)

~~№ 3~~[1014] ***Лингвистическая справка***

(развязная и беспомощная)

Найдено, разыскано и установлено

В силу своего этнического и естественно-климактического темперамента, итальянцы мало различают «грозу» и «бурю»;

так, что перевести на итальянский язык вступительный хор в «Жизнь за Царя» – «В бурю, во грозу» – было бы затруднительно[1015]. Грозы у них бурны и бури у них грозны. Термины же, употребляемые ими, таковы:

la tempésta – буря, гроза и даже град; и даже гром
la procella – непогода, буря, гроза
il temporale – гроза, буря
la burrasca – буря, гроза, непогода
la buféra – гром, вихрь, буря
la fólgore – молния, удар молнии
il tempaccio – непогода

От сих выражений образуются наречия:

tempestoso – бурно, неистово
burrascoso – бурно
folgorante – молниеносно, сверкательно.

А то еще есть: minaccioso – угрожающе

mostruoso, orribile, enorme, esorbitante – ужасно, чудовищно, необычайно, из ряда вон, страшенно.

Есть и еще многое другое, столь же благозвучное,
сколь неподходящее.
А если кому не нравится, то советуют написать письмо
в Итальянскую Академию Изящной Словесности,
буде ежели бы таковая существовала.

Скрепил и подтвердил: Спецъ Giovanni Iliinni.

Августия 25. года 1931.

В той же стране.

Приложение I
к письму от 25.VIII.1931
с Бюргенштока
(их обокрали, посылается «рубашка»)[1016]

Приложение II
к письму от 25.VIII.1931
с Бюргенштока

Горные стансы

Посвящается М. М.[1017]

1. Их было двое искони,
Покорных вечным звонам.
И ездили в тот год они
По горным небосклонам.

———

2. Ища от века красоты
В безмерности и в мере, –
Они достигли высоты
На сем фюникюлере...

———

3. И вдруг явились им огни
И разные народы...
И наслаждалися они
Явленьями природы!

———

4. Все рассмотрели в те поры, –
Что дальше и что ближе:
Вдали виднелись две горы
И пропасти пониже...

———

5. Весь день им пели бубенцы –
И нежны, и суровы...
То по лугам, во все концы
Лям-лямкали коровы.

———

6. И славил сам себя талант,
И находил известность:
Над бездной стоя, музыкант
Трубил на всю окрестность!

———

7. Три франка взяв в карман плаща
И деньги уплатив те, –
Они катались трепеща
То вверх, то вниз на лифте...

———

8. Раскрыла им все тайны гор
Альпийская сивилла...
И точкою влекла их взор
Рахманинова вилла...

———

9. Забрав на пристани народ,
Дымя трубой от злости,
Возил их этот пароход
На эту виллу в гости.

———

10. Но без друзей нам жизнь скучна...
Все кажется вопросом...
И их душа была мрачна
Подобно сим утесам!

———

11. Над ним вознесся горный вал
И снег виднелся даже...
А он грустил и вдаль взирал,
Жалея о покраже...

———

12. Вздохнув о жадности воров,
И сшив рубашку другу,
Она бродила средь коровъ
Задумчиво по лугу.

———

13. Но, кто любим и любит, тот
Пусть не томится всуе!
Он утешение найдет
И в нежном поцелуе...

═══

Конец.

194

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <3.IX.1931>

3 Сентября 1931.

Дорогие милые друзья, мы были сражены Вашим богатым посланием... читали, читали, перечитывали и без конца смотрели на очаровательную миниатюру. Сохраним эти дары с любовью и благодарностью.

Случайно узнала, что Вы уже не в Бюргенштоке, и посылаем письмо в надежде, что Вам его перешлют.

Пришлите адрес!

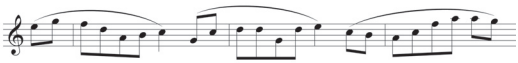
Мы бы и скорее отозвались, но уезжали к Рахманиновым.

Как только пришлете адрес, сейчас же напишу подробно, а пока крепко обнимаю.

Всей душой любящая Вас

А. Метнер.

<Далее следуют нотная (слева от подписи А. М. Метнер и словесная (ниже её подписи) приписки Н. К. Метнера:>



Метнерюцкій-Метнерюкъ[1018]

Спасибо за полотенце, филологический трактат и поэтические открытки.

Обнимаю обоих и прошу не забывать нас...

195

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <14.IX.1931>

Милые друзья!

Пишу Вам из Швейцарии с виллы Трюбов[1019], где мы живем совсем одиноко. Сами топим, убираем, готовим себе

завтрак и ужин; обедать ходим в соседний пансион. В такой обстановке мы провели день именин Наталии Николаевны (26 авг. / 8 сент.) и нашу серебряную свадьбу (27 авг. / 9 сент.). Никто не вспомнил нас; только пришло трогательное письмо от И. С. Шмелева, который всегда поздравляет Н. Н. на «Адриана и Наталию»[1020].

Здесь бывают хорошие солнечные дни; играем на воздухе в деревянные шары друг с другом («Botscha»[1021]) и жена моя коварная всегда меня обыгрывает. Солнце жарит, тишина вокруг – и я проигрываю партию за партией.

Будьте бодры и здоровы. Дней десять мы еще просидим в этом благодатном одиночестве. Потом уедем в Италию.

Ваш Катавасій Синедріоновъ

1931.IX.14.

Schweiz. Pura (Tessin) bei Dr. Trüb[1022].

196

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<19.IX.1931>

19 – IX – 1931.

Дорогие, милые друзья!

Как же могли мы писать Вам ко дню Ангела Натальи Николаевны, когда мы даже не знали, куда Вы уехали!

Мы Вам писали после Ваших чудесных посланий и просили дать нам поскорее Ваш новый адрес (т. к. Вы писали, что уезжаете), но так и не дождались. А о серебряной свадьбе Вашей мы даже и не знали и не подозревали. Но это не мешает нам теперь порадоваться из самой глубины души.

И с какой радостью провели бы мы с Вами время в Вашем «благодатном одиночестве» и тишине. И в шары бы тоже с удовольствием поиграли!

А у нас тут ни тишины, ни спокойствия – ни вокруг, ни внутри (т. е. на душе).

Не забывайте нас и любите, как мы Вас любим и помним.

Ждем вестей и адреса из Италии.

Ваша А. Метнер.

<Далее, заполняя оставшуюся свободной часть страницы, письмо Н. К. Метнера:>

Дорогие друзья!

В Адриана и Наталью конечно вспомнили Вас.

Не поздравили по причине, изложенной выше.

О серебряной свадьбе конечно не могли знать...

Поздравляем теперь и чествуем от всей души!

Не пишу по причине накопившейся горечи, всяческой горечи, подчас удушающей горечи, которую не хочу выпускать на вас, милых...

Но тем более радуюсь каждому слову, получаемому от вас...

Обнимаю крепко обоих

Любящий вас Николай Горчицынъ

197

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<23.IX.1931>***

Дорогой Коля!

Читали Ваше последнее письмо, дошедшее к нам сегодня, и потемнели душой. Видишь ли, мой дорогой, если кто-нибудь на свете нуждается в отсутствии горечи и имеет право на минимум ее – то это *ты*; не только потому, что ты милый и хороший, но потому, что в тебе Господь устроил источник ~~м~~красоты, звуковых сияний и певучих озарений. Поэтому мы всегда

испытываем всякую неудачу, или огорчение, постигающее тебя и Анюту, с особенной остротой, как несправедливость, за которую хочется подать жалобу в небесную канцелярию. Так мы и покражу восприняли. А теперь ты пишешь о горечи, а мы даже не можем и представить себе, в чем дело. Знаю, что люди ужасно человечны, так «слишком-человечны», что даже недочеловечны. Но этого мало. Надо нам знать, что̀ Вас удручает; и мы очень просим Анюту написать нам сколько только можно подробно – *в чем дело*, чтобы мы могли хоть по-сосердиться и посочувствовать. Очень просим – сделайте это, не откладывая. На что-нибудь есть же дружба, и духовное понимание, и любовь на свете?..

И будьте оба такие добрые – *никогда не ссылайтесь на незнание нашего адреса*. Я настолько заинтересован получать мою почту аккуратно, что все почтальоны получают от меня начаи[1023]; я *всегда* оставляю faire suivre[1024] и почта ~~моя~~ ко мне доходит всегда аккуратно. Если Вы напишете сейчас

Berlin-Westend. Bayern Allee 5
или Gmunden. Kaltenbrunner Str. 1
или Bürgenstock Hotel Waldheim
или Tessin. Pura bei Trüb – – – –

все, ***все***, ***все*** дойдет – и простая бандеролька, и открытка, и все. Я напр. сегодня получил открытку, написанную в *Риме* и брошенную в *Берлине* с *итальянской* маркой по адресу *Gmunden*. Трудно представить себе что-нибудь нелепее. Открытка шла три дня и сегодня я заплатил за нее 40 сантимов штрафа и слепил с нее *не* штемпелеванную итальянскую марку, которую пущу в дело.

Это Вам для *всегдашней* уверенности с моими адресами.

Конец нашему Puri-танству[1025]...

Послезавтра мы уезжаем в Италию на неделю. Увы, мало и коротко, но надеемся впитать многое. Потом 5 ~~я выс~~ октября выступаю в Базеле, 8 в Aarau[1026] и около 10 будем в Берлине.

Но Вы не считайтесь с этим – Вы знаете мой адрес: Schweiz (Suisse) Pura (Tessin) bei Trüb – и мне все перешлют.

Как я мечтаю о твоей музыке! Пиши, дорогой, пой во всю... Николаевскую, чтобы я мог слушать во всю... Ивановскую[1027]. У нас девки пели на деревне плясовичку коротенькую:

«Кум И-ван, Ми-ко-лай
Кума его Марья»
(и da capo
sempre da capo
da capo senza fine[1028]).

Отец мой задумчиво послушал и спросил:
«Он – кум-то – видно лютеранин
Иван-Миколай?» ———
Вот тебе и лютеранин...
Оба обнимаем Вас обоих[1029].

Так славь же сам себя, талант,
И находи известность!
Над бездной стой, о музыкант,
И *дуй** на всю окрестность!

А остальное, ей Богу же, приложится!
Господь да хранит тебя!

Твой отецъ Катавасій Синедриоповъ.

23 сентября 1931.
Pura

198

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<6.X.1931>***

6 октября 1931.

Дорогие друзья,

Спасибо за память! Как мы рады за Вас и как хотелось бы с Вами вместе все это видеть и пережить[1030].

* вариант: *шпарь*! [Прим. И. А. Ильина.]

Мы вообще часто подумываем, что хорошо бы нам поселиться недалеко от Вас, т. к. всю жизнь, в тяжелые ли минуты, в добрые ли – всегда первая мысль о Вас. А по почте как-то затрудняется общение и осложняется. Надо иметь для этого специальное дарование.

Будете ли проезжать Парижем? И когда?

У Коли пока выяснилось только одно выступление (здесь 27-го этого мес. по приглашению Рос. Муз. Общества[1031]), но за то с Кошицей!

Но это бы и ничего, т. к. даже счастье для его композ. работы иметь без помехи столь длительный период времени. Но с другой стороны эти же выступления дают ему больше уверенности в том, что работа его нужна. Тут же, в Париже, у него нет достаточно этой атмосферы, его подкрепляющей. Вы и представить себе не можете, какое значение имеют Ваши письма, Ваши призывы к тому, чтобы он пел! Самое реальное, самое действенное значение. И пока Вы не устанете звать его к этому – не устанет он и петь. А не знать кому поешь... пожалуй и не запоётся.

Ждем вестей о Вас, о пути и всем прочем.

P. S. <написан на первой странице вверху (текст перевёрнут)> Пока это письмо писалось – пришло известие, что концерт 27 не состоится. Дальнейшее не известно.

<Далее приписка А. М. Метнер по правому полю первой страницы:> Это письмо залежалось из-за Коли и посылаю уже в Берлин[1032].

199

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<8.X.1931>***[1033]

Дорогой друг!

Письмо Твое – отклик на мой горестный вздох – меня глубоко тронуло. Кроме того мы получили еще 2 открытки.

...Спасибо, дорогие друзья, что не забываете нас. Я не мог сейчас же отвечать, ибо и для письма необходимо некоторое равновесие, а его-то я как раз и потерял за последнее время... Я совсем не жалуюсь на свою личную чисто человеческую судьбу. Я отлично знаю, что как человек пользуюсь незаслуженным счастьем. Но я в противоположность многим не могу отождествить свою личную судьбу с судьбой идей... В деятельности моей сейчас наступила генеральная пауза – две последние сонаты не печатаются из-за германского кризиса; граммофонные диски не выходят в свет из-за английского кризиса; из-за общего кризиса я не имею на предстоящий сезон ни одного концертного приглашения[1034]. Но все это огорчает меня не лично, не материально, а идейно... И вот, если бы я кругом, хоть от кого-ниб. видел сочувствие, именно ***не****материальное* сочувствие, то это меня значительно утешило бы. Но люди твердо верят в нераздельность «идеи» от себя, своего честолюбия, интереса и проч. дряни... Кроме того я с горечью убедился, что во 1-х: наибольший успех у современного человека имеет успех, (добытый хотя бы разбоем, шарлатанством или даже существующий на самом деле только в рекламе);[1035] во 2-х что люди возненавидели власть *во всех* ее проявлениях, а так как сильнее всего она проявляется в идее, то они и возненавидели паче всего идею... Отсюда изгнание из искусства подлинного величия, подлинной красоты... Отсюда эта проклятая салонность, которая окрашивает все человеческие отношения... ...да и все их делá...

Я задыхаюсь от этой салонности. Люди общаются лишь тенями своими. Никому не нужно существо человека. Едва приходишь куда-нибудь, как чувствуешь, что от этого самого существа остался лишь желудок... Впрочем у большинства остается еще многое другое, ибо они могут танцевать, рассказывать анекдоты и даже слегка касаться якобы «существенных» вопросов, как-то: существующего ныне искусства, существующей ныне политики – словом всего явно

существующего... И вот ровно настолько, насколько существующее для меня *еще не есть* существенное, я чувствую, что то, что во мне существенно, как бы вовсе не существует для окружающих... И вот что еще ужасно: одни равнодушны к злу большевизма (и государственного и художественного) потому только, что ***им*** удалось сохранить титул, состояние... Другие если и ненавидят его, то *только* потому, что ***они*** потеряли все благодаря ему...

Никто не верит в чудо, в знамение, потому что не оглядывают целого, не оглядывают всей симфонии человеческой, а смотрят на отдельные аккорды, детали... А разве не чудо, что там, где рушат храмы, храмы эти *не* обваливаются на несчастных и неповинных узников-рабов – но за то, что у нас рушат храмы, здесь повсюду рушатся банки...

Еще раз спасибо, дорогие милые друзья, за память и сочувствие. Это единственно<е>, что меня поддерживает. А то я право иногда начинаю сомневаться в своем пути...

Крепко обнимаю обоих

Ваш Н. Метнер

<На первой странице письма, до приветствия, приписка:>

Перечитал письмо и устыдился своей нескромности, но очень уж мне трудна роль статиста, на которую я вдруг оказался обреченным в настоящее время...

200

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<10.X.1931>***

Дорогая Анна Михайловна!

Очень прошу Вас о дружеской услуге. Ввиду сложного и неясного положения дел в нашей стране, я перевел остатки сумм Рус. Кол. в Швейцарию; это было особенно важно и нужно потому, что у нас нельзя держать иностр. валюту даже и в кармане и все должны объявлять, у кого есть валю-

та, *где* и сколько. Поэтому я сделал распоряжение в Luzerner Kantonalbank, чтобы они, получив деньги, выслали мне квитанцию *не* по месту моего реального жительства, а по адресу:

France. Montmorency (Seine et Oise).
6. rue des Basserons Madame Anna Medtner

(pour Prof. I. I.).

Простите мне пожалуйста эту самовольщину! Если такой конверт придет, то не распечатывайте его, а сохраните его у себя впредь до нашего свидания. *Не* пересылайте его мне! Не опасайтесь, что его свиснут[1036] – в нем не будет ничего кроме формального уведомления, что сумма в несколько сот франков (300–400) получена и лежит на счету[1037].

Все поджидали от Вас известий и не дождались.

Пишу Вам из Базеля. Мы тут провели пять дней, из коих я 5-го окт. выступал в Базеле, а 8-го в Aarau. Через три часа уезжаем на север, ночуем в Мюнхене и 12-го будем в Берлине. Искать жилище! ох!!

Оттуда пришлю прочный адрес.

Целую Ваши ручки и обнимаю Колю. Наталия Николаевна шлет приветы.

Ваш И. И.

Адрес, откуда мне все перешлют:
Schweiz. Rheinfelden. Postlagernd.

1931.X.10.

201

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<13.X.1931>***

13 окт. 1931.

Дорогой Иван Александрович,

Сейчас получила Ваше письмо и тороплюсь Вам ответить.

Мы 8-го отправили Вам письмо в Берлин на адрес редакции на Pariserstrasse. Так как я сомневалась, не переменила ли редакция адреса, то отправила его заказным.

Конверт, о котором упоминаете, сохраню.

Будем ждать Вашего адреса.

Обнимаем обоих.

Ваша А. Метнер.

202

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру <19.XII.1931>

Дорогой Коля!

Сегодня твоеи ~~рождение~~именины, по-нашему шестое декабря[1038]. Поэтому мы сегодня особенно с Вами мыслью и чувством. Живы ли Вы? Здоровы ли? Как Вам живется? Отпишите нам все.

Нам живется средне. Квартиру пустую не нашли, посему опять в меблированной, со многими неудобствами. Наш Научный Институт (основа существования) по-видимому безнадежно закроется[1039]. Жить станет совсем трудно. Здоровье хрупковато. Работы много. Только что вернулся из Швейцарии, где говорил в Берне и два раза в Цюрихе. Атмосфера здесь[1040] неважная, сложная; вряд ли обойдется без гражданской войны...

Но мы не унываем, бодры. Все в *Его* воле, а остальное устроится.

Напишите пожалуйста о себе подробно.

В Париж не зовут, да и вряд ли позовут – ввиду кризиса. Вот это всего грустнее...

Мы оба душевно обнимаем Вас обоих. Посылаем некий дар.

Твой как всегда

Pfarrer Gottlos[1041].

Напиши непременно, чтò ты рòдил?

И легкие ли идут роды?

Адрес:
Berlin-Steglitz.
Rot[h]enburg Str.[1042] 43 Tel. Steglitz 35-64

203

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <28.XII.1931>

28 Дек. 1931.

Дорогие, милые друзья,

Шлем Вам к наступающему Новому Году пожелание, чтобы он был легче истекающего. Он был ведь очень трудный! А у нас сейчас даже особенно тяжелый момент, пожалуй самый тяжелый за весь этот год... ну, как будто вот теперь осталось переступить неимоверный порог и не знаешь: достанешь до него ногой или нет? И если и достанешь, то перешагнешь ли, да еще не провалишься ли по ту сторону его...

Ну вот нечаянно для себя впала совсем не в тот тон. Хотела ведь пожелать Вам добра, а съехала на жалобы. Впрочем – не жалобы, а самое натуральное побуждение поделиться с Вами, т. к. всегда и неизменно испытываю Вас *настоящими* друзьями. К тому же и Вы в последнем письме даже заказываете: отпишите нам все. А это было бы далеко не все, если бы я не сказала Вам о нашем трудном положении. Вся надежда только на Бога. Конечно и это не мало и это даже главное. Но Коля все-таки иногда унывает, вернее не унывает, а бурно протестует и говорит, что при таком к нему отношении ему надо бросить сочинять и заняться просто добыванием денег. К счастью, сколько бы он так не рассуждал, все равно бросить этого не сможет. Но только конечно такое кругом равнодушие действует на него так, что голос осекается и ему поётся очень трудно. Он иногда буквально задыхается...

Легкие ли идут роды – спрашиваете Вы. Очень трудные. Равнодушие – очень плохая повивальная бабка.

И все это еще в связи с плохими делами очень изнуряет его душу. Две сонаты лежат ненапечатанными и еще несколько мелких вещей «средней трудности», о которых его очень просил Циммерман[1043]. А теперь, когда все готово, от издателя ни слуху, ни духу. Он ничего не отвечает на письма.

Диски не печатаются и неизвестно, когда выйдут. Но все эти дела не так страшны, как то, что у нас нет здесь нужной для его работы атмосферы. Дела, Бог даст, наладятся когда-нибудь, а вот отрава, которая вливается в его душу, – за это я боюсь.

Если бы мы могли переехать в Берлин! Но разве сейчас это возможно?

Мы так надеялись на Ваш приезд в Париж и просто убиты тем, что это не состоится.

Очень может быть, что в конце февраля или начале марта состоится концерт из Колиных сочинений, устраиваемый Рус. Муз. Обществом[1044]. Коля уже дал согласие. Если состоится, то приедет Макушина[1045] петь. Когда будет решено, напишу опять.

<Окончание на первой странице письма (текст перевёрнут):>

Обнимаю Вас обоих.

Всей душой Ваша А. М.

204

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<28.XII.1931>***[1046]

Дорогой друг!

Шлю Тебе и дорогой Наталье Николаевне самый горячий привет к Новому году и к нашему русскому Рождеству!

Спасибо Тебе за чудесный подарочек! Какая трогательная деревяшечка! Ведь я большой поклонник этой породы существ, т. е. деревьев... Люблю не только их выразительную красоту, но и их целомудренное молчание и еще то, что у них

есть корни, обусловливающие их существование, их неизменную связь с землей и неукоснительное устремление к небу...

Сейчас все *ждут* какой-то катастрофы, какого-то всемирного потопа и мало кто понимает, что всемирный потоп культуры уже давно захлестнул нас, что вся наша деятельность есть ничто иное, как барахтанье в волнах этого потопа. Надо молить Бога, чтобы Он усмирил эти волны. Надо надеяться на это. Но *только* надеяться на это не достаточно – через нас послан потоп, через нас он должен быть и усмирен... Потоп это то, что ***все*** заговорили, да еще заговорили в громкоговорители. Потоп это то, что мир превратился в плантацию сорных трав. О, если бы виноваты были только одни большевики! Разве все мы, за чертой их поганого владычества, не даем им в руки козырей тем, что с каждым часом все более утрачиваем содержание и смысл нашей культуры. Они-диаволы все время действуют во имя своей диавольской идеи! А разве у нас еще есть какие-нибудь идеи? У них есть и вожди, а где они у нас? У нас голоса вождей заглушены всеобщим гомоном. В нашей культуре уже давно уничтожено чувство ранга и воцарился коммунизм. А над идеями все открыто смеются, именно над *идеями*, потому что правда их стало так много (и назначение их свелось к тому же), как различных патентованных кремов, румян и губных помад... Не скрою от Тебя, что иногда у меня подымается дикая и какая-то чисто *пролетарская* злоба на подавляющее большинство современных деятелей культуры, никогда не бывавших в тех шахтах, где добывается настоящая руда культуры, – деятелей культуры никогда не принесших *никаких* жертв на ее алтарь...

Пишу Тебе все это во-первых потому, чтобы поклониться Тебе, одному из вождей наших, за Твою борьбу с волнами потопа... (Мы читали[1047] о Твоих успехах в Цюрихе и радовались). Еще, спасибо за фельетоны в Возрождении[1048]! Они здесь имели большой успех.

И еще вот почему я так разглагольствовался: один из весьма видных современных «Культуртрегеров», сукин сын Эмиль

Людвиг[1049], пишущий ***обо всем***, другими словами пускающий свой талантишко во всякие оборотные предприятия, как-то: «Гете», «Наполеон» и проч., решил попробовать пустить его еще в предприятие «Сталин и *Ко*». Он уже читал в Цюрихе лекцию о современных вождях и назвал Сталина вторым после Мус<с>олини вождем, за что ныне большевики с триумфом принимают его в Московском Кремле...

Картина поистине жуткая – разбойники на большой дороге, проходимцы, завладевшие престолом наших царей, среди святынь нашей родины, будут чествовать берлинского коммивояжёра от культуры за то, что он рекламирует их за границей!.. Он конечно по возвращении домой напишет книгу о Сталине и большевиках. И конечно так же как Берн. Шоу, Ромен Роллан и прочая сволочь будет восхвалять их царство. Ведь это так легко, будучи независимым человеком и сидя в мягких креслах своего кабинета...

Так вот прошу Тебя – не премини как-нибудь хлестнуть этого негодяя и сказать ему, что для того, чтобы иметь право говорить о теперешней России, честный исследователь должен был бы совершить поездку туда incognito, а что при подобной обстановке да еще с заранее данной Сталину взяткой поездка его не дает ему, подлому трусу, никакого права говорить о настоящем положении России...

До свидания, дорогой мой! О себе ничего не пишу, ибо нечего...

Кланяюсь низко Наталии Ник.

Прошу не забывать нас.

Твой Н. Метнер

<Приписка по левому полю последней страницы:>

Одновременно посылаю Тебе изображение Храма Христа Спасителя. Снаружи и внутри. Последнее – снимок с картины Верещагина, единственного изображ. внутренности храма[1050].

1932[1051]

205

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <29.II.1932>

29 февр. 1932 г.

Дорогие друзья, не имели на наши последние письма ответа и думаем, не пропали ли они.

Не уверены, тот же ли Ваш адрес, и потому пишу всего два слова, чтобы сказать, что мы проезжаем через Берлин в Ригу. Поезд наш остановится на Friedrichstrasse[1052] 5-го марта в 6 ч. 15 <мин.> и где мы там будем садиться для отправки в Ригу, не знаю, но там более часу времени.

Были бы *счастливы* увидеть Вас обоих или хоть одного из Вас, если кому из Вас нельзя.

Обнимаем.

Ваши Метнер.

206

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <2.III.1932>

2 марта 1932.

Дорогие друзья, если до Вас дошла по этому адресу моя записочка, извещающая о нашем проезде через Берлин

5-го вечером, то надеюсь, что дойдет и эта, извещающая об отмене. Боюсь только, не запоздала бы она и я только напрасно потревожила Вас и чего доброго напрасно проедетесь на вокзал.

Тороплюсь и потому не пишу подробно. Поездка может еще и состояться, но лишь в Апреле. А мы уж и билеты купили и даже спальные места до самой Риги и вдруг телеграмма, что не все концерты удалось наладить и стоп!

Пожалуй мы и плацкарты потеряем.

Очень огорчены, что свидание с Вами (хоть и краткое) сорвалось. Но надеемся, что только отстрочилось.

Завтра здесь концерт[1053] и уже даже предварительно чувствуем, как тяжко, что Вас нет.

Обнимаю.

Ваша А. М.

<Приписка на первой странице письма, до приветствия (текст перевёрнут):>

На наши последние письма не имели ответа.

207

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<3.III.1932>***

1932. 3 марта

Дорогие друзья!

Только что получили Ваше письмо, спасибо. Я вот уже два месяца болен – началось с гриппа, грипп спустился и у меня опять как в 1916 и 1924 году катарр легочной верхушки. Поэтому я, увы, приехать к Вам на вокзал не могу; а Наталия Николаевна собирается.

Надеюсь, концерт 3 марта, т. е. сегодня, сойдет хорошо; вот мы опять пропусткаем Колины выступления... Надеюсь

еще, что Возрождение поместило мой фельетон[1054] о Музыке Метнера; я просил поместить его *до* концерта (конечно).

До свиданья! Когда?! Где?!

Ваш ИАИльинъ

<Сверху письма, на оставленном свободным месте, приписка:>

Вы приедете на Bahnhof Friedrichstrasse на Fernbahnsteig[1055]; он *один*, другого нет; с *этого* же Fernbahnsteig отходит поезд и в Ригу; на него приедет и Нат. Ник.

208

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <5.III.1932>

5 – III – 32.

Дорогие друзья,

Сейчас пришло письмо Ивана Александровича, извещающее о том, что Наталья Николаевна сегодня вечером будет нас встречать на вокзале. Я в ужасе, что мое второе письмо может быть еще не дошло и она бедная напрасно поедет... Судя по тому, что Вы рассчитывали застать нас Вашим письмом от 3-го еще здесь, тогда как мы должны были бы выехать уже вчера, Вы значит думали, что письма доставляются на другой же день. Мое второе (о том, что не едем) послано 2-го (за три дня) и значит во всяком случае должно было дойти вовремя. Но я все-таки очень беспокоюсь, не запоздало бы оно.

Мы глубочайше огорчены Вашим нездоровьем, дорогой Иван Александрович. Кто Вас там лечит? Хороший ли врач? Теплая ли квартира?

Мы ведь может быть все-таки поедем в апреле и если только будет какая-ниб. возможность, то непременно остановимся хоть на два дня в Берлине, чтобы повидать Вас. И на этот раз это будет нам известно заранее, а значит и Вам.

Ваша статья была накануне концерта и разумеется имела *на многих* влияние. Ведь кто же еще так говорит о Колиной музыке? Кто же еще не боится слов самого полного веса? У кого нет *никакого* расчёта? ~~Тут~~ вообще у каждого ~~кой~~ая-то боязнь про такого не очень прославившегося говорить на все сто, сейчас ведь всё[1056] на количество! Вы единственный! ~~Не удивляйтесь~~

У нас за эти годы очень много было моментов, когда мы изумлялись на людей, а теперь уже и не изумляемся, а только знаем, что людей независимых, до конца благородных и умеющих видеть, принимать и любить безрасчетно почти что нет. И только самый концерт, общение непосредственное и то, *как* принималась эта музыка – это дало Коле самое полное удовлетворение.

Но ведь это тут впервые и вообще это так редко! Коле же совершенно необходимо постоянное обновление этой уверенности, что его музыка нужна. И никто на свете не дает ему этого так, как вы оба... ~~Правду.~~[1057]

Общение же напр. с ближайшим *здесь* человеком – Львом Эдуардовичем[1058] – давало только отрицательные переживания. В беседах серьезных его главной темой обыкновенно является тема его самостоятельности и защиты *своего* мнения, а не *того*, *о чем* говорят, и самое ужасное и расхолаживающее это то, что произошло это у него по отношению к Коле (с другими он не такой!), как протест и бунт за свое долголетнее подчинение, и несет в себе (все это проявление его) довольно неприятный личный характер. Много лет тому назад, когда они сблизились в Москве, Л. Э. был ярым скрябинистом и говорил совершенно такие же неустойчивые вещи, как и Скрябин, и только постепенно он преобразовался и принял все Колины позиции. Но раньше он был непосредственнее и искренно и просто полюбил и Колю и его музыку и все то, что говорил Коля. Последние же годы появилась у него какая-то профессорская амбиция, несвойственная ему, и он (бессозна-

тельно, т. к. он вряд ли домыслил это) уверен, что всегда так было, и теперь преподносит Коле, с некоторым даже вызовом в тоне, вещи, кот. уже давно и сотни раз говорил ему Коля. Больше того, даже особенные упражнения для ф. п. техники, выдуманные Колей, Лев теперь показывает ему как свое изобретение и забывает, что в Москве Коля ему иногда часами показывал, как надо упражняться или учить как.-ниб. вещь.

Но все бы это ничего и не важно, *откуда* он что приобрел, но ужасно то, что когда Коля ему что-ниб. показывает из своих сочинений, то всегда чувствует эту же стену, что и при разговоре, и это его всегда парализует. Понятно, что, будучи несамостоятелен, он под влиянием совершенно необыкновенного отношения к Колиной музыке на концерте (вопили и до начала и после, а слушали не шелохнувшись, как заколдованные), тут нашел более важные слова. А может быть это чтобы не отстать от других. Но повысил он это с своего обычного теперь «чудесная пьеса» (а то и просто – «хорошая») на «великолепно» и «были даже гениальные места»... И это после сонаты (Грозовой), кот. вообще из одного и неразложимого «места»[1059].

Когда в прошлом сезоне Сергей Васильевич играл свой 4 концерт, кот. совсем не то, что 2-ой, то Лев Эдуардович бежал в артистическую с воспаленным лицом и вопил – «архигениально» – т. к. даже гениально без архи ему казалось мало для такого Рахманинова, пожинающего такие крупные лавры. При этом к ногам Рахманинова привел его тоже Коля, т. к. Л. Э. просто презирал его как композитора (когда он писал 2 и 3 концерты) и стал признавать его теперь, когда он стал хуже писать и когда у него просто нет тем, но он прославлен. А т. к. Л. Э. конечно как хороший музыкант все это понимает, то и ясно, что вся эта стена является следствием его бунта. Когда Коля начинает о чем-ниб. высказывать свои размышления, то у Л. Э. большей частью появляется выражение, что он и сам все это давно знает. Ну, и конечно, Коля застывает. И мы проводим время в игре в карты или в анекдотах.

Общение с Рахманиновым тоже по-настоящему отсутствует. Я Вам об этом уже рассказывала. Он даже просто никогда не интересуется тем, что̀ Коля делает. А беседа? Он беседует *с другими при* Коле и одни мы там никогда не бываем.

Вы оба вероятно удивляетесь, к чему это я так пространно все это расписываю? Вот к чему: думаю, что так жить долго нельзя. Нам необходимо жить где-нибудь так, чтобы встречаться с Вами хотя бы раз в месяц. Пока это еще никак не определяется в моей голове, т. к. переехать в Берлин мы не можем. У нас на это не хватит просто средств и надо ждать крупного заработка. А когда? Неизвестно.

Хотелось пока поделиться с Вами этими мыслями и узнать, как вы оба к этому относитесь. Такое чувство, что если поделиться этим, то и исполнить будет легче. А к будущему году может быть и положение в Германии станет лучше.

Ждем от Вас с нетерпением вестей и главное о здоровье.

Мы оба Вас обоих обнимаем и очень любим.

Ваша А. Метнер.

209

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<8.III.1932>***

8 Марта 1932

Дорогой друг мой!

Во-первых низко кланяюсь Тебе за Твою статью о моей музыке!

Спасибо Тебе за то, что Ты по-прежнему продолжаешь ее чувствовать, и за то, что помогаешь и другим в этом...

Только одно меня смущает – это когда Ты упоминаешь о моем «Богосозерцании». Конечно без Бога не может быть ничего положительного на земле, а стало быть и положительного искусства и об этом, разумеется, следует говорить, как можно чаще, но не иначе, как о том, что солнце необходимо *всем*

цветам, а не только некоторым... Без Бога, по-моему, не может быть ни одной темы, ибо все темы идут к нам из Божьего мира, а мир этот остается нам невидимым, покуда мы не выходим, не хотим выходить из своей индивидуальной душевной каморки... Пророк Пушкина конечно Пророк и потому бесконечно больше чем просто художник, но я не сомневаюсь, что Пушкин рассказал нам о нем из своего *художественного* опыта, т. е. все «прикосновения» и «отверзания» он пережил, как художник...

Дорогой мой, что же Ты это все хвораешь? Достаточно ли Ты бережешь себя и лечишься? Как протекает Твоя деятельность?

Напиши нам поподробнее, как Вы оба живете?.. Я должен бросить письмо, т. к. уже задержал Анюточкино на три дня. Она не показала мне своего письма – боюсь, что жалуется на всякие психологические туманы, от которых, правда, бывает иногда трудновато, но отделаться от которых можно только заклинательным молчанием...

Обнимаю вас обоих дорогих с любовью.

Ваш Н. М.

<Приписка Н. К. Метнера по левому полю второй страницы письма:>

Получил ли мое письмо с Храмом Христа Спас<ителя?>

210

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <9.III.1932>

1932. Марта. 9.
Адрес: Berlin-Steglitz
Rotenburg Str. 43 bei Bescht

Милостивые Государи!

Покорнейше прошу Вас исправить в моей статье нижеследующие досадные опечатки типографического происхождения:

1) во *втором* столбце
напечатано «двухтем***n***ным»
надо «двухтемным».
2) в пятом столбце
напечатано «джаз-бандизм»
надо «джаз-*бандитизм*».

О мелких опечатках умалчиваю.

Вы не поинтересовались написать нам о концерте. Это Ваше дело. Насилу мил не будешь! Однако, ввиду того, что доктор велит мне беречь силы и не волноваться, я счел необходимым после тщетных попыток вычеркнуть Вас из *сердца*, вычеркнуть Вас из моей *печенки*, что и удостоверяю *рентгеновским* снимком <далее идут два «детских» рисунка>:

моя печенка	мое сердце
<изображена окружность, внутри которой два человечка – очевидно, чета Метнеров; оба перечёркнуты>	<изображен контур сердца, внутри которого тоже два человечка, но меньшего размера>
В ней Вы вычеркнуты.	В нем Вы еще остались, но маленькие и непохожие.

Все письма Ваши к нам дошли. А я болен и мне писать трудно. Amusez vous; et oubliez nous[1060]!

Статью мою в Возрождении, за которую я получил нарочитые благодарности из Парижа, Рима, Мюнхена и Берлина от неспециалистов музыкантов, – беру *на зад*.

Бывший Ваш
Іоаннъ Туберкулезный

211

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<11.III.1932>***

Мартобрь 11 1932.

Немилостивый* государь наш
и друг наш нелюбезный* Иване!

Письмо Твое с рентгеновскими снимками получили купно со всеми репримандами[1061] и нагоняями. Письмо это (как и все Твои письма), являя собой весьма яркую картину тех пертурбаций, которым подвергаемся мы в Твоем воображении, сердце и даже печенке, не имеет ни единого намека на то, что обыкновенно называется *ответом* на письмо. Для нас остается абсолютно неясным:

1) Получил ли Ты наше письмо со влож. снимков Храма Х. С.

2) Получил ли Ты предупреждение Анюточки об отстрочке нашего Балтийского Турнэ и, следовательно, не ездила ли нас встречать дорогая Наталья Николаевна? И наконец

3) Успел ли Ты уже получить наше письмо после моего концерта?

Вот и Тебе наш реприманд!

А засим решительно заявляю, что ни на (какой) зад статьи Твоей в Возрожд. я Тебе не отдам, а также и забывать вас (вопреки Твоему пожеланию) не намерен... Punctum[1062]!

До свидания, милые наши дорогие, ехидные друзья!!

Отвечайте же на письма!

Будьте здоровы во чтобы то ни стало!

Любящий вас крепко Н. М.

---

* то бишь к нам, но не сердцу нашему... [Прим. Н. К. Метнера. Сразу к двум словам.]

212

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<11.III.1932>***

11 марта 1932.

Дорогой друг!

Сейчас подали Ваше письмо с ужасными внутренностями и я тороплюсь сказать Вам, что ни за что на свете не хотела бы быть изгнанной (и за Колю и за себя) не только из сердца Вашего, но даже из печенки!

Боюсь, что посланное мною после концерта письмо* не достаточно подробно описывает концерт и Вы пожалуй будете недовольны. Я сознаю, что если кому и обязана давать подробные отчеты, то именно Вам, но не хватает способностей. Ну, как передать главное, т. е. *как* Коля играл и *как* народ воспринимал? Внешне концерт прошел так, как мы ~~себе~~ и не надеялись, т. к. у нас было убеждение, что Колина музыка пришлась здесь не ко двору. Зал небольшой[1063] (600 – 700 чел.) и потому конечно был наполнен. Коля уже накануне и в день и перед самым началом так волновался, как еще никогда в жизни. У него было такое чувство, что ему надо брать враждебную крепость. Но когда люди взорвались (завопили!) только при одном его появлении, то стало ясно, что его ждали. Слушали так, как редко бывает, – тишина не мертвая, а живая...

Очень много играл по требованию и был сам счастлив. Но плохо ли, хорошо ли, – Вас всегда недостает!

А о благодарностях, полученных Вами за статью, нечего нам рассказывать в назидание: мы больше чем все другие знаем цену всему что Вы говорите и *никакой* нашей благо-

* Кажется 8-го и потому думаю, что Вы же не могли ~~еще~~ уже получить его и послать в ответ такое злое письмо... [Прим. А. М. Метнер. Её письмо от 5-го марта действительно было отправлено лишь 8-го, вместе с письмом Н. К. Метнера. Письмо И. А. Ильина написано 9-го.]

дарности не хватит. Я считаю, что Вы просто огромную часть тяжести, возложенной на Колины плечи, помогаете ему нести и любовью Вашей (самой зрячей и требовательной) и словами, которыми прожигаете других и отверзаете им уши.

А любим мы Вас обоих так, что все Ваши гадости, которые Вы нам (один! без Натальи Николаевны!) говорите, – прощаем и даже готовы слушать таковые (если Вы иначе не можете), лишь бы Вы не замолкали на месяцы, как это с Вами бывает.

Завтра вышлю Вам программку и критики, с просьбой вернуть их (т. е. критики) обратно или хотя бы сохранить до нашего проезда.

Всем сердцем и всей печенкой любящая Вас

А. Метнер.

213

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <18.III.1932>

Милые и дорогие друзья, Коля и Анюта!

Спасибо Вам за *все*. За письма и за присылку. Мы все получили. Своевременно – Храм Спасителя; очень это нас тронуло[1064]. А не ответил я сразу – во-первых по болезни и перегруженности, а во-вторых в силу того глупого и эгоистического чувства, что «я дескать все получил, а мои ответные чувства сами собою подразумеваются»...

Теперь мы получили: лжепроезд[1065] и сейчас за ним его отмену. Наталия Николаевна не ездила. Затем очень долго ждал я отклика на мой «клеветон» про Колину музыку. От нетерпения сердился; от сердцов (сердятся ведь печенкой) совершил операцию «вычеркивания» и послал Вам рентгеновский снимок. Потом получили первое письмо после концерта; потом противопеченочное письмо; и наконец программу с портретом и надписью (факсимиле с древней гравюры). Портрет

сохраню: мои внуки продадут его через 60 лет за 20.000 долларов. Портрет хорош, немного суров и каменен, но похож, выражение знакомое, стилен, со вкусом. Кто этот Милкин[1066]? Не ученик ли Сорина[1067] (по стилю?).

Читал программу концерта и подсчитывал свои «убитки» – (ибо убытки всегда убивают)... Гимны труду (якобы «мои»)... Когда же я их услышу? Четыре сказки – увы мне бедному... Грозовая – расшиби ты меня громом! Дифирамбический... Новелла... И сказки – последние особенно[1068]! Да еще неизвестные бисы и бисовы батьки[1069]! Piano Erard – не знаю, хорошо ли это? На Раю Гарбузову мне наплевать*.

Не считаюя Эрара и Гарбузовой[1070] – сплошшшшшные убитки!

Однако все это очень серьезно. Анюта права: нам нелепо и бессмысленно жить в разных европейских столицах. Зачем? Когда сказано в писании: Давид и Саул. Впрочем я сейчас перечитал в Книге Царств – и увидел, что этот образ никуда не годится. Саул был скот: завидовал Давиду и все в него копьем бросал и на его жизнь покушался[1071]. А я свободен от зависти и если огорчаю тебя, Коля мой, то только потому, что я сам очень empfindlich[1072]. И каждый раз, как нагрублю тебе (ну – там – из печенки вычеркну или что-нибудь еще – впрочем я Вас обоих опять вчеркнул в печенку!) – так горько раскаиваюсь и говорю: «так я больше никогда не буду»!...

Жить нам за тысячу верст – нелепо до непростительности! Мы с тобой, Коля, друг другу доводимся от Господа Бога подкинутые младенцы. И должны, призваны делать друг другу «шпитательный[1073] дом». А вместо этого мы как две посторонние мыши – дуемся на разные крȕпы: ты на французскую, а я на немецкую... А как быть??! Знаю одно: как поедете Вы в апреле <в> Ригу, так отсчитайте на нас два дня. И мы всё друг другу расскажем.

* Гарбузова на обороте! [Прим. И. А. Ильина.]

Мне особенно хотелось знать, понравились ли Коле мои пассусы[1074] о «джаз-бан*дити*зме», «семейных дрязгах в оркестре» и «валянии во всех тонах сразу». Это у меня все (и многое другое) записано в концерте, при слушании «Соловьев» стравинского[1075] – он их там 666 соловьев сразу растравил, а потом стравил и друг на друга натравил. 666 – число звериное из апокалипсиса. Не «соловей» – а, извините пожалуйста, – музыкальная экзема, ~~харкоти<на>~~ и чахотка: «плюва̀ет и харка̀ет вокруг себэ музыкальную мокроту̀»... Из этих «свежих впечатлений» стравленной соловьиности я и заимствовал кое-что.

Читали мы рецензии. Де-Кок[1076] слаб, как всегда. Все жилится, кряхтит, хочет ка~~кой~~ую-то мудрость из себя выжать – а выходит «декокт»[1077]. И непременно какую-нибудь махровую, каурую, караковую[1078] глупость отпустит. Так, что вокруг все лопухи ахают и вянут. Сабанеев[1079] трупен и *совершенно* лишен *главного о̀ргана*; всем его словам место в крематории. Впрочем я был польщен, узнав, что я принадлежал в Москве к «интеллектуальной верхушке» общества. Прочтя это, я лежал весь день с глупой улыбкой на роже. О «споре Метнера с современностью» – все глупо. О Брамсе этот вздор мне невыносим. При чем <тут> Шуман и Шуберт, мне тоже не ясно. Это совершенно беспредметные схемы, по которым ползает бескрылый и мокрохвостый Собакеев[1080]. Глупее всего Декокская и Собакеевская выдумка, что *сказки* Колины – это «*музыка о музыке*». Идиоты! Сапожники! Это ***их*** писания – размазня о размазне.

Двухтем***п***ность – *ей Богу*, гнусная опечатка! Надеюсь – Вы это сразу поняли.

Здоровье мое неважно. Катарр верхушек, каждый день температура, кислота, сиденье дома, убытки в смысле заработка и выкручивание из себя денього-добывательских писаний. Март и апрель просидим тут. К 1 мая уедем лечиться. К югу, в солнце и безветрие. Господи! Как хорошо было бы нам –

хоть несколько недель вместе пожить! В природе и тишине!! Подумайте только, глупые Вы эдакие!!

Материализм наш[1081] очень проблематичен и скуден. Но у меня всегда бывало так в жизни – в критический час я протягивал руку к Господу и откуда-то (от Него, понятно!) шла помощь. Наверное будет так и теперь.

Милые и хорошие! Я на этом кончаю, и Вы мне простите, что задержал это письмо: сил мало, а ездят на мне *слишком* много.

Посылаю Вильгельму Циммерману: две рецензии[1082] и мой клеветон. Платит ли он Вам?

Оба Вас обоих целуем и обнимаем.

Ваш Iwan le sot[1083].

1932.III.18.

Всё там же.

Запишите наш телефон:

Steglitz 35-64.

Циммерману послал: 2 рецензии, мой фельетон и № Колокола с моей статьей. Запрашиваю его, в каком журнале можно было бы напечатать мою статью по-немецки?

Еще раз спасибо Вам за милые и хорошие письма! Я в *новогоднем* письме особенно принял к сердцу каждое слово – но надо *говорить* об этом – не напишешь!

<Слева от последних двух, на левом поле страницы, ещё одна приписка:>

Детали о моем состоянии: хрипы в правой верхушке; температура утром 37.–37.2; поздно днем 37.2–37.5. Вес хороший. Откармливают. Одежды не застегиваются. Словом – не «ребенок», а «жир-ребенок», но *воспаленный жирребенок*.

214

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <27.III.1932>

Прошу серьезно ознакомиться
с прилагаемым проспектом[1084] и принять по нему определенное решение!

Милые и дорогие друзья!

Разбудоражили Вы наши души этими двумя идеями:

1) идеей Вашего проезда в Ригу и остановки в Берлине на пару дней
2) идеей какого-то в будущем (пусть неизвестно где, когда и как) нашего рядомжительства...

Так все теперь ходишь и в душе эти две идеи катаешь-перекатываешь. А Вы тоже катайте-перекатывайте, а то я по свойственной мне грубости и дикости моих нравов опять Вас откуда-нибудь «вычеркну». Нащотъ первого пункта ждем от Вас скорого известия; а при свидании хотим говорить с Вами нащотъ[1085] второго пункта. Да здравствует жизненный контрапункт! (но не механический, à la Танеев, а органический à la Предметнер!..[1086]).

Переправил Вам и Циммерману рецензии. Запросил Циммермана о количестве и цене продаваемых им Колиных «забавных мȕзик».

И получил от него галантный ответ, что имеющиеся у него в издательстве Колины «забавные мȕзики» он согласен и рад мне преподнести безмездно. «Da Sie mir als langjähriger Freund und Verehrer und soweit es in Ihrer Kraft steht auch als Propagandist gut bekannt sind, ist es mir ein Vergnügen, die Ihnen noch fehlenden Werke Medtner meines Verlages unentgeltlich zur Verfügung zu stellen [(*нем.*) Поскольку Вы мне хорошо известны как давний друг и почитатель <Метнера>, а также как, насколько это в ваших силах, его пропагандист, я с удовольствием безвозмездно предоставляю вам недостающие сочинения Метнера, вышедшие

в моём издательстве]». При сем прислал мне свои каталожства, по коим я и выписываю себе:

opus'ы: 41. 42. 44<.> 46. 47. 48. 50. 51. 52.

Чему и радовался целый день, как дурак. Надеюсь найти в них «вправду что-то дельное». Тогда напишу Леониду Давидовичу и, может быть, мы с ним что-нибудь «сиграем»[1087].

Про ре*цен*зии Циммерман пишет:

«aus *den*en ich zu meiner Freude ersehe, dass das Konzert einen wirklich starken Erfolg hatte»[1088].

А про мой запрос, где я мог бы напечататься по-немецки о Колиных «забавных мȕзиках» – указал мне на «Die Musik»; или же, если Колю за его фамилию и отчество <причислять> к немцам – как «letzten Endes kein reiner Russe»[1089] – то на «Allgemeine Musik-Zeitung». Следовательно я и не подумаю думать об «Allgemeine Musik-Zeitung». У человека его «letztes Ende»[1090] ~~на~~ не на земле, а в его творческих небесах; а кто «rein», и кто Крейн[1091] – судить не Циммерману.

Ю-лий Ген-рих Циммер-ман,
Цим-мер-ман
Цим-мерман
Не вводи меня в обман,
да, в обман, да[1092]!

<Этим заканчивается вторая страница письма, но на оставшемся сверху её обширном свободном месте продолжено (текст перевёрнут):>

Окончание цыдули[1093]:

Вот и все пока. Ждем вестей.

Милый Коля! 28 марта, т. е. 10 апреля, *мое рожденье*! И ты мне подари подарок! Пож-ж-жалуйста! Ради Бога!

Восстанови мне *Цыдулю*!! Она погибает *там* и я боюсь, что погибнет. А словесный текст – я прилагаю.

Еще Вас всемерно и всецело обнимаем.

Ваш всей душою

1932.III.27. Баронъ Остерцунге.

<Приложение:>

Цыдуля[1094]

Остерцунге, милый друг,
Шлю я Вам цыдулю,
Коей лишь хочу дать знак,
Что здоров мой эстомак,
Что и стул, и стол в порядке,
Так, что ем я без оглядки;
И субботний мой досуг
Я уж не зажулю.

фонъ-Пузенкампфъ
(в отставке)

215

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.IV.1932>***[1095]

Дорогой друг!

Спасибо Тебе за веселое Твое письмо, которое, как и всегда, так живо, что, читая его, мы слышали, как Ты напеваешь, притоптываешь, словом мы имели полную иллюзию Твоего присутствия и хохотали от души...

Еще спасибо Тебе за Твой последний фельетон в Возрождении[1096]. Гневные удары его по нашим общим заклятым врагам своей точной меткостью в отношении к цели и беспартийной объективностью исходной точки действуют наподобие грома – они падают ни справа, ни слева, ни из-за угла, а *сверху*... Но, Боже мой, если бы только *все* понимали, что́ значит это *сверху*! А то ведь большинство при одном слове *верх* смотрят на того, кто его произнес, с тупой, нетерпеливой, недоверчивой злобой – одни потому что не предполагают никакого верха, другие же хотя и допускают это измерение само по себе, но не верят в возможность ~~объективности~~ становления на точку этого измерения находящихся *внизу*... Аэроплан – это другое

дело, это всем понятно, это машина, она *все* может! А что мысль человека, даже самого грешного, из последней глубины пропасти, гонимая страданием, как пар огнем, может иногда подниматься и видеть *сверху* тот *низ*, откуда поднялась – это для большинства кажется *только* поэтической схемой... Прости, дорогой, что я заныл в ответ на Твою мужественную статью... Она-то возымеет свое действие – нам уже многие выражали свое восхищение ею. Политические дела, которым она посвящена, касаются и *шкуры*. Шкурное же страдание для большинства является более реальным огнем, заставляющим *воспарить* мысль... Но есть на свете одно такое государство без *видимых* границ (но несомненно *казалось бы* их иметь долженствующее), в котором вот уже более тридцати лет взяли верх, взлетев на аэроплане, такие же диаволы-авантюристы, как наши большевики... от государства этого уже давно ничего не осталось кроме исторического прошлого. Там давно уже провозглашен интернационал в смысле отрицания национального патриотизма, священности национальных *границ*... Там уже давно процветает самая подлая демагогия. Там давно уже вошел в силу тот «единый фронт», о котором Ты говоришь. И вот более тридцати лет, как я с тревогой наблюдаю среди своих сограждан «*частичное единомыслие*» и «*мелкое соглашение*»[1097], постепенное создавшееющее этот единый фронт.

Самое ужасное то, что внешне в этом государстве все обстоит благополучно. Деторождаемость побила всякие рекорды! Дети эти вислоухие, правда, но шкура у них прездоровая!.. И вообще шкурный вопрос поставлен первым параграфом в *новых* законах этого государства. Все же остальные параграфы посвящаются исключительно *отрицанию* прежних законов... Вислоухим детям сначала дается некоторое понятие о прежних законах, но лишь в виде примера того, чего они под страхом смерти *не* должны ~~делать~~ исполнять...

Итак, ввиду того, что у граждан этого государства шкура обеспечена, а другие государства не склонны вмешиваться

в чужие дела, то и не знаешь, к кому апеллировать, ибо кругом преобладает «частичное единомыслие» и «мелкое соглашение»...

Вот я на старости лет и задумал собирать свои вопли об утерянной гармонии...

Устал писать! И к тому же *сверху* вдруг неожиданно грянул ливень и град с громом и все мои вопли представились мне, как жидкие сопли!..

Обнимаю вас обоих, милые друзья... К рождению грозного Ивана напишу...

Ваш сопливый нытик Н. М.

216

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.IV.1932>***

1–IV–32.

Дорогие, милые друзья!

«Катаем и перекатываем»... не очень бы только затянулось это перекатывание.

На днях будем писать подробно, а сейчас я только хотела спросить, как Коля должен «восстановить цыдулю»? Музыку что ли написать, которая к ней была?

Коля никак не может сообразить, что он с ней должен сделать. Говорю ему, что музыку написать, а он затылок почесывает...

Вам может непонятно, про какое собирание своих воплей он говорит? А это все мысли его, которые я за эти (еще с Москвы) годы собирала (его же записки или мои с его речей) и он их теперь просматривает и дополняет и может что-то и выйдет из этого[1098]. Но он и не касается музыки, а сделался литератором или уж не знаю, как это назвать. Не опасно ли это?

Обнимаю обоих!

Ваша А. М.

217

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.IV.1932>***[1099]

Hernn Prof.
Dr. I. Iljin
Berlin-Steglitz.
Rotenburg Str. 43
Allemagne.

Дорогой друг!

Мариэтта Шагинян написала текст для оперы, который прислан мне с заказом от Наркомпросса – написать музыку к 1-му Января за вознаграждение 1200 долларов. Конечно я не успел еще просмотреть этого текста, но, зная талантливость Мариэтты и с другой стороны весьма нуждаясь в деньгах, боюсь соблазна и колебаний... Очень прошу написать поскорее свое мнение, т. е. допускаешь ли Ты подобную задачу принципиально. Текст как будто не политический...

Жду ответа. Сегодня уже отправили вам письмо. Обнимаю обоих.

Ваш Метнерюкъ.

218

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<между 2 и 4.IV.1932>***[1100]

Дорогой мой!

Спасибо Вам за письма! Отвечаю немедленно по получении, чтобы высказаться о Мариэтте.

По моему мнению принимать ее заказ не следует *ни принципиально*, *ни практически.*

А. Принципиально.

Такой заказ делается мерзавцами с *мерзкими целями* (что подтверждается уже самою *суммою* «обещаемого» гонорара).

Что они мерзавцы, злодеи и пошляки – не стòит доказывать. Цель ихних заказов *всегда* тенденциозно-растлительная – они хотят создавать *мерзкую литературу* и *мерзкое искусство* для своегоих агитпропных целей (пролетарско-революционно-безбожноеая декламация). *Немерзкого* им совсем не нужно.

Если «талантливая» Мариэтта (к ***черту талант!***) нагвоздала ~~что~~какой-нибудь *не* большевицкий текст, то судьба *и* этого текста *и* этой музыки будет такова:

a) или он будет *забракован* в последнюю минуту как не соответствующий «требов. времени» и оба композитора (либретный и музыкальный) получать *ш* и *ш*ъ[1101]; напечатано же будет, что «Метнер пытался пристроить свою оперу, но был отклонен, как буржуазный композитор». Поздравляю!

b) или в него (в текст и в музыку) будут внесены услужливыми лакеями из музык. отделения наркомпроса (МУЗО[1102]) – *добавления* и *исправления*, огнусняющие труд обоих композиторов (либретного и музыкального); о чем ты узнаешь лишь *после*, – протестуй себе и лопайся с горя! – и будешь служить растлению России. Поздравляю!

c) или же пропустят *все гладко* – чтобы доказать Европе и Америке – что все известия об угнетении свободы творчества и о «*социальных заказах*» вздор. Такого совершенно непролетарского композитора, как Метнера – *приняли* и *напечатали*. Значит «у нас свобода». И станет твоя музыка *фиговым листом* на большевицком злодействе, рекламным и пропагандистским орудием. Поздравляю!

Во *всех* этих случаях «*единый фронт*» между тобою и ими будет создан[1103].

Писать и им в руки отдать – это значит отдать им *на злоупотребление*

1. *себя*; 2. *свое имя*; 3. *свою музу*;

«делайте, что хотите»;

ибо не можем же мы воображать, что у них есть

эстетическая совесть и честь;

симулировать они сумеют их – но тогда именно
для одурачения эмиграции и всего мира.

В. Практически.

Денег у них *нет*. *И не будет*. Долги платить нечем. Промышленное строительство замирает. Немецких инженеров они арестовывают и гонят[1104]. Из-за валюты они готовы переморить пол России, продать весь Эрмитаж, пойти на что угодно. Скребут *по одной марке* и *по одному доллару*. Арестовывают евреев, чтобы те добыли за себя *выкуп* в валюте мольбами, посланными за границу.

При таких условиях 1200 долларов за *оперу* – есть *чистый* и *заведомый* обман; *совершенно безнадежная вещь*; *недвусмысленная провокация*. Если бы это совершилось и им пришлось бы платить – то будет выплачено *там советскими дензнаками* по курсу al pari[1105], т. е. 2400 рублей червонцами. *Сейчас* пуд муки стоит на Украйне 150 рублей; к 1933 году пуд муки будет от 500 до 1000 рублей.

Я психологически *вполне* понимаю, что эта механика злодейства (провокации, измарания доброго имени, обмана и подлога) – тебе неясна. На то ***я*** у тебя, чтобы ее продумывать и тебя предупреждать. Но «талантливая» Мариэтта

(к черту *талант*! талант без Бога на
службе у большевиков – ***мерзок***!!) –
но Мариэтта *знает* эту механику
не может ее не знать
и вовлекая ***тебя за деньги***, в свои советские
блуды – она *знает*, что̀ делает.

Она *стерва*! Если я когда-нибудь встречу ее, я ей скажу, ***кто*** она! Она действует, как *агент гепеу*[1106] – и пусть Господь ее накажет! У нее будет табес[1107] или прогрессивный паралич!

Чтобы эта духовно сифилисная девка после 14-летней службы у большевиков смогла нафстряпать «правда что-то дельное»[1108] – не *верю*. И *не поверю*.

Лучше я пришлю тебе советских частушек собственного произведения[1109], а ты на них напиши Джаз-банд:

ты будешь играть,
я выступлю как «diseuse»[1110] фальцетом,
а наши жены будут хохотать на диване.

Умоляю тебя: не соблазняйся и не колебайся.

Верь в помощь Божию!

И гони грязным помелом «помощь» «как-странно-эты»[1111]!! Это не помощь, а провокация.

Спасибо тебе за доверие и за этот запрос. И не стыдись на мои рыкания! У меня вся душа искровавилась от боли за Россию.

Обнимаю!

Твой Рыкъ

Из Возрождения мне пишут, что мой последний Клеветон о музыке Метнера переведен на *японский* язык и напечатан в художественной японской газете... Каково? Ведь это я скоро на тебе карьеру сделаю: пригласят на кафедру Метнеризма на Гавайские острова.

Бесконечно радуюсь твоему *словесному* писанию[1112]. Бранись, формулируй, взывай! Это необходимо! Сколько лет я об этом мечтал! Если бы понадобился тебе в этом деле ***я*** – то

«ты видишь – я у ног твоих»[1113].

«Цыдулю» для музыкальной реставрации я бы мог тебе *напеть*, но нотно записать не могу – «обиняк боится угваздаться».

Еще раз обнимаю тебя и Анюту!

Что же Рига, Рига, Рига?
Не дождемся того мига,
Как поедет лавреат
Мимо нас на латышат!

Твой Рыкъ

<На первой странице письма, до приветствия, приписка:>

P. S. Вот ты меня в письме ободрил – а я нарычал! Но рычу я не на тебя, а на хотящих «искусити тя»[1114].

Твои соображения, горькие и зоркие, всецело разделяю! «Нытиком» тебя не признаю. *Грреми*, взывай! А мы напечатаем это!

219

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<5.IV.1932>***

Драгоценный ты мой![1115]

Только что я хотел отправить Тебе взамен выскочившей у меня из головы цыдульной музыки следующие стишки:

Остерцунге, друг мой милый,
Верно, Ты с женой Натальей
Из-за карт-посталь постылой,
Посланной Тебе *к Апрелю*,
Обругав меня канальей,
В мыслях дали мне по рылу
И, предав меня проклятью
Из сердец своих изъятью,
Злобою взопрели...[1116]

И вдруг получаю Твое драгоценное, дружеское письмо! Ты мне простил «мелкое соглашение» с диаволами, которое конечно существовало бы уже в одном сомнении и вопросе ~~мо~~, заданном мною в постылой посталь ке, но простишь ли Ты мне эту глупую и грубую апрельскую шутку, которой является эта постылка и которая, как я вижу теперь, внушена была мне не иначе как диаволом...

<Далее рука А. М. Метнер:> (Коля передает перо мне, т. к. благодаря целодневной работе, оно у него выпадает из рук...)

Если Ты не улыбнешься сейчас же, то я вырву последние волосы на своей голове. Ведь я не хотел Тебя *испытывать*

и тот черт, кот. толкнул меня на эту шутку, показался мне наивным шалунишкой. Статья Твоя о Едином фронте[1117] произвела на нас такое глубокое впечатление и то, что я писал Тебе по поводу нее, казалось мне столь явно противоречащим возможности с моей стороны[1118] такого «мелкого соглашения», что симуляция его в виде первоапрельской шутки представлялась мне самой явной и невинной карикатурой.

Думал доставить Вам минуту смеха, а вместо того доставил тревогу.

<Далее вновь рука Н. К. Метнера:> Но умоляю Тебя, дорогой мой, не сердиться на меня! Письмо Твое является для меня драгоценным документом не только дружбы Твоей, но и Твоей доброты.

Мою же поганую постальку я убедительно прошу уничтожить как след неуместного в моем возрасте мальчишества...

Но мог ли я думать, что Ты можешь допустить, чтобы сия нелепая Кастаньетта-Мариэтта могла ~~допу~~соблазнить меня своей «талантливостью», когда и большие таланты, пускаемые в оборот не на чисто художественные дела, уже давно отвращают меня... И еще с этим «Наркомпроссом», которого я будто мог не оставить с носом, когда я вообще никогда и ничего не мог делать по заказу... Обнимаю Тебя и Н. Н. и с нетерпением жду прощения!

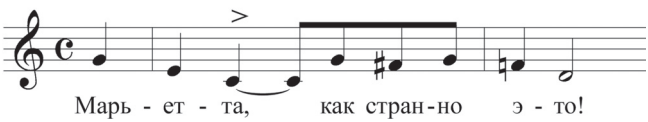
Горячо любящий вас Н. Метнер.

<По левому полю рукой Н. К. Метнера приписка:>

К рождению (10-му) напишу опять.

<Приписка Н. К. Метнера по обоим полям первой страницы:>

Дорогой мой! Как же Ты не подумал, что если бы я взялся за оперу на текст Мариэтты, то основным лейтмотивом у меня зазвучал бы мотив, благодаря Тебе навеки связанный с нею, т. е.[1119]



220

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<6.IV.1932>***[1120]

Medtner 6 rue Basserons
Montmorency

Berlin Steglitz W [nomere de mots] 11201 [date] IV 6 [heure de dépôt]14 20

Mohot

Мои справки по словарю:

Moha – немецкое просо
Mohatra – лихоимственный договор
Mochlique – сильное проносное
Momus – бог шуток

221

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<7.IV.1932>***[1121]

~~5~~7 апр. 1932
2~~3~~5 марта 1932

Из Письма Н. К. Метнеру
(по поводу его первоапрельского обмана)

Сколь странные видения,
сомнения, волнения
Приносят нам апрельские,
бывает, сновидения –

———

И вдруг из-под твово пера,
твово пера, твово пера,

Марьеттина же опера,
же опера, же опера
полезла необъятная...

———

Испуганный, сконфуженный
Три месяца простуженный
в болезни незаслуженной,
Поверил я растерянный,
тобою отетеренный
Спросонок той же оперой почти уже
за..ренный...

———

Смущен такой напастию,
с неистовою страстию,
Я зарычал всей пастию:

Талантливые дòллары, доллары наркомпромпросные
зеленые поносные
шпинатные салатные
фальшивые, отвратные...

О, музы, музы-грации
(варья-, импровиза-ции)!
Побойтесь провокации!
И оперу марьеттину
Столь странно-странно-етину
Отправьте из-под клети, ну –
Вы прямо в воду Летину.

222

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<8.IV.1932>***

8–IV–32.

Дорогие, милые друзья,

Послезавтра будем мы с Колей друг друга поздравлять и выпьем за Ваше здоровье!

Очень просим присоединиться в этот день к нам и помнить о нас... будем этот день праздновать и веселиться.

Простили ли Коле его первоапрельскую глупую открытку?

Обнимаю обоих!

Всей душой Ваша

А. М.

223

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<8.IV.1932>***[1122]

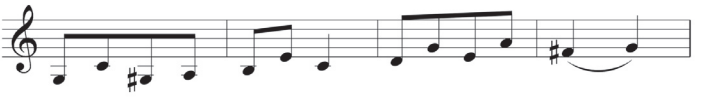
8-го Апр. 1932 г.

Дорогой мой друг!

Поздравляю Тебя, Наталью Николаевну и нас самих со днем Твоего рожденья!

Хотел сочинить Тебе новую «цыдулю» в стихах, но во-первых трепещу от неизвестности – как-то Ты принял мою «увёртку» (от слова открытка) после раскрытия ее смысла, а во-вторых я трепещу от непрерывного напора мыслей* о музыке и так изнемогаю под бременем непосильной задачи придать им ясную и цельную форму, что не хватает сил ни на что другое.

По поводу присланного Тобою текста прежней «цыдули» смутно вспоминаю лишь начало[1123]:



дальше не помню ничего.

* Чувствую будто прорвалась какая-то плотина, боюсь как бы не затопило меня самого с моей музыкой... Да и вдруг это только одна вода!!? [Прим. Н. К. Метнера.]

Но не уверен, так ли это было?

Обнимаю Тебя с любовью и еще раз прошу простить за глупость... Жду этого прощения с крайним нетерпением.

Целую ручки Нат. Николаевны!

Твой верный, но глупый друг
Метнерюкъ.

<По правому полю письма приписка Н. К. Метнера, подчёркнутая красным карандашом:>

Требую немедленного прощения!!

224

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<10.IV.1932>***[1124]

– + – montmorency 191 6 10 1200 =
iljin 43 rotenburgstr
blnsteglitz =
191

[Aufgenommen]
10.4.32. *1325*
[von] *b* [durch] *We*
vivat ivan = medtner[1125] + –

225

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<10.IV.1932>***

Коля, дорогой!

Этого я не вынес... Получив сегодня твое «новорожденное письмо» с грозным воплем («*Требую немедленного прощения!!*»), я, подавленный и без того всем происшедшим, все еще вздрагивая от «марьеттиной же оперы» и представив себе, что ты намерен «вырвать свои последние волосы», – *я вырвал свои предпоследние*! При сем посылаю их тебе...[1126]

Ты знаешь, что брюнеты седеют в серебро; а блондины – в чернь. Так вот тебе пук седых волос моих. Подобно Лиру и Эдипу, Шейлоку, Гете и Конфуцию, Конюсу и Катуару[1127] – я выврвал их из чернеющей головы моей. Это – живой залог того, что *мы друг друга простили*, что мы простыли, простыни, постыли, пастильки, *посталькu*[1128], свистальки, свистульки, свистетки, *марьетки*, левретки, клевретки, креветки, котлетки, жилетки, порточки, кусочки и комочки...

Ведь сегодня день рожденья,
Зна-ме-на-тель-нейший день,
И я, полон вдохновенья,
Сочиняю дребедень...

———

Дребезг этой дребедени
И волосьев черный клок
(Да простит тебя пророк!)
Шлю тебе я в день весенний.
Чтобы ты не изнемог
От раскаянья и пени!

———

Коля музы! Коля граций!
Коля, велий музы-Кант!
Русских мраков славный Дант!
Композитор злых сенсаций,
Потрясающий друзей!
Я, наивный ротозей,
Ротозёва, ротозёпа
(Дальше – рифма на «Европа») –
Влип в коварный твой обман!
Влип и влопался, как мальчик,
Как рыбёшка, как плотва...
Удалась твоя плутва,
И лукавый твой «постальчик»
В душу мне нагнал туман...

Я откупорил свой кран
И, собравши всю отвагу,
(Темперамент – самовар!),
На почтовую бумагу
Я излил, свиреп и яр,
Диагноза злобный жар...
Обложил, как мог, Марьетку,
Луначарского[1129] клевретку,
И тебя, что было сил,
Обо всем пердюпердил...
О, гармонии диктатор!
Ритма мощный властелин!
Ты загнал мне в душу клин,
Ты – апрельский провокатор!
Оскорблен тобой Ильин...
И за всю твою интригу
Царь Минос[1130], открывши книгу
И уставив грозный взор,
Изрекает приговор
(Запишу его подряд):
«Слушай, хитрый совратитель,
Многих музик составитель,
Знаменитый Лавреат!
От звезды и до звезды
Вот тебе четыре мзды:
В день рожденья Ильина
От обеда, от вина
Сон твой будет неспокоен:
У Парижских портомоен
Среди сонма глупых дам-с
Вдруг тебе приснится – *Брамс*!
Вслед за этим на прогулке,
В неизвестном переулке,
Раза три и ненароком,
С поредевшим рыжим коком,
Напевая в си-бемоль,
Попадется тебе – *Поль*[1131]!

И куда пойдешь с *копытом*,
Музыкальный Букефал, –
(Звал его ты иль не звал)
Всей *клешней*, с лицом испитым,
Закусив отвисший ус,
Вмиг потянется – *Конюс*!
И когда уединенно,
Опроставшись вдохновенно,
Афедрон утрешь ты свой
Сабанеева[1132] статьей , – –
Этой мздою все подряд
Ты искупишь, лавреат!
Покаянье состоится,
Все апрельское простится,
И с тебя мы снимем сплин:
Я, Минос<»>. И я, Ильин[1133].

1932.III.28
(IV.10)
~~Зейсъ~~ Берлинъ[1134]

<Приписка на первой странице письма, до приветствия и напротив пучка конских волос:>

Целуем Вас обоих.
Спасибо за письмо и за телеграмму.

226

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<12.IV.1932>***[1135]

Мохотъ.

За-гадочная телеграмма.

Эпиграфъ:
«Hohot – хохотъ».

«Мòхотъ»?! – «Мòхотъ»!! Иль – «Мохòтъ»?..
Телеграмма – скороходъ –

А пришла совсѣмъ безъ смысла,
Словно въ небѣ коромысло...
«Мòхотъ»? «Нòхотъ»? «Кòхотъ»? «Плохотъ»?
Бознатъ что! Причемъ тутъ «Мòхотъ»?!
Или «Момотъ»? «Лопотъ»? «Шопотъ»?
«Омутъ»? «Стонутъ»? «Кàнутъ»? «Ропотъ»?
Взять словарь! Смотри скорѣе...
«Moha» – «просо»! Все глупѣе!..
«Mochlique» – это для поноса...
Отпустить[1136] для наркомпроса!
«Просо»? «Бросо»? Отъ вопроса –
В часъ останешься безъ носа!
«Momus» – «богъ» какихъ-то «шутокъ»...
Я – шутилъ... Любитель «утокъ»...
Вотъ «Mohatra[1137]» – «договоръ».
«Лихоимство» и позоръ...
«Мохликъ», «рохликъ», «рухликъ», «сусликъ»...
Кабы было просто «гусли»!..
А тогда что? – Неизвѣстно!..
То и это – неумѣстно!
Телеграмма – монограмма...
Телеграмма – криптограмма...
Какъ таинственная дама,
Что явившись подъ вуалью,
Гдѣ-нибудь за «Этуалью»
Намъ назначитъ (подъ шефѐ)
Рандеву въ большомъ кафе...
И зачѣмъ она явилась,
На свиданье напросилась?!?
Кто она?!.. Такъ: «Мòхотъ»... «Мòхотъ»?
Или «Дòходъ»? Или «Пòходъ»?
«Похоть»? «Вздòхать»? «Вздыѝхнуть»? «Пыхнуть»?
Или, знаешь, просто – «Дрыхнуть»?
Погоди!!.. Вѣдь «Мòхотъ», «Мòхотъ»...
Вотъ вѣдь вздоръ – и смехъ, и хохотъ...
Но и злоба вѣдь возьметъ!
Смысла тутъ недостаетъ...

Или – «Мымра», «Грымза», «Выдра»?
Вот: «Ме-ду-за»! Или – «Гидра»!
«Гидра», «Гудра», «Кухня», «Тӯфля»,
«Рохля», «Рыхля», «Дзиньля», «Пупля»?
Какъ же быть?! – «Словарь»... «Букварь»...
И «дьячокъ»... и «пономарь»...
Взяли[1138] – заперли свой «ларь»...
Ну, при чемъ тутъ ларь? – Вѣдь «Мòхотъ»?
[Начинай сначала: мòхот,]
«Грохотъ», «Крохотъ»... Средство «блохъ отъ»!!
Будь серьезенъ, что за хохотъ?..
И нигде[1139] не видно зги,
И за-гадились мозги!..

1932.IV.12.
III.30.

«Momon» – s. m. – родъ танца, исполненнаго масками; || общая ставка, пулька (в карточ. игрѣ?)
Франц. Словарь Макарова[1140] стр. 134.

227

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<18.IV.1932>***

18 Апр. 1932.

Милый Иван Александрович, дорогой друг, пришло и Ваше письмо с выдранным клоком волос и этот новый каскад остроумия и самой неправдоподобной молниеносной творческости поразил нас пожалуй еще больше, чем предыдущий... И если бы мы не боялись подражания, то могли бы тоже телеграфировать Вам «Hohot».

И вот, несмотря на Ваши такие щедрые писания, мы-неблагодарные, хотим требовать еще.

«Мало бульдегому-то!» (из системы филосова[1141] Ильина).

Итак: Вы ничего не ответили Коле на его запрос о том, что Вы думаете по поводу его писательства. А между тем

он очень ждал на это ответа. Ведь его минутами ужас берет от того, что он совсем ушел от музыки (т. е. не сочиняет, не играет и даже мозг совсем не запевает), хоть и встал как бы на защиту ее от поругания, как верный рыцарь. Но как он ни приходи в ужас – все равно ничего поделать не может, т. к. он уже не может управлять прорвавшимся потоком, то есть вернее сказать – может только управлять, но уже не может запереть его. И сидит он с утра и до вечера и пишет, а сам удивляется, что это с ним делается, и как мать не может вернуть в утробу дитя и должна отдать его жизни, так и ему нет другого пути... но вот, чтобы дать жизнь в этом случае, тут не довольно родить – выписать карандашиком на бумажку.

И вот на что требуются от Вас ответы:

1) Какое у вас обоих отношение к возможности такого Колиного хода? И какие у вас могут возникать подозрения? И вообще что вы *заведомо* ~~ведаете~~ думаете о неведомом, ~~но~~ впрочем вам очень ведомом (Вы же знаете Колины убеждения и вообще мысли об искусстве)? И проч. и проч.
2) Какие могут быть возможности напечатания? Или не могут быть? И что для этого надо предпринять?
3) Есть ли возможность, что, уезжая на отдых, вы можете заехать к нам в Montmorency, т. к. Коле необходимо прочесть Вам обоим хотя бы часть всего.

Мы никуда не сможем поехать, т. к. у нас дела хуже чем плохи: никакого заработка! Должны продержаться до какого-ниб. заработка и потому должны скупиться. Ждем ответа с нетерпением. Обнимаем обоих!

Ваша А. М.

<На первой странице письме приписка рукой А. М. Метнер, до приветствия (текст перевёрнут), с продолжением по левому полю:>

Коля не пишет Вам сейчас сам, т. к. с утра и до ночи пишет свои записки и никак не может хоть на полчаса освободиться.

228

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <21.IV.1932>

21/8 апр. 1932[1142]

Дорогие мои!

Сегодня пришло письмо Анны Михайловны с требованием «бульдегома». Из этого я склонен сделать вывод, что одно письмо мое до Вас не дошло, а именно первое после «хохота». «Стихи» посылались Вам три раза, условно обозначим

1) «Мариеттина же опера»
2) «Приговор Миноса»
3) «Мохотъ»

В первом письме я всячески приветствовал рождение Колиной музыкальной философии и предлагал, если нужно акушора, свои опытные услуги[1143]. С тех пор роды явно развернулись вовсю. Тогда я слышал еще «Oh, mon Dieu!»[1144] Потом мне послышалось по-русски «Боже мово»! А теперь я слышу уже «ой, тателе-мамеле», «тателе-мамеле» – и, как опытный акушор, спешу отозваться.

Беру вопросы из письма:

1. Я давно уже предвидел, ждал и мечтал, что Коле придется заговорить о музыке не музыкой, а мыслями и словами. Тревожился, что это не начинается, и жалел, что не могу подбирать его наставительных слов и словечек, которые он иногда вырычивал из-за папиросы.

Всегда мечтал о том, что Коля заговорит не только об *искусстве вообще*, и о *музыке вообще*, но и о *музыке в частности*. Ибо последнее будет быстро и неизбежно *принято* большинством музыкального мира, как *непререкаемое*, как *закон*, как *очевидность*; тогда как на первые две проблемы отзовутся быстро лишь немногие.

Это не значит, что об искусстве вообще и о музыке вообще не следует ему писать. Напротив! Непременно и полной лапой, чтобы трещали карандаши и ломались перья. Но ***школу*** *он создаст в наши дни* не этим, а писанием о музыке в частности.

Под ~~«музыко~~ писанием о «музыке в частности» я разумею канон учительный о том, ***как*** следует и *почему именно так исполнять такие-то величайшие создания музыкального искусства*. Напр. исполнительский канон для *трех* или *пяти* таких-то сонат Бетховена. И потом немедленно перевести на английский, немецкий и французский языки. Или – группу *Баха*, или группу *Шопена*; и наконец *группу Метнера* – т. е. такую-то мою сонату надо исполнять так-то, а такую-то сказку – так-то, романс – так-то; и притом потому-то.

С этого может и должна начаться *новая эра в музыке* – и в исполнении, и в творчестве.

2. Возможности напечатания. Я не знаю, *как* и *что* Коля сейчас пишет. Если это «сырой» и «сердитый» «швырок», то надо было бы его связать и проредактировать (чисто стилистически). Для этого дела, *если бы Коле понадобилось и он бы этого захотел* – предлагаю свои услуги, т. е. всю мою любовь, понимание, чуткость и иные дары, буде таковые имеются. Я бы внес тогда не какие-нибудь грубые «изменения» или «поправки», а только ***предложения*** (так-то связать отрывки или так-то видоизменить фразу); а для *решения* – мы бы уж съехались где-нибудь.

Если же Коля пишет прямо связно-шлифованное, то это все отпало бы и надо было бы прямо думать об издании.

Издать по-русски надо не в тупике, а на широкой улице. Напр. у Рахманинова[1145], или у Гукасова[1146], или от Парижской консерватории[1147]. По-немецки нельзя обойти Циммермана – надо запросить. По-французски – надо снестись с тем, кто устраивал Колин концерт под Парижем[1148]. По-англ. – со Сваном.

3. Последний вопрос, увы, труднее и хуже всех. Мы отсюда должны спуститься прямо к месту лечения – в Австрию, в Каринтию; вероятно месяца на два. Пока я в таком виде, в каком я есмь, мне *опасно* всякое «предприятие». Новый грипп был бы чреват воспалением в легком, и машинка моего организма ~~может~~ могла бы покатиться вниз. Осторожность нужна *крайняя*; пока не засохнет легочный катарр. Где уж, нам уж, куда уж, в Пàриж?! Грусть одна.

Вот за что я Колю не одобряю – это за ~~то~~ его тревогу, что он будто бы ушел от музыки...

Коля, дорогой мой! Ты должен *Бога благодарить* за то, что Он тебе дал *не один творческий акт*, а *два*; и *обоими* пользоваться – каждым *в отдых для другого*. Как кормилица перекладывает младенца на другую грудь... Это и Шопенгауэр велел; а психопатоложцы – те прямо ликуют от такой возможности. Мне даже одна баба деревенская сказала, когда я ей помог собрать воз со снопами: «Ну, спасибо тебе, барин! Табе Бог за ето пашлет жану об трех титьках!!»[1149]... И *духовно* – послал.

Я понимаю, если бы Коля стал

«В заботах суетного света
..... малодушно погружен»

и если бы

«Душа вкушала хладный сон»[1150]...

А тут он *тому же Аполлону* другим актом «богослужит». Что же тут можно сказать<?> – только

«Пышы, дюша мой, пышы
подрадъ ы нэ мэшай самъ
сэбэ, Карапэтъ!»...

«***Я***ичко» ~~потому~~ для того и записало, чтобы «дудка» отдохнула (из системы философской Н. Метнера[1151]). А может быть это новый, творческий синтез.

«я-ичка» – и «дудочки»...

Тогда ему тем более: урра!

Напишите – все ли три мои же «опуса» дошли до Вас. Очень заботит меня Ваша монетная сторона. Нельзя ли «нажить» на Колиной философии? Пишите немедленно *Свану* – ведь можно оформить «выпуск первый», сгруппировав вокруг одного вопроса отрывки... Оба обоих обнимаем.

Екстерная приписка.

Циммерман прислал мне все, что я просил. Беспомощно, но старательно читал.

1) Великолепна вторая импровизация, кончающаяся победно и в то же время вздыхающе заклятием!
2) Впервые ознакомился с тезкою и с его дамой (это 6 сказок о Дураке и Золушке). *Понял – не все*. За отсутствием адекватного исполнения. Сам тезка немного трагично-мрачноват[1152], но *необычайно* выразителен и русск. Трогательно, что его основная тема в первой сказке отдаленно сродни твоей благоуханнейшей теме из сонаты g-moll opus 22 (тема вторая «con timidezza»), которую ты обозначал, как одну из первых тобою рожденных[1153]. Совершенно очаровала меня тема третьей сказки (allegretto tranquillo e grazioso, dolce[1154]). Совершенно не передаваемо на словах колдовство септаккордов в этом мелодийном благоухании. И какая божественная простота!!

А других впечатлений уместить здесь[1155] не могу. Надо видеться.

229

<А. М. Метнер – И. А. Ильину и Н. Н. Ильиным>
<3–4.V.1932>

3 Мая 1932 г.

Дорогие любимые друзья!

Очень нам Вас недостает. Могла бы повторять это ежедневно. Теперь Коля так же внезапно, как вцепился в писание

одолевших его мыслей, теперь отцепился – как ножом отрезало. Я одна видела, как это происходило, – совершенно непрерывно шесть недель, так что писалось и за едой и за прогулкой (записная книжка) и в постели, даже ночью во время просыпаний, ну просто извержение вулкана. Теперь все изверглось.

Но работа огромная предстоит, если захотеть это напечатать. И хоть и было уже Вами услышано «Боже мово», но боюсь, что этот вопль еще предстоит. Пока к этому даже и мыслью не возвращаются и сегодня началась композиторская работа. Все написанное пролежит вероятно до встречи с Вами, т. к. необходимо прежде всего прочесть это Вам.

Если бы я не была сейчас так безумно занята, то стала бы частями переписывать и посылать Вам. Я может быть так и сделаю, но позже, когда перепишу Сонату[1156]. Одна уже напечатана и все корректуры сделаны, но не можем выпустить ее в свет, т. к. нужна издательская марка и помещение в каталог, а Циммерман, кот. я уже два раза писала и даже телеграфировала, не отвечает*. Переписывала вторую, а неизвестно, в силах ли будем ее напечатать, т. к. дела плохи.

Ваше последнее письмо (от 21 апр.) начинается с сомнения, все ли письма дошли, и это на том основании, что я заявила «мало бульдегома-то»... Но именно Ваш «бульдегом» и вызывает голод на еще... Все письма дошли и лежат в порядке их получения, и мы можем при желании себе на радость и утешение их перечитывать[1157].

Очень Колю порадовала Ваша *Екстерная приписка*. Плохо ему было бы жить на свете, если бы Вас не было. Знаете, когда у нас был последний раз Сергей Васильевич с тем, чтобы

* он был не в состоянии печатать теперь эти сонаты и я просто достала часть необходимой суммы (но бо̀льшая часть были наши же деньги). Писала Ц-у, чтобы он принял теперь сонаты в свое издание, не затратив ни гроша, но зачтя эту сумму в покрытие нашего ему долга. [Прим. А. М. Метнер.]

послушать сонату (Orageuse), кот. он еще не знал, и что он сказал первое, когда Коля доиграл ее? – «Эта мне больше понравилась, чем Romantica». Он совершенно не в состоянии высказать свое положительное безотносительное впечатление и непременно должен себе в помощь призвать хоть что-нибудь отрицательное, т. е. что та мол зато понравилась меньше. У него как будто всегда живет какое-то обывательское беспокойство, чтобы Коля «не зазнался».

4 мая.

На все наши вопросы Вы на этот раз ответили удивительно точно и внимательно.

Все что Коля сейчас писал – это главн. образом о музыке *вообще* и все что он говорит о специально-теоретическом – это вовсе не для музыкантов-специалистов, а для каждого с головой (хорошей головой!) и подлинным подходом к искусству. Очень вдаваться в специальную теорию Коле было противно и он только прибегал к этому там, где ему надо было говорить об основах. Чтобы вправить все колесо, съехавшее с оси, ему надо было указать, где ось и что она из себя представляет.

Так что о том, что Вы называете «музыкой в частности», нет и помину. Но я тоже давно об этом мечтаю. Пока, до сих пор, он эти каноны преподавал какому-нибудь ученику отдельно и потому все это можно сказать пошло прахом, т. к. <нет> *ни единого*, на кого он столько потратил душевных сил, который оправдал бы эти его усилия и понял бы как следует, чем он, Коля, его, т. е. этого дурака или дуру, наполнял, и донес бы это до того момента, когда сам уже передает и другим. И вот если бы Коля мог открыть такие курсы, на кот. все бы это записывалось учениками, или же сам издать такие наставления об исполнении, о которых Вы говорите, то тогда это сохранилось бы и попало бы в конце концов в те головы, куда надлежит. Может быть, с Божьей помощью, он еще дойдет и до этого[1158].

Коля очень счастлив Вашей готовностью помочь ему. Это очень понадобится для того, чтобы связать отдельные части в целое. В данном случае это является очень важным, т. к. все им сказанное внутренно объединено *одной темой* и было бы досадно нарушить это единство неумелым распределением частей. Что касается стиля, то не думаю, что Вы ко многому придеретесь.

Свану я напишу, но все равно мы ему ничего не пошлем, пока не будет установлен весь порядок и проч. и проч. То есть до свидания с Вами.

Мы оба Вас обоих обнимаем.

Любящая Вас А. М.

230

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<4.V.1932>***[1159]

Давно порываюсь писать. Давно хотел достойным образом отблагодарить Тебя за прощение, за поток стихов, доставивших нам столько удовольствия!!

Еще хотел непременно похристосоваться с вами обоими, да так и не удосужился...

Не хочу задерживать Анюточкина письма и потому пока ограничиваюсь лишь припиской.

Крепко обнимаю вас, милые друзья!

Любящий вас Н. М.

231

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<18.V.1932>***

Дорогая Анна Михайловна!

Спасибо Вам за милое письмо, которое я взвесил и продумал со всех сторон. Но вывод – надо не ***у***видеться, а некоторое время спокойно и равномерно *видеться*. А как

тут быть? У нас лечение, а у Вас финансы. Боже мой – потом у Вас будет лечение, а у нас финансы. А потом мы начнем понемножку умирать...

Мы в Австрии. Адрес в конце. У нас в чистенькой виллочке две хорошие комнаты на юг с особым большим балконом. Тут же ванна; проведенная теплая вода. Высота 460 m. Солнце мягкое, но серьезное. Тепло, сухо, ветра не бывает (Windinsel[1160]). Все не дорого. А именно на *марки*: помещение с освещением и водой 3 марки 60 пф. в день; ванна 60 пф.; обед в хорошем ресторане обильный и вкусный 1 марка 80 пф. с человека; столько же такой же ужин. Кофе дома. Словом помещение гораздо дешевле берлинского, а стол гораздо дороже, чем домашний. Зато Наталия Николаевна не готовит, а только варит дома кофе. Воздух! Цветы! Луга и леса. И вдали (километров 20 по прямой линии) – снежные горы. И чудесное озеро. Словом – тут только дурак не поправится; о чем я уже заявил своим легким. Они, кажется, послушаются. Я крепче; вес хороший.

Система издательства со взносами меня глубоко удручила! Скорбно думаю обо всем этом.

Я живу сейчас только литерат. заработком. Рус. Научный Институт остановил платежи; наверное – совсем. Но книги мои идут и пойдут. И этим я живу. Эх, кабы я был богат!

Горгуловщина[1161] омерзительна; источник ее несомненен. Но истерику разводить не надо (это я по адресу тамошней эмиграции). Никакой «второй родины»* не бывает; и из окна бросаться ни к чему. Дьявол есть дьявол; его надо обличать и заклинать; а люди сначала обывательствуют, а потом в истерику[1162]...

Вас бы сюда!

Целую Вас крепко.

Ваш Іоаннъ Фельденскій

1932.V.18.

Oesterreich. Velden am Wörtersee[1163]. Villa Sintschnig.

* выражение Шмелева [Прим. И. А. Ильина. По-видимому, позднейшее (после 1951 г.).]

232

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<18.V.1932>***[1164]

Коля, друг!

Мы живем хорошо. Благословенные св. Пафнутием – пафнут цветочки упоенно. Конечно большого бадесезона[1165] – еще нет. Но уже зрятся семо и овамо[1166] разные фи-фи-фи..... гуры, тюльки, зиогномии, лантропки и г*и*. Ах, одна, есть Вы дающая!.. Лет под 60, бадный костюм едва прекрывает пристарелый ассессуар, прочее наружу и в черных волохах. Так и обедать выходит: сядет в жарденг дэ плант[1167] и лопает. Ее зовут в нашей среде – «невоспетое лядвие»[1168]. Брррунетка жжгучая. Ни при Любе сотвори[1169]!

Коля, друг! Приехали бы Вы сюда. Ты защитил бы диссертацию «О естетической сути», а я бы делал важное лицо, как будто тоже что понимаю... Вот была бы у нас «есьмы-тека, есте-тека, суть-тека»...[1170]

Ты думаешь, Коля, я выппил? Да, выппил. Только минеральной воды: «Preblauer»[1171] или в просторечии «пребляшка-употребляшка». Оч-чень оссвежжает. Вроде как бы прохладное дуноввение в жилутке.

Коля, друг! И от чего-то я толстею? Скажи ты мне?! Или от еды – вот какая гипотѣза! Или же от пребляшки-употребляшки... Ниччево не застегивается. Наоборот: все само расстегивается – даже хочу вместо пуглиц кисёмки пришить[1172].

Спасибо тебе за милую запи-писочку! Ты по слухам опять ноты выдумываешь, а не слова? Ничего. Оддобряю. Выдумывай ноты. Очень нежно у тебя выходит.

Коля! Ты лукавый и дипломъ матъ. Я тебе пишу *екстерную* припи-писку – и ты обязан ответить: *да*, дескать, или *нет*, дескать, – верно или соврал. А ты – хииитрющий. Делаешь издали суриръ[1173] рручкой – очень мол тушѐ[1174], а на самом деле наверрное думаешь: «вот пристает ротозёпа! что обще-

го между *етой* скаской и *той* сонатой! банный лист! в Киеве дядько! слушает брюхом[1175]! музыкальные шкварки слышит»... Итеподъ[1176]. А сам ручкою суриръ. Хи-итрый! И я все это вижу; и криво улыбаюсь. Хи-итрый! Это вы артисты все такие: только чтобы кумъ плиментъ несъ[1177], а там можно за глаза над ним надсмеяться.

Обнимаю тебя долго. «Же-на – кла-ня-ет-ся!»

(Рахм. Письмо Станиславскому[1178])
Твой Кумъ (с весом – 80 кило).

1932.V.18.

<Приписка по левому полю страницы:>

Коля! хочешь, я пришлю тебе неприличных советских частушек собственного сочинения[1179]? opus 319.216 $^{1}/_{2}$. Я их исполняю сам под рояль.

233

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.VI.1932>***[1180]

Здравствуй, дорогой мой друг!

Спасибо Тебе за Твои чудесные письма. Они всегда чудесны, потому что всегда дают полную иллюзию Твоего присутствия, которого мне так недостает...

Очень рад, что Ты по-видимому растворяешься вовсю! Слава Богу!

А я так все более и более *затво*ряюсь... Все злюсь и замыкаюсь в своей злости. Если бы не Анюточка, то я давно бы сгорел от злости. А ведь в сущности я вовсе не злыдня...

По поводу Твоей «екстерной приписки» я ничего не ответил не от «хитрости», а от неповоротливости. Все, что Ты говоришь о музыке вообще и моей в частности, всегда бывает очень точно (если Ты только не преувеличиваешь подчас

донельзя самую оценку моих опускулов[1181]). Очень порадовало меня и то, что Ты говоришь на сей раз.

Впрочем сходство «дурака» в 1-й сказке (<ор.> 51) с 2-й темой g-mollной сонаты внешнее, а *не смысловое*. Может быть это случайное совпадение нот, букв и заставило Тебя найти в моем дураке что-то «трагично-мрачноватое». На самом же деле он (дурак) *абсолютно беспечен* и наивен. Впрочем может быть эти свойства не исключают возможности трагизма – но тогда это трагизм *невольный* – то есть трагизм дурака среди легиона умников, трагизм беспечности среди всеобщей обеспеченности...

Темп этой сказки – сплошной вихрь ***легчайшего*** пляса.

За Золушку – № 3 из 51-го <opus'a> – низко кланяюсь Тебе. Особенно за отмеченную Тобой «простоту»...

Скажи, дружище, разве *неуклонное* ***стремление*** к простоте Ты не всегда чувствуешь в моей музыке? Ведь о простоте можно судить (или ее достигнуть) только в зависимости от темы, от заданного содержания, и вот в этом-то смысле я и спрашиваю Тебя – чувствуешь ли Ты *вообще* мое тяготение к простоте – то самое тяготение, которое ~~за~~составляет ~~меня~~ всю трудность, продолжительность, весь смысл моей работы. Если нет – если *и Ты* этого не чувствуешь, то стало быть я зря ~~рас~~потерял всю свою жизнь, зря просидел в своем колодце[1182].

Какие однако у Тебя твердые волосы стали[1183], хотел бы я на Тебя посмотреть!

Какие книги кормят Тебя?

Мне стыдно, что Анюточка писала Тебе о моей предыдущей «работе» (!!??) Ты рекомендуешь писать мне о музыке «в частности» – а в том-то и грех, что я о частностях не умею говорить – это не только грех, но горе мое! Ты все превращаешь в дело – я ничего. Я вообще недоросль или в *лучшем* случае Дон-Кихот...

Мне бы еще пописать песни, да не смею дразнить своего издателя – дал зарок. Этот товар больше никому не нужен...

Пора кончать! Прости за гадкое письмо. Забудь о моем донкихотском писательстве и будь ради Бога здоров и бодр.

С любовью обнимаю вас обоих

Всей душой ваш Zero.

234

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<30.V–1.VI.1932>

30–V–32 г.

Дорогие друзья,

Очень нас порадовало Ваше письмо. Мы счастливы, что Вы так хорошо устроились и можете отдохнуть. Но огорчены, что это не в нашей зоне и нам никак до Вас не добраться. Мы не в состоянии двинуться за границу.

Теперь единственная надежда на нашу поездку – в Прибалт. Край. И если даже мы мало за это получим, то все же будем иметь возможность пожить в Берлине, т. к. можем остановиться у доктора Брауншейна[1184].

Коля ту работу так прочно отставил, что уже ни разу к ней не возвращался. Если поедем, то весь этот материал захвачу с собой.

Какие Ваши книги идут? Есть ли это здесь в Париже? Я могла бы и сама об этом справиться, но мы ведь совсем не бываем в Париже.

Немецкую о большевиках[1185] Э. К. обещал привезти с собой этим летом. А что издано еще?

Ждем на это ответа.

Горгуловщина особенно ужасна тем, что еще раз показала, как сильно это подполье и как никто не может справиться с этими отбросами, забравшими такую силу. Теперь здесь в этом процессе стараются затушевать источники, т. к. боятся

их. Французы говорят, что они совсем одни и что все против них и им поэтому не под силу бороться с большевиками[1186].

Ну, словом у каждого государства есть веские причины пожимать руки этой сволочи и таким образом это никогда не кончится.

И нет родины не только у нас, а ~~в~~ и у всех, которые хоть и сидят там, но ведь еще ближе ко всему этому искажению. А «второй родины» конечно не бывает – Вы глубоко правы. Никогда, ни одной секунды не испытала я даже намека на родину. ~~Вероятно, это испытывают те, для которых~~

Теперь кажется и надеяться уже нельзя, что вся Европа восстанет против большевиков и что таким образом они, будучи совершенно изолированы, погибли бы; но ведь теперь везде большевизм так разлился, что с ним и не справятся. Та же Германия уже ни за что не порвет с Советской Россией, т. к. немецкие большевики взбунтуются.

Милый Иван Александрович, Вы всегда так оптимистичны и так уверены, что хочется услышать еще раз от Вас слово о том, что же будет с Россией. Очень, очень прошу написать об этом. На что Вы рассчитываете? Что спасет Россию? Ну, конечно Бог. Но через что?

Вас обоих крепко целую.

Ваша А. Метнер.

1 июня.

Задержка в отсылке письма произошла из-за Коли. Написал он сейчас только и тут же схватился за голову и поручает мне еще приписать Вам, что если Вам очень неприятно получать от него такие мрачные письма, то ему придется еще реже писать Вам, выбирая более благоприятные моменты.

Еще поручил вам <передать,> что: работу свою ***о*** музыке он потому называет Дон-Кихотовой, что весь смысл ее – защита музыки. Он не может говорить о частностях именно

потому, что атомистический детальный подход раздробил ее настолько, что общий единый смысл ее утрачен, и надо собирать, а не смотреть на детали.

———

Еще одно его поручение. Просить Вас высказать Ваше мнение по поводу следующего. У него в портфеле лежит сочинение, которому он придает из всех[1187] своих сочинений почти наибольшее значение, – Грозовая соната, и она может быть напечатана так же, как и первая этого опуса, т. е. на наши средства (приблизительно пять недель нашей жизни). Коле хотелось бы знать, как поступили бы Вы. Имея при этом в виду, что средств наших всего еще месяцев на пять и *никаких* перспектив заработка и только надежды. При всем этом у Коли нет веры в реальную надобность этого сочинения для современности.

Вот это все от Коли, но не от меня!

<Далее следует написанный рукой Н. М. Метнера[1188]>

P. S.

Друзья мои!

Если вы будете писать нам, то сделайте милость – ответьте мне только на один вопрос – неужели и я тоже, занимаясь своим «творчеством», удовлетворяю лишь свою потребность *само*проявления, делаю только *свое* личное дело? Ведь это подозрение все чаще стало закрадываться в мою душу и оно-то меня и обезкрыливает! Не говоря уже об отвращении к этому лихорадочному спорту жадного самопроявления, я нахожу, что для личного ***дела*** подобное упражнение в самопроявлении является бессмысленной тратой времени, ибо становится *для меня* все более и более невыгодным в *деловом* отношении. Я могу *всецело* отдаваться своей *потребности* сочинять музыку, не взирая ни на какие лишения и невыгоды, только тогда,

когда предполагаю, что это *потребно* не только мне одному, то есть, что я сам являюсь лишь случайным фокусом для средоточия и передачи *не только* своих мыслей и чувств.

Что в этом фокусе мои мысли и чувства часто встречаются с вашими, служит мне почти единственным утешением в настоящее время... И вот, не преувеличивая и не переоценивая этот самый фокус (как это бывало иногда с вами), скажите мне попросту лишь одно – могу ли я и впредь сочинять музыку хотя бы только для вас?..

Обнимаю вас крепко

Ваш Н. М.

235

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<4.VI.1932>***

Montmorency 4 Июня 1932

Дорогой друг мой!

Сейчас прочел Твою статью в Возрождении «Смысл события»[1189] и конечно испытал чувство большого удовлетворения. Но еще более остро испытал желание, чтобы удовлетворение это было не только моим, не только *нашим*, а общим и в связи с этим крепко задумался – почему же никто или вернее подавляющее большинство не слышит того, что Ты говоришь!? И вот мне захотелось продолжить беседу, как бы начатую Твоей статьей и оборванную неумолимыми законами «*приличий*», условных границ, которым подчиняются газеты, салоны, парламенты, мировые конференции и прочие человеческие учреждения, не исключая даже кабаков и вертепов...

Смысл не только этого события (6-го Мая), но и всех событий за последние десятилетия не может не быть ясен каждому, кто следил за ними не в качестве любопытствующего зрителя, а кто переживал их *мистически*. Скажу больше – *пережить*

их (а не удрать от них к праотцам) только и было возможно как мистическую данность... Я твердо знаю, что и Ты их *пережил* именно так...

Но что же нам делать со своими переживаниями, когда большинство участвующих в жизни и даже руководящих ее механизмом относятся к ней не то как к карточной игре, не то как к спорту, а чаще всего просто, как к уличной толчее???

Ведь на абсолютизм (большевиков) можно и должно ответить только абсолютизмом же. И вот мы обязаны формулировать наш ответный абсолютизм.

Ведь отсутствие этой *нашей* формулы и соблазняет всех слабых, безумных, у которых у самих в душе нет никакой формулы и которые инстинктивно хватаются как за соломинку за каждую, любую формулу...

Ведь отсутствие какой бы то ни было формулы, заклинания *у нас* и делает нас бессильными в борьбе!!?

Что же делать-то!? Ведь вот я *тридцать лет* думаю об ответной формуле в отношении к большевизму в музыке и теперь *целый месяц* просидел, думая по 18 часов в сутки о заклинании против разгулявшегося хаоса, именуемого современной музыкой, и чуть не заболел от непосильного напряжения... Вера *моя* от этого нисколько не ослабла, но страдания от невозможности поделиться ею дошли до крайнего предела... Нам так невыразимо трудно потому, что нам нужно формулировать *самое важное*. Нам необходимо установить, утвердить самое *положительное* в жизни и в искусстве. *Им* конечно несравненно легче было формулировать *самое неважное*. Ведь в сущности и в главных пунктах *их* формула сводится к ***отрицанию*** того, что для нас является *самым важным* и что несомненно есть вообще единственно важное.

Они, диаволы, опрокинули все *прежние* формулировки и заклинания этого самого важного и тем самым поставили перед нами проблему вытаскивания из глубин души каждого из нас обновленных формулировок... Это великое испытание!!!!

Мне кажется, что, *прежде всего*, необходимо доказать, что они порожние *отрицатели*, только отрицатели...

Недавно прочел в послании Иакова (3[1190]): «Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; *и бесы веруют, и трепещут*. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?» Ради Бога не подумай, что я осмеливаюсь цитировать это в назидание Тебе. Ты-то может быть творишь дела своей веры больше всех нас, но ведь нам нужны *общие дела*, *общей веры*. Нам нужен *общий* ответ *общему* врагу, а между тем большинство его даже и не замечает.

Невероятно важно в процитированном мною тексте указание на возможность веры, в которой *только* страх, трепет и ненависть. Люди забывают это и думают, что отрицание веры есть возможность обойтись без нее...

Обнимаю Тебя, мой дорогой, спасибо за чудесную статью и прости, что разглагольствовался.

Целую ручки дорогой Натальи Николаевны.

Любящий Тебя

бездельник Николай М.

236

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<VI.1932>***[1191]

Милый мой и дорогой друг!

Спасибо тебе за твои письма. Они мне очень дороги, и предметно, и по живому осязанию твоей души. Я бы тебе немедленно ответил подробно, но лежу в нервном коллапсе: мигрени, боли в солнечном сплетении и глубокая психическая депрессия. Состояние неприличной невр-астении (нервное недержание) и псих-астении (души недержание[1192]). Почти весь день дремлю. Помолись за меня, чтобы я выкарабкался,

а я, как только восстановлюсь, ~~отв~~постараюсь тебе ответить и письменно, и печатно.

И пожалуйста пиши мне *все*, и *каждый раз*, как тебе захочется, хотя бы из последнего мрака. Мы оба каждую строчку твою тут воспринимаем и переживаем.

Обнимаю Вас обоих.

Твой И.

Эта церковь – ~~на~~ в Риге, получай ее, на память о Латвии.

<Сверху оборотной страницы письма приписка Н. Н. Ильиной:>

Милый Николай Карлович, напишите, что это за композитор Константинов, ради которого создаются комитеты! Чествуете ли Вы Глазунова[1193]? Шлю привет Вам и Анне Михайловне.

Н. И.

Грустно, что мы не можем вместе посмотреть какое-нибудь озеро или долину...

237

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<12.VII.1932>***

Montmorency 12-го Июля 1932.

Милый мой и дорогой друг!

Я чувствую себя перед Тобой и дорогой Нат. Николавной[1194] в большом долгу, что не ответил на ваше последнее письмо... И еще я, ракалия[1195], не известил Тебя о получении книги (Entfesselung der Unterwelt[1196]).

Но дело в том, что Твое письмо, писанное в состоянии «глубокой психической депрессии» (как Ты сам говоришь), застало и меня в том же самом состоянии...

У меня за долгое последнее время отнялись крылья... Все нити жизни (начиная с отношений к людям и житейским де-

лам и кончая моей главной работой) стали запутываться узлами. Утомило это меня до крайности, ибо, не обладая особенным *умением* делать дела, да и работать (в смысле подведения *делового* итога своей работы), я еще менее умею ничего не делать, т. е. отдыхать и забываться, что, собственно говоря, всего более помогает распутыванию всяких узлов...

Сегодня же (вот уже третий день!) я, по настоянию Анюточки, бросил всякое попечение о каких бы то ни было делах и потому наконец добрался до ответа вам...

Итак, я не писал вам потому, что боялся (если можно так выразиться) *лежачего* друга *бить* своими «узлами»...

Но кроме того я был на этот раз лишен и помощи Анюты, которая как некий добрый гений с исключительной самоотверженностью поддерживает все мои жизненные нити и неизменно помогает мне в распутывании всех образующихся узлов... Ей самой *очень хотелось* написать вам, но во 1-х она последние шесть недель очень страдала от своей сенной лихорадки, а во 2-х она на *этот раз* (вследствие отсутствия в Твоем письме каких-либо признаков получения ее писем) – просто *не решалась* писать сама, так как боялась, что *доля* ее участия в нашем сообщении (доля, которую сама она по свойственной ей скромности склонна преуменьшать до микроскопической величины) может быть принята вами, как нуль. Уверяю вас – в этой ее боязни не было ни тени ни обиды, ни претензии на подобные ответы, а лишь мысль о *нецелесообразности* ее вмешательства в наше сообщение между собой. Подчеркиваю – *со*общение, ибо *общение* ее с вами так же неизменно прочно своей *внутренней* и непрерывной связью, как и мое. По этому пункту не прибавлю больше ни слова, ибо и так уже боюсь, что моя абсолютная откровенность с вами может быть принята как некий «узел», который ни у меня, ни у Анюточки в отношении к вам образоваться *не может*...

Спасибо Тебе, милый мой, за доброе Твое отношение ко мне и прошу Тебя – не торопи себя никакими ответами.

Здоров ли Ты наконец? Здоров ли хоть телом, ибо душа всего мира, а следовательно и каждого из нас, занемогла... Присланную Тобой книгу я пока только посмотрел и вследствие комбинаций ее жутких картин и заголовков с моим душевным состоянием, решил отложить прочте[н]ие ее до более прочного самочувствия*.

Теперь отвечу Наталье Николаевне о композиторе Константинове, устроившем *в честь свою* «*фестиваль*» истекшей весной. Дело в том, что имя его как «*Творца*» выскочило на музыкальном горизонте для меня так же неожиданно, как и для Вас. Но неожиданность эта уже давным давно перестала удивлять меня, ибо «Творцы» (не могу привыкнуть ко множественному числу этого слова и в особенности *столь* множественному, как в наше время!) – «Творцы» стали появляться теперь на художественной (да и всякой другой!) почве, как грибы после грозы... До сих пор я слышал о Константинове, что он талантливый музыкант и хороший пианист... Сам же я слышал только его музыку к одной из постановок М. Чехова (кажется, «12-я ночь»)... Это музыкальное сопровождение показалось мне столь далеким от какой-ниб. претензии на «*Творчество*» и притом оно порой так утомляло меня своей модернистической *неопределенностью* и сбивчивостью, что я, откровенно говоря, не поинтересовался *определять* его талант. Для меня искусство есть самое определенное и точ[ное][1197], что существует на свете. Если я воспринимаю эту определенность искусства, то потом и *только* потом и *по тому* определяю и оцениваю талант, в противном же случае, не трачу на это время... Собственно говоря, об этом не следовало бы и говорить, – так всегда и все поступали *до* нашего времени... Но теперь ведь принято поступать так: *человек* проявляет свою *волю*, т. е. наступает на нас тем, что всегда *кажется* нам самым *определенным* явлением; воля *челове-*

* [По]ка за эту книгу принялась Анюточка. [Прим. Н. К. Метнера.]

ка принимается за *талант* – все кричат «какой талантливый *человек*!» И вот констатируя ***этот*** талант, люди *заставляют* себя *определять* и оценивать *неопределенное* искусство этого «талантливого» человека... Таким образом и рождаются как грибы современные творцы во всех областях... не только в искусстве... Слово «Творчество», раньше употреблявшееся с благоговением в самых редких случаях, когда люди останавливались перед явлением, запечатленным Духом, (который один только может «Творить», т. е. творить чудо)... – это самое творчество *теперь* запечатляется голой *волей* человеческой и потому, лишенное духа, начинает издавать «дух» почти нестерпимый... Теперь слово «Творчество» не сходит с уст сопливых школьников, оно вошло в употребление во всех рецензиях, во всех рекламах, во всех областях человеческой жизни... «Творят» режиссеры, дирижеры, кухарки, портные, куаферы[1198], лавочники, пианисты, анархисты, коммунисты... И все это творчество сводится к животному инстинкту *самоутверждения* и потому вместо того, чтобы *творить*, люди *рушат* искусство, жизнь, государство... Сто́ит только взглянуть на эту богомерзкую, страшную харю, украшающую обложку присланной вами книги, чтобы понять, что́ именно люди стали называть *творчеством*. Я не могу больше слышать этого слова!.. Я не выношу больше и слово «талант», черт бы его побрал![*] Я настаиваю на том определении таланта, которое пытался дать по Вашему вызову в Знаменск. пер.[1199] – По-моему талант[**] это *главным образом* – *совесть*, т. е. в искусстве – *художественная* совесть, к которой каждый художник *главным образом* должен прислушиваться. Под такой *совестью* я разумею *совещание* души художника с духом

[*] А вы-то думали, что я соблазнен талантом Мариэтты! [Прим. Н. К. Метнера.]

[**] разумеется, в это понятие входят и специальн. *способности* [Прим. Н. К. Метнера.]

и законами своего искусства, которое он *никоим образом* не смеет считать *только своим* собственным искусством...

Я твердо верю, что так работали прежние мастера, что они вовсе не думали произвольно ***творить***, и потому они остерегались злоупотреблять этим словом... И я испытываю весь этот паскудный модернизм как некое изгнание из рая настоящего великого искусства, изгнание, которому мы подверглись еза это самое «творчество», за подлую страсть к самопроявлению...

Возвращаюсь к Константинову. Устроив в свою честь фестиваль, он прислал и мне приглашение чествовать его, но я, по свойственной моей природе сопротивляемости всем проявлениям искусства, самочинного и самочествующего порядка, не на шутку и совершенно неожиданно заболел флюсом. В концерте я, стало быть, не был, но по словам людей, которым можно верить, это *новое* «*творчество*» оказалось все той же *старой* песнью модернизма[1200]...

Чуть ли не на той же неделе было и чествование А. К. Глазунова, на котором я разумеется присутствовал в полной форме (т. е. даже в смокинге!)... И вот чествование этого высокопочтенного юбиляра, мастера-композитора, написавшего как-никак восемь симфоний, прошло в скромном зале, *без оркестра* (как говорится – «под рояль») и вообще носило характер далеко не фестиваля, а скорее какого-то провинциального благотворительного концерта... Это *между нами*! Мне было до крайности больно за него... Конечно таланту нужна бы ***и*** воля... Но увы – воля *плюс* совесть *в жизни* всегда оказываются слабее воли – минус совесть... До свидания, дорогие друзья наши! Мы очень печалимся, что нам по-видимому не суждено свидеться раньше случая, который забросит нас в Берлин... Будьте здоро́вы, не забывайте нас. Мы оба вас обнимаем.

Ваши Метнера.

237а

<Выдержки из письма № 237, сделанные А. М. Метнер[1201].>

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<12.VII.1932>***

Ильину. 12 июля 1932 г.

... у меня за долгое последнее время отнялись крылья... все нити жизни (начиная с отношений к людям и житейск. делам и кончая моей главной работой) стали запутываться узлами. Утомило это меня до крайности, ибо не обладая особенным *умением* делать дела, да и работать (в смысле подведения делового итога своей работе), я еще менее умею ничего не делать, т. е. отдыхать и забываться, что, собственно говоря, всего более помогает распутыванию всяких узлов.

... отвечаю о композиторе Константинове, устроившем в *честь свою* «*фестиваль*» истекшей весной. Дело в том, что имя его как «творца» выскочило на музык. горизонте для меня так же неожиданно, как и для вас. Но неожиданность эта уже давным давно перестала удивлять меня, ибо «Творцы» (не могу привыкнуть ко множеств. числу этого слова и в особенности *столь* множественному как в наше время!) – «Творцы» стали появляться теперь на художественной (да и всякой другой!) почве как грибы после грозы... [Затем подробности о музыке К.]

... я не поинтересовался *определять* его талант... для меня искусство есть самое определенное и точное, что существует на свете. Если я воспринимаю эту определен. искусства, то потом и *только* потом и *по тому* определяю и оцениваю талант, в противном же случае не трачу на это время... Собственно говоря, об этом не следовало бы и говорить, – так всегда и все поступали *до* нашего времени. Но теперь ведь принято поступать так: *человек* проявляет свою *волю*, т. е. наступает на нас тем, что всегда *кажется* нам самым *определенным* явлением;

воля *человека* принимается за *талант* – все кричат «какой талантливый *человек*!» и вот констатируя ***этот*** талант, люди *заставляют* себя *определять* и оценивать *неопределенное* искусство этого «талантливого» человека... Таким образом и рождаются как грибы современные творцы во всех областях... не только в искусстве. Слово «Творчество», раньше употреблявшееся с благоговением в самых редких случаях, когда люди останавливались перед явлением, запечатленным Духом, (который один только может «творить», т. е. творить чудо)... – это самое творчество *теперь* запечатляется голой *волей* человеческой и потому лишенной духа, начинает издавать «дух» почти нестерпимый. Теперь слово «Творчество» не сходит с уст сопливых школьников, оно вошло в употребление во всех рецензиях, во всех рекламах, во всех областях человеческой жизни... «творят» режиссеры, дирижеры, кухарки, портные, куаферы, лавочники, пианисты, анархисты, коммунисты... и все это творчество сводится к животному инстинкту *самоутверждения* и потому вместо того, чтобы *творить*, люди *рушат* искусство, жизнь, государство...

... не выношу больше и слова «талант», черт бы его побрал! Я настаиваю на том определении таланта, кот. пытался дать по вашему вызову в Знаменск. Переулке. По-моему Талант* это *главн. образ. совесть*, т. е. в искусстве – *художественная* совесть, к кот. каждый художник *главн. образом* должен прислушиваться. Под такой *совестью* я разумею *совещание* души художника с духом и законами своего искусства, кот. он *никоим образом* не смеет считать *только своим* собственным искусством...

Я твердо верю, что так работали прежние мастера, что они вовсе не думали произвольно ***творить*** и потому они остерегались злоупотреблять этим словом... и я испытываю весь этот

* разумеется в это понятие входят и специальн. *способности* [Прим. Н. К. Метнера, также скопированное А. М. Метнер.]

паскудный модернизм как некое изгнание из рая настоящего великого искусства, изгнание, которому мы подверглись за это самое «творчество», за подлую страсть к самопроявлению...

238

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам>
<ок. 15 – 18.VIII.1932>[1202]

Милые и дорогие друзья, Коля и Анюта!

Не браните за долгое молчание! Я пережил такие тяжелые два месяца, что и в жизни не запомню. Теперь выкарабкиваюсь из пучины... Вот и вся причина моего молчания: из пучины не напишешь, коли любишь и бережешь друзей...

Заболел я внезапно, шестого июня. Мигрень дня на три, четыре; расстройство сердечной деятельности; полная забастовка желудка, все вышвыривавшего; длительная целодневная дурнота и т. д. Весь июнь я таял, как свечка, поднялась опять температура и за 3 недели я потерял 6 кило веса. Было несказанно мучительно и плохо. В начале июля мы с трудом добрались до Цюриха, где старший врач медицинской поликлиники, с большим диагностическим опытом и именем – три дня меня обследовал: просвечивал легкие, желудок; анализировал кровь и прочее; даже челюсти снимали рентгеном, – нет ли тайных гнойных мешков. Оказалось: *все хорошо*. Легкие зажили, желудок работает прекрасно, кровь хороша (98% гемоглобина); нигде – ничего; и в челюстях ничего.

Сказали доктора: нейроз сердца и желудка; продукт пятнадцатилетнего, и конечно всежизненного, нервного напряжения. Удивительно, сказали, не то, что это «стряслось», а то, что это так долго не разражалось. Словом, за службу и мучения – причитаются новые мучения, чему надо покориться и что надо нести.

Слава Богу, теперь эта буря за плечами, и я выбираюсь из трясины. Дело не *в отдыхе*, а в легкой, ненапряженной и удовольственно-покойной нервной жизни; а потом в терпении и самообладании. Чтò я переживал, знает только тот, кто сам имел нейроз сердца или видел его на близком человеке... Эти ужасные *дни*, когда от отчаяния начинаешь *звать* смерть и эти *минуты*, когда думаешь – что она *сейчас вот наступит*...

А в сердце – органически – *нет ничего*; и нигде ничего; а все в клубке – и душа в депрессии и отчаянии... Лечился же все время *слезами* – раза по три в день плакал как ребенок – так и великие аскеты учат[1203].

Теперь, если что и осталось – то слабое, покорное, не пугающее и не мучающее. Но душа и воля устали так, как если бы их пропустили *через молотилку*, а потом через *кофейную мельницу.*

И тем не менее я *все время* работал над новой книгой – хоть 2 часа, хоть час, хоть полчаса в день. Главы ее: Вера в Бога. Свобода. Совесть. Семья. Родина. Правосознание. Государство. Собственность. Увы – по-немецки (потом выпущу и по-русски). А по-немецки под тем же псевдонимом[1204].

Ну, теперь Вы все знаете. Коля, конечно не читай присланную мною мерзость. Я только потому и послал ее, чтобы даже из болезни отозваться на вопрос Анюты – что мол за книги я выпускаю. И Анюту прошу прочесть только послесловие господина Швейкерта[1205]; и тебе в другое *нечего заглядывать*. Нам надо жить *Божьим дуновением*, а не дьяволовым смрадом; иначе мы все лопнем. *А все прочее об Анюте – неверно~~го~~*; я ее люблю, как сестру и друга. Когда пишу Коле, то знаю, что и она все будет читать и всегда рад этому. Как же может быть иначе?

Грустно, до бесконечности грустно, что мы совсем не видимся... И не расскажешь, до чего все это противоестественно. И когда же это изменится?!

Милый мой! Если все звезды, травы и птицы устанут слушать твою музыку, то *мы оба – не устанем*. Пой нам! Клянусь тебе, что мы все услышим! Ужасно то, что *это не удается осуществлять*! Посылай нам все, хоть по духовной волне – ангелы донесут! Они где-то совсем близко и болеют о нас и за нас[1206].

В один из первых дней моей болезни, когда уныние мое начало переходить в отчаяние, я в течение целой ночи слушал *внутренним* слухом[1207] голос, ласково, успокоительно, с нежной уверительностью твердивший мне: «Все идет *хорошо*! *Все* идет хорошо! Все идет *очень* хорошо!»... и проснулся я утром с блаженной полуулыбкой на лице...

Другой раз я видел сон, где в каких-то нишах стояли существа, ждавшие от меня какого-то завершения, и я с радостью касался одного, давал цветок другому, говорил что-то третьему – и с грустью отходил, думая: «Господи, как мало мне удается сделать для завершения и совершенства их! Все сделано уже раньше меня – а я всего только»... Весь сон переживался *без* чувственных содержаний...

Дорогой мой! Что *мы*? ***Они*** слушают твою музыку. Помнишь у Лютера: «wer sich die Musika erkiest, der hat ein himmlisch Werk begonnen... Weil die lieben Engelein – selber Musikanten sein»[1208]... *Мир* томится по пению, по гармонии и ритмам; а ты как будто сомневаешься. Если ты умолкнешь – то камни застонут[1209]. Посмотри пожалуйста в Возрождении 12 августа, пятница – *маленький фельетон Ренникова о музыке*: шутит, издевается – а линия-то верная[1210].

Нет, друг, твори! Оправдание твоего творчества уже в одном том, что ты к Богу обращаешь его и *молясь* созидаешь. Может быть главное признание придет *потòм*. Но вспомни:

«Ты им доволен ли взыскательный художник?»[1211]

И еще вспомни свою последнюю поездку по России; вспомни прием, оказанный тебе *этой* весной в парижском концерте. И будешь *тайно радостен* до конца.

Посылаю тебе и Анюте – кое-какие выписки, не мало утешавшие меня за последнее время. Обнимаю Вас обоих за себя и за Наталию Николаевну. Она, мой ангел хранитель, много натерпелась за мою последнюю болезнь, утешая, ободряя и обнадеживая меня – в руинном виде моем.

Господи, как много неиспытанных, неисхоженных, невыпетых страданий на свете! И как мы все беспомощны и одиноки!

Ваш И. И.

Адрес: Schweiz. ~~Rigi. Postlagernd~~ Zürich. Hôtel Sonnenberg (перешлют)[1212].

239

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<21.VIII.1932>***

21 Авг. 1932.

Любимые друзья,

Слава Богу, что миновало ваше жестокое испытание. Ясно, что это реакция на все последние годы (начиная с тюрьмы[1213]). Письмом Вашим мы были буквально потрясены. Но несмотря на это тут же испытали и радость, какую всегда приносят нам Ваши письма.

Очень мне показался замечательным Ваш сон, где в нишах стоят существа и ждут от Вас завершения и Вы всех наделяете...

Это верно Ваша же душа и ждет, а Ваш (как это назвать: творческий гений или дух?) и наделяет. А Ваша душа всегда ждет и никогда не испытывает, что вот уже и «завершено», т. к. Творчество будет жить в Вас всю жизнь.

Правильно это или нет?

Но другие конечно уже видят постоянное, вновь повторяющееся завершение на Вашем пути и каждое сказанное Вами «слово», «цветок» «прикосновение» воспринимается как цельное, полное, завершенное. И только Вы один постоянно и всю жизнь будете с грустью думать: «как мало удается Вам сделать»... и это именно потому, что очень *много* делаете и что это не иссякает и всегда будет новый приток творческих сил и того, чтò Вы должны отдавать другим, и конца этому не будет. А тот, кто мало дает, так он и не страдает, что мало, а думает, что очень много. А Вы от Вашего многомиллионного богатства всегда будете испытывать, что «мало», т. к. все еще будет много оставаться. Но ведь до конца отдать можно только настоящие миллионы и им есть конец, а духовные чем больше отдавать тем их больше становится.

Я никогда не пыталась толковать сны и знаю, что на все требуется специальное знание, но уж очень мне этот Ваш сон понравился и показалось мне, что я его поняла. А что все это Вам тут же и расписала, за это простите!

О нас рассказывать нечего, кроме того, что Коля опять оторвался от музыки и целые дни проводит за своими записками о музыке. И хоть он очень тоскует по музыке и жаждет вернуться к ней, но какой-то демон держит его и не отпускает.

Жаждем получить Вашу книгу, когда она выйдет. Пусть по-немецки – ничего! Мы очень подивились, что Вы могли при таком страдании *все время* работать. Впрочем это ведь тоже было одним из лекарств.

Куда поедете из Швейцарии? Не проедете ли через Париж? Хоть это и не совсем по дороге, но уж очень хотелось бы повидать Вас.

Тут сегодня первый день, что можно стало дышать, а до сих пор стояла невыносимая жара и без малейшего ветерка и все люди и животные и растения очень страдали. Выпал наконец дождь, повеял ветерок и все задышало...

И в делах наших наконец повеял ветерок после долгого застоя. Коля приглашен в Ригу на 21 и 28-ое. Вероятно будет и в Ревеле и Гельсингфорсе[1214], но еще не наверно. 9-го ноября в Париже. Мечтает дать и песни, но пока еще нет исполнителя.

Будем ждать ответа хотя бы из двух слов: как идет поправка и куда писать Вам теперь.

Спасибо и за выписки! Читаю их как бы исходящими из уст Ивана Александровича. Такой венок сплетен, что диво!

И еще спасибо за добрые для меня слова!

Мы Вам так давно не писали, что я уж не буду ждать Колю и отправлю это. А потом через день или два и его письмо пошлю.

Обнимаю Вас обоих с любовью.

Ваша А. М.

240

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<конец VIII.1932>***[1215]

Милая и дорогая Анна Михайловна!

Спасибо Вам за хорошее письмо. Мы оба были тронуты; и Ваше толкование сна моего, кажется, совершенно верно... Во всяком случае символика сна и мне виделась в этом роде. Сколько лет уже я молюсь словами Eichendorf'a: «Was hast Du mich blank gerüstet, wenn mein Volk mich nicht begehrt»[1216]... И как это мучительно из года в год *бороться* с дьяволом, *погибать* от него и *вопить* о нем, предупреждая других (не хотящих верить и не могущих понять) – вместо того, чтобы петь Богу, как это делают счастливые музыканты. Я и посейчас еще не совсем оправился и вовсе не опомнился от налетевшей на меня бури мучений. Знаю и верю, что это *Он* ведет, учит и посылает очищение; но «страшно впасть в руки Бога Живого», говорит писание[1217]; а исходящая от *Него* нарочито

мне помощь и милость – всегда казалась мне незаслуженной, а разговор о ней притязательным и нескромным. Пожалуйста перечитайте в Рус. Колоколе выдержки из Сенеки (кажется в конце 9 книжки, а м. б. 8[1218]).

Пишу Вам из Гриндельвальда[1219]. Были и в Вашем отеле Eden, там Вас помнят, но нам показалось тесно и неуютно. Мы осели в отеле Zentral-Wolter (пятый от вокзала). Кормят *хорошо*; пансион 8 $^1/_2$ франков. Теперь *вся* Швейцария спустила цены в среднем на 2 франка. *Часто за счет качества и количества питания*. Но в нашем отеле кормят хорошо. Пробудем здесь еще дня 4. Потом еще куда-нибудь. Но Вы пожалуйста никакими передвижениями не смущайтесь: письмо, брошенное по *любому* из наших *бывших* адресов, доходит безошибочно. Я всегда так регулирую пересылку, что шлют по кратчайшей линии. Были мы в Цюрихе, потом неделю на Риги[1220], 2 дня в Weggis[1221], теперь здесь. Но из Цюриха мне шлют уже *прямо сюда*, и *Ваше* письмо ни на Риги, ни в Weggis *не ездило*. *Всегда годится любой* из моих адресов; я нередко получаю письма, посланные мне на берлинский адрес от 1928 или 1929 года. И *все* доходит. Я настолько дорожу письмами друзей, что восстанавливаю кратчайшую линию.

С Риги говорили с Натальей Александровной[1222]; из Weggis ездили к Рахм. в Hertenstein[1223]. 23-го августа ужинали у них, застали там *Сванов* (его и ее); были доставлены после 11 часов в Weggis на автомобиле под проливным дождем. С. В. был очень мил. Удалось даже за~~ет~~вести разговор о музыке и об искусстве; он стравливал меня со Сваном, радовался нашим сшибкам и явно не сочувствовал формальным толкованиям музыки. Я даже читал вслух из своей эстетической тетрадки отрывок из «Соловья» Стравинского; он сочувствовал...

Сван мне очень понравился, как человек и как русский. Но подход его к искусству *формален* и против моих содержательных толкований и требований он *топорщился и протестовал*, – ~~но~~ однако ***беспомощно***.

Коля едет в Ригу etc.! 21 и 28-го, пишете Вы. Господи, но *какого же месяца*?! Сентября?! Октября? Надо же знать, когда Вы через Берлин поедете?!

~~Но надо~~ По-моему так: *что из Коли прет – все приветствовать*. Слова – слова, звуки – звуки, песни – песни, концерты – концерты. Надеюсь, он сам поймет подчеркнутые слова в *приличном* смысле.

Но вот – *нам бы* почитать его слова!! Мало утешения, что за горами за долами стоит Коля с пирогами! Отведать бы...

Наши планы пока еще туманны. Дерусь за монету, выкарабкиваюсь.

Целую и обнимаю Вас обоих, от нас обоих.

Ваш И.

Тут в Гриндельвальде очень уж яма. У нас обоих даже кажется зоб начал~~ся~~ делаться – ибо зоб у швейцарцев от того, что они *горами подавились*, горы и лезут выпухолью. Я велел Наталье Николаевне обсмотреть мою шею – она говорит: кажется, лезет. Вот была бы еще история от географии! Ну да Бог милостив...

Адрес:
Scweiz. Berner Oberland.
Grindelwald. Hotel Zentral-Wolter

241

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<30.VIII.1932>***

30 Августа 1932 г.

Дорогие милые наши друзья!

Все это время был душой с вами, но не мог добраться до письма, потому что до всего с трудом добираюсь...

Спасибо Тебе, дорогой Иване, за оба Твоих письма! Спасибо за душеспасительные цитаты! А еще бóльшее спасибо, что и меня поддержал в моем унынии, а главное, что сам себя сумел вытащить из «пучины»...

Я все это время *музыку* не сочинял, а наподобие Дон-Кихота пытался защищать ее от современных пасквилянтов... Намерения самые добрые, но все же это дело бесполезное, в особенности при таком воистину донкихотском вооружении, каким является *мое* слово, *мое* перо... Музыку надо защищать только песней, а песня стала поперек горла...

А Вы, по твоим словам, подавились горами? Почему же Вы не поедете на «Schynige Platte»[1224]? Непременно побывайте там! Это девятая симфония плюс Парсифаль[1225].

Обнимаю Вас, наши милые!

Не забывайте нас ни в каком случае.

Любящий вас Донъ-Метнерюкъ

<На содержащей письмо стороне открытки с изображением Сен-Винсентского монастыря в Санлисе департамента Уаза (тип. надпись: «37. SENLIS (Oise). – Institution St-Vincent – Le Cloître») приписка:>

Этот монастырь основан в 11-м веке Анной Ярославной, женой Генриха I-го[1226].

<И чуть выше:>

Древнейшая часть есть *самая церковь*, а не этот двор.

242

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<1.IX.1932>***

1 Авг[1227]. 1932.

Любимые друзья, спасибо за чудесное письмо!

Тороплюсь и потому это письмо будет краткое: не хочу задерживать отправку Колиной карточки. Тут у нас были Сваны

и узнав, что они с Вами встретились у С. В., мы разумеется попытались вытянуть из них о Вас все, что возможно.

Не удивляемся, что Сван понравился Вам как человек, т. к. он несомненно благородный человек с чистой душой, но что касается ума его, то тут дело обстоит похуже. Что он был беспомощен, вооружась формальным оружием – не удивительно, т. к. он и этим оружием абсолютно не владеет и уже не раз поражал Колю. Все, что он пишет, все его «разборы», «анализы» и проч. – совершенная ерунда и только изредка он попадает в точку и то пожалуй потому, что, когда человек будет целые дни стрелять, то даже, будучи негодным стрелком, он может иногда и попасть в цель.

Вы ему *очень* понравились во *всем*, кроме рассуждений об искусстве. Но это и не он сказал, а она мне, причем в том смысле, что Вы ведь не специалист и проч. и проч. Я совершенно неудержимо лопнула со смеху. Они оба считают себя очень глубокими ценителями искусства и специалистами. Она недавно напечатала статью в *России и Слав.* о Грекко[1228] и такую, что неловко было читать. Вообще они оба – цыплята. Я ей только напомнила «специалиста» Липаева[1229] (он на какой-то трубе играет) – специалиста по истории музыки. Но втолковать тут ничего нельзя. Даже бесполезно было бы дать им напр. прочесть такие образцы, как *О Боттичелли* или *О Домовом* Н. Н-ы[1230].

Они и пытаются потому браться за формальное оружие, что другим не владеют и, думая что владеют формальным, хватаются за него. У него это ограничивается тем, что он знает *название* аккордов и проч., а у нее тем, что она знает, какой стиль – романский, какой – готический и т. под. И в какие века что было...

Коля его иногда пошлепывает этим же формальным мечом (вернее лаптой[1231]) и он утихает. Вот что-то много вышло про Сванов. Но я скоро опять напишу и о нас. Молим присылать хоть краткие вести о здоровье и местах, где будете.

В Риге должны быть концерты 21 ноября и 28 ноября, но поедем раньше. Здесь концерт 9 ноября. Но застрять в Берлине предпочитаем на возвратном пути, чтобы не торопиться и побыть с Вами. Вероятно во второй половине декабря. Будете Вы тогда в Берлине?

<Далее письмо продолжается приписками вверху (текст перевёрнут) и по левому полю первой страницы:>

Все книжки *Колокола* у меня на письмен. столе и мы перечитываем то, о чем Вы упоминаете.

Мы очень порадовались, что горы у Вас лезут выпухолью.

Обнимаю Вас обоих!

Ваша А.

243

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<19.IX.1932>***

Милый мой и дорогой друг!

В июне я обещал тебе ответить на твое требование несколькими статьями. Дело начато и первая статья «Что такое искусство[?]»[1232] отослана в Возрождение.

Она первая, *начало*. Я писал ее духовно от *своего* лица и (прости) от *твоего* лица*. И написав, я *посвятил ее С. В. Рахманинову*. Она содержит именно то, о чем ~~м~~*ты с ним* 100 раз говорил; о чем мы еще в Москве говорили; о чем я говорил с ним при Сване. Наконец, проездом мимо, мы были у него недавно *второй* раз; и я ему эту статью (при Риземане[1233]) целиком прочел, требуя от него *согласия* на посвящение ее ему. Я должен сказать, что слушал он с чрезвычайной сосредоточенностью и под конец лицо его выдавало так~~ое~~ую *радостную взволнованность*, что мы с Наталией Николаевной были *глубоко* и *всецело удовлетворены*. Согласие свое он дал

* что конечно в тексте нигде не видно! [Прим. И. А. Ильина.]

безоговорочно. Просил копию; чтобы вчитаться. Я обещал ему копию, но снять ее не успел, о чем его известил.

Эта статья сравнительно *экзотерична*. Вторую, *главную*, *эзотерическую*[1234], я посвящу *тебе*[1235]. И вообще, весь этот ряд статей мысленно пишу *для тебя*. Третью думаю посвятить И. С. Шмелеву[1236], нашему с тобою в искусстве большому единомышленнику.

Восприятие статьи Рахманиновым особенно дорого потому, что, как мы видели, он был в этот вечер чем-то глубоко расстроен и удручен (10-го сент.); потом уже мы узнали, что его вероятно расстроил брак дочери его, Татьяны[1237]. Пожалуйста, попроси Анюту написать нам все, что она об этом знает.

Ты конечно представляешь себе, как дорого мне будет каждое *твое* слово о моей статье. Если увидишь Рахм. *после ее появления в Возр*. – то допроси его о *его* мнении. Он конечно будет очень сдержан и осторожен; но ты увидишь *по лицу*.

Все наши впечатления о *его позиции в искусстве* говорят категорически за то, что он и с тобою, и со мною *просто единомыслит*, но не хочет об этом распространяться и не хочет последних, глубоко-героических выводов.

Мы сейчас возле Lugano (адрес: *Lugano. Fermo in posta*[1238]). Самочувствие мое все еще очень неустойчиво и бывают дни, что я просто мало приличен. К счастью жена меня все еще терпит, призирая, ~~за~~но не презирая.

Обнимаю Вас обоих. Душевный привет шлем Вам оба.

1932.IX.19. Твой И. И.

244

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <8–10.X.1932>

8 окт. 1932.

Дорогие и милые друзья,

Наконец я добралась до этого письма. Пишу и уже волнуюсь, что буду оторвана. Я в доме лицо, к которому можно

во все часы и минуты дня обратиться с каким угодно делом и нет у меня никакой защиты от всех этих дел.

Начну с того, что удовлетворю Ваше желание. С. В. в сентябре, когда Вы его застали расстроенным, может быть и был все еще под впечатлением Таниного брака, если он мог додержать это недовольство от мая (когда была свадьба) до сентября. Но я думаю, что острое отношение в то время уже улеглось. Тем более, что Таня уже успела там побывать (С. В. на свадьбу сюда[1239] не приезжал) и убедила вероятно отца, что она счастлива. Но т. к. чужая душа потемки, а такая рахманиновская и в особенности, то ничего знать нельзя. А будет ли Таня счастлива, тоже пока еще рано говорить. Боря Конюс – человек обыкновенный, но ведь и Таня могла бы уже в этом возрасте чем-нибудь проявиться, хотя бы требованием другого человека. И вообще мы никогда не наблюдали, чтоб обе девочки (теперь уже солидные дамы) влеклись к другого рода людям, и Боря Конюс в этом кругу был не худшим. Вопят, что он необразован. Он так же необразован, как сейчас почти все люди его возраста в эмиграции.

С. В. пока зажал в своей душе к Б. К. отрицательное чувство, но оно может быть постепенно и испарится. Они, как все родители, мечтали для Тани о «блестящем браке», но ведь иногда эти блестящие браки бывают самыми несчастными.

Ваше письмо – от 19 сент., и я очень боюсь, что данный Вами адрес уже недействителен.

С. В. у нас был до того, как напечатана была Ваша статья, так что о ней не говорили, т. к. когда его спросили о его впечатлении, то он сказал, что ему трудно дать отзыв после одного прочтения.

Коля же сейчас мечтал писать Вам, но в его жизни еще не было такого года, как этот. То его душила одна работа, то другая. Только что он хотел приняться за подготовку к концертам, как посыпалась корректурная работа. А между тем приготовление к концертам должно быть совершенно вольгот-

ным. В особенности уже потому ему важно делать это спокойно и не давясь, что он этим летом абсолютно не передохнул и чувствует себя утомленным (все решительно, кого мы знаем, отдыхали минимум месяц, а то и три). Сейчас надо думать о том, чтобы, работая часов 5 на ф. п., отдыхать хоть два часа в день. Между тем сейчас опять корректуры. Рассказываю Вам это для того, чтобы Вы поняли, как ему сейчас трудно писать. Чтобы писать *Вам*, он должен в это совсем погрузиться, а на это уже не остается времени.

Печатаются сейчас Соната – Грозовая и мелкие вещи для юношества[1240].

Свои записки Коля все выписал и сложил по конвертам в ящик и пролежат они там пока не потребуются.

Надо мне Вас спросить об одном деле, к которому мы сами никак не можем установить окончательно нашего отношения.

Нас зовут в Москву. Желание у нас разумеется огромное. Но есть и опасения разного рода. Не буду их перечислять, т. к. Вы сами их не хуже меня знаете. Мы просим Вас, когда будет минута времени (*вдвоем*) представить себе все, что может теперь с нами там произойти, и написать нам, как бы Вы на нашем месте решили – ехать или нет. Мы ежедневно читаем газету и уже одно только чтение обо всем, что там творится, – приводит в бешенство. И оно – это бешенство и злость – не останутся здесь, а поедут с нами, да еще там могут вырасти.

Все нас зовущие вероятно не представляют себе такого нашего состояния, а то может быть и не звали бы.

Ну, а главное, о чем просим написать нам, – как Вы оба себя сейчас чувствуете. Как здоровье и настроение.

10 октября.

Ваше письмо – от 19 сент. – значит прошло уже двадцать дней и Вы могли уехать из Швейцарии. Надеюсь – Вам это перешлют.

Очень жаждем Вас видеть!

У нас еще не выяснено, когда будем возвращаться через Берлин. По пути в Ригу мы ~~бы~~не остановимся, т. к. придется торопиться.

Обнимаю Вас обоих.

Любящая Вас А. М.

<Далее приписки Н. К. Метнера красным карандашом:>

И я обнимаю дорогих знаменских[1241] друзей!

Статью, разумеется, прочел. Но она подымает во мне только что закупоренный (и с таким трудом!) фонтан собственных мыслей об искусстве и потому я отвечу на нее или при свидании или позднее.

Простите за корректурный карандаш!

Не забывайте нас!

Любящий вас Н. М.

245

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<14.X.1932>***

14-го октября 1932

Милый, дорогой друг мой!

Я хотел было отложить какой бы то ни было ответ на Твою статью об искусстве. Я боялся втягиваться в круг мыслей, из которого только что с трудом мне удалось выкарабкаться... как я Тебе писал на днях. Я тщательно заткнул фонтан сей... Но, увы, пробка выскочила и я чувствую, что, пока не выскажусь, не смогу заняться своими очередными (концертными) делами. Но писать сам не могу – так устает у меня рука от целодневной работы – и потому передаю перо Анюте; она будет писать под мою диктовку.

<Далее рука А. М. Метнер:>

Разумеется по существу (идейно) я и понимаю и принимаю Твою статью. Но как газетный фельетон, долженствующий быть некиим вразумлением, другими словами, с педагогической точки зрения, статья эта вызывает меня на некоторое возражение. Центр тяжести Твоей статьи – пророчество художника. Ты *слишком* упираешь на пророческую миссию художника.

Пророчество, как таковое, – есть искание и несение воли Божьей. Воля же Божья на земле вовсе не заключается в том, чтобы ***все*** люди, а следовательно и ***все*** художники, были пророками.

Например: одно из проявлений воли Божьей на земле, по моему мнению, выражено необычайно точно Гёте: es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen[1242]. То есть то, что дерево уходит корнями в землю, а стволом устремляется в небо, есть тоже несомненно воля Божья! Как и то, что устремляясь в небо – не посягает на полное достижение его.

Пророчество художника, как *земной чин*, до известной степени имевшее место ~~в~~ на наших глазах (Скрябин напр.), является весьма опасным посягательством.

Пусть только каждое дерево растет по мере данных ему Богом индивидуальных свойств и пусть блюдет ~~то~~ равновесие глубины и силы корней с высотой устремления в небо.

Такая ~~же~~ воля Божья чувствовалась *раньше* и художниками различных искусств, и каждое искусство и само по себе и в ~~отд~~ лучших своих произведениях имело и свои корни и свои стволы.

В наше время самочинного отвержения и преступления *этой* воли Божьей педагогически я считаю наиболее важным борьбу именно с этим преступлением, которое до известной степени тоже посягает на пророчество, но – антихристово.

Та работа, которую я проделывал все это время в своих записках, направлена именно на борьбу с этим пророчеством.

Люди потеряли последний минимум того разума, который дан им Богом в отличие от звериного инстинкта, того разума,

которым был так опьянен и который так чудесно воспел Пушкин в своей *Вакхической песни*.

Мы утратили истинное понятие *формы*, которой учит нас Бог в каждом своем творении, начиная с цветка до всего мироздания.

Ты пишешь о том, что Шмелев – совсем одинакомыслит «с нами». А между тем я боюсь, согласился ли бы он со мной, если бы ему попались эти мои слова. Думаю это на основании его статьи об Амфитеатрове в «Возрождении», где он, увы, проявил некоторое отношение с кондачка к форме. Удивительно, что кондачок этот проявляется равно ~~и~~ как отвергающими значение формы, так и легкомысленно односторонне подходящими к ней, как к самодовлеющей и самочинной игре. И те и другие как бы выводят ее из подчинения тому вакхическому разуму и делают ее игрушкой рассудка. И те и другие не понимают, что она так же не *изобре*тается, а *обре*тается, как и то семя[1243] *темы*, из которого она рождается.

Все наше поколение необычайно гордо своими сверхъестественными *изо*бретениями, обезьяньими ухватками, и полагает в них «прогресс» того разума, который с ними ровно ничего общего не имеет.

Все эти изобретения, как порождения рассудочных способностей, не дают нам *обрести* ничего, кроме хаоса шума и суеты...

<Далее вновь рука Н. К. Метнера:>

Не имею возможности *закончить* своих мыслей и потому принужден *оборвать* их...

Мысли эти входят в мои записки и конечно, будучи выхвачены из *целого*, могут показаться недостаточно определенными и потому мало убедительными. Но я надеюсь, если мне удастся когда-ниб. ознакомить Тебя с тем *целым*, которое определяется в моих записках, то Ты, если не согласишься со мной, то все же поймешь меня.

Я собственно не столько возражаю Тебе, сколько высказываю свои *педагогические* соображения. Не высказать их не могу, потому что постоянно с любовью думаю о Тебе, как об одном из самых близких. Горячо обнимаю Тебя и целую ручки Нат. Николаевны.

Учитель музыки Метнерчукъ

246

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<28.X.1932>***

Дорогая Анна Михайловна!

Все письма от Вас получились – и от 8 окт. и от 14 окт. Спасибо. Пишу Вам из Берлина, где мы находимся с 16 окт.

До 2 ноября мы в пансионе: Kurfürstendamm. 200. Pension Tonn. А со 2-го переезжаем на снятую *не*меблированную квартиру: Berlin-Wilmersdorf. Sodener Str. 36. III[1244]. Квартира будет первое время вроде лысины и только постепенно будет застанавливаться кое-какою аукционной мебелишкой; говорят, ее тут можно приобрести за гроши.

Мы пробыли до 1 окт. в Швейцарии. 1 окт. въехали в Италию – были в Мантуе, Виченце и Венеции. По приезде в Венецию, я оказался с ангиной, которую и пересиживал в отеле на Лидо[1245]. Слава Богу, жену не заразил. Венецию все-таки посмотреть успели и ездили на другие острова (Мурано и Торчелло) смотреть чудесных византийских Мадонн (мозаика 11 века). 14-го тронулись в обратный путь; ночевали в Лугано, в Штутгарте и на третий день поздно вечером приехали очень усталые в Берлин.

Сразу принялись искать пустую квартиру и через четыре дня я уже сидел в гриппе, который и ныне не прошел еще окончательно. Квартиру искать помогали друзья; Нат. Ник.

тоже ездила, смотрела, пока не схватила насморк. Но теперь уже все закреплено и сегодня мы подписали контракт.

Очень трудно мне ответить на Ваш вопрос о поездке туда. Эстонское гражданство конечно ни от чего не гарантирует – ни от обыска, ни от ареста, ни от ссылки в Вятку. Это надо иметь в виду. Положение дел там так трагично (голод, напряжение, нажим террора), что надо будет спокойно и выдержано faire bonne mine[1246], т. е. определенно притворяться ничего не замечающим и безразличным. Боюсь я, что мои статьи о Колиной музыке (Рус. Кол., Возрождение) могут Вам там повредить – начнут допрашивать о нас, требовать подписки в лояльности, требовать письменного лжесвидетельства о том, что искусство в Совдепии процветает и осуществляет «пятилетку культуры» etc. – Как Коля все это переварит, мне неясно...

Но тут уж позвольте оборвать мои соображения: может быть все же это опять окажется шуткой – вроде апрельской мариэтиной оперы?! А я опять принял всерьез и распространился...

Скажите Коле, что я ему очень благодарен за письмо об «искусственной» моей статье; но возвращаться к ней не буду, чтобы его не будоражить в мыслях и не отрывать от работы. На днях я отправил в Возрождение вторую статью об искусстве – если ему не лень, то пусть прочтет; она кстати ему-то и посвящена. За второй будет третья, пятая и десятая[1247]. Если они его будоражат, то пусть он их не читает; я не обижусь.

Когда Колин концерт в Париже и когда Вы двигаетесь в дорогу? Я не знаю, в каком я буду виде при Вашем проезде; если в приличном, то приеду на вокзал посмотреть на Вас. Но для этого я должен точно знать день, и поезд, и вокзал первого прибытия (Charlottenburg?).

Мы оба шлем Вам обоим душевный привет и ждем вестей. Не забывайте!

Ваш ИАИ.

см. на обороте[1248]

Если из Швейцарии к Вам придет какая-нибудь почта для меня, то *не пересылайте* ее мне; а будьте милы и привезите ее для личной передачи. Эта возможность не исключена.

Целую Ваши ручки.

И.

1932.X.28
Берлин.

247

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<9–11.XI.1932>***

9 ноября[1249].

Дорогой Иван Александрович, мы были очень счастливы, получив Ваше письмо от 28 октября. Оно попало нам в дни, когда мы оба были заняты так, что получасу в день не могли выкроить. Внезапно было решено участие Ян Рубан в сегодняшнем концерте[1250] и пошла такая гонка невообразимая, как еще никогда не было. В это же время шла переписка с Москвой (по поводу поездки туда), которая нас тоже замучила, т. к. нельзя же было писать им все наши соображения и опасения, а они ничего не понимают и удивляются на неосновательность наших доводов, мешающих этому решению ехать. Я очень приняла к сведению Ваши опасения, но Коле явно, несмотря на все это, очень хочется туда съездить.

10 <ноября>. Вчера концерт прошел очень хорошо. Если бы было сейчас время, то написала бы подробнее, но надо укладываться и вообще масса предотъездных дел. Вчера наконец выяснилось, что нам необходимо выехать раньше, чем мы думали, ~~а <*прзб.*>~~ т. к. может случиться, что перед Ригой мы еще должны будем съездить в Ревель. Колю такая неизвест-

ность до последней минуты очень нервит. Все наши дела идут в таком же духе. Ничего невозможно наладить спокойно заранее и все сваливается как снег на голову. Вопрос с поездкой в Россию выяснится только в Риге. В Берлине мы остановимся или после Риги, или же еще позже, т. е. после Москвы. Из Риги во всяком случае напишу. А по пути туда мы не решаемся Вас беспокоить приездом на вокзал, т. к. это всего несколько минут и кроме того должен непременно приехать на вокзал Циммерман, чтобы передать нам оркестровый материал Колиного концерта[1251] и переговорить о наших с ним делах и счетах. Если бы его присутствие Вам все-таки не помешало бы, то вот на этот случай время, когда мы там будем: 8 ч. 51 на Schlesischer Bahnhof[1252]. Только не могу еще не прибавить, что для нас всегда большое счастье повидать Вас обоих хотя бы несколько минут. Но мы не обидимся, если Вы и не приедете ввиду присутствия Циммермана и слишком раннего часа.

С нетерпением ждали Вашей второй статьи[1253], но так и не дождались. Попросим кого-нибудь нам ее тогда выслать.

Мы очень надеемся, что Вы оба совсем здоровы и что все у Вас благополучно.

Обнимаю обоих.

Ваша А. М.

<Приписка А. М. Метнер на первой странице письма сверху (текст перевёрнут) и по левому и нижнему полям:>

Вчера не успела этого отправить. Сегодня могу сообщить, что концерт вчера прошел великолепно! И кроме того еще новость: мы окончательно решили не ехать в Россию. Из Риги сообщу, когда приезжаем в Берлин, и значит не мучайте себя ранним вставанием при нашем проезде теперь и на вокзал не выезжайте!

248

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <13.XII.1932>

I. Wolfman
Pulkoveža Brieža ielā 7, dz. 13
Riga, Latvia[1254]

Riga, 13 декабря 1932.

Это сейчас наш адрес.

Дорогие друзья, когда мы уезжали из Франции, я писала Вам и просила ответить по рижскому адресу, застанем ли мы Вас в середине декабря в Берлине. Но ответа так и не было. Или мое или Ваше письмо пропало[1255]. Теперь выяснилось, что отсюда мы можем выехать не раньше 19-го или 20-го. Очень прошу ответить поскорее, т. к. этот вопрос нас очень волнует. Дайте в письме Ваш телефон на всякий случай. Мы не станем Вас утруждать сообщением дня и часа приезда (чтобы у Вас никаких сомнений не было о том, что встречать (это кажется рано утром) не надо) и лучше потелефонируем Вам и приедем к Вам. Мы остановимся у моей сестры и нам совсем не хочется встретиться с Вами и с другими одновременно. Хоть у нас и есть кое-какие дела в Берлине (напр. встреча с Циммерманами), но главное разумеется – встреча с Вами.

Даже не верится, что наконец увидим Вас.

Ждем ответа!

Обнимаю обоих

Ваша А. М.

<Приписка на первой странице письма (текст перевёрнут) с продолжением по левому полю:>

Мы тут встретили людей, так оценивших Ивана Александровича, что они сразу сделались вследствие этого нашими друзьями.

249

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<15.XII.1932>***

Дорогая Анна Михайловна!

Мы в Берлине, никуда не едем, ждем Вас и радуемся свиданию!

А вот Вам два живых анекдота... о Вас.

1) Предотъездное письмо Ваше из Парижа мы получили своевременно. Оно было помечено 9 ноября и содержало два конкретных указания. «Мы будем 8 ч. 51 на Schlesischer Bahnhof». Но ***день*** или ***число*** проезда указано не было. Мы смеялись, и досадовали: 8.51 бывает каждый день; хоть тресни, а не встретишь...

   Второе указание Ваше было: «из Риги во всяком случае напишу». И *ни малейшего намека на рижский адрес*, ни даже менеджирующую организацию... Хоть тресни, а не напишешь...

2) Только что пришло Ваше письмо от 13 декабря. Вы пишете: «когда мы уезжали из Франции, я писала Вам и просила ответить по рижскому адресу, застанем ли мы Вас в середине декабря в Берлине. Но ответа так и не было. Или мое или Ваше письмо пропало».

   Нет, нет! *Ваше* письмо *дошло*; а *моего совсем и не было*.

И куда бы я написал? Да Вы и не просили писать. Словом с 9 ноября Вы вели законспирированное от нас существование. Мы и смеялись, и досадовали: Вы стали летучими голландцами, скользящими тенями, дружественными невидимками, какие-то не то «шпукгейсты», не то «винкгейсты»[1256]...

Пожалуйста не забудьте теперь, что *мы не знаем ни Вашего приездного поезда, ни дня прибытия, ни адреса или телефона Марии Михайловны*[1257]. Вы останетесь для нас Винкгейстами. Как сказано у Жуковского:

«Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало
И в далекое манит»[1258].

Итак: наш адрес – Wilmersdof, Sodener Str. 36III
наш теле-теле-телелеле-фонннъ Rheingau[1259] 106-79
Следовательно: ждем звонка
«всего» и «пока».

Ваш И.

1932.XII.15.

Через час после прибытия Вашего письма.

250

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<17.XII.1932>***

17[1260] дек. 1932.

Дорогой Иван Александрович, сейчас получила Ваше письмо и совершенно сражена анекдотом обо мне!

Единственное мне оправдание (если будет на то Ваша милость) то, что если бы я Вам писала из Риги, то невольно выдала бы то, о чем писать Вам, дорогим друзьям, совсем не охота. Но почему память моя сыграла в данном случае такую странную роль – не понимаю. Я была в полной уверенности, что один раз отсюда писала на таком же бланке (с адресом) и ждала на это ответа. Откуда это затмение? И даже помню, что писала кратко, но о главном, то есть только о положительном. Неужели это письмо было писано мною и отправлено во сне[1261]?

Теперь увидимся скоро и все расскажем. Пережито очень много. Ждем свидания с Вами и радуемся! В Берлине будем 22-го утром, но боимся, что тут же объявится и Циммерман из Лейпцига, чтобы поговорить о делах, т. к. у него кажется

другого дня нет. Но мы во всяком случае сейчас же Вам потелефонируем, чтобы в тот же день видеться.

Адрес Марии Михайловны: Meinekestrasse 22, Salzmann. Телефона не знаю. Но мы сейчас же сами позвоним Вам. Боюсь, что Вы теперь мне уж больше не верите, но кажется все это я пишу не во сне.

Обнимаю обоих.

Ваша А. М.

1933[1262]

251

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<12.I.1933>***

Дорогие друзья!

Мы отнюдь не забыли Колиного новорожденья, но только не успели написать к сроку. Поздравляем его, любим его и гордимся им; да цветет он духом и пусть его весь свет обрадует так, как он для всего света радостей насочинял!

Мы живем, боремся и надеемся. Дошел ли до Вас мой клеветон «Искусство и вкус толпы»[1263]? Если не дошел, пришлю. Сейчас написал: «Талант и творческое созерцание. *1*. Талант»[1264]. Вторую часть еще не написал. Когда пишу, то думаю о Коле.

Дорогая Анна Михайловна! Пожалуйста напишите в Америку Свободину*, чтобы он ответил, может ли он мою статью из Колокола поместить у американдеров, если я пришлю ему ее по-немецки? И еще напишите пожалуйста Отцупу, чтобы он узнал японский адрес Шапиры[1265]. Буду к Вам приставать, пока не напишете.

---

* [На левом поле напротив фамилии примечание И. А. Ильина:] проф. La Liberté [см. комм. 929].

А затем за все Вам обоим «спасибычко» и «досваданьичка».

Целуем и обнимаем.

Ваш Іоаннъ (имя ему[1266]).

1933.I.12

Sodener Str. 36[III].

252

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <20–22.I.1933>

20–I–33.

Дорогие друзья!

Спасибо за доброе письмо! Оба поручения я исполнила и до напоминания. Посмотрим, что ответит Лалиберте. В его желании, и даже очень большом, напечатать Вашу статью – не сомневаюсь, но есть ли у него как.-ниб. связи в литерат. кругу?

Что касается адреса Шапиро, то боюсь, что Жорж Оцуп не знает его. После его ответа (ежели он отрицательный) напишу запрос Циммерману. Жена (бывшая – но кажется она с мужем переписывается) Шапиро – родственница Циммерманам. Я только сейчас об этом вспомнила.

С первого дня нашего возвращения сюда мы покупаем Возрождение ежедневно, но Вашего фельетона «Искусство и вкус толпы» не видели. *Очень* просим прислать.

Мы тут[1267] первые дни очень плохо приживались к французскому беспорядку, грязи и всяческим неудобствам, и помехам. Теперь пообтерлись, но Коля хоть изредка да поругивается. Думаю, что, если еще не скоро соберемся в *свою* Россию (т. е. когда она опять будет наша), то надо будет переехать в Германию.

Мы очень, очень хотим знать, не произошло ли чего нового в Ваших делах со времени нашего отъезда. Как Ваши старички[1268]? Дай им Бог здоровья и долгой жизни.

У нас пока еще никаких новостей нет. Получили из Риги трогательные письма из трех домов: Вольфманы (где мы

жили), Дауге[1269] и Климовы[1270]. Когда мы отвечали Климову, то я написала, что когда мы виделись с Вами в Берлине и говорили о Риге, то Вы отзывались о ней и рижской Вашей аудитории с большой симпатией. И при этом я от себя прибавила, что у нас с Н. К. было такое впечатление, что И. А. Ильин, если бы его опять пригласили, с удовольствием принял бы это. И т. к. Климовы (и вся его семья) с большим восторгом говорили о Вас, то я ему и посоветовала предпринять для этого – если он имеет возможность – необходимые шаги или же поговорить с теми, от кого это зависит. Боюсь только, что он в качестве секретаря Филармонии теперь слишком поглощен зазыванием в Ригу Сергея Васильевича и ухлопывает на подготовку его приема все силы и средства, имеющиеся в его распоряжении. Во всяком случае он мне что-нибудь на это ответит.

Обнимаю Вас обоих!

Ваша А. М.

<Приписка вверху первой страницы (текст перевёрнут) и по полю, отделяющему первую и последнюю, четвёртую, страницы письма, написанного на сложенном вдвое листе:>

22–I

Это письмо ждало Колиного вложения, но я думаю, что мне выгоднее свое отправить, а для Колиного письма, лучше уж я приготовлю еще одно свое. Он сейчас в своей работе на распутьи и потому времени не замечает.

253

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<конец I.1933>***[1271]

Дорогой Иван Александрович, у Коли сейчас паузы от его работы только во время еды и т. к. его руки заняты вилкой и ножом и, кроме того, он не может писать на тарелке, то перо за него беру я, а он жует и изрекает...

Итак, пишу за него в кавычках.

«Спасибо, милый друг, за присланную статью! Ты конечно знаешь, что я вообще очень ценю Твое перо, а следовательно также и эту статью. Но в то же время я очень горд, что, по моему мнению, самой значительной из трех, посвященных искусству, оказалась статья – Николаю Метнеру[1272]. Впрочем может быть это и самовоображение[1273].

В последней статье, во втором столбце Ты, как бы защищая свою позицию, говоришь – «словом, об эстетическ. "умерщвлении" "души, сердца, чувства или личного вкуса" – совсем нет и речи...»

Прости, не сердись на меня, но честное слово мне досадно, что Ты, избранный защитник искусства, столь непосредственно и живо его воспринимающий, защищаешься перед современной толпой, систематически умерщвляющей в себе душу, сердце, чувство и личный вкус в отношении к искусству – защищаешься как раз от их подозрения Тебя в том, в чем Ты первым долгом должен был бы сам упрекнуть их.

Насколько чувство, личный вкус и здравый смысл в искусстве перестали функционировать как раз у «сплоченного большинства» – может служить иллюстрацией прилагаемый при сем фельетон о Брукнере. Этот самый нелепый и глупый композитор мог сделаться знаменитостью только в наши дни.

В то время, как его современники явно видели его нелепость и глупость и не признавали его[1274], наши современники не только не сумели познать меру его нелепости через его музыку, но, сделав его знаменитым гением, в силу дарованного ему этого чина, не видят даже всей меры его глупости в его чисто человеческих проявлениях».

<Далее рукой Н. К. Метнера:>

Обнимаю Вас обоих с любовью.

Ваш Н. Метнер.

<Вверху первой страницы письма (текст перевёрнут) до приветствия приписка А. М. Метнер:>

Обнимаю обоих.

Любящая Вас А. Метнер.

254

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<II.1933>***[1275]

Обе статьи прочел и разумеется с сочувствием и признанием... Что же касается более подробного мнения моего, то я должен воздержаться, ибо, не имея возможности ответить Тебе устно, я рискую, что Ты опять «*ровно ничего не поймешь*» из моего письма (как Ты признался мне по поводу моего ответа на первую статью). Кроме того каждое мое *особое* мнение Ты припишешь тому, что я «сам занят размышлениями на эти темы»... Весной, когда я писал Вам обоим из «своих размышлений», Ты мне ничего не отвечал кроме обещания выпустить вскоре ряд статей долженствующими~~ующими~~овавших явиться ответом на мои письма... Я к сожалению не имею возможности ответить Тебе таким же способом на Твои статьи, т. е. *статьями* в газетах, и потому лучше умолкну... Впрочем и устная беседа на эти темы при последней встрече не удалась ~~на~~. Ты проявляешь ко мне гораздо меньше той терпимости, которая необходима в истинно-дружеской беседе. Во всяких других вопросах *кроме искусства* я владею способностью оставаться нейтральным, но ~~в~~ об искусстве имею слишком многое сказать – не потому, что накопил какие-то готовые труды по этим вопросам (не знаю даже «труды» ли это, да и будет ли это когда-ниб. готово...) но потому что слишком много *выстрадал* собственным опытом, чтобы мочь убирать себя и свое знание при встрече с таким близким по духу другом как Ты. Но я конечно и не настаиваю сам на необходимости наших встреч во *всех* пун-

ктах нашего мышления, чувствования или созерцания... Я так дорожу Твоей дружбой, всем тем, что она мне дала, и всеми многими встречами в столь многих вопросах (и даже в самом искусстве)[1276], что право же в вопросе *обороны искусства* вполне готов помириться ~~на~~ с нашим несогласием, если Ты *не требуешь* от меня моего мнения, да еще мнения, согласного с Твоим...

O Nürnberger Platz[1277]

255

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<22.II.1933>***

22 – II – 33.

Дорогой Иван Александрович, на мое последнее письмо в виде ответа мы получили Вашу статью, за которую очень благодарим. С тех пор были еще две[1278]. Мы все это читаем и складываем в одно целое (и в душе и в тетрадь). Коля тут же по прочтении «Искусство и вкус толпы» сел писать Вам, но так и не дописал, потому что оказалось всего в один присест не напишешь, а потом он не мог уже вторично приняться за это, т. к. не отпускает его сейчас работа.

А о Вас мы так *ничего* и не знаем. Ни о здоровьи, ни о делах! Можно, я думаю, сообщить об этом хоть на открытке в двух словах.

Вчера пришел от Лалиберте ответ (письма идут взад-вперед почти месяц) с просьбой сообщить Ваши условия. Он может снестись по поводу Вашей статьи с редактором журнала «Musical Quarterly», выходящего книжкой четыре раза в год[1279]. Перевод с немецкого на английский они сделают сами. Хотите ставить Ваши условия через меня или же напишете ему сами? Вот на всякий случай адрес: Mr. Alfred LaLiberté 1231, rue St. Catherine, Ouest, Montreal, Canada. Ему

лучше писать по-французски, но можно и по-немецки. Если же не хотите писать сами, то я передам все что требуется с удовольствием.

А главное, пожалуйста, сообщите, как Ваша жизнь – не очень ли Вам трудно, и налаживается ли какой-нибудь заработок. Мы постоянно о Вас думаем и очень беспокоимся.

Обнимаю Вас обоих.

Любящая Вас А. М.

Очень по Вас скучаем!

256

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<28.II.1933>***

Дорогая Анна Михайловна!

Пишу по горячему и горящему вопросу, т. е. о статьях по-американски. Пожалуйста напишите не откладывая LaLiberté-ю (дат. пад.) 1) что я в течение ближайших двух недель переведу статью на немецкий язык и вышлю ему в Монреаль вместе с письмом от меня. 2) Пусть он поместит ее *там*, где по его мнению это наиболее подходяще – если в Musical Quarterly – то очень хорошо. 3) Напишите ему пожалуйста, что я живу от моего *пера*, не имея никаких иных доходов, и что поэтому всякий гонорар будет мне и приятен, и полезен. Из мѐньшего гонорара и бо́льшего – лучше бо́льший. Но никаких дальнейших условий ставить я не могу. Третий пункт пожалуйста добавьте, как бы от себя – конфиденциально!

А что связь на Шапиро – не находится?

Немецкий перевод моей статьи *в копии* я думаю тогда послать Циммерману – м. б. поместит где-нибудь здесь.

О себе писать нечего. Материально висим в воздухе. Здесь все в движении, все летит с мест, меняется и колеблет-

ся. По кусочкам еле-еле сколачиваем скудный бюджетишко из месяца в месяц. Может быть вывезет скоро второй старичок – а может быть и нет. Массу работы делаю идейно и безвозмездно.

Здоровье (нейроз) могло быть и лучше.

Стòит ли об этом писать?

Коле я написал три письма 1) о вкусе толпы. 2) о таланте 3) о творческом созерцании. Он на них не отозвался, что очень грустно*. Газетная форма сейчас единственная доступная[1280].

За последние недели как-то меня все торопило, устал, ездил в Герлиц[1281] два раза с лекциями, чувствую себя сонным и грустным. А события здесь бурнеют, вчера сгорел Рейхстаг[1282]. Чистке, начавшейся здесь, *очень* сочувствую.

Обнимаю Вас обоих.

Ваш И.

Же-на-а кла-а-ня-ется[1283]!!
1933.II.28

<На первой странице письма, до приветствия, приписка:>

А еще Вы хотели нам достать Соба-нее-ва о Скрррябине?[1284]

Надеяться ли?

257

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину> ***<4.III.1933>***

4–III–33.

Дорогой Иван Александрович!

Сейчас буду писать в Америку по поводу Вашей статьи и следовательно Лалиберте будет ждать ее. Исполню все в точности и о гонораре напишу от себя. Боюсь только, что сейчас

* Очевидно – он это «не тожя не ащющяитъ»!... [Прим. И. А. Ильина.]

все гонорарные вопросы и в Америке и в Канаде находятся в плохом положении. Во всяком случае я уверена, что Лалиберте постарается.

Что касается адреса Шапиро, то Жорж Оцуп так мне и не ответил. Но я вспомнила, что в Кламаре под Парижем живет кузина Макса Шапиро и я напишу ей – может быть она знает его адрес. Я еще и ее адреса не знаю, но о нем, у кого следует, запросила и как только его получу – напишу ей.

Здоровье могло бы быть и лучше? Значит не совсем хорошо? Это очень огорчительно. Сможете ли Вы уехать куда-нибудь и не летом, а уже весной? На это необходимо у кого-нибудь даже хоть украсть. Вы всегда очень оттягиваете Ваш отъезд – до того, что надо ехать уже не на отдых, а в лапы врача. И ничего этим не выгадываете, т. к. и расходов потом больше.

Мы тоже сочувствуем чистке, предпринятой в Германии, и с надеждой ждем, чтобы удалось повычистить всю коммунистическую дрянь. Не принесет ли это пользы и нашей родине?

Что до Вашего недовольства Колей, т. е. тем, что он не отозвался на Ваши «три письма» – то ведь Вы же и сами говорите, что газетная форма сейчас единственная доступная! И если бы это было доступно и для него, то несомненно и он этой формой воспользовался бы. А между тем ему-то, чтобы писать Вам об этих статьях, пришлось бы прибегнуть к наитруднейшему для него – т. е. к писанию письма, причем на это он затратил бы гораздо больше сил и времени, чем Вы на все три статьи. Вы одним ударом убиваете двух зайцев: пишете для всех и для него отдельно. Почему же то, что делает он, не может быть рассматриваемо, как обращение к Вам?

А Вы ведь себе даже представить не можете, как трудно Коля пишет письмо, и особенно если это касается наиболее для него важного, о чем он не в состоянии сказать в двух словах.

Я же Вам написала, что он начинал письмо и так и не смог его дописать. Тут дело во времени. Очень может быть, что он доберется до ответа Вам, но сейчас его держит неумолимыми клещами его работа.

А подозревать, что он «тожя не ащющаитъ» – было бы странно даже в шутку, т. к. Вы же знаете, что эти вопросы для него важнее хлеба насущного.

О работе его сейчас пока ничего не пишу, т. к. он вроде как бы на перекрестке и когда определенно куда пойдет – тогда и видно будет.

Не сердитесь на него, дорогой Иван Александрович, ему *очень* трудно и поверьте мне, что если он на что и «отзывается», так это на все, что Вы делаете, и если не «отозвался», как Вы пишете, то только именно письмом (самой для него трудной формой общения) и будь его специальностью тоже перо (т. е. не специальностью, а средством), то он моментально все написал бы Вам, что думал, читая эти статьи. Но у него от мысли до пера – целая бездна.

Будьте справедливы и не обижайтесь!

Пока отправляю это, а как получу (если только получу) адрес Макса Шапиро – напишу опять.

Обнимаю Вас обоих.

Ваша А. Метнер.

<Далее на оставшейся свободной половине страницы с продолжением припиской по левому её полю письмо Н. К. Метнера:>

Дорогой друг мой!

Писал Тебе неоднократно и именно по поводу Твоих статей. Не отправил же потому, что хотя вопросы искусства для меня и являются самыми насущными, т. е. тем, чем я *живу* с тех пор как себя сознаю́, и хотя обмен наших с Тобой мыслей по этим вопросам и важен для меня, но близкие люди, друзья, которых у меня осталось так мало, для меня не ме-

нее дороги... И вот, заметив, что Ты сам недостаточно спокойно и объективно реагируешь на *мои* мысли об искусстве, я решил лучше их не высказывать... Я *думаю* об искусстве *всю* жизнь и живу им *всеми* фибрами своего существа и потому не могу касаться этих вопросов *не до конца*, говоря с таким близким другом, как Ты. Пока могу сказать, что особенно ценю из Твоих статей посвященную *мне* и самую *последнюю*[1285].

Горячо обнимаю Тебя, мой дорогой! Будь здоров.

Целую ручки Нат. Николаевны.

А Тебя еще благодарю бесконечно за Твою героическую борьбу с коммунизмом, которая по-видимому сыграла некоторую роль...

258

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> <ок. (после) 13.III.1933>[1286]

Дорогой мой друг!

Спасибо Тебе великое за Твою замечательную статью о демократии (посвящ. Муратову). Она невероятно точная и пламенная. Уж очень здорово Ты видишь, с кем говоришь, т. е. весь этот демос и его насмешливо-завистливую улыбку... ЄЭта статья Твоя не только точна <и> пламенна, но именно благодаря тому, что Ты видишь, кому говоришь, – она необыкновенно актуальна...

Обнимаю Тебя крепко.

Любящий Тебе Метнерюкъ

<Выше приветствия приписка:>

Сердечный привет вам обоим от обоих нас!

259

<Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<ок. 13.IV.1933>[1287]

Христос Воскресе!

Приветствую вас, дорогие друзья, и очень надеюсь, что ваше упорное молчание не есть свидетельство тому, что вы нас забыли или разлюбили. Спасибо Ив. Алекс. за «Смуту» и передовую статью[1288]. «Смута» сугубо чревата[1289] содержанием. Всякий диссонанс, не тяготеющий к консонансу, есть фальшь[1290]. Это мое центральное музыкальное credo, я увидел <его> между строк и в других словах в статье о «Смуте»... а потому крепко обнимаю вас и жду пару дружеских слов.

Любящий вас Н. Метнер

<На левом поле последней страницы приписка А. М. Метнер:>

Обнимаю обоих!

Ваша А. М.

260

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<15.IV.1933>***

Воистину Воскресе!

Дорогие друзья!

Спасибо Вам за привет, за память и за короткие хотя бы весточки. Очень меня утешает, что Вы мои статьи читаете... Знато по крайней мере, что пишу их от сердца к сердцу. Дни у нас трудные, невеселые. Заработков нет; жизнь затруднительна и проблематична. То шла из месяца в месяц; а теперь из недели в неделю. Старики мои оба или ничего не могут, или перестали хотеть. Может быть все разъяснится в течение

ближайших двух недель; по крайней мере сулят прочные перспективы. *А может быть и нет*. В связи с этим у нас царит удрученность и нейроз сердца беспокоит. Потому и не пишу.

Попросите нам помощи у Господа. Может быть услышит и пошлет что-нибудь.

Оба обнимаем обоих.

Ваш ИАИ.

1933.IV.15

Великая Суббота.

261

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<22.IV.1933>***[1291]

Herrn Dr.
Prof. I. Iljin
Berlin-Wilmersdorf
Sodenerstr. 36III
Allemagne

22 Апреля 1933.

Дорогие друзья, на днях напишу подробно, а пока хочу только сказать, что мы были *счастливы*, получив сейчас Ваше письмо. Когда нет долго вестей от Вас, нас охватывает беспокойство.

Дай Бог, чтобы у Вас наконец наладились «дела» и были бы силы переносить все, что сейчас творится!

Мы измотались английск. процессом[1292]. Очень надеялись на него, т. е. не на англичан (Pack schlägt sich, Pack verträgt sich[1293]), а на то, что один Pack покажет другому, что значит иметь с ними дело... а они и тянутся друг к другу и боятся друг друга.

Пакость!

Мы оба Вас дорогих обнимаем и любим.

Ваша А. М.

262

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<5.V.1933>***[1294]

Исполать[1295] Тебе, друже Иване!

Спасибо Тебе, радетель наш, что вспомнил нас и поратовал за нас сирых... Не знаю насколько *мое* личное одиночество «величаво и священно»[1296] – я его *таким* совсем не испытываю, но ~~это и~~ страдаю я от него иногда до полной потери почвы под ногами...

Спасибо же Тебе, дорогой мой, что Ты, *один Ты* из всей нашей мыслящей и пишущей братии, и вспоминаешь и другим напоминаешь о моем музыкальном существовании... Только другой раз – если можно – делай это в более почтительном отдалении от такого недосягаемого гения, как Бетховен, а то право же и страшно и стыдно мне[1297]...

Статья Твоя в высокой степени поучительна и назидательна *во всех отношениях*. Уже самый факт, что Ты современности нашей, которая, желая перехитрить предков наших и не *пропустить* ни единого гения, на всякий случай навенчала целый легион фальшивых гениев, – что Ты ей показываешь кукиш и указываешь на более тонкие и более глубокие ме́тоды распознания художественных ценностей, – это одно уже бесконечно важно.

Обо многом хочется и порасспросить и порассказать, но я попрошу сделать это Анюточку.

Еще раз спасибо! Крепко обнимаю Тебя и Наталью Ник.

Любящий Тебя всегда

Н. Метнер

263

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<5.V.1933>***

1933[1298] 5 Мая.

Дорогие друзья, пишу сейчас перед самым отъездом в концерт С. В-ча[1299] и потому невольно мысль обращается к нему (но раньше и первее всего – к Вам!).

Хочется поделиться вот чем: несколько дней тому назад на заседании комитета по чествованию Рах-ва[1300] кто-то не совсем должным образом определил С. В-ча, как пианиста, не выделив его как единственного. Коля конечно не выдержал и поправил это. Заседавший тут же Л. Львов[1301] очень обрадовался и накинулся потом на Колю с просьбой дать статью о С. В. Коля на первых порах отказался, но Львов не отставал и приехал к нам и т. к. Коле всегда приятно и всегда охота говорить о С. В-че как о положительном явлении, то он уступил и дал маленькую статью. Кажется Львов уже послал Вам газету, т. к. спрашивал Ваш адрес.

Дня три, четыре тому назад появилось интервью (в Последн. Новостях) с С. В.[1302] и вот его веское слово о современных композиторах, причем по-видимому никто не исключается, т. к. об исключении он даже не заикнулся. Мы прочли это, когда Коля уже сдал Львову свое. Впрочем все равно это на Колю не повлияло бы и он сказал бы все то же самое, если бы С. В. вёл себя и еще хуже.

Итак, вот то место: ... «на мгновенье лицо Р. проясняется (это, говоря о Танееве), но следующий вопрос заставляет его сразу насторожиться.

– Как же при вашей нелюбви к модернизму относитесь вы к современ. русск. музыке?» – «Это вопрос довольно щекотливый, его трудно отделить от определен. людей. Я никак. имен называть не хочу. Многих соврем. русск. композиторов знаю лично, люблю их. Так что будем говорить не об отдельн.

композиторах, а об общей тенденции. Чехов утверждал, что писать, – это значит больше вычеркивать[1303]. Писатель всегда должен иметь под рукой резинку. Мне кажется, что у соврем. композиторов резинки нет». И поспешно добавляет: «А таланта у них я не отрицаю». Вот! Что скажете об этом? Может быть он даже будет так музыколюбив, что оснует фонд по снабжению композиторов резинками.

Ну, вот, облегчив душу и заранее зная, что найду сочувствие, постараюсь даже забыть это странное интервью.

Куда Вы поедете летом?

Как Ваше здоровье?

Если бы мы только могли истратить <деньги> на поездку, то непременно поехали бы туда же, куда и Вы. Но мы просидим на месте.

Обнимаю Вас обоих с любовью!

Ваша А. Метнер.

264

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<8 – 10.V.1933>***

8 мая 1933.

Дорогой Иван Александрович, кланяюсь Вам до земли за статью – Не уходите![1304] Она совершенно потрясающа!

Хотела обо многом писать Вам, но сейчас как-то все другое будто выжгла из души эта Ваша (хочется сказать – проповедь и героический призыв мудрого и доброго пастыря) и так бы и пошла читать ее по всем русским углам и разносила бы ее как благодать и помощь.

9 мая. У нас тут была неделя о Рахманинове[1305]. Было все очень хорошо и много радостного. Но вот самый концерт – не то, что бывало раньше. Для Коли это было настоящим душевным потрясением отрицательного свойства. Ему было

стыдно, что он написал статью*. С. В. стал все выворачивать наизнанку и искажать все смыслы. И rubato[1306] такие и «от-себятины» такие, что уж никак не сказал бы Коля всего того, что написал за неск. дней <до концерта в статье>. Он был убит этим. И никакого вдохновения, а сплошное соображение вместо воображения. Коля говорит, что то, что он о Р. писал, ~~было~~ является синтезом положительных впечатлений от С. В. на протяжении всей жизни. И что писал он *помимо* всяких личных отношений и главное помимо индивидуального его с ним расхождения на почве самой музыки, и вот эта самая музыка как некая страна (существующая помимо всех индивидуальностей) оказалась в этом концерте Р-ва мыльным пузырем, игрушкой способностей, таланта и индивидуальности столь прославленного и почетного ее гражданина. (Это все Колины слова). И он просит Вас мысленно озаглавить эту его статью «Р. *до* возведения на престол америк. пианистов». Коля так мечтал о подтверждении всех положительных чувств к Р. как артисту и с болью испытал ту глубокую трещину, которая образовалась в них от всего этого эстрадного кокетства, столь чуждого русским музыкантам, да и С. В-чу самому в доброе старое время.

10 мая. Читали ли Вы интервью с Рах-вым в Последн. новостях? Получили ли мое последнее письмо – недавнее? Я в нем дала Вам отрывок из этого интервью. Теперь, когда С. В. был у нас, он всячески старался показать (не говоря напрямик об этой своей чеховской резинке), что к Коле это не могло относиться, что может быть он и в самом деле о Коле во время интервью и не думал... но и это ведь не очень хорошо. Должен был подумать и оговорить, т. к. если говорится о *всех*, без исключения, то это очень определенно, не так ли? Мне всегда казалось, что больших Колиных вещей он не

* ее Вам послал Лоллий Львов. [Прим. А. М. Метнер.]

ценит и считает их растянутыми, то есть бесформенными. Нужна резинка!

<На первой странице письма, до приветствия, окончание письма (текст перевёрнут):>

Обнимаю Вас обоих, дорогие друзья!

Ваша А. Метнер.

265

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<21–23.V.1933>***

21-го Мая 1933[1307]

Дорогой друг мой!

После каждой из последних Твоих статей (передовой – «Не уходите» и фельетона «Национал-социализм»[1308]) я порывался написать Тебе. Очень жалею, что недостаток сил, времени, а также уверенности в целесообразности моих излияний (ведь Ты упорно отмалчиваешься от них!) – помешали мне осуществить этот порыв. Многое испарилось (не во впечатлении, а в реакции) и потому ограничусь лишь благодарностью за чудесные Твои слова. Глубокое впечатление получили мы оба от Твоего воззвания к уставшим, но особенно отрадно было прочесть в фельетоне о Герм. Револ.* подтверждение всему тому, что я сам думал и чувствовал по этому поводу. Мне так давно хотелось знать Твое авторитетное – *наиболее* авторитетное мнение об этой революции. Каждый день мы

* Эту статью я отправила Эм. Кар-чу и В. А. Сатину, кот. сейчас гостит в Швейцарии у Рахм. и который Вас очень почитает. Перед отъездом в Швейц. он был у нас с С. В. и произвел на нас очень хорошее впечатление. Он гораздо правильнее и мудрее ко всему относится, чем С. В., у которого все мнения с улицы и из толпы. [Прим. А. М. Метнер к письму супруга.]

ждали, когда же наконец Ты, во 1-х как мыслитель, во 2-х как свидетель и в 3-х как *беспристрастный* свидетель (ибо Ты не немец и пристрастием к немцам никогда не страдал) выскажешься о том, что меня страшно волновало все время...

23-го Мая

Дело в том, что *мне* революция эта показалась какой-то отдушиной, вдруг впустившей струю свежего воздуха в душную атмосферу, в которой мы задыхаемся вот уже 15 лет... Впрочем я лично иногда задыхался и раньше (значительно раньше!) от той *деспотической* цензуры пошлого до тошноты либерализма, окрашившего[1309] собой *все* явления *всей* нашей жизни... эта цензура была куда сильнее всех царских цензур, она влияла и на самих царей... Эта цензура так помутила все умы, что и сейчас люди ничего не видят и не постигают только благодаря ей...

Если бы Ты знал, что здесь говорили и говорят до сих пор и какое страшное испытание в такие исторические дни находиться среди людей, не отличающих слов анекдота от слов, за которыми чувствуется смертная жертва... Спасибо Тебе, но и Возрождению, что оно в единственном числе борется с нашими врагами... Не забывай меня, поверь мне, что это для меня крайне важно...

Обнимаю Тебя и Н. Н. Твой всей душой.

Н. М.

266

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<3.VI.1933>***

Мой милый и дорогой друг!

Я не потому молчу, что хладен, но потому, что жизнь уж очень трудна и тягостна. И если бы только люди знали, насколько это я о себе самом писал «не уходите»! Мы живем, но пер-

спектив нет и прорваться к заработку становится все труднее. Все «перспективы» лопаются как пузыри и в волнах не видно буквально ничего, особенно вследствие монополизации общественного мнения. Но об этой тревоге не хочу писать. Факт тот, что я пишу Бог знает что, а *не идеи долгого дыхания*. «Фельетон» и «передовица» стали моим единственным *главным* пристанищем. И мне надо подчас звать на помощь всю мою малообоснованную веру в то, что «Господь меня не оставит», для того, чтобы держать душевное равновесие, жить и даже смеяться.

Тем большей радостью бывает мне каждый отклик от Вас. Чувство, – что прочтен, дает мне желание написать еще. Письмецы твои перечитываются нами по несколько раз и всячески выворачиваются и обсуждаются. Выходка Р. в его «интервью» – неумна, но типична для него; тут по-моему нечего и взять. А что у тебя хватило кротости и объективности воспарить над ним и его выходками, и положить ему, мавру, такую словесную лавру – то это достойно изумления и преклонения. Все остальное, что мне пришлось читать о нем в газетах, – сконфужено, смутно и убого. От нас он не получил, конечно, ничего.

Насчет «свежего воздуха» ты прав. Но издали он куда лучше. Во-первых нет пыли (издали-то!); во-вторых нет плебейской вони; в-третьих не видна густопсовая[1310] человеческая глупость и заносчивость.

Девятого июня говорю здесь «на дне» русской культуры.

Бог один видит, как я устал и как мне нужен *творческий покой*! Хочу написать статью о «лени» у Пушкина...

Наталия Николаевна – по-прежнему мой ангел хранитель о шести крыльях. Она шлет Вам дружескую ласку.

А я Вас обоих обнимаю.

И остаюсь верный тебе до гроба
Куксъ Ипохондринъ

1933.VI.3.

267

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <17–24.VI.1933>

17 июня 1933.

Дорогие друзья!

Давно собираюсь писать Вам, но мне мешает сенная лихорадка (очень сильная в этом году из-за расшатанности всего организма) и особенно глаза. Буду писать хоть понемногу.

Очень мы встревожились Вашим материальным положением и боимся, что Вы не сможете никуда поехать отдохнуть. А Вам это до крайности необходимо.

Вы в последнем письме Коле (от 3/VI) так безнадежно говорите об отсутствии всяких перспектив. А между тем, при теперешнем движении в Германии, немцы особенно должны были бы оценить Вас и за Вас держаться.

Мы каждое утро, открывая Возрождение, жаждем найти Ваши слова и очень радуемся, когда их находим.

20 <июня>. Что-то у нас начинается беспокойство, не развалилась бы вся хитлеровская работа. Уж очень много делается глупого, если только это правда. Напр. какой-то дурак приказал снимать шляпу перед хитлеровским знаком, а не проходить мимо держа руки в карманах. К чему такие лишние вещи, кот. могут только озлобить людей!

24 <июня>. Мы все думаем о Вас, как бы это устроить, чтобы Вы отдохнули. Вот уже почти половина лета прошла, а Вы в городе!

Вчера прочли *о* Вашей речи на празднике Рус. Культуры[1311] и очень позавидовали тем, кто это слышал. А почему не дать бы эту речь в Возрождение?

Если бы Вы только могли доехать сюда и объявить здесь лекцию – я думаю, что было бы *переполнено* и получился бы хороший доход. Как Вы думаете? Может быть нам поговорить

с кем надо? А в горы и тут ведь можно уехать и тут дешевле, чем напр. в Швейцарии. Говорят, что Савойя – волшебный край.

Если некогда писать, то хоть два слова напишите по поводу этого – то есть, пойти ли Коле к кому надо и переговорить об устройстве лекции. Но в этом случае дайте самые точные инструкции. *С кем* говорить и *как*.

Мы оба обнимаем Вас обоих.

Ваша А. М.

<Приписка на первой странице письма, до приветствия (текст перевёрнут):>

Коля непременно на днях Вам напишет. А пока велит Вас обнять.

268

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <4.VII.1933>

Милые мои и дорогие!

Спасибо за письмо и за заботу. Мы никуда не едем – ибо здесь-то на месте держимся из недели в неделю с величайшим трудом. Нервное напряжение от безработицы, безденежья, безперспективья достигает иногда очень большого давленья. Переживать еще одну революцию (да еще со всеми ее неопределенно-тягостными последствиями) – почти нестерпимо трудно.

Но что же сделаешь? Только устно могли бы мы рассказать Вам многое и показать картину. Вот уж «призвали Всеблагие как собеседника на пир»[1312]...

Я продолжаю борьбу за устройство жизни и заработка, и как Петр Степанович Верховенский (Бесы, Дост.) – целый

день «в хлопотах». До сих пор все срывалось со всех крючков. Связей мало – все знакомые слетели.

Лечусь Бетховеном и Колиной музыкой. Обнимаю обоих. И жена тоже.

Да пройдет мерзкая сенная лихорадка!

Ваш до слез усталый И.

1933.VII.4.

Идет с оказией

269

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<6.VIII.1933>***[1313]

6-го Августа 1933.

Дорогой друг!

Можешь себе представить, почему я не писал вам так долго и, главное, не ответил Тебе на Твою открытку, столь обрадовавшую нас?!..[1314] Я нашел среди старых фотографий снимок, изображающий Тебя и «Карапета»[1315] (меня) за бочкой... Мне страшно захотелось в виде сюрприза для вас перепечатать его, с каковой целью я дал его знакомому фотографу-любителю. Он продержал его несколько недель и наконец вернул, не исполнив заказа. Послать же Тебе единственный экземпляр я не решаюсь.

Из-за этого глупого каприза мы теперь потеряли вас из виду – вы, небось, давно уехали на отдых. Мы здесь читали об огромном впечатлении, произведенном Твоим выступлением в день русской культуры, позавидовали Твоим слушателям, ~~и~~ но в то же время зело порадовались. Из последних статей читали две, посвященные Шмелёву[1316], но, к сожалению, не могли оценить их *до конца* ввиду слишком малого знакомства с его творчеством. Мне показалось

особенно важным и ценным то, что Ты говоришь о двух сторонах мировой скорби – это особенно вразумительно в отношении искусства. Если страдание не перешло в «со-страдание», то оно не может быть художественным предметом...

Истекшие летние месяцы я опять провел за своими записками *о* музыке. В этом виновата моя муза. За всю весну «сама из рук моих свирель она» ***не*** *брала*, из чего я вывел заключение, что мне надлежит вместо «гимнов важных» и «песен мирных» заняться записью «уроков девы тайной» и что «сама»[1317] она меня на это толкает...

Ради Бога, пришлите о себе весточку – надеюсь, что, так или иначе, письмо это до вас дойдет.

Крепко обнимаю вас обоих.

Любящий вас Н. Метнер

Мы на днях переезжаем – подробности в Анюточкином письме.

270

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<5.VIII.1933>***

5 Августа[1318]

Наш новый адрес с 15 Августа:
20, Avenue du Chateau, Bellevue, S. et O.[1319]

Дорогие друзья, хоть Коля и говорит, что подробности будут в моем письме, но я предпочитаю поскорее отправить его, хоть и без подробностей, и не задерживать моими подробностями. Боюсь, что письмо уже не дойдет до Вас. Очень надеюсь, что Вы не сидите все еще в Берлине, а уже где-нибудь отдыхаете.

А у нас очень трудное выпало лето. Скоро переезд.

Жара убийственная.

Все время ждем от Вас добрых вестей и о Вас и обо всем, что нам всем так важно. Всё надеемся.

Обнимаю Вас, дорогие друзья!

Очень ждем весточки!

Любящая Вас

Ваша А. М.

271

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <26.VIII.1933>

1933[1320].VIII.26

Мои дорогие друзья!

Заняли <денег> и уехали. 11-го из Берлина. С 12 <августа> – <по> 25 провели в Вюртембергском Шварцвальде. Было неважно. Сегодня ночевали в Konstanz (Bodensee)[1321]. Хотим сегодня ночевать на рейнском водопаде и потом двинуться южнее[1322], для чего визы имеются.

Как-то Вы переехали? И куда? Хорошо ли новое жилище?

С новой остановки пришлю Вам новый адрес. А пока пишите хоть два слова Deutschland. Konstanz (am Bodensee). Postlagernd.

Колин уход в философию музыки приветствую от всей души. Когда-нибудь м. б. и я прочту, ~~есл~~ что он написал!..

Обнимаю Вас от нас обоих.

Ваш И.

~~Ме~~Заработочный фундамент как будто хочет подвестись под меня. С сентября? С октября?!...

272

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<5.IX.1933>***[1323]

5 сентября 1933.

Herrn Dr.
Prof. I. Iljin
~~Deutschland.~~ ***Gunten***[1324]
~~Konstanz (am Bodensee).~~
Postlagernd. ~~Kandersteg~~
~~Allemagne.~~
7/9 ~~Frutigen~~ Berner Oberland
poste restante
p[ostlagernd?]. ~~Kandersteg~~

20, Avenue du Chateau,
Bellevue-Meudon, S. et O.

5 сентября[1325]

Дорогие, милые друзья!

Ваша весточка от 26–VIII была нам переслана на новый адрес и застала нас в такой кутерьме*, что даже невозможно было тут же ответить, а написать надо очень много. Боюсь, что мы уже упустили Ваше местопребывание и это не дойдет до Вас. Будем ждать нового адреса, на что последует длинное письмо.

Мы очень обрадовались, что Вы все-таки уехали из Берлина и счастливы, что дела Ваши как будто проясняются.

Очень Вас любим и шлем дружеский привет. Мы оба обнимаем Вас обоих.

Ваша А. М.

* наше (из-за недостатка средств) осложненное устройство напомнило нам одно стихотворение, т. к. буквально: из ночной моей рубашки занавеска вышла вдруг. [Прим. А. М. Метнер.]

273

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <12.IX.1933>

Милые и дорогие друзья!

Только что получили письмецо Анюты и узнали впервые Ваш новый адрес. Спасибо!

Мы сейчас на Тунском озере (Gunten am Tunersee, Pension ŦGuntenmatt, Schweiz). Погода хорошая, озеро, горы и солнце. Пансион дешевенький; донимает только граммофон и радио – сплошной джаз – приходится уходить из дома и сидеть где-нибудь на берегу или уезжать на пароходе...

Теперь расскажу Вам вкратце, что нам принес август-месяц. Но этот рассказ не должен идти от Вас *никуда*, иначе это отзовется *плохо на нас*.

28 июля арестовали ген. А. А. фон Лампе[1326], моего приятеля и давнишнего сотрудника. Арестовали его по гнусному большевицкому доносу, которому поверила мюнхенская политическая полиция. А у него в нашем городе умирает единственная и буквально обожаемая им дочь, 19 лет, от туберкулеза. Неделями его держали без допроса. 5 августа, когда мы уже сидели над чемоданами, тайная политическая полиция, рано утром, заявилась и к нам. Двое, оба говорят по-русски. Порылись в бумагах; перечитали разные письма ко мне. Были корректны; давали понять, что это все «ничем не грозит». Однако *увезли* е меня с собой – под стражей – на открытом полиц. автомобиле. Допросили – чем живу, с кем переписываюсь «заграницей»; заставили подписать, что мне известно, что если я буду «заниматься политикой», то меня отправят в концентр. лагерь. И отпустили. К этому я приписал отчетливое замечание, что сами ихние ведомства побуждают меня своими анти-коммунистическими поручениями «заниматься политикой». Возмущение мое с тех пор не улеглось нимало.

Достаточно сказать, что меня собираются назначить с 1 окт. преподавать в Hochschule für Politik[1327]; что меня знают и мои меморандумы[1328] ценят и мои книги изучают во всех руководящих ведомствах... И вот – благодарность[1329].

11-го мы уехали в Freudenstadt / Würt<t>emberg[1330]. 26-го были в Констанце. Ночевали. Вдруг утром опять из постели – стук в дверь – «bitte ankleiden, Fremdenpolizei[1331]». Проверили паспорта и ушли. Но переживается все это очень болезненно. Мы *немедленно* уехали в Швейцарию. Можете себе представить, с каким приятным чувством мы думаем о возвращении. Система доносов царит. Разбираются в них плохо. А. А. <фон Лампе> 21-го авг. увезли в М<юнхен>; только там начали «допрашивать». И все твердят, что ничего особенного нет и что скоро отпустят. И держат. *Готовиться к такой же участи отвратительно*. Да и как удастся справиться с таким удовольствием в *нервном* отношении?

По возвращении я думаю настаивать на *гарантиях* для себя. Но что из этого выйдет? *Все* опасно. Каждый шаг. Ради Бога, когда будете писать нам, то обо всем пишите свободно, *кроме политики*. О политике (в том числе и об *этом* деле) – *только иносказательно*!

Куда Вы переехали? Хорошо ли там? Квартира это? Или что? Какая цена? Что за местность? Как перевезли мебель? Занавеска из рубашки – это комбинация тревожная! Темноту не обеспечивает, во-первых; каково же это без рубашечки спать, во-вторых. Озябнешь! *Сносно* ли Вы устроились? Пожалуйста обо всем напишите! И ждем с нетерпением обещанного Вами длинного письма. Очень опасаюсь, что жизнь на Вас нажмала[1332] и обидела.

Как это мучительно и для творчества разрушительно – жить изо дня в день, из недели в неделю... Ведь совсем не удается ствердоточиться!! Боюсь, что нам опять предстоит гнусная зима. Но как только что-нибудь выяснится – немедленно напишу.

Оба мы душевно обнимаем Вас обоих.

Ваш Незадачинъ-Утомленный.

1933.IX.12

<Приписка Ильина на первой странице письма до приветствия:>

Если к Вам придет что-нибудь из Шв<ейцарии> ~~на мое имя~~ для меня – то сохраните; ***не*** пересылайте в Берлин.

Когда же это мы с Вами увидимся?

Коля, сочиняй, ради Бога, во всю, а то жизнь станет вовсе бессмысленной!

274

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<17.IX.1933>

17 сентября 1933.

Дорогие, милые друзья! Получили Ваше письмо и пришли в полное недоумение... Про арест генерала фон Лампе мы читали, но на основании этого не могли делать никаких выводов, т. к. ничего о нем нам не известно. Но вот что там могут относиться с подозрением к лицу (то есть к Вам), которое должно было бы у них пользоваться огромной оценкой и ~~польз~~ большим почетом и быть желанным сотрудником – это непонятно и очень беспокоит во всех смыслах.

Правильно, что хотите требовать гарантий. Что же они не знают что ли, что Вы были судимы, томимы и наконец к счастью изгнаны большевиками? Не подобало бы им ~~идей~~ по отношению к таким людям как Вы вести себя подобно большевикам. Нас это очень взволновало как крайняя нелепость и несправедливость. Пусть те, которые Вас зовут обучать в Hochschule, вступятся и оградят Вас. Есть у Вас такие люди?

А про генерала фон Лампе я читала, что его освободили. Надеюсь, что это верно.

Будем ждать от Вас с нетерпением вестей. Нельзя ли Вам получить эти гарантии еще до возвращения в Берлин[1333]?

А о нас не помню о чем я Вам не написала. Писала вероятно, что мы в конце ноября едем в Россию. Если сможем выехать так, чтобы иметь в запасе дня два, то увидимся с Вами уже по пути туда, а если это окажется невозможным, то ~~уже по~~[1334] на обратном пути[1335].

У Коли здесь концерт 29 окт., а потом может быть наладится и в Риге, но это еще не наверно. Кажется еще, что устроится одно выступление в Лондоне 14 февраля. Но все это материально не обеспечивает и в этом смысле наши дела устраиваются не очень солидно.

Переехали мы весьма удачно в маленький домик наполеоновских времен. Он меньше монморансийского, но поместительнее, благодаря старинной системе бесконечных закуток. Очень уютно и совсем чисто. На одну тысячу в год дешевле – то есть 6 тыс. Местность такая, что нам даже не верится. У самого медонского леса[1336], кот. тянется на версты, и дороги и тропинки в нем затягивающие. И от Парижа ближе, чем Montmorency, и сообщение очень удобное. Понемногу устраивались вот уже месяц с небольшим и надеемся скоро все привести в порядок. И если бы все было спокойно и уверенно в перспективе, то мы могли бы здесь жить очень уютно и спокойно. *И дешевле*! Лестница тоже вдвое короче, а кухня рядом со столовой, так что я меньше утомляюсь хозяйством, чему Коля очень радуется.

Вот и все наши новости.

Принимаюсь за продолжение переписывания Колиных записок. Издавать собирался Сергей Васильевич.

Обнимаю обоих и очень люблю.

Ваша А. М.

<Далее на той же странице следует письмо Н. К. Метнера, продолжающееся на отдельном листе, на обороте которого позднейшая заметка-указание Ильина: «Продолжение от 1933 17 сент»:>

Письмо Твое, дорогой мой, глубоко взволновало и тронуло меня. Без королей, хотя бы Андерсеновских, мы не избавимся от пошлости, не вылезем из суеты всяческих проблем[1337]. Тронут, что Ты требуешь моего сочинительства. Но как же сочинять в атмосфере «проблем»?.. Акт сочинительства для меня подобен античной трагедии, где участвовал хор... Раньше у меня был-таки хоть и небольшой, хоть наполовину и воображаемый хор. Теперь же вместо хора два, три одиноких голоса, которые изредка из различных, далеких концов земли мне слышатся, как голоса действующих лиц мировой трагедии, а никак не хора...

На днях познакомился с текстом и музыкой одного новоиспеченного «гимна» и содрогнулся от его пошлости. Гимны, направленные не к богам и не к богами хранимым венценосцам, должно быть не могут быть удачными.

По музыке упомянутого гимна мне стало вдруг совершенно очевидно, что то, что он воспевает, нуждается в коррективе[1338].

Письмо же Твое еще больше убедило меня в этом.

Не забывайте нас, дорогие наши знаменские и воздвиженские[1339] друзья!

Обнимаю обоих с любовью

Ваш Метнерюцкий из Саввинского переулка[1340].

275

<И. А. Ильин – А. М. Метнер> ***<17.IX.1933>***

Дорогая Анна Михайловна!

Так мы и не дождались сюда письма от Вас. Завтра уезжаем «домой» с таким чувством, как если бы предстояли

длительные мучения, если не прямое «мученичество». Единственная надежда и *вся* надежда на милость Божию!

Перед отъездом очень прошу Вас о большой помощи.

Спрячьте и сберегите прилагаемое запечатанное письмо. Если я напишу Вам из «дому» слова «напишите пожалуйста Ивану Ивановичу» – тогда наклейте марку иностранную и бросьте это письмо на почту. До тех пор пусть лежит у Вас.

Это я сделаю только в крайнем случае нужды или беды.

По этому письму тогда *на имя Коли* придет пакет застрахованный с тремястами швейц. франков. Тогда надо будет с *личной* и *верной* оказией препроводить их к нам. Эту оказию я тогда постараюсь Вам указать – кто едет в наши края, когда и как с ним снестись. Или же м. б. оказия найдется у Вас.

Согласием на такую комбинацию Вы окажете мне чрезвычайную жизненную помощь!

Вот и еще лето прошло – и мы не виделись и не пожили вместе!.. Как грустно!

Теперь наш адрес – прошлогодний. Квартира осталась за нами. Пишите туда. Беспокоит нас Ваш переезд! Почему?

Мы оба обнимаем Вас обоих.

Ваш всей душою

И.

1933.IX.17.

276

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<19.IX.1933>***

19-го сент.[1341]

Дорогой Иван Александрович, сейчас получили Ваше письмо от 17, извещающее о Вашем отъезде домой уже 18-го, а мы отправили письмо 17, с уверенностью, что оно Вас еще застанет по старому адресу. Почему Вы не написали;

~~что~~ в Вашем письме от 12-го (полученное нам 14-го), что Вы уже покидаете Тунское озеро через пять дней? На третий день ~~я у~~ по получении Вашего от 12-го я уже Вам писала и не предполагала, что это надо направить уже в Берлин. Дойдет ли теперь это письмо до Вас? Ждем вестей! Надеемся, что Вы найдете в доме все в порядке.

Все поручения исполним.

Очень надеемся повидать Вас уже в ноябре. Мечтаем переехать в Германию и жить вблизи Вас. Э. К. сейчас в Пильнице и пишет, что у него очень отрадное впечатление от Германии.

Мы оба крепко Вас обнимаем и умоляем немедленно прислать хоть открытку. Если Вам некогда, то просим дорогую нашу Наталию Николаевну хоть раз изменить себе и взять перо в руки, чтобы утешить нас хотя бы двумя словами.

<Далее приписано на первой странице письма сверху (текст перевёрнут) и по левому полю:>

Мы оба нежно обнимаем Вас обоих.

Ваша А. Метнер.

277

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <29.IX.1933>

Дорогие друзья!

Мы получили оба Ваши письма по возвращении сюда. Спасибо! Как хорошо, что Вы довольны Вашим новым жилищем и его природным окружением. Монморансю я как-то не полюбил.

Мы пробыли в отсутствии шесть недель. 18-го двинулись с Тунского озера и провели потом еще четыре-пять дней в Гаутинге под Мюнхеном, в большой тишине и моральном уюте,

в дружеском пансионе. Квартиру нашли в полном порядке. Жить здесь стало за время нашего отъезда и отдыха полегче. Дела мои все еще сильно неясны, но бесперспективности нет; а потому нет и уныния; есть только забота и тревога. Но м. б. все или только что-нибудь наладится.

Перспектива увидеться с Вами нам огромная радость. Только пожалуйста взвесьте, как и когда это лучше осуществить. Чтобы не было Вам от этого вреда. Конечно есть ведь и способ действия евангельского Никодима[1342]. Так что мы мечтали бы – и *до* и *после*. Пожалуйста давайте нам от Ваших новостей и верьте покрепче в нашу к Вам неизменную любовь и дружбу.

На подлиннике подпись: Мы, оба.

Завтра Верочка наша – именинница[1343].

1933.IX.29.

278

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <10, 17.X.1933>

10 октября 1933.

Дорогие друзья!

Ваше письмо (от 29/IX) принесло нам большую радость, т. к. в ожидании его, не имея вестей о Вас, мы жили буквально в тоске и каждое утро бежали к нашему ящику и, не найдя письма от Вас, приходили в уныние. Слава Богу, что Вы здоровы, ну а все остальное наладится.

17 <октября>. Вот уже неделя прошла с тех пор, как я начала было писать Вам. За это время окончательно выяснилось, что мы в Россию едем. Но разумеется теперь ничего нельзя сказать с уверенностью и всегда может случиться помеха. Судя по газетным сведениям, что-то там не спокойно и в послед-

нюю минуту можем и не поехать. Но если поедем, то тогда и в Риге состоится концерт 16 ноября. По-видимому застрять в Берлине мы сможем только при возвращении, т. к. отсюда раньше 11 или 12 не выберемся, а в Риге надо быть хоть за два дня. Но уж потом мы остановимся в Б<ерлине> хоть на неделю, если только не наладится еще какое-ниб. выступление. Что-то Колю не очень зовут! Видно не ко двору пришелся. Только вот еще один раз будет играть в Лондоне 14 февраля и делать эту поездку из-за одного концерта конечно невыгодно, но отказываться нельзя.

Ну вот и все о наших делах. Ждем вестей о Ваших. Неизменно о Вас думаем и жаждем слышать, что жизнь Ваша не очень тяжка.

Мы оба шлём Вам нежный привет.

Ваша А. М.

<Приписка А. Метнер на первой странице письма сверху (текст перевёрнут) и по левому полю:>

О том, что здесь у Коли концерт 29 окт., я Вам кажется писала.

Читали беседу с Боткиным в Возрождении. Знакомы Вы с ним?[1344]

279

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <21.XI.1933>

Дорогие друзья!

Забеспокоились мы, что нет ни вестей от Вас, ни проезда. Позвонили моей сестре Мане[1345] и от нее узнали, что визы нет и что проезда не будет. Вполне разумеем, какой неприятностью это должно было ударить. И вместе с Вами переживаем и срыв предметеорного вдохновения в Колиной душе

и все остальное. – А на душе все-таки облегчение. Мы знаем подробно, что̀ там делается, и без ужаса не думали о Вашей поездке. Отговаривать не хотели – ведь Вы с нами и не советовались, а поставили нас перед решеннымным вопросом – fait accompli[1346] – едем и не свистим... А мы за это взяли и *препоручили Вас Господу Богу*! Ему виднее; и не нам же отговаривать отплывающего на грузном челне Ариона[1347]... А теперь *простите уж пожалуйста* – на душе полегчало! У нас только что был юноша – *очень* хороший и прямо оттуда. Его *купил* (выкупил за валюту) дедушка. Он из московской семьи – Редлихов, и даже мой дальний свойственник[1348]. Он рассказывал разное; там *людей едят*[1349] и об этом говорят *запросто*. И что там будет происходить и стрясываться в ближайшую зиму – одному Богу известно.

Пишу лежа-полулежа. Ветер северный простудил гланды. Температура – компресс – краснота – слабость. Налетов нет. Пройдет.

С первого ноября Рус. Научн. Инст. восстановлен. Осталось нас мало. Но жалованье идет. Небольшое, но на текущую потребу хватающее. Слава Богу. Теперь надо будет сделанные долги платить и другим помогать.

Пока обрываю на этом. Горько было нам от происходящего вдали Колиного концерта. Ни радости, ни поздравлений не было. А была *обида*. Глупости Поля и Лоля (т. е. Лоллия и Поллия) (т. е. Лоллюция и т. д.) читали[1350]. Мерси.

Обнимаем Вас обоих. Я – отвернувшись, чтобы не заразить Вас гландами.

Ваш Іоаннъ (имя ему).

1933.XI.21.

Если Лоль – пишет лошлости
То Поль – пишет ?

280

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<XII.1933>***[1351]

Дорогой друг мой!

Все последнее время особенно часто думал о вас и порывался писать, но не хватало сил, да и боялся отягчать вас своими жалобами. Спасибо за Твое письмо и дружескую поддержку. Конечно возможно, что это к лучшему, что мы не поехали. Да только очень уж здоров был толчок. Я точно с колокольни упал. Впервые ощутил отрыв от родины, ибо все время жил здесь как в путешествии...

Кроме того огромная работа (за несколько месяцев) пропала зря. Ведь мне почти ***негде*** играть. И наконец, потеряв русскую родную аудиторию, я начинаю терять вообще охоту и играть, и сочинять. Вообще не нахожу себе места. Песня перестала быть нужной миру лавочников, разбойников и кретинов... Музыкальная тема не доходит даже до музыкантов. Люди стали слышать только ноты, а не музыкальные идеи или образы... Слышат только повторимое, а неповторимое как будто не существует. Видишь – я только и способен сейчас рычать и стонать и потому лучше умолкну...

Обнимаю вас обоих с неизменной любовью.

Ваш не «Арион», а Орион, ибо – ори он сколько хочет, все равно его не услышат – его перекричит *Аа*рон, знаменитый вундеркинд, делающий а:а в штанишки от крику[1352].

(Это плохое подражание Остерцунге).

<Приписка А. М. Метнер по левому полю второй страницы:>

За мной подробное письмо, а пока обнимаю обоих дорогих друзей.

<Приписка Н. К. Метнера по левому полю первой страницы:>

Что Вы думаете о Бунине и что из него советуете прочесть?

1934[1353]

281

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<5.I.1934>***

Дорогой Коля!

Шлем тебе и Анюте ко дню твоего завтрашнего рождения поздравление, целуем и обнимаем. Спасибо тебе за дружескую записочку.

У Б.[1354] есть несколько вещей благоуханных и множество отвратительных. Первые списаны с натуры, почти бессвязные фотографии; вторые – продукт высоко-художественных напряжений.

Из вторых советую прочесть только «Солнечный удар»* – это наиболее приличная и удачная вещь. В других этот стиль «несдержанной любви» становится часто отвратным до тошноты.

Из первых вещей советую:

«Всходы новые»	из сборника «Последнее свидание»
«Поруганный Спас»	из сборника «Солнечный удар»
«Обуза»	из сборника «Солнечный удар»
«Ида»**	из " " "
«Божье дерево»***	из сборника «Божье дерево» – *и все*.

---

* отнюдь не весь сборник, известный под этим названием [Прим. И. А. Ильина.]

** это не благоуханно, но сносно. [Прим. И. А. Ильина.]

*** Это очень хорошо [Прим. И. А. Ильина.]

В феврале буду читать о Бунине две публичные лекции по-русски. Сейчас заканчиваю книгу о коммунистах[1355]; 3 месяца сногсшибательной работы; как будто должна выйти на нескольких языках. Переработал на ней так, что даже сон испортил.

Еще раз обнимаю Вас обоих и от утомления ограничиваюсь только этими строками.

Твой И. И.

1934.I.5

282

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<5.II.1934>***

Друзья мои милые!

Что же это Вы так уж безусловно «лично и окончательно» замолчали? Побойтесь Бога! Нянька моя старая говорила, когда я в «дурачки» «жулил» – «с*ооо*весть дорог*ааа*я»... Вот и я Вам говорю это самое. Уж как мне было тошно вокруг Колиного рождения – а я все*ш*таки заставил себя написать несколько строк – правда деревянных, но все*ш*таки Вы могли видеть, что a) помнят нас, т. е. Вас b) живы c) *тошно им*. А от Вас к нам за все Рождество даже стриженых ногтей не долетело.

Кончаю я мою книгу[1356] постылую (не книгу, а фигу). Извела она меня подотчетно. Вымотала мне все кишки мои на колбасы. С 20 окт. без отдыха и срока авдиевы[1357] конюшни чистил, ворочая рыло от злоухàния духовного и зло ỳхая моей бедной жене на ушкò. Конь-чаааааааааа-юююююю! Когда-нибудь монах **п**рудолюбивый[1358]... пере-пипи-шет. И немедленно распускаю лекционные «буни»[1359]. Оба Вас обнимаем.

Вспомните, если еще помните, а не то попомните!

1934.II.5. Іоаннъ

283

<Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> ***<10.II.1934>***

10-го февр. 1934.

Дорогие наши, милые, близкие
и, увы! – далекие друзья!

Неужели же Вы не знаете, что мы постоянно о Вас думаем. Письмо Твое, друг мой, мы получили и были весьма тронуты памятью о нас. Не ответили не потому, что письмо это по собственным Твоим словам – «деревянное». Мы отлично понимаем и сами испытываем то одеревянение, которому подвергает современная жизнь большинство людей. Я так даже начинаю окаменевать. Чисть, голубчик, авдиевы конюшни – это самое нужное теперь! А вот я, с Анюточкой разумеется, еду сегодня в Лондр вертеть свою шарманку, которая сейчас является самой ненужной вещью на земле. Думаю только о сведении концов с концами, а также о том, чтобы благополучно добраться до места и обратно. Читал ли Ты трогательнейший фельетон о Шмелёве в цюрихской газете? Если нет, то мы вышлем его Тебе по возвращении из Англии. 10-го Марта Шмелёв даст здесь вечер[1360]. Если все будет благополучно, мы непременно пойдем.

При сём прилагаю четверостишие Амфитеатрова[1361], в котором излагается горькая судьба нашего брата...

Торопят к отъезду...

Обнимаю горячо дорогих друзей.

Ваш всей душой

Метнерюцкій

Анюточка кланяется

<и рукой А. М. Метнер:> и крепко и нежно обнимает.

284

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <9–10.III.1934>

9 Марта[1362].

Дорогие милые, друзья! Мы вот уже ровно месяц в Лондоне, куда приехали на одну неделю для двух концертов (14 и 15 февраля). И застряли мы потому, что Коля заболел воспалением легких, но к счастью не крупозным, как в 18 году, а ползучим, которое у него благополучно ликвидировалось в три недели, хоть и бывает очень затяжным и иногда длится два месяца.

Когда он играл для радио (15-го от 9 ч. 30 до 10 ч. 30), то у него уже была высокая температура 39.6 и его так трясло и знобило, что пальцы прыгали на клавишах и все время казалось<, что> вот-вот он сорвется и не доиграет*.

Когда мы вернулись домой, то он уже так обессилел и был почти без памяти и просидел в шубе у камина до 5 ч. утра, т. к. не было сил раздеться, чтобы лечь. ~~На другое~~ К утроу он разделся, улегся и уже не подымался. Доктор определил воспаление легких. В два-три дня он отчаянно исхудал. Жили мы в пансионе. В одной комнате было очень трудно, т. к. надо было превратить ее в лазарет с известными гигиеническими условиями и покоем и проч.

На наше счастье Бог послал нам друзей, о которых мы и не подозревали – инженер Михаил Васильевич Брайкевич[1363] и его жена Софья Андреевна. Он был в Одессе городск. головой, сидел у большевиков и чуть не был расстрелян, но в счастливый момент был захвачен, т. е. вырван со всей семьей англичанами и увезен на англ. броненосце в Константинополь.

* Н. К. Метнером прописная «К», начинающая этот абзац, заменена на строчную и перед ней его же рукой вставлено: «(14 апреля с большим подъемом и с удовольствием – очень удачно), а на другой день».

Они любят Колину музыку и пришли (еще до болезни) просить, чтобы он дал хоть три, четыре урока их дочери (уже взрослой), кот. скоро выступает здесь в концерте и всю жизнь мечтает попасть к Коле[1364]. Когда они узнали, что Коля заболел, то появилась моментально С. А. и заявив, что она опытная сестра милосердия, т. к. всю войну сама ходила за солдатами в своем лазарете, просит позволить ей ходить за Колей. Я могла только благодарить и принять это, т. к. на сестру милосердия у нас не хватило бы средств, да и пришлось бы снять еще комнату для меня, чтобы предоставить сестре мое место.

Но везти его в больницу я отказалась наотрез, да впрочем доктор сказал, что это уже поздно и надо оставить его где лежит. И так он пролежал две недели и при первой же возможности мы перевезли его к Брайкевичам и как будто в рай попали. Теперь он уже почти с неделю на ногах и тут же начал работать с их дочерью по два раза в день и та в полном восторге. Это конечно единственное, чем мы можем реваншироваться за такое необыкновенное участие.

10 <марта>. Вот совпадение! Сейчас пришла из Франции (счастье, что не затерялась) Ваша книжка[1365]. Спасибо! Сегодня же будем читать и на днях я Вам опять напишу. Дня через четыре едем домой.

Обнимаю! Ваша А.

<На первой странице письма вверху (текст перевёрнут) как будто бы незаконченная приписка А. М. Метнер:>

Коля обнимает и как только

285

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <23.III.1934>

Дорогие друзья!

Узнали мы о Колиной болезни из Возрождения. Там сразу было сказано, что «ползучее» остановилось и что «лѣчутъ».

Сразу же нас схватило и немножко отпустило. Оставалось только молиться за Вас, что мы и делали. А потом пришло письмо. Спасибо. По письму еще раз пережили все вослед за событием и описанием. Слава Богу, что прошло. Но беречься надо! Как-нибудь все остаточки в бронхах и легких надо подсушить и непременно раза два показаться хорошему доктору с тонким слухом. Пусть все подслушает, и хлипики, и хряпики, и хлюпики, и храпики. Храни Вас Господь и пошли он Вам «свою отраду». И напишите пожалуйста, как Вы доехали, и как Коля себя чувствует, и какая у Вас погода (солнышка бы ему)[1366].

А про нас писать не стòит. Материально еле выкручиваемся и то с величайшим трудом, тревогой и скудостью. Книгу заказанную кончил 8 февраля и сдал; а она не печатается, почему неизвестно, и гонорар не поступает. Работы много, рваная, спешная, напряженная; над отвратительным материалом. А дело «фи», и почти не «нансовые». Для больших предметов удается работать лишь мало и скудно. Утешает меня только то, что идет от Наталии Николаевны, которая купается в русско-византийской живописи и архитектуре.

Надежды свидеться с Вами пока нет. Жить очень скорбно и грустно.

Обнимаем Вас обоих и просим известиев.

1934.III.23. Ваш Іоаннъ (имя ему).

<Далее в правом нижнем углу изображена стрелка, указывающая, что письмо продолжается на обороте листа.>

Коля, дорогой! Если я когда-нибудь буду в России министром просвещения, то я не то что общественных деѧтелей и епископòв заставлю зазывать людей к тебе в концерты с восхвалением христианской доброты концертирующего –

а прямо по наряду буду заполнять тебе десятитысячные залы –

a) учащими и учащимися
b) армией и флотом

c) духовенством
d) особами обоего пола, приезд ко двору имеющими «за кавалергардов»[1367]
e) трудящимися массами.

А в начале концертов будет читаться тебе *канон* нарочито составленный, о твоей добродетели, чудном характере, общей духовной и телесной обаятельности. И в газетах будут печататься тебе всенародные икосы, ирмосы и тропари[1368].

Так что теперь *путь найден*, метод открыт и мы всех перископов и архиперископов за пояс заткнем. И протянем тоже не только «руку», но и «ногу» помощи «через благотворительные ***ре***организации». И портреты твои будем печатать *на домах* прямо, вроде, как «ꙉDuce»[1369] в ѝИталии, на манер Моны Лизы Джоконды – во какие идоло-*жертвенные* концерты запустим, все любвеобильные сердца перетряхнем.

Главное – *метод* найден.

А *то*, все остальное, *предметное* – не то:

ме́тод, да *не этот*,
метѡ̀д, да *не тот*.

И провозгласим тебя не то что
«нашим родным, славным современником»,
а всеобщим кровным и знаменитым сверхвременником.

Твой Скоропалитъ Подлогій.

См. Возрождение от 22 марта, письмо Митрополита Евлогия[1370].

286

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <6–7.IV.1933>[1371]

Христос Воскресе!
Дорогие друзья и дешевые Нас-Забыватели!

Живы ли Вы? И долго ли будете играть в Большую Молчановку? И как Вы хочете проводить Пасху? И много ли у Вас будет «любящих паситителей»?

Христосуемся с каждым из Вас, даже до трех раз.

<Вклеена вырезка из газеты:>

> – В Белграде с большим успехом было дано несколько концертов оркестром из 24 детей, старшему из которых 9 лет. Все музыканты путешествуют в сопровождении своих матерей.

<Продолжение письма:>

Из частных источников к этому добавляют.

«Дети, младшему из которых 1 год и 2 месяца, играют на музыкальных инструментах совершенно самостоятельно, старательно воздерживаясь от всяких störende Nebengeräusche[1372]. Почти подо всеми ставятся на эстраде сосуды удобства и младший возраст неизменно выступает в баветочках[1373]. В каждом концерте в среднем раза два кто-нибудь из детей начинает сомнительно кряхтеть; тогда дежурная мать нажимает кнопку и ребенок со стулом и сосудом совершенно бесшумно исчезает в люке, откуда появляется минуты через три, мгновенно и безошибочно вступая в общее исполнение. Между всеми номерами программы матери обходят артистов и доставляют им дыхательное облегчение. Художественность этого исполнения, наполнения и опустошения отмечается всею прессою за немногими исключениями явно реакционных и антисемитических газет. – По точным справкам, наведенным Вашим корреспондентом, артисты продуцированы в бывшей черте оседлости по рецепту, своевременно указанному в книге Вольфинга[1374].

В настоящее время оркестр ведет деятельную подготовку к естественной эволюции инструментовки. Предполагается заменить скрипки естественными голосами маленьких артистов, а духовые инструменты такими же духовыми проявлениями естественного характера. Газеты: Neue Zürcher Zeitung, Berliner Tageblatt, Der Fraind, Humanité, Правда и Известия[1375] уже ведут широкую пропаганду этой эволюции. За нее высказа-

лись также профессор Шор[1376] (Палестина), проф. Эйнштейн (Америка), Ромэн Роллан, Бернар Шоу, Георг Бернгард[1377], братья Томас и Гейнрих Манн, а из русских Эмигрантов П. Н. Милюков, Ходасевич и Мережковский. Масонские ложи готовят всемирную демонстрацию и собираются поднести детскому оркестру красную звезду имени Троцкого. По слухам в оркестр скоро будут приняты маленькие дети покойного героя пятилетки Ставицкого: Клод и Франсуа[1378]. В связи с этим уже начаты хлопоты о досрочном *оправдании* и освобождении их почтенной матери Арлекинетты. По этому поводу газета За Индустриализацию[1379] надеется на скорую победу мирового коммунизма».

Вот, милые друзья, Вам «последние новости» с рынка мировых эстрад. За что купил, за то продаю.

Письмо задержалось на день. Вот еще добавление.

<Вклеена ещё одна вырезка из газеты:>

> – В Берлине с большим успехом выступает на концерте пятилетний пианист Гансвиндт. Он 23-й сын известного немецкого инженера-изобретателя[1380].

<Продолжение письма:>

В Вашингтоне выступитл новый конкурент на пост президента республики: некто Мистер Геопкинс, юный политик двух с половиною лет. За него уже высказалеясь еврейская ложа Бнай-брит[1381] и собрано 273.221 подпись наиболее выдающихся гангстеров. По слухам он незаконный сын Троцкого и Литвинова (одновременно, по принципу коллективного отцовства) и уже участвовал в трех крупных ювелирных экспроприациях, одновременно фильмуясь звуковым фильмом и диктуя третий том своих мемуаров[1382].

Обнимаю Вас, дорогие. Доживем – увидим.

Ваш как всегда друг и враль.

<На первой странице письма, вверху, до приветствия, окружённый рамочкой текст:>

Для почтовой цензуры: письмо это есть простая шутка, содержащая злую насмешку над пропагандой большевиков и над всеми их помощниками. Шутка эта выдумана мною и кроме газетной вырезки *ничего фактического* за собою не имеет. Прошу не задерживать письма и пропустить его спокойно к *адресатам*.

Автор письма.

287

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <15.IV.1934>

15–IV–34[1383]

Воистину Воскресе!

Не писали Вам после Лондона, дорогие наши друзья, вовсе не потому, что мы дешевые Вас-забыватели! Ни о ком не помним так, как о Вас! Из Лондона я Вам написала и вложила статью о Шмелеве (из Цюрихской газеты) – дошла ли она? О получении письма Вы написали, но о статье нет. От Вас два письма: одно от 23 марта, другое сейчас. В Лондоне еще были получены Ваши *Три речи* о России[1384].

Письмо от Иоанна и будущего Министра Просвещения пришло как огромное утешение и вдохнуло силы в душу Вашего Давида, как Вы его называете[1385]. (Я ему иногда подношу Вашу фотографию с надписью: «От Саула Давиду» в напоминание и подкрепление.)

А что до Ваших речей о России, то тут не только Давиду сила и подкрепление, а всей существующей истинной русской душе.

И как же нам можно забывать Вас? Слишком большой урон причинили бы мы себе таким забвением!

Радуют нас и такие письма, как последнее. Оно до того блестяще талантливо и это такой фонтан глубочайшего остроумия, что право же могло бы быть вставлено, как интермедия в серьезную книгу[1386].

———

У меня к Вам просьба, на которую прошу ответить поскорее в случае отказа. Если же исполните, то можете и не торопиться отвечать. Надо непременно послать одному человеку Ваши *Три речи*, но мне жалко посылать наш экземпляр, и я прошу об этом Вас, если у Вас найдется лишний экземпляр. Адрес: Константину Евгеньевичу Климову[1387], Рига, Пушкинская ул. д. 18. кв. 1; по-латышски: Puškina ielā 18, dz. 1.

Обнимаю Вас обоих с любовию.

Ваша А. М.

<Приписка Н. К. Метнера на первой странице письма поверх даты (текст перевёрнут):>

P. S. Из-за болезни я так и не попал на здешний вечер Шмелёва. В библиотеке его книг никогда не удается достать. Покупать *наугад* слишком накладно. Скажи, чтò всего необходимее прочесть из его книг?

288

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<15.IV.1934>***[1388]

Дражайший друг!

Спасибо Тебе за утешительные письма и за чудесные Твои 3 речи! Прости, что не писал Тебе! Устал... Устал конечно и от бывшей болезни, но и от работы, которая как и всегда протекает в изнурительном внимании урокам девы тайной[1389]. Ведь

уроки эти (с утра до вечера), стóя мне всей моей душевной силы, не приносят мне в последнее время никаких плодов, должно быть потому что я все больше и больше теряю веру в то, что плоды эти кому-нибудь нужны... Устал от одиночества, от неудовлетворенной потребности общения... Устал от окончательной потери родины, от непрестанного преодоления чуждой атмосферы, как психической, так и физической – не выношу, например, дыма, которым наполняется здешний воздух в каждый тихий, солнечный день. Им должно быть сладок дым их отечества и потому они целыми днями жгут все, что попало, а каково нам-то! Устал от непрестанного преодоления потребности общения с теми, кто мне наиболее близок, но кому мне приходится писать лишь подобные нудные письма... Прости, дорогой мой. Целую вас обоих.

Любящий вас Н. М.

289

<А. Климов, С. Т. Климова, И. Г. Климова, О. Г. Климов, К. Е. Климов, И. А. и Н. Н. Ильины – Н. К. и А. М. Метнерам> <22.V.1934>

Белое озеро[1390]
22 мая 1934 г.

Глубокоуважаемые и дорогие
Анна Михайловна и Николай Карлович!

Через четверть часа уезжают в Ригу супруги Ильины. Часто вспоминали Вас и много о Вас говорили, жалели, что не было Вас среди нас. Шлем Вам самый сердечный, искренний привет.

Ваш А. Климов[1391]

Радостно провели 3 дня вместе с милыми Ильиными. Часто думали о Вас. Надеемся все же еще на встречу. Всего наилучшего.

С. Климова[1392]
Ира Климова
Олег Климов[1393].

Дорогие и глубокоуважаемые Анна Михайловна и Николай Карлович! Страшно рад был познакомиться с Н. Н. и И. А. Ильиными. Чувствую себя с ними в 100 % понимании и согласии. Много, очень много и хорошо говорили о Вас. вскоре напишу подробнее.

Преданный Вам К. Климов[1394].

А вот и мы, усталые, отъезжающие...
Целуем и обнимаем Вас, милые друзья.
Уф. Живы ли Вы? Здоровы ли?
Приехали сюда 5 мая вечером.
7-го лекция. 9-го лекция. 11 лекция. Перерыв. Переворот[1395]. Перерыв. 25-го лекция. Уф.
Не забывайте, дорогие, а то мы Вас возьмем и забудем.

Іоаннъ. Наталія[1396]

290

<А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным>
<11.VI.1934>

Дорогие друзья!

Рады были, очень рады были, когда получили Ваши несколько строк.

Мы были удивлены, что Вы в Риге, т. к. нам никто не писал об этом. Сейчас мы получили оттуда восторженные письма.

Все, что пишут о Вас и о своем впечатлении от Вас, Климов и Дауге[1397], очень подняло их в нашем мнении. Приятие Вас или неприятие – несомненно есть некий пробный камень. Восторгу этих людей нет предела.

Вы очевидно моего письма, в кот. я просила Вас послать Климову Ваши *Три речи* о России[1398], не получили?

Это было не так давно и если бы это письмо дошло до Вас, то Вы не запрашивали бы, живы ли мы. Может быть Вы как раз уехали в Ригу и это письмо лежало в Берлине.

Когда хочу Вам написать про нас, то не знаю, как быть, чтобы не повторять вечно одно и то же... первое и главное, о чем хочется писать, – это о Колиной работе. И каждый раз приходится говорить о том, что она идет трудно, что он страдает и что на много дней неудовлетворенности перепадает иногда минутка удовлетворенности сделанным. У Коли есть убеждение, что если бы было больше настоящего приятия его музыки, то и работа бы шла легче. Мы часто подумываем о жизни в Германии и может быть в конце концов и переедем.

Как Вы собираетесь провести лето? Не в Берлине же? Как здоровье Вас обоих? Очень просим написать – ждем с нетерпением вестей!

Обнимаю обоих.

Ваша Анна М.

<Далее письмо Н. К. Метнера:>

Радуюсь Твоему пребыванию в Риге! Спасибо за коллективное послание оттуда! Наши рижские друзья переполнены Тобой. А мы, парижские друзья, должны довольствоваться только весьма редкими письмами от Тебя, да еще письмами, в которых никогда не бывает ни малейшего намека на получение наших писем.

Впрочем изредка питаемся Твоими фельетонами в Возрождении.

Последний (о Сказке[1399]) весьма сочен и душист! Сам я мало пишу Вам, ибо живется мне претяжко – работа не

двигается ни на́-волос, а мыслей (т. е. давно накопленных тем) хоть пруд пруди. Голова стала слабее тем, и потому из всего моего *сочин**я**ния* не получается ни одного сочин*е*ния, разницу же эту (т. е. между сочин*я*нием и сочин*е*нием) я знаю (не в пример модернистам) чрезвычайно точно. Скажу больше – эта разница с годами превращается для меня в какую-то пропасть... Ты как-то определил мою «Бессонницу»[1400] как «лопнувший водопровод»... Теперь же у меня ничего не лопается и не вылупляется. Хоть бы Ты сказал, что́ мне делать!? Впрочем на письма Ты не отвечаешь и потому лучше забудь этот вопрос и пиши о себе. Шлю вам обоим горячий привет.

Любящий вас Н. М.

291

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<27.VII.1934>***[1401]

Дорогой мой!

В связи с некоторыми обстоятельствами моей жизни я привел в порядок мою переписку *с тобой и с Анютой*; и все перечитал. Потом принял решение *писать Вам раз в неделю*, независимо от того, будете Вы отвечать или нет. Если от этого *я* мы не приблизимся к Вам, то, может быть, Вы приблизитесь к нам и Вам захочется это пополнить. Писать же буду, о чем придет.

Последние Ваши письма были от 15 апреля и 11 июня (послерижское). В Риге было утомительно, но кажется продуктивно. К. Климов человек настоящий и очень привлекательный. Дауге тоже нам понравился. Там пережили переворот[1402] – распущен был сейм, арестованы все социал-демократы и коммунисты; село правительство правое, но не до безмерности. Самые сильные впечатления мои, вывезенные из Риги, это 1. Архиепископ Иоанн[1403], человек ума непомерного, воли

исключительной, чтимый всей Латвией. Ко мне относится очень тепло. 2. Картины – Левитана Тихий омут и Дубовского[1404] Финляндский залив – в частной коллекции какого-то спекулянта[1405]. Великолепен и Айвазовский. Чудесен Боровиковский. 3. Всенощная в кафедральном соборе в Риге – увы, без Иоанна, который был болен.

Здесь меня заездили бесконечные поручения – торопливые и непомерные по материалу – но что делать – от них кормлюсь; и денежные заботы – ибо вознаграждение минимальное. В начале июля все русские ученые, состоящие при научном институте, уволены; уволен и я. Жалованье кончается с 1 августа. На несколько месяцев вперед будут еще оплачиваемые поручения. Потом – неизвестность. Собственно говоря – катастрофа. Но, подобно прыгающему с колокольни – и не разбивающемуся – я уже прошел через «случай» и «счастье» и нахожусь в состоянии «привычки». Кроме того, чую я, что Ангел Хранитель что-то иное имеет в виду, а потому спокоен – и не «трепещу» или, по-саксонски, не «дребежжу».

Вопрос отдыха неопределен от скудомонетия. Может быть что-нибудь удастся наладить. Но до сих пор все еще «ничего в волнах не видно»[1406]. Физически мы оба здоровы. Духовно я все более склоняюсь к выходу из акта воли и уходу в акт духовного созерцания. Как будто довольно чистил я скрипкой мировой нужник. Есть у Достоевского в Карамазовых формула о том, что один гад ест другую гадину[1407]. А у Ремизова есть рассказ[1408] о том, как в 1919 году на лестнице собралось нечистот с гору – куча гомерическая, называлась «Копровуч» (собств. «Кооператив Высших учебных заведений» в советском сокращении). Не знали как чистить. Вдруг осатаневшая с голоду собака прибежала и весь «копровуч» без остатка слопала и даже подлизала. И убежала. То-то благодетельница! Ну и вот. Нэ мэшай!

Последние месяцы особенно лечился твоей музыкой, беспомощно выколупывая «Забытые мотивы» и романсы опуса 52[1409]. Эти «Забытые» полны сладости несказанной и незаб-

венной. Если бы ты сочинил только их, ты был бы сам незабываем в истории музыки. Но ты, кажется, еще что-то «компонировал дельное» и *до* них, и *после* них. Я к величайшему моему смущению сильно отстал от тебя – а ты, неудержимый, накручиваешь еще и еще. Ведь эдак я пожалуй всего только твои фижмы и кринолины музыкально донашиваю; ты скажешь про свои собственные опусы, мною культивируемые, –

«abgelegte Kinderhose
aufgeblüht wie eine Rose»..??[1410]

Но кто же виноват?

Скажите мне, друзья, Вы *очень крепко* держитесь за страну своего местопребывания? Может быть мы с Вами поселимся вдруг сообща в Африке, у подножия Килиманджаро, или в Мексике у подножия Попокатепетли? А есть еще и другие вулканы, и у них есть подножия, как то: Киришимаяма, Шивелюч, Кракатау, Тунгурагца, Раупеху, Тонгариро или наконец Харимкотанжима[1411]. Они будут *извергаться*, а *нам будет легче*: и гнев, и творчество все будет отходить... Он напопокатепетлит, накракатавит или нахаримкотанжимит – и *нас* пронесет, и низом, и верхом? А тем временем – собака съест копровуч, да еще подлижет, да еще и сама убежит. Ибо Ремизов прав: «но разве от *этого* можно избавиться? Ведь *это* ж вещь такая, не спрячешь! – и пусть неизвестная собака съела, но она же в свой черед – – но оно же опять обнаружится!»[1412] Так для «опять обнаружения» пускай лучше «в свой черед» убежит...

А мы будем

Под вулканищем сидеть,
Попокатепетлить,
Сочинять и песни петь,
Людям в души свет лить...

Подумайте об этом – *пока*, *отвлеченно*!

Милый мой! Ты задаешь мне, как всегда непосильные, вопросы, да еще шпыняешь, что я на письма не отвечаю. «Хоть бы ты сказал, что мне делать»...

Изволь. Я отвечу. Но если глупо выйдет, или тебе бесполезно, или еще что – не ругаться! Ты этого хотел, Георгий Данден[1413]!

1. По старому поверию, когда женщина рожает, то отпирают и открывают в доме все шкапы, все комоды, ящики и укладки. По возможности все двери, все крышки.

Глупо? Нет, мудро. Человек живет таинственным сочувствием природы и вещей. Он должен чувствовать, что они *все* ему помогают. Когда все разинуто и явно хочет легко опростаться – то и мне захочется. По этому принципу мой маленький трехлетний брат, страдавший запором, заставлял всех садиться вокруг себя и дружно и громко кряхтеть.

Вывод: никогда не сочиняй на закрытом рояле, всегда все крышки настежь и кверху. И шкапы!!

2. Творчество – течение. Творчество – любовь. Потому поёт. Гнев, раздражение, отвращение, ненависть, оскорбленность, грубость, подлость, зло – взрывают любовь и пресекают течение. Потому поющее творчество закупоривается.

Глупо? Нет, факт.

Поэтому тебе необходима *динамика*.

a) Телесная – хождение, езда, теннис, бегание в пятнашки, игра с мячом.
b) Чтобы вокруг были неслышные фонтаны, носились голуби и чайки, плыли облака, ~~носились~~порхали бабочки.
c) Тебе необходимо, чтобы тебя не оскорбляли, не пакостили, не грубили, не производили отвратительностей, не только *тебе*, но и *в мире*. Тебе необходим смех; частое дружелюбное, искреннее, de profundis[1414] идущее и разнообразно-приятное общение; тебе необходимо

выкрикивать от времени до времени все накопляющиеся от мировой мерзости аффекты, гневы и протесты.

d) Тебе необходимо – постоянное действие желудка и *все*, что стимулирует кровообращение.

3. Творчество – не самодовлеюще. Оно требует *отклика*, *приятия*, *блаженства ответа*.

Верно?

Поэтому тебе необходима куча денег, чтобы поселить нас рядом – постоянно нам выкрикивать душу и постепеоянно нам играть твои «музики забавныя», кои ты «составляешь».

В частности *я лично* – берусь *через день* по *три часа в день* – ***искренними***, ***чистыми*** и ***священными*** слезами – плакать от твоей музыки, чем исцелюсь и сам, от многих духовных мраков и душевных нечистей.

Через день потому, что другие дни ты будешь беспрепятственно попокатепетлить и кракатовить.

Ну, погоди, я *еще* подумаю; и если придумаю еще что-нибудь столь же глупо-бесполезное, то напишу еще. Ты этого хотел, Георгий Данден.

Мы оба обнимаем Вас обоих и ждем вестей.

1934.VII.27 Твой И.

Пожалуйста, чтобы Анюта мне написала поскорей о моих глупых и бесполезных советах.

<Приписка Ильина на первой странице письма, до приветствия:>

Нат. Ник. прочла мое письмо и велела сказать: «я ета тожя ащющяяю».

292

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> ***<2.VIII.1934>***

Милые мои и дорогие!

Это письмо *вне*-очередное – *не* входит в недельный ритм. А экстренное. Я потерял мою службу и скребу заработок, *где*

только могу. Каждая монетка дорога и важна. Не можете ли Вы мне помочь? Снеситесь пожалуйста с Лалиберте[1415]: он хотел год тому назад напечатать где-нибудь в Америке мою статью о Колиной музыке. Я готов перевести ее немедленно (с нек. дополнениями) на немецкий язык и выслать ее ему. Но только мне бы гонорар хоть какой-нибудь за это! Надо соскрести монеток поскорее, чтобы хоть *как-нибудь*, *где-нибудь* отдохнуть!! А то околею. Помогите пожалуйста.

Ваш И.

Если бы он мог ответить – что мол за это можно получить *столько-то* – то я немедленно *займу* здесь эту сумму. Но не расписывайте ему мое положение, не надо *жалости* – чтобы не вышла милостыня. Я и так достаточно унижен нищетой и зависимостью. Кгрштъ-Кгрштъ – (это я *скриплю зубами*).

Верьте мне, что я потерял мое место[1416] *вследствие* верности, чести и предметности.

1934.VIII.2

<Приписка Ильина на свободном месте до приветствия:>

Я бы сам написал Лалибертѣ в Америку, да не знаю, где его абдристъ[1417].

293

<А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным> <6–7.VIII.1934>

6 Авг. 1934 г.

Дорогие, милые друзья, только что собиралась отвечать на письмо от 27-го, как пришло и от 2-го, которое очень нас встревожило. Завтра будет у нас Лалиберте и мы с ним потолкуем. Но ведь это же капля в море, если бы он и смог устроить напечатание такой статьи. Неужели на такие гроши

можно съездить отдохнуть. Отдохнуть имеет смысл не меньше чем месяц! Мы вот съездили на неделю (на дольше не хватило, недалеко отсюда, в Chantilly[1418]), так даже и незаметно, отдохнули ли, нет ли. Надо устраивать Вам отдых во что бы то ни стало. Пока будут выясняться все эти вопросы (как напр. с Лалиберте) время будет проходить и так дотянется до осени.

По-моему, раз есть у кого занять, то занимайте поскорее и поезжайте! Заработок будет. Коля хотел было писать Рахманинову, но пожалуй ~~Рахм~~ он откажется выручать. Нам всем ведь это было бы жестоко неприятно.

Ваше первое письмо нам переслали в Chantilly и там с нами был Лалиберте и как раз накануне прихода Вашего письма был о Вас разговор, и он собирался писать Вам просьбу о присылке ему Вашей статьи о Коле.

Мы удирали в Chantilly главным образом от наплыва людей. То жили, жили в полном одиночестве и рады были бы живой душе, а тут уж и не обрадовались (Коле так и не удалось по-настоящему оправиться после своей Лондонской болезни и разговоры его страшно утомляют). Но среди осаждавших нас посетителей к счастью были и учащиеся, оплачивающие свою учёбу, а то бы нам плохо пришлось, т. к. мы сейчас тоже зависим от Германии и боимся, что Циммерман перестанет нам высылать. Но вот Бог послал одну англичанку из Лондона, которая взяла десять уроков, а теперь Лалиберте привез из Канады одну певицу, чтобы с Колей проходить его песни, и она тоже платная. Они сейчас занимаются и мне все слышно и никак не могу сосредоточиться и перескакиваю с одного на другое.

Буду лучше писать завтра, когда поговорю с Лалиберте и тогда сейчас же отправлю это письмо.

7 Августа.

В ожидании Лалиберте начинаю уже писать Вам и хочу сказать, что Ваше решение писать нам раз в неделю является

для нас не только радостью, но и чем-то *очень* важным, т. к. иногда до жути не хватает самых близких и испытываешь себя как в пучине морской.

И вот будем ждать!

Идет Лалиберте...

Ну, вот тут же и поговорили с ним и он непременно все сделает, чтобы поместить Вашу статью, и просит ее ему выслать на нем. языке.

Адрес: Mr. Alfred LaLiberté
1231, rue St. Catherine Ouest Montreal Canada.

Впрочем он еще здесь до 25 числа этого месяца. Но он не знает, сколько могут за это заплатить, и говорит, что в Америке очень понизили за все гонорары. Он дружен с редактором[1419] Н. Йоркского Musical Quarterly – журнал изд. каждые три месяца. А если нельзя будет там, то еще где-ниб. попытается и думает, что возможно и в Лондоне. Но ведь это же продлится, т. е. самое выяснение: где и когда напечатается. Не ждите окончательного ответа и занимайте денег.

———

Имейте в виду, что все Ваши письма для нас большая ценность и хранятся в полном порядке и если мы с Вами съедемся у подножия Харикотанжима, то я привезу специальный тюк Ильинских писем.

Коле очень хотелось писать Вам о своей радости по поводу «ухода Вашего в акт духовного созерцания», но это вероятно произойдет через неск. дней, т. к. сейчас он в спешке.

<Приписка А. М. Метнер вверху первой страницы письма (текст перевёрнут):>

Радуемся борьбе за художественность! Сейчас пришла и вторая часть[1420].

<Приписка А. М. Метнер внизу второй страницы письма (текст перевёрнут):>

Все Ваши советы Коле, называемые Вами глупыми и бесполезными, должны быть приняты целиком, т. к. умнее и полезнее ничего придумать нельзя.

<Приписка-окончание письма А. М. Метнер вверху третьей страницы письма (текст перевёрнут):>

Мы оба обнимаем Вас и ждем обещанного!

Любящая Вас А.

294

<И. А. Ильин – Н. К. Метнеру> ***<7.VIII.1934>***[1421]

Дорогой мой!

Сейчас встал из-за твоей сказки B-moll (opus 20 № 1). Знаю ее 20 лет. И вот потрясен ею до слез. Ведь это ***ге-ний*** писал, понимаешь ли ты меня ***точно***? Ведь в этих обрывающихся, отстающих и выносящихся голосах, допевающихся на шестом такте до трехголосного хода – *миры* рыдают! А эти пять подтверждений непоправимости после второй коды на девятом-десятом тактах! А это разливанное море все той же, той же *единой* мелодии – начинающееся с одиннадцатого! А эта все время перемежающаяся, дыханием-рыдающая ритмическая смена перебивающихся дуолей и триолей! А эта все время прорывающаяся краска *фа-мажорного* разрешения! А грозное adirato! И внезапное, трагическое tranquillo[1422]! А дисперация fff[1423]! И после эдакой экспозиции *сдвинутый внутренно* мелос пленовòчной[1424] репризы! И последняя *до*певающая полстраница – от f pesante[1425] до последнего финального pp[1426]!! с субконтроктавным *форшлагно-вздыхающим* B[1427]!! Изумительно. Необычайно. В моем коррек-

турном экземпляре еще твои поправки. В 9 такте с конца, в левой руке в последней четверти два раза выкинуто вставное терционное la бекар[1428] и оставлено простое октавное fa... Как это убедительно – для последующего *финального* спуска к leggiero, к стаккатам правой руки и к исчерпанному, отрыдавшему пианиссиму финала[1429]! И как убедительны еще корректурные пометки Ред! на второй странице – в акцентированных кверху воскликновениях на слабом месте такта!

О, милый! На этой сказке *поколения* будут рыдать и блаженствовать. А как я ее мерзко играю и как я ее изумительно слышу *ухом духа*.

———

Я послал Вам письмо 28.VII. с обещанием писать каждую неделю. Дошло ли оно? Потом послал 2.VIII. письмо с мысленным обращением к La Liberté. Дошло ли оно? На следующий день получил письмо неожиданное от самого La Liberté. Сегодня VIII.7. Ответа от Вас нет. Отвечаю ему и посылаю ему № Колокола со статьею о твоей музыке.

Критики – сапожники, что не *видят* тебя! Музыканты – идиоты, что не играют тебя постоянно, что не заваливают тобою человеческое слухо-ухо.

Настроение у меня удрученное по причинам, о коих я писал тебе в письме от 28.VII[1430]. Судьба моя темна и <будущее> неопределенно. Я *устал* глотать унижения *ради дела*. Ведь *все*, *все*, вся работа 12 лет *зря*; все пошло ко псу под хвост; все, – кроме новых унижений.

Читайте Шмелева «Няню из Москвы» в последней книжке Соврем. Записок. Упивайтесь, глупые, пока можете.

Послал К. Климову № 7 Рус. Кол. со статьей о тебе; а иностранная цензура *вернула* мне заказную бандероль со штемпелем «non admis»[1431]. Ну теперь эта страна обеспечена: она спасла себя от моей растленной пропаганды.

Непременно *немедленно* ответьте мне – доходят ли мои письма? Иначе я буду посылать их заказными. Ибо, чтобы и мои духовные напряжения в письмах *тоже* еще шли бы ко псу под хвост – это уже слишком!

Необходим нам отдых и отъезд. Увы – ни денег, ни перспектив пока нет. О, одиночество! О, нищета[1432]!

Обнимаем обоих.

Твой Іоаннъ Рыдалецъ

1934.VIII.7.

295

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<16.VIII.1934>***

Meudon-Bellevue VIII – 16[1433]

Милый, дорогой мой друг!

Твои письма (VII – 27, VIII – 2, VIII – 7.) до такой степени переполнили меня самыми разнообразными или вернее – разнородными чувствами, что я, по обыкновению своему, захлебнулся ими и потому не смог ответить Тебе тотчас же. К тому же жизнь наша, обычно уединенная и даже подчас сугубо одинокая, в последнее время, благодаря каникулярному передвижению из разных стран различных друзей и знакомых, превратилась в сплошную суету. Если бы еще у меня был Твой юмор, который среди Твоих столь многих даров играет существеннейшую роль смазки колес «Телеги Жизни» и который помогает Тебе о грустном и тяжелом говорить весело и легко!.. Читая Твои письма, мы были и встревожены и тронуты до глубины души и в то же время взыграли хохотом...

Для краткости буду отвечать Тебе по пунктам: 1) Нельзя ли поведать нам меру вашего «скудомонетия», чтобы, сравнив его с мерой нашей карманной дырявости, уравнять обе эти

меры? Т. е. чего вам не хватает и не могли ли бы мы ссудить вам хоть часть нехватки? 2) Предоставление «Копровуча» собаке и «уход в акт духовного созерцания» приветствуется мною от всей души, но увы – тревоги за ваше скудомонетие не снимает... 3) Спасибо за Твои дружеские ответы (по пунктам) на мой вопрос «что мне делать»? –

Ответы эти весьма существенны и ценны для меня, но, конечно, *некоторые* пункты условий (как-то – устранение «закупоривающих» «творческое течение» гнева, отвращения, ненависти или обретение необходимого «отклика») *здесь*, в этом не то Вавилоне, не то в этой пустыне Сахаре, не осуществимы... Переселение же в Африку либо в Мексику к подножию Килиманджаро или Попокатепетля для совместного с ними извежения, мне представляется пока тоже как петля... 4) На мое сомнение – петь ли? – лучше чем все Попокатепетли – подействовали и мне ответили Твои дружеские отклики на мои забытые (мною самим) мотивы и сказки...

Помимо того, что Ты оживил во мне померкший было дух и восстановил веру в *мою* музу, Ты еще утешил меня главным образом тем, что умеешь слушать «*ухом духа*», т. е. что обладаешь именно тем самым абсолютным *слухом*, которого стало так недоставать специалистам музыкантам, несмотря на изощрение их *материального* слуха, обыкновенно называемого абсолютным, но для меня являющегося относительным, т. е. относящимся к одной высоте разрозненных и потому *не*музыкальных звуков...

Признайся, милый друг, уж не писал ли Ты все это (про мою музыку) только, чтобы поддержать, утешить меня?

Читал с большим удовлетворением Твои фельетоны («Борьба за художественность»). Удовлетворение разумеется от полноты сочувствия Твоим мыслям, а не оттого, что Ты так чрезмерно меня похвалил. Это хоть и порадовало меня зело, но в то же время чуточку сконфузило в особенности в связи

с тем, что, говоря о хоре Данилина[1434], Ты ни словом не упомянул о С. В. Р.*, т. е. хотя бы о его «Всенощной», которую Ты любишь так же, как и я, и которую именно хор Данилина и исполнял. Впрочем это Твое дело...

То, что Ты говоришь о «Внимании», особенно ценно было для меня, ибо сам я этой теме придаю большое значение в своих размышлениях о музыке. Если когда прочтешь их – не подумай, что я у Тебя слямзил эту тему.

После безуспешных попыток расправить свои композиторские крылья, все последнее время (около 2-х месяцев) я пробую собрать свои записки о музыке в книгу (по заказу С. В. Р.) и все никак не могу закончить этого дела. Скажи – имею ли я право это сделать, как Бог на душу положит? Ведь я не книжник и не фарисей и, право же, все эти записки не сочинены, а выстраданы. За централизованность *содержания* я ручаюсь, а за форму ручаться не могу.

Сегодня получил окольным путем вести из Москвы. Просят, чтобы мы туда больше не писали, т. ч. нам все пути туда отрезаны. Кроме того – упекли в концентрационный лагерь (в самые отдаленные окраины) бедного и невиннейшего Пант. Ив. Васильева[1435], единственного из оставшихся там и самого преданного моего ученика. Причем все мои письма к нему с многочисленными и пространными музыкальными советами конфискованы Г.П.У.[1436] Муж моей сестры А. А. Сабуров[1437], умерший с месяц, как оказывается, тоже находился долгое время до болезни под арестом. Говорят, что атмосфера сгустилась там до полного удушения... Прямо не знаешь, куда деваться, ибо от родины, так же как и от самого себя, не удерешь! Как же тут не гневаться, не ненавидеть!..

Сдержи, дорогой мой, свое слово и пиши почаще. Это нам сейчас страшно нужно!

* Я с ним с весны не виделся, так что сам он об этом мне ничего не говорил. [Прим. Н. К. Метнера.]

Кланяюсь земно Наталии Николаевне.
Крепко обнимаю Тебя, да хранит вас Бог!

Любящий вас Н. Метнер

<Далее приписка А. М. Метнер:>

Обнимаю дорогих друзей с любовью! А. М.
Получили ли мое письмо? Надеюсь, что да.

<По левому полю последней страницы приписка Н. К. Метнера:>

Шмелевскую «Няню» непременно прочтем, если достанем в библиотеке.

296

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <25.IX.1934>[1438]

Дорогие мои!

Не пишу Вам опять. Но не потому, что забыл свое обещание. Я ведь и главную тему (о том, как бы Коле облегчить роды!) – не только не исчерпал в том глупом письме, а только начал; и самого главного – совсем еще и не сказал. А думаю я над этим по Колиному заказу уже очень, очень давно. С Москвы! Но чтобы писать об этом, надо иметь самому рожающую душу. А я тут форменно *изнемогаю*.

Изнемогаю от людской подлости и от собственной растерянности. Вы подумайте только, чтò милые туземцы, которым я 12 лет помогал, уча, спасая, предотвращая – чтò они надо мною сделали. И за что?

1) За то, что я, как русский патриот, никаким гнусным планам об отделении Украйны от России не сочувствую и в них не участвую[1439].

2) За то, что я категорически не желаю участвовать в антисемитической травле, считая ее вредною для России, неискренней и несправедливой.
3) За то, что я решительно не намерен внедрять ихнюю партию в русскую эмиграцию и Россию.

За это они, продолжая меня эксплуатировать на все ~~де~~ лады и заваливая работой, –

a) лишили меня в их стране *права на труд*! и след. на заработок!
b) уволили меня из Института
c) спустили против меня всевозможные клеветы, доносы и сплетни, вплоть до клеветнической брошюры на русском языке[1440].

И вот я оказался: «масоном», «жидовским прихвостнем», «агентом, присланным в эмиграцию большевиками для разложения», «франкофилом», переметною сумою и т. д. и т. д. При таких условиях мне нельзя более оставаться в этой стране; еще немного и они натравят на меня для расправы политическую полицию. Заработка не будет. И что всего отвратнее, что косвенно в этом участвует и тот господинчик, который годами называл меня «другом» и «учителем», с которым мы вместе красную книгу написали[1441] и т. д. (Старички оказались оба не у дел[1442]).

От этой подлости я иногда *задыхаюсь* целыми днями. Я пытаюсь подготовить себе новое жилище в новой стране. Но там *все* висит на волоске и моментами надежды нет[1443]. У меня бывают дни прямого отчаяния – *мне* нечего больше делать, я *не умею* устраиваться в жизни, меня всегда устраивал *Господь*! Чую я, что Он уводит меня из этой богопротивной страны нового большевизма. Но не вижу, ни куда, ни когда. За 3–4 месяца я сравнительно спокоен; хотя и то уже с проглоченными унижениями для самолюбия. Но потом – не вижу *ничего*. И я только об одном молю Его: уведи меня из политики, дай мне вернуться *навсегда к философии*...

И вот просьба к Коле. Коля, дорогой! Сделай так: помолись за меня покрепче – потом пойди и возьми *для меня* и *за мой счет*, но на ***свое*** имя – $^{1}/_{10}$ билета во Фр. нац. лотерею, коей розыгрыш 9 октября. *Мне остается только на чудо надеяться*; а если ему суждено прийти, то *ты* помоги ему. Возьми на удачу. Это стòит 10 франков – я тебе их перешлю. Дадут квитанцию; вели прислать *себе* лист выигрышей – может быть я выплыву из трясины и встану на ноги.

Мы в Рагузе (Дубровник). Это в Югославии. Синее море, синее небо, шхеры, жгучее утюгом солнце. Но у меня нет в душе ни отдыха, ни радости. Я чувствую себя приблизительно так, как между 1918–1922 годом: и тот же террор! Но если бы Вы знали *сколько такта* я проявил за эти годы, сколько смирения, самоотверженной предметности. Достаточно Вам сказать, что в Лиге Наций швейцарец Мотта[1444] говорил только что против большевиков по *моей* шпаргалке! Но *обо всем этом не говорите никому*! Не надо. А то *мне же навредят*. Вы только крепко молитесь за меня. Авось выплыву. 5, 8 и 11 – три лекции в Белграде.

Адрес: ~~Jougosławie. Dubrovnik-Lapad. Pension Dalmacija~~. Этот адрес не годится уже[1445].

Потом: Београд. Постерестанте[1446].

Деточки мои! А вы-то, отдохнули хоть как-нибудь?

Обнимаю обоих за нас обоих.

Ваш И.

<Далее приписка Ильина уменьшенным почерком:>

Если бы билет выиграл, то не пишите об этом *прямо*: живущим в стране, где мы давно живем, *запрещено* брать билеты у Вас. Пишите так: *Колин билет на Дубровник выиграл*.

<По левому полю еще одна приписка Ильина:>

Главное: переезд мой в Вашу страну мог бы состояться *только внезапно* – в виде бегства – его *нельзя* подготов-

лять – ~~иначе~~ страна считается «враждебной» и переезд в нее чем-то вроде преступления. За это наверное упрячут в конц. лагерь. – Вы мне можете помочь *только* молитвою за меня, ~~да~~ и – билетом в 10 фр.

297

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<10.XI.1934>***

10 нояб.[1447]

Дорогой Иван Александрович, не знаю, вернулись ли Вы в Берлин и пишу на всякий случай. Мне необходима Ваша скорейшая помощь. Дело в том, что мы разбираемся в банковских терминах и особенно на немецком языке.

У нас в Цюрихе в Diskontbank небольшая сумма про черный день. Сегодня приходит бумага из этого банка: Mitteilung an die Gläubiger der Schweiz. Diskontbank. Auszahlung von 70% an die Inhaber von laufender Rechnungen und Einlageheften, deren Guthaben Fr. 3000 nicht übersteigt[1448].

И самое беспокойное, что нас смущает, это то, что: die Auszahlungen auf Einlagehefte können nur gegen Einreichung derselben durch der rechtmässiger Inhaber erfolgen[1449]. Как же это возможно, раз мы там не живем?

Выплачивать будут до 17 ноября включительно.

Надо торопиться и потому я полученную оттуда бумагу сейчас направила Э. К-чу с просьбой предпринять все необходимое, чтобы спасти те гроши, кот. мы там имеем, но подумала, что Вы может быть еще что-ниб. придумаете. Не может ли что Ганс[1450]?

Мы оба в большой тревоге, т. к. не понимаем всего этого как следует.

Обнимаем Вас обоих с любовью.

Простите, что беспокою!

Ваша А.

298

<А. М. Метнер – И. А. Ильину> ***<26.XI.1934>***

26 – XI – 34.

Дорогой Иван Александрович,

Почему от Вас нет ответа? Я беспокоюсь. Вообще мы от Вас Бог знает сколько времени ничего не имеем. А мы так радовались Вашему обещанию писать чаще! Утешаемся только, читая Вас в *Возрождении*. Но ждем и других вестей. Еще и Лалиберте вот уже который раз поручает мне запросить Вас об обещанной ему статье. Но я все думала, что Вам совсем не до того...

Мы оба шлём Вам из глубины души привет и просим вспомнить крепко любящих Вас друзей.

Ваша А. М.

299

<О. Н. Конюс – И. А. Ильину> ***<2.XII.1934>***[1451]

11 rue François Millet [Paris] XVI[1452]

2-го декабря[1453]

Многоуважаемый Иван Александрович

Обращаемся к Вам с большой просьбой: дело в том, что мы взяли на себя устройство концерта Николая Карловича, кот. состоится 19 дек. в Salle École Normale de Musique[1454]. Очень хочется создать к этому дню уютную и подходящую атмосферу; поэтому Лев Эд. просил написать Вам, не смогли бы Вы прислать статью в «Возрождение» по поводу предстоящего выступления. Посылаю Вам программу, кот. поможет Вам вдохновиться для оной статьи.

Оба шлем Вам и Наталии Николаевне наш сердечный привет и добрые пожелания.

Преданная Вам О. Конюс.

Программа[1455]

I 1) Бессонница
2) О чем ты воешь, ветр ночной } Тютчев
3) Ангел
4) Муза } Пушкин

II Соната-Баллада

III 1) Meersstille und glückliche Fahrt
2) Mignon
3) Einsamkeit
4) Präludium } Гёте

IV 1) Novelle № 1 G dur? Andante op. 17
2) Сказка op 34 № 3 a moll
3) “ “ ~~mi min.~~ E moll
4) Tanzmärchen

V 1) Цветок засохший
~~2~~ Лишь розы увядают
2) Вальс
3) Ворон
4) Телега жизни
5) Заклинание } Пушкин

300

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <18.XII.1934>

Дорогие друзья!

Завтра, по нашим расчётам, у Вас два праздника:

1) Колины православные именины – 6 дек. + 13 = 19 декабря
2) Колин парижский концерт – 19 дек. – 13 = 6 декабря.

К этим двум праздникам шлем мы оба, Наталия Николаевна и аз грешный – Вам кучу вещей:

1) Поздравление, душевных пожеланий и приветов тьму тьмущую.
2) Клеветон про Колю, посланный мною к концерту в Возрождение 14 дек. заказным письмом, с просьбой поместить его 18-го или 19-го. Послано на имя Ю. Ф. Семенова[1456].
3) Сию фотографию с портрета углем в натур. величину, сделанную в Белой Церкви (Югославия) художником русским Хризогоновым[1457] в 1 (один) час времени.

   Подбородок длинен, нос короток, глаза не смотрят, на лбу шишка. Примите, любите и помните.
4) Уведомление, что связь с Лалибертеем восстановлена и что статью о Коле (около Коли колокольную) я изо всех моих изможденных сил пишу на нем. языке – пускай ее Лалибертей переводит на туземные языки.
5) Вчера мне позвонили в ответ на мое письмо из Рос. Муз. Изд.[1458] – и известили, что они меня приговорили к получению всех недостающих у меня Колиных нот бесплатно. Merci. Merci. Merci.

Приехали мы на свое пепелище усталые и изведенные. Кормили нас плохо, ложировали[1459] плохо, гонорировали[1460] ниже приличия, а «использовывали» вовсю. Извели. Сели здесь в бест[1461], никому не звонили, мыли и скребли квартиру и рано ложились спать. Еле отдышались. Судьба наша неопределенна. На три месяца вперед есть кое-какое млекопитание (отнюдь *не* от поездки[1462]), а там, что Бог даст. Настроение грустное. Поэтому пишем коротко.

25-го сент. я Вам писал последний раз. Ответа не было очень долго. Совсем не было. Потом пришли от Анюты 2 записульки: одна 10 ноября с запросом о срочном событии 17-го, а я получил записочку 16-го – отвечать было поздно, да

я и не мог ничего ответить за незнанием. Вторая от 26 ноября, которую я получил уже здесь.

Не забывайте, если можете. Сижу пока что с компрессом на гландах – от этого тоска вдвое.

Играй, Давид, славь Творца!

Ваши I. и Н.

1934.XII.18.

301

<Н. К. Метнер – И. А. Ильину> ***<20, 23.XII.1934>***[1463]

20-го Дек. 1934.

Дорогой мой друг!

Из самой глубины души шлю Тебе привет и благодарность за неожиданный подарок к моим «имянинам»! Помимо того, что статья Твоя явилась для меня дружеской услугой и поддержкой во всех смыслах, она кроме того бесконечно тронула меня проникновенным слухом к моей музыке...

Тронут я не градусом оценки Твоей (– градус этот меня часто смущает!), а необыкновенной точностью определения моих художественных устремлений и настроений.

Постоянно думаю о вас обоих, постоянно хочу писать вам, но немногие мгновения отдыха от работы недостаточны для этого, не говоря уже о том, что в эти мгновения я чувствую себя как Кузьма Прутков в последнем своем стихотворении – «увы, уж я потухшая лампадка иль опрокинутая лодка...»[1464]

Очень меня огорчает неопределенность вашего положения, Твое здоровье, материальные заботы... И мы тоже все маячимся без маяка, не знаем куда пристать! Я уже давно не чувствую себя на том пути, по которому шел всю жизнь...

В наше время писать песни значит голодать, а с голоду не запоешь... Впрочем будем верить, что с Божьей помощью все мы наконец выплывем!..

Еще раз великое спасибо Тебе!

Крепко обнимаю вас обоих.

Ваш любящий вас Н. Метнер

23-го Дек.

P. S. Это письмо начал писать после концерта и удосужился отправить только сегодня...

Прости, друг мой!

Горячо обнимаю обоих и шлю привет к Новому году и русскому Рождеству.

Ваш верный друг Н. Метнер

<Приписка А. М. Метнер:>

Мы *никогда* не забываем Вас, милые, дорогие друзья!

Очень часто тоскуем по Вас и стремимся наконец жить в одном с Вами городе.

Спасибо за портрет, хоть он и не удовлетворителен.

Обнимаю обоих с любовью.

Ваша А.

302

<И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам> <31.XII.1934>

Дорогой Коля! После твоего одобрения на обертке программы я обнаглел окончательно. Статью было страшно трудно писать. Я ежеминутно вскакивал из-за стола к инструменту, рылся в опусах и выстукивал куски музыки, иногда по пять раз кряду. Совершенно извелся от подыскиванья на чужом паршивом и тупом языке точных слов для твоих, о маэстро, неуловимостей. Ведь многое на этом унтер-пришибеевском

наречии и *выразить* нельзя. О тончайших (напр. о дыхательности твоего пианистич. удара, о древле-девственности твоих нежнейших тем – как-то ор. 8 № 2 вторая тема, ор. 11 № 3 вторая тема, ор. 24 № 4, ор. 30 вторая тема, ор. 39 IV, ор. 41 № 2 II ор. 51 № 3 ***и др.*** и ***мн. др.***) – я способен писать *только по-русски*, хучь убей. Значит: придется еще раз в жизни писать о тебе[1465].

Дорогие, но очень постылые друзья!

Разве это письмо, то что Вы прислали? Да пошлет Вам судьба в наказание такие же карандашные огрызки вместо писем от всех друзей, которых Вы любите! А я, представьте, все еще Вас люблю сдуру.

Вы *обязаны* были рассказать про концерт; *все*: как принимали, был ли народ, ругал ли кто-нибудь мою статью, доволен ли был Коля собой, сносна ли была певица? А Вы – хучь бы што! Знаете ли Вы, что О. Н. Конюс изобразила мне программу четвертого отделенья совсем иначе? Хорошо, что я о *тех*, неверных, опусах не распространился[1466]!

Теперь, пожалуйста, соберитесь с бумагой (поскорее) и с духом – и напишите по двум вопросам (*сверх* концерта)

1) Сколько опусов у Коли доселе напечатано?
2) Какие свои вещи Коля считает в *ритмическом* отношении наиболее *трудными*? Мне необходимо *себя* проверить. Статья моя для Лалибертея закончена, идет в переписку – и мне нужны эти сведения *для нее* и как *можно скорее*!

Боюсь даже спрашивать, удалось ли Вам спасти что-нибудь в Цюрихе?! Беспокоит меня это! Напишите!!

А каково дурацкий Поль, напевая в си-бемоль, полемизнул со мною в рецензии о концерте? О, я этого *так* не оставлю! Коли буду жив, я его за это помелизну (от слова «помело») – я ему покажу мамашу маленького Кузьмы или же причешу его à la Капуль[1467]. Так что будет:

Владимир Пуль (буль-буль, нуль-нуль...)
À la Капуль
Причесан был за злую глупость
И ходит так, (ка-ка, ка-какъ)
Для всех дурак,
Не замечая свою тупость...

С тех пор будет напевать уже в си-бемуль!

Статья для Лалибертея разрослась. Когда пошлю – напишу Вам. Мотто[1468] поставил:

Was der Himmel nur Herrliches hat, was glücklich die Erde
Reizendes immer gebar, das erscheint dem wachenden Träumer[1469].

Один из друзей пишет мне о моем возрожд. Клеветоне:

«Если бы не было музыки и всего, о чем Вы здесь говорите, право, мир не стоил бы ничего!»

К новому году и к Рождеству Христову шлю Вам из глубин моих провалов – поздравленье, дружбу и любовь.

Же-на-а-а – кла-а-ня-ется[1470]!

Неправдычка! Тоже обнимает и целует.

Ваш Лафратернитей[1471].

1934.XII.31.

<Приписка Ильина по левому полю последней страницы:>

Статью велю переписать в двух экземплярах. Один пошлю Лалибертею, другой оставлю Лафратернитею[1472] – а Вам ***шишъ***!

<Приписка Ильина по верхнему полю последней страницы:>

Нат. Ник. требует, чтобы я приписал следующее:

очень просим – низко кланяемся, прося – напишите про Ваше каждого в отдельности *здоровье*! Очень все это хотим знать в подробности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМО И. А. ИЛЬИНА А. Б. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРУ

<И. А. Ильин – А. Б. Гольденвейзеру> ***<11.II.1917>***[1473]

1917. 11 февр.

Глубокоуважаемый Александр Борисович!

Третьего дня я отправил Борису Бугаеву (Андрею Белому), по поводу его книги «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности», – открытое письмо, копию которого при сем препровождаю.

В качестве автора этого письма, я обращаюсь в нем к живому нравственному чувству каждого, кто прочел эту книгу. Печатать это письмо я не буду, ибо споры в печати послужат только размножению кривды. Но я уполномочиваю всех, кому я сообщаю копию, показывать ее и давать на прочтение каждому, кому он признает нужным.

Я прошу и Вас располагать этим полномочием так, как Вы признаете за благо.

С совершенным уважением

Иван Ильин

ЗАМЕТКИ И СТАТЬИ И. А. ИЛЬИНА О МУЗЫКЕ Н. К. МЕТНЕРА

МУЗЫКА Н. МЕТНЕРА[1474]

Мои заметки

1915.

Список сочинений

opus		
Ю.1.	Acht Stimmungsbilder. Романс Ангел	x
" 2.	Nixe. Eine Ball-Reminiscenz. Scherzo infernale	III.
" 3.	Три романса: У врат об[ители]. Я пережил. На озере.	I.
" 4.	Etude. Caprice. Moment musical. Prelude	II. IV.
Б.5.	Соната f-moll.	x
Ю.6.	Neun Goethe Lieder	x
" 7.	Drei Arabesken: Idylle. Tragoedie Fragm. A-moll – G-moll.	
" 8.	Zwei Märchen. C-moll	x
" 9.	Drei Märchen. F-moll. C-dur. G-dur	x
" 10.	Drei Dy̧ithyramben.	
" 11.	Sonaten Triade. As-dur. D-moll. C-dur	x
" 12.	Три Heine-романса. Lieb-Liebchen. Lyr.[ischen] Intermezzo. Bergstimme	

" 13.	Два романса: Winterabend. Das Epitaph.	
" 14.	Zwei Märchen. F-moll. E-moll.	x
" 15.	Zwölf Göthe-Lieder	
16.		
К.17.	3 новеллы: . . E-dur.	III.
18.		
" 19.	3 Nietzsche[-Lieder]. Gruss. Alt Mütterlein. Heimweh.	x
20.	Две сказки: B-moll. H-moll.	x
21.		
22.	Соната G-moll.	x
23.		
24.		
25.	Две сонаты: Сказка C-moll. Ветр E-mol	x
26.	4 сказки: Es-dur. Es-dur. F-moll. Fis-moll	x
27.	Соната-баллада. Fis-dur.	x
28.		
29.	7 стихотв. Пушкина.	I. IV. VII.
30.		
31.		

X

Если музыка (да и вообще искусство) воображает, изображает, описывает и передает, то есть искусство, которое не познавательно и не осведомительно, а онтологично. Такова музыка Метнера. Она не воображает, а видит; она не изображает – а *есть*; она не описывает – а развивается; она не передает, а дает. Музыка Метнера не modus cognoscendi {или cogitandi}[1475]. Это новый вид *бытия*. ~~ИМ~~Она имеет самостоятельную реальность. Таковы особенно «сказки», и лучшие из романсов.

Это можно еще выразить так: музыка Метнера есть вид *присутствия*[1476]. В ней <оно> дается само.[1477]

———

Основной дух искусства Метнера есть дух преодоления. Может быть *победа* есть главное и глубочайшее содержание его произведений (срв., напр., Импровизацию ор. 31). Вся музыка его поборающа и драматична (когда не трагична<:> Tragoedie Fragment). Тяготение к антитезе и сонатной форме. Задания Геракла; выход в Do-major. Конкретизация[1478] {сращение} антиподов и неприятие дилемматичности.

Отсюда же борьба за форму, подслушанную в глубине материала.

а) Борьба за форму. Воля к форме предполагает веру в нее. Твердое вйдение; очевидность объективного взаимо-требования и взаимо-сопринадлежания. Лад к ладу тяготеет для «вкусового» «уха». Но для Метнера это тяготение есть явление *духовного* тяготения мелоса к ладу и тезиса к тезису. Необходимое рождение мелоса в ладу (идея *моя*: о содержательной жизни звука и ее закономерности).

———

Кому нужна теперь победа? Кто видит борьбу *духа* в душе и мире? Кто склонен страдать в мертвых для него содержаниях? Кто метафорически зряч? Отсюда отношение критиков к музыке Метнера.

———

Целомудрие[1479] его музыки: не вывертывающее обнаружение, а завертывающее, прикровенное откровение содержания. Полное отсутствие погони за эффектом. Не зазывание на слабость; ~~или же~~ не дразнение. Не демагогичность. Не потакание. Обращенность не к человеку, а к предмету и Богу. Почти а-социальность; замкнутое so-sein-sSagen[1480]. Бытие *не для*.

Мелодия в {открытом, не контрапунктиров.[анном]} чистом виде дается мало и кратко. Сейчас же исчезает, прикровенная; в партитуре оказывается чрезвычайно своеобразно и богато развита.

Победа есть *творческий* и *радостный* исход коллизии, завершающийся органическим включением побежденной силы в свое богатство.

Отсюда ~~ор~~ 1) драматизм и трагизм музыки Н. Метнера (Шекспирство ее). 2) Тяготение к сонатной форме, всегда духовно антиномически и органически осуществляемой (~~Гегельство ее~~[1481]). 3) Духовно~~сео~~-обоснованное использование форм контракпункта и фуги (индивидуальное). 4) Характер борьбы, венчающийся мажором.

NB. Проследить особенность у Метнера: тяготение к *минору* разрешаемому в *мажор*. Минор = нет; мажор = да. Метнер берется постоянно за «нет», чтобы заставить его расцвести в «да». Шопен обратно всегда говорил «нет» и даже за мажор брался для этого. Главное откровение Метнеру суждено дать именно в *мажоре*. В этом если угодно его сродство с Бахом и Бетховеном. Но ~~так как~~ дух его музыки именно для России – завоевание: *победа в миноре*.{, над минором}.

Метнер говорит *показывая* это с потрясающей нередко очевидностью, говорит Богу – ты здесь, когда тебя и не видно; отсутствуя, присутствуешь; *соната opus 5*: самая тоска и отчаяние в тебе[1482] есть уже молитва. А так как молиться может лишь тот, кто имеет тебя в себе – то это уже твое присутствие.

Многие[1483] темы и мелодии Н. Метнера кажутся давно жданными. Как будто я их знал, хоть и наверное никогда не слышал. Именно так{:} *знал*, хотя они новы; они стары, древни, *первоначальны*, хотя вполне новы и появились впервые в человеческих ушах. При этом они просты так, что Сальери должны ~~удари~~ схватить себя за голову: вот оно, так близ-

ко и просто, и так не дается и – вдруг дается. Срв. к этому Schindler. Beethoven. I. стр. 67 рец.[ензенты] о Бетховене[1484].

«Долго ждал»; кто же не ждет всю жизнь и всегда – *победы*<?!> – и вот она состоялась.

Всякое музык. (и вообще эстетическое) произведение ставит в своих терминах, звуках – известную *проблему* и потом ее разрешает. Скульптура, архитектура – живопись молчат о проблеме и ~~дел~~дают в своем «сразу» – готовое разрешение. Динамические искусства ставят ее в виде задания и раскрывают, извлекая из «тезиса» или двух «тезисов» – все разрешение. Разрешение выращивается из задания, как дерево из зерна.

Зрелый, легкий всл.[едствие] законченности, властно чеканеный ритм и всегда законченная, радующая, светлая гармония – делают то, что у Н. Метнера – самый *тезис* уже победил и не только гарантированно обещает победу и разрешение своей проблемы, но сам по себе настолько осуществляет победу, насколько преодоленно ставит свою проблему, что разрешение уже заполняет душу и его только ждешь во времени, трепеща и радуясь. Н. Метнер только {по}ставит проблему – и это уже духовный ответ[1485].

Естественность и органическая зрелость – это конечно *одна* из причин, объясняющих эту иллюзию: знаю, хотя никогда не слышал. Нельзя *знать* ~~зву~~ *музыкальную форму*, если ты ее даже внутренно никогда не слышал. Здесь ***духовная*** классичность музыкальных содержаний Н. Метнера может объяснить гораздо больше. То, что Гегель называет – das Allgemeine, Substantielle[1486].

Победа не {всегда} *содержание* музыки Н. Метнера, хотя она может быть и содержанием; это *уровень* его творчества,

уровень его музыкальной формы, ~~его~~это его способ жить, его status, его operari и его esse[1487].

Рассудочники удивляются на его *форму*. *Как* сделано – вот удивительно. Они не понимают, что «*как*», если оно *эстетически совершенно* (а только в этом случае на него следует удивляться; не на[1488] механические же бусы комбинаций и трюков, а то у нас нередко и от этого в восторг приходят – штукари от штучек) – может быть, *только* принесено самим «*что*». Эстетически совершенная форма может быть осуществлена только цельным и живым и *могучим* содержанием.

Ибо если музыка слагается из четырех элементов: физич. звука, математич. строя, душевного восприятия {настроения} и духовного содержания, – то ни звуковой трюк (эта ~~пош~~ опошленная «звучность»), ни математическая система (то, что так часто смешивают с «формою»), ни психическая эффектность (возбудимость, передатливость, благозвучие etc.) – ни порознь, ни вместе *искусства* не дают, никогда не давали и не дадут. Но чтобы *было что сказать* и притом *от Бога*.

Важно: за таким искусством *должен* стоять и *не может не стоять* особый ***способ*** творить: слушать, переживать и объективировать. Ибо гений имеет свой путь. О, если бы удавалось людям усвоить путь, данный гению Богом! Метнер – *учитель*. Если учиться *искусству* – то у него. Гений конечно не «просто» удачный метод; но гений – *путь*, а не только *добыча* etc. ... Если Н. Метнер живет сознательною вдумчивою жизнью – то он *должен* уметь рассказать о своем пути (как Станиславский, Леонардо, Вагнер и еще некоторые, Гегель, Сократ).

Каждое истинное произведение искусства выговаривает некоторое космическое «так бывает» и это божественно».

———

Каждое искусство говоря по-*своему* говорит ко *всей* душе и должно вовлечь ее всю. Отсюда (если добавить: всю «в дифференц.[ированном] состоянии») – Вагнер и стремление к эстетич. тотальности[1489]. А у Метнера как?

———

Если каждое произведение искусства есть *единство* во множестве, то откуда же это единство возьмется, если не из сказуемого содержания данного в настроении чувствующей души. *Чувство* человека есть медиум сказуемого. Музыка будит в слушателе то самое настроение, медиумичность коего ~~несет~~ насыщена сказуемым содержанием. Как может предметно не погруженный художник – предметно погрузить внемлющего. Но и самый погруженный, самый предметный художник не в состоянии погрузить глухого к такому предмету слушателя. Слушатель услышит звук, помыслит его в закономерных рядах – и уйдет нетронутым его предметным содержанием. Искусство как общение de profundis[1490] не состоится. Касание звуку и звукам и рядам их и закономерным рядам их и прекрасным закономерным рядам их может и не дать искусства, как состояния человеческой души, воспринявшей Бога в звуке. Хотя прекрасный образ останется прекрасным образом[1491].

Отсюда эстетическая пошлость des Einschlürfens[1492]; отсюда тупые похвалы форме; отсюда Сальери. Отсюда пошлость и вырождение и трупность современной музыкальной атмосферы.

———

Сила[1493] бытия его музыки такова, что наслушавшись ее начинаешь жить настолько *музыкальным* способом, что слова кажутся бессильными, неуместными и ненужными. И мысли <–> то же. Иногда даже не понимаешь, как это жить музыкой.

Подобное испытывается еще от живописи Возрождения. И в то же время духовное содержание этой музыки настолько *значительно*, настолько *обильно* и *интенсивно*, что изжить ее можно только последними ~~глубинами~~ проблемами философской мысли. И вот противоречие: его музыку нельзя не изживать, ибо она обжигает и потрясает, насыщает и перевертывает; и в то же время ее не тянет изживать как-нибудь иначе кроме как ею же. Именно не словами и в то же время именно словами; именно не изживешь, и именно необходимо изжить. Изживать ее можно только ею же самою: душа начинает требовать разрешений именно от нее самой, поднявшей со дна бытия эти сумасшедшие смерчи отчаяния и протеста {алкания, требования и сомнения}.

Часто чувствуешь, что его музыка кладет грани во времени: не веришь, что соната c-dur opus 11 тянется 8 минут, кажется, что $^1/_2$ часа; не знаешь, что было вчера и третьего дня; чувствуешь, что прервалась нормальная последовательность жизни и что в нее вдвинулся властно самобытный остров могучего бытия. Его музыка настолько заставляет жить собою, что нельзя ее не воспринять, а воспринятая, она проваливается в бессознательную глубину, оставляя в душе сожженные борозды. Сожглось все, что не на ее высоте. Чувство оздоровленности, освеженности, гигиены духа.

Вещи его индивидуальны и самобытны настолько, как живые люди: глубокие яркие, самобытно-цельные оригиналы, с которыми нужно сживаться с каждым по-особому – приспособляясь, привыкая, доглядывая и все более проникаясь и полюбляя. Каждое следующее слушание дарит новое; книга, которую никогда не дочитаешь, а читая все больше, все больше полюбляешь. Способ работы духовной (предметной) *гарантирует*, что здесь можно и необходимо все больше доглядывать, что духовная награда обеспечена, так, что не жаль труда.

_____

В музыке Метнера *значит* все: начиная от гармонии, паузы и задержания, и кончая тональностью, проходящими нотами и буквенными начертаниями. Напр., соната c-dur: вторая тема возвращается в более низкой тональности (после минорного возобновления первой темы), более мягко-тускло-затемненной именно вследствие минорного возобновления первой. Или в сказке c-moll № 2 сращение (полусонатно данных) тем идет из тональности в тональность. Или тональности в «Розе»[1494].

_____

В сказке C-moll № 2 – две темы (неистово-древняя и увядающе-нежная) *заряжают друг друга ритмом*. Первая все смягчается, вторая неистовеет; так из тональности в тональность. Взрыв ожесточившейся неистовой кончает срастание.

_____

О *простоте* Музыки Метнера. Почти все *тут* где-то поблизости; сложность никогда не выдуманность, а содержательная необходимость (напр. сложные-слитные перебои в G-dur-ной сказке – хоры непосредственного цветения).

_____

В f-moll-ной сказке op. 9 ритм первой темы; звуки доведены до первоначального ритма – *вздоха* – воздух падает и воздымается –;

вздох – воз-дох – воздух – вздох
воздуха в духе – дыхание духа.

_____

Музыка родится из стона (пение, мелос) и вздоха (ритм). Стон, несомый вздохом. –

Музыка *ощущений* – Скрябин. Отсюда деградация, подкупаемость, лесть, извращение. Музыка чувств и чувствований – Метнер. Каких? Личных – Рахманинов.

Искусство ~~не~~есть продукт не только таланта, но и духовного труда (умения работать, воли, сознательного метода – в идеале). Срв. схему – желание, умение и творчество.

Если практиковать искусство *без* духовного труда – то легко наступает деградация, Stockung[1495] или механическое размножение продуктов.

Метнер о себе[1496]

ОН	**Я**
Spröde, Bekehrte и Einsamkeit[1497] – это мои лучшие произведения	Spröde и Bekehrte трагичны; предметно ли это? перегружено ~~Einsamkeit~~ непасторально[1498] Bekehrte – minore – заболела любовью
— это триптих – о трагедии любви*	—
— пасторальность считает очень выявленною у себя	— симфонич. Verallgemeinerung[1499] – по-моему пасторальности мало, Гете углублен Schwere des Allgemeinen[1500] недостаточно ŧLeichtigkeit des Einzelnen[1501]; беззаботности не <суть> ви̇дения в глубину
—	

* тема одно<го?> в I первых двух в другой окрест<ности?> [Это очевидное, хотя оно и не имеет знака примечания, примечание И. А. Ильина приписано справа от слова.]

Э	Эльфы[1502] – сомнамбулическое – вокализация (без слов)
все находят, что я это zu ernst genommen[1503]	Im Vorübergehen[1504] – ограниченность страсти – ее стихийная цельность – со всем – во время среднего доигрыша *упрямство* в левой <руке?>
Метнер о себе Исходить только из слов – музыка так пригнана декламация не д.<олжна> б.<ыть> тяжела –	*Мечтателю*[1505] – **Я** ироническая аффектированность первой темы в заключении – противопоставляется ей в басу мрак реальной любви – и рок декламационно совершенно* пауза – при «постигло» нарастающая волна от нее чувство рока – любовь несчастье
акцент – на спится и огня чтобы было слышно *тиканье часов* – д. б. таинственность звуковая – нужен шорох	*Бессонница Пушк<ина>*[1506] перед «от меня» главная тема в двух высотах *перспективно* сохранена; оборванный конец доигрыш из мрака – *оно* вылезло и растаяло.
отсюда уже мое □	*Бессонница Тютчева*[1507] (форшлаг в часах совсем коротко) декламационно совершенно перед последней репризой нарастание в рояли мажорное просветление – оплакивает нас и мажорный финал

* [Прим. И. А. Ильина (к нему от этой строки ведёт линия), приписанное им в конце «ячейки»:] отсюда о методе нахождения музыки слова – пе~~ние~~ющий голос в эмоци~~онально~~и имманентен слову ~~ж~~ уже.

страхами – коротко, криком мглами – конец – судорожно.	*День и ночь*[1508] seren'ая[1509] простота – прозрачность мистериозно-молитвенное начало трезвучие I переход – nicht-satt-werden[1510] исцеленностью II переход ~~перед~~ во время «и нет преград» – это «день сей мечт покров[1511]
первая часть не ускоряя темпа Вальс Фета сопринадлежит с Заклинанием[1512] (***я*** магия и религия в одной проблеме)	*Тени*[1513] смесившиеся аккорды начала *бесформенность* как задание худ. формы. Сумрак тихий – аккомпане<ме>нт контрапунктирует первую тему. вторая часть – прорыв к динами- ческому осуществлению.
аккомп<.> «в то время» piano* потом нарастает	*Воспом.<инание>*[1514] (добавить) (день – *гиря* в аккомп.) середина – в главной теме уже *мажорное пение*
перед «я ~~м~~молял» новая тема *очень сдержано* и piano *не вертясь* – аккомп. piano – pianissimo – в неистовость рецидив лишь слегка ——————— форшлаг наверху намеками – очень нежно конец и жемчужно	*Могу ль*[1515] ритм – самопредания

* глухо [Приписано И. А. Ильиным над словом.]

не статично – стихийно – – нарастая – голос в левой выделяя – стихая в перерыве – нужно перевертывая все – начало *уговаривательно* две *Einstellung*[1516] ветра – стихая – forte души – piano. хаос – угрожающе тема *до* сонаты[1517].	*О чем ты воешь*[1518] Заклинание стихии
смешение с вихревым миром упоение как у Пушкина убаюкивание принятие этого петь как можно колы- бельнее	*Буря мглою*[1519] *1903.* за̀-шу-мѝт ритмы за̀-сту-чѝт разошлись* сво́-его̀ вере́тена — вторая часть – *уют*

МУЗЫКА МЕТНЕРА[1520]

«Музыкальная мысль – это мысль, высказанная умом, проникающим в самую суть вещей, вскрывающим самую затаенную тайну их, именно – мелодию, которая лежит сокрытая в них».

Карлейль[1521].

* ба̀ю-ба̀юшки-баю̀

ближезко к колориту русского быта и пения [Это примечание И. А. Ильина (к нему ведёт линия-стрелка, огибающая написанные чуть ниже слова, через весь разворот) расположено на левой страничке (в левой колонке).]

Человек слушает музыку не одним внешним слухом, но гораздо более слухом своей души и своего духа. Недостаточно «слышать» внешние звуки; надо, чтобы они вошли в душу, овладели ею, чтобы душа их запела. Но и этого мало: надо, чтобы от этого пения вострепетала духовная глубина человека, та, которая молится, прозревает и творит; и, вострепетав, начала молиться, прозревать и творчески внимать звукам. Тогда только музыка действительно осуществляется в жизни как *художественное* и *магическое* событие; тогда человек может сказать, что он *слушал* и *слышал* эту музыку.

И, Боже мой, сколько радости, умудрения и целения предстоит тому, кто *услышит* музыку Метнера, этого самобытного **{12}** и глубочайшего русского художника*. Какое богатство духовного содержания откроется ему, какие потоки пения омоют его душу, какие ритмические образы и события захватят его, какими молитвами прозрения и благодарности обогатится его дух!..

Быть может, все это откроется ему не сразу; особенно если он привык слушать музыку ради чувственного опьянения зву-

* Н. К. Метнер родился в Москве в 1880 году [Скорее всего, здесь ошибка, а не намеренное указывание года рождения Н. К. Метнера но новому стилю: Ильин, судя по всему, просто вычел из своего года рождения (1883) три. – *А. Л.*]. Окончил Московскую Консерваторию по классу В. И. Сафонова в 1900 году. Первое сочинение его появилось в 1902 году [Речь о появлении сочинений в печати. Однако и здесь небольшая неточность: ор. 1 вышел в свет в 1903 г. – *А. Л.*]. В 1907–1908 г. и в 1915 – 1921 гг. был профессором Московской Консерватории [Обратим внимание, что это указание очень точно, что, впрочем, нисколько не удивительно: срв. письмо № 14 и также комм. 65. – *А. Л.*]. С 1921 г. живет за границей, ныне под Парижем. Печатался у Юргенсона, Беляева и в Российском Музыкальном Издательстве; ныне печатается у Циммермана (Лейпциг). Доселе напечатан 51 опус [Не совсем точно: в 1929 г. ор. 51 только готовился к печати. – *А. Л.*]. Кроме России концертировал в Польше, Германии, Франции, Англии и Америке. [Здесь и далее в статье все подстрочные примечания принадлежат И. А. Ильину.]

ками, или аналитически разлагать ее, не предаваясь ей, или еще – если сложное и богатое голосоведение не раскрывается ему сразу, а от концерта он ждет только праздного отдыха и легкой забавы. Но, если он слушает музыку *поющей* душой и ищущим *духом*; если он понимает, что настоящее искусство не снижается и не льстит, что оно вправе требовать известных усилий и углубления; если он знает, что Пушкина и Шекспира надо перечитывать по многу раз, а Баха и Бетховена слушать без конца, для того, чтобы действительно началось целение и умудрение, – то он может быть уверен, что величайшее доверие к музыке Метнера и неутомимое вслушивание в нее обеспечит ему неоценимую награду. Каждое следующее слушание или самостоятельное проигрывание дома (хотя бы при слабой технике[1522]) даст ему новую красоту и глубину. Эта музыка подобна книге, которую никогда не дочитаешь и которую полюбляешь тем более, чем чаще ее читаешь; – книге, которая, радуя, учит; уча, облагороживает душу; и облагораживает душу именно тем, что говорит всегда о *самом главном* и говорит *необходимое* и *главное*.

В первый раз музыку Метнера лучше всего слушать в его собственном исполнении[1523]. Оно до такой степени выразительно и одухотворено, и, в то же время, властно и законченно, что овладевает душой даже при большой развлеченности и утомленности. Оно не «излагает» и не «рассказывает», а скорее «показывает»; но показывает не картинно, а скульптурно или архитектурно, как живое пластическое событие. Однако, скульптура и архитектура дают всего один миг, неподвижно закрепленный навсегда; а музыка дает жизнь и действие. И вот, – слушавшие Метнера знают это состояние, – музыка его, исполняемая им самим, заставляет пережить присутствие особой, *объективной* и *живой реальности*, которая **{13}** живет не в нем (хотя, конечно, – прежде всего в нем), но и не в нас (хотя, несомненно – вот, и в нас)... Как будто выступает и развертывается нечто третье, главное, наряду с чем все

остальное меркнет и забывается, – некая *властно и законченно выговаривающая себя сила*, диктующая вам в душу *свою волю*, *свой ритм*, *закон и судьбу своего бытия*. Вы прикованы и потрясены; вы еще «спрашиваете» и уже покорились; эта сила уже проникла в вас и вылепливает из вас новый способ жизни; затаив дыхание, вы начинаете ждать *ее* развития и *ее* завершения, как *своей* судьбы... Но вот финальное разрешение – и вы стоите перед событием, вторгшимся в вашу жизнь, стрясшимся в ней, перед выжженным в вашей душе властным и мудрым музыкальным речением: «так есть», «такова необходимость», «так виждь, страдай и ликуй...» И может быть, слушая в первый раз, вы невольно спросите себя: «Что это было? разве *это* бывает? разве *так*... можно?» – с тем, чтобы тотчас же и раз навсегда понять, что это-то и есть настоящее искусство: *духовная одержимость*, *нашедшая себе точный и прекрасный язык и художественное исполнение*.

Слушая Метнера, вы поймете и поверите, что настоящее искусство владеет *магическою* силою, властною и грозною, способною разверзать души и «отверзать зеницы»[1524] (Пушкин)[*]. Вы поймете, как велика *ответственность* художника и какая сила *целомудренного трезвения* необходима ему для того, чтобы говорить на языке «озарения и богов»[1525]. Вы поверите раз навсегда, что музыка есть не забава, а *служение* и *молитва*, в которой «Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Римл. VIII, 26). И тут, может быть впервые, откроется вам все ничтожество и бессилие современ-

[*] Срв. особенно исполнение им Сонаты F-moll opus 5; Трагических Отрывков A-moll и G-moll opus 7; двух Сказок C-moll opus 8; Сонаты C-dur opus 11; двух Сказок B-moll и H-moll opus 20; Сонаты E-moll opus 25; Сонаты-Баллады Fis-dur opus 27; Сказки Gis-moll opus 31; Концерта C-moll opus 33; Сказок C-dur и Cis-moll opus 35; Трагической Сонаты C-moll opus 39 <№ 5> и др.

ного («модернистического»[1526]) искусства, сладострастного и бесформенного, но крикливого и притязательного*.

Да, музыка Метнера поет о *главном* и говорит о нем *необходимое* и *священное***. Она поет о са̀мом страш-

---

* См. статью «Кризис современного искусства» в № 2 «Русского Колокола». О сущности и атмосфере модернизма в музыке <и> в русской литературе имеется замечательная книга Вольфинга [Т. е. Эмилия Метнера. – *А. Л.*]: «Модернизм и музыка». Москва, 1912 г.

** Это не значит, что сочинения его «программны» в обычном смысле этого слова, т. е. что автор пытается «помочь» немузыкальному слушателю, «подсказывая» ему зрительные образы или драматические сюжеты (напр., «буря на море» или «Франческа и Па̀оло» и т. д. [Здесь несомненно – быть может, не до конца осознанная автором, – аллюзия на симфонические фантазии П. И. Чайковского «Буря», 1873 г., и «Франческа да Римини», 1876 г. – *А. Л.*]). Однако в известном, *углубленном* и *утонченном* смысле, *всякая м*узыка, – от элементарной народной песни до отвлеченной и «беспрограммной» симфонии, – *имеет программу*, т. е. некое пропетое *душевно-духовное содержание*, *определенное,* при всей его словесной невыразимости, законченное, при всей его таинственности и безо̀бразности, как бы *сказуемое духовное тело* [Срв.: «Но если нельзя и не нужно говорить о самой музыке или пытаться передать словами то несказа́нное, о котором только она одна и может поведать, то это вовсе не значит, что самый "язык" музыки не имеет определимых и в сущности давно уже определенных элементов» (*Метнер Н. К.* Муза и Мода. Введение. – Публ. см. в след. томе наст. изд.). – *Ю. Л.*]. И никакие ссылки на «иррациональность» и «отвлеченность» музыки (теория Ханслика [Ганслик (Hanslick) Эдуард (1825 – 1904) – австрийский музыкальный критик, автор труда «Vom Musikalisch-Schönen [(*нем.*) О музыкально-прекрасном]», в котором изложил собственную теорию музыкальной эстетики, ставшую довольно известной в России благодаря неоднократно издававшемуся переводу указанной книги, сделанному известным и авторитетным музыкальным критиком Г. А. Ларошем (1845 – 1904). – *Ю. Л.*] и другие) не могут ничего изменить в этом, ибо содержание, недоступное для мысли, остается *содержанием*, и притом *определенным* содержанием (но «определяется» оно не мыслью и не словом, а чувством и духом); и самая «отвлеченная» музыка – отвлечена от мыслей и чувственных образов, *а не от своего собственного, ею самою сказуемого содержания.* Музыка глубока, но *точна* и *определительна*; ее определения – не логические и не

ном и последнем; но то, чтò она поет о нем, – *благодатно* и *победно*.

{14} Пушкин, Гоголь, Тютчев и Достоевский знали путь русской души и понимали ее задание. Ей, от природы отзывчивой и страстной, судьба искони дала испытать – и вседозволяющий простор, и лесную дебрь и чудь[1527], и зимние сны, и весеннее половодье, и хаос мятели, и безумие ветра. Она испытала это все, она приняла все это в себя; и стихии мирового естества стали сродни ей. В ней самой вострепетала и раскрылась *бездна*; и *мятеж* стал ей вечным соблазном. Отсюда ее беспредельный размах, предначертывающий ей задание *запредельного взлета*: ибо *бездну целит только Господь*.

Но не тем целит Он ее, что «запрещает» ей, как Христос иногда, жалея людей, запрещал бесам[1528]; и не тем, что подавляет или убивает ее, как св. Георгий дракона: запрет и подавление могут лишь *временно облегчить* муку, но не могут *исцелить язву мира*. Он целит ее тем, что, таинственно нисходя в нее («во Ад»), *вызывает в ней самой исконную жажду осанны*[1529].

Русской душе *от природы* дана эта разверстая бездна, эти зовы «древняго» и «родимого» хаоса (Тютчев), эта «безглагольная речь» стихий (Баратынский)[1530]. Слабым – соблазн и гибель; сильным – задание и обет. И сильная русская душа всегда исходила от *самого страшного* и искала самого *высо-*

словесные, но они *зрелы* и *закончены*. Бессодержательная музыка – есть нелепость: все равно, что «узор без рисунка», что «скульптура без плоскости»; – футуристический набор звуков вместо стихотворения; пляска св. Витта вместо танца [В XVI в. в Германии ходило поверье, что можно обрести здоровье, танцуя в день памяти св. мученика Вита, пострадавшего в начале IV в., перед его статуей. Позже «пляской святого Вита» (или Витта) стало называться нервное заболевание, хорея, для которой характерны отдалённо напоминающие танец отрывистые беспорядочные движения. – *А. Л.*].

кого и *последнего*, в глубокой бессознательной уверенности, что осанна *не* из бездны – *неокончательна*, *нецельна* и *неисцеляюща*. Русский творческий гений ищет не солнца *над* бездной, не рая *после* ада и в *противоположность* аду (Данте); из этого он исходит, с этого он *начинает*... Он ищет солнца *в* бездне и *из* бездны; и – то обретая его (Пушкин, Тютчев), то не обретая его (Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Врубель), не успокаивается ни на чем ином...

{15} И как мог бы он не принять духовный опыт своего народа, как мог бы он не поднять и не понести его бремя? Как мог бы он успокоиться на наивной лучезарности греческого Олимпа? На детской святости Фра Беато Анжèлико[1531]? На благоуханных идиллиях Моцарта? На наивном благородстве Шиллера или на мудрой наивности Бетховена? Как мог бы он успокоиться в мире, где предки задыхаются от черных грехов своего потомка и где в адской пропасти «мертвецы грызут мертвеца»?.. (Гоголь[1532]). Но может ли он восхотеть *меньшей* лучезарности, *меньшей* святости, *меньшего* благородства и *меньшей* мудрости: ведь он ищет *солнца из бездны*, *формы в хаосе*, *закона для вседозволенности*, *власти над дебрью*, *пророчества в безумии*...

Русский творческий гений ищет *целения миру*. Его творчество есть молитва *о даровании благодати мраку*. Может ли он отойти от этого задания, если оно силою судеб вросло в его *национальное* естество?.. Но можно ли вообще поднять это бремя? Посильно ли оно человеку без Божьего озарения и окрыления? И мудрено ли, что духовно слабые, пытаясь поднять это бремя, срываются в бездну (Скрябин и весь русский музыкальный и поэтический модернизм)? И не естественно ли, что подлинные русские достижения учительны и водительны для *всего* человечества?..

В этих великих и страшных традициях русского духа и русского искусства живет и дышит музыка Метнера.

И живет – *побеждая*. И сама чует свою силу и победоносность; и радостнее всего поет о *благодати*[*] и *победе*.

Метнер – ясновидец[1533] дебри, хаоса и бездны[**]. Они открыты ему, а его душа доступна им. Но никакими соблазнами они его не заражают: ни соблазну *идеализации*, ни соблазну *подмены*, ни соблазну *смешения* не подвержена его **{16}** душа. Энергия его духа выносит и вынесла все то, от чего *уже погибло* и *еще погибнет* столько слабых душ. Хаос не разложил его, и бездна не поглотила его. Напротив, он *заклял их и овладел ими*. И вот, дебрь покорилась его ритму, и хаос запел

[*] Срв. «Ангел» Лермонтова, романс, opus 1, № 1 [Точнее – op. 1b или op. 1 bis. – *А. Л.*]; третью часть Сонаты F-moll, opus 5 – Largo divoto [(*ит.*) очень медленно (широко) преданно (благочестиво)]; Сонатную Триаду, opus 11; «Одиночество» Гёте, романс, opus 18, № 3; «Я потрясен...» Фета, романс, opus 24, № 5; Соната-Баллада, opus 27, «Муза» Пушкина, романс, opus 29, № 1; «Воспоминание», романс, opus 32, № 2; Сказка D-moll, opus 34, № 4; Сказка C-dur, opus 35, № 1, «Ангел» Пушкина, романс, opus 36, № 1 и др.

[**] Срв. opus 1, № 5, Andante; opus 2, № 3, Scherzo infernale; opus 5, вторая часть Сонаты [(Intermezzo] Allegro[)], C-moll [Ильин указывает тональность, начинающую именно 2-ю часть сонаты op. 5 f-moll. Другими словами, перед его глазами в момент написания этого комментария лежали ноты или же он указывал её и вовсе по памяти. – *А. Л.*]; opus 6, № 3, «Elfenliedchen [(*нем.*) Песенка эльфов]» Гёте, романс; opus 15, № 7, «Meeresstille [(*нем.*) Тишь на море]» Гёте, романс; opus 20, № 2, Сказка H-moll, Minaccioso [Точнее, Pesante. Minaccioso, т. е. (*ит.*) тяжеловесно, грозно (угрожающе): подзаголовок этой сказки – «песнь или сказка ко́локола, но не о колоколе». – *А. Л.*]; opus 22, Соната G-moll; opus 24, № 1 и № 4: «День и ночь» и «Сумерки» Тютчева, романсы; opus 25, № 2, соната E-moll (с эпиграфом из Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной»...), opus 29, № 3, «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» Пушкина, романс; opus 34, № 1, Сказка H-moll и № 3, Сказка A-moll, Allegretto tenebroso [(*ит.*) умеренно быстро, мрачно (тёмно)]; opus 35, № 4, Сказка Cis-moll; opus 37, № 1, № 4, № 5: «Бессонница» Тютчева, романс; «Вальс» Фета, романс; «О чем ты воешь...» Тютчева романс; opus 38, № 7, Danza silvestra [(*ит.*, *лат.*) лесной танец]; и др.

дивные, молитвенные мелодии; и бездна озарилась и гармонизовалась.

Я знаю, что этому трудно поверить; это надо испытать и пережить. Надо самому услышать душою и духом это *орфическое заклятие темных сил и их преображение*: эти первозданные гармонии неподвижной морской бездны*; этот танец воздушной нѐжити, легкомысленно проснувшейся и томящейся в глубокомыслии мирового сна**; эти вои, вздохи и стоны ветра, молитвенно пропетые в сонатной форме***; этот «темный язык» «зовущей и пророчащей» ночи****; эти неописуемые, мифические ритмы, в которых сказочная нечисть пытается излить свою душу, пытается любить, плясать и участвовать в солнечном празднике Орфея*****; эти взрывы мрачного ропота, почти кощунства, преображающегося в серафические хоралы******; это магическое и благодатное слияние с беспредельностью сумеречного мира*******; это тютчевское откровение о «пылающей бездне» и «звездной славе»...******** Здесь ночные стихии мира и души находят свой музыкальный язык; они *поют*, они слагают *гармонии*, они несомы могучими и законченными *ритмами*. Музыкальное просветление хаоса дается и осуществляется – *им самим*. Бездна раскрывается со всеми ее «страхами и мглами» и сама поет – свои вихри, угрозы и томления*********. Это потряса-

* Opus 15, № 7, «Meeresstille» Гёте, романс.

** Opus 6, № 3, «Elfenliedchen» Гёте, романс.

*** Opus 25, № 2, соната E-moll.

**** Opus 29, № 3, «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», Пушкина, романс.

***** Ср., напр., Сказки: opus 34, № 1, H-moll и № 3, A-moll; opus 38, № 7, Danza silvestra.

****** Соната, opus 5, Allegro и Largo divoto.

******* Opus 24, № 4, «Сумерки» Тютчева, романс.

******** Opus 45, № 3, «Как океан объемлет...» [«Песнь ночи». – *А. Л.*] Тютчева, романс.

********* Opus 24, № 1, «День и ночь» Тютчева, романс.

ющe – слышать хоралы стихий, гармонию бездн и ритмы хаоса; потрясающе и благодатно: ибо нет строя и закона более строгого, чем музыкальный, а *музыка есть дар Божий*, есть *живой голос осанны*, *данный человеку свыше*. И внять *осанну хаоса* – есть для человека высшая радость и глубочайшее утешение...

Музыка Метнера как бы говорит, утверждая и удостоверяя: «Слушайте! *и самая бездна* томится по благодати – по солнцу, по закону, по гармонии! *и самой бездне* – благодать дана таинственно и творчески!..» Стонет и томится тварь[1534]; томятся и стонут «преисподняя земли»[1535]... Но кто верно, **{17}** предметно вслушается в этот стон и в это томление, тот услышит в них первозданное пение, гармонию и ритм...

Именно – *первозданное*. Музыка Метнера изумляет и радует не только богатством своих мелодий, их разливом, их долгим, как бы неисчерпывающимся дыханием*, но и их неизъяснимою *первоначальностью*. Здесь возможны даже прямые иллюзии и ошибки: так, иногда может казаться, что вы слышали эту мелодию... Но где? когда? от кого?.. В детстве?.. Во сне?.. В бреду?.. Вы напрасно будете ломать себе голову

* Творческую силу мелодии правильнее всего измерять льющеюся долготою ее дыхания и ее способностью к самораскрытию и видоизменению. Таково мелодическое богатство Баха и Бетховена; таково многое у Шопена (см. хотя бы его «Фантазию» [Речь, скорее всего, о Fantaisie-Impromptu op. 66. – *А. Л.*]) и у Рахманинова (напр., Moment musical, opus 16, № 3, H-moll; первые темы второго и третьего Концертов и др.). Срв. у Метнера: opus 1, № 1 [Речь, скорее всего, об op. 1 bis, т. е. о песне «Ангел», а не об op. 1 № 1, т. е. «Прологе» – первой из «Восьми картин-настроений», составляющих op. 1. – *А. Л.*]; вторая тема Сонаты opus 5; Сказка B-moll, opus 20, № 1; Сонату G-moll opus 22; opus 24, № 4 и № 6 [Песни «Сумерки» и «Только встречу улыбку твою». – *А. Л.*]; Сонату opus 25, № 1, C-moll, темы первой и особенно второй части; Сказку opus 26, № 3, F-moll, Narrante [(*um.*) рассказывая]; Сонату-Балладу opus 27, Fis-dur; Импровизацию opus 31, № 1, B-moll; Первый Концерт opus 33, C-moll; Сказку opus 34, № 2, E-moll; Романс «Ночь» Пушкина, opus 36, № 5; Sonata reminiscenza [(*um.*) Соната-воспоминание], opus 38, № 1; и другое.

и напрягать свою память! Вы ее *не* слышали, *нигде* и *никогда*: в человеческих ушах она появилась впервые... Но вы, как будто, «*долго ждали*» ее, и «ждали» вы ее потому, что вы «знали» ее *не в звуке*, *а в духе*. Ибо *духовное содержание* этой мелодии – общечеловечно, исконно, первозданно; и без конца томилось о том, чтобы в пении разрешить свою связанность. И вот, – оно разрешилось в широкую, поддонную, из *древней глубины* льющуюся и бесконечно простую мелодию... Как будто запело в нас *вековое* томление наших предков... Или, как будто *предвечные* напевы и хоралы, слышанные нами до рождения и сохранившиеся в нас в виде «чудных желаний»*, нашлись и наконец пропелись вьяве**. И пропелись в величайшей простоте и целомудрии...***

Да, эта музыка *целомудренна*: она не дразнит, не зазывает на сладость, не гонится за эффектом, она ничему не потакает; она абсолютно не демагогична. Напротив, она в лучшем и духовном смысле глубоко *аристократична*. Она **{18}** всегда сдержана строгой, внутренней необходимостью; мало того, она часто дышит прямою *отрешенностью*: как бы молитва мира, идущая к Богу *мимо* человека и мимо подымаемой им душевно-личной и общественной пыли...

---

* «Ангел» Лермонтова, романс, opus l, № 1 [Точнее, op. 1 bis. – *А. Л.*].

** Срв., напр., «На озере» Гёте, романс, opus 3, № 3; opus 8, № 2, Сказка C-moll, вторая тема; opus 9, № 2 и № 3: Сказки C-dur и G-dur; Соната D-moll, opus 11, № 2; «Einsamkeit [(*нем.*) Одиночество]» Гёте, романс, opus 18, № 3; основную тему «Сумерек» Тютчева, opus 24, № 4; основную тему «Только встречу улыбку твою...» Фета, opus 24, № 6; opus 25, № 1, Соната<-сказка> C-moll, тема второй части; opus 30, Соната A-moll, вторая тема; Сказка C-dur, opus 35, № 1; opus 36, № 3, «Лишь розы увядают...» Пушкина, тема романса; и другое.

*** Срв., напр., особенно: вторую тему Сонаты C-dur, opus 11 <№ 3>; или вторую тему Сонаты G-moll, opus 22; или Сказку G-dur, opus 9, № 3. Allegretto vivo, odoroso [(*ит.*) оживлённо, душисто (ароматно, благоуханно)].

Музыка Метнера сочетает в себе *подлинную стихийность* (хочется сказать – *неистовость*) с кованой, *завершенной необходимостью*.

Но и этому не следует верить на слово; в этом надо удостовериться самому. И духовно-музыкальный анализ тем, тональностей, гармонии, ритмов и контрапунктов – вплоть до этих *пауз*[1536], насыщенных зарядами задыхающегося отчаяния или требования[*], вплоть до малейших форшлагов или с виду «случайного» бекара, таинственно превращающего минор покаяния и отчаяния в мажор прощения и утешения[**] – обнаружит и подтвердит глубокомысленную художественность его музыкальной ткани. В ней *все* необходимо. Да и может ли быть иначе, если беззаконная бездна дана, а ее благодатное преображение *задано*!

---

[*] Срв., напр., в Сонате, opus 5, часть вторую и третью; или в романсе «Мечтателю» Пушкина, opus 32, № 6, – паузы перед «Постигло страшное безумие любви» и перед «Но мрачная любовь».

[**] Срв., напр., финал романса «Воспоминание» Пушкина, opus 32, № 2: аккомпанемент, заключительно контрапунктируя основную тему покаяния, снизу вверх, из октавы в октаву, дает сначала la bekar и модулирует тем в мажор, а затем восстанавливает la bemol и возвращается к рыдающему минору; – оплаканные строки жизни прощены и смыты в таинственной глубине (объективно!) именно потому, что для кающейся души (субъективно!) они еще не смыты (в этом и состоит сущность покаянного очищения)...

[В la bemol и la bekar (правильнее, если *фр*., bémol и bécarre или, если *ит*., bemolle и bequadro) Ильин имеет в виду сначала отмену (бекар), а затем восстановление тональности ля-бемоль (la-bémol). Однако именно в этом месте (срв. выше письмо № 160, где он перечисляет Метнеру несколько своих вопросов по публикуемой статье, среди которых и вопрос об этом комментарии – нет ли здесь чего-то совсем неверного, – для него, очевидно, вопрос самый важный, ибо сопровождён не только знаком вопроса в скобках, но и завершающими словами «верно ли») Ильин, очевидно, опасался не только неверного написания им музыкальных терминов, но и какой-то более серьёзной ошибки, которая, по-видимому, всё-таки имеет здесь место (срв. *Метнер Н.* Собрание сочинений. Т. 6. Сочинения для голоса и фортепиано. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1961. С. 16). Увы, как мог видеть читатель, Метнер так и не ответил (в письмах) на эти вопросы Ильина. – *А. Л.*]

Однако это преображение отнюдь не формально – ни в смысле духовном, ни в смысле чисто музыкальном. Музыкальная форма модернизма, как известно, не выдержала безбожного заигрывания с хаосом и сладострастного кокетства с инстинктом: она треснула и разложилась. Но музыкальная форма Метнера выдержала напор стихий: и сумасшедшие смерчи и мятежи бессознательного не только не разложили ее, но творчески *покорились ей*. Это объясняется (помимо его исключительного духовно-музыкального дарования) тем, что музыка его, по истокам своим, *целомудренна* (даже в самой страсти) и до конца *религиозна* (даже в самом мятеже): она молится – и вопрошая, и сомневаясь, и бунтуя, и отчаиваясь. И самое от-чаяние ее скрывает за собою столь огненное чаяние, что только пустые небеса не ответили бы на него дарованием утешения; подобно тому, как сомнения блаженного Августина и Декарта самою огненностью своею были уже *действием религиозной веры и философского ведения*...

Победность музыки Метнера отнюдь не сводится к ее «формально-музыкальной» выдержанности и законченности **{19}** (классическая сонатная форма, прозрачное голосоведение, пренебрежение гармоническою разнузданностью и т. д.). Правда, хаос побежден уже одним тем, что *принял* во всей своей неистовости закон прекрасного благозвучия. Но победа эта есть, прежде всего, и по существу своему победа *духовно-содержательная* и *мелодическая*.

Метнер написал доселе четырнадцать сонат*. Каждая из них, развертываясь, как всегда, в двух основных (противостоящих

* Opus 5, Соната F-moll; opus 11, № 1, Соната As-dur; opus 11, № 2, Соната D-moll; opus 11, № 3, Соната C-dur; opus 21, Соната H-moll для скрипки и рояля; opus 22, Соната G-moll; opus 25, № 1, Соната-Сказка C-moll; opus 25, № 2, Соната E-moll; opus 27, Соната-Баллада Fis-dur; opus 30, Соната A-moll; opus 38, № 1, Соната Воспоминаний [Правильнее – Соната-воспоминание. – *А. Л.*] A-moll; opus 39, № 5, Трагическая Соната C-moll; opus 41 <№ 1>, Соната-Вокализ C-dur; opus 44, вторая Соната для скрипки

и, в то же время, сопринадлежащих) темах, являет живую *драму* (иногда – трагедию) *борьбы за светлый исход*, за цельную и радостную осанну. Обычно вся соната, со всеми ее частями, излагает *единую* драму и бывает несома *единым* духом. Страдая и утверждаясь, то внемля второй теме и поддаваясь ей, то не внемля ей и преломляя ее ход, основная тема, содержащая обычно духовную проблему всей сонаты, ищет себе то видоизменение (мелодическое, ритмическое, модуляционное, гармоническое), которое должно дать ей *самоутверждение*, *радость* и *расцвет*. Она совершает свое восхождение в борьбе и усилиях; она идет к *апогею* – или через духовную ассимиляцию со второй темой или же через посредство третьей, содержащей иногда основное откровение*. Видоизменяемость этих восходящих тем совершенно исключительна; и ясно, что именно эта способность их к контрапунктическому, модуляционному и ритмическому обновлению обеспечивает им преображение и торжество.

Метнер – певец *духовной победы* и *преображения*; и вся так называемая «музыкальная форма» есть в его руках лишь *путь* естественного движения темы к ее апогею, лишь *средство* для духовного преображения этой проблематической (мятущейся и страдающей) темы. Мастер мажора (и в частности, до мажора**, этой завершенной и царственно утверждающей тональности, столь ответственной и иногда **{20}** страшной) – Метнер знает все пути борьбы и страдания, ведущие

и рояля G-dur. Считая еще два концерта в сонатной форме <C-moll, opus 33 и C-moll, opus 50> и Сказку C-moll, opus 8, № 2, – семнадцать.

* Срв., напр., в Сонате-Балладе opus 27, Fis-dur; срв. также Сонату opus 11, № 3, C-dur.

** Срв., например, дивный по красоте и простоте до-мажорный финал трагической Сказки, opus 9, № 2, Allegro alla serenata [(*ит.*) быстро (скоро) в духе серенады]; срв. также особенно мироприемлющую Сонату C-dur, opus 11, № 3; Эпитафию opus 13, № 2 [На стихи Андрея Белого. – *А. Л.*]; «Заклинание» Пушкина, романс, opus 29, № 7; также особенно Сказку opus 35, № 1, C-dur, Andante maestoso [(*ит.*) медленно величественно]; «Арион» Пушкина, романс, opus 36, № 6; и другое.

к этому ладу; ибо, поистине, мажор, не выстраданный в миноре, есть лишь пустая тень мажора. Метнер *приемлет мир*, приемлет его со всеми его стихиями, мглами и страхами как даруемый Творцом. Его мажор родится из глубины минора, но именно поэтому он подчас так до конца потрясает и освобождает душу слушателя*. Ибо радость вообще измеряется мерою предшествующего страдания, и полнота ликования добывается именно преодолением отчаяния.

Вот откуда у Метнера эти торжествующие, победные, ликующие финалы: эти *колокольные трезвоны*** , эти радостные, *самозабвенные пляски*. Так празднует только прощенная и до дна преображенная стихия; и слушая ее, чувствуешь и веришь, что осуществились величайшие обетования; что ликует как бы вся тварь, освободившаяся «от рабства тлению» (Римл. VIII, 21); слышишь, как славословит тот самый голос мрака, который таил в себе мятеж и бурю... И, слыша это, сам произносишь с самого дна своей души, – хвалу и благодарение...

Но вот преодоленный и преображенный мрак отпадает и исчезает. Начинается *чистая радость солнцу* и неописуемые в словах *прозрения в потустороннее*.

Нескончаемые гирлянды плясок, одна одухотвореннее, одна упоительнее другой; так, как если бы пали или раскрылись некие от века проклятые и заваленные ворота, и из них на солнце, к голубому небу, к цветам и облакам, – хлынули хороводы прощенных и вдохновенно празднующих душ. Танец «грациозный», танец «празднующий»[1537], «симфонический», «цветочный», «ликующий», «благоуханный», «дифирамбический»*** ...

---

* Срв., напр., мажорный финал в катастрофическом стихотворении Тютчева «Бессонница», opus 37, № 1, Es-moll.

** Срв., напр., финал Сонаты, opus 5, F-moll; финал Сонаты, opus 11, № 3, C-dur; финал Сонаты opus 27, Fis-dur; финал «Музы» Пушкина, opus 29, № 1 и другое.

*** Срв. opus 38, № 2, Danza graziosa, A-dur; № 3, Danza festiva, D-dur;

О, если бы их услышал Фра Беато Анжелико, умевший лишь чинно «выступать» со своими праведниками в райских селениях!.. Если бы их услышали грустные грации Боттичелли* или девственные жрицы **{21}** Греции!.. Если бы они услышали эти *радостно и невинно танцуемые молитвы*...

Но если настоящая радость родится из преодоленного страдания, то истинное *прозрение* дается именно через легкое и радостное *одухотворение*. Глубокие и тонкие стихотворения Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Фета, Гёте и Эйхендорфа раскрываются в «романсах»[1538] Метнера именно как *прозрения*. Как будто редеет густая завеса, отделяющая здешний мир от нездешнего: и в воспоминании о дожизненной песне ангела**, и в растворенном слиянии с тихой и благоуханной беспредельностью***, и в восприятии «неизреченных глаголов» откровения****, и в экстазе любви, одолевающей грань загробного мира*****, и в очевидности бессмертия души******,

---

opus 40, № 1, Danza col canto [(*um.*) Танец с пением] D-moll; № 2, Danza simfonica G-moll; № 3, Danza florata D-dur; № 4, Danza jubilosa G-dur; № 5, Danza ondulata E-moll; № 6, Danza ditirambica D-dur; и др.

* Я имею в виду левую группу танцующих дев в картине «Primavera [(*um.*) Весна]» (Флоренция, Uffizi, № 8360 по каталогу 1922 года). Зато представление о танцах Метнера может дать хоровод ангелов в верхней части картины Боттичелли, именуемой «Madonna col Bambino, quattro Angeli e i Santi Barnaba, Michele, Battista, Agostino, Caterina e Ignazio [Мадонна с Младенцем, четырьмя ангелами и святыми Варнавой, Михаилом, (Иоанном) Крестителем, Августином, Екатериной и Игнатием]» (Флоренция, Uffizi, № 8361 по каталогу 1922 года).

** «Ангел» Лермонтова, романс, opus 1, № 1 [Точнее, op. 1 bis. – *А. Л.*].

*** «Сумерки Тютчева, opus 24, № 4.

**** «Я потрясен...» Фета, романс, opus 24, № 5; ср. «Муза» Пушкина, романс, opus 29, № 1.

***** «Заклинание» Пушкина, романс, opus 29, № 7.

****** «Цветок» Пушкина и «Лишь розы увядают...» его же, романсы, opus 36, № 2 и № 3.

и в предчувствии «нетленной славы и красы» иной жизни*... Невыразимое в словах, неопределимое мыслью, неуловимое даже для воображения – начинает испытываться как подлинное, реальное, как данное в живом и осязательном откровении. То, перед чем бессилен язык, – передается, например, непрерывной лестницей модуляций: уход мелодии в другую тональность, иногда в постепенном хроматическом повышении, дает реальное ощущение того, что привычный план бытия истаивает, как туман, и что душа вступает в новые, высшие планы, где «чистый пламень пожирает несовершенство бытия»** и где воистину цветет несказанное***... О, если бы каждому из нас суждена была *такая смерть*!..

Но пусть каждый сам слушает эту музыку. Выразить ее содержание словами – нельзя.

И вот, у того, кто услышит музыку Метнера и увидит раскрытые в ней духовные обстояния, – постепенно сложится уверенность, что *за* этой музыкой живет особое *понимание искусства*, особый *способ творить* и особое *метафизическое восприятие мира*. Это не «философия» в обычном смысле этого слова, т. е. не теоретическое «учение», не «система», ни, тем более, отвлеченная выдумка. Но это, несомненно, тот подлинный и предметный *духовный опыт*, который необходим **{22}** философу для его философии и вне которого он становится отвлеченным выдумщиком. Этот опыт необходим не только философу: *поэт* изливает его в образах и словах, *художник* в чувственных образах и красках, *герой* в волевых деяниях, *отшельник* в молитвах и созерцаниях. *Музыканту этот опыт звучит и поет*; и эти звуки и песни композитор записывает, как песни и звуки самого открывшегося ему и испытанного им

* Элегия Пушкина («Люблю ваш сумрак неизвестный...»), романс, opus 45, № 1.

** Элегия Пушкина, opus 45, № 1.

*** «Лишь розы увядают...» Пушкина, opus 36, № 3.

Предмета. Настоящее искусство, как и настоящая философия, не выдумываются и не зависят от произвола и усмотрения автора. Они родятся в духовном восприятии и переживании Предмета, – отрешенном, самозабвенном, требующем всей души и нередко выпивающем ее силы до конца. *Дух человека имеет свое музыкальное восприятие*, *свой таинственный духовный слух*, *коим он слышит и веяние Творца*, *и вздохи его мира*. Задача его в том, чтобы *верно петь из глубины этого восприятия*. И, если он это осуществляет, – он сам становится тою «семиствольною цевницею», тем дивным «тростником» (Пушкин), который «оживляется» «божественным дыханием» мировой музыки[1539]...

Сто лет тому назад Шопенгауэр уловил и описал эти объективные источники музыки[1540]. В середине XIX века граф А. К. Толстой утверждал те же истоки в поэзии[*]. И вряд ли мы ошибемся, если скажем, что творческий опыт, подобный этому, вынашивает и слагает музыку Метнера. Вот откуда у слушателя это ощущение «объективного присутствия» в его музыке: она дает самоё реальность и насыщает Предметом все наличное поле художественного восприятия.

За те пятнадцать лет, в течение которых я слушаю и изучаю музыку Метнера, мне не раз приходилось слышать и читать, как рассудочники и теоретические разлагатели музыки изумлялись зрелой *форме* его произведений: слушая внешним ухом и анализирующею мыслью, они останавливались перед «стройностью» и музыкальной «закономерностью» его сочинений, не понимая, что художественно совершенная «форма» может быть осуществлена только цельным, живым и *творчески могучим содержанием*. Ибо в действительности, на самом деле – никакой отдельной и самостоятельной му-

[*] Срв. его стихотворение «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...»; в письмах его к жене эта идея развита прозаически.

зыкальной «формы» *нет*, а есть лишь *тема* и органически-естественное развитие того *духовного заряда*, который в ней живет. Так обстоит в *музыке*, но так же обстоит и в *поэзии*, и во *всяком искусстве*. Надо, чтобы было *что* сказать и чтобы это «что» – было *от Бога*. И не потому ли на свете так много выдумывающих и завистливых «Сальери» **{23}** и так немного вдохновенно творящих «Моцартов», что большинству авторов *духовно нечего сказать*?

За творчеством Метнера живет и дышит не только душа большого русского национального художника; за ним живет еще *особый способ музыкального и художественного созерцания и творчества*, который может и должен *создать школу*. И эта школа, это течение будут, поистине, призваны к тому, чтоб очистить и оздоровить атмосферу музыкального модернизма.

И. А. Ильин

1928. X. 4 – 16.
Menaggio[1541].

О МУЗЫКЕ МЕТНЕРА[1542]

«Так ты, поэт, в годину страха
И колебания земли
Носись душой превыше праха,
И ликам ангельским внемли...»

Языков[1543].

Дымом застланы наши горизонты. Воздух насыщен гарью пожарища. Подчас и солнца не видно, и дышать трудно. Темное время. Страшное время...

Но жива наша Россия. Живо ее чудесное искусство и будет жить, пока человек будет вздыхать и молиться на земле.

Русскому Парижу предстоит большая радость: *Метнер дает свой концерт*[1544]. Художник замечательный, несравнен-

ной силы и неисчерпаемой мудрости, мастер мелодии и ритма, самобытного «метнеровского» ритма – и прежде всего, больше всего *человек глубокого Богосозерцания и русского мироощущения*, – он ведет за последние годы как бы уединенную, отшельническую жизнь и публичные выступления его (если не считать его триумфов в Америке и Англии) стали редким исключением...

Дымом застланы наши горизонты. Подчас и солнца не видно. Но у него в его келии всегда яркий, неиссякающий свет. Этот свет, – свет большого искусства, совсем новой и совсем не модернистической русской музыки, – в России научились ценить и любить задолго до войны, так, как научились любить недавно в Англии и Америке.

Помню, как я услышал его в первый раз в Москве, до войны[1545]. Он должен был играть свои новые произведения на закрытом вечере[1546]. Небольшой рост; легкая, почти воздушная, поющая походка; темные, по-пушкински вьющиеся волосы; чуть прищуренные глаза и лицо непередаваемого древне-сосредоточенного выражения, насыщенного молчаливого ведения. И совершенная, естественная простота во всем. Он играл свою знаменитую сонату E-moll, op. 25 <№ 2>, с эпиграфом из Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной»; она не имеет «частей» и длится без перерыва 35 минут, несомая единым двухтемным дыханием «родимого хаоса» и «пробудившихся бурь»... Метнер играет властно: это – заклятия, приказы, законы, повелительные и звуку, и слушателю. Я не заметил этих 35 минут; я не знал, что в моей душе хранится то, что он извлек из нее; он отпустил меня лишь с последним звуком...

Эта властность, присущая искусству Метнера, – и в исполнении, и в композиции, – проистекает из его художественного видения: то, что он видит, он видит с такой силой подлинности, как бы окончательности, что видение его становится реальным событием и захватывает душу слушателя. Я помню

его «Заклинание», написанное на слова Пушкина, в первом исполнении на вечере М. А. Олениной-д'Альгейм[1547]. Самое стихотворение Пушкина полно экстатической силы и магической свершенности.

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, –
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук, иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно: сюда, сюда!

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба;
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... Но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

Если, читая Пушкина, – этот зов, на который *нельзя не отозваться*, этот вопль любви, способный снять все преграды, восстановить прошедшее и явить незримое, – если, читая его, все же спрашиваешь хотя бы одним трепетом сердца: «пришла? явилась?», то, слушая Метнера – уже *не спрашиваешь*, *а знаешь*, что свидание свершилось; знаешь силою

того ледяного холода, который вдруг пронизывает все тело, и силою тех неожиданных слез, от которых вдруг меркнет зрение. Преграды сняты; невозможное состоялось. Последнее «сюда!» уже не зов, а ликование. Мрачный C-moll разражается в такие C-dur'ные ответные кличи, что душа вдруг вся заливается светом экстаза. Это не видение: это *очевидность*. Это не призрак *ее*: это *она сама*.

Когда Метнер исполняет эту вещь, по залу идет шелест холода, ужаса и потом восторга, особенно если поет А. М. Ян-Рубан[1548] или М. А. Оленина. И вот, когда Метнер и Оленина исполняли эту вещь впервые, захват был так велик и глубок, что во время последнего ликующего экстаза – как по магическому приказу – люди, сами того не замечая, поднялись со своих мест навстречу видению... И лишь со звоном последнего аккорда они поняли, что совершилось в зале.

Это событие символически характерно для всей музыки Метнера; более того – для всякого большого искусства. Художник имеет такую *силу видеть*, которая в обращении к другим людям оказывается *властью*, *отверзающею очи и души*. Истинный художник не ищет этой *внешней власти*; он ищет *внутренней силы*; он хочет *быть* и *творить*, а не казаться и «нравиться». И в этом его судьба.

Нравиться... Кому? Капризному, изменчивому, а в духовно-больные эпохи сверх того и *растленному* большинству...

И ныне, в эпоху *джаз-бандитизма*[1549] и еле поспевающего за ним музыкального модернизма; когда нервно издерганной толпе европейских городов «нравится» не песнь и не хоральное созвучие, а звуковая неврастения; когда успех композитора тем больше, чем больше у него дребезга разбитых тарелок, семейных дрязг в оркестре, сладострастной щекотки или вульгарнейшего звукоподражания; когда люди наслаждаются козлогласною нечистотою звука и для эффекта готовы «валять» сразу в нескольких тональностях; когда *большевизм разливает*

свой яд в музыке, – как не стать «отшельником» истинному художнику, знающему, что̀ есть *ответственность перед Богом*.

Я помню, какими праздниками духа и света были концерты Метнера в советской России до его выезда. У него уже не было квартиры[1550]; он зимовал с женой в маленькой комнатке, в которой *совсем не было печи*, никакой; он готовился к концертам на рояле, прозябшем до такой степени, что по клавишам от игры текла вода. Помню его аудиторию: цвет московской интеллигенции; замученные, изголодавшиеся, немытые люди, все насквозь простуженные, в шубах и валенках – и со священно горящими глазами...

Люди, научившиеся молчать в советской каторге; научившиеся сосредоточенно пережигать в своем сердце все то «слишком человеческое», что до сих пор раздирает эмиграцию; научившиеся молиться с самого дна души – «из глубины воззвал я к Тебе, Господи»[1551]... Люди, привыкшие ежедневно ждать расстрела и научившиеся *презирать* мысль о смерти. Сколькие из них уже убиты, сколькие сосланы... И как отзывалась, как трепетала эта аудитория в ответ на музыку Метнера!..

Помню, как я после моего второго ареста[1552], едва из тюрьмы, слушал его новые вещи. Никогда не забуду это победное, именно *победное* чувство – все превозмогающего духа. И не только в том была победа, что, по слову Шмелева, «душу не расстреляешь»[1553]; но больше всего в том, что пророческий голос русского искусства поет свою «осанну» из самых недр львиного рва[1554]; и в том, что самая песнь его – есть сущее преодоление всех большевизмов и модернизмов (ибо по существу «модернизм» и есть не что иное, как еще не осознавший себя большевизм).

И теперь, когда я читаю взволнованные отзывы лучших английских и американских критиков о музыке Метнера, когда я слышу в их словах *наш трепет*, я знаю, что̀ они поняли и что̀ именно их так волнует.

Дымом пожарища застланы наши горизонты. И не знаем еще, когда и как рассеется этот дым и прояснятся дали. Но знаем, *для кого* и *для чего* творят наши отшельники. И знаем еще, что они не одиноки ни теперь, ни в будущем. Ибо ныне Россия творится в келиях, а не в базарных распрях. Творятся молитвы. Творится искусство. Закаляются героические сердца.

Помоги нам, Господи!

И. А. Ильин

МУЗЫКА И СЛОВО[1555]

(к концерту Н. К. Метнера)

В хорошие времена у нас в России было обыкновение *готовиться* к предстоящему концерту; я говорю не об авторе или исполнителе, а о нас, слушателях, несущих в концерт внимательный слух и раскрытое сердце. И, понятно, чем значительнее был концерт (дирижирует Никиш или Рахманинов, этот истинный титан симфонического ведения, или играют мастера, как Рахманинов, Метнер, Гофман, Изайэ, Казальс[1556]...) – тем важнее было «подготовиться». Надо было в сосредоточенной тишине предчувствием почувствовать программу; надо было «вспомнить» слышанное и постараться предвосхитить неслышанное; проиграть себе темы или даже всю «вещь», хотя бы и слабо в техническом отношении, хотя бы намеком (о, музыкальное воображение доделает многое!..), и попытаться из них охватить и увидеть целое... И сколь по-иному слушается концерт, к которому так удалось музыкально и духовно «подготовиться»... Знаю, как трудно или почти невозможно сделать это в наше безвременье, в зарубежной скудости и недоступности; но, может быть, можно помочь словесным намеком?..

Концерт Николая Карловича Метнера является всегда неким художественным целым, задуманным по единому, не техническому или историческому, но *музыкально-духовному* плану. Об этом плане в программах не говорится, конечно, ни слова; вероятно, это показалось бы странным и притязательным новшеством; да и не подобает музыканту-художнику, высказавшемуся в звуках, договаривать сказанное еще в словах и понятиях. Однако слушатель может быть всегда уверен, что то, что он услышит, от первого произведения до последнего, будет насыщено[1557] не только единым (метнеровским) восприятием Бога, мира и человека, но и единой духовной проблемой и идеей, как бы единым духовным «лейтмотивом». Дело художественной критики вы-слушать, вы-читать эту проблему из-за прочувствованной или предчувствуемой программы...

Слухом и духом медитируя издали над этой единой, чудесной программой предстоящего концерта, я вижу, о чем она будет петь: о том, *как преодолевается бремя земной жизни и как может состояться просветление мировой скорби, рождающейся из этой горестной юдоли смертности, зла и страдания*...

Смерть и время царят на земле,
Но владыками их не зови...
(Влад. Соловьев)[1558]

Каждая песня, каждая сказка и соната этого вечера раскрывает по-своему эту единую идею, разрешает по-своему эту центральную проблему нашей земной жизни. О, сколь горько мне, что я не могу еще раз умудриться и очистить душу на этом празднестве музыкального и метафизического созерцания!..

Программа начнется с романса на слова тютчевской «Бессонницы».

Похоронно звучит глухой, слегка надтреснутый бой башенных часов. Поэту, томящемуся ночью без сна, глухие сте-

нания колокола раскрывают бездну всеуносящего времени, рок гибнущих поколений, ожидающее всех нас вечное забвение. Видения проносятся. Слова поэта смолкают. Страшную бессловесную жалобу мировой скорби вокализирует один голос... Господи! Да не есть ли вся человеческая земная жизнь – единая катастрофа?! Не мрак ли, родивший нас из своего лона, покроет нас опять навеки?.. Нет. Музыка кончает молитвенным мажором религиозного приятия и примирения; этот мажор трижды намечается перед концом модуляцией из Ges-moll в Es-dur (надо уловить его в ритмическом качании колокола и главной темы!) и наконец утверждается в финале. Мрак не есть последнее слово бытия... Проблема поставлена; концерту дано задание.

В этой сжатости и краткости газетной статьи невозможно прокомментировать так всю программу. Тот, кто прослушает ее чутким ухом и раскрытым сердцем, сам найдет в каждом произведении и вопрос, и ответ. Зрелая глубина и выразительная сила музыки Метнера, да еще в его собственном, столь утонченно-одухотворенном и в то же время законченно-властном исполнении – даст слушателю все возможное и необходимое. Этой музыке надо только верить до конца и отдаваться до конца...

Но вот еще несколько существенных указаний.

Как изумительно глубок и прост замысел «Ангела» (слова Пушкина: «В дверях Эдема»). Музыкальная тема ангела, «сияющего поникшей главой», и демона, «мрачного и мятежного»[1559], – едина: но только она звучит *диатонически* у ангела и построена в *хроматических* изломах[1560] у демона. Именно вследствие этого исконного единства демон может узнать своего первоначального, древнего брата в ангеле и испытать «жар невольный умиленья». Вот почему диатонизм ангела побеждает, чело демона проясняется и финал «maestoso»[1561] возносит хвалу Господу в до-мажоре... И опять: не мраку принадлежит победа...

Великолепна интерпретация «Музы» Пушкина: эта трепетом ликующая ткань звуков, этот экстатический подъем к тому мигу, когда «она» *сама* берет в руки свирель, этот безграничный разлив «святого очарованья»... Надо ли договаривать? *Божественным вдохновением* преодолевается скорбь земной жизни; это оно дает людям просветление.

В следующей затем монументальной сонате-балладе тема «вдохновения» раскрывается во всей своей глубине. Вдохновение есть *блаженство*, упояющее душу счастьем подобно любви и весне; но дается оно лишь избранным, отнюдь не одолевая *всей* скорби и *всего* страдания в мире... Как же отдаваться ему, когда каждый стон пресекает его свободное цветение? Как может оно ликовать и не меркнуть от вздохов и жалоб земной юдоли? – Вот духовное содержание основных двух тем этой сонаты. Но сколь невыносимо бремя жизни *без* вдохновения! И где же исход? Не в отречении же от все вновь прорывающегося блаженного ликования?! *Новая* музыкальная тема решает коллизию (надо уловить ее сладостное и спокойно-созерцательное появление в басовом ключе на большой октаве – тон богоумудренного старческого разъяснения...): это тема *высшего призвания*, помазанности художника, его обязанности петь людям «гимны важные, внушенные богами»[1562]...

И приноси дрожащим людям
Молитвы с горней вышины,
Да в сердце примем их и будем
Мы нашей верой спасены.
(Языков[1563])

Отсюда ликующий финал: под радостные перезвоны новой темы возрождается блаженное вдохновение первой темы, и художник заканчивает сонату произнесением своего нового «credo» (ff, molto pesante)[1564]...

Песни на слова Гёте почти не нуждаются в комментарии. Вот – морской штиль, передающий недвижно колышащую-

ся бездну океана (и, конечно, бездну души); а вот дыхание ветра (в-дохновение!) уносит счастливый корабль... Вот безответная, но и в безответности упоенная тоска Миньоны... А вот дивная, до слез насыщающая душу, молитва к нимфам («Einsamkeit») о том, чтобы не было на земле безответной любви, чтобы люди не мучались в сомнениях, лишенные очевидности, чтобы исполнялись желания томящихся человеков: в целом – мажорный гимн, с просительными секстами и септимами вниз, гимн, звучащий мистически-интимно и в то же время торжественно-заклинающею просьбою... И, наконец, – в виде прямого ответа на вопрос тютчевской «Бессонницы», – Прелюдия Гёте: все бесконечное коловращение миров – есть вечный покой в Боге, аллилуия![1565]

Ибо в Нем –

> Душа упоена божественной красой
> Первоначального покоя...
> (Голенищев-Кутузов[1566])

Умолчу совсем о сказках: их грациозная фантастика, их воздушно-танцующие ритмы, их разливчатая певучесть – сами по себе уже преодолели и бремя персти[1567], и скорбь, и страдания. Им не нужно комментариев.

Последнее отделение романсов на слова Пушкина начинается «диптихом»: двумя духовно связанными романсами. Первый, «Цветок засохший», – говорит о тленности человеческого бытия и смертности человеческой любви; и заканчивается нежно-спрашивающим вздохом – неужели? Второй, «Лишь розы увядают», – отвечает победным над смертью гимном: не здесь, не здесь, в другом плане бытия, куда уводят слушателя хроматически-поющие модуляции, – там вечно цветет расцветшая на земле красота; поистине ответ упоенного ликования, которое дается только вере и духовному прозрению...

Невыразимо-грациозный «Вальс» (Пушкина ли? Не Дельвига ли?[1568]) дарит иную победу над временем и горем, победу

земного упоения[1569], самозабвенного вихря танца и любви: мгновение как бы «останавливается», ибо оно «прекрасно»[1570]...

«Ворон» и «Телега жизни» – снова возвращают душу к основной проблеме: к зловещему естеству земной жизни, где любовь не верна, где злодейство и предательство не обличимы и не наказуемы, где неудержима телега жизни, а «время гонит лошадей»... Где над убитым богатырем каркают ищущие «обеда» вороны...

Где же исход?

В любви, всепобеждающей, властной и в жизни, и над смертью, разверзающей могилы и одолевающей последние тайны гроба. В любви, чье «Заклинание» прозвучит в этом концерте последним до-мажорным гимном, последнею рыдающе-ликующей победой...

Все, кружась, исчезает во мгле.
Неподвижно лишь солнце любви...
(Вл. Соловьев[1571])

Я знаю, что музыка больше слов, и не словами выразить и передать ее содержание. Но для того, кто способен к внутреннему, духовному созерцанию – слова не суть «пустые» и «простые» слова: они лишь знак над сокрытым кладом; они лишь огненные стрелы, светящие в глубину Предмета; они сами по себе поют и сияют, ибо в них укрыто Главное, и они им насыщены.

И если бы удалось найти такие слова, которые к тому же смолкали бы в миг начала музыки, – то они могли бы составить для нее нечто вроде достойного атриума[1572]... И, может быть, за эту оговорку музыка простит мне мою «словесную» статью.

И. А. Ильин

МУЗЫКА МЕТНЕРА

Метнер о своих воззрениях

(автентическое)[1573]

Написано еще в Москве

Набросок Н. К. Метнера.

Получен мною 3 апр./21 марта 1921.
В виде попытки полушуточно ответить на анкету.

1. – Если можно сочинять «для», то – и для себя и для слушателей. Я такой же слушатель, как и другие. Я лишь первым услышал ~~то~~ и зафиксировал то, что потом показываю другим.

В сущности же настоящее творчество не терпит предлога «для» – сочинять «для» других это звучит как будто автор представляет себе *лишь* то, что хотят услышать другие, и такое искусство всегда пошло; сочинять же для себя только может или бесчеловечный эгоист или же бездарность, посвящая себя лишь «праздной мысли раздраженью»[1574].

2. – Сочиняя, я и думаю и играю и пишу. Проделываю это и во время прогулки и за письменным столом и за ф.<орте> п.<иано>. Бывает, что даже и в ватер-клозете.

3. ⎫ Вопросы эти странны: творчество, исходной точкой
4. ⎭ которого является «сюжет», «программа», «образцы музык. литературы», «случайно попавшиеся звучности», «придуманные гармонические сочетания» и проч. – не может быть названо «Творчеством». Настоящее творчество это

явление, видение ***темы***. Явление это всегда неожиданно. Исследовать причины его вряд ли возможно. Явление это духовного порядка, а возможна ли анатомия духа?

Исходной же точкой ***процесса*** творческой *работы* всегда является именно это видение ***темы***. Темой же не может быть голый ритм, голая форма (вернее схема) и т. д. Настоящая *тема* всегда заключает в себе все элементы искусства.

5) Заключать свою «фантазию» «в рамки, предписываемые <«>теорией» и «обычаями», может только фантазер-дилетант или же бездарный человек, но никак не очевидец *темы*. Тема сама определяет свои рамки, сама предписывает себе известные законы и автор вовсе не волен распоряжаться ею по своему ~~у~~ (не говоря уже чужому) усмотрению.

6) Всякие бывают причины.

7) Тема настолько «искажается», «сморщивается» при проигрывании или записи[1575] настолько автор *не досмотрел* ее в ее первом явлении.

8) Существующая система связана с природой человеческого слуха и голоса, и если может меня не удовлетворять, то ровно столько же, сколько и человеческая шкура, из которой нам не дано вылезать.

9) То же самое.

10) Точнейшая запись желательна, но вряд ли осуществима. Предлагаемая запись[1576] «Poeme Erotique» Грига, желая быть точной в динамическом отношении, игнорирует во 1) педаль, 2) движение (темп и ритм) и наконец качество звука исполнителя, инструмента, акустики и т. д. Если так исполнить без педали или с плохой педалью, то будет гораздо хуже, чем по оригиналу. Записать же в точности ***все*** вряд ли возможно.

11) Я всегда стремился и стремлюсь в своей работе к непосредственности, простоте, независимости от *моды* и главное – к отсутствию личного произвола в отношении к *теме* – см. пункт *5*.

12) Исполнитель волен отходить от точности в исполнении напечатанного музык. текста ровно настолько, насколько он *не согласен* с автором. Раз же он с ним не согласен, то он его стало быть *не так* понял. Раз *не так* понял, стало быть не так уж и любит. А раз не так уж любит, то зачем же тогда исполнять-то?!!..

Исполнение же музыкальн. произведения без любви и понимания есть убийство и преступление.

P. S. Ответы на большинство дальнейших вопросов можно вывести из всего сказанного мною выше.

20) Абсолютным слухом хоть и обладаю, но не придаю ему другого значения, <кроме> как некоторого практического удобства...

21) Тональность разумеется имеет определенный характер выразительности, но определять ее терминами красок так же рискованно, как определять краски терминами запахов.

22) Скажите «чур меня» и перестанет казаться!

23) Смотри пункт 21. A-dur звучит всегда а-дурно. B-dur всегда – b-дур'но. А если сказать иначе, то выйдет просто дурно.

25) Хорошую музыку.

33) Школа и изучение теории всегда полезны, поскольку освещают имеющееся уже содержание (талант) ученика. Это содержание всегда подскажет ученику, чего ему не надо делать, и он инстинктивно отбросит от себя все лишнее, ненужное и вредное ему.

Для человека бездарного школа и изучение теории безусловно вредно, ибо освещает лишь пустоту его содержания.

И. А. Ильин

[Тезисы докладов на IV Академическом съезде в Белграде]

I. Основная задача академического преподавания

(Положения к докладу[1577])

Различие между пропедевтическим и академическим преподаванием. Академическое преподавание как преподавание *метода*, т. е. прежде всего непосредственного испытания и восприятия предмета. Метод как путь к предмету. Сведение или познание? Авторитет или чувство личной познавательной ответственности? Академия учит самостоятельно добывать познание; она прежде всего и больше всего воспитывает и укрепляет силу суждения; она передает умение самодеятельно обходиться с предметом. Чувство познавательной ответственности как центр академического воспитания. Укрепление познавательной совести. Всякое доказательство есть в конечном счете указание на предмет. Способность отдавать объем знания за его определительность и глубину. Идея лабораторного преподавания.

Метод – не схема, не штамп и не догма. Метод как опытно-индуктивное выстрадывание путей к предмету. Преемственность и совершенствование метода как главный источник культуры (во всех областях). Студент приобщился науке и академии лишь постольку, поскольку он научился методу. Школу создает только тот ученый, который (сознательно или бессознательно) преподает метод, демонстрируя студентам: сложность предмета; его восприятие; его дробление; свое бессилие и свои усилия; приемы и пути; поучительность ошибок и значение интуитивных догадок и т. д.

Преподавание метода как главное, творческое противоядие против полуобразованности. Полуобразованность как одна из

основных язв современной цивилизации. Основные черты и проявления полуобразованности. Ее роль в современном крушении России. Преподавание научного метода как одна из основных задач национальной культуры вообще и современной русской национальной культуры в особенности.

II. Проблема метода в исследовании правосознания

Правосознание как особый предмет изучения. Его нечувственная природа. Его субъективность. Его ценностная природа. Общая структура его акта.

Субъективно-эмпирическое правосознание. Его случайность; его обусловленность; его патология; его несущественность. Невозможность базироваться на его наивном описании.

Проблема нормального правосознания. Оно уже дано и еще задано. Его добывание; его укрепление; его восприятие; его аналитическое описание; синтез.

Основная аксиома: нормальное правосознание познаваемо лишь в ту меру, в какую оно вырабатывается и воспитывается в душе познающего.

Проблема правовой совести; возможна ли научная феноменология ее содержаний, ее акта и ее предпосылок?

Проблема нормального правосознания как основная проблема науки права: нормальное правосознание есть необходимое орудие для верного и существенного восприятия прав.

Патология правосознания и его жизненнно-правовые и научно-юридические последствия.

III. Къ постановкѣ вопроса о такъ называемой «новой орѳографіи»

Орѳографія есть проблема не школы, а *духа* и *языка*. Языкъ не только орудіе и хранилище, но и творческій источникъ и художественная самоцѣль національной духовной культуры. Языкъ есть живая, органическая и эстетическая «матерія» или риза національнаго духа, – міровоззрѣнія, познанія, общенія,

строительства и Богосозерцанія. Ущербъ, нанесенный языку, есть всегда ущербъ культурѣ и національному духу.

Посему въ вопросѣ о правописаніи существенное и рѣшающее значеніе должна имѣть именно содержательно-смысловая (т. е. духовно-культурная) сторона правописанія: связь его съ означиваемымъ, съ семемой; ибо фонема или морфема сами не самостоятельны и не самоцѣнны, а подчинены семемѣ[1578].

Высшій и послѣдній критерій для правилъ правописанія – не историко-генетическій, не фонетическій, не педагогическій, а *духовно-семейотическій*[1579]: орѳографія должна быть достаточно дифференцирована для адекватной передачи всей выработанной національно-духовной семемы, не только соблюдая наличную дифференцированность фонемы и морфемы, но исправляя наличные недостатки фонемы (разнописаніе омонимовъ).

Крушеніе такъ наз. «новой орѳографіи» съ точки зрѣнія этого главнаго критерія.

Содержательно-смысловыя пробоины и опустошенія, созданныя «новою орѳографіею» въ русскомъ языкѣ. Реакціонность, разрушительность и противокультурность ея.

Краткій разборъ аргументовъ: релятивистическаго; педагогическаго; упростительнаго; политическаго; формалистическаго.

КОММЕНТАРИИ

Основные принципы публикации

Все даты до февраля 1918 г., в том числе, например, и год рождения Н. К. Метнера (1879), указаны по юлианскому календарю (старому стилю). Орфография и пунктуация писем приведены к современным нормам, однако везде, где это видится необходимым для сбережения смысла текста, частично или полностью утрачивающегося при «переводе» на новую орфографию (самый простой пример: подпись «И.» могла бы означать «Иван» или же «Ильин», но «І.» есть очевидное «Іоаннъ») или же, например, для неповреждения «соли» шуток, сохраняются (почти всегда без издательских оговорок) орфографические особенности оригинала, вплоть до публикации отдельных писем целиком в старой орфографии (и Ильин, и Метнеры пользовались исключительно дореформенной орфографией). В частности, буква «ё» в переписке и приложениях используется в том и только том случае, когда она использована в оригинале публикуемого документа. Также мы старались, насколько возможно, сберечь оригинальную пунктуацию корреспондентов, исправляя лишь очевидные описки и промахи и изменяя знаки препинания лишь в тех случаях, когда оставление авторских повлекло бы более или менее серьёзное затруднение для читателя в восприятии текста (при этом исправления нами производятся лишь тогда, когда мы полностью уверены, что этим смысл текста не повреждается нисколько). Следует отметить, что и Ильин, и супруги Метнеры, даже по меркам своего времени (когда грамотность не была удивительной), были исключительно грамотны, так что орфографические ошибки (скорее, описки) встречаются в переписке крайне редко и в таковых случаях исправляются без оговорок. Однако же каждое исправление, кажущееся нам не очевидным, оговаривается

нами же в комментарии. Особенно частым является сохранение в переписке ***не***выделения запятыми вводных слов и т. п.: как нам кажется, такое выделение часто привело бы, пусть и к лёгкому, но всё же изменению смысла текста. Тем более что иногда таковые слова авторами всё-таки выделяются (а значит, пусть быть может и не всегда полностью осознанно, они заведомо различают обсуждаемые смыслы) и в таких случаях, конечно, пунктуационные выделения сохраняются. И во многом ином мы точно так же не стремились к искусственному единообразию, оставляя, например, даты (в самих текстах писем) в том виде, в котором они приведены авторами (или же в максимально близком к таковому; сохраняя, в частности, прописные буквы в названиях месяцев – разумеется, в том и только том случае, когда они имеют место в оригиналах), а также стараясь всегда сохранить точно написания «Вы» и «вы», «Ты» и «ты» во всех письмах (даже если, например, обычно всегда писавший «Ты» Ильину Н. К. Метнер допускал явную описку, случайно понижая букву до строчной, или т. п.). При этом написание таких слов, как, например, «граммофон» (встречающийся в переписке то с одной, то с двумя «м») всё же унифицируется нами, приводясь к современной норме, в отличие от всегда встречающихся одинаково, например, «извощика» или «Душеприкащика», всюду оставляемых нами в своей старинной форме. Также мы часто сохраняем характерные для эпохи особенности написания собственных имён или географических названий (Иннсбрук, Асунцион и т. п.).

Подчёркивания в письмах передаются курсивом, особенные выделения (например, двойные подчёркивания или разрядка) – полужирным или полужирным курсивом. Более сложные выделения авторами слов и частей своего текста описываются в комментариях. Как правило (если это не простые исправления авторами собственных промахов, хотя иногда и в таких случаях тоже), в тексте воспроизводятся и зачёркнутые авторами слова, и они передаются зачёркнутыми же. Здесь мы руководствовались следующим правилом: если зачёркнутый текст может быть прочтён без привлечения особой техники (т. е. нами), то он мог быть прочтён и адресатами писем, а потому и должен быть воспроизведён.

Корреспонденты, в особенности И. А. Ильин, очень часто используют в письмах ударения, причём в двух видах: «обычном» остром (например, о́) и почти утраченном в современном русском языке тупом (о̀). Едва ли, впрочем, за таким использованием скрывается нечто большее, чем просто удобство-привычка в написании ударения, однако мы стараемся в наст. томах сохранить и эти особенности писем в неприкосновенности.

Некоторую сложность представляет разделение текста на абзацы. В письмах И. А. Ильина, впрочем, затруднений нет никаких: все абзацы в них исключительно авторские, причём мы часто (если видели в этом важную особенность письма) старались сохранить и стиль самих абзацев: обычные они, с обыкновенной красной строкой-отступом, или же, напротив, с первой строкой, выступающей перед оставшимися. В письмах же Метнеров (особенно А. М. Метнер) разделение на абзацы (в тех случаях, когда конец абзаца и начало нового формально не очевидны) нередко принадлежит издателям. Во всех таких случаях мы исходили из соображений завершённости мысли и темы и удобства читателя.

Пояснения издателей, если они необходимо нужны в основном тексте или в цитатах, приводимых в комментариях, заключены в <угловые> или [прямые] скобки. Угловые или прямые скобки используются также для восстановления пропущенных авторами слов или слогов (необходимых по смыслу), в такие же скобки заключаются, всякий раз оговоренные, предположительные прочтения утраченных текстов, а также указания на слова, которые при подготовке текста не удалось разобрать, иногда вместе с предположительными их прочтениями. Также в подобные скобки заключаются восстановленные неочевидные сокращения. При этом очевидные сокращения оставлены в невосстановленном виде или же, для удобства читателя, восстанавливаются без скобок (издатели отдают себе отчёт, что этим нарушается некоторая аутентичность публикумых писем, – впрочем, именно в этом случае вполне мелочная, – и предпочитают всё же удобство читателя мнимой точности; они же, конечно, несут полную ответственность за все возможные неверные прочтения и восстановления вроде бы очевидных и однозначных сокращений, как и за все остальные, и неминуемые, погрешности настоящего издания).

Если не оговорено иное, переводы иноязычных текстов, в том числе поэтических, принадлежат редактору наст. издания (А. Ю. Лисице). Большей частью переводы вынесены в комментарии, но иногда (особенно в случае больших текстов) они сопровождают, как правило уменьшенным шрифтом, основной текст издания и в таком случае заключаются в [прямые скобки], после открывающейся из которых указано курсивом сокращение языка, с которого следует перевод (*нем.*, *фр.*, *ит.*, *англ.* и т. д.).

* * *

О ссылках на архивы и перекрёстных ссылках

Основной корпус переписки хранится в настоящее время (с 2006 г.) в Отделе редких книг и рукописей Фундаментальной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова (НБ МГУ; ОРК 27, Фонд № 47. Ильин Иван Александрович, 1883 – 1954); здесь и далее, по уже воспринятой в предыдущих томах настоящего издания традиции, он упоминается как *Архив*; при ссылках – с указанием текущего шифра хранения собрания документов, содержащего публикуемый документ, или же шифра хранения самого документа (но без указания единицы хранения, т. е. в точности так, как эти шифры указаны на портале Культура.РФ: https://www.culture.ru/catalog/archiv_ilina/, где можно найти фотокопии-сканы почти всех публикуемых документов из *Архива*).

При ссылках на Фонд Н. К. Метнера (Ф. 132) в архиве РНММ (ГЦММИ им. М. И. Глинки или Музея музыки, см. ниже комм. 7) всюду опускается номер поступления, один и тот же для почти всех публикуемых писем из Ф. 132 архива Музея музыки («Пост. 9842»), за исключением тех двух случаев, когда этот номер иной (причём лишь в одном из них письмо публикуется по архиву РНММ: во втором даётся лишь ссылка на копию письма, сделанную А. М. Метнер, а само письмо публикуется по своему оригиналу из *Архива*). При ссылках на Фонд А. Б. Гольденвейзера (Ф. 161) в том же архиве РНММ точно так же опускается единый для всех 8 публикуемых писем из этого фонда номер поступления (10 593).

Номера письмам присвоены издателями и (в идее) должны соответствовать порядку их написания. Однако часть дат известна (или определена нами) лишь приблизительно, так что здесь возможны перестановки, соответствующие будущим исследованиям. Нумерация не учитывает несомненно существовавшие (о них упоминают Ильин и Метнеры в других своих письмах), но не сохранившиеся или же, быть может, хранящиеся во в настоящее время неизвестных нам архивах письма.

При многочисленных перекрёстных ссылках на письма используется, как правило, лишь только эта нумерация (т. е. без указания даты письма), что, конечно, представляет как очевидные удобства (по краткости и лёгкости нахождения нужного письма), так и очевидные же неудобства (в случае неизбежных опечаток), за которые издатели заранее приносят читателю свои извинения. При перекрёстных ссылках на комментарии использована следующая система: «см. комм. 123», например, означает ссылку на комментарий 123 того же тома, в котором эта ссылка помещена. Если же, к примеру, указано «срв. комм. 35-987», то это означает, что читателю предлагается сравнить комментируемое место 34-го или 36-го тома наст. изд. с соотв. (987) комментарием 35-го тома.

Все помещённые в настоящее издание письма, кроме фрагментов писем И. А. Ильина с его стихотворениями, ранее публиковавшихся в *Ильин*, *т. 32* (см. далее список сокращений), писем № 41 и № 71, цитируемых в *Метнер. Письма*, и того же письма № 71, обширнее цитируемого во втором томе «Литературного наследия» С. В. Рахманинова (см. подробнее след. раздел), публикуются впервые.

* * *

Несколько слов о том, как и почему письма оказались в тех архивах, в которых они хранятся в настоящее время

Как уже сказано, самая значительная часть корпуса писем хранится в архиве И. А. Ильина (*Архиве*), тщательно собиравшемся им самим, сохранённом Н. Н. Ильиной, затем помещённом в библио-

теку Мичиганского Университета (точнее, Университета штата Мичиган: Michigan State University, East Lansing, Michigan, USA) и, наконец, в 2006 г. переданном в библиотеку Московского Университета (подробнее об истории *Архива* см.: *Лисица О. В.* «Собранное должно иметь одно назначение – ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ, единую и освобожденную...» К истории поступления архива И. А. Ильина в Научную библиотеку МГУ им. М. В. Ломоносова // *Ильин, т. 33*. С. 509–519).

Если попадание писем Н. К. и А. М. Метнеров в Архив не вызывает никаких вопросов, то письма самого И. А. Ильина оказались там, будучи возвращёнными ему Анной Михайловной после кончины супруга (см. ниже, в т. 36, её корреспонденцию с И. А. Ильиным 1952–1954 гг.). Сам Ильин довольно тщательно просмотрел всю переписку и распределил письма по своего рода «папкам», надписав своей рукой на каждой год (для своих писем) и «Письма от Метнеров за <такой-то> год» или т. п. (для писем Н. К. и А. М. Метнеров). Так же он поступил с «папками» писем от А. М. Метнер 1952 и 1953 гг. («папку» 1954 г. озаглавить он уже не успел). Однако некоторые письма *Архива* не попали в эти «папки» и хранятся в других его частях. Это некоторые из писем-стихотворений Ильина, собранных им в отдельную «папку», которую ***мы*** называем «*Собранием*» (см. список сокращений чуть ниже; часть «*Собрания*» встречается в основной переписке, но многое, в основной переписке утраченное, публикуется именно по ней; в том числе, и самое первое – № 1 – письмо); также журнал «Идиотика-Обормотика» и ещё одно письмо, отложенное Ильиным в собиравшиеся им материалы о Метнере или же просто выложенное из своей «папки» и так и затерявшееся в других материалах.

Обратим внимание читателя, что среди писем до 1922 г., т. е. до года высылки Ильина из России, лишь одно (а именно упомянутое первое) хранится в *Архиве*, и притом оно присутствует лишь в «*Собрании*». Очевидно, оригинал этого письма был утрачен и в «*Собрании*» это письмо № 1 появилось, лишь будучи записанным Ильиным спустя годы по памяти (он помнил наизусть и стихотворно-музыкальный ответ Метнера, письмо № 2–2а, как это видно из позднейшего № 214). Остальные же письма до высылки, кроме также лишь

одного, обнаруженного в архиве Альфреда Свана в Университете Вирджинии (США), хранятся ныне в архиве Российского национального музея музыки, и с этими письмами связан ряд несомненных загадок, часть из которых мы попытаемся сейчас осветить и хотя бы частично разъяснить.

Совершенно нет сомнений, что И. А. Ильин считал все эти письма если не погибшими (срв. упомянутое письмо № 214), то погибающими в России. Едва ли и Метнеры взяли их с собой за границу (если было так, то они при этом напрочь о том забыли): повторимся (см. вступ. статью), они не думали в 1921 г., что уезжают из России навсегда. Едва ли также они обнаружили их и увезли в 1927 г. во время своей поездки в СССР – в противном случае через 5 лет Ильин не мог бы писать о погибели «Цыдули». На некоторых письмах Н. К. и А. М. Метнеров остались следы позднейшего просмотра их Ильиным, уточняющие датировки, что говорит о начале собирания и разбора им собственного архива ещё до революции (при этом нет следов просмотра им собственных писем, которые, впрочем, и не должны были храниться у него самого, так что, по всей видимости, написав и отправив, он их больше никогда не видел).

Выскажем предположение, что ещё задолго до своей высылки и даже до выселения Метнеров из их московской квартиры с «переездом» на дачу Трояновских в Бугры, Ильин, опасаясь ареста и изъятия у него бумаг, а также, быть может, боясь скомпрометировать Метнеров перед большевицкими властями наличием у него их писем, отдал их все Метнерам, причём, что называется, на месте просмотрев их (тогда, в 1918 – начале 1919 г., писем было не так много) и проставив кое-какие датировочные пометки. Затем эти письма, с приложенными к ним ильинскими, должны были остаться в Москве – например (и даже скорее всего, если всё это предположение верно), у племянницы Н. К. Метнера Веры Карловны Тарасовой (1897–1985), причём они могли ею вовсе «не трогаться», как «чужие письма», и сохраняться в неприкосновенности вплоть до репатриации в СССР Анны Михайловны в конце 1950-х гг., передавшей в Музей музыки по возвращении в Россию, в три приёма, архив своего супруга, так что она вполне могла к хранившемуся ею самой добавить и то, что могла сохранять у себя В. К. Тарасова

и передать ей по её возвращении. Однако уже упомянутый выше номер поступления документов в фонд Н. К. Метнера (9842) указывает на то, что подавляющее большинство писем (все, кроме двух, как указано выше; в том числе, и письма И. А. Ильина А. М. Метнер 1952–1954 гг.) были переданы в Музей музыки именно Верой Карловной, причём в 1978 г., то есть через 13 лет после кончины А. М. Метнер. Другими словами, Анна Михайловна не передавала сама в архив Музея музыки свои и Н. К. Метнера письма Ильину и Ильина к ней и её супругу (кроме двух писем Н. К. Метнера, одно из которых является лишь сделанной ею копией), причём среди непереданных ею писем имеются как заведомо хранившиеся у неё (все письма, написанные после 1922 г., о них речь в след. абзаце), так и те, о многолетнем хранителе которых вопрос остаётся открытым, а также о том – успела ли Анна Михайловна вообще узнать, что эти письма сохранились.

Те письма (после 1922 г.), что также оказались в архиве Музея музыки (их тоже сравнительно немного), попали туда по более легко объясняемым причинам: это или более или менее случайные короткие письма и открытки Ильина, просто затерявшиеся в большом архиве Анны Михайловны в то время, когда основную часть писем она возвращала Ильину, или же, напротив, особенно важные письма (в обе стороны), которые откладывались к матералам для работ о Н. К. Метнере, в частности для таковой работы Альфреда Свана (этим, кстати говоря, объясняется и наличие – очень небольшого, впрочем, числа – всего трёх: двух И. А. Ильина и одного Н. Н. Ильиной, – писем в *его* архиве: Alfred J. Swan Collection [Box 1, folder 1920–1926], Albert and Shirley Small Special Collections Library, University of Virginia). Наконец, и письма И. А. Ильина А. М. Метнер 1952–1954 гг. совершенно объяснимо оказались именно в архиве Музея музыки (ответные письма хранятся, как им и должно, в *Архиве*).

Однако вернёмся к письмам из архива Музея музыки (Ф. 132), написанным до высылки Ильина из России. Как уже сказано, в архив Музея они поступили в 1978 г., однако некоторые или же все они были известны исследовательнице творчества Н. К. Метнера Заруи Апетовне Апетян (1910–1990), издателю сборника писем

Н. К. Метнера (см. ниже список сокращений), опубликованного в 1973 году. Едва ли, впрочем, З. А. Апетян знала обо всех этих письмах, ибо едва ли же «пропустила» бы мимо глаз «Цыдулю» (письмо № 2–2а), готовя к изданию указанный сборник. В архиве Музея музыки (Ф. 132, №№ 5215–5224) имеются 7 машинописных копий с её редакторской правкой писем Метнера Ильину (это копии писем №№ 6, 7, 12, 26, 29–30, 39 и 41 наст. изд.) и 3 рукописных копии (2 из них с купюрами) писем Ильина Метнеру (копии писем №№ 31, 38 и 40 наст. изд.). Все эти копии датированы (в каталоге) 1970 годом, и нет никаких сомнений, что машинописные, т. е. письма Н. К. Метнера, готовились З. А. Апетян для помещения в указанный сборник 1973 года, а рукописные (т. е. письма Ильина) – для цитирования их в комментариях. Столь же несомненно отсюда следует, что В. К. Тарасова, предоставив возможность З. А. Апетян снять копии с писем, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. ещё не была готова передать оригиналы их в архив Музея. Её осторожность могла быть вызвана и опасением за судьбу ильинских писем, впоследствии очевидно (если, повторимся, она имела место) преодолённую. Ни одно из упомянутых 7 писем Метнера Ильину, подготовленных к печати (не говоря уж о 3 письмах Ильина), в сборник в итоге не попало (одно из них, № 41, впрочем, в нём цитируется), однако И. А. и Н. Н. Ильины упоминаются в опубликованных письмах сборника (и комментариях к ним) около 20 раз (см. именной указатель к сборнику).

Затруднительно сказать, по идеологическим ли причинам письма Ильину и Ильина были исключены из сборника, ибо в похожем, но гораздо более полном, трёхтомном, собрании писем и иного литературного наследия С. В. Рахманинова, подготовленном той же З. А. Апетян, правда несколько позже (*Рахманинов С. В.* Литературное наследие. В трех томах. – М.: Советский композитор, т. 1 – 1978, тт. 2 и 3 – 1980 гг.), в первом томе во вступительной статье (С. 37) Ильин упоминается среди «наиболее известных» людей, которым С. В. Рахманинов оказал помощь (в статье об этом не упомянуто, но речь, конечно, о внесённом Рахманиновым за Ильиных залоге, необходимом для невыдворения их из Швецарии, куда они бежали в 1938 г., обратно в Германию). Во втором же томе (С. 449) цитирует-

ся (по копии, сделанной А. М. Метнер и хранящейся в архиве Музея музыки) «флорентийское» письмо Н. К. Метнера И. А. Ильину от апреля 1924 г. (№ 71 наст. изд.). Наконец, в третьем томе опубликованы два письма С. В. Рахманинова И. А. Ильину: от 10 января 1939 г. – письмо № 1138 (С. 141) и написанное между 27 марта и 10 апреля 1939 г. – письмо № 1149 (С. 148). В обширном комментарии З. А. Апетян к первому из этих писем Рахманинова (С. 324–325) достаточно подробно и точно рассказано об упомянутом залоге, а также цитируются четыре письма И. А. Ильина С. В. Рахманинову и одно его же – Н. А. Рахманиновой (см. эти письма полностью в *Ильин*, *т. 13*. С. 335–336, 360–363, 364–366, 367–368 и *Ильин*, *т. 14*. С. 15–16). Для полноты рассказа заметим, что сборник литературного наследия С. В. Рахманинова содержит не все письма С. В. Рахманинова И. А. Ильину; в частности, в нём отсутствует письмо от 26 декабря 1928 г., приведённое в комментариях к *Ильин*, *т. 13* (см. С. 567–568; там же см. и указания ещё о двух письмах Рахманинова Ильину: от 11 июля 1925 г. и 13 мая 1927 г.).

Но самую большу́ю, быть может, загадку представляют 7 ещё дореволюционных писем И. А. Ильина (5 – Н. К. Метнеру и 2 – А. М. Метнер), обнаруживающиеся в фонде А. Б. Гольденвейзера (Ф. 161) в архиве РНММ, вместе с ещё 1 письмом И. А. Ильина А. Б. Гольденвейзеру (которое мы публикуем в приложении). Их (все 8) также объединяет единый номер поступления (10593), но, когда бы они ни появились в архиве Музея музыки, ясно, что поступление 7 первых в архив лишь косвенно могло быть связано с В. К. Тарасовой и, тем более, с А. М. Метнер (в противном случае они оказались бы в фонде Н. К. Метнера). Нам видится, что само наличие этих писем у А. Б. Гольденвейзера свидетельствует о верности первоначального нашего предположения о том, что Ильин сам отдал Метнерам их письма ему, опасаясь скомпрометировать их перед властями (в случае обнаружения этих писем у него во время обыска). Ведь точно так же и Метнеры могли в опасении обыска у себя отдать на сохранение (или на время) свою переписку с Ильиным А. Б. Гольденвейзеру, в надежде, что он едва ли подвергнется чему-либо подобному (или же кто-то из их родственников Метнеров мог сделать подобное после их отъезда в 1921 г. за границу, увели-

чившего, вообще говоря, для родственников риск обыска, особенно в 30-е гг.). Не видится невероятной и такая версия: вообще вся или почти вся доэмигрантская переписка Ильина и Метнеров хранилась у А. Б. Гольденвейзера и лишь после его кончины в 1961 г. бóльшая часть писем была обнаружена кем-то из его наследников и передана Анне Михайловне или Вере Карловне как наследникам Николая Карловича, но при этом 7 писем по каким бы то ни было причинам были или не замечены наследниками Александра Борисовича, или сохранены ими временно у себя (здесь, должно быть, стóит заметить, что в Ф. 161 за тем же номером поступления хранятся и несколько, точнее 8, писем Э. К. Метнера Н. К. Метнеру, что как будто свидетельствует против последней нашей версии, но одновременно поддерживает первую).

Впрочем, каким бы ни оказался на деле путь этих писем в архив, само их наличие в нём заставляет надеяться, что и сочтённые нами утраченными письма (хотя бы некоторые из них) могут отыскаться в, быть может, совершенно неожиданных местах.

* * *

О датировках писем

Большинство публикуемых писем были изначально датированы их авторами, и эти датировки очень редко оказываются ошибочными (мелкие ошибки встречаются изредка в обозначении года в первые дни января – весьма распространённая ошибка – или же в римском обозначении месяца и т. п.), но в значительной их части изначальная дата отсутствует. Ильин, просматривая и архивируя письма, проставлял даты, иногда затрудняясь определить, когда именно написано то или иное письмо (эти позднейшие пометки в подавляющем числе случаев совершенно ясно отличаются от исходных: на метнеровских письмах они явны тем, что оставлены рукой Ильина, на ильинских же обычен иной характер его почерка, а то и вовсе иное орудие письма – карандаш вместо чернил, чернила вместо карандаша, цветной карандаш и т. п.). Отсюда, иногда значительные – в несколько лет – ошибки этих позднейших его датировок. Ниже все такие за-

меченные случаи (конечно, мы могли иногда спутать позднейшую датировочную пометку с исходной или исходную с позднейшей, но надеемся, впрочем, что не сделали такого ни разу) разбираются с максимальной подробностью в комментариях, и, нередко довольно точно, устанавливаются истинные даты писем. В содержании-оглавлении томов наст. издания, служащем одновременно полным каталогом публикуемых писем, все предполагаемые даты (или части дат) выделены курсивом. Подчеркнём: курсивом выделяются только те даты, в точности которых у нас есть хотя бы минимальные сомнения. Точно так же курсивом в оглавлениях выделены предположительные места написания писем (что, в частности, означает, что, даже если место написания письма никак в самом письме не указано, но в нём нет никаких сомнений, оно курсивом не выделяется).

Конечно, в установлении как точных датировок, так и мест написания писем, решающее значение могли бы иметь конверты, в которых отсылались письма. Однако они сохранились лишь в единичных случаях, и в таковых тексты их надписаний публикуются полностью, за исключением тождественных повторений, оговариваемых в подобных ситуациях в комментариях. В комментариях же всегда описываются штемпели на конвертах и прочие встречающиеся на них пометки. Точно так же описываются надписания адресов и адресатов на открытках (открытых письмах), равно как и штемпели на них.

Лисица А. Ю.

* * *

Список сокращений часто цитируемых документов и изданий

Архив – НБ МГУ; ОРК 27. Фонд № 47. Ильин Иван Александрович (1883–1954).

Возрождение – Газета «Возрождение». – Париж, 1925 – 1940.

«*Собрание*» – [Собрание стихотворений И. А. Ильина, озаглавленное им] «Из писем к Н. К. Метнеру» (*Архив*, 001 – 0608).

Метнер. Материалы – Н. К. Метнер. Воспоминания, статьи, материалы / Составитель-редактор *З. А. Апетян.* – М.: Советский композитор, 1981.

Метнер. Письма – Метнер Н. К. Письма / Комментарии и вступ. статья. *З. А. Апетян.* – М.: Советский композитор, 1973.

Ильин, *т. 1 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 1. – М.: Русская книга, 1993.

Ильин, *т. 2*, *кн. 1 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 2. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1993.

Ильин, *т. 2*, *кн. 2 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 2. Кн. 2. – М.: Русская книга, 1994.

Ильин, *т. 3 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994.

Ильин, *т. 4 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 4. – М.: Русская книга, 1994.

Ильин, *т. 5 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 5. – М.: Русская книга, 1996.

Ильин, *т. 6*, *кн. 1 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1996.

Ильин, т. 6, *кн. 2 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2. – М.: Русская книга, 1996.

Ильин, *т. 6*, *кн. 3 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 3. – М.: Русская книга, 1997.

Ильин, *т. 7 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 7. – М.: Русская книга, 1998.

Ильин, *т. 8 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 8. – М.: Русская книга, 1998.

Ильин, *т. 9–10 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. Т. 9–10. – М.: Русская книга, 1999.

Ильин, *т. 13 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. [Т. 13.] Дневник, письма, документы (1903–1938). – М.: Русская книга, 1999.

Ильин, *т. 14 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999.

Ильин, *т. 15 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. [Т. 15.] Переписка двух Иванов (1927–1934). – М.: Русская книга, 2000.

Ильин, т. 16 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 16.] Переписка двух Иванов (1935–1946). – М.: Русская книга, 2000.

Ильин, т. 17 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 17.] Переписка двух Иванов (1947–1950). – М.: Русская книга, 2000.

Ильин, т. 18 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 18.] Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906–1954). – М.: Русская книга, 2001.

Ильин, т. 19 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 19.] Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней. – М.: Русская книга, 2001.

Ильин, т. 20 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 20.] Мир перед пропастью. Части I и II. – М.: Русская книга, 2001.

Ильин, т. 21 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 21.] Мир перед пропастью. Часть III. Аналитические записки и публицистика (1928–1954). – М.: Русская книга, 2001.

Ильин, т. 22 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 22.] Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том I. Учение о Боге. – М.: Русская книга, 2002.

Ильин, т. 23 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 23.] Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том II. Учение о человеке. – М.: Русская книга, 2002.

Ильин, т. 24 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 24.] Аксиомы религиозного опыта. Том I. – М.: Русская книга, 2002.

Ильин, т. 25 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 25.] Аксиомы религиозного опыта. Том II. – М.: Русская книга, 2003.

Ильин, т. 26 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 26.] Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. – М.: Русская книга, 2004.

Ильин, т. 27 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 27.] Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947 годов. – М.: ПСТГУ, 2006.

Ильин, т. 28 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 28.] Русский Колокол: Журнал волевой идеи. – М.: ПСТГУ, 2008.

Ильин, т. 29 – Ильин И. А. Собрание сочинений. [Т. 29.] Философия как духовное делание. – М.: ПСТГУ, 2013.

Ильин, *т. 30 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. [Т. 30.] Немецкий идеализм. История этических учений. История древней философии. – М.: ПСТГУ, 2015.

Ильин, *т. 31 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. [Т. 31.] Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. – М.: Институт Наследия, 2019.

Ильин, *т. 32 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. [Т. 32.] О возрождении и обновлении России (части первая и вторая). – М.: Институт Наследия, 2021.

Ильин, *т. 33 – Ильин И. А.* Собрание сочинений. [Т. 33.] О возрождении и обновлении России (часть третья). – М.: Институт Наследия, 2021.

* * *

Комментарии

[1] Само письмо, по всей видимости, не сохранилось, и содержало ли оно что-либо, помимо публикуемого стихотворения, неясно. Стихотворение печатается по составленному самим Ильиным собранию (далее цитируется как «*Собрание*») своих стихотворений, озаглавленному им «Из писем к Н. К. Метнеру» (см. *Архив*, 001 – 0608), где оно приведено дважды: в открывающем это собрание рукописном (рукой Ильина) и следующем тут же за ним машинописном вариантах, отличающихся друг от друга пунктуацией (в машинописном варианте, например, многие знаки препинания заменены на многоточия), написанием, оба раза, «Барон» с прописной буквы, заменой «PS.» на «Пост Скриптум:» и др. мелочами. Здесь (как и в *Ильин, т. 32*, где опубликованы все известные нам к настоящему времени стихотворения Ильина на русском языке; см. С. 460–461) воспроизводится текст рукописи, с коррекциями по машинописи (и исправлением погрешности, вкравшейся в первое издание: восстановлен непонятый нами при его подготовке рифмованный перенос в постскриптуме: «Кланялась Ма- \\ трешка кума»). Рукопись, судя по характеру почерка Ильина, относится уже к эмигрантским годам, то есть перед нами заведомо не оригинал письма. В левом

верхнем углу наискось синим карандашом рукой Ильина (ещё более поздним его почерком) надпись: «переп.». Такой же надписью и точно так же слева вверху помечен ряд последующих стихотворений указанного «*Собрания*», причём помечены только рукописи (но не все, однако для всех так помеченных имеется и машинопись). Надпись с какого-то момента приводится полно: «переписано», т. е. переписано на пишущей машинке.

В тот же день (отметим, что 26 марта 1915 г. было четвергом Светлой недели и следующим днём за праздником Благовещения Пресвятой Богородицы) Метнер от имени барона Пузенкампфа отозвался на это стихотворение следующим далее письмом (№ 2–2а). Скорее всего, именно из-за лёгкости соотнесения с праздником Благовещения Ильин так точно помнил дату своего соболезнования (см. след. комм.) Метнеру: далеко не во всех стихотворениях ильинского «*Собрания*» проставлены точные даты (всего в 3–4 случаях, и один из них – именно 25 марта / 7 апреля, но 1932 г., причём, см. ниже письмо № 221, стихи вновь восстанавливаются Ильиным по памяти и дата явно вновь же установлена им по её связи с Благовещением).

[2] *Condoléance* (*фр.*) – соболезнование. Подзаголовок «Кондолеанс» имеется только в рукописи, в машинописи он заменён на поставленное в скобки «Письмо Н. К. Метнеру».

[3] Что это за салон, выясняется из письма № 3 (см. комм. 14).

[4] Krampf (*нем.*) – спазм, Kampf – борьба. Примечательно, что в рукописном варианте (см. комм. 1), в отличие от машинописного, оба эти слова в «русской транскрипции» написаны без буквы «п» и, по-видимому, с прописными «К», как, собственно, мы и воспроизводим (в машинописи – «крампф» и «кампф» соответственно).

[5] *Фр*. canapé может означать небольшие бутерброды круглой формы или же жёсткий диван-скамью с высокой спинкой. Здесь, скорее (раз чуть выше в стихотворении упоминается кровать), имеет место первый вариант, хотя последний отнюдь не исключён.

[6] В машинописи, в отличие от рукописи, буквы «т», с которой начинается эта строка, и «к», в следующем «кума», прописные. Очень вероятно, что под «Матрешка кума» обозначена (см. о ней ниже в комм. 14) Маргарита («Ма-» = Маргарита) Кирилловна Морозова, хозяйка «нашего салона».

[7] Российский национальный музей музыки (ранее – Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глин-

ки, ГЦММИ; далее упоминается как РНММ, Музей музыки или Музей Глинки). Ф. 132, № 4727. Публикуется, для большей аутентичности и отчасти по необходимости, в старой орфографии.

Как следует из письма Ильина Метнеру от 27 марта 1932 г. (опубликовано ниже за № 214), Ильин, помня наизусть как стихотворение Метнера, так и написанную к нему Метнером короткую музыкальную пьесу «Цыдуля», считал её ноты погибающими в России: «Милый Коля! 28 марта, т. е. 10 апреля, *мое рожденье*! И ты мне подари подарок! Пож-ж-жалуйста! Ради Бога! Восстанови мне *Цыдулю*!! Она погибает *там* и я боюсь, что погибнет. А словесный текст – я прилагаю». Приложенная к письму (№ 214) страничка содержит указанное стихотворение, озаглавленное как «Цыдуля», с припиской у заглавия рукой Ильина: «соч. Н. К. Метнера» и с опущением метнеровского заглавия-посвящения («*Г-ну* Проферту фонъ деръ Остерцунге») и обоих его примечаний, с незначительно изменённой пунктуацией и с заменой слова «свой» на «мой» (в письме № 214 воспроизведён именно ильинский вариант). Ильин приписал в скобках: «музыка осталась в России». «Цыдульная музыка» «выскочила» у Метнера «из головы» (срв. письмо Метнера Ильину от 5 апреля 1932 г.; № 219), хотя он смог всё-таки припомнить её начало (срв. письмо № 223 от 8 апреля). См. также письмо Ильина Метнеру (№ 218), написанное в начале апреля 1932 г.: «"Цыдулю" для музыкальной реставрации я бы мог тебе *напеть*, но нотно записать не могу – "обиняк боится угваздаться"».

Несмотря на опасения Ильина, музыка «Цыдули» всё же обнаружилась среди сравнительно небольшого числа писем Метнера Ильину и Ильина Метнеру, имеющихся в обширном архиве Н. К. Метнера, хранящемся в Музее Глинки в Москве (РНММ. Ф. 132). Она оказалась среди писем, переданных в архив Музея племянницей композитора Верой Карловной Тарасовой (см. комм. 138) в 1978 г. (все они имеют один и тот же номер поступления: «Пост. 9842», при ссылках опускаемый нами; отметим для полноты, что Вера Карловна передала в Музей Глинки и многие другие материалы, связанные с Н. К. Метнером).

Согласно ремарке Метнера на листе с нотами, текст письма был отдельно от нот (записанных с обеих сторон на части стандартного – марки «№ 21 (I). П. Юргенсон в Москве» – плотного листа нотной бумаги) отправлен накануне почтой. Если счесть дату (26-го

марта 1915), проставленную на публикуемом листке с текстом, датой написания письма, то музыка, таким образом, точно датируется 27-м марта.

Сокращение в посвящении «Гр. Пр.» обращённого к Ильину сочинения на первый взгляд совершенно непонятно: если «Пр.» есть «Проферту», то тогда «Гр.» есть как будто бы «Граф». Или же «Гр.» может показаться сокращением от *англ.* great или *нем.* groß, т. е. большой, и тогда «Гр. Пр.» означает «Большому» («Великому») «Проферту», однако все подобные гипотезы неверны, что становится ясно из сопоставления с написанным спустя многие годы письмом № 509 (срв. комм. 36-19): «Гр. Пр. и его единомышленники», которым якобы «посвящена» «Цыдуля», – это критик Григорий Прокофьев и единомысленные с ним критики Метнера.

По всей видимости, «Цыдуля» (цыдуля или цидуля, также цыдула или цыдулка, *польск*. cedula, *совр*. *укр.* цидуля, цидулка, – то же – срв., напр., толковый словарь В. И. Даля, – что и письмо, писанье, послание, записка; преимущественно короткие, так что не неверно «перевести» это слово и как, например, «писулька»), эта замечательная музыкальная пьеса-шутка Н. К. Метнера для голоса с фортепиано на собственный текст, до последнего времени, судя по всему, не была известна даже специалистам (с начала 1990-х гг. с ней в архиве Музея Глинки, как свидетельствует её учётная карточка, ознакомились всего 8 человек, вторым из которых был составитель наст. Собрания сочинений Ю. Т. Лисица), равно как и исполнителям музыки Н. Метнера. При подготовке в 2020–2021 гг. к изданию 32-го тома Собрания сочинений И. А. Ильина, где (в комм. 340; *Ильин, т. 32.* С. 664) её текст был опубликован впервые, а на вкладке с иллюстрациями перед стр. 417 были, также впервые, опубликованы и ноты (в виде фото комментируемого документа), редактору 31–36 тт. Собрания сочинений не удалось найти ни одного упоминания о ней в печатных и аудио (CD, виниловые пластинки, цифровые платформы) изданиях, в том числе и ни в одном из списков музыкальных сочинений Н. К. Метнера, включая, по-видимому, самые полные из них: опубликованный в монографии *Flamm Ch.* Der russische Komponist Nicolaj Metner: Studien und Materialien. – Berlin: Verlag Ernst Kuhn, 1995; и электронный каталог на очень полном и содержательном британском сайте, посвящённом Н. К. Метнеру (https://www.medtner.org.uk/works.html).

Объяснимо нет «Цыдули» и в изданном до 1978 г. (в 1959–1963 гг.) в Москве Государственным музыкальным издательством «Собрании [музыкальных] сочинений» Н. К. Метнера в 12 томах.

В феврале 2020 г. автор этих строк (*А. Л.*) обратился к солисту московского Большого театра Владимиру Байкову с предложением исполнить эту метнеровскую шутку, которое было им любезно принято, так что 7 января 2022 года, рождественским вечером, в рыбинском Музее фортепиано состоялось премьерное в новейшее время (смутное указание на возможное исполнение её в год создания можно вычитать из публикуемого ниже письма № 3, см. комм. 14) исполнение «Цыдули», осуществлённое Владимиром Байковым, аккомпанемент – Марина Белашук (запись: https://youtu.be/FvNSFIEoQjs). Следует заметить, что премьера первоначально была назначена на октябрь 2021 г. и должна была состояться в Московской консерватории, однако из-за очередной волны коронавируса и устрожившихся ограничений концерт был отменён.

[8] Проферт (видимо, от *англ.* profert) – скорее всего, человек, делающий нечто известным; демонстрирующий (в суде) доказательства: Метнер, судя по всему, намекает этим, что своим письмом-стихотворением Ильин обнаружил перед «всем нашим салоном» его недомогание. Впрочем (см. ниже письмо № 3), слово «проферт» может означать не более чем учёного, преподавателя (от имеющего тот же латинский корень «профессора»).

[9] Ostern (*нем.*) – Пасха, но см. чуть выше примечание Н. Метнера. Zunge (*нем.*) – язык, речь; также – остряк.

[10] Эстомáк, стомáх (*фр*. estomac, от *др.-греч.* στόμαχος) – желудок, утроба (живот). Возможно, указанное во втором примечании Н. Метнером «вольное произношение» означает, что можно произносить и «эстома», на французский манер, и «эстомак», и «эстомах», приближаясь к древнегреческому оригиналу, хорошо известному каждому знатоку церковнославянского текста Первого послания апостола Павла к Тимофею (1 Тим. 5, 23): «... но мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов», – который иные церковные острословы превращают в прибаутку, извиняющую выпивку.

[11] Срв. ниже комм. 131. Здесь и всюду далее набор нот осуществлён доцентом Московской консерватории Е. В. Ивановой.

[12] Opusculum (*лат.*) – небольшое литературное или музыкальное произведение, небольшой труд, вещица. Двойное подчёркивание Метнером pus в этом слове может намекать на то, что, собственно, с ним случилось: pus (*лат.*) – гной, сукровица. Другое значение pus – язвительная речь – впрочем, тоже не совсем исключено, однако речь стихотворения более шутливо-ироничная, чем язвительная, да и «стул... в порядке» делает более вероятным именно первое предположение. Придание Метнером номера 1 своему опускулуму также является очевидной шуткой: opusculum 2 в переписке, как и вообще среди сочинений Н. К. Метнера, не обнаруживается, хотя это словечко, opusculum, наряду с прозвищами Остерцунге и Пузенкампф, стало обиходным в переписке и встречается ниже не один раз. Впрочем, в письме № 29 (от 18–19 июня 1916 г.) Метнер использует его, при всей сохранённой ироничности, очень серьёзно, возведя «опузкулы» в ранг своего рода теории.

[13] О «пузьем крёхте» далее в переписке (нередко вполне серьёзно) будет не раз говориться (срв. и след. комм., напр.); нотное же указание pussando есть очевидный неологизм Метнера, получающийся, по-видимому, соединением *ит*. bussando, т. е. постукивая, стуча и т. п., и *рус*. пузо. Переводы остальных указаний: moderato assai, molto lirico e espressivo (здесь и далее – *ит.*) – весьма умеренно, очень лирично и выразительно; odoroso – ароматно, душисто, благоуханно; espressivo il basso – выразительно низко; maestoso – величественно, торжественно; allargando – замедляя, расширяя; tenebroso – мрачно; molto crescendo – очень растуще (имеется в виду быстро возрастающее, крутое в прямом смысле, крещендо). Следует, должно быть, отметить и то, что перед нами характернейшая черта почерка Метнера-композитора: многочисленные указания-пометки в нотах, причём часто весьма особенного вида, рассыпанные по всему сочинению.

[14] РНММ. Ф. 132, № 4776. Письмо несомненно прямо связано с двумя предыдущими, и для сохранения аутентичности этой ильинской псевдостилизации под полуграмотный полуцерковнославянский язык оно публикуется со всеми орфографическими и пунктуационными особенностями оригинала (единственная, явно лишь по недосмотру, пропущенная запятая восстановлена в квадратных скобках и также в такие же скобки помещены тире, слово «больше» и приставка «по», на ***наш*** взгляд необходимые для лучшего понимания смысла этого нарочито безграмотного текста).

Действительно, «притворничать» – несомненный намёк на возможную притворность «эстомакного» недуга Метнера; «распускная выступка словесная» – возможно, именно «Цыдуля», которой Метнер «откланивал» многие «вопрошания» о своём здоровье, но быть может и даже скорее – неизвестное нам письменное сообщение Метнера, извещающее об отмене им концерта и как бы распускающее салон; «ко стѣнѣ Іерихонстѣй задоприпирается» – по-видимому, намёк, с одной стороны, вновь на недуг Метнера, а с другой – на то, что, несмотря на всю мощь Иерихонских стен (сопротивления Метнера приглашению в «наш салон»), они неминуемо должны пасть (срв. Ис. Нав. 6, 1–19), т. е. Метнер должен наконец посетить салон (тут возможен и намёк на многократность приглашений, подобно семикратному обхождению израильтян вокруг Иерихона с ковчегом завета); «купецкая вдовйца, Моргоритою дразнимая» – очевидно, хозяйка салона, известного московского литературно-музыкального салона, Маргарита Кирилловна Морозова (в девичестве Мамонтова, 1873–1958), меценатка, вдова промышленника Михаила Абрамовича Морозова (1870–1903), одна из учредителей московского Религиозно-философского общества и, после смерти супруга, директор (одна из нескольких директоров) Русского музыкального общества. М. К. Морозова оставила интереснейшие воспоминания, где есть отдельная обширная глава, посвящённая Метнерам (ссылку см. чуть ниже в наст. комм.). Здесь же отметим, что «богоданная сродственница и мамушка Анна» – это супруга Н. К. Метнера Анна Михайловна Метнер (урожд. Братенши, 1877–1965); а «письмописьцевая супружница» – Наталия Николаевна Ильина (урожд. Вокач, 1882–1963), супруга И. А. Ильина. Также «резервъ и отклоненіе, ежели подло» означает, скорее всего, просьбу о переносе вечера («резервъ»), если Метнер никак не может быть («ежели подло»).

Далее, в «Поелику оный охотный слухарь на оризонтѣ Вашего бытія выпухъ, Евгеніемъ сыномъ Трубецкимъ имянуемый...», очевидно, идёт речь о том, что философ князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), любитель музыки и исполнительства Метнера или же просто меломан («охотный слухарь»), также изъявил желание побывать («на оризонтѣ Вашего бытія выпухъ») на салонном концерте («громкій дебошъ... руками плесканіе, ногами топтаніе, волосъ воздыманіе, пузій крёхтъ»; по поводу «пузьего

крёхта» см. также письма №№ 2а, 11 и, в особенности 308, где указывается, что пузьим крёхтом друзья называли «постоянный напряженный *творческих выдых* за инструментом» Метнера-исполнителя, а также № 317), причём аудитория обещает быть большей («окромѣ того князька акустика состаиваться имѣтъ», то есть имеет состояться). Наконец, «кимвалъ продавливать въ соприсутствіи» означает, скорее всего, аплодисменты публики (кимвалы – древний ударный инструмент, предшественник современных тарелок, так что «продавить» его никак нельзя, но ладони «продавливать» от аплодирования вполне можно). При этом, если высказанное предположение справедливо, «безъ обману, какъ надлежитъ, уговорено, что бы кимвалъ продавливать въ соприсутствіи» может быть намеренным юмористическим противоречием: с одной стороны, аплодисменты «безъ обману, какъ надлежитъ», то есть искренние, как полагается, без обмана; а с другой – «уговорено, что бы кимвалъ продавливать въ соприсутствіи» не может не намекать на известное т. н. клакерство, то есть заранее организованную поддержку исполнителя, как бы плохо или хорошо он ни выступил. Впрочем, противоречия может и не быть: Ильин может иметь в виду, что, раз обещал клакерствовать, то уж не обманет. Однако в начале письма, в обращении, слово «кимвал» употреблено явно не более как синоним музыкального инструмента («...на многихъ кимвалахъ мастеру»), так что «уговорено, что бы кимвалъ продавливать въ соприсутствіи», вообще говоря, может намекать и на совместную и заранее договорённую с кем-либо (не невероятно, что и с самим Ильиным) игру на фортепиано в четыре руки: открытый рояль чем-то похож на огромного размера цимвалы – струнный музыкальный инструмент, схожий в свою очередь с гуслями, название которого часто смешивают с названием кимвал-тарелок, да и мастером Метнер был, конечно, именно фортепианной игры.

Письмо датировано всего лишь мартом 1915 г., без указания числа, т. е., вообще говоря, может предварять письма № 1 и № 2 – 2а, или одно из них, однако, как нам кажется, гораздо вероятнее, что оно написано, по крайней мере, после письма № 1, а скорее – и после обоих, на что более всего намекает слово «притворничать», выдающее, как уже сказано, сомнения Ильина в действительности недуга Метнера (каковых сомнений в письме № 1 нет совсем и которые могли появиться именно после получения «Цыдули», где

Метнер объявляет, что с ним уже всё хорошо). С другой стороны, на то, что «Цыдуля» написана как раз в ответ на комментируемое письмо (№ 3), может намекать обращение к Ильину как к «профферту», появляющемуся в конце комментируемого ильинского письма как часть его подписи, а также указание в «Цыдуле» на ильинское острословие («Остерцунге»), да и, наконец, само название «Цыдуля» (полустаринное, полупростонародное – как будто бы под стиль полу- или, скорее, псевдоцерковнославянскому языку письма Ильина). Если последнее верно, то письма № 2–2а и № 3 следовало бы переставить местами. Однако всё же вернее, что «Цыдуля»-стихотворение написано в ответ на стихотворение же, т. е. на письмо № 1, причём «проферт» должен пониматься в нём именно как сделавший нечто общеизвестным (Ильин – недуг Метнера), а не просто учёный муж-профессор, к каковому смыслу приближается в своём ответе Ильин, быть может намёка Метнера сразу и не понявший.

Состоялся ли концерт, о котором пишет в этом письме Ильин, неясно, но о первом таком концерте, состоявшемся 31 октября 1906 г. (см. *Морозова М. К.* Мои воспоминания // Наше Наследие. 1991. № VI. С. 105) оставил интересные воспоминания Анат. Н. Александров (о нём см. ниже в комм. 118):

«Вскоре после первой моей встречи с Метнером Сергей Иванович [Танеев. – *А. Л.*] взял меня с собой на первый в квартире Маргариты Кирилловны Морозовой авторский концерт Николая Карловича. Помнится, это был Klavierabend [Т. е. сольный концерт пианиста. – *А. Л.*]. Во всяком случае, у меня сохранилось яркое воспоминание лишь об исполнении Николаем Карловичем своих фортепианных произведений, среди которых были: Сонаты As-dur и d-moll из ор. 11, две Сказки ор. 8, Дифирамб Es-dur из ор. 10.

Все это произвело на меня сильнейшее впечатление. Необыкновенное своеобразие ритма, гармонии и мелодии, значительность, яркость и разнообразие музыкальных образов и какая-то все пронизывающая праздничность, "ритуальная" торжественность всех произведений этого "гнома-огнепоклонника" [Метнер был невысокого роста, «в его облике было что-то, сходное с обликом гнома», а также, по воспоминаниям его племянницы В. К. Тарасовой, см. ниже комм. 138 и 203, он «очень любил игру с огнем и в шутку называл себя огнепоклонником» и, как указано чуть выше цитируе-

мого нами в воспоминаниях Александрова, назвал себя так однажды и в его присутствии. – *А. Л.*] захватила меня. Играл он неподражаемо, с изумительным, ему одному присущим ритмом, одинаково безупречным как в моментах, требующих исполнения all'rigore del metro [(*ит.*) в строгом метре], так и в гибких отклонениях от этого "ригоризма". Николай Карлович однажды сказал в моем присутствии: "Ритмически я непогрешим", – и он был, конечно, прав.

Сергей Иванович Танеев, которого я после концерта провожал домой в Гагаринский переулок, в беседе со мной очень высоко оценил творчество Метнера, но, между прочим, сказал, что гармония Метнера кажется ему несколько "корявой".

– Впрочем, ничего, – сказал он, – у Рахманинова гармония вначале тоже была корява, а потом он выправился» (См.: *Александров А. Н.* Незабываемые встречи // *Метнер. Материалы.* С. 95. И там же: С. 94 и 47).

Маргарита Кирилловна Морозова в 1915 г. устраивала салон в своём особняке в Мёртвом (т. е. тупиковом, непроезжем) переулке Москвы (ныне – Пречистенский переулок). Сейчас в этом доме располагается посольство Дании.

[15] Слово, производное от (Московской) консерватории.

[16] Буква подчёркнута Ильиным.

[17] Скорее всего, имеется в виду малая золотая медаль, с которой Николай Метнер в 1900 г. окончил Московскую консерваторию по классу фортепиано. Иногда ошибочно указывают, что Метнер завершил консерваторию с большой золотой медалью, однако большая золотая медаль вручалась тем, кто блестяще окончил консерваторию по двум специальностям (композицией Метнер занимался практически полностью самостоятельно, лишь изредка посещая соотв. класс С. И. Танеева, и по классу композиции консерваторию не оканчивал). При этом, по словам вручавшего Метнеру малую золотую медаль его учителя знаменитого пианиста и педагога В. И. Сафонова (1852–1918), «следовало бы наградить его не золотой, а бриллиантовой медалью, если бы таковая консерваторией присуждалась» (см. *Метнер А. М.* О Николае Карловиче Метнере // *Метнер. Материалы.* С. 37).

[18] РНММ. Ф. 161, № 13275. Это письмо – первое из восьми (7 – Н. К. и А. М. Метнерам и 1 – А. Б. Гольденвейзеру) писем И. А. Ильина, обнаруженных в фонде А. Б. Гольденвейзера архи-

ва Музея музыки. Штемпель на конверте нечитаем. В письмо как будто бы была вложена газетная вырезка со стихотворением «Весеннее» за подписью «ЭМЭЛЬ» (что есть, по-видимому, производное от инициалов М. Л.), однако оборотная сторона вырезки содержит типографски отпечатанную дату: «30 авг. 1915 г.», что свидетельствует о том, что это вложение не имеет никакого отношения к письму, написанному в мае, и было сделано кем-то позднее (а то и вовсе случайно оказалось рядом). Да и из сопоставления содержаний письма и стихотворения не обнаруживается никаких указаний на их связь. Само письмо написано на листе тонкой бумаги, сложенном вдвое, причём лишь на первой и третьей из получившихся четырёх страниц (вторая и четвёртая оставлены свободными, видимо в опасении проникновения хороших ярких чернил на оборот листа). На оборотной стороне конверта коричневым фломастером (что означает, что это сделано значительно позднее) обведена побледневшая карандашная надпись: «Письмо 1 $^{1}/_{2}$ стр.» и левее её тем же фломастером приписано: «№ 6». Из упоминания в письме Тулы, а также его общего содержания, следует, что письмо написано в Выропаевке (см. комм. 43).

[19] Срв. ниже в письме Ильина № 155 (1929 г.): «От моих разъездов я очень утомлен; а сейчас еще кроме того в гриппе. Голова глупая и тяжелая – и в ушах сплошное "ты-ты-бы"». Также см. письмо Метнера № 12 (от августа 1915 г.): «Стыдно стало, как только опустил его [Своё письмо. – *А. Л.*] в ящик, но еще тытыбычнее стыдно стало, когда на следующий день я получил Ваше». По всей видимости, «тытыбыкнуть» – словечко, придуманное кем-то из друзей (Ильиным или Метнером), производное от «ты-ты-бы», которым в слове и на письме изображается что-то вроде пульсирующей головной боли, навязчивого шума в голове или чего-то подобного.

[20] Аллюзии на Мк. 4, 31–32 («...зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков...»; то же – Мф. 13, 31–32) и Пс. 90, 13 («...на аспида и василиска наступиши...»).

[21] Кто такая Луиза Федоровна, с полной уверенностью установить не удалось. В своём ответе (см. письмо № 6) Н. К. Метнер пишет, что «Л. Ф. уехала», ничего более относительно неё не уточняя. Среди знакомых Ильиных и Метнеров или каких-либо известных лиц более широкого круга дамы с именем Луиза Федоровна как

будто бы не встречается, однако выскажем, возможно, неверные, но кажущиеся нам всё же (с немалой вероятностью) возможными предположения:

1) Москвичи Иван Ильин и Николай Метнер так (условно-конспиративно, не решаясь упоминать в переписке царственных лиц явно) называют вдову великого князя Сергея Александровича (1857–1905) великую княгиню Елизавету Феодоровну (1864–1918), среди имён которой, данных ей при рождении (Елизавета Александра Луиза Алиса), было и Луиза.

2) Речь идёт о какой-то их общей знакомой немецкого происхождения, которой мог угрожать погром. Хотя Москва в начале Первой мировой войны избежала событий, схожих с теми, что имели место в августе 1914 г. в Санкт-Петербурге в отношении немцев, однако в октябре 1914 г. толпа разгромила несколько немецких магазинов, а к середине мая 1915 г. напряжение в отношении москвичей немецкого происхождения возросло настолько, что в газетах («Голос Москвы» от 16 мая 1915 г., т. е. за 4 дня до комментируемого письма) появились призывы выслать из Москвы всё ещё остающихся в ней (около 2000) подданных Германии и Австро-Венгрии. Эта напряжённость коснулась и вел. кн. Елизаветы Феодоровны (что ещё более склоняет к тому, что Луизой Федоровной обозначена всё-таки именно она), и не столько потому, что в простонародье великая княгиня, как и её младшая сестра императрица Александра Феодоровна, слыла «немкой», сколько от того, что благотворительное общество (комитет), основанное Елизаветой Феодоровной и занимавшееся в частности распределением заказов на шитьё белья и одежды для солдат-фронтовиков, в те дни отказало в них около 3000 работниц, решившим, что их заказы переданы немецким фирмам (последних в Москве всё ещё оставались сотни, несмотря на вышедший в январе 1915 г. закон, по которому все такие фирмы к апрелю должны были быть ликвидированными, однако через некоторое время продливший срок ликвидации до 1 июня 1915 г.). 26 мая эти работницы направились с жалобой к московскому градоначальнику, обещавшему со всем разобраться, но уже на следующий день в Москве начались серьёзные беспорядки, продолжавшиеся до вечера 29 мая. Беспорядки сопровождались жертвами (по разным источникам, пять или шесть человек,

из которых четверо женщин) и разгромами сотен «немецких» предприятий и квартир.

[22] РНММ. Ф. 161, № 13273. Письмо написано на почтовой карточке с фото короля Черногории Николая I: «Его Величество Король Черногорский Николай I». Слева вверху отпечатано: «На сирот нижних чинов АРМИИ и ФЛОТА. О[бществ]а призрения сирот лиц, павших жертвами долга. Ц. 10 коп. Дороже брать возбраняется». Также справа снизу: «"Меццотинто"-УНІОНЪ-Петроградъ». Штемпель смазан и почти не читается. Несмотря на то, что письмо адресовано Анне Михайловне, «Вы» в нём (срв. всю дальнейшую переписку) означает, конечно, обоих супругов Метнеров.

[23] В этих строках отчётливо, на наш взгляд, читается тревога о событиях в Москве, кратко описанных в комм. 21: о Метнерах, и как об имевших «немецкую» фамилию, и как об имевших отношение к московским предприятиям, беспокоиться действительно приходилось.

[24] РНММ. Ф. 132, № 4730.

[25] Намёк Метнера на свою привычку долго не отвечать на письма.

[26] И здесь (и далее во всём письме), очевидно, речь о московском немецком погроме 27–29 мая 1915 г. (см. комм. 21).

[27] Анна Михайловна, жена Н. К. Метнера. «Зачихала» – речь о мучившей А. М. Метнер сезонной аллергии (сенной лихорадке), срв. ниже письмо № 10 и комм. 51, а также, напр., письмо № 89 или № 186.

[28] Любопытное и, на наш взгляд, очень важное свидетельство (в данном случае – обывателя, что важно особенно) о непонятности причин (истоков, т. е. не внешних поводов) московского погрома.

[29] Т. е. от Эмилия Карловича Метнера (1872–1936), старшего брата Н. К. Метнера, которого война застала за границей (и он так и не вернулся в Россию). Выглядящее, на первый взгляд, несколько странным, это сообщение проясняется из письма Н. К. Метнера Э. К. Метнеру от 8 ноября 1914 г. (см. РНММ. Ф. 132, № 1827), в конце которого сказано: «Очень рад и Твоему сближению с Юнгом. На последнее обстоятельство ненарадуется и Ильин, который, между прочим, очень любит и ценит Тебя». Письмо это опубликовано (с купюрой) в *Метнер. Письма.* С. 156–159, причём

выпущено именно второе из процитированных предложений (а в первом допущены две неточности).

[30] РНММ. Ф. 132, № 4729. Письмо не датировано, и его точная датировка установлена по упоминанию в нём даты похорон С. И. Танеева (10 июня 1915). Адрес отправителя (первые две строки) написан, как и приписка с новым адресом Э. К. Метнера в конце письма, рукой А. М. Метнер. Само письмо – рукой Н. К. Метнера. На первой странице после адреса и до приветствия две позднейшие пометки Ильина: «1915» и «Михайловское». Михайловское (оно же – Турлики; Михайловское – название, данное в честь покойного мужа М. К. Морозовой) – название указанного в адресе имения М. К. Морозовой (см. о ней в комм. 14), владевшей им в 1909–1917 гг. В настоящее время оно входит в черту города Обнинска. Усадьба сохранилась, хоть и значительно разрушенная и перестроенная. О датировке письма срв. комм. 35 и 36-1170.

[31] Так назывался (наряду с названием Разъезд № 15bis) полустанок Брянской железной дороги (современное Киевское направление Московской железной дороги, см. ниже комм. 33) между Разъездом № 15 (нынешняя станция Обнинское) и Малоярославцем. Сейчас имеет название Шемякино, которое получил в 1916 или 1917 г. Эту почтовую станцию Оболенское и давшее ей имя одноименное село, находящиеся приблизительно в 7 км юго-западнее современного Обнинска, не следует путать с расположенным в около 40 км юго-восточнее его селом современного Жуковского района Калужской области, на месте которого стоял древний Оболенск, в XIII–XV вв. центр присоединённого в 1494 г. к Москве Оболенского княжества, к концу XIX в. превратившийся в село Оболенское Тарусского уезда Калужской губернии.

[32] Упоминаемое в этом абзаце письмо И. А. Ильина, очевидно, не сохранилось, и о чём именно шла там речь (за что́ Ильин просит прощения и кого, называя их «мы», просит простить), вообще говоря, до конца не ясно. Однако если предположить, что речь идёт о том же немецком погроме в Москве (см. комм. 21 и все письма №№ 4–6), то слова этого абзаца приобретают очень понятный смысл: Ильин просит прощения от имени «нас», русских, за весь этот «погромный эксцесс», Метнер же отвечает, что, коли это был действительно эксцесс (возможно, смешивая с аффектом),

то и прощать или не прощать тут нечего. Если же это было нечто подготовленное («препарированное»), то виноваты не «мы» (т. е. русские, к которым тем самым – пока неявно – причисляет и себя), а «*они*» – те, кто такое подготовил и привёл в действо. И тут же, уже в совершенно явном виде, Метнер причисляет себя к этим «мы», то есть к русским, добавив, что исключённым из них он оказался для себя совершенно неожиданно и потому в эти дни ощутил особенное одиночество.

Предложим, впрочем, и иное (на наш взгляд, гораздо менее вероятное, но всё же вполне возможное) толкование этого абзаца: быть может, здесь речь о как раз к маю – июню 1915 г. ставшей широко известной в литературно-философских кругах Москвы ссоре между Э. К. Метнером и Андреем Белым (Б. Н. Бугаевым, 1880–1934), приведшей в итоге к разрыву между ними отношений. Ссора произошла в Швейцарии в конце марта 1915 г., но слухи о ней и её отголоски в апреле – мае вполне должны были достигнуть Москвы и увлечь обсуждениями и спорами указанные круги, разделив их, как часто это бывает в интеллигентской среде, на «мы» и «они». См., напр., *Андрей Белый и Эмилий Метнер.* Переписка. 1902–1915. Том 2: 1910–1915. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 675–680. Ссора эта имела продолжение, в котором активно участвовал (в защиту Э. К. Метнера) Ильин. Подробнее см. в: *Ильин, т. 13*. С. 105–111 (открытое письмо Ильина Б. Н. Бугаеву и письма его же Э. К. Метнеру и неустановленному лицу). См. также приложенное к наст. тому письмо Ильина А. Б. Гольденвейзеру.

[33] Востряковка – не что иное как прежняя (построенная около 1905 г. и в 1940 г. перенесённая к дачному посёлку Мещерский) железнодорожная платформа Востряково, в 2010 г. переименованная в Сколково и в 2020 г. – в Мещерскую (нынешняя станция «Мещерская» МЦД-4, т. е. 4-й линии «Московских центральных диаметров», открытой в 2023 г.). Брянская железная дорога – современная Киевская (Киевский вокзал Москвы до 1934 г. назывался Брянским).

[34] Ещё одно, пусть и косвенное, указание на то, что в первом абзаце письма речь всё-таки именно о московском «немецком» погроме 27–29 мая 1915 г.: к вечеру 29 мая беспорядки в Москве прекратились, однако они продолжались ещё некоторое время в т. н.

Московском уезде, включавшем и упомянутую Востряковку, а потому дачное жительство там представлялось для Метнеров невозможным.

[35] Композитор Сергей Иванович Танеев (1856–1915), простудившись на похоронах своего ученика А. Н. Скрябина (1871 – 14 апреля 1915), спустя меньше двух месяцев скончался (6 июня 1915 г.). 10 июня прошли похороны на клабдище московского Донского монастыря. «Третьего дня» – следующий в обратном отсчёте от «сегодня» день после «вчера» и «позавчера», т. е. если 10 июня – третьего дня, то позавчера – 11, вчера – 12 и сегодня – 13 июня. Впрочем, чаще отсчёт идёт от «сегодня» как «первого дня», так что «третьего дня» оказывается тождественным «позавчера» (именно в таком смысле понимает «третьего дня» Ильин, см., напр., в приложении с наст. тому его письмо А. Б. Гольденвейзеру; и если то же имеет в виду Метнер, то датировка наст. его письма должна быть смещена на один день; однако именно в данном случае это несколько сомнительно, ибо, хотя за сутки собраться и уехать из Москвы в Оболенское к М. К. Морозовой было вполне возможно, – вернее всё же, что на это ушло именно два дня).

[36] Кажется, что здесь у Метнера описка (по смыслу это «не» как будто лишнее), однако, скорее всего, никакой описки нет и имеется в виду, что если Ильины в это время в Москве ***не*** будут (т. е. в Москве встретиться Метнерам с ними не удастся), то нельзя ли в таком случае Метнерам побывать у Ильиных в Выропаевке.

[37] Ильин с 1911 г., когда он был направлен на научную стажировку в Германию, фундаментально занимался философией Гегеля и к 1915 г. опубликовал несколько больших статей, позже ставших главами его знаменитой двухтомной монографии «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», которую он защитил в 1918 г. в качестве диссертации, став доктором государственных наук.

[38] Метнеры упорно (за единичными исключениями) именуют жену Ильина Натал***и***ю Николаевну Натал***ь***ей, несмотря на постоянное написание Ильиным и самой Наталией Николаевной «Наталия» (точнее – «Наталія»).

[39] Речь, с одной стороны, о фортепиано, приобретённом (или взятом напрокат) Ильиным в Туле (см. письмо № 4), а с другой – об особенностях, по-видимому, всех «немецких» погромов в России

1914 – 1915 гг., когда погромщиками с особенной страстью уничтожались рояли (бывшие преимущественно немецкого производства, что отражалось в их названиях, совпадавших с немецкими фамилиями производителей), порой выбрасывавшиеся из окон на улицы, о чём осталось множество воспоминаний.

[40] РНММ. Ф. 132, № 4770.

[41] «Теперь» – т. е., очевидно, в военное время.

[42] Сейчас, когда Москва и Санкт-Петербург, находясь в одном и том же часовом поясе, имеют одно и то же (условное) поясное время, такие указания могут показаться удивительными, если не вовсе дикими. Однако нужно иметь в виду, что часовые пояса были введены в России лишь в 1919 г. (к слову, одной из главных причин введения часовых поясов во всём мире явились ярко иллюстрируемые комментируемым письмом трудности организации расписания железнодорожного сообщения). До того же, вообще говоря, каждое её селение жило по своему (вполне безусловному, но слегка меняющемуся в течение года) солнечному времени. При этом, так как разница долгот Москвы и Санкт-Петербурга равна приблизительно 7,3°, а 12 часов соответствуют 180°, разница в солнечном времени между Москвой и Санкт-Петербургом действительно составляет около получаса (т. е. одной 24-й от 12 часов), ибо $180° : 24 = 7{,}5° \approx 7{,}3°$.

[43] Выропаевка – имение М. А. Муромцевой, матери Наталии Николаевны Ильиной, в селении Лазарево Тульской губернии, с востока ограниченном рекой Невежа. Ильины часто отдыхали там летом. Через Лазарево и сейчас проходит железнодорожная линия Тула – Орёл, где южнее имеется упомянутая выше в письме узловая станция Горбачёво (Лазарево действительно находится почти точно посередине между Тулой и Горбачёвым). Однако от Горбачёва в сторону Сухиничей и обратно в настоящее время пассажирского железнодорожного сообщения нет.

[44] РНММ. Ф. 132, № 4731. Изначально письмо не датировано, на нём лишь явно позднейшая (скорее всего, ильинская) пометка: «1915 г. Москва». Более точная дата установлена по упоминанию в письме 12-го числа и сопровождающим это упоминание сведениям: если бы письмо было написано 10-го или 11-го числа, то, вместо указания на 12-е, Метнер несомненно писал бы о «завтра» или «послезавтра» (при этом именно «послезавтра» Метнеры собираются навестить родителей Николая Карловича); с другой сто-

роны, по смыслу текста, до отъезда не могло оставаться больше 3–5 дней, так что письмо написано именно около 9-го числа и не позднее его; при этом 9 июня невозможно, ибо это был день накануне похорон С. И. Танеева, а затем Метнеры уехали из Москвы в имение М. К. Морозовой, см. письмо № 7, август же исключается следующим письмом, написанным 20 июля и также № 11, где наст. письмо цитируется. Добавим, что комментируемое письмо отвечает на какое-то, очевидно неизвестное нам, письмо Ильина.

[45] Метнер Карл Петрович (1846–1921) – один из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика» и Метнер Александра Карловна (урожд. Гедике, 1843–1918) – певица.

[46] Т. е. к М. К. Морозовой.

[47] Т. е. немецкая. Здесь ещё один намёк на «немецкий» погром в Москве (см. пред. письма и комм. 21). Срв. также ниже шуточно русифицированную подпись к письму (Н. Метнерюкъ).

[48] См. в следующем письме стихотворение Ильина «Гимн кофейнику» и следующую за ним благодарность за присылку.

[49] Вновь речь о Маргарите Кирилловне Морозовой. Что именно Ильин в своём утраченном письме назвал «маргошиным духом», остерегал ли он Метнеров от чего-то или же даже обвинял их в чём-то, из этой скупой строки не понять. Дальнейшая переписка тоже не даёт к тому никакого существенного материала, ибо отношение как Ильина, так и Метнеров к М. К. Морозовой, при время от времени появляющихся упоминаниях о ней, всегда вполне хорошее, доброе и даже (при обсуждении бедственного её положения в Советской России) очень сочувственное (кроме, впрочем, намёка, вычитывающегося в письме № 38, см. комм. 201, да и тот по-существу, хоть и весьма язвительный, но не злой). Однако здесь (при упоминании «маргошина духа») несомненно проявлено некоторое недовольство, явно свидетельствующее о хотя бы некотором расхождении или даже размолвке Ильина и Морозовой, которого весной 1915 г. (срв. письма №№ 1–3) как будто бы ещё не было. Смутный намёк на то, что именно мог иметь в виду Ильин (кроме указанного ниже в комм. 201), можно, быть может, усмотреть из вполне идиотического (самими своими семью авторами он так не определялся, но, судя по всему, задумывался ими именно таким и таким и реализовался) романа «Соколий пуп», написанного именно летом 1915 г. и именно в имении М. К. Морозовой «Ми-

хайловское», где в июне гостили Метнеры. Точное (с точностью до недели или хотя бы месяца) время написания романа в его современном издании (см. *Дурылин С. Н.* Три беса: Художественная проза, очерки. – М.: Совпадение, 2013. С. 58 – 126; см. также первое издание в журнале «Юность», № 1 за 2010 г. С. 17 – 51) не указано и, по-видимому, установить его было бы не так просто, однако несомненно, что Метнеры, гостя у Морозовой, общались, по крайней мере, с частью авторов этого сочинения (это, кроме С. Н. Дурылина, сын М. К. Морозовой Мика – М. М. Морозов, а также П. И. Васильев, Я. Н. Горбов, М. А. и Ф. А. Петровские и М. В. Хвостов; иллюстратором романа выступил А. Г. Габричевский) и могли, возможно, знать о самой «литературной» их деятельности, а то и, быть может, слышать чтения фрагментов, видеть части рукописи или иллюстрации. В романе весьма карикатурно (если не сказать злокарикатурно) выведены, помимо И. Ильина, также Н. Бердяев, Вяч. Иванов, В. Эрн и другие знакомые авторам лица, однако в целом он напоминает скорее бессмыслицу (изрядно сдобренную ядом) в духе известной «дебютной пьесы» Козьмы Пруткова («Фантазия»), написанной юными А. К. Толстым и А. М. Жемчужниковым в 1850 – 1851 гг. и которой авторы «Сокольева пупа» несомненно вдохновлялись (как и вообще Козьмой Прутковым, которого не преминули даже ввести в число действующих лиц своего романа). Вышеопубликованное письмо № 3 заставляет предположить, что такая буффонада была в целом свойственна по крайней мере части литературно-философского круга М. К. Морозовой, да и невольно приходит на ум сравнение «Сокольего пупа» с будущим «журналом» Ильина «Идиотика-Обормотика» (см. ниже письма №№ 411, 421 и 432), который в наст. издании тщательно прокомментирован. Возможно, столь же (или более) тщательный будущий (если он когда-либо появится) комментарий «Сокольего пупа» позволит понять мотивы и идеи его авторов, однако пока летнее дурылинско-морозовское сочинение 1915 г. видится лишь, в лучшем случае, более или менее глупо-злой шуткой собиравшейся в имении М. К. Морозовой и жаждавшей деятельности молодёжи. Добавим, что не обнаруживается ни одного намёка на то, что Ильин был знаком с этим романом. О П. И. Васильеве см. также в комм. 1435.

[50] РНММ. Ф. 132, № 4739. Год на письме не указан, и он устанавливается по самому письму и предшествующим ему письмам

(№ 8 и № 9), содержащим настойчивое приглашение Ильина Метнерам посетить Выропаевку (№ 8) и оправдания Метнера, объясняющего невозможность принять приглашение Ильина (№ 9). По-видимому, комментируемое письмо отвечает не на ещё какое-то не дошедшее до нас письмо Ильина, а на то же, что указано в комм. 44. Не получив, очевидно, ещё ответа на № 9 и не будучи ещё вообще уверенным, что № 9 получен, Метнер пишет наст. открытку.

[51] Т. е. от весенне-летней аллергии, от которой А. М. Метнер очень страдала (об этом, помимо уже бывшего в письме № 6, будет много упоминаний в дальнейшей переписке) и которая, как это часто бывает, должна была исчезнуть полностью по приезде к морю (т. е. в Крым, об отъезде в который шла речь в пред. письме), что всё служит ещё одним подтверждением как датировки (в части года) наст. письма, так и места его написания (Крым).

[52] Очевидно, с Ильиным днём (т. е. памятью св. пророка Илии, празднуемой именно 20 июля).

[53] РНММ. Ф. 132, № 4771.

[54] Буква подчёркнута Ильиным.

[55] Н. К. Метнер – автор многочисленных (около 40, составляющих его opp. 8, 9, 14, 20, 26, 31 № 3, 34, 35, 42, 48, 51, часть 54, 58 и также одной сказки 1915 г. без обозначения номера op.) сказок – коротких музыкальных сочинений для фортепиано. До 1915 г. написаны opp. 8, 9, 14, 20, 26 и 31 № 3.

[56] Zu viel (*нем.*) – слишком.

[57] Так в письме. Та же форма встречается, впрочем, и в письме № 20 («О своем здоровье не могу сообщить ничего выдающего»).

[58] Что именно было приложено к письму, сказать затруднительно, однако нет никих сомнений, что «газета "Крымские сплетни"» есть произведение ильинского остроумия и смехословия (разумеется, такого издания не существовало, да и не могло, должно быть, существовать). Впрочем, быть может всего лишь, что Ильин так назвал действительный номер севастопольской «политической, общественной, литературной и научной» (из приписки под её заглавием) газеты «Крымский вестник», выходившей в 1888–1918 гг., что, впрочем, сомнительно как потому, что Ильины едва ли могли (несмотря на «невероятный труд») получать в Выропаевке крымские газеты, так и оттого, что первоначально «номер» «Крымских сплетен» был обозначен Ильиным 10-м июля или лишь затем 0 был им

аккуратно подправлен в 6, так что получилось 16. Причина проста: 10-го Метнеры были ещё в Москве и лишь 12-го отбыли в Крым (срв. письмо № 9), так что Ильин подправил свою первоначальную ошибку: уж 16-го-то июля (в отличие от 10-го) номер «газеты», приветствующий приезд «музыкального звездила», вполне «мог» появиться. См. также комм. 71.

[59] Ильин передразнивает Метнера, его фразу из письма № 9: «Тогда Вам хотелось быть одним и позабыть о нашем приевшемся Вам за целый сезон существовании!! Гмм! Эгоисты!!». Это, в частности, свидетельствует о верности датировки письма № 9 (срв. комм. 44).

[60] Кавычки – намёк на её, переписки, фактическое отсутствие.

[61] Sein, haben, werden, loben, reden (*нем.*) – быть, иметь, становиться, хвалить, говорить.

[62] Punctum (*лат.*) – точка.

[63] Может показаться неясным, о каком именно сочинении С. В. Рахманинова идёт здесь речь, ибо у него не имеется сочинений с таким названием. Однако нет практически никаких сомнений, что Ильин говорит об излюбленном им «Письме К. С. Станиславскому от С. Рахманинова» (1908 г.), действительно не имеющем номера opus'а, которое Ильин впоследствии неоднократно (если не сказать, постоянно) будет цитировать в завершение своих писем (а именно, часть «Жена кланяется!», которую он, Ильин, на письме будет передавать с различными дефисами, умножением букв и восклицательных знаков). Если это предположение верно, то «б***р***агодарствуйте» отсылает к трёхкратному «браво» в музыкальном письме-поздравлении Рахманинова. Срв. комм. 35-123.

[64] Слова «за присылку кофейника» кажутся на первый взгляд позднейшей припиской Ильина, но это, по-видимому, есть лишь обман зрения, вызванный переносом Ильиным ссылки на сочинение Рахманинова, «разделённой» им надвое: «см. С. Рахманинов \\ "Merci". без опуса», в которой вторая половина «центрирована» по правому краю страницы. Но даже если приписка и была сделана позднее, то всё же до заключения письма в конверт и его отправки (предложение всей приписки едино).

[65] РНММ. Ф. 132, № 4732. Истинная дата письма установлена по примечанию Метнера, дезавуирующему проставленную им самим на письме дату (месяц и год; число, по всей видимости, точ-

но), по указанию в письме на 29 августа, а также по известному из предыдущих писем факту посещения четой Метнеров Крыма летом 1915 г.

К примечанию Метнера: Ильин в 1915 г. ещё не был профессором Московского университета (это звание он получил лишь летом 1918 г., до того имея, с 1909 г., звание приват-доцента; см. подробнее в: *Ильин*, *т. 33*. С. 172–173). Сам же Метнер в мае того же 1909 г. был приглашён в Московскую консерваторию профессором по классу фортепиано, но преподавал там всего один учебный год (1909/10). Однако «практически уже не возвращаясь в консерваторию, Метнер числился её профессором до дня своего отъезда из России в 1921 году» (см. *Долинская Е. Б.* Николай Метнер. – М.: Музыка; П. Юргенсон, 2013. С. 50; см. там же и С. 37–38). Но, по воспоминаниям А. М. Метнер, «в 1915 году он, однако, опять возвратился к педагогической деятельности в той же консерватории, которую оставил лишь с отъездом за границу в 1921 году» (*Метнер А. М.* О Николае Карловиче Метнере // *Метнер. Материалы.* С. 37). Вопрос о преподавании Н. К. Метнера в Московской консерватории в 1910–1921 гг. в литературе о Метнере несколько запутан, однако несомненно, что он сохранял должность профессора консерватории вплоть до отъезда из России.

[66] Княгиня Ольга Петровна Долгорукая (урожд. Шувалова; 1848–1927) была последней владелицей имения Мисхор (с 1903 г., после смерти её брата П. П. Шувалова, до апреля 1919 г., когда она покинула Крым и Россию на одном корабле с императрицей Марией Феодоровной), действительно находящегося недалеко, в нескольких километрах, от Алупки, так что сомнения Метнера не оправданны (вызваны они были, очевидно, ещё одним названием имения – Малая Алупка). Шуваловы в самом конце XIX в. выделили часть земель имения для создания курортного посёлка, названного ими Новым Мисхором. Однако Метнеры жили у самой кн. Долгорукой. По воспоминаниям А. Б. Гольденвейзера (см. комм. 70): «Во время первой мировой войны мы с женой (летом 1915 года) месяца три прожили в Крыму, сначала на даче М. П. Чеховой, потом в "свитском" доме у Долгоруковой. Там же мы сняли комнату и для Н. К. Метнера с женой. С ними мы прожили недели три вместе...» (*Гольденвейзер А. Б.* Воспоминания о Н. К. Метнере // *Метнер. Материалы.* С. 62). Гольденвейзер определяет дом как свитский, ибо

сын О. П. Долгорукой Сергей входил в свиту вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, будучи её конюшим. В настоящее время (по меньшей мере, с 1958 г.) Мисхор административно входит в Кореиз, в начале XX в. бывший лишь соседним поселением, отсюда и шутка Ильина из нижесл. письма № 17 («Мысленно дарю Вам 2 Симеиза и 3 $^{1}/_{2}$ Кореиза и ни одной [т. е. ни Малой, ни «Великой». – *А. Л.*] Аблупки»).

[67] Срв. комм. 19.

[68] Речь, по-видимому, об угрозе для Н. К. Метнера быть мобилизованным на фронт (см. ниже комм. 72 и 81).

[69] Указанные здесь Метнером его письмо Ильину, а также полученное им на следующий день письмо Ильина (и – как можно вывести из начинающего следующий абзац «Ваши письма» – ещё, по крайней мере, одно письмо Ильина), по всей видимости, не сохранились. Исходя из намёков примечания Н. К. Метнера к намеренно ложной дате комментируемого письма, первое из ильинских было написано 31 июля 1915 г., а значит шло не менее двух дней, так что письмо Метнера, о котором он говорит, написано было им в начале августа – скорее всего, 2–3 числа. Другое же письмо Ильина, о котором идёт речь, может, впрочем, оказаться письмом № 11 (со стихотворением о кофейнике) или же тем утраченным, на которое Метнер ответил №№ 9 и 10.

[70] Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961) – известный пианист (создатель крупной пианистической школы), музыкальный критик и педагог, профессор Московской консерватории по классу фортепиано (в 1922–1924 и 1939–1942 гг. также её ректор) и его первая жена, дочь генерала А. С. Софиано (1854–1929), пианистка Анна Алексеевна Гольденвейзер (1881–1929). В описываемое время четы Метнеров и Гольденвейзеров находились вместе в Крыму (см. комм. 66).

[71] Не описан ли в этих строках загадочный (и утраченный во всех случаях) «номер "Крымских сплетен" от 16 июля 1915 г.», приложенный Ильиным к его письму № 11? См. также комм. 58.

[72] По-видимому, речь о запросах об отбывании Н. К. Метнером воинской повинности (срв. комм. 68 и 81).

[73] Речь о концерте для фортепиано с оркестром № 1 c-moll, будущем ор. 33, над которым Метнер работал в 1914–1918 гг.

[74] Имеются в виду книги кн. С. Н. Трубецкого «Курс истории древней философии» (том 1 – М., 1906; том 2 – М., 1908).

[75] Речь, конечно, об идущей мировой войне.

[76] Из этих слов как будто следует, что А. М. Метнер должна была написать Ильиным отдельное письмо от себя. Если так, то это письмо тоже утрачено.

[77] Отметим чуть ли не единственный за всю переписку случай грубой орфографической ошибки, сделанной Н. К. Метнером (в оригинале «сдесь»), являющейся, впрочем, опиской: уже в следующем постскриптуме «здесь» написано верно. Повторимся – корреспонденты публикуемой переписки исключительно грамотны.

[78] Варвара Осиповна Массалитинова (1878–1945), актриса московского Малого театра. С 1918 г. снималась в кино (в том числе в знаменитом фильме С. Эйзенштейна «Александр Невский»).

[79] Мария Павловна Чехова (1863–1957) – сестра А. П. Чехова, художница и педагог (преподавала историю и географию в частной московской женской гимназии Любови Фёдоровны Ржевской).

[80] РНММ. Ф. 132, № 4772.

[81] Речь, очевидно, о призыве на войну. Сам Ильин имел отстрочку как приват-доцент. О своих перипетиях с ней он подробно пишет в № 22 «Встреч и бесед» (см. *Ильин, т. 14.* С. 336–340). Не получив отстрочки ни через Московский университет, ни через Коммерческий институт, где он также преподавал, Ильин явился, собрав необходимые вещи, к отбыванию воинской повинности по месту своей приписки в Бронницы:

«Передо мною сидел интеллигентный человек в военном мундире, с бородой, умными глазами и деликатным обращением. Боуман, из англичан.

"Да, я помню Ваш документ. Он неудовлетворителен. Расскажите, пожалуйста, почему Вам выдали его?" Я рассказал обстоятельно, не скрывая ничего. Он внимательно слушал. "Видите ли, у нас есть инструкция, тайный циркуляр военного министерства, согласно которому следует освобождать от воинской повинности *всю* доцентскую молодежь, не считаясь с формулировкой удостоверений. И я своею властью, распространительным толкованием закона освободил и Вас. Поезжайте спокойно и преподавайте дальше". Я откланялся и уехал к жене в Выропаевку, где и пробыл до конца сентября».

[82] РНММ. Ф. 161, № 13276. Письмо написано на маленькой почтовой карточке без изображений. На стороне с (типографской) маркой и адресом два идентичных штемпеля «Лазарево Тул.» с датой «5 9 15».

[83] «Николаю Карловичу Метнеру» написано поверх тщательно зачёркнутого «Владимиру Михайловичу Устинову». По-видимому, Ильин написал две похожие открытки и сначала ошибся, надписывая адресата одной из них. Доктор государственного права (один, наряду с И. А. Ильиным, И. Б. Новицким и М. Н. Гернетом, из авторов учебника «Основы законоведения: общедоступные очерки», изданного в Москве и Петрограде как раз в 1915 г.; часть, написанную Ильиным, «Общее учение о праве и государстве», см. в *Ильин, т. 4.* С. 45–147) Устинов Владимир Михайлович (1870–1941) – правовед, педагог, публицист, общественный деятель, ответственный редактор газеты «Утро России» (с апреля 1918 г. – «Заря России»; в её номере 34 от 5 июня (23 мая) 1918 г. Устинов опубликует заметку о защите Ильиным диссертации; см. её в *Ильин, т. 33.* С. 77–78). В 1919 г. В. М. Устинов проходил по делу Тактического центра и был приговорен к расстрелу, заменённому лишением свободы сроком на 5 лет, который он, впрочем, по-видимому, не отбывал, ибо в 1921–1922 гг. преподавал на факультете общественных наук Московского университета. Дальнейшие сведения о нём, которые удалось отыскать издателям, противоречивы: репрессии его коснулись, но, судя по всему, ограничились только увольнениями и ограничениями в преподавательской деятельности.

[84] Далее в тексте именно так: «есть» написано аккуратным уменьшенным почерком поверх незачёркнутого тире. Отметим, что всё письмо, очевидно, связано с восстановлением Метнером своей преподавательской деятельности в Московской консерватории.

[85] РНММ. Ф. 161, № 13267. Это письмо Ильина открывает череду писем-розыгрышей, время от времени сопровождавших переписку Ильина и Метнера (срв., напр., ниже пи́сьма, написанные от имени Е. М. Тидебель, Л. Крейцера, Н. Кошиц). Оно было обнаружено нами в архиве Музея музыки, когда наст. том был уже полностью свёрстан (и только этим объясняется, что последующие два поздравительных письма имеют единый номер: 16–16а). На то, что оно написано именно Ильиным, помимо стилистических особенностей (напр., вообще нередкого у Ильина неверного употребления

слова «зрак», означающего, вообще говоря, «вид» или «образ», но здесь употреблённого – хотя строй предложения формально допускает и верный смысл – скорее, в значении «взор» или «взгляд»; попутно отметим, что такая неверность совсем не является специфически ильинской – более того: ко времени Ильина она стала, подобно, к примеру, современным «согласно закона» или «имеет место быть», настолько распространённой, что даже вошла в словари: см., напр., в «Толковом словаре» В. И. Даля статью к слову «зреть», где за словом «зрак», к которому указаны ***только*** верные значения, следует – правда, лишь как местное *псковское* – «зорок», в значении именно взгляда и взора; заметим также, что от неверного употребления «зрака» произошло слово «зрачок», отождествляемое Далем со «зраком» в отдельной статье на последнее слово, состоящей всего из одной строки: «Зрак – зрачок, зритель [Т. е. тот, кто зрит. – *А. Л.*] и прочее; см. зреть»), указывают как его почерк (он, хотя несколько и изменён, однако несомненно ильинский), так и, собственно, А. М. Метнер, воспроизведшая (судя по всему, весьма точно, см. чуть ниже) это письмо Ильина в своём письме Э. К. Метнеру уже 2 ноября 1915 г. (это письмо А. М. Метнер хранится в Библиотеке Конгресса США: Library of Congress. Musical Library. Washington. D. C. P. 31.43, а фрагмент его, цитирующий розыгрыш, опубликован в статье М. Юнггрена «Иван Ильин пишет Николаю Метнеру»; см. Николай Метнер. Вопросы биографии и творчества. Международная научная конференция. Москва, 23–26 апреля 2002 г. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», Русский путь, 2009. С. 140).

Расхождения опубликованного варианта А. М. Метнер с оригиналом И. А. Ильина: Ред***ч***айший вместо Ред***ш***айший, ***С***офрония вместо ***З***офрония, ро***з***ы вместо ро***с***ы, а также прописная «В» вместо строчной у Ильина во всех пяти случаях употребления им разных форм обращения «вы». Также имеются ничтожные пунктуационные отличия, сделанные едва ли не редакторами указ. сборника, приведшими правописание к соврем. нормам.

Оригинал письма написан на одной из сторон сложенного вдвое небольшого листка, так что 3 страницы из получившихся 4 остались пустыми. После письмо было сложено вдвое ещё раз и вложено в очень маленький конверт, на котором имеется марка и чёткий штемпель: «Москва \\ 31.X.1915 \\ 19-е ПОЧТ.-ТЕЛ.

ОТДЕЛ.». Подчёркнутое слово «Здесь» на конверте, очевидно, означает своего рода обратный адрес, т. е. что письмо написано именно *здесь*, где указано (срв. подобное указание Ильина на письме № 4) или же где будет указано штемпелем.

Что розыгрыш был «вскрыт» почти мгновенно, ясно из того, что уже через два дня А. М. Метнер полностью цитирует его Э. К. Метнеру. Однако и Ильин, отправляя письмо *из Москвы* и одновременно в самом письме указывая, что мнимый автор его находится в *Петрограде* («...вернувшись в жилище мое из столицы северной», т. е. из Петрограда в Москву), совершенно несомненно не столько разыгрывал Метнера, сколько писал пародию, будучи уверенным, что его письмо как только пародия и будет воспринято адресатом. Напыщенность и вычурность слога (напр., «ушедший в Великое Иное прозорливец звуков», т. е. скончавшийся А. Н. Скрябин), заведомые «многоумные» и многозначительные противоречия («огненная роса»), псевдославянизмы (тот же «чистый зрак» или же, напр., «скрыня духовная», т. е. духовное сокровище, или «минет седмидневие», т. е. пройдёт, минует, неделя) и другие характерные для Вяч. Иванова слова (напр., «измарагд», у Иванова встречающийся очень часто, хотя, впрочем, *всегда* в форме «смарагд») – всё это выдаёт именно пародию, а не розыгрыш (в котором цель именно провести, обмануть разыгрываемого), и мы, продолжая всё же называть это письмо розыгрышем, имеем в виду именно эту пародийность.

Под Зофронием (Софронием) в письме может иметься в виду Софроний Евсевий Иероним, более известный как Иероним Стридонский (ок. 34–419 или 420), весьма почитаемый Католической Церковью как святой и один из учителей Церкви, автор ставшего каноническим латинского перевода Библии (в Православной Церкви он чтится как блаженный). Если так, то здесь могут обыгрываться всего лишь известные (в том числе, несомненно, и Ильину) католические симпатии Вяч. Иванова, вылившиеся в принятие им католичества в Ватикане в марте 1926 г. Однако, как нам кажется, имеется в виду, скорее, святитель Софроний, патриарх Иерусалимский (ок. 560–638), которому Ильин (вернее ильинский «Вячеслав Иванов») приписывает, с одной стороны, совершенно невозможное в его устах («дар богов»; срв. вышеупомянутое заведомое противоречие в «огненной росе»), а с другой – вполне обыкновенную для

святителя-аскета образность, переданную, правда, чересчур вычурным (что, впрочем, обычно для Вяч. Иванова и что, повторимся, Ильин пытался спародировать) языком. Видимо, Ильин хотел этим передать, насколько легко и быстро может – выразимся так – опошлиться (если не быть доведённой до кощунства, см. чуть ниже) очень здравая и естественная мысль: соединение на земле одарённых людей и их совместное дело-устремление, сопровождающееся (как следствие) обнаружением духовных сокровищ (скрыня, означающая сундук, и сокровище имеют, очевидно, общий корень – тот же, что и в слове скрытое, сокровеннное, т. е. спрятанное), есть воистину Божий дар и <всему этому подобает> ликование. Такой именно мысли в сохранившихся сочинениях свт. Софрония, скорее всего, нет (т. е. это чистый вымысел), но, именно такая, она для него была бы вполне естественной.

Однако «ссылка» именно на свт. Софрония Иерусалимского могла быть спровоцирована, весьма вероятно, следующим пассажем Вяч. Иванова: «Смерть значила для него [Скрябина. – *А. Л.*] свершение личности: воссоединение мужской ипостаси божественного духа с его женскою ипостасью». Пассаж этот, вполне кощунственный (что, вероятно, самим Вяч. Ивановым или совсем не сознавалось, или же вовсе отрицалось, когда ему на это указывали, – а Ильин должен бы был, ибо ему кощунственность такого утверждения была, несомненно, совершенно очевидной), заимствует лексику христианской православной догматики, причём лексику именно свт. Софрония, его известного Соборного послания; см. полный текст, напр., в деяниях Вселенских Соборов, изданных в русском переводе при Казанской Духовной Академии (Т. 6. Изд. третье. – Казань, 1908. С. 140–163).

Очевидно, Ильин пародирует во всём своём письме-розыгрыше именно содержащую приведённый пассаж статью Вяч. Иванова («Взгляд Скрябина на искусство»), которая в целом написана если не в точно таком же стиле (Ильин, как бывает во всякой пародии-сатире, нарочито выпячивает высмеиваемые особенности оригинала), то в во многом очень схожем. См. её в *Иванов Вяч.* Собрание сочинений. Т. 3. – Брюссель, 1979. С. 172–189 (процитированное – на с. 180–181). В указанном издании эта статья была опубликована фактически впервые, однако комментарий к ней Д. В. Иванова (1912–2003), сына Вячеслава Иванова и редактора собрания, со-

общает, что на корректурах её не вышедшего в свет ещё дореволюционного издания Вяч. Иванов оставил примечание: «Читано на вечерах-концертах Скрябинского Общества в Петрограде, в декабре 1915 г., и в Москве, в январе 1916 г., а также в Киеве, в апреле 1916 г.» (см. *Там же.* С. 736). По всей видимости, Ильин присутствовал на одном из этих (или, скорее, предшествовавших им) чтений, и его письмо есть реакция на услышанное.

Отрицательное отношение Ильина к Вяч. Иванову хорошо известно (срв. хотя бы в наст. переписке письмо № 18; или № 784, в котором, уже по кончине Иванова в 1949 г., Ильин числит его в ряду «плеяды соблазнителей», наряду с Розановым, Мережковским, Флоренским, Бердяевым и Карсавиным), и из сказанного видно, насколько серьёзные основания оно могло иметь и имело. Наконец, ясно, что весь этот ильинский (на поверку вовсе не весёлый, как в других случаях) розыгрыш был призван оградить Н. К. Метнера от возможного влияния на него Вяч. Иванова. Добавим, что ни в фондах Н. К. Метнера (Ф. 132) или А. Б. Гольденвейзера (Ф. 161) Музея музыки, ни в *Архиве* нами пока не обнаружено никаких следов общения Н. К. Метнера (имеется лишь его положительный отзыв в письме страшему брату от 22 сентября 1933 г. на статью Иванова о Гоголе; см. *Метнер. Письма.* С. 457) с Вяч. Ивановым, несмотря на то, что сам Э. К. Метнер не прерывал с последним общения (в том числе, и переписки). Добавим также, что указанное резко отрицательное отношение Ильина к Иванову несомненно послужило одной из причин серьёзного охлаждения отношений Ильина и Эмилия Метнера (если не размолвки или даже некоторой ссоры между ними).

[86] РНММ. Ф. 161, № 13277. Письмо написано на почтовой открытке с репродукцией картины И. Билибина «Весна». Марки нет, но и в конверте оно едва ли отправлялось – скорее всего, было передано как визитная карточка или т. п.

[87] РНММ. Ф. 132, № 4736. Открытка с изображением собаки (была вложена, очевидно, в конверт, который не сохранился).

[88] РНММ. Ф. 132, № 4786. Написанное на почтовой карточке, это письмо датировано по крымскому («Кекенеиз Тавр.») штемпелю, на котором указано «9 4 16». Кекенеиз (встречаются также написания Кикинеиз, Кикенеиз и под.) Таврический (с 1945 г. – Оползневое) – поселение на южном берегу Крыма, недалеко (к за-

паду) от Симеиза, называвшееся по одноимённому (Кикинеиз) мысу (он же – мыс Св. Троицы; Оползневое-Кекенеиз расположено к северу от него; к востоку – совр. посёлки Понизовка и Кацивели).

[89] Кастрополь (с 1971 г. – Береговое) – посёлок в Крыму на берегу моря, в нескольких километрах к западу от Кекенеиза (Оползневого, см. пред. комм.).

[90] Белкино – одно из старинных поселений на месте современного Обнинска (первое летописное упоминание о нём, как и о Москве, относится к 1147 г.). В XVIII в. в селе Белкино появилась усадьба, которую приобрёл в 1840 г. полковник Н. А. Обнинский (1796–1863). Кроме Белкина, Метнер в письме, на которое отвечает Ильин (если это ответ именно на письмо, а не на бывший ещё в Москве разговор), мог упоминать Пяткино и Самсоново – также находящиеся в черте современного Обнинска, или же усадьбы Турлики-Михайловское (имение М. К. Морозовой, в котором бывали Метнеры, см. комм. 30, и в окрестностях которого намеревались снять дачу) и Бугры (в последней Метнеры будут жить в 1919–1921 гг. по приглашению А. И. Трояновской, сначала отправившись туда лишь отдохнуть, но так там и оставшись) – отсюда «Белкины и т. д.».

[91] РНММ. Ф. 132, № 4785. Открытка с типографской подписью: «Firenze – Galleria Uffizi – La Vergine col divin figlio. (Mantegna) [(*ит.*) Флоренция – Галерея Уффици – Пресвятая Дева с Божественным Сыном. (Мантенья)]». Андреа Мантенья (ок. 1403–1506) – выдающийся художник раннего Возрождения. На обороте открытки сначала написан тот же московский адрес Метнера, что и на предыдущей (письмо № 17), но затем зачёркнут, так что она была, как в ней ниже и указано, отправлена закрытым письмом, т. е. в конверте.

[92] Младенец на картине Мантеньи, изображённый задумавшимся и отрешённым, действительно чем-то в лице напоминает Н. К. Метнера. Следует отметить, что впоследствии, после революции и в эмиграции, Ильин не позволял себе подобных вольных (и, вообще говоря, кощунственных, что отмечает и сам Метнер в ответном письме, см. № 23) сравнений. Однако сходство с фигурами, изображёнными на картинах Мантеньи, но не в Николае (с которым до 1922 г. он и не был знаком), а в Эмилии Метнере находил также Карл Густав Юнг, к которому Э. Метнер обратился в 1914 г. как к психотерапевту (см. *Юнггрен М*. Русский Мефисто-

фель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. – СПб.: Акад. проект, 2001. С. 110). Ильин вполне мог в апреле 1916 г. это знать и намеренно отправить Н. Метнеру именно такую карточку, тем самым подшучивая не только над Николаем, но и над Эмилием Метнером и над Юнгом. Opus 5 Н. Метнера – соната для фортепиано f-moll, написанная в 1902–1903 гг.

[93] РНММ. Ф. 132, № 4842. Написанное на почтовой открытке с репродукцией картины Corot – Paysage italien (Coll. Chauchard) из Musée du Louvre [(*фр.*) <Камиль> Коро – Итальянский пейзаж (коллекция Шохарда); Музей Лувра], письмо не датировано, не указан даже год, однако оно, очевидно, прямо связано с предыдущим (№ 18) и несомненно написано раньше следующего (№ 20) письма Ильина Анне Михайловне (с которым Ильин отправляет письмо Э. К. Метнеру, в то время как здесь говорит, что только пишет это письмо), что указывает на границу дат: от 12 (едва ли № 19 был написан раньше № 18, но совсем не исключено, что в тот же день) до 18 апреля 1916 г., которым датирован № 20. Хотя письмо написано на почтовой открытке, отправлено оно было, очевидно, в конверте (не исключено, что одновременно с № 20). Карточка типографской вертикальной чертой разделена надвое, и в её правой части в адресных строках указано рукой Ильина: «Анне Михайловне Метнер» (любопытно, что именно «Метнер», т. е. без ера на конце, т. е. не «Метнеръ»). Текст письма, дойдя до этого места, как бы обрамляет эту надпись.

[94] Пасха в 1916 г. была 10 апреля (в 1916 г. и православная, и католическая, на которую иногда ориентируются протестанты, выпали на один и тот же день), и это, по-видимому, встречное поздравление с Пасхой. Что оно звучит не «Воистину воскресе!», означает, что поздравление Анны Михайловны было не традиционными словами «Христос воскресе!», а простым приветом, что и не удивительно (Н. К. Метнер присоединился к Православию только в 1935 г.), а Ильин, очевидно, деликатно отвечает на поздравление точно таким же приветом.

[95] Явная отсылка к тому же, на что намекает «"Такая же Наталия Николаевна" так же Вам сопривествует. Это она велела так написать» предыдущего (№ 18) письма. Очевидно, Н. К. Метнер где-то и в связи с чем-то написал или сказал, что он «не такой же», однако соотв. письма обнаружить не удалось (скорее всего, впро-

чем, это было в несохранившемся письме А. М. Метнер, содержавшем поздравление с Пасхой, срв. пред. комм., на которое Ильин и отвечает).

[96] Такая подпись и весь «пессимизм» письма, а также столь ранний выезд Ильиных в Крым связаны, несомненно, с обнаруженным у Ильина как раз в это время «туберкулёзом верхушек лёгких», о чём не раз будет идти речь далее.

[97] РНММ. Ф. 132, № 4843.

[98] Это письмо, по-видимому, не сохранилось: в архиве РНММ писем Ильина Э. К. Метнеру нет (имеется лишь одно письмо Э. К. Метнера Ильину, от 14.01.1917; Ф. 132 № 4402) а в Отделе рукописей РГБ в фонде Э. К. Метнера (Ф. 167) обнаруживаются письма И. А. Ильина Э. К. Метнеру лишь 1913–1914 и 1917 гг. (Ф. 167, карт. 16, ед. хр. 14; см. некоторые из них в *Ильин, т. 13*. С. 104–107), но писем 1916 г. как будто бы нет. Также, о какой именно рукописи Ильина идёт речь, до конца неясно (хотя наиболее вероятно, что о какой-то из глав будущей книги-диссертации о философии Гегеля).

[99] Анна Михайловна Петрункевич (сценический псевдоним Ян-Рубан; 1874–1955) – дочь известного общественного деятеля, депутата Первой Государственной думы М. И. Петрункевича; камерная певица (сопрано), первая исполнительница ряда романсов Метнера (ей также посвящён его романс «Я пришёл к тебе с приветом...», ор. 24 № 8). Жена Владимира Поля, очень часто упоминающегося в дальнейшей переписке (см. комм. 716).

[100] Т. е. наразрешимая задача (неразрешимость древней задачи о построении циркулем и линейкой квадрата, равновеликого кругу, была установлена в 1882 г. немецким математиком К. Линдеманом как следствие доказанной им в этом году т. н. трансцедентности числа π).

[101] Дачники-неудачники – срв. начало письма № 4. Недотыкомка – неологизм Фёдора Сологуба, появляющийся в его стихотворении 1899 г. («Недотыкомка серая...») и в писавшемся в то же время романе «Мелкий бес», главный герой которого, Передонов, постепенно и всё сильнее сходя с ума, начинает видеть «недотыкомку» – маленькое, навязчивое существо, всюду снующее и нигде не останавливающееся (это и, судя по всему, только это свойство недотыкомки имеет в виду в комментируемом письме Ильин, про-

изводя, очевидно, его от корня, общего с «приткнуться», «притыкаться»); странное и не до конца ясное – то ли это часть бреда Передонова, иллюзия-галлюцинация, то ли, собственно говоря, тот самый мелкий бес. Ильин же, повторимся, имеет под «летними недотыкомками» в виду лишь то, что Метнеры никак не могут никуда приткнуться в дачном вопросе.

[102] Возможно, это слово является производным от «луч» и означает некоторую «одномерность» диеты (см. ниже примеры: то одно только мясо, то – только капуста). Но не менее вероятна здесь, на наш взгляд, производная от слова «лук», т. е. подаваемая Ильиным в Кастрополе к столу еда бывала обильно приправлена луком.

[103] Повторимся: столь ранняя поездка Ильиных в Крым несомненно связана с открывшейся незадолго до того у И. А. Ильина болезнью лёгких, с попыткой если не полностью излечиться, то хотя бы немного поправить здоровье. См. также письмо № 19.

[104] РНММ. Ф. 132, № 4852. На первой странице письма в правом верхнем углу, по-видимому всё-таки рукой Ильина (надпись очень бледная), карандашом написано: «1916 г.». Нижний край листка, на котором написано письмо, повреждён, но текст читается.

[105] 25 означает, конечно, число (25 апреля), и с этого момента письмо продолжено чернилами другого (зелёного) цвета.

[106] Т. е. А. М. Ян-Рубан.

[107] Анна Михайловна говорит об известной публичной лекции кн. Е. Н. Трубецкого «Умозрение в красках: Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи», вышедшей затем (в том же 1916 г. в Москве, в типографии И. Д. Сытина) отдельной брошюрой с тем же названием и подзаголовком «Публичная лекция» в серии брошюр «Война и культура». В той же серии, но годом ранее, вышла брошюра И. А. Ильина «Духовный смысл войны».

[108] Т. е. исполнения Н. К. Метнером собственных сочинений.

[109] Возможно, речь о какой-либо (или нескольких) из 8 сказок, писавшихся Н. К. Метнером в 1916–1917 гг. и составивших впоследствии его opp. 34 и 35, но вернее, что Анна Михайловна так описывает сочинение Метнером своего первого фортепианного концерта (будущего ор. 33). Срв. письмо № 12 (и комм. 73).

[110] На этом письмо, написанное на листке, сложенном вдвое (с исписанными полностью всеми четырьмя получившимися страничками), обрывается. По-видимому, был ещё один листок, но он, очевидно, утерян.

[111] В Большом Гнездниковском переулке Москвы, в доме купца С. В. Спиридонова, в квартире из пяти комнат жила большая семья Метнеров, откуда потом расселялась по другим московским адресам. В частности, Н. К. Метнер поселился в какой-то момент (ещё в первые годы столетия) в доме купцов Пеговых, расположенном напротив (Малый Гнездниковский пер., д. 12, кв. 8, срв., напр., *Метнер. Письма.* С. 131 и 135; впоследствии там жили другие Метнеры), однако в 1916 г. Н. К. и А. М. Метнеры жили уже в квартире на Девичьем поле (как, в частности, показывают адреса отсылаемых им Ильиным писем).

[112] РНММ. Ф. 132, № 4782. На открытке (с репродукцией одного из не столь широко известных, как его же картина 1890 г., рисунков М. А. Врубеля к «Демону» М. Ю. Лермонтова, под которой отпечатаны первые четыре строки поэмы) – два идентичных штемпеля «Кекенеиза Тавр.[ического]» с датой «27 4 16». Адрес на открытке тот же, что и в письме № 14: Девичье поле, Саввинский пер., д. 12, кв. 6.

[113] То есть в полтора-два раза, а то и более увеличенная пауза (в переписке). Предшествующий рисунок Ильина изображает, правда без нотного стана, именно паузу с ферматой над ней: fermata (*ит.*) – остановка, задержка, – предписывает исполнителю увеличить по своему усмотрению длительность в данном случае паузы – вообще говоря, на неопределённое время.

[114] Т. е. Эмилия Карловича Метнера.

[115] Т. е. по юлианскому календарю (старому стилю), а значит открытка шла именно полтора месяца (а не месяц, как можно было бы предположить, «переведя» дату на новый стиль).

[116] РНММ. Ф. 132, № 4737. Изначально письмо не датировано, на нём лишь позднейшая пометка, несомненно ильинская: «До 9 мая ~~Оболенское~~Москва, 1916», хотя «До 9 мая» написано нехарактерным для него почерком («Оболенское», как и написанное поверх него «Москва», а также год – всё заведомо рукой Ильина; также отметим, что «До 9 мая» подписано, скорее всего, позднее, чем «~~Оболенское~~Москва, 1916»). Границы дат установлены по от-

сылке в наст. письме к письму № 18 (номер 2 по введённому в нём Ильиным исчислению; с учётом того, что № 18 не мог идти менее двух дней) и след. письму (№ 24, также с учётом не менее двух дней на пересылку). Последним письмом для определения даты этого, очевидно, воспользовался и сам Ильин (или тот, кто подписал вышеуказанное «До 9 мая»). Письмо написано на открытке с изображением старика-толстяка в полосатых штанах с пририсованным Метнером к его большому животу нотным станом с единственной нотой на нём (см. также ниже комм. 121 и 124).

[117] Речь, очевидно, о двух открытках, по-видимому несохранившихся, упомянутых в письме № 18 («Вчера были обрадованы Вашими открытками») и затем ещё раз в № 22.

[118] Александров Анатолий Николаевич (1888–1982) – композитор и пианист (ученик С. И. Танеева, К. Н. Игумнова, С. Н. Василенко), в 1916 г. окончил с малой золотой медалью Московскую консерваторию. Автор нескольких, сейчас забытых, опер (первая из которых, «Два мира», написана именно в 1916 г.; современному же слушателю может быть известна записывавшаяся и издававшаяся в 70-е гг. на виниловых пластниках его опера «Левша»). Впоследствии завершил ряд неоконченных сочинений С. И. Танеева и А. К. Глазунова и написал множество своих, ныне малоизвестных, хотя и незабытых: во втором томе светлановской (дирижера Е. Светланова) «Антологии русской симфонической музыки» фирмы «Мелодия», MEL CD 1002481, диск № 35 содержит его Симфонию № 1; изданы записи его фортепианных сочинений фирмами Hyperion Records (CDA67328), Toccata Classics (том 1 – TOCC 0186; том 2 – TOCC 0216) и Ar-Re-Se (AR20131) в исполнении соответственно Хэмиша Милна (Hamish Milne), одного из самых авторитетных современных исполнителей музыки Н. К. Метнера; Киун-А Но (Kyung-Ah Noh) и Фариел Каддур (Fariel Kaddour). Однако российскому слушателю более всего должен бы быть известен диск Виктора Бунина «Сергей Танеев, Анатолий Александров. Учитель и студент» (Caro Mitis, CM 0052010), по которому особенно можно разделить восторг Н. К. Метнера от творчества Анат. Н. Александрова, хотя все представленные на нём сочинения последнего написаны уже после 1916 г. (ранние сочинения Александрова можно найти на вышеперечисленных дисках; в том числе во втором томе издания Toccata Classics «Сонату-сказку» 1914 г., написанную не-

сомненно под влиянием Метнера). Быть может, следует упомянуть, что Анат. Александров – автор музыки к известному фильму «Ленин в Октябре», большей частью, впрочем, являющейся не более чем своего рода вариациями на тему «Интернационала», а также к нескольким довольно известным мультфильмам (напр., «Сармико», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», «Остров ошибок», «Девочка и слон»). Александров оставил интереснейшие воспоминания о Метнере – «Незабываемые встречи» (см. выше комм. 14; см. также нетождественные им «Воспоминания о Н. К. Метнере» в кн. *Александров А. Н.* Воспоминания. Статьи. Письма. – М.: Советский композитор, 1979. С. 62–74), где описал, в том числе, и своё знакомство с ним, о котором идёт речь в комментируемом письме Метнера. Два письма Метнера Александрову см.: *Там же*. С. 140–143 или в: *Метнер. Письма.* С. 254–255 и 326–328.

[119] Об Оболенском см. комм. 31. Само же имение же могло принадлежать калужскому присяжному поверенному Сергею (Соломону) Ефремовичу Лиону (1856–1936), сыну кишинёвского купца, или же его брату, архитектору Иосифу Ефремовичу Лиону (1854–1926).

[120] См. выше письмо № 18 и комм. 91 и 92.

[121] См. письма № 1 и № 2–2а выше. Лицевая сторона открытки, как имеющая прямое отношение к «Цыдуле», воспроизведена в *Ильин*, *т. 32*, на вкладке с иллюстрациями перед стр. 417, где ошибочно нами определена как рисунок Метнера (на самом деле Метнер лишь пририсовал некоторые детали к открытке, в частности ноты, см. комм. 116 и 124): здесь, впервые после сочинения «Цыдули», Метнер называет себя присвоенным ему Ильиным шутливым именем.

[122] РНММ. Ф. 132, № 4773. Письмо, судя по его содержанию и по штемпелям на конверте (трём идентичным «Кекенеиз Тавр.» с датой «10 5 16»), отправлено из Кастрополя. Также на конверте имеется московский штемпель с датой «13 5. 16».

[123] В отличие от надписи на конверте, здесь фамилия Метнера отчего-то написана Ильиным, причём оба раза, с ятью. Едва ли это описка – скорее всего, сделана намеренная ошибка (в духе всех шуток друзей на эту тему). См. ниже комм. 131.

[124] Badehose (*нем.*) – трусы для купания, купальный костюм. Открытка (воспроизведена в *Ильин*, *т. 32*, на вкладке с илл. перед

стр. 417) изображает стоящего с развевающейся как будто на ветру бородой и широко расставленными ногами старика в полосатом купальном костюме первой трети XX в. (Badehose), то ли поглаживающего, то ли прикрывающего свой немалый, несколько выпирающий из трусов живот. Прямо посередине живота, у пупа, изображён фрагмент нотного стана с единственной нотой на нём.

[125] Т. е. И. А. Ильину (это «Мне» является окончанием сообщаемого Ильиным Метнеру своего адреса).

[126] Этим планам сбыться именно в таком виде было не суждено: таких книги или статьи Ильин не написал ни в 1916 г., ни позже. Однако высказанные здесь идеи вылились как в некоторые страницы, напр., «Пути духовного обновления» (срв. гл. седьмую, п. 1; см., напр., *Ильин, т. 1.* С. 199), так и в обширное введение, «О чтении и критике», к работе «О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин – Ремизов – Шмелев» (см., напр., *Ильин, т. 6, кн. 1.* С. 185–209).

[127] РНММ. Ф. 132, № 4784. Открытка «Байдарские ворота. Porte de Baidar. Крым. Crimée». На обороте: «Е. М. Ковшанлы. Севастополь». На открытке имеются московский штемпель (от 17 мая) и штемпель Оболенского Калужской губернии (от 19 мая 1916 г.). Е. М. Ковшанлы – крымский купец, владелец «Книжного и писчебумажного магазина» в Севастополе, располагавшегося на Большой Морской улице (дом 2), также издатель (помимо многочисленных открыток, им издан, напр., «Спутник по Севастополю и его окрестностям»; сост.: М. Протопопов. – Севастополь, 1914).

[128] Шутливое «отавричивание» имени Николая Метнера (ниже, в подписи, Ильин делает то же со своим именем) по образу названий горы Ай-Петри, мыса Айя и т. д. Едва ли, впрочем, Ильин хочет сказать «Святой Николай» или «Святой Иван» («Ай» происходит от *др.-греч.* Ἅγιος – святой), ибо в таком случае и имена он бы переделал на, быть может, тоже испорченный, но греческий манер.

[129] Так называется горный перевал через Крымские горы близ Севастополя, однако чаще он называется просто Байдарским перевалом, в то время как название Байдарские ворота присвоено архитекурному памятнику 1848 г., возведённому в честь окончания строительства шоссе Ялта – Севастополь и представляющему собой действительные ворота. По-видимому, Ильины проезжали ими на обратном пути из Кастрополя в Москву (через Севастополь).

[130] РНММ. Ф. 132, № 4733.

[131] Именно так («МѢтьнерамъ»), тогда как в подписи к письму: «Н. Метнеръ» – орфография уже обычная. Возможно, здесь зашифрована какая-то шутка (если это не простая реакция на ошибку Ильина, описанную в комм. 123, то здесь – предположим! – может быть намёк Метнера на произнесение своей фамилии местным почтальоном: и посейчас коренные уроженцы Калужской области, что автор этих строк может засвидетельствовать ярким личным опытом, смягчают некоторые согласные звуки, а звук «е» порой произносят чуть ближе к «и», что в старой орфографии вполне могло быть выражено заменой буквы есть, «е», на ять, «ѣ»). Впрочем, Метнер и раньше заменял есть на ять в своей фамилии (срв. выше письма № 2а и № 10, причём в первом случае наличествует и ерь, т. е. «ь», мягкий знак, после тверди, «т»), так что это, повторимся, по-видимому, какая-то очень старая шутка, быть может семейная. Однако в следующем письме Метнера Ильину (№ 29, срв. также комм. 155 и 157) смысл, больший, чем просто шуточный, замены Метнером «е» на «ѣ» в своей фамилии (с добавлением мягкого знака) вполне приоткрывается.

[132] Срв. письмо № 24: «... в смысле еды Кастрополь оказался кастрюполь».

[133] М. К. – Маргарита Кирилловна Морозова, имение которой, Михайловское, где Метнеры гостили почти за год до комментируемого письма (см. письма №№ 7 и 9), находилось неподалёку. Уже упоминавшийся выше (в комм. 49) Габричевский Александр Георгиевич (1891–1968) – искусствовед и филолог, сын ученого-микробиолога и медика Г. Н. Габричевского, брат друга Ильина Г. Г. Габричевского (см. след. комм., а также комм. 450).

[134] Метнер имеет в виду дружбу Ильина с младшими братьями Александра: Юрием (Георгием; 1896–1979) – художником (написавшим, в частности, уже в эмиграции, ставший ныне знаменитым рисунок-портрет Ильина, а также и портрет Н. Н. Ильиной, висевший в «жилище» Ильиных в Швейцарии: см. поэму Ильина «Наше жилище» // *Ильин*, *т. 32*. С. 366 и *Там же*, комм. 237. С. 653) и Евгением (1893–1979) – биологом и художником.

[135] Кажется, в этих строках можно усмотреть некоторый комментарий к роману «Соколий пуп» (см. комм. 49), иллюстратором которого, напомним, был А. Г. Габричевский.

[136] 28 мая – день рождения Н. Н. Ильиной.

[137] РНММ. Ф. 132, № 4783. На открытке со штемпелем Оболенского с датой 6 июня 1915 (sic!) г. и двумя неразборчивыми, но явно идентичными штемпелями «Иконское Ту<ла [срв. комм. 206]>», на одном из которых чётко читается год: «16», а на обоих – число: «3», и с тем же адресом, что и в письме № 25, репродукция «Старая. Издание А. С. Голубкиной в пользу раненых 1914 г.» с тип. припиской на обороте открытки: «Выставка скульптуры А. С. Голубкиной. Музей Изящных Искусств имени Императора Александра III [Так, с прибавлением «при Императорском Московском Университете», до 1917 г. назывался Пушкинский музей – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. – *А. Л.*], в Москве». В 1914 г. в Музее изящных искусств состоялась персональная выставка скульптора А. С. Голубкиной (1864–1927), все сборы от которой, оказавшиеся огромными, Голубкина пожертвовала в пользу раненых начавшейся мировой войны. Также была выпущена серия открыток с изображением экспонатов выставки. Мраморный бюст «Старая» 1908 г. в настоящее время хранится в Государственной Третьяковской галерее.

[138] Т. е. от племянницы Н. К. Метнера Веры Карловны Метнер (1897–1985), дочери его брата Карла Карловича (1874–1919), в замужестве Тарасовой (жены Николая Петровича Тарасова, о котором см. в *Ильин, т. 33.* С. 552) и сестры А. М. Метнер Елены Михайловны Братенши (1876–1945); преподавателя немецкого языка, старшего преподавателя Московского университета (в 1934–1945 гг.) и Института международных отношений (в 1944–1957 гг.). Переданное ею Ильину «редшайшее» письмо Метнера есть, по-видимому, всё-таки пред. письмо (№ 26).

[139] РНММ. Ф. 161, № 13281. Штемпель на сохранившемся конверте: «ЛАЗАРЕВО ТУЛ 12 6 16». На конверте же надпись карандашом: «5 страниц», но едва ли она была сделана до его отправки. Быть может, она слегка приоткрывает загадку обнаружения (этого и ещё 6) писем Ильина в архиве А. Б. Гольденвейзера (см. в издательских заметках перед комментариями часть о попадании писем в архивы), если, конечно, она не сделана кем-либо из сотрудников Музея Глинки (страниц в письме действительно 5: полностью исписанный сложенный вдвое лист и ещё одна сторона половинки подобного листа): возможно, это письмо было отдано Метнером

Гольденвейзеру на прочтение (для чего на конверте и было указано число его страниц), но так и не возвращено последним обратно.

[140] Несомненная шпилька Ильина в адрес композитора Клода Дебюсси (1862–1918) может быть намеренной игрой слов: в 1910 г. голландским зоологом П. Н. ван Кампеном (1878–1937) была описана Hylarana debussyi (она же Rana debussyi или Pulchrana debussyi) – лягушка Дебюсси, вид т. н. настоящих лягушек (*лат*. Ranidae) рода Pulchrana, названная в честь биолога Л. П. Дебюсси (L. P. Debussy), не имеющего к композитору, по-видимому, никакого отношения.

Несомненно же, что эта ильинская шпилька есть продолжение какого-то его разговора с Метнером о К. Дебюсси. Явно рассчитывающая на понимание, она несомненно знает об отношении Метнера к французскому композитору, сформулированном спустя много лет (в письме к о. Георгию Серикову (1902–1991) от 17 сентября 1951 г.) весьма недвусмысленно: «В *лучшем* случае она [гармония. – *А. Л.*] демонстрируется нам гармоническими фортелями-фейерверками Дебюсси, которого я лично могу слушать не более 5-ти минут (не считая его прекрасного Квартета g-moll), до такой степени вся его гармония тоже основана на "*звуковом колорите*", что нисколько не питает душу или сердце...» (См. *Метнер. Письма.* С. 532). См. и срв. также комм. 36-763.

[141] «Вербный чертик» – один из самых ходовых товаров московского вербного базара (рынка, разворачивавшегося на Красной площади на предваряющей Страстную последней неделе Великого поста): «Это маленькие стеклянные пробирки с водой и с натянутой сверху тонкой резинкой – обычно клочком от лопнувшего воздушного шара, – а внутри пробирки крошечный чертик из дутого стекла, либо синий, либо желтый, величиной с таракана, вертится и вьется при нажатии пальцем на резинку, спускается на дно и снова взвивается кверху. Стоили эти "морские жители" копеек по 15–20, и ими торговали разносчики так, как никакими иными вербными товарами. <...> Любопытно отметить, что эти "морские жители" появлялись только на вербном базаре, в течение нескольких дней. В иное время года их нельзя было достать нигде, ни за какие блага. Куда они девались и откуда вновь через год появлялись, публика не знала. Потому они и покупались здесь нарасхват» (*Н. Д. Телешов*. Москва прежде, гл. IX. Цит. по: Московская старина: Воспомина-

ния москвичей прошлого столетия. – М.: Правда, 1989. С. 458–459). См. также о «вербных чертиках» в воспоминаниях *И. А. Белоусова* «Ушедшая Москва» (*Там же.* С. 370–371).

[142] Т. е. abgelegte Kinderhose (*нем.*) – сброшенные (снятые) детские штанишки.

[143] Очевидно, «известный карлик» есть крошка Цахес, а «мимохожая дама» – фея Розабельверде (фрейлейн фон Розенгрюншён или фон Розеншён), т. е. персонажи сказочной повести Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес по прозванию Циннобер». Повесть начинается с того, что бедная, измученная нуждой и горем женщина, носящая за спиной в корзине своего двух с половиной летнего сына, карлика-уродца Цахеса, в изнеможении, близком к смерти, засыпает у дороги, но случайно проходящая мимо фрейлейн фон Розеншён (чуть позже выясняется, что она же – фея Розабельверде), сжалившаяся над несчастной и её ребёнком, передаёт им часть оставшихся у неё даров, так что мать, пробудившись, чувствует, что окрепла и посвежела, а её сын, до того не ходивший и не говоривший, вдруг обретает способность и говорить, и ходить. Более того, с тех пор крошку Цахеса все (кроме поначалу только лишь матери и двух студентов) видят отнюдь не карликом-уродцем (каковым он быть не перестаёт, и не только внешне, но и по душе, что проявляется уже в его капризе тут же по совершении чуда, а после – в чудовищных выходках), а премилым и пригожим мальчиком (а затем и статным, достойным и добродетельным молодым человеком).

Очевидно, в этом месте письма Ильина присутствует некоторая самоирония: помещая себя между былинным героем Ильёй Муромцем, не владевшим руками и ногами и сидевшим на печи до 30 и 3 лет, после которых исцелённым каликами *перехожими*, и совершенным антигероем Крошкой Цахесом, точно так же исцелённым *мимохожей* дамой, он во всех случаях осознаёт, что ему достались к его 33 годам несомненные дары (пусть способность, которой одарила Крошку Цахеса фея Розабельверде, – отнюдь не безобидная и нисколько не благая: привлекать к себе людей, приписывающих под действием волшебства чужие – а порой даже и свои, – заслуги и не свойственные Цахесу-Циннобер качества – именно ему, а всё чудовищное и мерзкое, что делает именно он, – другим, чаще всего именно жертвам его мерзких выходок), но что он в итоге может оказаться как святым (былинный герой из Мурома отождествляется

с киево-печерским преподобным Илией Муромцем), так и отвратительным носителем несомненного зла.

[144] Диплококки – округлые бактерии (кокки – бактерии округлой формы), обычно встречающиеся парами. Например, пневмококки, сопровождающие или вызывающие хронические болезни лёгких (напомним, что именно в это время у Ильина обнаружилась серьёзная лёгочная болезнь). Однако нет сомнений, что Ильин здесь имеет в виду не столько её (вообще говоря, с диплококками, по-видимому, не связанную никак), сколько «претензию на него» со стороны немецкой философии, в частности Гегеля и даже Гуссерля, метод которого он усвоил и развил очень глубоко, однако же даже если он и может быть назван в философии «гуссерлианцем», то всё-таки в значительной мере условно (разве что как действительно хороший ученик, усвоивший и переработавший в себе всё лучшее, что узнал у Гуссерля или *через* него). Расхожее же (в значительной мере, бездумное) называние Ильина «философом-гегельянцем» и вовсе лишено основания, что одним из первых заметил и очень чётко сформулировал Н. Н. Алексеев в письме П. Н. Савицкому (см. *Ильин, т. 33*. С. 348) и что не раз обнаружится, пусть и косвенно, далее в публикуемой переписке.

[145] Фистула – здесь: флейта (от *лат.* fistula – свирель).

[146] Если это письмо и было написано, то оно не сохранилось.

[147] Т. е. (всего лишь) вернувшийся из Крыма (срв. комм. 128).

[148] РНММ. Ф. 132, № 4738. Письмо написано в два дня на, полностью исписанных, трёх листах, каждый из которых сложен вдвое и, таким образом, содержит 4 страницы (всего – 12; предпоследняя страница письма, на которую Метнер просит Ильина ответить, выделена символами [], см. конец письма). Листы пронумерованы автором (номера указаны в наст. публикации в квадратных скобках).

[149] Ныне ругательство, обращённое к женщине лёгкого поведения, это слово было таковым далеко не всегда (как фактически свидетельствует настоящее письмо). Прежде оно означало не более как неопрятно, непрезентабельно одетого человека, вне зависимости от его пола, и ругательством, вообще говоря, не являлось, хоть и использовалось в качестве такового, но такое использование было не столько ругательством, сколько выражением пренебрежения (срв. слово «неряха»).

[150] Unkraut (*нем.*) – сорная трава. Всё это замечание в скобках написано Метнером почерком заметно, почти вдвое, меньшего размера, чем основной текст письма.

[151] Вандербильт Корнелиус (1794–1877) – один из богатейших и успешнейших предпринимателей США XIX в., основатель плутократического рода, семьи американских миллионеров.

[152] Слово «творчество», само несколько вычурно написанное, обрамлено ещё более вычурными кавычками.

[153] Срв. комм. 12. Несомненно, весь этот пассаж (он продолжается далее ещё на два абзаца) напрямую связан с обозначенной Метнером как Opusculum 1 «Цыдулей» и выдаёт, в том числе, и его, вполне пренебрежительное, отношение к ней (а также возможную причину позднейшего почти полного забвения её автором). Однако если и остальные «опузкулумы» (или – ниже – уже вполне серьёзные, хоть и с новым каламбуром, но уже без намёков на «пузо», опускулумы) Метнера, о которых он здесь пишет, были хотя бы вполовину столь же прелестны, как «Цыдуля», их собрание (не «пылятся» ли их ноты в архивах до сего дня, как то было до недавнего времени с «Цыдулей»?) несомненно стало бы одной из ярких страниц музыкального наследия композитора.

[154] Отсылка к басням И. А. Крылова «Обезьяна» (Книга третья, VI) и «Мартышка и очки» (Книга первая, XVII).

[155] Срв. подпись к письму № 2а, а также комм. 123 и 131 выше.

[156] Срв.: «Аскетическому рвению Франциска много способствовало то, что он разделял всеобщее тогда воззрение на тело, как на нечто чуждое и враждебное душе, – а это легко вело к самоистязанию. Выражая этот взгляд своим образным языком, он называл свое тело "братом ослом", которого нужно обременять тяжелой ношей, плохо кормить и часто бить бичом» (*Герье В.* Франциск, апостол нищеты и любви. – М., 1908. С. 166–167).

[157] Здесь вновь изначально было «МѢтьнеру», но ять после как будто бы (но полной уверенности нет) аккуратно переправлена на есть («е»). При этом ерь («ь») оставлен.

[158] Отсутствие в цитате пунктуации намекает, возможно, на её фразеологичность. Тем не менее уточним, что это «Квартет», номер I Книги четвёртой басен И. А. Крылова.

[159] «Parerga und Paralipomena: kleine philosophische Schriften [(*нем.*) Пареpги <от *др.-греч.* πάρεργα – побочности, прибавки>

и паралипомены <παραλειπόμενα – упущенности; срв. названия двух книг Ветхого Завета: 1 и 2 Паралипоменон, содержащих как бы упущенное в книгах Царств и их дополняющих>: небольшие философские сочинения]» – двухтомный труд Артура Шопенгауэра, изданный им в 1851 г. и дополняющий его философию.

[160] Метнер имеет в виду строки письма № 24: «Из чтения наслаждался тут многим, чем Вы тоже должны насладиться, если, конечно, захотите. Но об этом после».

[161] Слова «о нем нужно вспомнить» надписаны мелким почерком над словами «(его только надо найти)».

[162] Срв.: «Поэтому я советовал бы своим остроумным землякам, если им опять придет охота какого-нибудь дюжинного человека в течение 30 лет провозглашать великим гением, не выбирать себе любимца с такою физиономией трактирщика, какую имел Гегель, на лице которого самым разборчивым почерком было написано природою столь знакомое ей название: "дюжинная голова"» (*Артур Шопенгауэр*. Афоризмы и максимы: Мысли о физиономике; о женщинах; о страданиях мира; в дополнение к этике; о критике, суждении, одобрении и славе; об учености и ученых; о самостоятельности мышления (из «Parerga und Paralipomena»). Перевод Ф. В. Черниговца. Изд. четвертое. Том первый. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1892. С. 305). – Скорее всего, Н. Метнер читал именно этот перевод, содержащий в целом три тома, а не оригинал «Parerga und Paralipomena», как можно было бы подумать по его письмам Ильину и (см. след. комм.) брату Эмилию.

О шарлатанстве Гегеля Шопенгауэр высказывается неоднократно на протяжении всех трёх томов указ. сочинения. Например: «...а напоследок дело дошло до того, что вдоль и поперек жалкий шарлатан, Гегель, был поставлен наравне с Кантом, и даже выше его». (*Там же.* С. 418).

[163] О том же чтении Шопенгауэра Н. К. Метнер делится в письме брату Э. К. Метнеру, написанном в том же имении Лион, но несколькими днями ранее (13 июня 1916 г.): «Читаю последнее время "Афоризмы и максимы" (из "Parerga und Paralipomena") Шопенгауэра. Колоссальный ум, но какой отталкивающий характер! В статье "О критике, суждении, одобрении и славе" он подозревает в зависти к Россини, и кого же? Музыкантов, выделивших из своей среды Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта и проч[их]. Уж не их ли самих

даже он подозревает? То есть тех из них, которые современны Россини... И притом в этой же статье и чуть ли не на этой же странице уподобляет непризнанных гениев королям, которые при появлении своем *в толпе без свиты* остаются неузнанными большинством, т. к. последние распознают их только по свите. Это даже пикантно.

Очень уж он желчен, зол и пессимистичен до цинизма. Но хотя он мне чужд, я все-таки очень много вынес из этого чтения и хотел бы знать, что было бы для меня столь же доступно из философского чтения?» (*Метнер. Письма.* С. 168).

Следует заметить, что в указанной Метнером статье (см. цит. в пред. комм. изд. С. 414–459) Шопенгауэр, вопреки предположению Метнера, вовсе не подозревает описываемую им зависть ни в Моцарте или Бахе, ни даже в Шуберте и Бетховене, у которых, следует впрочем признать, основания для зависти именно к Россини вполне могли быть, ибо тот был невероятно успешен и востребован, хотя, до своего переезда в Париж, зарабатывал весьма умеренно – они же (Шуберт и Бетховен) были крайне бедны, если не прозябали в нищете, при заведомо не меньшей одарённости. Однако в действительности и они едва ли завидовали Россини – Бетховен, едва успевший с ним познакомиться, в особенности.

Шопенгауэр говорит о другой зависти, действительно имевшей место: «Чтобы не искать примеров ни слишком близко, ни в баснословной древности, стоит только взглянуть, как зависть немецких музыкантов, в течение целого человеческого века, упорствовала признать достоинства и заслуги великого Россини; я сам был однажды свидетелем, как на одном большом музыкальном празднестве, на мотив его бессмертного di tanti palpiti, было пропето обеденное меню. Бессильная зависть! Мелодия покрыла и поглотила пошлые слова. И наперекор всякой зависти, чудные мелодии Россини разошлись по всему земному шару и услаждают всякое сердце и теперь, как тогда, и будут услаждать in secula seculorum (во веки веков)» (*Там же.* С. 430).

«Di tanti palpiti» – «выходная» ария Танкреда из первого акта одноимённой оперы Россини; была, как и вся опера, невероятно популярна в Европе со дня первого её представления в 1813 г. и до угасания интереса к Россини к последней четверти XIX в., связанного, не в последнюю очередь, с серьёзным упадком певческого исполнительского искусства belcanto. Приведшем, в частности,

и к тому, что, в отличие от Шопенгауэра, Метнер, по существу, мог не иметь вообще никакого адекватного представления о Россини (срв. выше в комментируемом письме его слова о Шопенгауэре: «итальянских шарманщиков [т. е. Россини, как следует из приведённой выше цитаты из «Афоризмов и максим». – *А. Л.*] предпочитал отечественным титанам»), в том числе даже и о единственной – из порядка 40! – никогда не переставшей ставиться его опере, «Севильский цирюльник», исполнение которой вплоть до возрождения серьёзного интереса к Россини в 1970–1980-х гг. никогда не обходилось без существенных сокращений и стилевых искажений. Иронично, но – хоть Шопенгауэр этого-то и не пишет, – немецкие композиторы-современники Россини, в том числе и Бетховен, и Шуберт, и, в особенности, не упомянутый Метнером Карл Мария фон Вебер относились и к итальянской опере в целом, и, в частности, к Россини с той снисходительностью, которая порой едва отличима от высокомерия и даже пренебрежения: от «я их [Оперы seria Россини, включая, по всей видимости, и «Танкреда». – *А. Л.*], просмотрел... пишите побольше "Цирюльников"», сказанного Бетховеном явившемуся к нему молодому Россини, до ругательных, если не злобных, отзывов, в том числе и о «Танкреде», Вебера (см., напр., *Вейнсток Г.* Джоаккино Россини. Принц музыки. – М.: Центрополиграф, 2003. С. 153, 155, 185–186). По легенде, Шуберт написал две свои изящные итальянские увертюры 1817 г. (Увертюры в итальянском стиле, D. 590 и D. 591), споря с кем-то о том, что сделать это ему ничего не стоит и что он мог бы написать таковых сколько угодно... Даже если это выдумка позднейшего (или даже новейшего) времени, за ней стоит именно то, что осуждает в своей статье Шопенгауэр (ибо иначе такая выдумка и не могла бы состояться).

Мы позволили себе столь длинные цитирования и отступления для иллюстрации действительно серьёзного душевного разлада и кризиса, в котором было написано Метнером комментируемое письмо.

К вопросу о знакомстве Метнера с Россини: в его архиве, хранящемся в Музее музыки, имеется любопытный документ (Ф. 132, №№ 158–159). Он озаглавлен как «Россини. Увертюра к опере "Отелло". Инструментовка Метнера Н. К. Для симфонического оркестра. Партитура». Дата не указана («б. д.») и снизу отмечено: «Не

закончено. Автограф. Чернила – 1 л. и карандаш <8 л.>. Там же печатн. издание увертюры [Точнее, её переложения для двух фортепиано в издании П. Юргенсона (тоже без даты). – *А. Л.*] 5 л. (9 стр.)». По-видимому, это лишь самое начало какой-то ученической работы (для чего другого, кроме как для упражнения в оркестровке могла понадобиться такая деятельность?), заброшенной Н. К. Метнером после первых же страниц. Отметим также, что, хотя на печатном издании (где автор переложения не указан) имеется карандашный росчерк «НМетнеръ», авторство фортепианного переложения заведомо принадлежит не ему (ибо для чего ему самому потребовалось бы от переложения «возвращаться» к новой оркестровой версии, коль скоро он имел перед глазами оригинальную?). Отметим, что лишь по увертюре к «Отелло» (и, тем более, по её фортепианному переложению), хоть, как и всё другое у Россини, весьма красивой и изящной (в первой своей части, добавим для полноты, повторяющей с небольшими изменениями начало его же увертюры к «Турку в Италии»), невозможно составить совсем никакого представления (кроме весьма отдалённого) даже о самой этой опере, не говоря уж о Россини в целом. Однако есть основания полагать, что знакомство Метнера с Россини если не ограничилось едва начатым изучением-инструментовкой этого её переложения, то не очень далеко от него ушло.

[164] Т. е. не с обычным, земным, человеком («Антропка» – от *др.-греч.* ἄνθρωπος – человек), а с каким-то уже другим, изменившимся («Селенитка» – от *др.-греч.* σελήνη – луна). Здесь, заметим, не следует усматривать никакой, кроме быть может случайной, переклички с опубликованным в 1911 г. в Санкт-Петербурге трактатом В. В. Розанова «Люди лунного света», о котором Н. К. Метнер едва ли имел хотя бы какое-нибудь представление (кроме, быть может, чего-то, повторимся, случайно о нём услышанного).

[165] Рокотков Александр (наст. имя Коротков Карп Егорович или Карапет Георгиевич; 1879–1954) – поэт и писатель 1900–1910-х гг., автор многочисленных поэтических сборников. Том 7 его собрания сочинений (М.: Т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1909) назван «В вихре мысли» и содержит рассказы, стихи, *афоризмы* и поэмы. Также характерно название его сочинения, изданного той же типолитографией Машистова в 1905 г.: «Космическая эпопея: Песнь о Небе, Хаосе и Пане Великом».

[166] Имеется в виду практиковавший лечебный гипноз (отсюда и как бы угрожающие нотки в этом фрагменте письма, ибо Ильин едва ли мог одобрять гипноз) врач-психотерапевт Николай Владимирович Даль (1860–1939), у которого лечились, в том числе, Э. К. Метнер, А. Н. Скрябин, К. С. Станиславский, Ф. И. Шаляпин и также С. В. Рахманинов, страдавший от тяжёлой депрессии из-за провала своей Первой симфонии (1897), а после посвятивший Н. В. Далю свой знаменитый Второй фортепианный концерт (1900–1901). Чуть ниже, в «И кто знает, может быть, тогда и напишу концерт...», – Метнер намекает именно на эту историю, имея при этом в виду и создававшийся именно в то время свой собственный фортепианный концерт, завершённый им лишь к 1918 г.

[167] Т. е. Эмилия Карловича Метнера.

[168] РНММ. Ф. 132, № 4734. На письме позднейшая пометка Ильина: «Оболенское 1916 г.».

[169] Т. е. открытку с подписью Ай-Ваниль (см. выше письмо № 25).

[170] 24 июня юлианского календаря – праздник Рождества Иоанна Крестителя (день Ангела И. А. Ильина), 20 июля – день памяти пророка Илии.

[171] Т. е. открытку с изображением скульптуры А. С. Голубкиной «Старая» (см. письмо № 27).

[172] Т. е. о письме № 28.

[173] И дважды выше, и здесь, и ниже в кавычки Метнер заключает (а иногда, в случае фистулы напр., обходясь и без них), не всегда точные, цитаты из письма № 28.

[174] РНММ. Ф. 132, № 4774. На сохранившемся конверте адрес тот же, что и в письме № 25, и два идентичных штемпеля: «Лазарево Тул.» с датой «26 6 16».

[175] Возглас Сальери из сцены I трагедии А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

[176] Zwei Butterbröte (*нем.*) – две булочки с маслом (два бутерброда).

[177] Чернильная клякса полностью закрыла «кое», которое сквозь неё, впрочем, вполне ясно просматривается, однако Ильин выше кляксы приписал ещё одно «кое», карандашом. Нет сомнений, что это было им сделано до отправки своего письма.

[178] РНММ. Ф. 132, № 4781. Открытка «М. А. Врубель. Бессонница. Музей Имп. Александра III». В данном случае «Музей Имп. Александра III» (срв. комм. 137 и следующий, 179) означает современный Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге, до 1917 г. называвшийся Русским Музеем Императора Александра III. Адрес на открытке тот же, что и в пред. письме (№ 31, именно его Ильин в наст. письме называет закрытым). На открытке три штемпеля: два идентичных: «Лазарево Тул.» с датой «26 6 16» и один «Оболенское Калуж.» с очень неразборчивой датой, в которой, впрочем, как будто бы читается число «28» (и вновь – срв. уже указ. комм. 137, – неверным «15» в качестве года).

[179] РНММ. Ф. 161, № 13274. Почтовая открытка с изображением скульптуры А. С. Голубкиной «Девушка» («Издание А. С. Голубкиной в пользу раненых 1914 г.»; на обороте: «Выставка скульптуры А. С. Голубкиной. Музей Изящных Искусств Имени ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, в Москве», срв. комм. 137). Штемпель: «Теберда Курор Куб 11 9 16» (что, в частности, означает, что открытка была отправлена несколько позже проставленной на ней Ильиным даты; впрочем, задержка могла быть вызвана и не ежедневной работой почты, срв. окончание письма № 38 – о работе почты в Выропаевке).

[180] Теберда – в 1916 г. поселение на Северном Кавказе, климат которого считался (и ныне считается) целебным для больных чахоткой, куда Ильин поехал, очевидно, в надежде поправить здоровье в связи с открывшимся у него туберкулёзом. Ныне город-курорт в Карачаево-Черкесии со множеством санаториев, в том числе противотуберкулёзных. Указанное Ильиным письмо А. М. Метнер не обнаружено.

[181] РНММ. Ф. 132, № 379. Письмо это крайне любопытно, начиная с того, что написано оно на внутренности специального крохотного картонного листка, сложенного затем вдвое (он как-то запечатывался, и чтобы открыть образовавшийся своеобразный конвертик, получателю нужно было лишь оторвать по специально для того предназначенной перфорационной линии полосочку, идущую по двум из четырёх сторон получавшегося при складывании листка прямоугольничка). На оборот «конвертика» наклеена стандартная пятикопеечная марка, погашенная московским штемпелем с датой «4 11.16», так что письмо было заведомо отправлено почтой.

Почерк письма очень мелкий, но аккуратный и... почти без сомнений он принадлежит И. А. Ильину, хотя на первый взгляд совершенно с ним не схож (видимо, Ильин просто писал левой рукой). Другими словами, письмо есть один из многочисленных розыгрышей Ильина (см. далее в переписке несколько таковых, равно как и встречные розыгрыши Н. К. Метнера). К такому выводу склоняет не только тот наглядный факт, что ответ (см. след. письмо), с приложением своего (весьма резкого, если не сказать грубого) письма Е. М. Тидебель, Метнер адресовал именно Ильину (тем самым обнаруживая, что не дал себя провести) – удвоение «л» в подписи (по-видимому, невозможное для самой Е. М. Тидебель: *ориг. нем.* начертание фамилии – Tideböhl – удвоения последней буквы, кажется, не допускает), явное укрупнение «шрифта» при упоминании Скрябина (имитирующее таковое при упоминании в текстах многих дореволюционных книг российского императора), возвышение (на «полтона», то есть не до полностью прописных букв) «з» и «п» в «Заграничной Прессе», фраза «Не трудитесь мне отвечать!» и другие мелочи выдают Ильина если не «с головой», то со значительной «долей вероятности». Мы помещаем это письмо в основной корпус собрания, хоть и не можем всё же до конца быть уверенными в авторстве именно Ильина, однако наличие розыгрыша, причём распознанного Метнером (и продолженного им в своём ответе), видится нам несомненным.

[182] У Е. М. Тидебель (см. о ней ниже в комм. 184) было несколько сестёр: Софья Максимилиановна (1846–1880), мать Аделаиды и Евгении Герцык, Адель Максимилиановна (1852–1934), Стелла, Лидия... Была и сестра Екатерина, которая, очевидно, здесь и имеется в виду. Она упомянута, напр., в метрической книге московской Троицкой церкви на Арбате в записи от 8 января 1917 г. как восприемница при крещении дочери инженера-металлурга А. К. фондер-Беллена Татьяны. Вторым восприемником указан, очевидно, её племянник – Максимилиан (Максим?) Эдуардович Тидебель, сын Эдуарда Максимилиановича Тидебеля; см. ЦГА г. Москвы. Ф. 2125. Оп. 2. Д. 143. Л. 1.

[183] РНММ. Ф. 132, № 4726. Письмо не датировано, однако оно могло быть написано только в ноябре 1916 г. (быть может, и не тут же по получении пред. письма, но являясь очевидным ответом именно на него).

[184] Метнер, как и чуть выше в фамилии (впрочем, удвоение «л» попросту копирует таковое в подписи к пред. письму), ошибается в отчестве Елены (Елены Аделаиды) Максимилиановны Тидебель (Тидебёль; 1847–1928), тётки сестёр Герцык (а значит, и двоюродной сестры последних – Н. Н. Ильиной, отсюда и «Ваша тётка» Метнера, обращённое к Ильину; срв. также чуть ниже в наст. комм. о belle-tante). Е. М. Тидебель – весьма плодовитый музыкальный критик, писавшая в немецкоязычных московских газетах (таковой была, напр., «Moskauer Deutsche Zeitung [(*нем.*) – Московская немецкая газета]», выходила с января 1870 по декабрь 1914 г.), где помещала заметки о событиях русской музыкальной жизни. В «белль-Елене» несомненна игра слов: с одной стороны, напр., belle-tante (*фр. разг.*) означает тётку по мужу или жене (как belle-mère – мать по мужу или жене, т. е. свекровь или тёщу, но, впрочем, даже и мачеху), однако с другой – здесь, от *ит*. (или аналогичного *фр*.) bell' Elena (bella Elena) – прекрасная Елена, может быть и намёк на название или даже, скорее, содержание известной оперетты (оперы-буфф) Ж. Оффенбаха «La Belle Hélène [(*фр*.) – Прекрасная Елена]» (Парис – один из персонажей – переодевается в третьем акте жрецом, так что узнают его лишь тогда, когда он снимает накладную бороду). Наконец, белена – крайне ядовитое растение (срв. выражение «белены объелся»).

[185] Halt's Maul! (*нем*.) – то же, что и цыц, и никшни, т. е. замолчи, заткнись.

[186] РНММ. Ф. 132, № 4740. Это и следующее письма, собственно говоря, письмами не являются – это лишь записки, оставленные Метнером, не заставшим, видимо, никого из Ильиных дома, на своих визитных карточках. Последние идентичны и содержат лишь по две типографских надписи на лицевой стороне (оборотная в обоих случаях полностью пуста): «Николай Карлович Метнер», в продолжение которой написана первая записка, и (в правом нижнем углу) «Телеф. 250-12», в первой записке переправленный на 421-80. Первая записка – новогодняя и почти без сомнения написана 31 декабря именно 1916 г. (1915 маловероятен, ибо именно 31 декабря 1915 г. Метнер отправил Ильину поздравительную открытку с собакой, см. письмо № 16а; более ранние годы, 1913 и 1914, сомнительны из-за исправления в фамилии Метнера, см. след. комм.; 1917 же и более поздние едва ли могли породить записку *такой* весёлости).

Если предположение о 1916 г. верно, то вторая записка должна бы датироваться до 29 января 1917 г., опять же по шутливости своего содержания и указанию в первой записке на то, что Ильины забыли о «стрюцком существовании» Н. К. Метнера. Впрочем, изменение в первой записке номера телефона может указывать, что она написана позже второй, но, с другой стороны, в первой записке Метнер мог лишь указать тот номер, по которому его можно было застать 31 декабря, и посейчас нередко не совпадающий с обычным домашним (у тех, у кого последний, конечно, сохранился). Собственно, самой этой запиской он запрашивает у Ильина аналогичный его номер телефона (т. е. тот, по которому в новогоднюю ночь можно было бы застать Ильина), несомненно зная его обычный домашний номер.

[187] В отпечатанной на карточке фамилии Метнер первое есть («е») аккуратно переправлено чернилами на ять («Ѣ»). Срв. выше комм. 131 и 157.

[188] Отсюда идёт стрелка к переправленному номеру в правом нижнем углу (421-80).

[189] Стрюцкий (*простореч. презрит. устар.*) – пустой, неосновательный, ничтожный, ничего не стоящий.

[190] РНММ. Ф. 132, № 4741. Описание см. в комм. 186.

[191] Если предположить, что «черт» – это Е. М. Тидебель, то это проливает некоторый свет на письмо № 34 (на то, почему розыгрыш ведётся от её имени), одновременно несколько уточняя (или даже изменяя на месяц или два) дату этой записки.

[192] РНММ. Ф. 132, № 4780. Ни в самом письме, ни на конверте дата не обозначена (на конверте нет и адреса – лишь указанная в конце комментируемого письма надпись; скорее всего, это письмо было всего лишь переданной в конверте запиской и не отправлялось почтой). Однако оно не могло быть написано позднее лета 1919 г., когда Метнеры уехали из своей московской квартиры, а затем были из неё выселены, и, судя по весёлости его содержания, а также указанию Ильина в письме № 42 на своё долгое молчание, оно вообще едва ли было написано в 1919 г. Тревожный и тяжёлый для Ильина 1918 г. (аресты и тюремные заключения) тоже едва ли мог породить именно такое письмо, так что, скорее всего, оно написано в 1917 г. или даже раньше (во всяком случае, до событий февраля – марта). Причём вторая из двух записок на визитных карточках Мет-

нера (письмо № 36) вполне могла бы быть ответом именно на это письмо-записку Ильина. Кроме того, указания на селёдки и чёрную (ржаную?) муку, будучи сопоставленными с советами Ильина Анне Михайловне по закупке продуктов (см. ниже письмо № 38), как нам кажется, также должны склонять к тому, что комментируемое письмо не могло быть написано после марта 1917 г.

[193] Действительно, чтобы пройти из квартиры Метнеров в Саввинском переулке Девичьего поля (нынешний Большой Саввинский переулок) в квартиру Ильиных в Крестовоздвиженском переулке на Знаменке нужно целиком пройти московские улицы Плющиха и Арбат.

[194] Удвоенное «е» передразнивает оригинальное немецкое написание фамилии Бетховена (Beethoven). До этого «мы» написано нарочито уменьшенно, в то время как «Беетховенъ и ЧЕРНАЯ МУКА!» – нарочито увеличенно.

«Беетховенъ» – по-видимому, здесь речь о принадлежащем Метнерам рисунке «Бетховен в ущелье», к которому Ильин позже (в 1931 г.) написал шуточное четверостишие. См. и срв. письмо № 183 и комм. 979.

[195] РНММ. Ф. 132, № 4844. На конверте три идентичных штемпеля Лазарева, на одном из которых чётко видна дата: «9 7 17», а также маленькая наклейка с большой буквой «З» (очевидно, означающей «Заказное») и отпечатанным текстом: «№ 958 \\ Лазарево \\ Тульской губ.». Как следует из первых строк, наст. письмо было ответом на какой-то запрос А. М. Метнер, однако её соотв. письма разыскать не удалось.

[196] Фафнер – персонаж опер Рихарда Вагнера «Золото Рейна» и (в образе дракона) «Зигфрид» из тетралогии «Кольцо Нибелунга». Ильин очевидно имеет в виду рёв дракона из второго акта «Зигфрида». При этом упомянутый перед «ревом Фафнера» «стон родильницы» может намекать какой-либо возглас или стон Зиглинды из последних сцен второго акта «Валькирии» (впрочем, рождение ею Зигфрида остаётся за пределами действия вагнеровских опер).

[197] Н. В. Даль, см. выше комм. 166. Чуть ниже «дальний ящик» и «"дальнее" растирание» – обыгрывания Ильиным его фамилии.

[198] Констипация – затруднённое опорожнение кишечника, запор.

[199] Свидетельство о том, что Н. К. Метнер посещал Ильиных в Выропаевке, причём один, без Анны Михайловны. Увы, более точных сведений об этом его визите, видимо, не сохранилось (их нет и в дальнейшей переписке).

[200] По-видимому, от *нем*. ärgern – злить, раздражать, досаждать, что подтверждается некоторыми «***орг***аническими затруднениями» (выделено нами), о которых Ильин пишет чуть ниже.

[201] По-видимому, намёк на имение Михайловское М. К. Морозовой, где Метнеры бывали летом (см. письмо № 7) и поездку куда как будто бы предпочитали визиту к Ильиным в Выропаевку. При этом «религиозно-кадетской богородицей» названа, судя по всему, сама Маргарита Кирилловна Морозова (не это ли имеет в виду Ильин под «маргошиным духом»? – см. письмо № 9 и комм. 49). Такая язвительная (через называние М. К. Морозовой «богородицей» – так в хлыстовских общинах именовались их возглавительницы) ирония Ильина, соединяющая в одной фразе купечество первой гильдии (намёк на происхождение Морозовой из знаменитой купеческой семьи Мамонтовых и соединение через замужество с не менее знаменитой купеческой семьёй Морозовых), её активную религиозно-философскую деятельность и несомненный интерес к кадетам (среди посетителей её салона числятся кн. Г. Е. Львов – лишь, кстати говоря, за день до написания комментируемого письма сложивший с себя звания министра-председателя и министра внутренних дел Временного правительства, – и П. Н. Милюков, лидер конституционно-демократической партии), после Февральской революции едва ли не усилившийся, как будто бы подчёркивает изменившееся, и видимо уже давно (срв. упомянутое письмо № 9), отношение Ильина к некогда «нашему салону» (см. письмо № 1). Здесь же отметим критическое отношение самого Ильина к кадетам, косвенно, но выпукло проявленное в этих строках (т. е. уже в июне 1917 г.).

[202] Скордатура (*um*. scordatura) – перестройка музыкального инструмента для облегчения исполнения трудных пассажей, изменения диапазона инструмента, его тембра и силы звука. Впрочем, Ильин, видимо, имеет в виду не более чем отсутствие в Выропаевке рояля, но наличие вместо него обычного простого пианино (едва ли как-либо специально перестроенного).

[203] Из воспоминаний В. К. Тарасовой: «Летом в дачных условиях дядя Коля одно время увлекался игрой в крокет...» (*Метнер. Материалы.* С. 52).

[204] Произношение на украинский манер слова «вишни». И далее уже схожее на слух «слава в вышних Богу» (ангельская хвала родившемуся Христу, см. Лк. 2, 14; в храмах поётся чаще всего на праздничном всенощном бдении, в самом начале утрени), где «в вышних» шутливо и простонародно-детски (псевдопростонародно или псевдодетски?) искажается до «в вышнях». Подобными весёлыми анекдотами переполнена и сейчас православно-семинарская среда, и из них порой составляются целые сборники.

[205] Раз что (*устар., разг.*) – то же, что «раз» («как скоро», «поскольку», «так как» и т. п.); *букв*. перевод *фр*. une fois que (когда, как скоро, раз).

[206] Иконский волостной комитет – от названия села (деревни) Иконки Крапивенского уезда Тульской губернии, расположенной сравнительно недалеко от Лазарево и Выропаевки. Срв.: «Иконский волостной исполнительный комитет [Совета крестьянских депутатов Крапивенского уезда Тульской губернии с. Иконки] образован на основе постановления 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 23 июня 1917 года 10 февраля 1918 года [т. е. это более поздний, уже большевистский, комитет. – *А. Л.*], ликвидирован в 1924 году» (Государственный архив Тульской области, ф. Р-104, оп. 1, д. 22, л. 178, д. 97, л. 35 об.).

Ильин не раз вспоминал, как он был членом этого волостного исполкома. См., напр., «Наши задачи», гл. 64. «Заветы Февраля. II» (*Ильин т. 2, кн. 1.* С. 189): «Автор настоящей статьи состоял летом 1917 года членом Волостного Исполкома и председателем Волостного Комитета по выборам в Учредительное Собрание. Он имел возможность наблюдать агитацию партии социалистов-революционеров среди крестьян и сам читал и разъяснял вслух членам Волисполкома [Т. е. волостного исполнительного комитета. – *А. Л.*] приказ министра земледелия Чернова...».

[207] РНММ. Ф. 132, № 4735. Год в письме не указан, однако оно является очевидным ответом на пред. письмо.

[208] Едва ли это какое-либо из известных нам писем.

[209] Происходящий от слов Христа «...вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин. 8, 23) и «Царство Мое

не от мира сего» (Ин. 18, 36), этот «термин» к XIX–XX вв. действительно весьма далеко удалился от своего первоначального смысла.

[210] Первая и последняя (появляющаяся в нём ещё дважды: 4-й и 6-й) строки известного стихотворения Валерия Брюсова «Творчество» (1895 г.).

[211] Гедике Александр Федорович (1877–1957) – композитор, пианист и органист, профессор Московской консерватории по классу фортепиано и органа, двоюродный брат (по матери) Н. К. Метнера.

[212] В данном случае всего лишь необходимость обсудить с двоюродным братом инструментовку (по-видимому, своего Первого фортепианного концерта, будущего ор. 33). Трудовая повинность во время Первой мировой войны – одна из форм добровольной (срв. работу императрицы Александры Феодоровны, двух её старших дочерей и других членов царской фамилии, и не только их, в госпиталях) или принудительной (в конце 1916 г. в Германии она, под названием вспомогательной службы, обрела силу закона) мобилизации невоенного населения для нужд войны; применялась так или иначе всеми воюющими сторонами. Однако едва ли Метнер летом 1917 г. мог предполагать, как тягостно-иронично будут выглядеть его слова уже через полтора года (когда СНК введёт обязательную трудовую повинность, издав 5 октября 1918 г. декрет, устанавливающий обязательность труда для «буржуазных элементов»).

[213] Следов этого письма А. М. Метнер (если оно было) также не удалось отыскать.

[214] Впервые (здесь в качестве подписи Н. К. Метнера) в переписке встречается потом появляющееся в ней не раз название Ильиным Метнеров «Карапетами». По-видимому, совпадение с очень распространённым армянским именем (в частности, с именем ещё дохристианского хранителя армян Карапета, после принятия армянами христианства отождествляемого со св. Иоанном Крестителем), породившим соотв. этнофолизм (т. е. экспрессивный прозвищный этноним – обозначение народа, не используемое им самим и имеющее нередко негативную, уничижительную или пренебрежительную окраску; срв. совр. «хачики»; также срв., напр., фрагмент повести П. Н. Краснова 1913 г. «Волшебная песня»: «Мы... презрительно и свысока называем армян «карапетами», хотя они вовсе не Карапеты...». Цит. по: *Краснов П. Н.* Полное собрание

сочинений: Т. 4. – Подольск: Музей-Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2018. С. 411), здесь случайно или почти случайно (то есть используется, самое большее, лишь созвучие с именем Карапет), а само прозвище идёт от детской (ныне почти полностью, видимо, утраченной) дразнилки, которою дети награждают своих низкорослых сверстников (соединение «коротышки» и «шкета» или т. п., т. е. «правильнее» было бы не «карапет», а «коропет», «коропетик»). Супруги Метнеры были оба чрезвычайно низкого роста (Анна Михайловна ещё ниже очень небольшого Николая Карловича), что особенно комично выглядело на фоне как очень высокого Ильина, так и относительно высокой его супруги, так что Метнеры, судя по всему, сами усвоили себе такое комическое прозвище, ничуть им не оскорбляясь, а то и сами же и придумали его.

[215] РНММ. Ф. 132, № 4775.

[216] Срв. комм. 206.

[217] Имеется в виду работа над восстановлением оставленной в спешке июля – августа 1914 г. за границей (куда чета Ильиных выехала 10 мая 1914 г.; война застала их в Вене и заставила добираться на родину обходным путём, через Швейцарию, Италию, Грецию, Сербию и Болгарию; см. уже цитированный в комм. 81 № 22 «Встреч и бесед») рукописи будущей книги-диссертации «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Срв., напр., фрагмент письма от 20 августа 1914 г. поэтессы (и двоюродной сестры Н. Н. Ильиной) Аделаиды Казимировны Герцык (1874–1925) своей подруге Вере Степановне Гриневич (у А. К. Герцык в крымском Судаке Ильины «решили передохнуть» перед возвращением в Москву; см. *Там же*): «...его [Ильина. – *А. Л.*] рукопись Гегеля пропала...», см. Письма А. К. Герцык родным и друзьям // Новый мир. 1999. № 5. С. 181.

См. также *Ильин, т. 13.* С. 87, из письма Ильина Любови Яковлевне Гуревич от 19 февраля 1915 г.: «Огорчает меня, что все не удается выручить рукопись Гегеля из Австрии...».

И *Там же* (С. 90) из писем ей же от 19 июня того же года: «Кончаю «Гегеля» (середина все еще в Вене!)» и (С. 92) от 5 июня 1917 г.: «3) Восстановляю утерянные главы Гегеля».

[218] Речь об изданных в 1917 г. брошюрах, вышедших в Библиотеке Народной Свободы, в серии «Задачи момента» (№№ 1–5:

«Партийная программа и максимализм», «О сроке созыва Учредительного Собрания», «Порядок или беспорядок?», «Демагогия и провокация», «Почему "не надо продолжать войну"?»). Впрочем, продолжение последней цитаты пред. комментария: «4) Редактирую брошюры для народа» – может намекать на иную деятельность (редактирование Ильиным чужих брошюр), и тогда свою работу по изданию вышеперечисленных пяти брошюр Ильин мог грубовато обозначить как: «Пишу 1) восьмой по счету пасквиль для народа» (*Там же*). Если это так, то к этим пяти брошюрам Ильин, скорее всего, причисляет свои брошюры 1906 г., изданные под псевдонимом Н. Иванов: «Свобода собраний и народное представительство», «Что такое политическая партия» и «Бунт Стеньки Разина» (последняя в 1917 г. вышла вторым, «заново переработанным», изданием). Также не исключено, что в число 8 входит и брошюра 1915 г. «Духовный смысл войны». Все перечисленные брошюры переизданы в *Ильин, т. 9–10*. С. 7–172.

[219] Речь о работе «О сущности правосознания», о которой подробнее см. в *Ильин*, *т. 33*. С. 608–609 (комм. 604) и также в комм. 234 ниже. О ней же говорится и в письмах Ильина Л. Я. Гуревич: «...вынашиваю статью о сущности правосознания» (уже цит. письмо от 19 июня 1915 г., см. *Ильин, т. 13*. С. 90; косвенное подтверждение того, что в середине 1915 г. работа над книгой ещё не начата). И также: «2) Кончаю книгу "О сущности правосознания" (выйдет осенью [1917 г. – *А. Л.*])» (*Там же*. С. 90; также уже цит. письмо от 5 июня 1917 г.).

[220] Очевидно, от слова «паника».

[221] Правильнее – Сологуба, однако мы здесь, как и в названии романа (в прописной букве), сохраняем написание Ильина. «Мелкий бес» – роман Фёдора Сологуба (Ф. К. Тетерникова, 1863–1927), писавшийся им в 1898–1902 гг. и впервые частично опубликованнный в 1905 г., стал широко известен после второй, полной, публикации в 1907 г., выдержав затем, ещё до революции, несколько изданий. Аллюзия Ильина связана, очевидно, с главным героем романа, постепенно сходящим с ума Передоновым, являющим собой, в частности, своего рода образец хамства в отношении всех, с кем ему приходится сталкиваться. Сравнение Ильина даёт представление о крестьянском хамстве 1917 г., с которым

пришлось столкнуться уже ему. См. и срв. также письмо № 20 и комм. 101.

[222] Das Götliche kommt auf leichten Füssen (*нем.*) – Божественное приходит на легких ногах.

[223] Это предложение приписано сверху несколько уменьшенным почерком.

[224] РНММ. Ф. 132, № 4728. Письмо не датировано, однако оно не может быть (по указанию на сочинения из орр. 36 и 37) написано ранее 1918 и позднее 1919 г. 1918 г., почти целиком проведённый Ильиным в Москве, в арестах и подписках о невыезде (срв. вопрос Метнера: «Скоро ли Вы собираетесь в Мос<кву?>», одновременно указывающий место написания им письма и уточняющий, см. сл. комм., его дату: начало лета 1919 г.), видится едва ли возможным. З. А. Апетян, цитируя это письмо (см. *Метнер. Письма*. С. 178), датирует его серединой августа 1918 г. (что, как видно, ошибочно, несмотря на указываемые ею тут же даты первого исполнения и издания перечисляемых в письме песен, как будто бы склоняющие к её версии) и сопровождает его важным указанием: письмо является собственностью В. К. Тарасовой (срв. заметки об архивах перед комментариями к наст. тому). Срв., впрочем, комм. 36-1908.

От листа (двух страничек) письма оторваны уголки (левые верхний и нижний, если смотреть на первую страничку), так что частично не сохранились тексты левого нижнего угла первой странички и верхнего правого – второй. Однако по смыслу утраченный текст легко восстанавливается (он приведён в угловых скобках; «т. е.» и «наши!» – предположительные чтения, остальное едва ли может вызывать сомнения).

Письмо Ильина, на которое этим отвечает Н. К. Метнер, обнаружить не удалось.

[225] «Летний вопрос», т. е. вопрос о летнем отдыхе, о даче, в 1919 г. переплёлся для Н. К. и А. М. Метнеров с проблемой их жительства в целом: летом – осенью 1919 г. их выселили из квартиры в Саввинском переулке. По воспоминаниям В. К. Тарасовой: «В начале лета 1919 года, после окончания занятий в консерватории, Николай Карлович и Анна Михайловна уехали в Бугры к А. И. Трояновской, где предполагали остаться до осени. Но вернуться в Саввинский переулок им не суждено было, так как осенью нас выселили из квартиры, принадлежавшей фабрике. Мы нашли

себе приют в квартире родителей Анны Михайловны, а Николай Карлович и Анна Михайловна остались без площади в Москве. Они решили зимовать в Буграх» (*Метнер. Материалы*. С. 53).

«Фабрика» – Московская кружевная фабрика, располагавшаяся в квартале между нынешним Большим Саввинским переулком и Саввинской набережной, одним из директоров которой был отец Н. К. Метнера К. П. Метнер.

«Мы» – семья брата Н. К. Метнера Карла Карловича Метнера (1874–1919), отца В. К. Тарасовой. Собственно, Н. К. и А. М. Метнеры имели собственную квартиру в том же доме, но «осенью 1918 года Николай Карлович и Анна Михайловна вынуждены были переселиться в нашу квартиру, так как необходимо было уплотниться и из-за недостатка топлива» (см. *Там же*). Теперь же вся семья братьев Метнеров была и вовсе выселена.

Трояновская Анна Ивановна (1885–1977) – певица и друг семьи Метнеров. См. её воспоминания («Жизнь Н. К. Метнера в Буграх») в *Метнер. Материалы*. С. 134–141. Бугры – дача-усадьба, принадлежавшая тогда врачу Ивану Ивановичу Трояновскому (1855–1928), отцу Анны Ивановны, находящаяся в черте современного Обнинска. Дом, в 1932 г. купленный художником П. П. Кончаловским, хорошо сохранился до сих пор.

Из воспоминаний А. И. Трояновской: «Перед самым отъездом своим из России Николай Карлович и Анна Михайловна просто вынуждены были воспользоваться приютом, который я предложила им на даче моего отца, в лесу, около станции Обнинское по Киевской дороге. Помню, что звала я их к себе письмом "недели на две – не меньше"; помню, что ответ Николая Карловича, как всегда шутливый, гласил следующее: "Приедем с удовольствием на две недели; а впрочем, можем поселиться у Вас на всю жизнь!" Когда исполнилось приблизительно два года совместного нашего существования в Буграх, мы перечитывали слова эти со смехом... никто из нас не ожидал, что жизнь задержит нас так надолго в этом домике в лесу, по счастью снабженном печами. Случилось это потому, что квартиру в Москве им пришлось ликвидировать [Так аккуратно А. И. в советские годы пишет о выселении Метнеров из их квартиры. – *А. Л.*]. Это было летом 1919 года, Анна Михайловна одна несла на себе хлопоты, совершая поездки в Москву, мужество ее было беспредельно; так же беспредельно

было доверие Николая Карловича к ее выносливости и сообразительности. Именно это доверие и дало ему возможность так легко и бездумно, приехав в Бугры "на две недели", сейчас же начать перелистывать привезенную им громадную папку с накопившимися за несколько лет набросками музыкальных тем и отрывков» (*Там же*. С. 134).

[226] «Пророка» Метнер так и не положил на музыку, а выше перечислены 5 из 6 номеров его будущего ор. 36 («Шесть стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано): №№ 3, 2, 5, 1 и 4 соответственно.

[227] № 5, «Могу ль забыть то сладкое мгновенье?» («Вальс»), из более раннего (1914 г.) ор. 32 («Шесть стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано). В пандан – т. е. в пару (от *фр*. pendant – парный предмет).

[228] № 4. «Вальс» («Мелодия», «Давно ль») из будущего ор. 37 («Пять стихотворений Ф. Тютчева и А. Фета» для голоса с фортепиано). Упоминаемые ниже «Слезы» в итоге стали № 2 того же opus'a.

[229] Игра слов на злобу дня: соединение мокроты и демократизации.

[230] Цикламена (правильнее – цикламен) – род, в том числе, садовых и комнатных красиво цветущих растений с приятным запахом («ухает благо» ниже = «благоухает»).

[231] Alfred J. Swan Collection [Box 1, folder 1920–1926], Albert and Shirley Small Special Collections Library, University of Virginia.

Это письмо, вместе с ещё двумя, публикуемыми ниже (№ 104 и № 394), обнаруживается в архиве друга Н. К. Метнера музыковеда Альфреда Джулиуса (Альфреда Альфредовича) Свана (1890 – 1970), хранящемся в университете Вирджинии (США). А. А. Сван в начале 1950-х гг. собирал материал к своей работе о Метнере, для чего ему переправлялись Анной Михайловной в том числе и некоторые письма композитора, с которыми оказалось, судя по всему, и комментируемое письмо. Выскажем предположение, что оно было единственным из всей московской переписки Метнеров и Ильина, взятых Метнерами с собой за границу в 1921 г., или же было ими обнаружено при приезде в Россию в 1927 г., или же, наконец, было привезено им В. К. Тарасовой, приезжавшей к Метнерам за границу в 20-х – начале 30-х гг.

Место написания комментируемого письма неясно: с одной стороны, в конце августа 1919 г. Ильина в Москве не было – 29 августа был выдан ордер на обыск в его квартире и на его арест «в зависимости от обыска», однако Ильин, как оказалось, «уехал в командировку», и председатель домкома дома № 12/2 по Крестовоздвиженскому переулку обязалась подпиской «или принять меры к его задержанию, или немедленно сообщить об его приезде по телефону» (см. *Ильин, т. 33*. С. 247–251). С другой стороны, при произведённом 29 августа обыске «ничего обнаружено не было», и московская ЧК, вообще говоря, могла по этой причине (на время: уже 24 февраля 1920 г. Ильин был арестован, правда по другому делу) отказаться от ареста Ильина, так что, если он и вернулся в Москву до 29 сентября, в этом нет несообразности. Однако указания в письме на поправку здоровья, «монотонность питания», «вынужденное раннее ложение <спать>» и работу «за последние два месяца» над книгой и сборником статей, а также отсутствие указаний на возвращение в Москву дают возможность предположить, что Ильин всё же продолжал находиться там же, где и был в конце августа, причём обстановка, в которой он находился, – явно загородная, дачная. Едва ли это могла быть Выропаевка, ибо уже летом 1918 г. Ильины снимали дачу в имении В. А. Балина под Воскресенском Московской губернии (где 10 августа 1918 г. Ильин был задержан, см. *Там же*. С. 139). Но и этот адрес, как известный ЧК (а о́рдера по нему на этот раз выписано не было), тоже маловероятен.

[232] Едва ли (вновь срв. конец комм. 36-1908) одно из них есть № 41. Второе также не обнаружено.

[233] По-видимому, осуществлённый в итоге только в 1921 г. отъезд Метнеров за границу (если бы речь шла об отъезде в загородный дом, где, собственно, Метнеры в сентябре 1919 г. уже жили, едва ли Ильин стал так – «наскрести хоть что-нибудь», – торопиться с письмом, при всех возможных трудностях с почтовым и железнодорожным сообщением тех лет).

[234] Речь идёт, судя по всему, о книге «О сущности правосознания», которая в феврале – июле 1918 г. уже была в гранках, корректировавшихся Ильиным, но тем не менее не вышла в свет: 10 глав гранок были дополнены Ильиным до 22, причём это, видимо, произошло, как указывает комментируемое письмо, именно

в 1919 г. (сами эти гранки-корректуры, дополненные рукописями и озаглавленные как «Учение о правосознании», хранятся в *Архиве*: *Архив*, 1 – 208–226; также собственно только гранки, переплетённые в книгу, хранятся в библиотеке И. А. Ильина в *Архиве*, за номером *Ильин-125 Инв. № 254*; см. Каталог библиотеки Ивана Александровича Ильина. – М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 58–59). Издана (под названием «О сущности правосознания») книга была только в 1956 г., уже после кончины Ильина. См. также выше комм. 219. Необходимо добавить, что изданный вариант книги, несомненно (по упоминанию, напр., Аушвица в 20-й главе или по ссылкам на «Аксиомы религиозного опыта» в 21-й), дорабатывался Ильиным уже после II мировой войны.

[235] О каких именно статьях и о каком сборнике идёт речь, неясно.

[236] Т. е. 1920 г. С учётом даты письма (29 сентября 1919 г.) это означает, что у Ильина в глубине души (несмотря на всё сказанное им далее) не было никаких надежд на встречу с Метнерами, кроме неопределённых будущих летних.

[237] Срв. позднейшее: «Так начинается всякое настоящее исследование: с *аскеза – в ограничении и с волею к безграничному углублению*. И тогда каждое выделенное и упрощенное содержание опыта предстает ученому как своего рода "шахта", подлежащая разработке, как подземный ключ или как кладезь, в который надо спуститься для того, чтобы узреть священный центр мировой тайны» (*Ильин И. А*. Путь к очевидности, гл. 18. Потерянная тайна; см., напр., *Ильин*, *т. 3*. С. 533).

Однако здесь решимостью уйти в творческий колодезь (колодец) Ильин называет, скорее, конкретное: помимо возможного отъезда Метнера за границу (см. комм. 233 выше), в этих строках он едва ли не имеет в виду жительство Метнера в Буграх у А. И. Трояновской, где композитор был захвачен работой над «Забытыми мотивами». Как можно более ограждённый от забот Анной Михайловной и Анной Ивановной, Метнер настолько был окрылён композиторским трудом, что, по воспоминаниям А. И. Трояновской, однажды сказал: «Я рад этому плену [Т. е. продолжительному уединённому жительству на даче в Буграх. – *А. Л.*]: как бы я мог иначе разобраться в этой кипе забытых мотивов!» (*Метнер. Материалы.* С. 136).

Добавим, что «творческий колодезь», появляющийся здесь впервые (точнее – впервые, очевидно, он появляется в утраченном письме Метнера, на которое этим отвечает Ильин) станет своего рода лейтмотивной темой всей дальнейшей переписки.

[238] Такого сочинения у Метнера, конечно, нет (последний opus в списке его трудов имеет номер 61, но среди них нет и ни одной симфонии), а «если бы разлука наша стала бы трагически-продолжительна» и «в догонку» намекают если не на возможную кончину, то на продолжительный арест и тюремное заключение, лагерь или ссылку (как уже было указано в комм. 231, ровно за месяц до этого письма был выдан ордер на арест Ильина, но в Москве его не оказалось и задержан он тогда не был, однако через полгода он всё-таки был арестован). Если же Ильин имеет в виду всё-таки возможный отъезд Метнеров за границу, то эти строки свидетельствуют от том, что сам он, по крайней мере в сентябре 1919 г., не думал об эмиграции.

[239] Интересная подробность о неосуществившихся замыслах Ильина.

[240] Метнеры уедут из России в сентябре 1921 г. (думая, что это всего лишь более или менее продолжительная поездка, а не эмиграция, которую, впрочем, Ильин, как получается, предвидел, по существу прощаясь этим своим письмом с Метнерами навсегда и не ожидая, что сам через 3 года станет изгнанником-эмигрантом): выехали из Москвы они 10 сентября, после чего «проторчали 10 дней в Нарвском карантине» (см. *Метнер. Письма.* С. 199) и к концу сентября оказались в Ревеле (Таллине), откуда отправились в Германию (морским путём в Штеттин, а затем в Берлин).

[241] Аллюзия на Пс. 129, 1: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи...».

[242] Все письма 1922 г. за авторством И. А. Ильина публикуются по *Архив*, 005–0036; за авторством Н. К. Метнера или А. М. Метнер – по *Архив*, 005–0178.

[243] На письме позднейшая приписка рукой Ильина: «1922. октябрь».

[244] Т. е. отправьте по пневматической почте: Rohrpost (*нем.*) – пневмопочта. Пневматическая почта (пневмопочта), или подземная почта, – вид транспорта штучных грузов, в том числе писем и посылок, система перемещения их под действием сжатого или,

наоборот, разреженного воздуха. Применялась (и до сих пор применяется, хотя не и так интенсивно, как век назад) внутри одного здания или же между сравнительно недалеко (напр., в пределах одного города) отстоящими друг от друга зданиями.

[245] Здесь и игра слов: смешение почты (*нем.* Post) и поста-воздержания (срв. ниже указание на ветчину и чай).

[246] От *нем.* Fahrrad reparatur werkstatt, или Fahrradwerkstatt, с добавлением, очевидно – для большего рычания, Reparatur (ремонт), – мастерская по ремонту велосипедов.

[247] Нарочито искаженное «Берлин». Чуть выше в «постылюцкие» обыграна шуточная подпись Метнера («Метнерюцкий»), идущая, по-видимому, от «не смѣтнерюкаю ни единой мѣтнеряшки» (срв. письмо № 10) или же от соединения «Метнерюка» и «стрюцкого» (срв. письмо № 35) и постоянно использующаяся в дальнейшем, соединённая с шуточным же (и тоже нередким) обращением Ильина к Метнерам («постылые», срв., напр., начало письма). Также см. комм. 1266 о подписи Ильина и 36-544 о «постылых».

[248] Письмо написано на почтовой открытке (без изображений) с довольно чётким (неразбочива лишь римская цифра после названия города: IV или V) берлинским («Berlin <*нрзб*. IV? V?> 62») штемпелем с датой 23.10.22 и временем 1150 V. Имеются ещё два менее разборчивых, но очевидно идентичных (ими погашены марки) штемпеля Шарлоттенбурга («Charlotternburg 5») с той же датой и временем 1130 V. Здесь V, по всей видимости, означает Vormittags (*нем.*) – до полудня. О Шарлоттенбурге (районе Берлина) подробнее см. в комм. 267.

[249] Очевидно («поздно нельзя»), речь об игре на фортепиано.

[250] По-видимому, имеется в виду берлинская улица Kalckreuthstraße (в районе Schöneberg), где, прибыв в Берлин, могли остановиться на первое время высланные из России Ильины (30 сентября 1922 г. на пароходе «Oberburgermeister Haken» они прибыли в Штеттин, откуда переправились в Берлин).

Von Kalckreuth (фон Калькройт или Калькрёйт) – древний немецкий знатный род. Встречается (например, в названии деревни в Саксонии) и написание Kalkreuth.

[251] В Берлине есть две улицы с одинаковым названием Schloßstraße: одна в районе Штеглиц, а другая, на которой, как видно из адреса, и жили Метнеры – в Шарлоттенбурге. Bayreutherstraße,

где сняли квартиру Ильины, в Берлине одна, так что здесь не потребовалось дополнительного указания о районе, но указан Pension – пансион, помещение, где предоставляются квартира и стол (в настоящее время дома 12 по Bayreutherstraße уже, по-видимому, не существует). Шлоссштрассе от Байрёйтштрассе отстоит не более чем на несколько километров, так что не удивительна связь между ними при помощи пневмопочты.

[252] Так (нарочито простонародно) в тексте.

[253] Hier Pieck, wer dort? (*нем.*) – это (*букв.* здесь) Пик, а кто там?

[254] Срв. письмо № 2–2а.

[255] Tengelmann – крупнейшая, основанная в 1867 г., немецкая компания, владеющая, в том числе, сетью продуктовых магазинов. Изначально занималась торговлей колониальными товарами и их переработкой: кофе, шоколад и др. Именно последние, по-видимому, и имеются в виду под «тегельманцем». Срв. письмо № 50, где Метнер фактически отчитывается о том, как потратил как будто бы именно эти 500 марок.

[256] Письмо написано на такой же карточке, что и № 44 (см. комм. 248). На нём были три штемпеля, гасивших марки, но последние кем-то оторваны, так что сохранились лишь часть даты и ме́ста на одном из них: «1. 1<1>» и «Char<lottenburg>». Четвёртый штемпель, по всей видимости «Berlin IV» или «Berlin V», имеет дату «1. 11. 22» и время 11^{50} N, где N, очевидно, обозначает Nachmittags, т. е. (*нем.*) после полудня. На стороне открытки с адресами рукой Н. К. Метнера сверху, ниже зачеркнутого типографского Postkarte указано: «*Rohrpost*», а напротив адресата (точнее – «Herrn Prof. [(*нем.*) Господину Проф.<ессору>]») позднейшая пометка рукой Ильина: «1922 \\ 1. ноябрь».

[257] Каламбур, очевидно, родился на ходу: буква Э (или нечто, схожее внешне с ней), хоть и тщательно-аккуратно зачёркнута, но представляет собой бросающуюся в глаза помарку. Впрочем, это может быть и намеренная помарка, ещё более усиливающая продолжающуюся далее (срв. и след. комм.) игру слов.

[258] Срв. в предыдущем письме обыгранную Ильиным в телефонном приветствии фамилию хозяина снятой им квартиры (на одной стороне провода Pieck, на другой – Kack; т. е. пик – как). Метнер, смягчая несколько грубость ильинской шутки, от «кака», сторону которого принимает (чуть ниже объясняя, почему), произ-

водит «помарку» (от «обмараться», очевидно), которую превращает в «марку» (название немецкой национальной валюты, действовавшей до введения в обращение евро в 2002 г.), а отсюда на другой стороне провода (точнее, пневмопочты) появляются и «валютные» друзья Ильины.

[259] Kommunisten-Putsch (*нем.*) – коммунистический переворот (путч). Ильин, по-видимому, имеет в виду пятую годовщину октябрьского переворота (Октябрьской революции в России), хоть и «отмечает» её с опозданием на 1–2 дня. Наташа, Анюта и Ваня – соответственно Н. Н. Ильина, А. М. Метнер и И. А. Ильин.

[260] 9 ноября 1922 г. действительно было четвергом.

[261] Файн (Фейн, Fein; в первом замужестве Оцуп, во втором – Тагер; 1900–1941) Раиса (Руся) Григорьевна – пианистка, ученица Н. К. Метнера. Первый её муж, поэт Георгий (Жорж) Авдеевич Оцуп (псевдоним – Раевский,1897–1963), ошибочно в именных указателях к *Метнер. Письма и Метнер. Материалы,* откуда нами и заиствованы сведения о Р. Г. Фейн, указан как Андреевич. Брат поэта Сергея Горного (А. А. Оцупа; см. о нём в *Ильин, т. 32*. С. 595–598 и 705; также в *Ильин, т. 33*. С. 615).

[262] Т. е., по-видимому, всего лишь знак вопроса в скобках. Отметим также, что «щ» в слове «еще» написано поверх других букв, которые уверенно разобрать не удалось, однако, скорее всего, первоначально стояло не более чем шутливое «еище». На самом деле поездка Метнеров во Фрейбург (для наигрывания в аппарат Welte-Mignon, т. е. для создания особого рода звукозаписей, см. о них чуть ниже в наст. комм.) лишь задержалась на 10 дней, а не не состоялась вовсе, и Метнеры выехали 11 ноября (срв. *Метнер. Письма.* С. 236), едва получив эту записку Ильина. О сделанных Метнером во Фрейбурге записях не удалось разыскать никаких сведений, но если катушки с ними всё-таки сохранились, к представлению о Метнере-пианисте добавилась бы ещё одна, очень обширная и значимая, глава. Однако не удалось даже установить, были ли эти записи выпущены вообще, что, впрочем, не очень удивительно: весьма модная в то время, но весьма же дорогостоящая технология механического пианино Welte-Mignon состояла в том, что исполнитель наигрывал на специальном фортепиано некоторое сочинение и оно при этом скорее даже не записывалось, а программировалось, так что «носитель» с полученной «программой», часто

называемый катушкой (перевод *англ.* roll), мог затем быть «вставлен» в аналогичный аппарат (механическое пианино), так что, будучи «запущенным», заставлял клавиши и педали как бы обычного фортепиано нажиматься самостоятельно, причём ровно так, как запрограммировал исполнитель. Повторимся, такой аппарат стоил весьма дорого (на порядок или даже два дороже граммофона), и его позволить себе могли лишь очень обеспеченные люди, так что ни у Ильина, ни, похоже, у самих Метнеров к этим записям не обнаруживалось впоследствии никакого интереса. Постепенно мода на такие аппараты сошла на нет, а к началу – середине 30-х гг. производство катушек и вовсе прекратилось. Современные звукозаписывающие компании более или менее активно обрабатывают имеющиеся в их архивах катушки (rolls) и издают получающиеся записи на современных носителях. См., напр., игру Камиля Сен-Санса, записанную на подобные катушки (правда, не Welte-Mignon, а Duo-Art) ещё в 1904 г.: *Camille Saint-Saëns* Edition (34 CD), CD 27 (tr. No. 1 – 7). – Warner Classics, 2021. Cat. No. 0190296746048. В отличие от оцифрованных граммофонных или патефонных записей, здесь звук абсолютно чистый, что, впрочем, создаёт ощущение некоторого обмана. Однако, повторимся, воспроизводится как будто бы в точности та самая игра того самого исполнителя, что имела место во время «наигрывания в аппарат».

[263] И для этого письма использовалась такая же карточка, как для писем №№ 44 и 46. На этот раз марки погашены простой печаткой, а единственный (и хорошо сохранившийся) штемпель «Charlottenburg 2» содержит дату «22 11 22» и время «8 – 9 N». Рядом со своим именем в адресе Ильин позднее приписал: «1922 \\ ноябрь 22».

[264] Т. е., см. ниже письмо № 56, на открытии Религиозно-философской академии, которое состоялось 26 ноября 1922 г. Концерт же, о котором сказано чуть выше, состоялся в следующее за 26 ноября воскресенье, т. е. 3 декабря 1922 г. (см. о нём в *Метнер. Письма*. С. 236 и 237). Другими словами, Ильин приглашал Метнеров на открытие Академии, где, по-видимому, должен был сам быть среди выступающих, однако на этот же день был первоначально назначен концерт Н. К. Метнера, перенесённый затем на неделю, о чём А. М. Метнер и сообщает. В итоге же (см. далее) Метнер посетил

открытие Академии, сам же Ильин, заболев, не смог не только выступать, но даже присутствовать в зале.

[265] См. комм. 99.

[266] 22 ноября 1922 г. было средой, а в предпоследнюю среду перед началом литургического года Евангелической церкви Германии (т. е. в среду, выпадающую с 16 по 22 ноября) отмечается День покаяния и молитвы, являвшийся до 1994 г. в Германии (в ГДР – до 1967 г.) нерабочим праздничным днём. Официально, впрочем, – только с 1934 г., но, как видно из настоящего письма, этот день воспринимался как нерабочий уже гораздо раньше, скорее всего – с момента унификации в 1878 г. (до 1878 г. в разных землях Германии этот праздник отмечался в разные дни).

[267] Hier (*нем.*) – здесь. Видимо, имеется в виду «здесь, в Берлине», ибо открытка отправлена обычной почтой. Ниже W. Charl. означает, судя по всему, или West Charlottenburg (W. – частая пометка на берлинских адресах, означающая, по-видимому, именно западную часть Берлина) или же Charlottenburg-Wilmersdorf – район Берлина (не тот же, что указанный выше Charlottenburg, и следует отметить, что, хотя современный Charlottenburg административно входит в Charlottenburg-Wilmersdorf, ещё с 1920 по 2000 гг. это было не так; кроме того, в прежний Шарлоттенбург входили современные районы Берлина: собственно Charlottenburg, а также Charlottenburg-Nord и Westend). Номер дома, 12, написан более крупно и как бы в отдалении от Pension.

[268] Это письмо – записочка на вырванном из блокнота клетчатом листке, оставленная, очевидно, зашедшей к Ильиным, но не заставшей их А. М. Метнер. На ней позднейшая пометка рукой Ильина: «1922 ноябрь».

[269] Это «письмо» написано на двух идентичных визитных карточках Н. К. Метнера, вложенных затем (по-видимому, самим Метнером) в конверт. На карточке, определённой нами как вторая, см. комм. 273, позднейшая пометка рукой Ильина: «1922. ноябрь». Карточки сделаны Метнером ещё в России, причем (срв. комм. 225 о выселении Метнеров из московской квартиры) не позже 1919 г. (на одной стороне карточки в середине типографски отпечатано: «Nikolaus Medtner.», на обороте – «Николай Карловичъ Метнеръ.» и там же снизу московский адрес Метнеров: «Москва, Дѣвичье Поле, Саввинскій п., 12, 6.»).

В обеих записках слова «Nikolaus Medtner.» Метнер аккуратно предваряет словом «Professor», написанным им стилизованным под тот же типографский шрифт почерком. В первом случае оно приведено сверху и записано полностью, во втором – слева и сокращено до «Prof.», что может намекать на будто бы членство Метнера в открываемой Религиозно-философской академии (см. далее) и дать основание предположить, что обе эти записки писались Метнером для заполнения скуки именно во время акта открытия (т. е. 26 ноября 1922 г.) и обе же были потом вложены (вместе с билетами на оперетту и приглашениями на акт – см. след. комментарии) в тот же конверт.

В «папке» писем Метнера Ильину за 1922 г. хранится также записка, сделанная рукой Ильина на клочке бумаги: «два платья 30 марок», – вероятно, являющаяся продолжением выставленных Метнером ему в этих записках шуточных счетов.

[270] Простой, не почтовый конверт. Он помещён (по-видимому, самим Ильиным) в «папку» с письмами ему от Метнеров за 1922 г. Вместе с публикуемыми далее записками на визитных карточках, в конверте могли быть и хранящиеся сейчас в той же «папке» два билета-приглашения на указанное в публикуемой надписи Ильина открытие академии YMCA:

American Y. M. C. A.
RUSSISCHE AKADEMIE FÜR RELIGIONS-
PHILOSOPHIE UND GEISTIGE KULTUR.
Logenhaus, Joachimsthalerstrasse 13.
ERÖFFNUNGSAKT
26. November 1922, 7:30 abends.
Eintritt 50 Mark

[(*нем.*) Русская академия религиозной философии и духовной культуры; Зал (Logenhaus *букв*. – дом лож), Йоахимшталерштрассе, 13; акт открытия; 26 ноября 1922, 7:30 вечера; вход 50 марок].

Впрочем, не менее, если не более вероятно (как намёк на то, что разочарование от серьёзного собрания должна развеять лёгкая оперетта), что изначально конверт содержал и также хранящиеся в той же «папке» два купона (*нем*. Gutschein), каждый – действительный на две персоны: «Gültig für 2 Pers[onen]» – надпись на купоне (там же: «Täglich gültig bis 23 Dezem[ber] 1922» – «Действует ежедневно до 23 декабря 1922»), в Neues Theater am Zoo (Новый

Театр у зоопарка) на премьеру оперетты (Operetten-Novität – *букв*. оперетта-новинка) немецкого композитора Жана Жильбера (Jean Gilbert, настоящее имя Max Winterfeld; 1879–1942) «Dorine und der Zufall» («Дорина и случай» или «Дорина и случайное совпадение» или даже, быть может, «Дорина и ирония судьбы»). Как будто бы погашенные (у них оторвано по уголку), эти купоны уточняют дату создания оперетты: во всех доступных редактору наст. изд. источниках, в том числе в комментарии к упоминающему её третьему стихотворению М. Кузмина из цикла «Новый Гуль» (см. *Кузмин М.* Стихотворения. – М.: Академический проект, 1996. С. 522), она отнесена к 1923 г. В 1924 г. эта оперетта (под названием «Дорина и случай») была поставлена петроградским Государственным театром комической оперы, предшественником Государственного театра Музыкальной комедии (срв. *Там же*. С. 766).

[271] Young Men's Christian Association [(*англ. букв*.) Ассоциация христианской молодежи] (Y.M.C.A., YMCA или ИМКА) – известная всемирная организация, основанная в 1844 г. в Лондоне и несколько позже открывшая свои общества в Канаде и США, ставшие, по крайней мере, внешне, вполне независимыми и самостоятельными (отсюда «American Y. M.C.A», Американская ИМКА, в приведённом в пред. комм. приглашении на акт открытия академии). Ильинское «янкменской», намеренно смешивая созвучные «yankee» («янки», прозвище жителей США) и «young», так, одним словом, определяет именно американское отделение YMCA. В целом относясь к YMCA с подозрением и отрицательно, Ильин тем не менее напечатал в издательстве «YMCA-PRESS» свою книгу «Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923». – Париж, 1925 (см. переиздание в *Ильин*, *т. 3*).

Русская академия религиозной философии и духовной культуры (чаще упоминается как Религиозно-философская академия), открытая на средства YMCA 26 ноября 1922 г. публичным докладом Н. Бердяева «О духовном возрождении России и задачах религиозно-философской академии», просуществовала до 1940 г. и представляла собой лекторий для русских студентов, живших в Берлине. Несмотря на выраженное здесь ироничное к ней отношение, Ильин также читал под её эгидой лекции (наряду с Н. Бердяевым, Б. Вышеславцевым, С. Франком, Л. Карсавиным, Вл. Ильиным,

Ю. Айхенвальдом, Н. Арсеньевым, В. Сеземаном и мн. др.). Ректором академии во всё время её существования был Н. А. Бердяев.

[272] Сама эта надпись Ильина на конверте могла быть сделана им существенно позже ноября 1922 г. Дата, очевидно, относится ко вложенным в конверт документам.

[273] Условные номера карточкам присвоены нами: вообще говоря, нельзя уверенно сказать, которая из них была заполнена первой.

[274] По-видимому, речь о лекарстве, а именно об иммуностимулирующем препарате 1-го поколения тим-увакол (тимувакол).

[275] Речь, очевидно, о недостающих до 500 15-ти марках. Видимо, тех самых 500, которые, срв. выше письмо № 46, Метнер должен был Ильину. Если, кроме того, предположение из комм. 269 верно, и обе эти карточки были вложены в конверт с (позднейшей) надписью Ильина, то в этот же конверт могла быть вложена и купюра, например, в 20 марок, так что «проценты», о которых здесь пишет Метнер, составили 5 марок. Однако «15-ю марками с процентами» Метнер вполне мог назвать, в духе всего своего послания, и купоны на оперетту Жильбера (см. комм. 270). Неясно, впрочем, сколько они стоили и стоили ли вообще, ибо, по всей видимости, подлежали обмену на настоящие билеты (на купонах указаны цены на места, скидки на них, а также возможные наценки: воскресная и на более удобные сидения, что всё, конечно, говорит о том, что стоимость билетов наличием купонов ещё не оплачена).

[276] Все письма 1923 г. за авторством И. А. Ильина публикуются по *Архив*, 005 – 0037; за авторством Н. К. Метнера или А. М. Метнер – по *Архив*, 005 – 0179.

[277] Дата на письме не указана, но поверх первых трёх его строк Ильиным синим карандашом крупно проставлено: «1923 янв.». Письмо писалось в начале января 1923 г. (верхняя граница, 13-го января, когда должен был состояться отмененный Liederabend, указана в самом письме, однако и нижняя граница легко высчитывается из приписки А. М. Метнер, процитированной в сл. комм., и содержания наст. письма).

[278] Из Польши, где в декабре 1922 г. (и также 2-го января 1923 г.) Метнер дал несколько концертов. См. также приписку А. М. Метнер к письму Н. К. Метнера Э. К. Метнеру от 31 декабря 1922 г.: «Через два дня возвращаемся в Берлин...» (см. *Метнер.*

Письма. С. 240. О концертах Метнера в Польше – *Там же*. С. 237, комм. 4).

[279] Liederabend (*нем. досл.*) – песенный вечер, т. е. концерт, состоящий только из песен. Об этом, в итоге не состоявшемся, концерте Метнер писал Рахманинову ещё 6 ноября 1922 г. (см. *Метнер. Письма.* С. 236).

[280] Концерт состоялся 25 января в доме (здании) Sing-Academie zu Berlin (Певческой академии в Берлине). Песни Метнера (программу концерта см. в РНММ. Ф. 132, № 1502) исполняла А. М. Ян-Рубан (см. комм. 99) в сопровождении автора и скрипачки Лии Сауловны Любошиц (1885–1965).

[281] О Бернгарде Иосифовиче Шварце (B. Schwarz) сам Метнер (в письме Рахманинову от 15 мая 1922 г) пишет так: «Он был представлен мне в Москве Георг. Эд. Конюсом в качестве моего ревностного поклонника (он и его семья, будучи в близких отношениях с Иосифом Гофманом, уже давно познакомились через него с моей музыкой); он еще в Москве предлагал мне услуги свои для концертов за границей[...] И действительно, я, что называется, возвидел свет только с его приездом[...] В общем, его услуги неисчислимы. Без него я до сих пор не решился бы выступить. К тому же он сам пока видел от меня столько же пользы, сколько от козла молока... Но, несмотря ни на что, он неукоснительно верит в мою звезду. Одно это уже страшно помогло мне, т. к. первое время я ничего, кроме подозрительного недоверия или равнодушия, не видел. Да и вообще в таком лесу, да еще среди таких разбойников мне одному с своей бестолковостью не выжить, и потому, как бы то ни было, я нахожусь в настоящее время во власти всяческих забот и попечений обо мне этого любезного человека. Предоставлю Вам судить, насколько это правильно» (цит. по: *Метнер. Письма*. С. 226–227).

О Г. Э. Конюсе (1862–1933) см. комм. 447. Иосиф Гофман (1876–1957) – известнейший польский пианист, ученик пианиста и композитора А. Г. Рубинштейна (1829–1894), эмигрировавший в 1914 г. в США. В воспоминаниях А. Б. Гольденвейзера о Рахманинове рассказана история, связывающая Метнера и И. Гофмана: «В Москве в один из приездов Гофмана тогда еще юный Н. К. Метнер сыграл при нем свою Es-dur-ную прелюдию, отличающуюся довольно значительной сложностью ткани. Спустя несколько

месяцев мой друг Т. Х. Бубек, будучи в Берлине, посетил Гофмана, с которым он был хорошо знаком по семье своей жены – Е. Ф. Фульды. Гофман вспомнил о Прелюдии Метнера, которая ему очень понравилась, и сыграл ее Бубеку наизусть» (Воспоминания о Рахманинове, т. 1 / Сост. *З. А. Апетян*. – М.: Музгиз, 1961. С. 441). Самому Метнеру эта история могла не быть известной, однако ещё в 1903 г. он получил письмо от И. Гофмана, не оставлявшее сомнений в его восхищении музыкой юного тогда композитора:

«Дорогой друг,

Ваша соната вызвала в музыкальных кругах, в которых я здесь вращаюсь, восхищение и энтузиазм; и все, кто в восторге от первой части, жаждут услышать *остальные*, больше других жажду этого я! Еще хотелось бы мне просить Вас прислать мне ноты Прелюдии (Es-dur), так как я играю ее неточно, только по слуху.

Кроме того, я был бы Вам чрезвычайно признателен за фотографию, а также мои друзья, которым очень хотелось бы видеть, как выглядит человек, пишущий такую самобытную, характерную и богатую содержанием музыку. Если Вы готовы исполнить эти все мои пожелания, то Вы доставите большую радость Вашим искренним почитателям.

Душевный привет от Вашего большого почитателя

Иосифа Гофмана» (см. *Там же*. С. 503).

[282] «Шварц всячески хлопочет о выступлении с Фуртвенглером и Бруно Вальтером» (*Метнер. Письма*. С. 236. Письмо Метнера Рахманинову от 6 ноября 1922 г.). Однако ни с Вильгельмом Фуртвенглером (1886–1954), уже тогда знаменитейшим дирижёром, ни с не менее, если не более в те годы, знаменитым дирижёром Бруно Вальтером (1876–1962) выступлений не состоялось, ни в 1922–1923 гг., ни позднее.

[283] См. комм. 244.

[284] На открытке (без изображений) штемпель Груневальда «19. 1. 23. 2. – N», где прочерк, по всей видимости, означает 00 минут и сохранившийся лишь наполовину (из-за отрывания марки) штемпель Шарлоттенбурга: «[19. 1. 2]3. 1^{10} N» (срв. комм. 248 и 256). На открытке, чуть выше адреса, позднейшая (она сделана на месте оторванных почт. марок) пометка рукой Ильина: «1923 $\frac{\text{янв}}{\text{I}}$ 19».

[285] Т. е. (*нем. досл.*) «Господину проф. Ильину. Груневальд. Яговштрассе, 10. У Вольфа». Jagowstraße – улица в Груневальде, районе Берлина, входящем в состав Шарлоттенбурга-Вильмерсдорфа.

[286] Т. е. Э. К. Метнер.

[287] Об этих концертах и поездках см. *Метнер. Письма*. С. 242–243.

[288] На открытке позднейшая пометка рукой Ильина: «1923. янв. 29» и три идентичных штепмеля Шарлоттенбурга (дабы погасить три наклееные почтовые марки и четвёртую типографскую, отпечатанную на самой открытке) с датой «29.1.23 8–9N».

[289] Т. е. (*нем.*) «[Отправитель] Акакиус Пузен Кампф...» – далее адрес совпадает с имеющимся на предыдущей открытке.

[290] Год приписан рукой Ильина.

[291] Речь о концерте в Берлине, состоявшемся 31 января 1923 г. См. о нём также в *Метнер. Письма.* С. 237.

[292] Grunewald (*нем.*), собственно говоря, означает «зелёный лес» – такое имя район Берлина, где жили в то время Ильины, получил от названия леса, занимающего в западной части Берлина около 3000 га (для сравнения: Битцевский лес современной Москвы занимает несколько более 2200 га).

[293] Т. е. (смесь *псевдолат.* с *нем.*) Иоаннус Остерцунгиус (вновь отсылка к «цыдульным» прозвищам) Груневальдский. В письме же Ильин благодарит Метнера за концерт, данный им 31 января 1923 г. в Beethoven-Saal Берлина [(*нем.*) Бетховенский зал; построенный в 1899 г., располагался на Köthener Strasse, 32, рядом со старой Берлинской филармонией, и был полностью разрушен в конце Второй мировой войны] и состоявший из сочинений Шопена (Фантазия f-moll op. 49), Д. Скарлатти (три сонаты), Бетховена («Аппассионата») и собственных (сказки и др., подробнее см. в *Метнер. Письма.* С. 237).

[294] На открытке с фотографией королевского замка в Пильнице, летней резиденции правителей Саксонии («Pillnitz. Königliches Schloβ»), живописно снятого с противоположного берега Эльбы (сам замок стоит на её восточном берегу), три, по-видимому, идентичных неразборчивых штемпеля Пильница, из которых, впрочем, собирается дата: «12 3. 23. 5–6 N». На открытке позднейшая пометка рукой Ильина: «1923 \\ 12 марта».

[295] Обратный «перевод»: Sachsen-Pillnitz-Elbe, am Hausberg bei Friedrich, Nikolausruhe – шуточный «адрес»: «Саксонский Пильниц-на-Эльбе, при Хаусберге у Фридрихов, [отель] "Отдых Николая"». Записан русскими буквами и потому, должно быть, чтобы Ильины не решили, что это действительный адрес. Hausberg (*нем*., *досл.*) – домашняя гора: так в Германии нередко называют возвышенность, у подножия или невдалеке от которой расположено поселение и с которой обычно открывается на него особенно красивый вид. Friedrich – фамилия хозяев, Ядвиги Фридрих (Hedwig Friedrich) и её матери, у которых остановились Метнеры. Ядвига Фридрих была давней, ещё с 1905 г., знакомой Метнеров (см. *Юнггрен М.* Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера. – СПб.: Акад. проект, 2001. С. 33), Метнеры, гостившие у неё и ранее (почти весь январь 1922 г.), прожили у Я. Фридрих до конца сентября 1923 г. (см. *Метнер. Письма.* С. 221 и 244).

[296] От *нем*. Ruhe – отдых.

[297] На стихи Й. Эйхендорфа (1788–1857) Метнером написано несколько песен из его opp. 46 и 61.

[298] Родственники Рахманинова Сатины жили в Дрездене (Пильниц расположен в 15 км юго-восточнее старого Дрездена, ныне входит в черту города). Метнеры останавливались у них с 3 по 6 марта 1923 г. (см. *Метнер. Письма*. С. 244).

[299] Дата на письме («1923. март») проставлена позднее рукой Ильина. Уточнение её произведено по соседним письмам.

[300] Т. е. принадлежавшего Э. К. Метнеру, который часто бывал в Пильнице у Я. Фридрих, и потому не удивительно, что там были его книги. К ней он приехал и, в том числе, перед самой своей кончиной в 1936 г., уже нездоровый. Она вызвала доктора, отправившего его в клинику, где ему определили сильное воспаление лёгких и где он умер 11 июля (см. письмо Н. К. Метнера А. К. Метнеру и С. К. Сабуровой от 16 июля 1936 г. в *Метнер. Письма*. С. 480).

[301] Дата на письме («1923 март») проставлена позднее рукой Ильина, причём в годе чернилами обведено первоначальное карандашное «1924», где 4 заменено на 3. Слово «суббота» написано рукой А. М. Метнер в правом верхнем углу письма (обычно, см. дальнейшие письма, она в этом месте указывала точную дату) и с него письмо и начинается. В марте 1923 г. было пять суббот: 3, 10, 17, 24 и 31-е марта, однако первые две и последние две из них отпадают,

так как это письмо написано заведомо позже № 55 (от 12 марта), а в самом письме есть указания на 20–21 числа как на будущие. Заключительные строки письма («Целую Наталью Николаевну. Ваша А. М.») написаны перевёрнуто, на первой странице, на оставшемся свободным месте перед обращением.

[302] Эти письма Ильина (как и, очевидно, большая часть его писем Метнерам 1923 г.), по-видимому, не сохранились.

[303] Т. е. с Русей Фейн, супругой Георгия (Жоржа) Авдеевича Оцупа (см. комм. 261). «Моя записка» – пред. письмо.

[304] Лихтерфельде – район Берлина между Штеглицем и Целендорфом (в настоящее время входит в округ Штеглиц-Целендорф).

[305] Имеется в виду занимавшийся у Метнера в 1922–1923 гг., во время своей заграничной командировки, Владимир Александрович Архангельский (1895–1958), инженер-аэродинамик, в 1918 г. под руководством Н. Е. Жуковского окончивший (вместе с А. Н. Туполевым и Б. С. Стечкиным) московское Высшее техническое училище (ныне МГТУ им. Н. Баумана) и ставший первым директором образованного в 1918 же году Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ). Однако, уже будучи директором, он поступает в Московскую консерваторию в класс К. Н. Игумнова и, в итоге, в конце 20-х гг., бросает институт и карьеру инженера (см. *Кипнис С. Е.* Записки некрополиста: прогулки по Новодевичьему. – М.: Аграф, 2002. С. 26–27).

[306] Об этом разговоре см. письмо № 55 выше. Сатины Владимир Александрович (1881–1945) и Софья Александровна (1879–1975) – родные брат и сестра жены С. В. Рахманинова Натальи Александровны, в девичестве Сатиной (1877–1951), и одновременно его двоюродные брат и сестра: их мать, Варвара Аркадьевна Сатина, в девичестве Рахманинова (1851–1941), – родная сестра отца С. В. Рахманинова Василия Аркадьевича (1841–1916).

[307] На открытке с изображением парохода, проплывающего по Эльбе мимо королевского замка («PILLNITZ. Kgl. Schloβ»), штемпель Пильница: «–3 4 23 6–7 V.». Kgl. – сокращение от königlich (*нем.*) – королевский. На открытке позднейшая пометка рукой Ильина: «1923. IV. 1.». Адрес на открытке написан рукой А. М. Метнер (кроме, быть может, приписки «bei Wolf», которая, скорее всего, сделана почтовым работником).

[308] Т. е. супруге проф. Ильина, Н. Н. Ильиной.

[309] По-видимому, всё-таки не с 1 апреля и даже не с выпавшим в 1923 г. именно на 1 апреля Вербным воскресеньем, а с приближающейся Пасхой (8 апреля 1923 г.).

[310] В правом верхнем углу рукой Ильина приписано «5 Mai» и теми же чернилами дважды подчёркнуты все цифры даты, с которой начинает своё письмо А. М. Метнер. На первой странице имеется приписка, начатая перевёрнуто сверху и завершённая на левом поле. Письмо было отправлено вместе со следующим (№ 60), которое было начато на оборотной стороне второго листа этого письма (и продолжено на полностью исписанном другом листочке). Упомянутая приписка, очевидно, относится к этому же письму № 60 и потому она публикуется после него.

[311] Пирна (*нем*. Pirna) – город в Саксонии, недалеко от Дрездена. В октябре 1923 г. Саксония, наряду с Тюрингией, – один из центров коммунистического вооружённого восстания в Германии, планировавшегося Коммунистическим Интернационалом как часть мировой революции и подавленного в ноябре того же года. Позиции Коммунистической партии Германии в 1923 г. в Саксонии были особенно сильны, о чём свидетельствуют невольно и комментируемые слова А. М. Метнер о Пирне как о коммунистическом гнезде. Подготовкой коммунистической революции занималось Политбюро ВКП(б). См. *Бажанов Б. Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – Париж, 1930, глава пятая.

[312] Как бы ни понимать «м.» (скорее всего, имеется в виду миля), Анна Михайловна ошибается: расстояние от Пильница до Пирны по Эльбе – не более 10 – 15 км.

[313] Т. е. В. К. Тарасовой.

[314] Речь, без сомнений, о княжне из обедневшего рода князей Шаховских, двоюродной сестре пианистки В. И. Исакович-Скрябиной (первой жены А. Н. Скрябина) и доброй знакомой Метнеров (она упоминается, именно как просто княжна, напр., в письме Н. К. Метнера отцу, см. *Метнер. Письма*. С. 212; срв. *Там же* С. 216, 222, 225, 253, 260; 575 и 593) Елене Михайловне Шаховской (1873 – 1942), преподавателе музыки и немецкого языка, скончавшейся в заключении 25 января 1942 г. (арестована НКВД 26 октября 1941 г. с обвинением: «группировала вокруг себя бывших дворян и княгинь, нарушила светомаскировку во время авианалета, скупала дефицитные медикаменты»; см. её дело в Государственном

архиве РФ. Д. П-10461). См. также посвящённые ей воспоминания В. Д. Нырковой «О "музыкальном доме" и княжне Е. М. Шаховской» в «Московском журнале», № 9 (297), сентябрь 2015. С. 18–35.

[315] Имеется в виду Екатерина Юльевна Ильина (в девичестве Швейкерт; 1858–1942), мать И. А. Ильина. В этих строках приоткрывается, как Ильин сообщался с ней, стараясь, очевидно, никак ей не повредить (срв. ниже в письме о берлинском адресе, известен ли он в Москве, а также пред. комм.). Также нет сомнений, что во фразе «Говорит [Вера Тарасова. – *А. Л.*], что Вы все получите в мае» имеется в виду письмо Е. Ю. Ильиной сыну от 7 мая (24 апреля старого стиля) и 10 мая (27 апреля – в письме Екатериной Юльевной ошибочно указано 27 июня) 1923 г., опубликованное в *Ильин, т. 33*. С. 340–345 (и ранее в *Ильин, т. 13*. С. 445–448; *Там же*. С. 449 см. ещё одно письмо Е. Ю. Ильиной сыну, от 10 июля (27 июня) 1923 г.).

[316] Речь о Елене Павловне Разумовой (1887–1971), домашнем враче М. В. Нестерова, а также Ильиных и Швейкертов и личном враче И. А. Ильина до его высылки. Выписанное ею Ильину медицинское удостоверение (справку о болезни) он предъявлял при аресте и также называл её в числе лиц, могущих подтвердить его показания (см. подробнее в *Ильин, т. 33*. С. 195, 283, 340–345). Е. П. Разумову очень ценил и Н. К. Метнер, срв. *Метнер. Письма.* С. 486, а также приписку к нижесл. письму № 96.

[317] Письмо написано на обороте второго листа пред. письма, продолжено на небольшом листочке в клеточку и завершено припиской на первой странице пред. письма (см. комм. 310). Вверху первой страницы комментируемого письма, слева от даты, рукой Ильина приписано: «1923.».

[318] Т. е. Р. Фейн (см. комм. 261).

[319] Письмо написано на таком же листочке, что и продолжение пред. письма (см. комм. 316). Рукой Ильина (видимо, существенно позднее) проставлена дата: «1923. май», однако едва ли было бы неуместно предположить, что и это письмо было отправлено в одном конверте с двумя предыдущими письмами А. М. Метнер, ибо отправка «...еще задержалась, т. к. Коля все собирался тоже написать Вам» (наст. письмо, очевидно, и есть это всё-таки написанное Метнером письмо).

[320] Имеется в виду (очевидно, ещё в рукописном виде) статья Н. Н. Ильиной «Арион Пушкина», которую Ильин через пять лет опубликует в своём журнале; см. Русский Колокол, № 3. – Берлин, 1928. С. 22–27. Переиздано в *Ильин*, *т. 28*. С. 225–230.

[321] На открытке с фотографией «Hosterwitz. Villa Prinzess Mathilde [(*нем.*) Хостервиц. Вилла принцессы Матильды]» два штемпеля Пильница: «4 7 23/5–6 N». Хостервиц – поселение, примыкающее к Пильницу, ныне входит в состав Дрездена, образуя с Пильницем отдельный район. Prinzess Mathilde – принцесса Матильда Саксонская (1863–1933), дочь предпоследнего короля Саксонии Георга (1832–1904; годы формального правления 1902–1904). На открытке также чуть выше адреса позднейшая пометка рукой Ильина: «1923. \\ VII. 3.».

[322] О чём именно идёт речь, с полной уверенностью сказать трудно, но если предположить, что речь о работах, «копившихся» для будущего «Русского Колокола», то речь несомненно о рукописи, вылившейся позднее в статью «Кризис современного искусства» (см. Русский Колокол, 1927, № 2. С. 18–27. Переиздано в *Ильин*, *т. 28*. С. 135–144). Статья «Кризис современного искусства», в несколько переработанном виде, стала впоследствии второй главой труда Ильина «Основы художества. О совершенном в искусстве», изданного в Риге в 1937 г. (см. также *Ильин, т. 6, кн 1*. С. 62–71), так что, быть может, под «Эстетикой» подразумеваются первые варианты иных статей, составивших позже «Основы художества».

[323] Т. е. без Эмилия Карловича Метнера. О творческом колодце см. и срв. комм. 237.

[324] Скорее всего, здесь описка и имеется в виду Наталия Николаевна (а чтения – «Ариона» и «Эстетики», см. пред. письмо).

[325] Подпись, на первый взгляд, выглядит как «Н. Ме.», однако мнимое «е» здесь едва ли не всего лишь своеобразный росчерк, так что и здесь, и во всех подобных случаях далее (до комментируемого письма подобного не встречалось) мы и подобную подпись передаём как «Н. М.».

[326] Письмо никак не датировано, однако указания в нём на действия с паспортом Ильина в миссии, а также, в пред. письме, на то, что Ильины уедут «на днях уже... из Берлина», заставляют предположить, что оно написано в середине июля 1923 г. (указание на приезд Г. А. Оцупа 15-го числа даёт верхнюю границу; на нижнюю

указывает дата пред. письма; на то же, что письмо относится именно к 1923 г., указывает и упоминание о будущем письме А. М. Метнер Верочке, т. е. В. К. Тарасовой, срв. выше письмо № 59).

[327] Имеется в виду Георгий Авдеевич Оцуп (см. комм. 261).

[328] Видимо, Г. А. Оцуп, по поручению А. М. Метнер, занимался получением разрешения (визы) Ильину посетить Швейцарию (срв. ниже письма № 65 и 68), так что миссия в данном случае – дипломатическая миссия (посольство Швейцарии в Германии, расположенное в центре Берлина).

[329] Артур Никиш (1855–1922) – один из знаменитейших дирижёров конца XIX – начала XX вв. Брошюра о Никише – изданная в Цюрихе в 1921 г. брошюра Э. К. Метнера (*Emil Medtner*. Meister Nikitsch [(*нем.*) Эмиль Метнер. Мастер Никиш]). Возможно, именно упоминающийся в комментируемом письме её экземпляр хранится ныне в Музее музыки (РНММ. Ф. 132, № 2839).

[330] Т. е. Г. А. Оцуп.

[331] По-видимому, Ильин опасался повредить своим родственникам, оставшимся в России, в том числе и матери, и передавал им письма и вести о себе лишь через самую надёжную оказию (срв. комм. 315), что В. К. Тарасова, о которой здесь речь, как, впрочем, и сама Анна Михайловна, могли не до конца понимать. И здесь явно речь вновь о письмах Ильина матери – скорее всего, об ответе на её письмо от 10 июля 1923 г., см. тот же комм. 315.

[332] Это, собственно говоря, не письмо, а стихотворение Ильина из собранной им папки «Из писем к Н. К. Метнеру» (*Архив*, 001–0608). В переписке оно не обнаружено (однако следующее письмо Н. К. Метнера, № 66, является очевидным ответом и на него, чему явным указанием служит отсылка на «пьяный чох "Ивана Дуриста"»). В указанном ильинском собрании оно встречается в двух идущих друг за другом и в тексте стихотворения не отличающихся видах: рукописном и машинописном (на рукописи синим карандашом пометка «переп.», см. комм. 1). Рукопись озаглавлена как «Письмо Метнерам из Оберстдорфа», в то время как машинопись – просто «Из Оберстдорфа» с добавлением в следующей строке: «Письмо Н. К. Метнеру». За стихотворением в машинописи следует: «Оберстдорф. Сентябрь 1923», что, как видно из следующих писем, является неверной датой (письмо, очевидно, написано в августе 1923 г. или чуть раньше, в июле, – срв. указание Метне-

ра на Ильин день, 2 августа нового стиля, – но, во всяком случае, получено оно было не позже 23 августа). Печатается по рукописи с указанным машинописным добавлением места и неверной даты написания стихотворения. Публиковалось ранее в *Ильин, т. 32.* С. 463, но без уточнения неверной ильинской даты.

[333] Оберстдорф – городок на юго-западе Баварии, в около 200 км от Мюнхена, у самой границы с Австрией. Отвильниц, т. е. отвиливающий – имеется в виду, от написания ответов на письма. Плюнхен (видимо, от *нем*. Plunder – хлам, барахло, дрянь), т. е. Plunchen – барахлишко, хламчик, дрянцо. Дурих – судя по всему, не более чем онемеченное «дурачащийся» или, как определяет в своём ответе Н. К. Метнер (см. след. письмо), «Иван Дурист».

[334] Письмо, как это уже бывало в переписке, написано в два дня, причём три страницы «первого дня» пронумерованы Метнером, в отличие от пяти страниц «дня второго».

[335] Это письмо, судя по всему, не сохранилось, и едва ли именно в нём было опубликованное чуть выше стихотворение, хотя полностью исключить этого нельзя (напр., Ильин, не получая ответа от Метнеров, мог его прислать повторно). Но скорее всего стихотворение было в одном из двух писем, о которых речь чуть ниже и которые тоже, очевидно, не сохранились.

[336] Речь о «Воспоминаниях о Блоке» Андрея Белого, написанных им в Берлине в 1921–1922 гг. и опубликованных им в собственном журнале «Эпопея» (1922, № 1–3 и 1923, № 4). Добавим, что после № 4 иных номеров журнала не вышло.

[337] Слово «сейчас» написано выше слова «сегодня» рукой Н. К. Метнера, причём последнее не зачёркнуто.

[338] Sarotti – немецкий шоколадный бренд.

[339] Точка («центр пупка» в оригинале на том именно уровне, где должна быть точка), обведённая в кружок.

[340] Geweihter Platz (*нем.*) – священное место. См. след. комм.

[341] Die Musen lehren bescheiden Geheimnisse sprechen (*нем*.) – музы научат о тайнах рассказывать скромно. Неточная цитата последней строки стихотворения Гёте «Geweihter Platz» («Священное место»): «Lehren die Musen ihn gleich bescheiden Geheimnisse sprechen». Но «dass die Götter nicht zürnen» (*нем*.) – дабы не прогневать богов – уже точная цитата из предпоследней строки того же стихотворения.

Это стихотворение Гёте было, по-видимому, особенно любимо Метнером, и как раз в эти годы: его ор. 41 № 1, Соната-вокализ C-dur для голоса с фортепиано 1922 г., посвящённая Анне Михайловне, начинается с «эпиграфа», фактически представляющего собой романс на эти стихи (см. *Метнер Н. К.* Собрание сочинений. Т. VI. Сочинения для голоса и фортепиано. – М.: Музгиз, 1961. С. 98–100). Также в 1922–1924 гг. им был написан цикл песен «Семь стихотворений для голоса с фортепиано» (ор. 46), № 2 из которого есть (отличный от эпиграфа к ор. 41 № 1) романс на те же стихи (см. *Там же*. С. 169–173). Современные записанные исполнения обоих сочинений, известные издателям, используют оригинальный текст Гёте, однако в указанном собрании сочинений ноты оба раза сопровождаются, помимо оригинального текста, русским переводом Н. Весниной, который мы позволим себе здесь привести:

Ночью, когда хороводы при месяце нимфы водят,
Тайно грации легкой толпой к ним с Олимпа слетают.
Вместе дивно поют и танцуют, а поэт восхищённый
Внемлет песням и зрит движенья, полные тайны.
Все, что чудного есть в небесах, всю прелесть,
Землёю щедро рожденную, созерцает чуткий поэт.
Всё он поведает музам, и дабы боги не гневались,
Музы научат его о тайнах рассказывать скромно.

[342] Имеется в виду Вильгельм Циммерман (1891–1946), младший сын известного фабриканта музыкальных инструментов и музыкального издателя Юлиуса (Юлия) Генриха Циммермана (1851–1923), долгое время работавшего в Российской империи: в 1876 г., приехав в Россию, он открыл в Санкт-Петербурге магазин и нотное издательство и быстро приобрёл славу одного из лучших поставщиков музыкальных инструментов и нот. Магазин Циммермана в Москве располагался на Кузнецком мосту (в 1915 г. и он подвергся разгрому разъярённой антигермански настроенной толпой, среди прочих бесчинств сбрасывавшей на улицу с верхних этажей рояли, срв. письма №№ 4–8). В 1886 г. Ю. Циммерман вернулся в Германию, перенеся туда (в Лейпциг) центр своего предприятия, в том числе и центр издательства. В 1922 г. он передал дела своим сыновьям – Вильгельму и Августу (1877–1952). Позднее (в 1928 г.) фирма была разделена между братьями: производство музыкаль-

ных инструментов отошло Августу и просуществовало до 1936 г. Музыкальное же издательство принял Вильгельм, став издателем и Н. К. Метнера. Нотное издательство «Zimmermann» и сейчас является одним из крупнейших в мире, центральный его офис находится во Франкфурте-на-Майне.

[343] Тантьема (от *фр*. tantième, определённая часть) – вознаграждение, выплачиваемое в виде процента от прибыли, довольно распространённое в музыкальном мире: композитор при таком способе вознаграждения (в отличие от гонорарного, при котором он единовременно получал бы заранее оговоренную сумму за написанное им сочинение) получает право претендовать на определённую часть доходов от постановки его оперы, концертов из его произведений и т. п.

[344] Быть может, речь о Пауле Байи (Paule Bailly), канадской пианистке, позднее, в январе 1946 г., выступавшей в концертах с сочинениями Н. К. Метнера. См. и срв. *Метнер. Письма.* С. 507. Описывая эти концерты, А. А. Сван назвал её «первоклассной исполнительницей Метнера – молодой канадской пианисткой» (см. *Метнер. Материалы.* С. 150), что, на наш взгляд, всё-таки не противоречит тому, что в 1923 г. она могда брать уроки у Н. К. Метнера (его «уже концертирующая...» и т. д. может означать, что в 1923 г. ей могло быть совсем немного лет – напр., около 15, – и в 1946 г. она была вполне молода).

[345] Т. е. об Э. К. Метнере.

[346] Точнее, по-видимому, Штадт-Велен (*нем*. Stadt Wehlen) – город в Саксонии, от Пильница вверх по Эльбе, минуя Пирну, приблизительно в 40 км (срв. комм. 311 – 312). Впрочем, может иметься в виду и Дорф-Велен (*нем*. Dorf Wehlen), т. е. деревня (Dorf – *нем*., деревня) Велен, расположенная чуть западнее города (Stadt – *нем*., город) Велен.

[347] О том же «нибелунге» – по-видимому, рабочем (шахтёре, раз он назван нибелунгом? – в Саксонии – напомним, что Пильниц расположен именно там, – имеется известный Лужицкий буроугольный бассейн) с семьёй, которого, судя по всему, именно подселили («наградили жильцом») в дом Я. Фридрих, что косвенно свидетельствует о сильном коммунистическом влиянии в Саксонии 1922 – 1923 гг., даже если эти «нибелунги» были на деле всего лишь ещё одними квартирантами Frau Friedrich, – Метнер пишет 19 сентября 1923 г. своему брату Александру Карловичу Метнеру:

«Постараюсь вкратце сказать, в чем заключалась "трудная минута", чтобы оправдать и комментировать несколько резкое Анютино выражение (в письме к Соне [С. К. Сабуровой, урожд. Метнер, сестре Н. К. и А. К. Метнеров. – *А. Л.*]) о "каторжной жизни". Сегодня она, может быть, уже не употребила бы его... Дело в том, что после долгих, уже известных тебе скитаний наших по квартирам разных немецких фурий, где нам на своих уже и без того потрепанных нервах пришлось выдерживать их истерику и панику, в которой они неизменно пребывают в настоящее время, мы, наконец перебравшись под гостеприимный кров наших старых знакомых Фридрихов, думали отдохнуть от всех этих мытарств, но благодаря тому, что нас поместили под одной крышей с уплотнителем-нибелунгом, наша жизнь здесь за последние месяцы постепенно превратилась в кошмар. Эти нибелунги уже с самого начала страшно мешали мне во время моей работы, но за последнее время они превратили это в свою обязанность и стали мешать мне сознательно и планомерно. Так, например, если по возвращении этого господина домой (не позднее 5 часов) я еще продолжал играть, то он немедленно брал гармонику, выходил на известную тебе лестницу около моей двери и заглушал мою игру нечленораздельными звуками. Frau Friedrich попробовала было потребовать от него отчета, но это привело лишь к тому, что он с полной циничностью признался ей в *намеренности* своих выходок, заявив, что я *должен* начинать работу не позднее него и кончать вместе с ним. Несмотря на всю твердость и мужество этой женщины (Frau Friedrich), она нашла положение безвыходным, т. к. не уверена в сочувствии тех, кто наградил ее подобным жильцом. Можешь себе представить, как мне пришлось *давиться* своей работой и каково было наше настроение благодаря еще и тому обстоятельству, что у нас не было в резерве никакого крова. Теперь же, слава Богу, нам нашли на окраине Берлина маленькую квартирку, куда мы и собираемся переехать через неделю» (см. *Метнер. Письма*. С. 259). См. также след. письмо.

[348] *Medtner E.* Über die sog[enannte] "Intuition", die ihr angrenzenden Begriffe und die an sie anknüpfenden Probleme. Vorgetragen im Psychologischen Klub, Zürich 1919 / E. Medtner. Moskau-Zürich: Verlag Musagetes, 1923 [*(нем.*) О так называемой "Интуиции", примыкающих к ней терминах и связанных с ними проблемах. Высту-

пление в Психологическом клубе, Цюрих, 1919. – Москва-Цюрих: Издательство Мусагет, 1923].

[349] Психологический клуб Цюриха (*нем*. Psychologischer Klub Zürich) был основан в швейцарском Кюснахте в 1916 г. К. Г. Юнгом и его бывшими пациентами и студентами с целью изучения и популяризации аналитической психологии (психоанализа). Первым президентом клуба (в 1916–1920 гг.) была жена Юнга Эмма Юнг, третьим (в 1921–1924 гг.) – друг Ильина Ханс Трюб (Dr. Hans Trüb).

[350] Т. е. фирмы Steinway & Sons – всемирно известной американской компании-производителя фортепиано, основанной в 1853 г. в Нью-Йорке немецким иммигрантом краснодеревщиком Хайнрихом Э. Штанвегом (Steinweg; 1797–1871), позднее сменившим имя на Генри Э. Стейнвей.

[351] Собственно говоря, правильно – антиномия (от *др.-греч.* ἀντινομία – противозаконие, противоречие), однако к 20-м гг. XX в., по всей видимости, уже прочно установилось ироничное, осознанно неверное «антимония», подчёркивающее невежество «разводящего антимонии», пустоту и никчемность его рассуждений.

[352] На письме позднейшая пометка Ильина: «1923. сент.», причём чуть в стороне от неё – зачёркнутая другая: «24–25» (видимо, Ильин, просматривая переписку, первоначально датировал это письмо приблизительно 1924–1925 годом). Итоговая пометка немного неточна, ибо письмо А. М. Метнер было написано одновременно с предыдущим (что следует из содержания обоих писем) и отправлено с ним в одном конверте. Также по указанию на «вчера» и на то, что «Коля написал Вам очень много», устанавливается его точная дата: 24 августа 1923 г.

[353] Это, очевидно, то же утерянное письмо Ильина, о котором пишет и на которое отвечает в предыдущем письме Н. К. Метнер.

[354] Т. е. пледа – большого шерстяного платка или одеяла, которым укрываются от холода. Речь, по всей видимости, о какой-то посылке (из России?), полученной Ильиным.

[355] Имеются в виду Ханс Трюб (1889–1949), швейцарский врач и психотерапевт, друг Ильина (а также Э. К. и Н. К. Метнеров), на чей адрес (Zürich. Schmelzberg Str. 28. Dr. Hans Trüb) друзья Ильина посылали для него письма (срв. также комм. 349 выше), и его жена Зузи Трюб.

[356] См. комм. 349.

[357] Мейдер (иногда Мэдер; *нем.* Maeder) Альфонс (1882–1971) – швейцарский психиатр и психотерапевт.

[358] Речь может идти о Теофиле Спёрри (1887–1955), швейцарском богослове-методисте, но вернее, что имеется в виду его кузен, писатель Теофил Спёрри (Theophil Spoerri; 1890–1974), профессор итальянской и французской литературы Цюрихского университета и его ректор в 1948–1950 гг. Срв. цитирование последнего Ильиным в «Наших задачах» (статья 202. О моральном обновлении человечества. I; см., напр., *Ильин*, *т. 2*, *кн. 2*. С. 290) и в статье «Творческая идея России» (см. *Ильин*, *т. 6*, *кн. 2*. С. 591–592), где прямо упоминается его работа «Die Götter des Abendlandes: Eine Auseinandersetzung mit dem Heidentum in der Kultur unserer Zeit [(*нем.*) Боги Запада: Столкновение с язычеством в современной культуре]» (Berlin, 1930).

[359] Jodeln, iodeln (*нем.*) – йодль, особая народная, широко распространённая в Швейцарии манера пения без слов, с характерным быстрым переключением голосовых регистров, т. е. с чередованием грудных и фальцетных звуков, или иногда чисто фальцетная.

[360] Изола-Белла – один из Борромейских островов на озере Лаго-Маджоре в Италии. Расположен напротив (в 400 м) от прибрежного городка Стреза.

[361] Речь о fräulein [(*нем.*) барышня, девица, незамужняя женщина] Toni, т. е. Тони Анне Вульф (Toni Anna Wolff; 1888–1953), психоаналитике, последовательнице Юнга и близкой его сотруднице.

[362] Т. е. об инфляции (осенью 1923 г. она приобрела в Германии гигантские размеры) и поиске квартиры («угле» – очевидно, не от «уголь», а от «угол»).

[363] В Русском научном институте в Берлине (основанном 17 февраля 1923 г.).

[364] Ильин цитирует письмо № 66.

[365] Т. е. (*фр.* mille pardons, au réservoir) тысяча извинений! – в бак!

[366] Urmotiven (*нем.*) – прамотивы (Ur – тур, первобытный бык).

[367] «Аркадский» (преимущественно в выражениях «аркадский пастушок» или «аркадская пастушка») – идиллический образ счастливого и беспечного человека, живущего на лоне природы.

[368] Façon de parler (*фр.*) – это только так говорится, это не надо понимать буквально.

[369] Т. е. альбомы-циклы песен в духе известных таковых циклов Р. Шумана («Круг песен», «Любовь и жизнь женщины», «Любовь поэта» и т. д.). Впрочем, opp. 6, 15, 18, 28, 29, 32, 36, 37, 45, 46, 52 и, наконец, 61, а также некоторые другие сочинения Н. К. Метнера таковыми, в некотором роде, и являются.

[370] О сделанной поправке см. и срв. комм. 36-394.

[371] Речь, очевидно, о публикуемом следующим номером стихотворении «Пильниц».

[372] «А. С. Пушкину, по прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (стихотворение Н. И. Гнедича 1832 г.).

[373] Ильин отсылает к поэме Парменида, сохранившейся лишь фрагментарно в трудах других античных философов и получившей название «О природе». В частности, у Секста Эмпирика («Против ученых», VII, 111) цитируются первые её стихи (1–30), которые и имеет в виду Ильин: «1. Кони, которые меня несут, – доставляли так далеко, как только может достичь дух... 22. И богиня приняла меня благосклонно, взяла десницей 23. Десницу и, обратившись ко мне, сказала так: 24. "О Курос (Юноша), спутник бессмертных возниц, 26. Привет тебе! Ибо отнюдь не Злая Участь (Мойра) вела тебя пойти 27. По этому пути – воистину он запределен тропе человеков – 28. Но Закон (Фемида) и Правда (Дикэ). Ты должен узнать все: 29. Как непогрешимое сердце легко убеждающей Истины, 30 Так и мнения смертных, в которых нет непреложной достоверности» (цит. по: Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. – М.: Наука, 1989. С. 286–287).

[374] Игра слов: Эрда – все***вед***ущая и ***вещ***ая богиня земли и мудрости (восходит к Ёрд скандинавской мифологии, однако Ильиным, очевидно, вспоминается так или иначе через «Кольцо нибелунга» Рихарда Вагнера). Веды – сборник древнейших священных писаний индуизма.

[375] См. выше комм. 311.

[376] Очевидно, телефонного.

[377] Публикуется по «*Собранию*» (*Архив*, 001 – 0608), ибо в самой переписке не обнаружено. Дата в конце поэмы, поставленная Ильиным явно по памяти, очевидно ошибочна, и поэма написана им годом ранее: см. указание о ней в конце пред. письма (№ 68). Также явно поэма написана до событий октября 1923 г., ибо они – они сами, а не только их преддверие, сполна отражённое в поэме, – несо-

мненно были бы в ней так или иначе упомянуты. Однако, несомненно ошибаясь в годе, датировочная пометка Ильина едва ли ошибается в месяцах (если, конечно, иметь в виду месяцы сочинения поэмы, а не отправку её Метнеру, которая, судя по всему, состоялась всё-таки в октябре 1923 г.). Поэма публиковалась ранее нами в *Ильин*, *т. 32*. Здесь исправлены ошибка комментирования и опечатки первой публикации. Также комментарии значительно дополнены.

[378] Речь несомненно о поездке Ильиных к Метнерам в Пильниц, о которой так ярко отзывается Н. К. Метнер в письме № 63.

[379] См. комм. 295.

[380] Friedrich – это, конечно, не фортепиано, как нами (мною. – *А. Л.*) было ошибочно предположено в *Ильин, т. 32*, а фамилия хозяев, у которых жили Метнеры (см. тот же комм. 295).

[381] Виадук (от *лат.* via – путь и duco – веду) – протяжённый каменный мост над глубоким оврагом или горным ущельем.

[382] Очевидно, намёк (здесь и ниже, в строфе 23) на принцессу Матильду Саксонскую, см. комм. 321.

[383] Не исключено, что имеется в виду Екатерина Игнатьевна Кочкина (1897 – 1965), в 1915 – 1917 гг. активная подпольщица-большевик. Не раз арестовывалась жандармерией Екатеринбурга и сидела в тюрьме до Февральской революции. Участница гражданской войны на Урале и на Западном фронте. Одна из активных организаторов комсомола на Урале.

[384] Т. е. в Schloss Pillnitz, см. комм. 294.

[385] Намёк на слова Анны Михайловны: «Кстати, Коля хочет произвести переворот в Пирне (самое коммунистическое гнездо) и сесть там королем» (см. письмо № 59).

[386] Dame, Herr (*нем.*) – дама, господин.

[387] Dampfschiff (*нем.*) – пароход.

[388] Goldner (или Goldener) Löwe [(*нем.*) золотой лев] – гостиница (отель). Отсюда следующее «отелили».

[389] Aus dem Fass (*нем.*) – из бочки.

[390] Речь о коммунистическом восстании октября – ноября 1923 г. в Гемании. См. комм. 311.

[391] Дышет, слышет и ниже (в 25 строфе) узрил – так в оригинале. О «Что дают, то лопай» (стофа 22) см. в комм. 36-425.

[392] Едва ли здесь речь не о вилле принцессы Матильды (срв. комм. 321).

[393] Адам Олеарий (1599–1671) – немецкий путешественник. Являясь секретарём посольства шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III к персидскому шаху, по пути в Персию бывал в России, о чём оставил знаменитое «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию», служащее хрестоматийным источником по российской истории XVII в.

[394] Речь о «нибелунге», см. письма №№ 66 и 67 и комм. 346.

[395] Долу (*слав.*) – вниз.

[396] Т. е. вышней (горé *слав.* – вверх).

[397] Так Ильин, легко соединяя шутливое с серьёзным, обыгрывает одно из главных понятий своей философии – предмет, одновременно утверждая подлинную *предметность* музыки Метнера. В дальнейшем он не раз повторит это определительное прозвище, данное им Метнеру. Также он (срв. письмо № 82), уже полностью серьёзно, называл Метнера *предметовидцем*, и это ещё одна перекличка с названием его будущей немецкой лекции о Метнере (см. *Ильин, т. 6, кн. 3.* С. 497–520).

[398] Allgäu (Алльгой) – предальпийская область в южной Германии, у границы с современной Австрией. Оберстдорф находится, собственно говоря, в Верхнем Алльгое (*нем.* Oberallgäu).

[399] Если не указано иное, письма Ильина 1924 г. публикуются по *Архив,* 005 – 0038; все же письма Метнеров за тот же год – по *Архив,* 005 – 0180.

[400] На открытке («FIRENZE – Veduta panoramica di Piazza della Signora [(*ит.*) Флоренция – Панорамный вид площади Синьории]») железнодорожный (ferrovia, *ит.*, – железная дорога) штемпель: «Firenze 13–14 10.IV 1924 ferrovia» и позднейшая пометка Ильина: «1924. апр. 10».

[401] Речь, конечно, не о хранящейся в Лувре известной картине «Прекрасная Ферроньера» предположительно кисти Леонардо да Винчи, на которой предположительно же (отметим, что это одна из версий, причём не основная) изображена Беатриче д'Эсте (1475–1497), жена миланского герцога Лодовико Сфорца, имевшая, несмотря на свою юность, очень большое влияние при его дворе, а, видимо, о «Портрете дамы» (вновь только предположительно именно Беатриче д'Эсте) кисти, скорее всего, не самого Леонардо (как долгое время предполагалось), а Джованни Амброджо де Предиса (Giovanni Ambrogio de Predis; ок. 1455 – ок. 1508), хранящемся в ми-

ланской Пинакотеке Амброзиана (Pinacoteca Ambrosiana – миланский художественный музей, основанный в 1618 г. и названный в честь покровителя Милана-Медиолана св. Амвросия Медиоланского).

[402] См. след. письмо.

[403] Метнер, как это уже обычно в его переписке с Ильиным, пользуясь созвучием, так обыгрывает распространённую итальянскую фамилию (Bianchi, т. е., вообще говоря, Белые) хозяев пансиона (т. е. гостиницы, предоставляющей с кровом одновременно и питание, стоимость которого входит в общий счёт и, видимо – судя по интонации Н. К. Метнера, весьма увеличивает его; впрочем, А. М. Метнер в своём письме, см. № 72, эту дороговизну опровергает) на площади Независимости в историческом центре Флоренции, где остановились Метнеры во время своего путешествия.

[404] Оригинал письма написан на трёх листах (часть, относящаяся к 15 апреля, – на первых двух из них, причём оборот второго листа содержит, см. след. письмо, письмо А. М. Метнер). Под датой, с которой начал письмо Н. К. Метнер, имеется позднейшая пометка Ильина: «1924. апр. 15–19.»). Публикуется по оригиналу.

Имеются две копии этого письма: одна сделана А. М. Метнер (хранится в РНММ. Ф. 132, № 791), другая – Н. Н. Ильиной для А. Свана, собиравшего материалы о Н. К. Метнере (хранится в Alfred J. Swan Collection [Box 1, folder 1920–1926], Albert and Shirley Small Special Collections Library, University of Virginia).

Разночтения копии, сделанной А. М. Метнер, с оригиналом: в копии не подчёркнуто «души» в «*не до самой глубины души*»; пропущено слово «только» в «разве только для украшения»; вместо «истовость, целомудрие» – «истовость целомудрия»; «Джотто» вместо «Джиотто»; вместо «гармоничного» – «гармонического», вместо «банщик Рубенса» – «банщик Рубенс»; «в предыдущие дни» вместо «предыдущие дни»; «побывали» вместо «перебывали»; пропущены слова «и по происхождению»; переставлены слова в «*постепенно* оторвали», а «романс» поставлен перед «гениальный на сто процентов»; вместо однократного в оригинале подчёркивания первого слова и двукратного – второго в «*религиозными* ***темами***» – лишь однократное подчёркивание второго («религиозными *темами*»); опущены кавычки вокруг «реальны» в «ангелы Ботичелли для меня абсолютно "реальны"» и по всему тексту убраны многие многоточия (есть и ещё ряд несущественных расхождений в пунктуации). Нако-

нец, в копии на первой странице вверху слева присутствует указание: «Ивану Александровичу Ильину», а также вписанные в оригинальном письме над текстом слова входят уже свободно в сам текст.

Однако, как выясняется далее (из письма № 897 и приложенной к т. 36 наст. изд. «Записки И. А. Ильина» о книге Свана), копия, сделанная А. М. Метнер, делалась ею не с оригинала, а с копии, сделанной Н. Н. Ильиной (для А. Свана, а А. М. Метнер с неё сделала копию для себя), так что большинство вышеперечисленных расхождений обусловлены тем, что они присутствуют в последней (из существенного: у Н. Н. Ильиной не утрачены слова «и по происхождению», нет явной описки в «банщик Рубенса», а также пропущенное в оригинале «в» перед «предыдущие дни» восстановлено, но в скобках).

Отметим, что это единственное из писем Н. К. Метнера И. А. Ильину, публиковавшееся в советские годы (оно, по копии А. М. Метнер, цитируется З. А. Апетян в *Рахманинов С. В*. Литературное наследие. В трех томах. Т. 2. – М.: Советский композитор, 1980. С. 449).

[405] В именах собственных мы тоже сохраняем орфографию Метнера, оставляя Микель-Анджело вместо Микеланджело, Ботичелли вместо Боттичелли и др.

[406] Дольче Карло (1616–1686) – флорентинский художник зрелого барокко. Работы Дольче, о которых говорит ниже Метнер, – натуралистические портреты, которые писались им около 1632 г. Об отношении же Метнера к итальянской опере срв. комм. 163.

[407] Gehässigkeit (*нем.*) – враждебность, злоба, ненависть.

[408] Рахманинов.

[409] № 2 из ор. 36 («Шесть стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано 1918–1919 гг.). Упоминающийся чуть ниже «Ангел» – № 1 того же ор. 36.

[410] Cenacolo (*ит.*) – трапезная. Обычно в трапезных помещались или же бывали написаны прямо на стенах (как, напр., знаменитая «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи в миланском доминиканском монастыре Санта-Мария-делле-Грацие) изображения Христовой Тайной вечери с апостолами.

[411] № 6 из указанного в комм. 409 ор. 36.

[412] Мф. 26, 6–13; Мк. 14, 3–9; срв. Лк. 7, 36–50 и Ин. 12, 3–8.

[413] Мф. 21, 19; Мк. 11, 13–14 и 20–21.

[414] Написано на обороте второго листа оригинала предыдущего письма. Датируется по нему.

[415] Р. Фейн. См. комм. 261.

[416] Рахманинов.

[417] В 1919 г. во Флоренции имела место масштабная перестройка государственных собраний произведений искусства, так что многие из них изменили «адреса своего пребывания».

[418] Т. е. в путеводителе. Карл Бедекер (1801–1859) – немецкий издатель, с 1827 г. издававший путеводители по разным городам и странам. Достоверность и качество выпущенных им путеводителей сделали его имя нарицательным, так что «бедекер» быстро стал синонимом путеводителя вообще, не обязательно изданного именно К. Бедекером.

[419] Галереи Уффици во Флоренции, где собрано не менее 30 картин Сандро Боттичелли (1445–1510).

[420] См. комм. 406.

[421] Ecco la Minerva (*ит.*) – вот Минерва. Имеется в виду знаменитая картина Боттичелли «Паллада и кентавр», которую иногда называют «Минерва и кентавр», видя в женском образе, запечатлённом на ней, именно Минерву, богиню мудрости.

[422] Annunziazione (*ит.*) – Благовещение. Имеется в виду также картина Боттичелли, но не очень ясно, какая именно: в галерее Уффици хранятся три картины Боттичелли на этот сюжет. Возможно, впрочем, что Анна Михайловна все три и имеет в виду.

[423] Magnificat (*лат.*) – величит, возвеличивает: первое слово песни Богородицы («Величит душа моя Господа...», см. Лк. 1, 46–55). Имеется в виду картина Боттичелли «La Madonna del Magnificat», символически изображающая, как Богоматерь, одновременно коронуемая ангелами, вписывает слова своей песни в текст Евангелия от Луки.

[424] Помимо двух изображений Богородицы, упомянутых явно в письме (и трёх Благовещений), в галерее Уффици хранятся ещё несколько, не менее пяти, картин Боттичелли, изображающих Деву Марию. Которую именно из них Анна Михайловна определила как грустную Мадонну, сказать затруднительно, ибо эпитет подходит едва ли не к каждой из них.

[425] Krönung Maria (*нем.*) – коронование Марии, картина Боттичелли «La Pala di San Marco o Incoronazione della Vergine con i santi Giovanni Evangelista, Agostino, Girolamo ed Eligio [(*ит.*) Алтарь св.

Марка или Коронация Богородицы со святыми Иоанном евангелистом, Августином, Иеронимом и Элигием]». Передана в галерею Уффици в 1919 г. во время упомянутой в комм. 417 перестройки. В 1921 г. была заново отреставрирована.

[426] «Поклонение Волхвов» и «Весна» («Adorazione dei Magi» и «Primavera») – известнейшие картины Боттичелли, также хранящиеся в галерее Уффици.

[427] Сан Марко – общее название для собора и монастыря, расположеных на одноимённой (св. Марка) площади во Флоренции. Монастырь, окончательно упразднённый (первые попытки имели место ещё в наполеоновские времена) в 2018 г., в настоящее время является только музеем.

[428] Фра Беато Анжелико [Fra Beato Angelico (*ит. букв.*) – «брат Блаженный Ангельский»], прозвище монаха-доминиканца Гвидо ди Пьетро (в постриге Джованни да Фьезоле, 1400–1455) – святого (канонизирован в 1984 г.) Римо-католической церкви, итальянского художника эпохи Раннего Возрождения. В St. Marco хранится много творений Фра Беато, однако ранее их было там ещё больше: часть теперь находится в других картинных галереях (Вашингтона, Дублина, Мюнхена, Парижа).

[429] Изначально письмо не датировано (на нём лишь позднейшая пометка рукой Ильина: «1924 весна»). Пасха же в 1924 г. пришлась на 27 апреля (нового стиля).

[430] В 1924 г. Ильин провел много времени в Италии, работая над своей книгой «О сопротивлении злу силою» и одновременно начав выполнять будущее редакционное поручение парижской газеты «Возрождение» (освещать события уже третьего года правления премьер-министра Италии Бенито Муссолини). Однако это всё будет позднее (начнётся не ранее сентября 1924 г. и продолжится в 1925–1926 гг.; срв. ниже письмо № 78, а также *Ильин И. А.* Наши местонахождения и путешествия // *Ильин, т. 21.* С. 514), в частности, свои корреспонденции из Италии, «Письма о фашизме» (9 писем), Ильин опубликует в «Возрождении» под псевдонимом Ивер именно в 1925–1926 гг. (см. также *Ильин, т. 18*. С. 223–261). Сейчас же он вспоминает, очевидно, первое своё посещение Флоренции, бывшее ещё до 1914 г.

[431] Capelle Medicei – часовня Медичи (Капелла Медичи), пристройка к базилике Сан-Лоренцо во Флоренции, являющейся усы-

пальница семейства Медичи, многие представители которого были правителями Флорентийской республики, а затем герцогства Тосканы (и одновременно меценатами). Мраморная статуя Микеланджело «Ночь» – часть украшения надгробия Джулиано Медичи (1453–1478), соправителя Лоренцо Медичи («Великолепного»; 1449–1492).

[432] Ильин всегда старался различать душу и дух: «*Душа* – поток обыденных переживаний, чувств, болевых ощущений, приятных и неприятных состояний, воспоминаний и забвений, деловых соображений и т. д. *Дух* – это, прежде всего, душа, когда она живет своими лучшими слоями и силами, устремленными на познание истины, созерцание красоты, совершение добра, обращение к Богу». (*Ильин И. А*. Введение в философию. Лекция 1. Философия как духовное делание // *Ильин, т. 29*. С. 51.)

[433] Имеется в виду известнейшая роспись потолка (плафон, от *фр.* plafond, т. е. plat fond, плоский фон, – потолок) Сикстинской капеллы, представляющая собой цикл фресок Микеланджело, созданный в 1508–1512 гг.

[434] Вновь отсылка к Гнедичу. См. письмо № 68 и комм. 372 выше.

[435] См. комм. 261.

[436] Почтовая открытка (отправленная в несохранившемся конверте – по всей видимости, одновременно со след. письмом, адресованным уже прямо И. А. Ильину) с морским пейзажем и типографской надписью: «59. Erquy (C[ôtes]-du-N[ord]) – Extrême Pointe des Carrières de l'Ouest et Entré du Port [(*фр.*) Эрки (Кот-дю-Норд) – Крайняя оконечность западных карьеров и вход в порт]»). Эрки – поселение в Кот-дю-Норд (*букв*. Северный берег; с 1990 г. – Кот-д'Армор), области (департаменте) на северо-западе Франции (в Бретани).

[437] Письмо написано на сложенном вдвое листе бумаги в клеточку (так что исписаны полностью все четыре получившиеся страницы). Снизу и сверху 2-й и 3-й страниц (верхние тексты перевёрнуты) – приписка А. М. Метнер, публикуемая сразу после письма. Адрес, с которого начинается письмо, написан Метнером мелким почерком. «Ker Linette» (Kêr – бретонское слово, означающее «город», Linette – по-видимому, фамилия) – видимо, название дома или гостиницы, где жили Метнеры в Эрки, ожидая парохода в Америку.

[438] Несомненно, это ***не*** та открытка, что составила пред. письмо, а какая-то другая (по всей видимости, утраченная).

[439] См. комм. 350.

[440] Речь о поездке в Америку (Метнеры прибыли в приморский Эрки именно на пути в заокеанское турне).

[441] Saint-Brieuc (Сен-Бриё) и Saint-Malo (Сен-Мало) – прибрежные (у пролива Ла-Манш) портовые французские города, соответственно юго-западнее и восточнее Эрки. Сен-Бриё – административный центр департамента Кот-дю-Норд (с 1990 г. Кот-д'Армор). Сен-Мало относится к департаменту Иль-и-Вилен (Ille-et-Vilaine).

[442] Шербур, Cherbourg (с 2000 г., после слияния с городом Октевиль, Cherbourg-Octeville) – портовый город на берегу Ла-Манша. Эрки находится приблизительно в 130 км морем к юго-западу от Шербура и в не менее 220 – сухопутной дорогой, огибающей залив.

[443] Т. е. Светлое Христово Воскресение, 27 апреля 1924 г.

[444] От *ит.* basso profondo (глубокий бас).

[445] Рахманинов родился в усадьбе Семёново Старорусского уезда Новгородской (т. е. Великого Новгорода) губернии.

[446] Софьей Александровной Бутаковой (1823 – 1904), бабушкой Рахманинова со стороны матери.

[447] Почти несомненно (срв. и след. письмо), имеется в виду один из друзей Метнеров, а также хороший знакомый, если не друг, Ильина, пианист, композитор и музыкальный педагог Лев Эдуардович Конюс (1871 – 1944), но не совсем исключено, что именно здесь речь о его брате – также композиторе и музыкальном педагоге Юлии Эдуардовиче Конюсе (1869 – 1942). Оба они жили в то время в Париже. Третий, старший из братьев Конюсов, Георгий Эдуардович (1862 – 1933), композитор и музыкальный педагог (один из преподавателей, в том числе, и Н. К. Метнера, а также А. Н. Скрябина, А. Ф. Гедике, А. Б. Гольденвейзера и мн. др.), профессор (с 1920 г.) Московской консерватории, эмигрантом не стал, окончив жизнь в России. Добавим, что встречающееся далее в переписке «Конюсам» означает Л. Э. Конюса с его женой, пианисткой Ольгой Николаевной Конюс (1890 – 1976), ставшей через несколько (точнее, 11) лет крёстной матерью Н. К. Метнера при его переходе в Православие (крёстным отцом стал С. В. Рахманинов).

[448] В. К. Тарасова.

[449] Конюса. Срв. пред. письмо и комм. 447.

[450] Т. е. (*нем.*) Мюнхен-Нимфенбург, Южная подъездная аллея. 3. стр[оение] I. Господину художнику Георгию Габричевскому для

проф. Ильина. Нимфенбург – район Мюнхена, названный по расположенному здесь одноимённому замку правителей Баварии. Северная и Южная аллеи обрамляют большой дворцовый канал, идущий почти точно с запада на восток и соединяющий замок с парком Грюнвальд.

Георгий Георгиевич Габричевский (1896–1979) – художник, друг Ильина, написавший ставший уже знаменитый его портрет 1924 г. Брат А. Г. Габричевского, см. комм. 133–135.

[451] № 1 будущего ор. 45 («Четыре песни на слова А. Пушкина и Ф. Тютчева» для голоса с фортепиано).

[452] Т. е. тоже не в тональности ля-мажор, а в до-мажоре. Речь же идёт не о чём ином, как о Квинтете C-dur для фортепиано, двух скрипок, альта и виолончели, начатом ещё в 1903–1904 гг. в России и завершённом только в 1948 г. (не имеет номера opus'a). О том, что Квинтет посвящён лишь этому, процитированному чуть выше, стиху Евангелия от Луки (Лк. 6, 21), Метнер напишет Ильиным вновь спустя четверть века, 10-го июля 1949 г. (см. письмо № 708).

[453] Печально-шутливая отсылка к известному интернационалистическому коммунистическому лозунгу из «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, «преследовавшему» без большого преувеличения всех и повсюду до сравнительно недавних времён (в частности, он присутствовал на гербе СССР, равно как и на гербах всех союзных республик, но как Метнерам, так и Ильиным он был памятен больше по плакатам и растяжкам и т. п., появившимся на улицах российских городов и в российской провинции во время революции и ушедшим в прошлое только с начала 1990-х): «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

[454] См. комм. 436.

[455] Альто-Адидже или, точнее, Трентино-Альто-Адидже (*ит*. Trentino-Alto-Adige) – область на севере Италии, до 1919 г. находившаяся в пределах Австро-Венгерской империи под – также сохранившемся, впрочем, – названием Южный Тироль (*нем*. Südtirol) и населённая как итальянцами, так и немцами и ладинами (ладины – романский народ, живущий в Тироле, в обеих его современных частях: итальянской и австрийской), так что немецкий язык распространён там так же, как и итальянский.

[456] Siusi или, точнее, Siusi allo Sciliar (*нем.* Seis или Seis am Schlern – Сьюзи или Зейс-на-Шлерне; встречается также транс-

крипция «Сиузи» или, совсем ошибочная, «Суизи») – поселение (деревня) в Трентино-Альто-Адидже, у подножия Альпе-ди-Сьюзи (*ит.* Alpe di Siusi, *нем*. Seiser Alm) – крупнейшего высокогорного плато Европы и, по совместительству, горнолыжного курорта. Деревню Сьюзи с Альпе-ди-Сьюзи связывает канатная дорога.

[457] Название гостиницы: собственно, albergo с *ит*. означает гостиницу, отель; Unterwirt, если это не фамилия владельца отеля, может быть переведено с *нем*. (Wirt – хозяин, трактирщик, unter – под) как «младший хозяин» (срв. унтер-офицер).

[458] Т. е. прочерк: «И потому – прочерк». Ниже встречается аналогичное построение фразы.

[459] Аллюзия на первую строфу стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» (1831): «По небу полуночи ангел летел \\ И тихую песню он пел...». Срв. также письмо № 81. Напомним, что метнеровский ор. 1bis есть песня на слова этого стихотворения, хорошо известная Ильину (срв. в приложении к наст. тому его заметки о музыке Метнера).

[460] Gott giebt die Mandeln dem, der sie nicht beissen kann (*нем*.) – Бог дает миндаль тому, кто не может его укусить. В *исп*. оригинале: Da Dios almendras a quien no tiene muelas (*досл*.) – даёт Бог миндаль тому, кто не имеет зубов. Или в русском языке (с несколько иным, впрочем, смыслом): когда зубов не стало, тогда и орехов принесли.

[461] Riviera (*ит.*) – побережье.

[462] Свидетельство о сильном уменьшении (или же, впрочем, скорее, об изначальной малости) слушателей-студентов Русского научного института в Берлине.

[463] Книга Ильина «О сопротивлении злу силою» выйдет при финасовом содействии барона фон Кеппена в Берлине в 1925 г. тиражом в 2000 экз. Барон Борис Густавович фон Кеппен (1887 – ?) – участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. С марта 1922 г. казначей Русского Народно-Монархического Союза.

[464] Книга Ильина о Гегеле на немецком языке будет опубликована лишь в 1946 г.: Die Philosophie Hegels aks Kontemplative Gotteslehre. A. Francke Ag. Verlag. Berlin.

[465] Т. е. фотокарточку. В *Архиве* отыскать подобную не удалось.

[466] Напомним: albergo (*ит*.) – гостиница. Шлерн – гора на западе Доломитовых Альп (горного массива в Южных Альпах), в Южном Тироле. Собственно, как было уже, впрочем, упомянуто выше

в комм. 456, немецкое название Siusi – Seis am Schlern, т. е. Зейс-на-Шлерне.

[467] Почтовая открытка с изображением парохода «Reliance [(*англ.*) опора, надежда]», с которым Метнеры, очевидно, отправились в Америку и с борта которого отправили это письмо, очевидно, в одном конверте (не сохранившемся) со следующим большим письмом Анны Михайловны.

[468] Речь о пред. письме.

[469] См. след. письмо А. М. Метнер.

[470] Т. е. родина.

[471] Т. е. Э. К. Метнер, В. К. Тарасова и дочь брата Анны Михайловны Метнер юриста Александра Михайловича Братенши (1880–1940). У А. М. Метнер был ещё один брат, Андрей Михайлович (1882–1906), но у него, по-видимому, не было детей. См. о нём (в частности, об обстоятельствах его смерти) в письме Э. К. Метнера А. Белому от 2–7 (15–20) апреля 1907 г. (*Андрей Белый и Эмилий Метнер*. Переписка. 1902–1915. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 585–586). В том же издании встречаются очень скупые сведения об Александре Михайловиче Братенши. Также на Долгопрудненском (Южном) кладбище Москвы имеется захоронение Раисы Александровны Братенши (1908–1990), что, ввиду редкости фамилии, как будто бы указывает на то, что она и есть упомянутая в комментируемом письме племянница Анны Михайловны. Однако у Александра Михайловича Братенши был полный тёзка, причём с тем же годом рождения и тоже юрист (адвокат), расстрелянный в 1938 г. на полигоне в Коммунарке. С 31 мая по 3 ноября 1917 г. он являлся председателем Владимирского Временного Губернского Исполнительного Комитета, что (как и место его рождения – Симбирск: Михаил Матвеевич Братенши, отец Анны Михайловны, был мещанином из Кременчуга Полтавской губернии) склоняет к тому, что он всё-таки не тождествен брату Анны Михайловны.

[472] Эберг Эрнст Александрович (? –1925) – московский издатель, владелец нотного и музыкального торгового дома «Э. Эберг и Ко», бывший также директором Российского музыкального издательства, основанного контрабасистом, дирижёром и композитором Сергеем Александровичем Кусевицким (1874–1951), при участии, в том числе, С. В. Рахманинова. После революции был

заключен в тюрьму, но после заступничества эстонского консула выехал из Советской России в Ревель и затем переехал в Париж. В 1920–1921 г. с С. А. Кусевицким восстановил и возглавил Российское музыкальное издательство в Париже.

[473] См. комм. 343.

[474] Немая клавиатура (*нем*. stummes Klavier) – аппарат для беззвучной тренировки пальцев пианиста. Представляет собой фортепианную клавиатуру без звуковоспроизводящего механизма.

[475] Ревель уже с 1919 г. официально назывался Таллином, однако прежнее название главного города Эстонии (Эстляндской губернии) очень долго оставалось в ходу у русских эмигрантов.

[476] Название парохода, см. комм. 467.

[477] См. комм. 451 (к письму № 77, где Метнер пишет об этой своей песне).

[478] Очевидно, это письмо утрачено. Выскажем предположение, что в нём Ильиным сообщалось об особой осторожности в сообщениях с ним из России. Срв. комм. 315 и 331. Не исключено (если всё это предположение верно), что по прочтении В. К. Тарасова его уничтожила, в том числе опасаясь провозить его через границу.

[479] См. комм. 459.

[480] Кажется (по явной перекличке с письмом), имеется в виду стихотворение Ф. И. Тютчева «Рим ночью» (1848–1850):

В Ночи лазурной почивает Рим...
Взошла Луна и – овладела им,
И спящий Град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...
Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший –
Все тот же мир, волшебный, но отживший!...

Также перекликается с письмом стихотворение «Как океан объемлет шар земной...» (1828–1830), которое как раз в 1924 г. Метнер, под названием «Песнь ночи», положил на музыку (ор. 45, № 3):

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Однако, быть может, имеется в виду и какое-то иное стихотворение Тютчева, или же «ночь вообще» в поэзии Тютчева. Следует отметить, что Н. К. Метнер, кроме «Песни ночи», положил на музыку ещё четыре «ночных» стихотворения Тютчева: «День и ночь» («На мир таинственный духóв...») и «Сумерки» («Тени сизые смесились...») – ор. 24, № 1 и № 4 (1911 г.); «Бессонница» («Часов однообразный бой...») и «О чем ты воешь, ветр ночной?..» – ор. 37, № 1 и 5 (1918–1919 гг.); а последнее из указанных стихотворений служит также эпиграфом к его сонате для фортепиано e-moll 1911 г. (ор. 25, № 2).

[481] Срв. комм. 397.

[482] Мерано – город в итальянской провинции Больцано, входящей в Трентино-Альто-Адидже. Приезд Ильина в Мерано, очевидно, был связан с тем, что климат Мерано считался полезным для больных чахоткой.

[483] Вилла (дом) Бородиной. Надежда Ивановна Бородина (1852–1889) приехала в Мерано в надежде исцелиться от чахотки, однако целебный воздух ей не помог и она скончалась, перед смертью оставив учреждённому ещё в 1875 г. частному благотворительному обществу русских жителей Мерано (Русскому комитету) крупную сумму на строительство Русского дома, в котором могли бы получать помощь её неимущие соотечественники. Русский дом в Мерано (он же – Villa Borodine) был построен к 1897 г. Сезон в нём открывался в середине сентября и продолжался до середины июня. Размеренная жизнь Русского дома прервалась в 1914 г. с началом мировой войны, и после неё (и революции в России) дом принимал не столько больных, сколько беженцев-эмигрантов, как правило бедных и часто безработных, что не могло не сказаться на его финансовом положении. В итоге в 1935 г. местными властями он был изъят из-под управления Русского комитета и передан

местной благотворительной ассоциации, что поправило его материальное положение, но вместе с тем все льготы для именно русских постояльцев были аннулированы. Вилла сохранилась до наших дней, в настоящее время в Мерано действует Русский Центр им. Н. И. Бородиной, в 2017 г. в Мерано было торжественно отмечено 120-летие Русского дома.

[484] Ильин, очевидно, имеет в виду историю с утерянной сумкой (см. письмо № 80), как бы спрашивая, доставлена ли она уже Метнерам в Америку.

[485] Письма Ильина 1925 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0039; письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0181.

[486] См. комм. 350 (о Стейнвее) и 447 (о Конюсе).

[487] Ильин нередко нумерует свои письма: № 1, № 2, № 3... (срв., напр., письмо № 18 выше). Очевидно, с той целью, чтобы адресат мог понимать, все ли письма он получил и если которое из них не получил, то которое именно. Письмо № 1 Метнером было, как видно из его след. письма, получено, и это, без сомнений, пред. письмо.

[488] Это и два следующих письма написаны на трёх гостиничных бланках «Hotel Sherman Chicago», содержащих, помимо рекламной информации, небольшое типографское изображение отеля с подписью: «Randolph Street at Clark» (Randolph Street – улица Чикаго, пересекающая центральный его деловой район Loop с востока на запад), причём комментируемое письмо писалось карандашом на обороте (чистой стороне) первого и второго бланков и с обеих сторон третьего. На «лицевой» стороне первого бланка – письмо А. М. Метнер (№ 86), второго – Н. К. Метнера (№ 85). Оба последних письма написаны чернилами (чернильное письмо Н. К. Метнера, в отличие от написанного в поезде комментируемого карандашного, очень аккуратное и разборчивое).

[489] См. комм. 481–482. Метнер, очевидно, беспокоится в связи с лёгочной болезнью Ильина, заставившей его лечиться в Мерано. Срв. также письмо Ильина И. С. Шмелеву от 11.08.1932 (см. *Ильин*, *т. 15.* С. 296 или *Ильин*, *т. 32.* С. 421–422), где говорится о комическом персонаже попе Равке: «О своей фанаберии, будто он поп, он проболтался впервые несколько лет тому назад, прислав мне во время своей болезни, когда он мечтал ехать в Италию, и притом именно в Меран, следующее несколько нелепое четверостишие:

Кто приедет раз в Меран –
Тот уже не помиран!
У того пойдет поправка...
Сочинил стихи – поп Равка».

[490] Имеются в виду строки предпоследней строфы стихотворения Ф. И. Тютчева 1829 г. «Бессонница» («Часов однообразный бой...»):

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

На эти стихи Метнером была написана песня (ор. 37, № 1).

[491] Из стихотворения Тютчева «День и ночь» (1839). И на эти стихи написана песня (ор. 24, № 1).

[492] Из стихотворения Тютчева «Как океан объемлет шар земной...» (1830), которое также положено Метнером на музыку («Песнь ночи»; ор. 45, № 3). Срв. также комм. 480.

[493] В этих строках, помимо прочего, очевидно проявляется влияние Ильина на Метнера (в связи с феноменологическим методом).

[494] О напряжении между «генералиссимусами» от музыки и Метнером может дать некоторое представление следующий фрагмент из дневника С. С. Прокофьева (запись за 30 мая 1924 г.): «...Эберг [См. комм. 471. – *А. Л.*] рассказывал, что на предыдущем концерте Кусевицкого – из сочинений Стравинского – он случайно встретил Метнера, приехавшего в Париж совсем инкогнито. Метнер был возмущён Концертом Стравинского и говорил, что такую вещь надо играть ногами [Речь о Концерте для фортепиано, духового оркестра, литавр и контрабасов, написанном Стравинским в 1923 – 1924 гг., а точнее – о первом его исполнении, состоявшемся 22 мая 1924 г. в Париже с автором за фортепиано и оркестром под упр. С. Кусевицкого. – *А. Л.*]. Метнер: почему Издательство [Российкое музыкальное издательство, основанное С. Кусевицким. – *А. Л.*] не печатает моих сочинений? Эберг: нет денег. Метнер: ну, а Стравинского вы печатаете? Эберг: на печатание Стравинского Н. К. [Наталия Константиновна, урожд. Ушкова (1881 – 1942), жена С. Кусевицкого и его ближайший сотрудник. – *Ю. Л.*] дала денег из своих частных средств. Метнер: а Прокофьев? Эберг: тоже.

Метнер проводит лето на берегу моря во Франции, а затем уедет в Америку, где Рахманинов всё-таки устроил ему контракт». См. *Прокофьев С. С.* Дневник 1907–1933. В 3-х тт. Т. 2. – М.: Классика XXI, 2017. С. 447. Следует, возможно, добавить, что к 1924 г. (и даже 1923, срв. письмо № 66 и комм. 342) Метнер уже печатался у Циммермана.

[495] Tableaux (*фр.*) – картины. Имеются в виду этюды-картины (Études-Tableaux) ор. 39, написанные в 1916–1917 гг. Чуть ниже речь о № 5 этого ор. 39 (es-moll). Всего ор. 39 содержит 9 номеров. Следует добавить, что с 1918 по 1925 гг. Рахманинов фактически ничего не написал (не считая нескольких переложений чужих сочинений и каденций ко 2-й Венгерской рапсодии Листа), и это, конечно, замечалось не только Метнером. Лишь в 1926 г. появится его 4-й фортепианный концерт (кстати говоря, посвящённый Н. К. Метнеру), основная работа над которым началась только в конце 1925 г.

[496] Год («1925») к дате и месту, начинающим письмо, приписан рукой Ильина. См. также комм. 488.

[497] Recital (*англ.*) – здесь: сольный концерт.

[498] Это письмо А. М. Метнер продолжает два пред. письма супруга, что, в частности, объясняет отсутствие приветствия.

[499] Эрнест Ньюман (Ernest Newman, 1868–1959) – английский музыкальный критик и музыковед, один из самых известных музыкальных критиков XX в., автор многочисленных работ (посвящённых К. В. Глюку, Р. Вагнеру, Р. Штраусу и мн. др.) и статей; в том числе и о Н. К. Метнере, см., напр., The Musical Times, January, 1915. P. 9–11.

[500] Т. е. (*фр.*) Вилла «Приятное пребывание». Женевская улица, Фонтан Иветт (Фонтен д'Иветт), у дворца. Сена и Уаза. Франция.

Уаза – правый приток Сены, впадает в Сену в 30 км от Парижа. Иветт – также небольшая река (протекающая через соседнее Орсе; Orsay), приток реки Орг (Orge), левого притока Сены. Rue de Genève – улица, несколько южнее реки Иветт, в Вильбон-сюр-Иветт (Villebon-sur-Yvette), поселении, пограничном с Орсе.

Несмотря на кажущееся нагромождение географических названий и отсутствие хотя бы номера дома (виллы), это, несомненно, адрес (он повторен ниже в письме № 89): Сена-и-Уаза (Seine-et-Oise) – в данном случае не более чем название департамента

(департамент – основная административно-территориальная единица во Франции), упразднённого в 1968 г. Наконец, Fontaine d'Yvette (Метнер пишет Fontaine d'Ivette, но это явная, хоть и устоявшаяся у него, описка, которую мы далее всюду исправляем) есть, по-видимому, район в западной части современного Villebon-sur-Yvette (недалеко от улицы Rue de Genève, где жили Метнеры, расположена улица Rue de la Fontaine d'Yvette), в 1920-е гг. бывший отдельным поселением (коммуной; коммуна – низшая административно-территориальная единица во Франции со времён революции 1789–1794 гг.; мы для простоты, хоть это и не совсем верно, используем вместо термина «коммуна» слово «поселение»).

[501] Письмо написано на открытке, воспроизводящей фреску Боттичелли (одну из двух фресок виллы Лемми во Флоренции, с 1882 г. находящихся в музее Лувра): «Musee de Louvre. Botticelli – Fresque de la Villa Lemmi – Lorenzo Albizzi and the Liberal Arts [(*фр*., *ит., англ*.) Музей Лувра. Боттичелли – Фреска Виллы Лемми – Лоренцо Альбицци и Свободные искусства]». Чаще эта фреска называется «A Young Man Being Introduced to the Seven Liberal Arts [(*англ.*) Юноша, представляемый Семи свободным искусствам]», «Lorenzo Tornabuoni Presented by Grammar to Prudentia and the other Liberal Arts [(*англ., лат*.) Лоренцо Торнабуони, представляемый Грамматикой Пруденции (Знанию) и другим Свободным искусствам]» или «Lorenzo Tornabuoni Being Introduced to the Liberal Arts [(*англ.*) Лоренцо Торнабуони, представляемый Семи свободным искусствам]». Лемми – хозяева виллы во Флоренции, прежде принадлежавшей семейству Торнабуони, к свадьбе одного из представителей которой (Лоренцо) с представительницей семейства Альбицци (отсюда смешение фамилий в описываемой открытке) в конце XV в. и были написаны обе фрески.

[502] Светлое Христово Воскресение пришлось в 1925 г. на 19 апреля (нового стиля).

[503] В. К. Тарасовой.

[504] Имеются в виду, очевидно, письма №№ 84–86, отправленные одновременно, хотя ни в одном из них не упоминается о вложенной фотографии.

[505] Ильин приехал в начале июня 1925 г. в Париж для выступления с докладом «О сопротивлении злу». Об этом газета «*Возрождение*» в № 1 от 3 июня (к слову, это был действительно первый

номер впоследствии очень известной парижской русской эмигрантской газеты; Ильин много в ней публиковался, см. *Ильин*, *т. 18* и *Ильин*, *т. 31*; главным редактором в первые два года издания был П. Б. Струве) дала следующее объявление:

Речь-доклад И. А. Ильина

В пятницу, 5-го июня, в $8^1/_2$ час. вечера в помещении Международной Конфедерации Производства, Мира и Порядка (6, сквар [Т. е. площадь (от *фр*. square). – *А. Л.*] Рапп, между №№ 35 и 37 авеню Рапп) состоится, устраиваемое совместно: Русским Национальным Комитетом, Парламентским Комитетом и Общевоинским Союзом публичное собрание, на котором бывш. профессор Московского Университета И. А. ИЛЬИН повторит, сказанную им недавно в Праге и Берлине, речь на тему: «О сопротивлении злу».

В Праге речь И. А. Ильина, произнесенная им в собрании Галлиполийского Землячества в память Л. Г. Корнилова, на котором председательствовал П. Б. Струве, произвела на слушателей, как русских, так и чехов, огромное впечатление и явилась целым событием в русской пражской жизни. После этого она с большим успехом была повторена в Берлине.

[506] Струве Глеб Петрович (1898–1985) и Алексей Петрович (1899–1976) – сыновья П. Б. Струве. Г. П. Струве – впоследствии известный литературный критик и литературовед, поэт и переводчик, в 1924–1932 гг. жил и работал в Париже. А. П. Струве – известный библиограф и антиквар, муж Екатерины Андреевны Катуар (1896–1978), племянницы Г. Л. Катуара (см. след. комм.), отец Никиты Струве (1931–2016), русиста, издателя, переводчика и публициста, многолетнего (с 1952 по 2016 гг.) главного редактора «Вестника русского христианского движения», одного из основателей московской библиотеки-фонда «Русское Зарубежье».

Как видно из письма, Г. П. Струве жил на бульваре (Bd. – сокращение от boulevard) Сен-Мишель, одной из главных улиц Латинского квартала Парижа, пограничной между его V и VI округами (Пантеон и Люксембург). А. П. Струве жил на улице Конвента в XV округе Парижа (Вожирар).

[507] Катуар Георгий (Егор) Львович (1861–1926) – русский теоретик музыки и композитор французского происхождения, в 1917–1926 гг. профессор Московской консерватории (см. также письмо 113).

[508] Pour Prof. Illyne (*фр.*) – для проф. Ильина.

[509] К дате позднее приписано «1925» рукой Ильина.

[510] Выше перечислены три парижские железнодорожные станции: Denfert-Rochereau, названная по имени П. Ф. Денфер-Рошро (1823 – 1878), военного и политика, известного успешной обороной осажденного Бельфора во время франко-прусской войны и получившего потому прозвище Лев Бельфора; Gare Luxembourg – Люксембургский вокзал (станция расположена прямо под бульваром Сен-Мишель и отсылает к названию VI округа Парижа) и Port-Royal – Порт-Рояль, названная в честь одноимённого янсенистского аббатства, закрытого в 1790 г., в начале французской революции, и бывшего затем некоторое время тюрьмой, сейчас же являющегося частью госпиталя. Станция Денфер-Рошро действительно очень удобна, являясь пересадочной станцией на одноимённую остановку метро (имеющую платформы двух линий парижского метрополитена, так что сюда действительно, без большого преувеличения, можно доехать отвсюду).

[511] Срв. письмо № 6 и комм. 27.

[512] Lozère – железнодорожная станция в около 1 км к северу от Женевской улицы Fontaine d'Yvette, где остановились Метнеры. Сейчас эта станция используется более всего студентами Политехнической школы, новый (с 1976 г.) корпус которой в Павезо (чуть северо-восточнее Фонтен д'Иветт) расположен тоже в 1 км, но в противоположном направлении (на север от станции).

[513] Это не письмо, а изначально не датированная (на ней лишь позднейшая и ошибочная, в месяце, пометка Ильина: «1925 май») записка. Записка была сложена вдвое, текстом внутрь, и на обороте её теми же чернилами, но рукой А. М. Метнер надписано: «Mr. et Mme Iline». По-видимому, она была оставлена Метнерами в месте, где остановился приехавший на несколько дней в Париж для доклада Ильин (см. и срв. письмо № 88). Сопоставляя даты со следующим письмом-открыткой Метнера от 4-го июня, где он сетует Ильину об отсутствии ответа на приглашение, заключаем, что эта записка написана, скорее всего, 2-го июня (1-е – самая ранняя дата, когда Ильин мог приехать в Париж, и едва ли Метнер в этот же день мог оставить ему записку с фактически требованием приехать к нему в Фонтен д'Иветт на следующий же день; так что, скорее всего, Метнеры были в Париже 2-го, зашли на квартиру (или в го-

стиницу), где остановились Ильины, и, не застав их, оставили для них эту записку; Ильин 3-го не приехал, и Метнер 4-го – см. след. письмо – упрекает его за молчание.

[514] Скорее всего, это оговорка, и имеется в виду «через минуту после».

[515] «Четверг 4-го» написано рукой Метнера, но карандашом (открытка писалась чернилами), левее «3-го», которое аккуратно зачёркнуто тремя косыми чертами и тем же карандашом. На самой открытке – изображение платформы и вокзала Lozère с приближающимся поездом. Ниже типографских надписей: «Vallée de Chevreuse [(*фр.*) Долина Шеврёз; Шеврёз – старинный город на реке Иветт] и «I – Les Yvettes-Lozère – La Gare [(*фр.*) I. Иветт-Лозер, вокзал; видимо, эта открытка – первая из серии таковых, посвящённых Долине Шеврёз, природному живописному парку и окружающей его местности] рукой Метнера подписано: «Наша остановка».

[516] Очевидно, имеется в виду предыдущая записка, оставленная Метнером Ильину в открытом виде, т. е. не запечатанной.

[517] Эта неуверенность входит в некоторое противоречие с уверенным началом предыдущей записки («Были у Вас в $10\,^{1}/_{4}$ за минуту до Вашего ухода»): Метнер мог засомневаться, действительно ли это были Ильины – те, кто ушёл за минуту до прихода Метнеров. Если дело происходило, например, в гостинице, то неизбежно, не встретив на следующий день на станции Lozère Ильиных, Метнер мог предположить, что портье что-то напутал и за минуту до прихода Метнеров ушли вовсе не Ильины, а какая-то другая чета русских эмигрантов. Однако тот факт, что записка обнаруживается в архиве Ильина, означает, что она была получена и воображаемый портье не ошибся: Ильины действительно прибыли в Париж.

[518] Телеграмма отправлена в Париж из Орсе (Orsay), поселения юго-западнее Парижа, рядом с Фонтен-д-Иветт, в котором Метнеры поселились через месяц (а точнее, в середине мая 1925 г.) по возвращении из заокеанской поездки (см. комм. 502). На телеграмме позднейшая пометка рукой Ильина: «1925. 6 мая», сделанная, очевидно, им по штемпелю (см. чуть ниже), но перепутавшая день и месяц (в начале мая Метнеров в районе Орсе ещё не было и, кроме того, ясно, что перед нами запрос о всё никак не могущей состояться встрече – срв. пред. два письма – очевидно, лишь формально адресованный А. П. Струве, у которого, по всей видимости,

всё-таки и остановились Ильины, а на самом деле, очевидно же, направленный именно Ильину, и потому мы публикуем эту телеграмму в основном ряду переписки; добавим, что, как следует из письма № 95, приезд Ильиных к Метнерам всё-таки не состоялся и Ильины повидались в Париже лишь с одним Н. К. Метнером). Адрес отправителя представляет собой не всегда разборчивую последовательность цифр и букв: *BD61 13 51 18/*40 (предположительные чтения выделены курсивом: 8 может оказаться буквой «B» и наоборот; D – нулём или буквой «O»; 1 – вертикальной чертой, буквой «I» или дефектом печатающего устройства). Адресована телеграмма «AP STROUVE» (т. е. А. П. Струве), на ней парижский штемпель «PARIS CENTRAL» с датой: «5 6 25» и адрес: «85 RUE CONVENTION PARIS 60». Также на телеграмме имеются пометки в разных местах: 4а, 4б, 4в, 4г, 4д, 4е, 4ж и 4з, а также просто 4, сделанные неизвестной рукой, но явно для описания документа. На оборотной стороне имеется ещё один, совершенно размытый, штемпель, в котором читается только «Paris 60».

[519] Скорее всего, здесь описка или опечатка (и должно быть или «on», или «nous», т. е. не «или», а «нам»).

[520] Имеется в виду вышедшая в Берлине в июне 1925 г. в частном издательстве на средства барона Бориса Густавовича фон Кеппена (см. *Ильин И. А.* Встречи и беседы, № 70 // *Ильин*, *т. 14.* С. 356) книга Ильина «О сопротивлении злу силою».

[521] Наталья Александровна Рахманинова (урожд. Сатина; 1877–1951), дочь статского советника Александра Александровича Сатина (1844–1926); «bei Satin [(*нем.*) у Сатина]» в дрезденском адресе Рахманинова чуть выше имеет в виду, конечно, не его, а В. А. Сатина (срв. след. письмо, а также комм. 297 и 305). О которой именно из дочерей Рахманинова, Татьяне или Ирине, идёт далее речь, неясно.

[522] Т. е. «О сопротивлении злу силою» для С. В. Рахманинова.

[523] Rittnerhof – очевидно, название гостиницы в деревне Обербозен (*ит.* Soprabolzano) в Южном Тироле..

[524] Имеется в виду Можаровский Иоанн Николаевич – священник, настоятель (с 1921 г.) церкви знаменитой русской общины (с XVII в.) в Дрездене. До революции священствовал в Холмской епархии. В гражданскую войну находился в армии. Затем выехал в Германию. Служил в храме свв. Константина и Елены в Берлине.

Настоятель православного храма св. Симеона Дивногорца в Дрездене (конец 1920-х – 1930-е гг.).

[525] Т. е. В. А. Сатина (см. комм. 520).

[526] Имеется в виду Пасманик Даниил Самойлович (Даниель Бен-Самуэли; 1869–1930) – журналист, врач, писатель-мемуарист, член Союза русских писателей в Париже, автор одного из первых отрицательных откликов на книгу Ильина: «Черное-белое» (опубликован в варшавской газете «За свободу!», № 153 от 13 июня 1925 г.; см. также в: *Ильин*, *т. 5*. С. 298–301).

[527] Имеются в виду две статьи Демидова Игоря Платоновича (1873–1946), редактора газеты «Последние новости», выходившей в Париже с 1921 г.: «Творимая легенда» («Последние новости», № 1585 от 25 июня 1925 г.) и «Путь ученичества» (№ 1591 от 2 июля 1925 г.). См. *Ильин*, *т. 5*. С. 303–310.

[528] Статья Кольцова (Фридлянда) Михаила Ефимовича (1898–1942), известного советского фельетониста, «Омоложенное евангелие» («Правда», № 137 от 19 июня 1925 г.; см. также в: *Ильин*, *т. 5*. С. 301–303).

[529] Имеется в виду Флиге Николай Николаевич (1876–1959) – камергер, выпускник (1898 г.) Императорского Александровского лицея (так назывался знаменитый Царскосельский лицей после перевода его в Санкт-Петербург), участник Белого движения, подпоручик. В эмиграции жил в Германии, затем во Франции (с 1931 г.). Н. Н. Флиге собрал обширный архив Александровского лицея. Был женат на дочери министра финансов и председателя Совета министров Российской империи В. Н. Коковцова (1853–1943) Ольге Владимировне (1881–?). Письмо Флиге Ильину и неотправленный ответ ему последнего, по-видимому, не сохранились, однако об их содержании можно получить некоторое представление из следующих трёх писем (№№ 95–97).

[530] См. *Ильин, т. 5*. С. 524. Митрополит Антоний (Храповицкий; 1863–1936) и архиепископ Тихон (Лященко; 1875–1945) – епископ Зарубежной Русской Церкви, в 1924–1938 гг. епископ Берлинский. Сдержанно-почтительное уважение к безусловному авторитету обоих архиереев, выраженное, в том числе, и в этом письме, уже к середине 30-х гг. сменилось у Ильина на весьма критическое. Нелестные его стихотворные строчки об обоих см. в *Ильин*, *т. 32*. С. 436 («Мирись, мирись, Митрополит...»), 554 («Раек», см.

строку: «А и где же это видано... Чтобы... Тихон Лященко – деньгу разлюбил») и 605–606 («Храповицкое»; стихотворение «Тихон» на той же стр. 605 посвящено архиеп. Тихону Троицкому).

[531] Besten Dank für übersendles Buch herzlichste Grüsse (*нем.*) – большое спасибо за пересланную книгу с наилучшими пожеланиями.

[532] Шрёдер Герман (1876–1942) – известнейший в своё время немецкий дантист, доктор медицины.

[533] Флегмона (от *др.-греч.* φλεγμονή – жар, воспаление, воспалительная опухоль) – острое гнойное воспаление, не имеющее чётких границ.

[534] См. пред. письмо.

[535] Слова «и Елена Михайловна!» подписаны чуть выше основного текста. Елена Михайловна Братенши (1876–1945) – старшая сестра А. М. Метнер, жена К. К. Метнера, мать В. К. Метнер (в замужестве Тарасовой), см. комм. 138.

[536] На письме имеется и позднейшая пометка Ильина: «24 июля 1925 г.».

[537] Т. е. в Париж.

[538] Т. е. рождения новых сочинений. См. также след. письмо.

[539] Елена Михайловна. См. комм. 535.

[540] См. комм. 316.

[541] На письме имеется позднейшая пометка рукой Ильина: «24 июля 1925 г.», очевидно ошибочная в числе, ибо письмо Н. К. Метнера написано на обороте второго листа предыдущего письма А. М. Метнер, законченного 26 июля, и ссылается на него.

[542] По всей видимости, здесь отголосок какого-то (скорее всего, ильинского) ещё московского (срв. «стрюцкий» в письме № 35) шуточного стихотворения о Метнере. Срв. также комм. 247.

[543] Т. е. вновь занялся сочинительством. Ильин вольно цитирует строфу 31 своего же стихотворения «Пильниц» (см. письмо № 69), явно в свою очередь цитирующую какой-то давний его разговор-обсуждение с Метнером (возможно, тот же, что предположен в пред. комм.). Чуть ниже – вновь отсылка к Гнедичу (срв. комм. 372).

[544] К книге «О сопротивлении злу силою». Точнее: «Ко всем друзьям и единомышленникам, которые помогли мне в этой работе...» (см. *Ильин*, *т. 5*. С. 33).

[545] Речь может идти только о весне 1923 или 1924 г., причём (срв. письма №№ 55–61) 1923 г. почти не вероятен, ибо Метнеры уже в начале марта перебрались в Пильниц и ждали приезда Ильиных туда, а не сами приезжали в Берлин (что, впрочем, не невозможно – Пильниц расположен в ок. 200 км к югу от Берлина, – но сомнительно). Скорее всего, эта встреча произошла до поездки Метнеров во Флоренцию, в марте – начале апреля 1924 г., что косвенно подтверждает и письмо № 73 (от конца апреля 1924 г.), где Ильин пишет о своей болезни: «...Я не только не поправился, а ползу куда-то вниз, в неизвестность».

[546] Речь (см. ниже письмо № 100) о книге Ильина, выпущенной в 1925 г. в Париже издательством IMCA-PRESS: «Религиозный смысл философии. Три речи. 1914–1923» (переиздано в *Ильин*, *т. 3*). Год в первом издании не указан, однако как раз в июле 1925 г. было опубликовано рекламное объявление издательства, где, в частности, сообщалось: «Вышла из печати 1. И. А. Ильин. Религиозный смысл философии. 3 речи. 114 стр. Цена 8 фр. во Франции и 0.40 долл. в других странах» (см.: ГАРФ, ф. 5814, оп. 1, д. 63, л. 27).

[547] См. комм. 505.

[548] Этим планам суждено было сбыться лишь частично (никакой заметки о Рахманинове Ильин так и не написал, ни в «Возрождение», ни куда-либо ещё) и нескоро (о Метнере Ильин написал в парижскую газету две заметки, но лишь в 1932 и 1934 гг.; обе они публикуются в приложении к наст. тому).

[549] См. письмо № 78.

[550] Письмо написано крайне аккуратно (как и обычно Ильину), единственная поправка нами сохранена, но и она аккуратна, так что, по-видимому, «Ваш Каракуля» тождествен «Вашему писáле», т. е. пишущему, писателю (собирающемуся писать заметки) или т. п.

[551] Год к дате, начинающей письмо, приписан позже рукой Ильина.

[552] Tournée (*фр.*) – путешествие, поездка, гастроли.

[553] Четвёртый фортепианный концерт начат был Рахманиновым около 1914 г., затем работа надолго прервалась и возобновилась только в 1925 г. Завершённый в 1926 г., он был впервые исполнен автором (дирижёр – Л. Стоковский) в Филадельфии 18 марта 1927 г. Критикой концерт был встречен холодно, так что Рахманинов внес в партитуру (перед её изданием в 1928 г.) некоторые по-

правки, а в 1941 г. появилась ещё одна редакция концерта. Имеющий в списке сочинений Рахманинова номер 40, концерт посвящён Н. К. Метнеру.

[554] 1-й фортепианный концерт, ор. 33.

[555] Леопольд Стоковский (Антоний Станислав Болеславович Стоковский; 1882–1977) – американский (родился и до 1900 г. жил в Лондоне, но с 1909 г. – постоянно в США) дирижёр, по происхождению поляк (точнее, сын поляка и ирландки). Был одним из самых известных и выдающихся дирижёров XX в. Долгое время (в 1912–1936 гг.) руководил Филадельфийским оркестром.

[556] Фредерик Август Сток (1872–1942) – американский дирижёр и композитор.

[557] Фриц Райнер (Фредерик Мартин Райнер; 1888–1963) – выдающийся оперный и симфонический дирижёр. Венгр по происхождению, он эмигрировал в США в 1921 г., где в разные годы руководил оркестрами Цинцинатти, Питтсбурга и Чикаго, а также несколько лет работал в Метрополитен-опера в Нью-Йорке.

[558] Габрилович Осип Соломонович (1878–1936) – американский пианист, композитор и дирижёр. Родился в Санкт-Петербурге, учился в Санкт-Петербургской консерватории у А. Г. Рубинштейна. С 1918 г. музыкальный директор, а затем и дирижёр Детройтского симфонического оркестра. Зять Марка Твена.

[559] Правильнее Хогстратен или даже Хоогстратен (van Hoogstraten – Анна Михайловна явно читает фамилию по-английски). Виллем ван Хоогстратен (1884–1965) – голландский скрипач и дирижер. В 1923–1925 гг. второй дирижёр Нью-Йоркского филармонического оркестра, в 1925–1938 – главный дирижёр Орегонского симфонического оркестра, в 1938–1944 – главный дирижёр зальцбургского оркестра Моцартеум.

[560] С. Кусевицкий руководил Бостонским симфоническим оркестром в 1924–1949 гг.

[561] Срв. письмо № 91 и комм. 515. Точный адрес Рахманинова указан в письме № 93.

[562] Красин Леонид Борисович (1870–1926) – российский революционер, а затем советский партийный деятель, дипломат. В 1924–1925 гг. – полпред (полномочный дипломатический представитель) СССР во Франции.

[563] По-видимому, подразумевается продолжение: «... и пустится в пляс». Сочинений с названием «Веселая сказка» среди трудов

Н. К. Метнера нет, но, скорее всего, имеется в виду № 1 «Танец-сказка» («Tanzmärchen») C-dur из ор. 48 («Две сказки для фортепиано» 1925 г.).

[564] Едва ли А. М. Метнер здесь смешивает практически не созвучные, но несколько сходные по написанию в немецком языке собственно марш (*нем*. Marsch) и сказку (*нем*. Märchen), однако не исключено, что описываемые ею «то ли марши, то ли песни» вылились в итоге в грустно-печальный № 2 того же ор. 48 («Сказка эльфов» («Elfenmärchen»), g-moll). С другой стороны, можно было бы предположить, что речь идёт об ор. 43 («Две канцоны с танцами» для скрипки и фортепиано), часто относимом именно к 1925 г. Однако в 1925 г. он был уже издан (в то время как, для сравнения, ор. 48 был издан только в 1928 г., и даже 2-я скрипичная соната, ор. 44, – лишь в 1927), так что написан ор. 43 был заведомо раньше – скорее всего, в 1924 г.

[565] Соната для скрипки и фортепиано № 2 C-dur ор. 44 (1922–1925).

[566] Итоговое название: Вторая импровизация (в форме вариаций) для фортепиано, ор. 47 (1925).

[567] Т. е. упомянутый выше ор. 44.

[568] Имеется в виду статья «Идейный оползень», впервые опубликованная в белградской газете «Новое время», в №№ 1281, 1282, 1283 и 1285 от 7, 8, 9 и 12 августа 1925 г. соответственно. См. также *Ильин*, *т. 18*. С. 268–288.

[569] Целил = исцелял. Здесь отсылка к 1 Цар. 16, 14–23: «А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа. И сказали слуги Сауловы ему: вот, злой дух от Бога возмущает тебя; пусть господин наш прикажет слугам своим, которые пред тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях, и когда придет на тебя злой дух от Бога, то он, играя рукою своею, будет успокоивать тебя. И отвечал Саул слугам своим: найдите мне человека, хорошо играющего, и представьте его ко мне. Тогда один из слуг его сказал: вот, я видел у Иессея Вифлеемлянина сына, умеющего играть, человека храброго и воинственного, и разумного в речах и видного собою, и Господь с ним. И послал Саул вестников к Иессею и сказал: пошли ко мне Давида, сына твоего, который при стаде. И взял Иессей осла с хлебом и мех с вином и одного козленка, и послал с Давидом, сыном своим, к Саулу.

И пришел Давид к Саулу и служил пред ним, и очень понравился ему и сделался его оруженосцем. И послал Саул сказать Иессею: пусть Давид служит при мне, ибо он снискал благоволение в глазах моих. И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, – и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него».

Поначалу довольно часто прибегавший к такому сравнению, Ильин (отождествляя себя с Саулом, он уподобляет Метнера Давиду, своей игрой успокаивающему возмущаемого злым духом Саула), перечитав книгу Царств, откажется от него (см. письмо № 213).

[570] Скорее всего, Ильин смешивает Орфея с Амфионом, мифологическим царём Фив, сыном Зевса и Антиопы, под звуки лиры которого сами собою двигались камни для воздвигаемых фиванских стен. Впрочем, лира Орфея также имела власть и над камнями (срв., напр., *Еврипид*. Ифигения в Авлиде, 1211 – 1214 (в переводе И. Анненского: «Волшебных уст Орфея не дано, \\ Родной мой, дочери твоей, чтоб свиту \\ Из камней делать и искусной речью \\ Сердца людей разнеживать...»).

[571] Анна Михайловна продолжает аллюзию Ильина, однако, хоть мысль её и ясна (Метнер нуждается в слушателе и друге Ильине), это продолжение не имеет точного соответствия в Священном Писании: ниоткуда не видно, чтобы Давид нуждался в Сауле, даже хотя бы как слушателе и ценителе его игры на гуслях, дружен же он был с сыном Саула Ионафаном.

[572] Если не указано иное, письма Ильина 1926 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0040, письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0182.

[573] Ильин немного ошибается: день рождения Н. К. Метнера приходится не на самый день Рождества Христова, а на его канун (24 декабря юлианского календаря, что в XX и XXI вв. соответствует 6-му января следующего года по новому стилю).

[574] Следующие слова приписаны здесь именно очень мелким, бисерным, почерком.

[575] См. комм. 430.

[576] Клеврет *слав*. или *книжн. устар*. – товарищ, приспешник, сторонник, приверженец.

Крейцер Леонид Давидович (*нем*. Leonid Kreutzer; 1884 – 1953) – российский и немецкий пианист еврейского происхождения, уче-

ник пианистки А. Н. Есиповой и А. К. Глазунова. После окончания Санкт-Петербургской консерватории преподавал в Лейпциге и Берлине. Вынужденный в 1935 г. из-за происхождения покинуть Германию, он вернулся в Ленинград и попытался устроиться в Ленинградскую консерваторию, но, получив отказ, переехал в Японию, став профессором Школы музыки в Токио, где и преподавал до своей смерти.

Фридман Игнац (1882–1948) – польский пианист, композитор и музыкальный педагог.

[577] Alfred J. Swan Collection [Box 1, folder 1920–1926], Albert and Shirley Small Special Collections Library, University of Virginia.

Письмо написано на открытке с репродукцией картины Matteo di Giovanni – S. Caterina d'Alessandria – Dipinto in tavola esistente nella Chiesa di S. Domenico – Siena [(*ит.*) Маттео ди Джованни – св. Екатерина Александрийская – картина на доске, находящаяся в церкви св. Доминика – Сиена]. Маттео ди Джованни (ок. 1430–1495) – итальянский художник сиенской школы. Св. Екатерина Александрийская – христианская великомученица, пострадавшая в начале IV в. Церковь св. Доминика в Сиене, возведённая в первой половине XIII в. в строгом цистерианско-готическом стиле, впоследствии изменялась и расширялась. Часть её фресок также принадлежит Маттео ди Джованни.

[578] См. комм. 189.

[579] Речь, очевидно, о каком-то простом рождественском подарке – по всей видимости, отголосок какой-то московской дореволюционной (или, скорее, предреволюционной) традиции.

[580] Имеются в виду изображения Божией Матери XIII в., выполненные в романо-византийской традиции и, по всей видимости, одним и тем же мастером (условно называемым Мастером из Тressы): «Мадонны с младенцем и двумя ангелами», известной как «Мадонна с большими глазами» из Сиенского собора; «Мадонны с младенцем из алтаря церкви Санта Мария а Тресса недалеко от Сиены» и др.

[581] Если чуть выше была цитата, то установить её источник не удалось. Однако здесь явный намёк на кого-то конкретного, причём сама цитата, скорее, условная: речь, кажется, о том лишь, что так ***мог бы*** сказать тот, кто имеется в виду. И это, кажется, не кто иной как Вяч. Иванов, много живший в Италии и путешествовавший по ней, а в 1924 г. командированный туда Наркомпросом (отсюда, ско-

рее всего, и дальнейшее «хотя бы он был негодяем»). Н. К. Метнер мог услышать подобное, напр., через Э. К. Метнера, переписывавшегося с Вяч. Ивановым и в середине 20-х гг., и позже (срв. также отзыв Н. К. Метнера о статье Вяч. Иванова о Гоголе в письме брату от 22.09.1933: *Метнер. Письма.* С. 457).

[582] Имеется в виду статья Н. Н. Вокач-Ильиной «Боттичелли» // Русская мысль. – М., Пг., 1915. Кн. I. С. 95–123 (2-я паг.). См. также *Ильин, т. 6, кн. 1.* С. 415–444. Речь, очевидно, о переводе её на итальянский язык.

[583] Хотя «Вашим», как и обычно, имеет в виду обоих Ильиных (речь, конечно, о двух пред. письмах), однако из дальнейшего очевидно, что было и ещё, по меньшей мере, одно письмо Метнерам с многочисленными вопросами (судя по их характеру, скорее, от И. А. Ильина, чем от Н. Н. Ильиной, но, скорее всего, писем было два: и от И. А. Ильина – о нём ниже говорится совсем явно, – и от Н. Н. Ильиной; по всей видимости, оба они утрачены), на которые А. М. Метнер своим письмом и отвечает.

[584] Речь, очевидно, о письме № 102 с вложенными в него статьями (главами статьи) Ильина «Идейный оползень», которое, вопреки предположенному Метнерами, было получено.

[585] Имеется в виду дочь известного оперного певца (тенора), солиста Императорских театров Павла Алексеевича Кошица (Порай-Кошица; 1863–1904) тоже оперная (и также камерная) певица (сопрано) Нина Павловна Кошиц (1892–1965), частая исполнительница песен Метнера.

[586] Помещённые ***нами*** в скобки, эти слова вписаны А. М. Метнер мелким почерком между основными строками письма, как бы обрамляя, сверху и снизу, заключённое ею в кавычки слово «вдохновение».

[587] Анна Эль-Тур – псевдоним певицы Анны Самойловны Исакович (в замужестве Калантаровой; 1890–1954), первой исполнительницы, ещё в «московский период», ряда песен Н. К. Метнера (см. подробнее *Метнер. Письма*. С. 111 и 178–179). Анна Эль-Тур покинула Россию приблизительно в одно время с Метнерами (самое начало 20-х гг.), однако пути их на чужбине, кажется, едва пересекались, несмотря на их сходство: в 1922–1925 гг. Эль-Тур жила в Берлине, в 1925–1948 гг. – в Париже (с 1948 г. она жила уже в Амстердаме, где стала профессором консерватории). Впрочем, и в свои концерты в Париже А. С. Эль-Тур включала песни Мет-

нера (см., напр., отзывы в номерах газеты «Последние новости» от 10 июня и 7 ноября 1926 г. или анонс – в номере от 19 октября 1927 г.). Об А. М. Ян-Рубан см. в комм. 99.

[588] Срв. «К нам приезжал Красин звать его [Н. К. Метнера. – *А. Л.*] в Россию, но он отказался» из письма № 100. Очевидно, в ответ именно на это Ильин изложил (в своём утраченном письме) слух о встрече С. В. Рахманинова с Красиным.

[589] Вновь ***нами*** помещённые в скобки слова написаны А. М. Метнер мелким почерком над словами «...на эстраде, вести себя...».

[590] Вероятно, речь о письме, от которого остался лишь черновик (см. след. письмо).

[591] Т. е. Ильиных. Речь же здесь о намечающемся первом исполнении сонаты для скрипки и фортепиано № 2 (C-dur, op. 44), завершённой в 1925 г., в классе Л. Э. Конюса (см. комм. 447) в Русской консерватории в Париже (см. комм. 1147).

[592] В. К. Тарасова.

[593] Т. е. Русского научного института в Берлине, где преподавал Ильин. Институт просуществовал, впрочем, ещё несколько лет (формально даже до 1943 г., но как учебное заведение прекратил работу гораздо раньше). Переезд же Ильиных во Францию так и остался лишь смутными планами.

[594] Т. е. год как Метнеры живут под Парижем в (относительном) уединении и (сравнительной) дали от города (в Фонтен д'Иветт).

[595] Т. е. (срв. комм. 583), помимо утраченных писем, была ещё и открытка (впрочем, скорее, письмо Н. Н. Ильиной, подобно № 104, было просто написано на открытке). Очевидно, изображение на ней содержало фотографию «райских» видов, дворцов (если так, то, скорее всего, изображение дворца или дома во Флоренции или Сиене, где останавливались Ильины в своей поездке в Италию в октябре 1925 г.) или чего-то подобного: Валгалла, точнее Вальгалла или даже Вальхалла (*нем.* Walhall, от *др.-сканд.* Valhöll – чертог убитых), – небесный чертог, в который попадают после смерти герои-воины. Здесь, впрочем, отсылка, скорее всего, не прямо на древнегерманский или скандинавский эпос, а на Вальгаллу Рихарда Вагнера, изображённую им во второй сцене и финале «Золота Рейна».

[596] Речёнка Иветка (так у А. М. Метнер) – т. е. река Иветт, см. комм. 500 выше.

[597] С начала и до этого места post scriptum написан рукой Н. М. Метнера. Далее и до его конца – рука А. М. Метнер. Весь текст написан на одной из получившихся после сложения вчетверо частей оборота второго листа письма А. М. Метнер. Видимо, письмо уже было сложено для конверта и готово к отправке, когда Н. К. Метнер решил дописать нечто от себя.

Речь в этой приписке (являющейся «ответом» на «выпад» Ильина: «Если ты не напишешь, то я сойдусь с пианистами Крейцером и Фридманом» из письма № 103) о также вложенном в письмо листке отрывного памятного календаря (озаглавленном «Rob. Forbergs Tonkunst-Kalender 1925») с годами рождений (отмечены звёздочкой) и смерти (небольшим крестом) композиторов и музыкальных деятелей на неделю с 8 по 14 марта 1925 г. и с портретом пианиста Леонида Крейцера, сопровождающимся краткими данными о нём. На листе синим карандашом подчёркнуты день и дата (Freitag 13, т. е. «Пятница, 13») и напротив неё «Leonid Kreutzer *1884 Petersburg». Листок ошибочно помещён (возможно, самим Ильиным) в «папку» писем Метнеров к Ильину 1925 г. и хранится в *Архив*, 005 – 0181.

Tonkunst (*нем.*) – музыкальное искусство.

Rob. Forbergs (также Rob. Forberg Musikverlag или Forberg Verlag) – основанное в 1862 г. в Лейпциге Августом Робертом Форбергом (1833–1880) музыкальное издательство, впоследствии (в 2006 г.) поглощённое компанией Ricordi. В своей деятельности издательство довольно серьёзно ориентировалось на русскую музыку. Во многом потому, что в 1882 г. П. И. Юргенсон (1836–1904) открыл отделение своего известного издательства в Лейпциге (спустя 15 лет переросшее в филиал) в том же самом доме, где располагалась и контора Rob. Forbergs, так что в 1918 г., когда российская основная фирма Юргенсона была национализирована большевиками, её лейпцигский филиал был «естественно унаследован» издательством Rob. Forbergs вместе с особенным интересом к русской музыке.

[598] Всё нижеследующее написано рукой А. М. Метнер на отдельном небольшом листочке, с обеих его сторон, и является, очевидно, завершением этого большого письма, уже, по-видимому, вложенного в конверт, а потому А. М. Метнер и не воспользовалась свободными тремя четвертями оборота второго листа её

большого письма. На листочке позднейшая пометка рукой Ильина: «1926 январь».

[599] «Религиозный смысл философии», см. комм. 546.

[600] Угримова (урожд. Муравьева) Ирина Николаевна (1903–1994) – театральный художник, дочь известного адвоката Муравьева Николая Константиновича (1870–1936), защищавшего Ильина на процессе 1918 г. Её мать – Муравьева Екатерина Ивановна (1882–1969), деятель Общества Политического Красного Креста. В 1925 г. эмигрировала во Францию, а потом уехала на учёбу в Германию.

[601] Неожиданная и любопытная иллюстрация к статьям Ильина из «Наших задач» о старой и новой орфографии: «167. О русском правописании» и «168. О наших орфографических ранах» (см., напр., *Ильин, т. 2, ч. 2.* С. 113–125): вопреки нашему (издателей) обещанию использовать в тексте писем букву «ё» в том и только том случае, когда её используют авторы писем (напр., в этом письме А. М. Метнер – в слове «речёнка»), здесь нам приходится отступить от этого правила и исправить имеющееся в оригинале «все» на «всё». Причина – двусмысленность, которую приобретёт текст в новой орфографии, если оставить авторское написание «все»: то ли «мы все-все, сколько нас ни есть, собирались», то ли всё-таки «мы собирались-собирались, да так и не собрались». Если не воспользоваться буквой «ё», будет неясно, которое из значений используется Анной Михайловной. В старой же орфографии всё ясно без лишних уточнений, ибо «все» в смысле «мы все, сколько нас ни есть» было бы написано через «ять», т. е. «всѣ». Фактически этот же пример дважды приведён во второй из указанных статей Ильина (см. *Там же.* С. 119 и 121, примеры 1 и 13; к сожалению, в первый из них вкралась опечатка: нужно вместо «все ѣли да ѣли» в строке «Правописание» первого примера читать именно «всѣ ѣли да ѣли»)

[602] РНММ. Ф. 132, № 4742. Это письмо – недатированный черновик помещаемого следующим письма Метнера Ильину. Границы дат установлены по указанию на «алианс Ильина с Крейцером и Фридманом» и по датам соотв. письма Ильина и указанного след. письма Метнера. Книга Ильина, отклик на которую готовит в этом черновике Метнер, – «О сопротивлении злу силою» (цитируется ниже, с пропуском, фрагмент главы 3: «Только человек, мертвый

в любви, может восхвалять *верный духовный вкус как таковой*, принимая его за высшее достижение...»; см. *Ильин, т. 5*. С. 47).

[603] Т. е. коротким (сравнительно с утраченным, очевидно) письмом № 103.

[604] Изначально «Божие», это слово переделано Метнером в «Бога».

[605] Т. е. о сосне вместо рождественской ёлочки (срв. начало пред. письма А. М. Метнер).

[606] Слово «блестяще» написано поверх другого слова, разобрать которое не удалось. Также между строкой, завершающейся этим словом, и следующей, начинающейся с «полемизируешь», вписано слово «гедонизм», неясно как именно относящееся к предложению и всему фрагменту.

[607] Последовательность исправлений, видимо, такова: в изначальном «чувством оскорбления справедливости» тщательно вычеркнуто первое слово, затем «оскорбления» переправлено в «оскорблением», что продолжено словом «справедливости», тут же вычеркнутом и заменённом на «добра», после чего, наконец, «оскорблением» зачёркнуто, заменившись на «надругатель<ством?>», а (по ошибке или недосмотру?) поверх зачеркнутого «справедливости» написано вновь «надругательства», причём идущее следом «добра», не правясь, обрамлено чуть выше строки предлогом «над» и окончанием «ом». Итоговая мысль, очевидно (срв. также след. чистовое письмо), такова: «... поскольку оно вызывается надругательством над добром».

[608] Слово «грешной» написано поверх другого слова, по-видимому – «грязной».

[609] Т. е. Наталии Николаевне, в ответ на её «...и все представляю себе почему-то Вас в Московском виде: круглой шапочке, стрюцком пальто...» и «...нет, кому бы подарить голубой листочек...», см. письмо № 104.

[610] Итоговый вариант письма, черновик которого опубликован за пред. номером.

[611] Игра слов: хеллер (геллер) – мелкая австрийская монета, в то время как Иштван Хеллер (Стефан Геллер; 1813–1888) – известнейший в XIX в. пианист, композитор и педагог еврейского происхождения. Аналогично крейцер и шиллинг – среднеевропейская (главным образом, австрийская) и западноевропейская (пре-

имущественно, английская) монеты, смешивающиеся Метнером с Леонидом Крейцером (см. комм. 576) и Максом фон Шиллингсом (1868–1933), известным немецким композитором и дирижёром. Обыгрывается в этом же ряду (франк – название денежной единицы многих народов и стран) и фамилия «соперника» Ильина философа С. Л. Франка (к слову, срв. *Ильин*, *т. 5*. С. 401, выступившего на стороне его противников в полемике вокруг книги «О сопротивлении злу силою»). Та же шутка встречается в письме Н. К. Метнера С. В. Рахманинову от 30 ноября 1921 г. (см. *Метнер. Письма.* С. 207–211).

[612] Имеется в виду «пресечение зла» (мечом).

[613] Речь о завершённой в 1925 г. (иногда, впрочем, годом окончания указывается 1926) трёхчастной Сонате для скрипки и фортепиано № 2 G-dur (op. 44), в начале третьей части которой, Finale (Rondo), указано мотто [motto (*ит.*) – изречение, девиз, эпиграф] «Весна идет, весна идет!» (из стихотворения Ф. И. Тютчева 1829 г. «Весенние воды»).

[614] Имеется в виду «Танец-сказка» («Tanzmärchen»), № 1 из op. 48 1925 г. («Две сказки для фортепиано»).

[615] Машинопись в двух экземплярах: первый с указанием даты и с «аутентичной» подписью (по всей видимости, скопированной с отправленной Метнером Ильину страницы музыкального календаря, см. письмо № 105 и комм. 597) Леонида Крейцера – это письмо продолжает новогоднюю шутку про «альянс Ильина с Крейцером и Фридманом»; второй – с припиской Ильина и его подписью. В публикации сохранены все характерные для розыгрыша особенности оригинала (в частности, нарочито неверные инициалы И. А. Ильина, а также пропущенная «t» в печатной подписи: верно – «Kreu*t*zer»).

[616] Компатриот (от *фр*. compatriote) – *разг., устар*. соотечественник, земляк.

[617] In alter Freundschaft (*нем*.) – по старой дружбе.

[618] Ответный розыгрыш Метнера, написанный нарочито изменённым чрезвычайно крупным почерком, начинается уже с адреса: Rue Scribe (улица Скриба) на самом деле находится не в VIII, а в IX округе Парижа, и уже здесь очевидна не ошибка, а мистификация со стороны Метнера, ибо он выбрал для розыгрыша в некотором роде самую музыкальную улицу Парижа, ибо известнейший

в XIX в. французский драматург Эжен Скриб (1791–1861) – автор либретто множества опер, в том числе столь популярных как «Граф Ори» Д. Россини, «Белая дама» Ф. Буалдьё, «Роберт-Дьявол», «Гугеноты» и «Африканка» Д. Мейербера, «Фра-Дьяволо» и «Немая из Портичи» Д. Обера, «Жидовка» Ф. Галеви, «Сицилийская вечерня» Д. Верди и мн. др. По его пьесам итальянский поэт Феличе Романи написал либретто к ещё более популярным операм «Любовный напиток» Г. Доницетти и «Сомнамбула» В. Беллини, а Антонио Сомма – к опере Д. Верди «Бал-маскарад».

[619] Cher (*фр.*) – дорогой.

[620] Convenable (*фр.*) – здесь: порядочно, благопристойно.

[621] Правильнее: «Я к вам пишу – чего же боле?» (*А. С. Пушкин.* «Евгений Онегин», гл. 3).

[622] Здесь очевиден намёк на украинское (малороссийское) происхождение Н. Кошиц: она родилась в селе Кирилловка Киевской губернии, теперь Шевченково Черкасской области, а Сорочинцы Полтавской губернии, где родился Гоголь, расположенные по другую сторону Днепра, по российским, а тем более по всё красочно преувеличивающим (*укр.* перебільшуючим) украинским масштабам недалеко: во всего-то около 300 км. Конечно, никакой книги и даже статьи о Гоголе у Ильина в 1926 г. не было. Не появилось её и позже, но в 40-е годы он составит и прочтёт в Швейцарии посвящённую Н. В. Гоголю лекцию «Гоголь – великий русский сатирик, романтик, философ жизни» (русский перевод её см. в *Ильин, т. 6, кн. 3*. С. 240–276).

[623] По знакам препинания (и особенно характерным – переноса слов), а также по другим особенностям стиля и даже, как уже было указано, нарочито изменённого почерка очевидно, что писал письмо сам Н. К. Метнер.

[624] На проходивший в Париже в отеле «Мажестик» с 4 по 11 апреля 1926 г. Российский зарубежный съезд съехались русские эмигранты из почти 30 стран. На съезде присутствовало около 400 делегатов, в том числе, помимо Ильина, напр., П. Б. Струве, А. Ф. Теплов, П. Н. Краснов, Н. Е. Марков, С. С. Ольденбург. Ильин выступил на съезде с речью, которая была опубликована в газете *Возрождение*, № 312 от 10 апреля 1926 г. (см. также *Ильин*, *т. 18*. С. 463–467). О съезде см. Российский зарубежный съезд (1926, Париж): Документы и материалы. – М.: Русский путь, 2006.

[625] Католическая Пасха в 1926 г. действительно пришлась на 4 апреля. Православная – на 2 мая, из чего следует, в частности, что Российский зарубежный съезд проходил на 4-й седмице Великого Поста.

[626] Т. е. в Fontaine d'Yvette (см. комм. 500). Чуть ниже упомянутая «бонсежурка» – вилла «Bon Sejour» в Фонтен д'Иветт, где жили Метнеры.

[627] Меерович Лазарь Соломонович (? – 1927) – юрист, друг и однокашник Ильина. См. *Ильин, т. 16*. С. 566.

[628] Как встречалось выше (срв., напр., письма №№ 54 и 53) и как часто будет встречаться и далее, Ильин таким образом намекает на своё местожительство. В данном случае имеется в виду Фриденау (*нем*. Friedenau) – район в Берлине.

[629] Здесь намёк на (по-видимому, утраченный) ответ Ильина «Нине Кошиц» на «её» письмо ему (см. пред. письмо).

[630] Эти слова, ***нами*** помещённые в скобки, приписаны А. М. Метнер сверху строки.

[631] Обо всех указанных здесь станциях см. комм. 510, 512 и 515 выше. В сноске А. М. Метнер игра слов: gare (*фр*. вокзал) – гарь.

[632] Поставленные ***нами*** в скобки слова приписаны Н. К. Метнером, но, видимо, ими он не удовлетворился и написал более полную отдельную сноску (см. чуть выше по тексту письма).

[633] Меерович (см. комм. 627).

[634] Это письмо, по-видимому, утрачено.

[635] В конце мая 1926 г. Метнеры выехали (чтобы – см. *Метнер. Письма*. С. 329, – «провести период сенной лихорадки Анюты, т. к. в прошлом году под Парижем ей было особенно плохо») на юго-западное побережье Франции, в местечко Royan-Pontaillac (собственно, Понтайак – прибрежный район Руайана), расположенное на входе в эстуарий (затопляемое устье реки) Жиронда, общее устье сливающихся рек Дордонь и Гаронна, сравнительно недалеко от расположенного в низовьях Гаронны Бордо. Метнеры пробыли в Руайан-Понтайак до середины июля, а затем вернулись в Фонтен д'Иветт.

[636] Этот ответ – письмо Метнера, адресованное А. Ф. Гедике (в предыдущем комм. цитируется именно оно), о чём А. М. Метнер пишет подробнее ниже, – см. *Там же*. С. 329 – 335.

[637] См. комм. 211.

[638] То есть на композиторском факультете. Точнее, на композиторском отделении научно-композиторского факультета: факультеты в Московской консерватории были созданы в 1920 г., среди них – композиторско-теоретический, после очередных структурных изменений ставший в 1925 г. научно-композиторским, объединявшим два отделения: собственно композиторское и научно-музыкальное.

[639] См. комм. 507. Ильин, конечно, знал Г. Л. Катуара (см. письмо № 88).

[640] Мясковский Николай Яковлевич (1881–1950) – композитор, музыкальный критик и педагог, крупнейший симфонист. Яворский Болеслав Леопольдович (1877–1942) – музыкальный теоретик (в частности, создатель теории ладового ритма и ладового звуковедения), педагог и композитор. Преподавал композицию (наряду с дирижированием и «слушанием музыки) в Московской консерватории в 1921–1930 гг., но как будто бы большого понимания среди слушателей и коллег всё-таки не находил, так что взыскательно-едкое замечание Анны Михайловны имеет бóльшие основания в отношении Мясковского: за время педагогической работы в Московской консерватории (с 1921 г. и до конца жизни) он «воспитал» чрезвычайно много композиторов, среди которых встречаются, впрочем, очень известные имена: Д. Б. Кабалевский, Б. А. Мокроусов, В. Я. Шебалин, А. И. Хачатурян, А. Я. Эшпай... Добавим, что Н. Я. Мясковский очень ценил творчество Н. К. Метнера, см. *Мясковский Н. Я.* Н. К. Метнер. Впечатления от его творческого облика // *Метнер. Материалы*. С. 22–28.

[641] Приведём фрагмент излагаемого Анной Михайловной и уже цитированного выше письма Н. К. Метнера А. Ф. Гедике, разъясняющий этот «запрет» (*Метнер. Письма*. С. 332–334):

«Теперь, дорогой мой Саша, поблагодарив тебя еще раз за твое доброе отношение и доверие ко мне как музыканту, я должен сказать тебе, почему я не могу принять на себя роль руководителя учащихся по "творческому отделу". Конечно, ты-то уж не заподозришь меня в равнодушии к "судьбе всей музыкальной жизни", ибо что же иное, как не забота об этой судьбе, заставляла меня с пеной у рта еще 20 лет назад "пропагандировать" всю непристойность и опасность таких явлений, как [Рихард. – *А. Л.*] Штраус и прочие отцы современных музыкальных Колумбов... Но ведь в том-то и дело, что теперь надо обучать творчеству, т. е. всячески способствовать тому,

чтобы весь наличный состав желающих "творить" учеников наиболее *легким* способом удовлетворял своей естественной потребности производить на свет... А я *по совести* мог бы *лишь указывать границы*, в которых *возможно* творчество. То, что в наше время называется теорией композиции, по большей части есть не что иное, как тоже свободное и *безответственное* "творчество". А я, опять-таки по совести, не признаю никакого творчества в пределах теории, т. е. в пределах тех общих законов искусства, *общих* для всех эпох и индивидуальностей, без которых искусство превращается в хаос грубой материи, как мы это наблюдаем в наши дни... Я не признаю никакого авторства в теории и, признаюсь, повесился бы, если бы какой-нибудь закон, казавшийся мне, по моим наблюдениям, объективно существующим, вдруг оказался бы выдуманным мною самим [Намёк на теорию ладового ритма и ладового звуковедения Яворского? – *А. Л.*]. Другими словами, для того, чтобы мне, хотя и имевшему всю жизнь дело с этими законами, но лишь для своего обихода и потому не научившемуся *точной* передаче их для других, – мне теперь понадобилось бы стать на пост и молитву, отказавшись от всякого личного "творчества"... Конечно, может быть, в другое время и при других условиях мне и следовало бы подвергнуть себя такому "послушанию"... но очень уж это как-то горько выходит. Я очень мало сделал в жизни как раз благодаря тому, что всю жизнь считался с этими самыми *законами ограничения*, и только за последний год мне стало казаться, что я могу стать настоящим композитором, и вдруг я должен отказаться от своего "творчества" и вместе с ним и от своих ограничительных законов, чтобы обучать других *наилегчайшим* способом "творить" музыку...

Если же я не откажусь от этих законов и буду ими ограничивать безответственное творчество своих учеников, то класс мой через неделю опустеет... Не знаю, верно ли это, но мне писали, будто в последнее время класс Егора Львовича уменьшился благодаря переходу многих его учеников к более современным, т. е. более *разрешающим* учителям... Если это верно, то мне и вовсе будет некого учить, т. к. помимо моей неуступчивости чисто принципиальной, я обладаю еще и *характером* крайне неуступчивым, что может повести к неприятным последствиям... Вообще, милый Саша, я все больше и больше убеждаюсь за последнее время, что для того, чтобы направить "судьбу всей музыкальной жизни", всего света на

более верный и светлый путь, необходимо, во-первых, как можно больше *препятствовать* всеобщей, "творческой" мобилизации, т. е. демобилизировать всю армию композиторов, оставив в регулярном войске небольшое потребное число испытанных людей, а во-вторых, помимо восстановления прежней анонимной теории музыки, необходимо *установить* такую же *анонимную*, т. е. общую для всех верующих художников, основу эстетики, т. е. художественного мировоззрения, которое благодаря размножению всевозможных «измов», этих чертовых хвостиков, *за последнее десятилетие* дошло до такого разгульного политеизма, что не мудрено, что все перестали понимать друг друга... Я никогда не понимал, что, собственно, означает "реализм", "символизм", "импрессионизм" и т. д., и для меня всегда как Пушкин, так и Шекспир с Гете, были одновременно и реалистами, и символистами, и импрессионистами... Я никогда не понимал, что значит каждый из этих "лозунгов", взятый в отдельности, – скромный *отказ* от всех других или же претензия на монополию, на патент изобретения?.. Что думали, например, символисты-поэты, что они – *только* символисты или же что только *они* символисты, а Пушкин с Гете, мол, не знали символизма...

Впрочем, если начать перебирать все недоразумения, царящие в эстетическом сознании, то пришлось бы написать целую книгу, и хотя я ее, конечно, не напишу, но во всяком случае мечтаю, чтобы она когда-нибудь и кем-нибудь была написана...»

Книга, о которой здесь пишет Метнер, была им всё же написана («Муза и Мода», завершённая в 1934 г. и вышедшая в свет в 1935 г. Публикуется в след. томе наст. изд.).

642 О Раисе (Русе) Оцуп (в девичестве Фейн, во втором замужестве Тагер) см. комм. 261. Вторая ученица Метнера, о которой здесь речь, – по-видимому, Лёля Фрей, т. е. Елена Александровна Карницкая, по первому мужу Фрей (Frey), пианистка и певица, исполнительница песен Метнера (в частности, первая исполнительница его Сюиты-вокализа, ор. 41 № 2). О ней см. в дневниках-письмах *А. М. Метнер*, записи от 12 и 23.02.1931 // *Метнер. Материалы*. С. 285, 288; также 316, 330, 340, 346 (комментарий и указатель). См. также ниже письмо № 176. Нам кажется очень вероятным, хотя никаких прямых подтверждений этому отыскать не удалось, что упомянутый первый муж Е. А. Карницкой есть или не кто иной, как

швейцарский композитор Emil Frey, о котором см. в комм. 35-761, или же его младший брат, пианист и педагог Вальтер Фрей (1898–1985).

643 Эта открытка, видимо, утрачена.

644 В начале июля 1926 г. Ильины посетили замок июль Зеон (Seeon) в Баварии, гостя у герцога Г. Н. Лейхтенбергского (где Ильин написал единственное опубликованное им при жизни своё стихотворение – «Замок Зеон»; см. *Ильин*, *т. 32*. С. 541), после чего отправились в Италию: сначала в Кортина-д'Ампеццо (Cortina d'Ampezzo, город на севере Италии в Доломитовых Альпах), где имели пешую прогулку по «Доломитам» (в частности, через перевал Стельвио – *нем.* Stilfser Joch), а затем вновь посетили Сьюзи (тот же Unterwirt, срв. комм. 457), после чего побывали в Гардоне-Ривьера (Gardone Riviera, поселение в Брешии), Ассизи, Флоренции и Перудже, к началу ноября вернувшись в Берлин. См. и срв. *Ильин*, *т. 21*. С. 515.

645 Имеется в виду журнал, в котором была напечатана первая из трёх речей Ильина «О России», произнесённых в Берлине в 1926 и 1927 гг. по случаю Дня русской культуры, ежегодно отмечающегося эмиграцией и приуроченного к дате рождения А. С. Пушкина (6 июня по григорианскому календарю). См. *Ильин*, *т. 6, кн. 2.* С. 7–19. «Перезвоны» (Рига, 1925–1929) – литературно-художественный иллюстрированный журнал, под. ред. С. А. Белоцветова. Был задуман как иллюстрированный еженедельник для семейного чтения в традициях дореволюционного иллюстрированного журнала.

646 Не явились ли эти слова о колоколе, а также об объединяющем журнале одним из истоков идеи Ильина создать новый журнал, назвав его «Русский Колокол»?

647 Росфил (Российская филармония) – одно из четырёх названий Московской филармонии: открытая в 1921–1922 г. как Госфил (Государственная филармония), в 1923 г. она превращается в акционерное общество Росфил, в 1928 г. преобразуется в Софил (Советская филармония? – Впрочем, эта аббревиатура, возможно, для «симфонического оркестра филармонии», образованного как раз в 1928 г.) и лишь в 1931 г. получает название Московской филармонии. До начала 30-х гг. филармония действительно испытывала огранизационные и финансовые трудности, отголоском которых являются упоминаемые А. М. Метнер слухи о банкротстве и трансформации Росфила.

[648] Персимфанс (Первый симфонический ансамбль) – московский оркестр в составе 80 музыкантов, но без дирижёра, существовавший в 1922–1932 гг. Практически с момента создания Московской филармонии вошёл в её состав, однако уже в 1923 г. разорвал с ней связь, так что осторожность Н. К. Метнера была более чем оправданной.

[649] Речь о Втором фортепианном концерте (c-moll), писавшемся в 1922–1927 гг., ор. 50. О Pontaillac'е см. комм. 635.

[650] Срв. письмо № 393: «Когда Раевская и Лурье делали свой плохой перевод Юнга на русский язык (я потом сделал этот перевод сам, заново, под названием "редакции"), то Эмилий Карлович платил им *100 шв. фр*. за 16 страниц текста», а также комм. 35-571.

[651] Орсе – почти пограничное с Фонтен д'Иветт поселение, чуть подробнее см. в комм. 500 и 518.

[652] И эта открытка, по-видимому, утрачена.

[653] Т. е. в Италии, срв. комм. 644.

[654] Это письмо Рахманинова Метнеру (от 9 сентября 1926 г.) см., напр., в *Метнер. Письма.* С. 548.

[655] Речь о «Второй импровизации» (в форме вариаций) для фортепиано, ор. 47. См. также письмо № 100 и комм. 566. Первая импровизация – Импровизация h-moll, № 1 из ор. 31 (первая из «Трех пьес» для фортепиано 1914 г.). Метнеру принадлежат также ещё «Три импровизации» для фортепиано, написанные в 1896, 1898 и 1900 гг. и составившие его ор. 2.

[656] Кана Галилейская – библейский город, одно из частых мест проповеди Господа Иисуса Христа, более всего известная по первому Им сотворённому там чуду (Ин. 2, 1–11). Канны итальянские – город в Италии, в истории известный крупнейшим сражением Второй Пунической войны (216 г. до н. э., битва при Каннах). Канны французские (или Канн – отсюда, видимо, запинка Анны Михайловны в роде окончания – в 1926 г. этот город, видимо, не был столь известным, как век спустя) – ныне известнейший, благодаря ежегодному – с первого, проведённого в 1946 г., – кинофестивалю, приморский курортный город на юго-востоке Франции.

[657] Жившие с 1918 г., в основном, в США и Швейцарии Рахманинов и его жена Наталья Александровна в ноябре 1926 г. вернулись из Франции в Америку.

[658] «Родина и мы» – брошюра Ильина, изданная в Белграде в 1927 г. См. также *Ильин, т. 9–10*. С. 255–275.

[659] В своей части пред. письма.

[660] И эта открытка также, по-видимому, оказалась утраченной.

[661] Озеро Гарда – крупнейшее озеро Италии, расположенное у подножия Южных Альп на стыке трёх областей: Ломбардии, Венеции и Трентино-Альто-Адидже. Очевидно, утраченная открытка содержала фотографию этого озера.

[662] Само письмо написано на небольшом продолговатом, без большого преувеличения, клочке бумаги и вложено в небольшой конверт (адреса написаны также рукой А. М. Метнер, но более, чем сами и письмо и приписки, аккуратным почерком). Судя по всему, этот конверт с письмом был затем вложен в больший, что, как и большинство конвертов, Ильиным сохранён не был. Отправлено письмо, как следует из нижеследующего письма № 119, в конце октября 1926 г. В итальянском адресе Ильина небольшая неточность, нужно, очевидно, – Via del Presto di San Martino. 7, Pensione Fiorenza, что, кажется, вернее всего перевести как улица Быстрая (переулок?) св. Мартина, 7. Пансион «Флоренция» (presto с *ит*. – быстро, и улица действительно недлинна, не более 200 м). Об адресе Метнеров см. в комм. 500.

[663] Lützowstrasse – улица в исторически западной (W. означает, очевидно, West, т. е. западный), а ныне, скорее, центральной части Берлина, в административном округе Митте. Названа, как и район Lützowplatz, в котором она расположена, в честь прусского генерала барона Людвига Адольфа Вильгельма фон Лютцова (1782–1834), героя антинаполеоновских освободительных войн в Германии. Pension Tonn (*нем.*) – пансион Тонна (Tonn – очевидно, фамилия). До́ма, в котором не раз останавливались в Берлине Ильины (см. [*Ильин И. А.*] Наши местонахождения и путешествия // *Ильин, т. 21*. С. 514–517), уже не существует (на его месте – гораздо более поздняя постройка), едва ли он пережил войну.

[664] Abgeschlossen (*нем.*) – завершённый, законченный.

[665] Мысль несколько темна, но несомненно связана с 1 Цар. 16, 14–23. Возможно, её следует перефразировать так: будем играть себе на рояле, как Давид Саулу на гуслях, насколько нам это посильно, но едва ли посильно нам будет, как и Саулу, этой игрой вполне развеять наши тоску и уныние. См. также комм. 569.

[666] Тер-а-тер – разновидность галопа (точнее, двухтактный галоп; обычный галоп в современном понимании – это трёхтактный аллюр лошади).

[667] Эксцесс (от *лат*. excessus – *букв*. выход) – отступление, уклонение (в сторону, от темы и т. п.). В этих словах, помимо указания на присылки Ильиным Метнеру своих статей, скрытый ответ на приписки Метнера к письмам №№ 114 и 115.

[668] Аллюзия на Мф. 18, 17.

[669] Неточное цитирование первых двух строк стихотворения М. Ю. Лермонтова «Нищий» (1830) и переделка дальнейших. Заметим, что ор. 3 № 1 Метнера есть романс, написанный на это стихотворение Лермонтова (написан в 1903 г.), так что Ильин пародирует здесь вместе с Лермонтовым и Метнера.

[670] Уже не первое (срв. письмо № 43) такое шутливое называние Ильиным Берлина.

[671] См. комм. 63.

[672] Иеровоам – имя двух царей (северного) Израильского царства: Иеровоама I, первого царя 10 колен израилевых, отложившихся от единого Израиля и его царя, сына Соломона Ровоама (3 Цар. 11, 26 – 15, 7), и Иеровоама II, правившего несколько поколений спустя (4 Цар. 14, 23–29). Ильин здесь и ниже (см. письмо № 120, где к имени Иеоровоама прилагаются эпитет «заблудший в жизни» и прозвище «Перепалкин») шуточно называет себя, скорее всего, именем первого из них, ибо и эпитет более подходит Иеровоаму I (поставленный царём 10 колен по прямому Божьему повелению, Иеровоам почти тут же уклонился в язычество, сделав народу, дабы он не вернулся к Ровоаму, двух золотых тельцов, и потому затем в 3 и 4 книгах Царств около 20 раз поминаются «грехи Иеровоама, сына Наватова»); и прозвище намекает именно на него, постоянно ведшего переговоры и войны с Ровоамом и, после его смерти, с его сыном Авиею.

Павскикакий (от *др.-греч*. παῦσις – приостанавливать, прекращать и κακία – зло, несчастье, порок) дословно переводится как прекращающий зло (это имя сирийского христианского святого свт. Павсикакия Синадского; 526–606).

Что может означать «Подложный», до конца не ясно, но, скорее всего, это всего лишь ещё одно указание на шуточность как Иеоровоама, так и Павсикакиевича в бутафорской подписи.

Также заметим, что на правом поле, прямо напротив подписи, Ильиным изображено (11-ю точками) некоторое подобие овала. Что бы оно могло означать, неясно. Очевидно также, что и Метнер

заведомо не «прочитал» смысл ильинской подписи, однако принял игру, назвав себя в своём ответе (скорее, по созвучию с Павсикакиевичем) именем Акакия Акакиевича, героя повести Н. В. Гоголя.

673 Т. е. адрес. Здесь и ниже (см., напр., письмо № 292) Ильин часто шуточно искажает это слово. Südwestkorso (*нем.*) – Юго-западный корсо – улица в берлинских районах Фриденау и Вильмерсдорф длиной более полутора км (корсо, от *ит.* corso, т. е. прогулка по улицам в экипажах или же название улицы, на которой происходит бег лошадей, карнавальное гуляние или просто прогулка, – в данном случае может быть переведено просто как, напр., проспект). Parterre (*нем.*) – нижний (первый) этаж.

674 Rheingau означает часть телефонного номера («Фрёйляйн, Рейнгау 26-86, пожалуйста!»), косвенно свидетельствуя, что в 20-х гг. прошлого века Берлин ещё не был полностью покрыт системой автоматических телефонных станций (АТС), и происходит от названия берлинской улицы Rheingaustraße, идущей точно с юга на север и своим северным окончанием упирающейся почти в самую середину Зюйдвесткорсо, на которой, по-видимому, и располагалась телефонная станция, обслуживавшая соседние районы. Вообще же Rheingau (Рейнгау) – область земли Гессен, известный винодельческий район Германии.

675 Письмо, судя по всему, было отправлено в одном конверте со следующим. Написано на одной из сторон сложенного затем вдвое и вложенного в конверт листочка. На другой его стороне рукой Ильина указано: «1926. декабрь».

676 Фортепианного концерта, см. письмо № 114 и комм. 649.

677 Речь о письме № 116.

678 Волконская (Рахманинова) Ирина Сергеевна (1903–1969) – старшая дочь С. В. Рахманинова. Вышла замуж за князя П. Г. Волконского (1897–1925), скончавшегося через год после свадьбы. Спустя несколько дней после похорон мужа Ирина родила дочь, замуж больше не вышла и жила с родителями до самой их смерти. См. также след. письмо, где Ильин указывает, что свою статью (речь, очевидно, о брошюре «Родина и мы», см. комм. 658) отправил И. С. Волконской по недоразумению.

679 Изначально письмо не датировано, и дата устанавливается по позднейшей приписке Ильина: «1926. начало декабря» (которая позволяет заодно чуть уточнить даты двух пред. писем).

[680] Ниже Ильин перечисляет следующие сочинения Метнера:

– ор. 24, № 1 и № 4 – «День и ночь» и «Сумерки» на стихи Тютчева из цикла «Восемь стихотворений А. Фета и Ф. Тютчева» для голоса с фортепиано, написаны в 1911 г., впервые изданы в 1912 г. Российским музыкальным издательством (далее – РМИ);

– ор. 29, № 3, 6 и 7 – «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Роза» и «Заклинание» из цикла «Семь стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано, написаны в 1913 г., впервые изданы в 1914 г. РМИ;

– ор. 32 № 1 и № 2 – «Эхо» и «Воспоминание» из цикла «Шесть стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано, написаны в 1915 г., впервые изданы в 1916 г. РМИ;

– ор. 36 – цикл «Шесть стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано, написаны в 1918–1919 гг., впервые изданы в 1920 г. Государственным музыкальным издательством (далее – ГМИ), также изданы фирмой Ю. Г. Циммермана в 1923 г.;

– ор. 37 – цикл «Пять стихотворений Ф. Тютчева и А. Фета» для голоса с фортепиано, написаны в 1918–1919 гг., впервые изданы в 1920 г. ГМИ, также изданы фирмой Ю. Г. Циммермана в 1923 г.;

– ор. 38, 39 и 40 – «Забытые мотивы» («Vergessene Weisen») для фортепиано. Цикл I (ор. 38), цикл II – «Лирические мотивы» (ор. 39) и цикл III – «Танцевальные мотивы» (ор. 40), написаны в 1918–1920 гг., впервые изданы фирмой Ю. Г. Циммермана в 1922–1923 гг.

– ор. 43 № 1 и № 2 – Канцона C-dur и Танец C-dur из «Двух канцон с танцами» для скрипки и фортепиано, написаны в 1924 г., впервые изданы фирмой Ю. Г. Циммермана в 1925 г.;

– ор. 45 – цикл «Четыре стихотворения на слова А. Пушкина и Ф. Тютчева» для голоса с фортепиано, написаны в 1923–1924 гг., впервые изданы фирмой Ю. Г. Циммермана в 1926 г.

[681] То есть без рассуждения (без сомнений и раздумий).

[682] Журфикс (*фр*. jour fixe – фиксированный день) – определённый день недели, предназначенный для регулярного приёма гостей, однако здесь Ильин, очевидно, имеет в виду точный день приезда Метнеров в Берлин (по дороге в Россию).

[683] Т. е. Рождеством и Новым годом по григорианскому календарю. Такое поздравление заставляет засомневаться в точности пометки Ильина, а вернее – отнести «начало» декабря к началу по

юлианскому календарю. Другими словами, это письмо писалось, скорее всего в 15–20 числах декабря 1926 г. (по новому стилю).

[684] От глагола «канючить», т. е. ныть, плакаться, жаловаться на что-либо (второе значение – выпрашивать, неотвязно просить, но оно здесь едва ли вероятно).

[685] Имеется в виду, скорее всего, Елена Петровна Волконская (1893–1985), жена потомка декабриста и друга Ильина князя Вадима Григорьевича Волконского (1895–1973), участника Белого движения и затем эмигранта. Через Константинополь он перебрался в Париж, где жила его мать Ида Витовна де Дампьер (de Dampierre), и время от времени посещал Рим, где жил его дядя, кн. Александр Михайлович Волконский. Именно в Риме он познакомился с третьей дочерью П. А. Столыпина Еленой, вдовой кн. В. А. Щербатова (1880–1920), на которой женился в 1923 г. Супруги жили в Риме, где, в частности, была сделана их фотография (именно в 1923 г., так что это, скорее всего, свадебное фото), подписанная ими Ильину (см. её в *Ильин*, *т. 32*, на посл. странице вкладки с фото перед стр. 609; к сожалению, при подготовке издания В. Г. Волконский был нами ошибочно принят за известного театрального деятеля князя Сергея Михайловича Волконского, также друга Ильина). Ильин вспоминает о чете Волконских (о совместном с ними проведении лета 1925 г. в Обербозене) в № 148 своих «Встреч и бесед» (см. *Ильин*, *т. 14*. С. 369).

Впрочем, и, кажется, даже с чуть большей вероятностью, речь может идти о жившей иногда в Гаутинге Софии Петровне Дурново (урожд. княжне Волконской; 1867–1943), о которой, в частности называя её «урожд. светлейшая Волконская», Ильин пишет в № 66 «Встреч и бесед» (*Там же.* С. 355. Срв. также письмо № 146 ниже), ошибка же Ильина объясняется тем, что как у Е. П. Волконской, так и у С. П. Дурново имелся, очевидно, и парижский адрес (помимо основных, привычных для Ильина, римского или баварского соответственно). Именно сопоставление ильинских «светлейшая» (во «Встречах и беседах») и «другая-другейшая» (в комментируемом письме), хотя формально они применимы и к Е. П. Столыпиной-Щербатовой-Волконской, склоняет к тому, что С. П. Дурново здесь имеется виду с большей вероятностью.

[686] Если не указано иное, письма Ильина 1927 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0041, письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0183.

[687] В 1924–1939 гг. преподаватель вокального искусства Джорж Армин (George Armin или Georg Herrmann;1871 – 1963) редактировал и издавал в Берлине ежемесячный журнал «Die Stimmwart [(*нем.*) Вокалист (*досл.* Страж, хранитель голоса)]», посвящённый, главным образом, вокальному искусству.

[688] См. комм. 355.

[689] Речь здесь, по всей видимости, о гонораре Ильина за редактирование перевода и перевод сочинений К. Г. Юнга. См. комм. 650.

[690] Имеется в виду вечер, в котором Н. К. Метнер должен был исполнять свой «новый» фортепианный концерт (т. е. Концерт для фортепиано с оркестром № 2 c-moll, op. 50, писавшийся в 1922 – 1927 гг.).

[691] Sprung (*нем.*) – прыжок, скачок.

[692] Op. 11 – Сонатная триада; op. 20 – Две сказки.

[693] Письмо, представляющее собой скорее записку, не датировано. На второй его странице рукой Ильина написано: «1927 февр.», однако, судя по его виду и содержанию, оно, по-видимому, является припиской к предыдущему письму и, таким образом, написано 30 января – максимум, одним-двумя днями позднее (самое позднее – 4 февраля, что, впрочем, почти невероятно). Не исключено (и даже вероятно), что эта записка просто была вложена в посылку с нотами, о которой говорится в пред. письме.

[694] Т. е. Елены Михайловны, см. комм. 535. Далее, очевидно, её адрес (*фр.*): Продолжение [ул.] Этьена Марселя, 11.

[695] Schlesischer Bahnhof – Силезский вокзал. Так назывался в 1852 – 1950 гг. нынешний Берлинский Восточный вокзал (Berlin Ostbahnhof; переименован потому, что после II мировой войны Силезия почти полностью вошла в состав Польши).

[696] Часть слова заклеена печатью-маркой и читается предположительно. Само слово относится к бланку, и все такие слова здесь и далее в подобных случаях публикуются уменьшенным шрифтом. *Курсивом* публикуются заполненные телеграфистом части бланков (незаполненные разделы бланков и типографские отметки на них не публикуются). Тексты телеграфной ленты публикуются **полужирным**. В публикуемом чуть ниже переводе все эти особенности опускаются. Также в переводе, для удобства читателя, восстановлены прописные буквы и знаки препинания.

[697] Возможно, это не буква *W*, а подпись принявшего телеграмму. Обратим внимание также на то, что для телеграммы использу-

ется как будто бы бланк Германской Империи (а не республики), хотя идёт уже 1927 год. Однако официальное название Deutsches Reich сохранялось и в годы Веймарской республики, будучи закрепленным в её конституции.

[698] Метнер сообщает Ильину время (9:20), когда поезд из Москвы в Париж остановится на станции Friedrichstrasse, расположенной на одноимённой улице Берлина в районе Митте, т. е. сравнительно недалеко от того места (срв. комм. 663), где останавливались Ильины до переезда (срв. комм. 673) – на Südwestkorso, 18, откуда до Friedrichstrasse уже гораздо дальше.

[699] Об адресе см. комм. 673. Правее него рукой Ильина позднейшая приписка: «14 июня 1927». На открытке несколько штемпелей Виши. Трижды один и тот же почтовый: «VICHY 14 VI 27. 18 H ALLIER» (Allier – Алье, департамент в центре Франции, где расположен и Виши; H – от *фр*. heure – час). Дважды – отметка «VENEZ A VICHY – LA REINE DES VILLES – D'EAUX. MAI – OCTOBER [(*фр.*) Приезжайте в Виши, королеву курортных городов (*досл*. городов вод, водных городов). Май – октябрь]»; отсюда следует, что титул «la reine des villes d'eaux» был присвоен Виши гораздо раньше, чем, как иногда утверждается, в 1950–1960-е гг.). И единожды – печать «PENSION DE FAMILLE – LE CHALET DES ROSES – RESTAURANT – <*нрзб*.> – A L'INTÉRIEUR DU PARC. VICHY [(*фр.*) Семейный пансион – Домик роз – Ресторан– <*нрзб*.> – На территории парка. Виши]».

[700] Речь, очевидно, о встрече на станции Friedrichstrasse в Берлине, см. пред. письмо.

[701] Vichy. Chalet de l'Empereur (Habité par Napoléon III en 1863), *фр*. – Виши. Домик Императора (местожительство Наполеона III в 1863 году).

Французский император Наполеон III (1808–1873) для поправки здоровья неоднократно с 1861 г. посещал курортный городок Виши, расположенный в центре Франции и известный своими горячими источниками с древних времён; тем самым он многократно увеличил его славу (на что косвенно намекает издание подобного рода открытки).

[702] Massage sous l'eau (*фр*.) – массаж под водой.

[703] Несомненно, речь о вышедшей первым изданием в 1926–1927 гг. в четырёх выпусках и привезённой Метнером из

Москвы книге В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» (М.: Недра, 1926 (Вып. 1 и 2), 1927 (Вып. 3 и 4)). Все ли выпуски привёз (и имел в виду) Метнер, неясно. Ильин впоследствии ценил и неоднократно цитировал эту книгу (что отражено и в публикуемой переписке).

[704] Ильин в 1927 г. с 1 по 20 июля гостил в Париже у своего друга Лазаря Соломоновича Мееровича (см. комм. 627) по указанному здесь адресу. См. *Ильин, т. 21*. С. 515. На открытке без изображений, на которой написано письмо, позднейшая приписка рукой Ильина: «1927 июль». Указание в начале письма на среду, а также содержание письма и сопоставление с только что цитированным документом позволяют уточнить дату написания открытки: по-видимому, это 29 июня. Штемпелей на открытке нет, несмотря на 40-сантимную (типографскую) марку и полностью указанный адрес, что может означать, что она не была отправлена почтой, а лишь с кем-то передана (или же отправлена почтой, но не в открытом виде).

[705] Ильиных в Фонтен д'Иветт, по всей видимости.

[706] Срв. оба адреса Ильина с *Ильин, т. 21*. С. 515. Saint-Gervais-les-Bains (Сен-Жерве-ле-Бен) – поселение в департаменте Верхняя Савойя (Haute Savoie) на юго-востоке Франции, в Альпах. С начала 1900-х гг. – популярное место отдыха. Очевидно, открытка пересылалась, а старый адрес вычеркнут и вписан новый почтовым работником.

[707] После поездки в Виши, и по-видимому сразу после неё, Метнеры обосновались в Анген-ле-Бен (Enghien-les-Bains), местечке в регионе Иль-де-Франс, в полутора-двух десятках км к северу от Парижа, известном с середины XVIII в. горячими серными источниками. Rue des Thermes (улица терм, т. е. горячих вод) идёт, имея небольшое ответвление, в котором как раз и находится дом 35, с юго-востока на северо-запад Анген-ле-Бен, почти упираясь в одноимённое озеро – ещё одну достопримечательность городка. Открытка, на которой написано письмо, изображает бульвар Sadi-Carnot в Анген-ле-Бен. Два штемпеля на открытке почти полностью размыты и трудночитаемы, однако на обоих относительно чётко просматривается дата: «12 9 27».

[708] «Ницца» вписано Ильиным (без сомнений) позднее и это несомненная ошибка – письмо написано в Сен-Жерве-ле-Бен (срв. след. письмо и *Ильин, т. 21*. С. 515).

[709] Статьи Ильина (вторая – под псевдонимом «Прибывший оттуда») из первого номера его журнала «Русский Колокол» (1927. С. 11–17 и 41–47; см. также *Ильин*, *т. 28*. С. 47–53 и 75–81).

[710] На оставшемся чистым обороте странички письма Анной Михайловной сделаны кем-то (самим Ильиным?) впоследствии зачёркнутые две записи: «написать Райским.» и «3 фотографии в Москву.» (причём «3» явно дописано позднее). Райский Назарий Григорьевич (1876–1958) – певец (тенор), первый исполнитель ряда песен Метнера, профессор Московской консерватории; его супруга – Райская (Зимина) Любовь Ивановна (? –1960). Несколько писем Н. К. Метнера Райскому опубликованы в *Метнер. Письма*.

[711] Beau Rivage (*фр*.) – чудный (прекрасный) берег. Срв. полный адрес с адресами в письме № 127.

[712] Т. е. над журналом «Русский Колокол». В 1927 г. вышло два первых номера.

[713] Последняя фраза вписана, по-видимому, при перечитывании письма (почерк уменьшенный – видимо, из опасения не вместиться в оставшуюся свободной часть строки завершившегося абзаца).

[714] Кризис современного искусства // Русский Колокол. 1927. № 2. С. 18–27 (см. также *Ильин, т. 28.* С. 135–144). См. также комм. 322.

[715] См. письмо № 2–2а и комм. 7.

[716] Публикуется по «*Собранию*» (стихотворений Ильина «Из писем к Н. К. Метнеру»; *Архив*, 001 – 0608; см. также комм. 1), где оно приведено дважды: в рукописном (рукой Ильина) и машинописном вариантах, несколько отличающихся друг от друга. Опубл. впервые в *Ильин, т. 32*. С. 469 по машинописному варианту. Здесь воспроизводится рукописный, причём в квадратные скобки оба раза помещены важнейшие разночтения с машинописным (замещающие предшествующие им строки), пунктуационные отличия машинописи никак нами не отмечаются.

Из сопоставления «Впрочем, это все тебе безразлично, ибо мое творчество идет за последние годы целиком мимо тебя...» предыдущего письма и «Стрела, пущенная Тобою в конце оного, однако прошла "*целиком мимо*" меня» следующего (являющегося ответом на «Эксцесс») прямо следует, что публикуемая эпиграмма Ильина была приложена к предыдущему письму и отдельным письмом не

является, однако обнаружить это удалось, лишь когда наст. издание было уже подготовлено, и потому «Эксцесс о Поле» имеет отдельный номер (номер письма). Также указанное сопоставление позволяет уточнить даты этого и след. писем.

Эксцесс (срв. комм. 667) – здесь: отступление (очевидно, от темы пред. письма). О Saint-Gervais-les-Bains, в котором «Эксцесс» был написан, см. комм. 706.

Поль де Кок (1793–1871) – чрезвычайно плодовитый французский писатель, причём его имя стало нарицательным для обозначения легкомысленного, поверхностного (а также фривольного) автора. Речь же в стихотворении идёт о заметке-фельетоне композитора и пианиста Владимира Ивановича Поля (1875–1962), выпускника естественного отделения физико-математического факультета Киевского университета, а после и Киевской консерватории. О его сыне от первого, неудавшегося, брака, Олеге Поле, см. очень много в книге В. Пришвиной «Невидимый град» (второе издание которой – М.: Волшебный фонарь, 2009 – цитируется нами в *Ильин*, *т. 33*. С. 332–339, со, впрочем, очень досадной опечаткой в названии цитируемой главы: вместо «Шк***а***ла радости» следует читать «Шк***о***ла радости»). Вторым браком В. И. Поль был женат на А. М. Ян-Рубан (см. комм. 99). Ещё до революции став весьма активным музыкально-общественным деятелем (в частности, он некоторое время был директором Московского отделения Российского музыкального общества), он, поселившись в Париже, оставался таковым и в эмиграции: участвует в образовании-восстановлении Русского музыкального общества во Франции, а также в деятельности Русской консерватории в Париже (см. комм. 1147). Позднее (с 1937 г.) В. И. Поль станет одним из директоров музыкального издательства М. П. Беляева в Лейпциге (потом в Бонне). Как музыкальный журналист и критик был весьма плодовит. В частности, им велась рубрика «Музыкальные заметки» в парижской газете «Возрождение», где он писал то под полной своей фамилией, то лишь под инициалами. Фельетон, на который своей эпиграммой отвечает Ильин, подписан «В. Л-ъ», и если это не опечатка, то, очевидно, один из псевдонимов В. И. Поля, в чём Ильин не имел, очевидно же, никаких сомнений (ему, самому активно сотрудничавшему в те годы с «*Возрождением*», несомненно было хорошо известно, кто именно является «хозяином» музыкальной рубрики). Фельетон

Поля, опубликованный в № 836 (от 16 сентября 1927 г.) посвящён русскому (а впоследствии – советскому: как раз с 1927 г. заслуженному деятелю искусств РСФСР) композитору Александру Алексеевичу Оленину (1861–1944), брату певицы М. А. Олениной-д'Альгейм (см. о ней в публикуемой в приложении к наст. тому статье Ильина «О музыке Метнера» и комм. 1547). А. А. Оленин, действительно быв довольно близок «Могучей кучке» (и, в частности, М. А. Балакиреву), стал автором двух опер (вторая не окончена), нескольких симфонических поэм, концерта для фортепиано с оркестром, ряда камерных сочинений и романсов (а также обработок народных песен). По-видимому, его музыка (как, к слову, и сочинения самого В. И. Поля-композитора) сейчас совершенно забыта.

Чуть позже Поль обратит внимание и на Метнера, и Ильин даже назовёт его критику сносной (см. письмо № 138). Письма Поля Метнерам (в основном, А. М. Метнер и уже по кончине Н. К. Метнера) сохранены в архиве РНММ (см. Ф. 132, №№ 4503–4557). Также – весьма короткие, правда – воспоминания Поля о Метнере см. в *Метнер. Материалы*. С. 193–195.

Поскольку без самого фельетона об А. А. Оленине понять эпиграмму Ильина (в последних своих строках прямо цитирующую его последние же строки) невозможно, приведём его целиком (тем более, что, как вытекает из след. письма, он был отправлен Метнеру вместе с нею):

Музыкальные заметки

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ЮБИЛЕЯ

В апреле сего года, в Москве был очень скромно, но тепло отпразднован 30-тилетний юбилей музыкальной деятельности Александра Алексеевича Оленина.

Никто до сих пор не выявил так, как Оленин, истинной природы русской музыкальной души, не отразил в такой степени глубокого очарования русской народной песни, не передал так ярко русского народного быта.

Вот почему, нам русским, знакомым с произведениями Оленина, его музыка, помимо высокого художественного наслаждения, несет постоянное утешение, поддерживая нашу духовную связь с Родиной, иностранцам же дает возможность познать и оценить

подлинную сущность и своеобразную прелесть русской национальной лирики.

Между тем имя Оленина почему-то совершенно не встречается в концертных программах даже русских певцов и певиц, не говоря уже об иностранных.

Чем это объяснить? Мне кажется, что главная причина кроется в том, что наши артисты просто не знают его произведений, и мне хотелось бы обратить внимание концертантов, которые теперь в таком почете во всех странах мира, на творения нашего, поистине, великого соотечественника.

Если Мусоргский является величайшим русским музыкальным трагиком, то Оленин представляется величайшим русским национальным лириком.

Его опера-песня «Кудеяр», поставленная на сцену уже во время войны (в ноябре 1915 года, у Зимина, к сожалению с совершенно неудовлетворительным Кудеяром, но зато с г-жей Н. Кошиц в роли Насти), такое чисто русское гениальное произведение, которое станет впоследствии сущим Евангелием для русских музыкантов, идущих по национальным путям.

К сожалению, вследствие войны и последовавшей за ней революции, «Кудеяр» до сих пор не издан, т. к. нельзя считать изданием те 80 литографированных экземпляров клавира, которые были отпечатаны в 1915 году.

Но, помимо «Кудеяра», Олениным написано много вокальных произведений совершенно исключительной красоты, которые горячо рекомендую, как певцам-профессионалам, так и любителям.

В первую очередь называю изумительную «Осень» – цикл из 8-ми песен: «Запевка», «Грезы», «Наяву», «Просвет», «Непогода», «Одиночество», «Туманы» и «Под снегами». Уже заглавия песен указывают, что центр тяжести лежит в воспевании русской осенней природы.

Личный элемент затронут как бы между прочим, очень тонко и в то же время какое потрясающее впечатление производит этот цикл, сколько в нем задушевности, теплоты, интимности и какие красочные картины природы!

Первая же песня, «Запевка» – небо холодное в тучах, хмуры лужайки и чащи – сразу хватает слушателя за сердце и он остается

в плену у исполнителя до окончания всего цикла. «Грезы» уносят в далекие заморские «края светлых грез, молодых снов любви, но «Наяву» возвращает к действительности – «шумит на дворе непогода, а в доме давно уже спят» и «в доме старинном так грустно среди непогоды ночной». После короткого «Просвета» – «сегодня так ясно и солнце так светит, легко так, легко на душе» – автор отдает нас стремительной «Непогоде», когда «в эту пору непогожую одному жить сердцу холодно». И, как продолжение этого сердечного холода, удивительная картина одиночества темною осеннею ночью, когда «книга со мной, тепло мне, покойно, а мысли далеко, далеко...». «Туманы» сизые, тяжелые, застилающие всю землю, навевают жуть и тревогу на человека в них затерявшегося. Совсем необычайной мощной стихийностью веет от 4-х страничек этой поразительной песни. Но вот «отшумели осенние ветры, бушевать утомилась погода, все цепенеет, лишь предрассветный ветерок так жалостно, тоскливо последний наигрыш заводит», постепенно мир и тишина спускаются на землю и она засыпает под веселый наигрыш зимней метели («Под снегами»).

Поется этот цикл приблизительно полчаса и мог бы прекрасно исполняться в декорациях, как капитальный, так сказать, симфонический номер концертной программы.

Цикл из 7-ми песен под названием «Деревенская любовь» несколько иного рода.

«Заигрыш» с первой же своей фразой «ой, вы, лужки зеленые, привольные» переносит вас в необозримые русские заливные луга, по которым «ветерок погуливает, с травушкой зеленой заигрывает», «Яр-Хмель» похаживает, про любовь сказки бает, говорит – парням девкам назолу дает». Что это за эпическая ширь! Только в России бывают такие просторы, только Оленин сумел их передать в песне!! Шельмовское «Поладили» удивительно красочно, сочно, весело описывает первое знакомство Парани и Ванюши. «Ночь да дубрава молодым забава» – молодецкая, удалая любовная песня широчайшего размаха. «У ворот» – зимнее продолжение летних похождений – «ах любовь, любовь, пора ясная, при тебе и зимой лето красное». Но вот милый друг уехал в город и «сердце сердцу весть подает». Ванюша в трактирном угаре, с пьяными слезами на глазах и все же истинной скорбью на сердце, горланит «распроклятая чужедальня сторона», в то время как его под-

руженька Параня плачется в деревне: «Кукует кукушка за ручкой в саду, а я молоденька все слезы лью». «Подыгрыш» заканчивает круг этих поразительных песен, оплакивая в миноре веселые гулливые лужки, замолкшие, притихшие под грустный напев осеннего ветра.

Четыре цикла под названием «Родина», опусы 8, 9, 10 и 25, каждый по 3–4 песни, – это положительно ряд жемчужин, притом чисто русской красоты. Особенно отмечаю «Словно как мать», «Рассевается, расступается», «Дорога», «Ветер», «Река», «Брат и сестра» (ветер и песня) и «Лес».

«Хата» или «Бабья доля» – это сборник очаровательнейших 10-ти деревенских песен, гармонизированных Олениным по принципу подголосков так, что перед ними блекнут, являются чем-то псевдорусским, все известные нам до сих пор гармонизации других русских композиторов.

«Улица» – тоже сборник 7-ми деревенских песен, но характерных, веселых. Молодежь гуляет, веселится, шутит – иногда довольно солоно.

Прелестны «Побасенки» опус 1-й! «Дед Мороз», «Леший и русалка», «У зыбки».

Цикл «Крестьянский сын» опус 20-й назван по ошибке 5 зыбок, тогда как в действительности это 3 прелестные колыбельные и 2 забавные сказочки.

Для инструменталистов отмечу великолепные «Луговые отголоски» опус 26 для скрипки и фортепьяно и «Луговые заигрыши» оп. 30-й для 2-х гобоев, скрипки и фортепьяно.

Фортепьянные песни «Надмогильная», «Разбойничья» и др. кажется еще находятся в печати.

Размеры газетной статьи не позволяют мне продолжать перечисление творений Оленина. Но наиболее выдающиеся я указал и был бы счастлив и за музыкантов-исполнителей и за русскую музыку, если бы моя статья напомнила нашим артистам о существовании великого русского национального композитора, продолжающего жить и творить в тягостнейших условиях московской жизни, точно заживо похороненный, незнаемый одними, забываемый другими.

Неужели и этому русскому гению слава суждена лишь после смерти?!

Концертный сезон приближается. Русские артисты, спешите исправить вашу ошибку по отношению к одному величайших русских композиторов, этому последнему отпрыску «могучей кучки!

В. Л-ъ.

[717] Так Метнером (6-го октября 1927 г., судя по сходному орудию письма – карандашу – и характеру почерка, т. е. в день написания им своей части след. письма, № 132) обозначена дата написания этого своего ответа-эссе о дилетантах, отправленного, очевидно, существенно позже, а именно со след. письмом. Слева вверху первой страницы позднейшая пометка Ильина: «~~Сент~~ август 1927» (тщательно зачёркнутое слово читается предположительно, однако уверенность издателей в том, что было зачёркнуто указание именно на сентябрь, полная). Являясь очевидным ответом на письмо с «Эксцессом о Поле», комментируемое письмо писалось, очевидно, не ранее 23 сентября 1927 г. (получить письмо Ильина от 21 сентября Метнеры могли не раньше, чем через два дня), но и не позднее 1 октября (когда А. М. Метнер вместе со своим письмом собралась отправить и это письмо супруга).

[718] От *фр.* feuille – лист, листок (feuilleton – фельетон) и mauvais – дурной (mauvais ton – дурной тон, невоспитанность).

[719] Ильин часто говорил и писал о сомнении. Какую именно лекцию имеет в виду Метнер, неясно. См., напр., написанный ещё до революции (и даже мировой войны) «Сомнение (Очерк)» // *Ильин*, *т. 29*. С. 202–219.

[720] Едва ли всё же в этих строках имеется «шпилька» в адрес Ильина, почти всегда старавшегося точно датировать свои письма и очень часто указывавшего в них место написания. Что, конечно, не отменяет того, что Ильин вполне мог принять эти слова именно на свой счёт (и, если так, то этим может объясняться фактическое отсутствие его ответа на – вообще говоря, блестящее – фактическое эссе Метнера о дилетантах)

[721] Намёк (спровоцированный Ильиным: «Он натащит нам из "кучек"» – строка «Эксцесса о Поле», цитирующая В. Поля) на ставший знаменитым кружок русских композиторов и музыкальных деятелей, с лёгкой руки одного из последних, В. В. Стасова (1824–1906), получивший устоявшееся прозвище-название «Могучая кучка» (просуществовал, оказав очень большое влияние на всю последующую русскую музыку, с конца 1850-х по начало 1870-х гг.).

Действительно, назвавшийся «Новой русской музыкальной школой» (встречается также название «Балакиревский кружок», по фамилии его главы М. А. Балакирева, 1836–1910), он, по крайней мере в годы активной совместной деятельности его участников, состоял действительно из дилетантов: ни Балакирев, ни Ц. А. Кюи (1835–1918), ни А. П. Бородин (1833–1887), ни М. П. Мусоргский (1839–1881), ни даже Н. А. Римский-Корсаков (1844–1908) – все, кроме Балакирева, имевшие не относящиеся к музыке специальности и профессии, – не имели систематического музыкального образования и были, включая и Балакирева и Стасова, в музыке, пусть часто и блестящими, но, по существу, самоучками. Лишь Римский-Корсаков, осознав к середине 1870-х гг. глубину пробелов в своём музыкальном образовании, не постеснялся фактически стать студентом (открывшейся лишь в 1861 г.) Санкт-Петербургской консерватории, будучи к тому времени (с 1871 г.), как ни парадоксально, её профессором.

На дилетантизм как всего кружка «Новой русской музыкальной школы», так и каждого из его участников (кроме, быть может, Римского-Корсакова) постоянно указывали его критики как в XIX и XX вв., так и сейчас. Нередко эти замечания справедливы: «кучкисты» действительно (срв. комментируемое замечание Метнера: «Дилетанты страсть любят выкликать или вернее кликушествовать, провозглашать пророков, устраивать радения, учреждать секты») провозгласили своего рода «пророком» М. И. Глинку (да и А. С. Даргомыжский, пожалуй, в их глазах был вторым таковым), взяли себе довольно претенциозное название (*новая* русская школа), тем самым вполне вольно отделяя себя от как будто бы существовавшей «*старой*» школы (сектантство), многочисленные же статьи В. В. Стасова и вправду часто отдают кликушеством, а также полной уверенностью, отсутствием какого бы то ни было сомнения в высказываемых им идеях и положениях. Осознание этого дилетантизма частью участников, несмотря на их рост и постепенное преодоление ими своего дилетантизма, и привело, пожалуй, к распаду кружка. Однако, вновь парадоксально, самым ярким явлением, несомненно мирового значения, выросшим из «Могучей кучки», оказался так и оставшийся до конца жизни совершенным дилетантом в музыке М. П. Мусоргский. Впрочем, именно к нему характеристика Н. К. Метнера подходит менее всего.

[722] Речь о российском императоре Николае II (1868–1918), арестованном Временным правительством в марте 1917 г. и расстрелянном большевиками вместе с семьёй и слугами в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге; и о германском императоре (кайзере) Вильгельме II (1859–1941), во время Ноябрьской революции 1918 г. в Берлине бежавшем в Нидерланды, где он и провёл остаток жизни.

[723] Имеется в виду, очевидно, пред. письмо.

[724] Этот Lieder-Abend (см. комм. 279) состоится лишь через год, 24 октября 1928 г. Его устроит Людвиг Вюльнер (Wüllner; 1858–1938), известный немецкий драматический актёр и певец (баритон); «певунья», упомянутая А. М. Метнер, – Элзе Ваксман (Else Wachsmann). См. подробнее далее в письмах №№ 139, 149 и 152, а также в *Метнер. Письма*. С. 381. Также см. комм. 780.

[725] Имеются в виду редакторская вступительная статья «Русский Колокол» из первого номера одноимённого журнала (С. 3–10) и, из того же номера (С. 78–80), заметка «Как хранить тайну», подписанная Старым политиком (один из псевдонимов И. А. Ильина). См. также *Ильин*, *т. 28*. С. 39–46 и 114–117.

[726] В Париж (из Ниццы).

[727] Намёк на описанное выше утомление, «уполовинившее» Ильина.

[728] Письмо не датировано, однако по указанию в нём на пятницу, по близости расстояния между адресатом и отправителем и, наконец, по его содержанию дата определяется вполне точно, ибо у этого и двух последующих писем Анны Михайловны сохранились конверты. Однако отнюдь не потому, что Ильин решил их сохранить, – дело всего лишь в том, что А. М. использовала специальную почтовую бумагу-конверт с перфорацией (на похожем, но совсем мелком, Ильин в 1916 г. написал Метнеру письмо от имени Е. Тидебёль; см. № 34): письмо писалось на одной (внутренней) стороне листа, затем он складывался вдвое, каким-то образом склеиваясь по краям, а на оборотной его стороне писался адрес, наклеивались и проштамповывались марки. Получателю же достаточно было оторвать по линии с перфорацией края́ получившегося запечатанного конверта, и он вновь превращался в лист бумаги.

На конверте комментируемого письма имеется несколько штампов: три анген-ле-бенских и два парижских, и на всех пяти дата – 28.10.27. Но 28 октября 1927 г. было именно пятницей, так что,

учитывая в особенности содержание письма, получаем в качестве даты его написания именно 28 октября.

На «конвертной» стороне письма позднейшая пометка рукой И. А. Ильина: «1927 ~~июнь~~ октябрь».

[729] Т. е. 27 октября.

[730] Друг и большой почитатель Н. К. Метнера (см., напр., воспоминания А. А. Свана // *Метнер. Материалы*. С. 148–149) Марсель Дюпре (1886–1971) – французский композитор, органист и пианист, музыковед, педагог, профессор Парижской консерватории (с 1926 г.) и её директор в 1954–1956 гг. Его дочь, Маргарита Дюпре, была на протяжении многих лет ученицей Н. К. Метнера. Довольно обширная переписка Метнеров с ними на французском языке хранится в РНММ (в Ф. 132). Дюпре жил в Мёдóне (Meudon), юго-западном пригороде Парижа на берегу Сены. Концерт, о котором пишет Анна Михайловна, действительно состоялся 3-го ноября 1927 г. в доме Дюпре. В нём Метнер выступил с упоминаемой чуть ниже скрипачкой Цецилией Генриховной Ганзен (в замужестве Захаровой; 1897–1989), исполнив с ней свою Сонату для скрипки и фортепиано № 2 G-dur, op. 44. Подробнее об этом концерте (в т. ч. его полную программу и обширный фрагмент письма Э. К. Метнера В. К. Тарасовой, написанный в связи с ним) см. в *Метнер. Письма*. С 365–366.

[731] Gare du Nord (*фр.*) – Северный вокзал.

[732] Отель «Exelmans» расположен на Rue Boileau (улица Буало), 73 в XVI округе Парижа.

[733] Т. е. на самом концерте 3-го ноября, см. комм. 730.

[734] На оборотной стороне письма имеются, небрежно затем зачёркнутые, расчёты, в которых складываются 50, 75 и 10 (напротив 10 написано нечто неразборчивое, однако очень похожее на «начай», т. е. «на чай», чаевые). Под чертой подводится итог: 135 и сбоку написано (тоже неразборчиво): «20 я дол<жен?>». Чуть ниже: «70 конц» и «85 Мил<я?>», которые в сумме, как видно, дают 155. Рука везде ильинская, но заметно небрежная.

[735] Ильин (см. след. письмо) имеет в виду концерт Н. К. Метнера, имевший состояться и состоявшийся в Париже 19 ноября 1927 г. (подробнее о нём см. *Метнер. Письма*. С. 366–367).

[736] Речь, очевидно, о пред. письме, в которое, как следует из этих строк, были вложены деньги. Что это был за долг, неясно, но, быть может, Э. К. Метнер при встрече с Ильиным в Париже или

Мёдоне (на концерте брата) передал ему бóльшую, чем должен был, сумму за редактирование перевода сочинений Юнга (срв., с одной стороны, комм. 650 и 689, а с другой – комм. 734: «85 Мил<я?>»), так что потребовался возврат, который Ильин и осуществил? Как издатель («Русского Колокола»), Ильин как будто бы не должен был ничего Э. К. Метнеру, по крайней мере по части гонорара (статей Э. К. Метнера в «Русском Колоколе» не было).

[737] Имеются в виду статьи В. Поля (см. комм. 716) «Н. К. Метнер. К концерту из его произведений» (*Возрождение*, № 900 от 19 ноября 1927 г.) и ещё одна, отыскать которую не удалось: очевидно, из издававшейся в Париже с 28 августа 1927 г. по 26 мая 1928 г. под редакцией П. Б. Струве еженедельной газеты «Россия», с декабря 1928 г. возобновившейся под названием «Россия и славянство»; скорее всего, из её № 13 от 19 ноября 1927 г. Отметим любопытный факт: последние, что с рекламой, страницы первых 5 номеров «Русского Колокола» содержат рекламу «России», последние же 3 номера – рекламу «России и славянства», и лишь в № 6 нет объявления ни о той, ни о другой из этих двух газет.

[738] Письма Ильина 1928 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0042, письма Метнеров за тот же год, если не указано иное, – по *Архив*, 005 – 0184.

[739] В конце письма стоит как будто бы чёткая изначальная дата: «1925.II.5.», однако по указанию на третью книжку журнала («Русского Колокола», конечно, – другого Ильин не издавал; третий номер вышел именно в 1928 г.), а также из упоминаний о долгом молчании («Потому и не писал»), сердечном нейрозе Наталии Николаевны, материальных трудностях, «доселе» отсутствии квартиры, продолжении жительства в пансионе и, наконец, статей В. Поля (см. пред. комм.) ясно, что здесь или описка у Ильина, или же не замеченная им случайность: 5 на конце «1925» у него такова, что, если чуть присмотреться, очевидно, что это часть цифры 8, в которой «потерялась» – быть может, всего лишь из-за не лучших чернил или орудия письма, – часть составляющей восьмёрку линии. Однако из-за этого, по всей видимости, самим Ильиным это письмо было помещено в «папку» его писем Метнерам 1925 г. (*Архив*, 005 – 0039), по которой и публикуется.

[740] Нейроз или невроз (*лат.* neurosis от *др.-греч.* νεῦρον «нерв») – устаревшие названия группы болезней, возникающих

из-за острых и хронических психологических травм, но характеризующихся отсутствием качественных изменений психической деятельности. Здесь, скорее, имеется в виду т. н. кардионевроз – психосоматическое заболевание, проявляющееся в нарушении работы сердечно-сосудистой системы при отсутствии органических изменений. Об уже бывших приступах такого невроза у Наталии Николаевны см. в письме № 133.

[741] Т. е. на «Русский Колокол».

[742] См. комм. 724.

[743] Нет сомнений, что речь не о 20 (очевидно, франках), появляющихся в расчётах на обороте письма № 136 (срв. комм. 734 и 736), а о подписной сумме (срв. начало пред. письма, след. ответ Ильина, а также письмо № 143) на «Русский Колокол».

[744] Вероятно, речь о какой-то рецензии на «английское турне» Н. К. Метнера.

[745] Т. е. самоощущением (а не состоянием здоровья, как, быть может, можно было бы подумать).

[746] Пасха в 1928 г. пришлась на 15 апреля (нового стиля). На письме, прямо под указанием на Страстную Пятницу, позднейшая приписка рукой Ильина: «апр.?».

[747] Уродонал Шателена – широко разрекламированное в 1910–1920-х гг. лекарство («чудодейственное средство») против ряда болезней, главным образом против желчнокаменной и почечнокаменной. После ряда скандальных разоблачений и принятия в некоторых странах законодательного запрета на его ввоз, производство уродонала к середине 1930-х гг. было прекращено.

[748] Имеются в виду, помимо вступительной редакторской «Победит правое дело» (С. 3–7), статьи Ильина из № 3 (от 1928 г.) журнала «Русский Колокол»: «Будущее русского крестьянства» (С. 14–21), «О русском фашизме» (С. 54–64), «Яд партийности» (С. 78–81) и (под псевдонимом Старый Политик) «О политической провокации» (С. 81–82), а также «Арион Пушкина» (С. 22–27) Н. Н. Ильиной. См. также *Ильин*, *т. 28.* С. 205–293.

[749] Т. е. о поездке в Англию – своего рода «походе на Лондон» (обыграно, по-видимому, название поэмы Гомера «Илиада»). Впрочем, не менее вероятный источник остроты – слово «олимпиада», если Метнер воспринимал свою поездку как в некотором роде соревнование (с массой зрителей).

[750] Hemmung (*нем.*) – здесь: задержка, замедление (с письмом).

[751] «Николая Карловича» как будто бы вписано позднее, уменьшенным почерком, между последним словом письма и подписью.

[752] На первой странице этого никак изначально не датированного Анной Михайловной письма позднейшая пометка Ильина: «1929~~29~~30. окт (?)». Однако из его содержания (характерные цитаты, упоминание о 20 франках на журнал) ясно, что оно является ответом на письмо Ильина от 7 апреля 1928 г. (№ 141) и, скорее всего, было написано и отправлено одновременно с ответом Метнера от 13 апреля того же года (пред. письмо, № 142). В *Архиве*, впрочем, оно хранится в «папке» с письмами Метнеров к Ильину 1930 г. (*Архив*, 005 – 0186).

[753] Так в тексте.

[754] О директоре Королевской академии музыки см. ниже комм. 789. Mathey – Маттей Тобайес Август (1858–1945), английский пианист, педагог и композитор, профессор Королевской академии музыки.

[755] Сэр Генри Джозеф Вуд (1869–1944) – очень известный английский дирижер. См. также комм. 35-287, 35-290 и 35-304.

[756] См. комм. 778 ниже.

[757] Т. А. Макушина (см. комм. 812–813). О самом концерте см. в *Метнер. Письма*. С. 369 (комм. 4 к письму Н. К. Метнера Т. А. Макушиной № 256) и далее С. 369–373.

[758] Т. е. не за трансляции по радио своих лондонских концертов, как можно было бы подумать, а за специальное исполнение именно ***в*** (а не ***по***) радио своих сочинений (исполнитель приезжал в студию, садился за рояль и играл «в прямом эфире», запись которого, вообще говоря, не предполагалась, равно как и «в эфир» не передавалась уже сделанная запись). Срв. уже послевоенные письма (№№ 505, 507, 509 и др., в которых Ильин отзывается о прослушивании подобных концертов, а Метнер предупреждает Ильина о предстоящих)

[759] Unzeitgemäss (*нем.*) – несвоевременный, несовременный, старомодный.

[760] Журнала «Русский Колокол». А. М. Метнер откликнулась (см. след. письмо) на предложение Ильина и прислала ему некоторые, публикуемые ниже записи Н. К. Метнера, однако оставшиеся номера (5–9) «Русского Колокола» не содержат ни его статей, ни заметок: ни под своим именем, ни под псевдонимом.

[761] Сестры Анны Михайловны, жившей в Париже, см. ниже в наст. письме её адрес (см. также комм. 535, 694 и письмо № 123).

[762] Мф. 5, 5 и 5, 3.

[763] Здесь впервые Метнер упоминает о музыкальном смысле, который станет одним из основных понятий его «Музы и Моды», а также о его отмене (позднее Метнер для неё введёт термин «купюра смыслов»). Но вообще эти три короткие заметки являются очевидным предвестником будущей книги, заключая в себе в сжатом виде впоследствии развёрнутое в ней.

[764] Здесь текст оборван, а закрывающаяся скобка стоит так, как будто между этим недописанным словом и ею должны были быть вписаны ещё одно-два слова. Точки после скобки нет. Предполагаем, что Анна Михайловна, нехарактерно аккуратным для неё почерком переписывая набело черновые заметки Николая Карловича, в этом месте не смогла разобрать окончание слова и следующее (следующие) за ним.

[765] Ферруччо Бузони (Ferruccio Busoni; 1866–1924) – итальянский композитор, пианист и дирижёр, а также музыковед, музыкальный редактор-издатель и музыкальный педагог. Как пианист и дирижер Бузони много исполнял «новую» музыку (Б. Бартока, А. Шёнберга, Я. Сибелиуса и др.), хотя отнюдь не чурался и «старой» (в его композиторском наследии особенно известны фортепианные транскрипции сочинений И. С. Баха; также, как музыкальный издатель и редактор, он готовил к публикации сочинения как Баха, так и Бетховена, Шопена, Листа, Шумана, Брамса и др. «классических» композиторов).

Его «эстетика» – это написанный в 1906 и вышедший в свет в 1907 г. короткий трактат «Entwurf einer neuen Ästhetik der Tonkunst [(*нем.*) Эскиз новой эстетики музыкального искусства]»; русский перевод (В. Коломийцова) появился в 1912 г. Говоря о сознательном отвержении музыкального смысла в «эстетике» Бузони, Метнер имеет в виду, без большого преувеличения, весь трактат целиком, пронизанный своеобразным воспеванием формы (в том числе, и пропагандированием новой формы) звукоизвлечения, а также прямо осуждающий то, что иногда называется программностью в музыке (напр., Бузони пишет, что напрасно некоторые оперные композиторы пытаются изобразить музыкой грозу, коль скоро она уже изображена на сцене). Однако слово «смысл», кажется, ни разу

не встречается на протяжении всего трактата (тем более, «музыкальный смысл» – одно из основных понятий «философии музыки» Метнера), так что это «отвержение смысла» Бузони – скорее, следствие (вполне несомненное, впрочем) его, Бузони, построений, чем явно высказанный им тезис.

[766] Имеется в виду, конечно, образное «вечное колесо законов физики», а не невозможный «вечный двигатель» (*лат.* perpetuum mobile, т. е. *букв.* вечно движущееся), гипотетическое существование которого противоречит этим самым законам.

[767] Т. е. анти (против) «нео».

[768] Staatsbibliothek Musikalische Abteilung (*нем.*) – Музыкальный отдел Государственной библиотеки. Срв. также комм. 1573.

[769] Т. е. статью о музыке Метнера. Она действительно скоро появится, в первой книжке «Русского Колокола» за 1929 г. (№ 7). См. её в приложении к наст. тому. О частях ор. 27 см. комм. 36-814.

[770] София Петровна Дурново (урожд. княжна Волконская, в первом браке Давыдова; 1867–1943), внучка кн. Д. П. Волконского и гр. П. А. Клейнмихеля, вдова гвардии поручика Дениса Васильевича Давыдова (1859–1896; внука героя-поэта) и морского офицера (участника и одного из героев печального Цусимского сражения) Павла Петровича Дурново (1872–1909). Состояла гофмейстериной двора великой княгини Виктории Феодоровны (жены великого князя Кирилла Владимировича), после революции жила в Крыму. В 1920 г. была эвакуирована из Ялты на пароходе «Трини». Проживала во Франции, скончалась в Страсбурге. Срв. также комм. 685.

[771] В Инсбруке (столице австрийской земли Тироль; *нем.* Innsbruck) Ильин прочтёт тот же доклад (срв. его рукопись «Enteignung. (Vierte Umarbeitung – Innsbruck). [(*нем.*) Отчуждение собственности (четвертая редакция – Инсбрук)]». – *Архив*, 001 – 0691, срв. также *Архив*, 001 – 0692), что он сделал несколько ранее, 12 августа, на Всегерманском съезде союза домовладельцев и земельных собственников, проходившем в Гёрлице. Отчёт о докладе в Гёрлице появится в *Возрождении* (№ 1182 от 27 августа 1928 г., заметка подписана **Аэль**), и в нём доклад будет назван как «Отчуждение <собственности> в России и его мировое значение» (срв. также *Возрождение*, № 1252 от 5 ноября 1928 г., где тем же автором – **Аэль** – помещён отчёт об аналогичном докладе, сделанном Ильиным в Берлине 30 октября 1928 г.; см. его также в *Ильин*, *т. 15.*

С. 108–109). В 1929 г. доклад будет издан отдельной брошюрой (русский перевод её см. в *Ильин*, *т. 7*. С. 27–84).

[772] Речь об очень представительном IV Съезде русских академических организаций за границей, проходившем в Белграде в точно указанные Ильиным дни (16–23) сентября 1928 г., а почти следом за ним (25–30 сентября) в Белграде же прошёл Съезд русских писателей и журналистов за рубежом, на который съехалось более сотни делегатов и гостей из разных стран. Первые три академических съезда проходили в Праге, четвёртый же стал самым представительным. Труды его были изданы в двух частях организованным на съезде Русским научным институтом в Белграде (см. Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей в Белграде, 16–23 сентября 1928 года. – Белград, 1929). Первая часть этого издания содержит тезисы всех трёх докладов Ильина (С. 469–471). Мы публикуем их в приложении к наст. тому.

[773] На левом поле письма Ильиным отчёркнуты две строки (от даты съезда до конца абзаца) и слева от черты (очевидно, существенно позднее) помечено: «не было». Срв. ниже письмо № 148, где Ильин пишет о своём переутомлении, из-за которого не состоялась поездка в Белград на Академический съезд.

[774] Меценатом первого номера журнала выступил некий предприниматель Николай Громов, только что перед тем эмигрировавший из Советской России. «Редактор» чуть ниже – сам Ильин.

[775] Срв. Исх. 16, 13: «Вечером налетели перепелы и покрыли стан...», предварив появление росы, а затем и манны (хлеба от Господа) около стана (остановки) полтора месяца как вышедшего из Египта Израиля, успевшего к тому времени возроптать от голода.

Ильин иногда (см., напр., статью «Перевернутая страница» // *Ильин*, *т. 31*. С. 179) цитирует вторую историю Пятикнижия, связанную с перепелами (Числ. 11, 31–34), однако здесь она едва ли имеется в виду.

[776] Gauting bei München (*нем.*) – Гаутинг под Мюнхеном; городок в Баварии, недалеко (в двух десятках км на юго-запад) от Мюнхена. См. начало письма и комм. 770.

[777] Albertine – судя по всему, фамилия владельца виллы, в которой остановились Метнеры в Виллер-сюр-Мер (Виллер-на-море) – поселении в Нормандии (в департаменте Кальвадос) во Франции,

на северо-западном побережье. На письме, чуть ниже адреса и даты, позднейшая пометка рукой Ильина: «сент 1928».

[778] 1 ноября 1928 г. в лондонском Queen's Hall (Королевском зале), на открытии концертного сезона Королевского филармонического общества Н. К. Метнер в сопровождении симфонического оркестра под управлением Л. Роналда исполнил свой 2-й фортепианный концерт (ор. 50). Тот же концерт был им исполнен 22 ноября в Манчестере с оркестром The Hallé под управлением Г. Харти (см. *Метнер. Письма.* С. 378). The Hallé – манчестерский симфонический оркестр, один из старейших в Европе (основан пианистом и дирижёром Шарлем Халле в 1857 г.). Sir Hamilton Harty (1879–1941) – его главный дирижёр в 1920–1933 гг. Landon Ronald Russell (1873–1938) – британский дирижёр и пианист, а также композитор (автор множества песен, в том числе очень известной в исполнении Э. Карузо «Испанской серенады», и нескольких балетов). Как дирижёр сотрудничал в том числе и с Лондонским филармоническим оркестром. Отзыв А. М. Метнер о нём (и о лондонском концерте в целом) см. ниже в письмах №№ 150–152. В последнем из указанных писем – отзыв о Гамильтоне Харти и манчестерском концерте.

[779] Clavierabend (*нем.*) – фортепианный вечер.

[780] Скобки и запятые в адресах проставлены нами для удобства читателя и в оригинале письма отсутствуют. Элзе Ваксман – немецкая певица, участница (наряду с Людвигом Вюльнером; 1858–1938) авторского концерта Н. К. Метнера, о котором пишет здесь Анна Михайловна, но который был отложен на две недели по нездоровью Вюльнера (срв. след. письмо А. М. Метнер) и состоялся 24 октября (подробнее см. в *Метнер. Письма.* С. 381 и *Метнер. Материалы*. С. 242 и 324–325). На стр. 242 последней отсылки (в № 54 «Дневников-писем» А. М. Метнер) среди провожавших на берлинский вокзал отправлявшихся в Лондон Метнеров упомянуты «четверо Брауншейнов», что косвенно свидетельствует о том, что Метнеры остановились в Берлине по второму из указанных в комментируемом письме адресов. Как об Элзе Ваксман, так и о профессоре Брауншейне никаких доп. сведений найти не удалось, однако имя и фамилия певицы (Else Wachsmann) в точности совпадают с именем и фамилией матери известного немецкого архитектора еврейского происхождения Конрада Ваксмана (1901–1980), учившегося в Берлине, работавшего в Германии и в 1938 г. эмигрировавшего во Фран-

цию, а затем (в 1941 г.) – в США. На табличках, установленных в его, его матери и его сестры память на его родине во во Франкфурте-на-Одере, указаны годы жизни Элзе Ваксман (1872–1942). Впрочем, 1942 – это год её депортации в Ригу, где, как указано на табличке, она и умерла. Тот же год указан как год депортации сестры К. Ваксмана Шарлотты-Филиппины Блейштейн (урожд. Ваксман; 1899 – ?), и здесь следует, должно быть, отметить, что (если вся эта наша догадка о тождестве матери К. Ваксмана и певицы Э. Ваксман верна) Анна Михайловна вполне могла ошибиться в фамилии профессора (особенно если воспринимала её лишь на слух), на самом деле носившего фамилию Bleistein и, таким образом, Ш.-Ф. Блейштейн могла быть одной из тех самых четверых «Брауштейнов», принимавших в Берлине Метнеров и затем провожавших их на вокзал.

[781] Речь об ор. 51 «Шесть сказок для фортепиано» и ор. 49 «Три гимна труду». Туманная фраза А. М. Метнер в скобках («Вы это поймете!») не означает ли, что так, завуалированно, Метнер посвятил свой ор. 51 не кому иному, как Н. Н. и И. А. Ильиным? – Если это неожиданное (и для автора этих строк. – *А. Л.*) предположение верно, то Ильин этого заведомо не понял сразу (впрочем, срв. его подпись к письму № 213, а также разбор-отзыв этого сочинения, сделанный им по получении его нот в приписке к письму № 228), а Метнеры не только не повторяли намёка, но напротив – Метнер перенёс (уже в явном виде, срв. письмо № 158) своё посвящение на ор. 49.

[782] См. письма №№ 100 и 115 и комм. 566 и 655.

[783] Менаджо – поселение в Италии на западном берегу озера Комо.

[784] W. 8 – иногда W8 – 8-й район лондонского почтового индекса W (от Western and Paddington). Lexham Gardens – улица в южном Кенсингтоне, районе Лондона, расположенном к западу от его центральной части.

[785] Письмо написано на двух листках гостиничной бумаги, содержащей публикуемые адрес и телефон (т. е. они не вписаны Анной Михайловной, а напечатаны прямо на странице; на втором листке письма А. М. Метнер пишет прямо поверх этих типографских надписей). На подобных листках написано и письмо № 152 ниже.

[786] Сочинений Н. К. Метнера, см. след. письмо. Ильин надолго задержит его у себя (см. письма №№ 153, 156, 159).

[787] Это первое упоминание в переписке ставшего уже очень скоро одним из самых близких друзей Метнеров Альфреда Джулиуса (Альфреда Альфредовича) Свана (Alfred Julius Swan; 1890–1970), русского музыковеда и композитора (он родился в Санкт-Петербурге, будучи внуком эмигрировавшего в Россию из Англии Альфреда Траута Свана, и, хотя и учился в Оксфорде с 1908 г., приезжал домой в Петербург к родителям на каникулы, а затем и жил в России почти до конца 1910-х гг.). В первой половине 20-х гг. он живёт со своей первой супругой в Лондоне, а в 1926 г. перебирается в США, где становится преподавателем, а затем и профессором Университета Вирджинии и, несколько позже, также Swarthmore College (Суортмор-колледжа). Впоследствии он переведёт на английский язык «Музу и Моду» (См. *Medtner N.* The Muse and the Fashion; Being a Defence of the Foundations of the Art of Music. Translated with some annotations by Alfred Swan. – Haverford, PA: Haverford College Bookstore, 1951), а также напишет воспоминания о Метнере («Мои встречи с истинным художником»; см. *Метнер. Материалы.* С. 142–153). Здесь же имеется в виду одна из первых его журнальных статей о Метнере и его музыке, скорее всего – с впечатлениями от «американского турнэ» композитора 1926 г. Часть (сравнительно очень небольшая) публикуемой переписки, как может видеть читатель, хранится в архиве А. А. Свана в Университете Вирджинии, что не удивительно, так как в послевоенные годы Анна Михайловна переправляла ему множество материалов о супруге (в том числе и от Ильина, см. приложения к т. 36 наст. издания, где публикуются также и письма Ильина А. А. Свану) для подготовки им биографической книги о Метнере (так в итоге – именно в виде отдельной книги – и не написанной: всё ограничилось тем, что вошло в английский сборник 1955 г.: Nicolas Medtner. A memorial volume. Edited by Richard Holt. – London, [1955], упомянутыми мемуарами в российском сборнике и статьёй в немецком журнале, указанной в комм. 35-131). В том же архиве имеются и письма Метнера Сванам, часть которых опубликована в *Метнер. Письма.* Можно также встретить упоминания о воспоминаниях А. Свана «Recollections of Young Years [(*англ.*) – Воспоминания о годах юности]», опубликованных в 1965 г., однако ничего более (даже уточнения выходных данных) редактору наст. издания узнать о них не удалось.

[788] Н. К. Метнер не владел в то время английским языком.

[789] Очевидно, имеется в виду Royal Academy of Music (Королевская академия музыки, т. е. лондонская консерватория). В 1928 г. её директором был John Blackwood McEwen (1868–1948) – шотландский композитор и музыкальный педагог; его жена – пианистка Hedwig Ethel Cole (1879–1949). С Дж. Мак-Ивеном Метнер познакомился ещё в свой первый приезд в Англию в начале 1928 г. См. письмо А. М. Метнер С. В. Рахманинову от 15 марта 1928 г. (*Метнер. Письма.* С. 377–378).

[790] Соната-сказка для фортепиано c-moll, op. 25 № 1, написана в 1910–1911 гг. См. также конец письма № 152 (о конкурсе).

[791] Имеется в виду заметка музыкального издателя В. Ю. Циммермана (см. о нём, его отце и брате комм. 342) в номере от 27 октября берлинской ежедневной газеты «Berliner Tageblatt» о концерте 24 октября (см. письма №№ 132, 139, 147 и 149 и комм. 724 и 780), на котором «были и оба брата Циммерманы, приехавшие из Лейпцига к этому концерту» (см. *Метнер. Материалы.* С. 242).

[792] Речь, очевидно, не о встрече, бывшей ещё в 1927 г. на вокзале в Берлине на обратном пути Метнеров из России во Францию (см. письма №№ 122–125), а о, видимо, всё же состоявшейся после концерта Метнера в Берлине 24 октября. См. ниже о ней как о встрече в «нелепой обстановке» в письме № 154 (срв. также письмо № 161 и комм. 897).

[793] Т. е. в Лондоне.

[794] Consonance (*фр.* или *англ.*) – созвучие, гармония.

[795] Т. е. Георгу V (1865–1936; годы правления 1910–1936), очевидно, не присутствовавшему лично на концерте и, тем более, на последовавшем ужине (в противном случае едва ли Метнер стал бы писать только об исполнении гимна и здравице – скорее, именно о присутствии короля).

[796] Эта строка адреса аккуратно карандашом, двумя ровными чертами, перечёркнута; сверху её, почти прямо за словом «Berlin», тем же карандашом аккуратно написано «W 62», после чего всё тем же карандашом проведена довольно небрежная стрелка к совсем уж небрежной и абсолютно неразборчивой надписи выше слова «Germany», которая, по всей видимости (срв. *Ильин*, *т. 21*. С. 516 и нижеследующие письма, напр. № 157), должна читаться как «Wormser Str. 4 III». Римская цифра III перечёркнута. Все эти пометки, очевидно, делались или хозяевами пансиона, из которого съехали

Ильины, или же почтальонами под их диктовку, а письма Ильиным, отправленные на Lützowstrasse, пересылались на новый адрес. Wormser Strasse – улица Берлина в районе Шёнеберг (Schöneberg).

[797] Т. е., очевидно, симфонического концерта в Лондоне 1 ноября (срв. пред. письмо, а именно его строку: «Теперь о симфоническом, где Коля играл...»).

[798] Т. е. в Бангоре (или, как его называет в следующем письме Анна Михайловна, Бенгоре): письмо написано на открытке (два штемпеля Бангора – «BANGOR CARN» – на открытке трудночитаемы, но дата «14 NOV 28» видна чётко; на одном из них читается и время: «7 45 PM») с типографской надписью «97372 GARTH PIER, BANGOR, N. WALES», изображающей Пирс Гарт (иначе – Бангорский пирс) – памятник архитектуры Бангора, старинного прибрежного города в Северном Уэльсе. 14 ноября 1928 г. в Бангоре при участии певицы Т. А. Макушиной (см. след. письмо) состоялся концерт Н. К. Метнера. Подробнее о нём см. *Метнер. Материалы.* С. 325.

[799] Фортепианный, скрипичный, виолончельный, да и какой бы то ни было другой концерт, т. е. концерт для фортепиано, скрипки, виолончели – любого другого инструмента – с оркестром в идее своей предполагает своего рода соревнование между этим инструментом и оркестром, между солистом и дирижёром. В отличие, например, от романсов и песен, где такое соревнование, если и встречается, то очень редко, а вся (хоть и весьма не простая!) работа аккомпаниатора сводится именно к сопровождению голоса, к максимальной помощи ему в исполнении, в точном выражении авторского замысла и т. д. Другими словами, в концерте солист и оркестр в идеале равноправны, и если, по задумке композитора, один из них (как правило, солист) условно побеждает, то это всё равно не отменяет самого (в обоих смыслах) разыгрываемого соревнования. Упрёк Анны Михайловны Ландону Роналду, по существу, в том, что из концерта он сделал в лучшем случае песню, свою «соревновательную» часть работы превратив, быть может, и в весьма качественную, но всего лишь «сопроводительную». Любопытно, что Роналд-композитор, как уже отмечалось в комм. 778, – автор множества (около двух сотен) песен, а также балетов, т. е., если выражаться напрашивающимися терминами, скорее «сопроводительной» музыки, а значит, такая его манера исполнения может оказаться совсем не случайной.

Более развёрнутый отзыв-упрёк А. М. Метнер исполнению Л. Роналда см. в след. письме.

[800] См. начало след. письма.

[801] Письмо, написанное на бумаге, подобной той, что использовалась для письма № 150 (см. комм. 785), было начато 19-го и закончено 23-го ноября.

[802] Речь, видимо, о статье Ильина о музыке Метнера, которая ещё не написана и выйдет в «Русском Колоколе» (см. её в приложении к наст. тому).

[803] Имеется в виду Анна Алексеевна Коллингвуд, жена Лоранса Артура Коллингвуда (1887–1982), английского дирижёра и пианиста, выпускника Санкт-Петербургской консерватории, где он учился в 1911–1918 гг., большого друга и почитателя Н. К. Метнера и автора статьи о нём в сборнике Nicolas Medtner. A memorial volume. Edited by Richard Holt. London, [1955] (её перевод см. в *Метнер. Материалы.* С. 190–192). Об авторстве А. А. Коллингвуд переводов на английский язык текстов песен Метнера см. *Там же.* С. 161.

[804] Т. е. наст. письмо (№ 152).

[805] См. комм. 780. Также: «Песни тоже имели большой успех, хотя и не такой, как Импровизация. Ваксман, хотя и была подчинена Коле вполне и всю свою истерику спрятала, но она попросту неталантлива и потому, если начнет затягивать темпы, то этот ничем не оправданный, затянутый темп делает вещь нудной и мертвой. Так это было с "Миньон" и с "Музой" в особенности. Вы сами можете себе представить, как трудно было Коле вывозить эту тяжесть» (Дневники-письма А. М. Метнер, 54 // *Там же.* С. 242).

[806] Т. е. в Лондоне. Речь о Л. Роналде (см. комм. 799).

[807] Speech (*англ.*) – речь, выступление.

[808] См. комм. 789.

[809] Сэр Эдуард Уильям Элгар (1857–1934) – один из самых известных и популярных британских композиторов, к концу жизни – признанный мэтр, что чуть ниже засвидетельствовала Анна Михайловна старинным русским определением «на́больший».

[810] «Соната-баллада» для фортепиано Fis-dur, op 27. Написана в 1912–1914 гг.

[811] Т. е. в Лондон, где на следующий день должен был состояться концерт Н. К. Метнера с участием Т. А. Макушиной. Концерт состоялся 16 ноября, так что чуть выше, по-видимому, описка Ан-

ны Михайловны (вместо «17-го» следует читать «15-го»; да и для 17-го в данном случае – эти строки писались 19-го – уместнее выражение «позавчера», которого здесь нет).

[812] Макушина Татьяна Александровна (1895–1961) – певица (сопрано). Окончила Смольный институт в Санкт-Петербурге и Дрезденскую консерваторию. Первая исполнительница многих песен Н. К. Метнера. Именно по её приглашению Метнер посетил Англию в начале 1928 г.

[813] Ещё один рассказ А. М. Метнер о том же концерте и предшествовавшем ему происшествии с Т. А. Макушиной, несколько отличающийся от этого красками и мелочами, см. в гл. 56 дневников-писем А. М. Метнер (*Метнер. Материалы*. С. 244–245). См. также письмо Н. К. Метнера Т. А. Макушиной от 30 ноября 1928 г. из Монморанси, где он шлёт ей «еще раз свое горячее спасибо за Ваше чудесное пение, за Ваше героическое преодоление автомобильной катастрофы в день концерта и за все Ваши дружеские заботы о нас» (*Метнер. Письма.* С. 381–382).

[814] См. комм. 778.

[815] The greatest living composer (*англ.*) – величайший из ныне живущих композиторов.

[816] Выше Анна Михайловна восклицает: «Ну, совсем не англичане!» – имея в виду расхожее представление о чопорности и холодности англичан. Здесь же она удивлена, что и другое, едва ли не столь же расхожее, представление об их немузыкальности на поверку тоже оказывается, по меньшей мере, не совсем верным.

[817] См. письмо № 150 и комм. 790.

[818] Возможной причиной полного молчания Ильина является как раз то, что он нашёл новую квартиру (т. е. Ильины устроились), и все письма от Метнеров добрались до него со значительным опозданием (срв. комм. 796). Увы, сам Ильин (см. след. письмо) причину молчания не объясняет.

[819] См. письмо № 145 и комм. 761.

[820] Письма Ильина 1929 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0043, письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0185.

[821] Борис Фёдорович Шлёцер (иногда – Борис де Шлёцер; *фр.* Boris de Schloezer; 1881–1969) – французский писатель, переводчик (известен переводами Достоевского, Гоголя, Льва Толстого, Чехова, Лескова и др. русских писателей, а также Л. Шестова

и В. Розанова на французский язык), литературный и музыкальный критик (автор многочисленных статей во французских музыкальных журналах). По происхождению – из русских немцев-дворян, племянник профессора Московской консерватории Павла Августовича Шлёцера (1848–1898), брат второй жены А. Н. Скрябина Татьяны Фёдоровны Шлёцер (1883–1922). С 1921 г. жил в Париже. Автор книг о Скрябине, Гоголе, И. С. Бахе и др. 30 декабря 1928 г. опубликовал в парижской эмигрантской газете «Последние новости» по существу разгромную, несправедливую и высокомерную рецензию на большой концерт А. К. Глазунова (1865–1936), состоявшийся 19 декабря 1928 г. в Париже (это был первый заграничный концерт композитора и дирижёра после его недавнего перед тем отъезда из СССР), называя искусство последнего мёртвым, его музыку «влиянием теперь не пользующейся» и «опасности, поэтому, никакой не представляющей». Музыку Глазунова (с 1899 г. профессора, а в 1905–1928 гг. и директора Санкт-Петербургской консерватории) часто действительно называют чересчур академичной и (по духу и стилю) нередко относят к эпохе XIX-го века, хотя очень большая её часть по времени принадлежит XX-му, однако лихие, ничем не вынужденные нападки Шлёцера (не будет большим преувеличением сказать, что в этой заметке по тем временам – вполне себе распоясавшегося хулигана, помимо композитора походя небрежно лягнувшего ещё и солистку, исполнявшую на вечере партию фортепиано во Втором фортепианном концерте Глазунова) не могли не возмутить даже довольно далёкого от стиля и духа музыки Глазунова Н. К. Метнера, так что он не мог не встать на его защиту и подписал (наряду с ещё 21 музыкантом, среди которых были, например, и все три брата Конюсы, и А. С. Эль-Тур) краткое возмущённо-недоуменное письмо-обращение к главному редактору «Последних новостей» П. Н. Милюкову, которое, дополненное извинениями редактора, и было им опубликовано на 4 странице № 2853 «Последних новостей» от 13 января 1929 г., а на следующий день перепечатано «*Возрождением*» (вместе с извинениями Милюкова) уже на 1 странице (№ 1322). Извинения были, впрочем, вполне в «милюковском» духе и касались лишь выбора времени для публикации статьи Б. Шлёцера (мол, редактор недооценил «момента и повода, в связи с которым появилась» возмутившая всех статья). См. также письмо № 154 и комм. 841.

Крайне негативное отношение Б. Шлёцера как к Глазунову, так и к Метнеру и даже к Рахманинову имело уже свою историю и в рецензии на концерт Глазунова лишь проявилось в очередной раз. См. *Шлёцер Б.* Два течения русской музыки // Окно. – Париж, 1923. Кн. II. С. 237–260 (не можем не отметить, что альманах «Окно» ограничился всего тремя номерами: два вышли в 1923 г., последний – в 1924 г., причём в последних двух была впервые опубликована повесть И. С. Шмелёва «Солнце мёртвых»). Также см. *Шлёцер Б.* Музыка в России // Современные записки. 1924. № 20. С. 394–403. См. также *Свиридовская Н. Д.* Борис Шлёцер: Введение в творчество // Научный вестник Московской консерватории, 2010, № 1. С. 137–153.

[822] *Ильин И. А.* Музыка Метнера // Русский Колокол, 1929, № 7. С. 11–23. См. также *Ильин, т. 28.* С. 563–577. Также эта статья приложена к наст. тому.

[823] Т. е. сам Ильин. Он цитирует свою написанную в 1926 г. басню «Чиновник и социализм» (см. *Ильин, т. 32.* С. 542).

[824] Речь о чтении Ильиным лекций.

[825] Т. е. на опере Рихарда Вагнера «Нюрнбергские мейстерзингеры» в Берлинской государственной опере, одном из старейших (прежде – Королевская Опера) оперных театров Германии. Любопытно, что издана (Symposium Records, 1232/3) запись отрывков из довольно близкого по времени к 13 января 1929 г. (а именно: 22 мая 1928 г.) того же спектакля в Берлинской опере: дирижёр – Leo Blech; исполнители – Robert Hutt (Вальтер фон Штольцинг), Elfriede Marherr-Wagner (Ева Погнер), Friedrich Schorr (Ханс Закс), Leo Schützendorf (Зикстус Бекмессер), Emanuel List (Фейт Погнер), Carl Jöken (Давид), Lydia Kindermann (Магдалена). Наверняка большая часть исполнителей 13 января оставалась прежней, как и дирижёр – Лео Блех (1871–1958), работавший, с небольшим перерывом, в Staatsoper с 1906 по 1937 г. и прославившийся за эти годы исполнением именно опер Вагнера (а также опер Верди и «Кармен» Бизе).

[826] Ильин, очевидно, намекает, что, помимо той, о которой им говорено выше (см. комм. 822), напишет ещё статьи о Метнере, что он, впрочем, и сделал. См. и их в приложении к наст. тому.

[827] Двенадцатой книжки не будет. Выйдет всего девять номеров «Русского Колокола», и останется только план десятого номера журнала.

[828] Так (точнее: «обѣмъ», т. е. с «ѣ») в тексте оригинала. Срв. также письмо № 547 и комм. 36-291. Кажется, именно здесь начинается эта, ставшая затем традиционной для Ильина, шутка с вариациями.

[829] Тарасову, см. комм. 138. Вера Карловна, как видно из предшествующей переписки, не раз получала разрешение на выезд за границу (очевидно, к матери – Е. М. Братенши-Метнер, жившей во Франции), но к началу – середине 30-х гг. поездки эти стали уже, по-видимому, невозможны.

[830] Монморанси – поселение в полутора-двух десятках км севернее Парижа в ныне упразднённом (как уже отмечалось, см. комм. 500) департаменте Сена-и-Уаза (Seine-et-Oise или, *сокр*., S. et O.).

[831] Высота центра Монморанси над уровнем моря – 175 м. Для сравнения: высота центра Парижа – 33 м.

[832] Речь, должно быть, о будущем ор. 53 № 1 («Sonata romantica [(*um*.) Романтическая соната]» для фортепиано).

[833] См. также письмо № 147 и комм. 781.

[834] Действительно, по возвращении из поездки в Америку, длившейся с октября 1929-го по февраль 1930-го года, Метнеры окажутся в Англии.

[835] См. комм. 342.

[836] Эти слова в скобках написаны буквально между строками, и мы вставили их в наиболее подходящее по смыслу место.

[837] «Бехштейн» («C. Bechstein») – немецкая компания, занимающаяся производством и продажей фортепиано, названная по имени её основателя (фортепианная фабрика, переросшая после в огромную компанию, была основана Карлом Бехштейном в 1853 г.).

[838] Т. е. Н. П. Тарасов – муж Веры Карловны Метнер.

[839] Свержевский Людвиг Иосифович (1867–1941) – русский учёный, врач-оториноларинголог.

[840] Имеется в виду Мария Карловна Гедике (1841–1928), сестра матери Н. К. Метнера (срв. *Метнер. Материалы*. С. 290).

[841] См. комм. 821. Бессмыслица – видимо, в «величайшем художнике современной музыки», как назван в заметке А. К. Глазунов.

[842] См. комм. 306.

[843] Письмо не датировано, но по содержанию ответов на него ясно, что его дата не «апрель – ~~май~~ 1929», как позднее по памяти

написал на письме карандашом Ильин, а первые дни марта 1929 г. или даже, быть может, февраль.

[844] См. комм. 822 и приложения к наст. тому.

[845] «Дева», «Овен» и «Козерог» здесь, конечно, означают каких-то конкретных людей и к астрологии и приметам не могут иметь, учитывая взгляды и характеры как Ильиных, так и Метнеров, никакого отношения (скажем, на роль «Овна» или «Козерога» напрашивается не раз выше помянутый Б. Ф. Шлёцер, однако его день рождения, 8 декабря, приходится на знак зодиака «Стрелец»; впрочем, вряд ли кто-либо из Ильиных и Метнеров специально интересовался датой его рождения).

[846] Срв. в письмах № 4 («тытыбыкнул») и № 12 («еще тытыбычнее стало»).

[847] См. комм. 569 и 665.

[848] Т. е. Монморанси. См. комм. 830–831.

[849] Имеется в виду «тот самый» (см. письма № 103, 106–108 и 111, а также комм. 576) пианист Леонид Крейцер.

[850] Ильин неточно цитирует своё же письмо-шутку (№ 108), написанное им Метнеру от имени Леонида Крейцера: «...и я мог бы, если у вас есть что-нибудь правда дельное, сыграть что-то из этого во время одного моего фортепианного вечера».

[851] Едва ли это сказано не об упомянутой в письме статье о Метнере.

[852] Речь, очевидно, о будущем ор. 52: «Семь песен на стихотворения А. Пушкина» для голоса с фортепиано.

[853] Пирамидон (амидопирин или аминофеназон) – до конца 1970-х гг. очень популярное во всём мире болеутоляющее лекарство.

[854] Речь о выступлении Ильина в Берлине со своим докладом о частной собственности (см. комм. 771; там же и ссылки на отчёт о нём). Зал на 5000 человек не мог вместить всех слушателей, отчего и понадобились радиотрансляции в дополнительные три зала.

[855] По этому указанию можно, казалось бы, предположить, что письмо написано 14 марта (см. след. письмо-карточку, отправленную 15-го марта, где Метнер пишет о том, что начал, но ещё не завершил своё большое письмо Ильину). Однако и короткую почтовую карточку Н. К. Метнер мог написать и отправить существенно позднее письма Анны Михайловны.

[856] Чуть ниже этой даты рукой Ильина дописано: «1929». Письмо написано и отправлено на простой, т. е. без изображений, почтовой карточке. На письме два неразборчивых штемпеля Монморанси, на которых, впрочем, отчётливо читается дата «16 – 3 29» (точнее, на одном – отчётливо «16», на другом – «3» и «29»). Также отметим (важно для этого и следующего писем), что 15 марта 1929 г. было пятницей.

[857] Т. е., по-видимому, двух экземпляров № 7 «Русского Колокола» (срв. в пред. письме Ильина: «Если ты захочешь, то я пришлю тебе несколько седьмых книжек для распространения среди...»).

[858] Письмо не датировано, однако в его правом верхнем углу карандашом (тем же, который использовался для приписки на левом поле) рукой Метнера указано: «Понедельник...», что, вместе с указаниями из предыдущего письма и комм. 856, позволяет заключить, что это письмо начато до 15 и завершено 18 марта 1929 г. Ниже этого указания и до приветствия рукой Ильина позднее помечено: «~~прибл.~~ 1929 ~~февр.~~ март \\ после 15».

[859] Обязанности пономаря (правильнее – парамонария, от *др.-греч.* παραμονάριος – приставник, придверник, привратник), низшего церковнослужителя, помимо зажигания лампад, прислуживания священнику при богослужении и уборки алтаря и храма, нередко совмещались и с обязанностями звонаря. Отсюда, видимо, и псевдоним Ильина «Отецъ Іоаннъ (заштатный пономарь с колокольни Предтеченской церкви)» или просто «Пономарь» (т. е. бьющий в «Русский Колокол»), и этот призыв Метнера.

[860] Игра слов, повторяющаяся и ниже в письме: ком + позитор [positor (*лат.*) – основатель, строитель] = композитор.

[861] Т. е. с фортепиано, см. комм. 837.

[862] Т. е. господ.

[863] Т. е. «...ов». Транслитерация «off» окончаний «ов» русских фамилий была во Франции повсеместной.

[864] Первоначально было написано «общечеловечны» затем «ны» Метнер переправил на «еск». У Ильина, как может видеть читатель, «общечеловечно» («Ибо *духовное содержание* этой мелодии – общечеловечно»).

[865] Niedagewesenes (*нем.*) – невиданности, небывалости.

[866] Метнер почти цитирует Б. Шлёцера (см. выше комм. 821).

[867] Т. е. исцеляют.

[868] Срв. «От избытка бо сердца уста глаголют» (Мф. 12, 34; Лк. 6, 45).

[869] См. комм. 765. Далее следует не точная цитата, а пересказ (очевидно, по памяти) пятого фрагмента трактата Бузони (сильно изменённого памятью, т. е. это, скорее, интерпретация).

[870] Здесь невольно видится аллюзия на «Золото Рейна» (спуск Вотана и Логе в III сцене за кольцом в подземное царство нибелунгов) и «Зигфрида» (ковка меча Зигфридом в конце I акта), но следует признать, что в явном виде её в словах Метнера всё же нет. Однако он, ещё до революции, слушал не раз всё «Кольцо нибелунга», причём не только в Москве, но и в Байрёйте (см., напр., его письмо сестре 1912 г.: *Метнер. Письма.* С. 134–135).

[871] Ни «Молитва» («Отцы пустынники и жены непорочны...»), ни «Пророк» так и не были положены Метнером на музыку.

[872] Перечислены соответственно №№ 1, 3, 2, 7, 4, 5 и 6, вместе составляющие ор. 52 («Семь песен на стихотворения А. Пушкина» для голоса с фортепиано).

[873] Am Amboss (*нем.*) – у наковальни. Срв. комм. 870.

[874] Метнер очень хорошо знал, что Ильин запрещён в Советской России и контакты с ним преследовались властями, так что его опасения были более чем оправданными.

[875] Речь о статье Ильина «Памяти героя. (Речь, произнесенная 22 мая 1928 года в Берлине на чествовани П. Н. Врангеля)». См. Новое время (Белград), № 2131 от 12 июня 1928 г. См. также *Ильин*, *т. 18*. С. 202–210.

[876] Статья *Редактор.* «Россия зовет» и «Пророческие слова (для памяти)» *Т. Карлейля* // Русский Колокол, № 7. – Берлин, 1929. С. 3–6 и 63–64. См. также *Ильин, т. 28.* С. 553–558 и 629–630.

[877] Очевидно, отвечая этим письмом на № 156, Ильин ещё не успел получить уже написанные и отправленные ему №№ 157 и 158, что, казалось бы, едва ли было возможно, будь верна его позднейшая пометка с датой («1929.IV.18») на первой странице комментируемого письма. Однако указание в письме на переезд 1 апреля и новый адрес одновременно и подтверждает указанную дату, и позволяет предположить, что оба письма Метнера (№№ 157 и 158) были или отправлены позже, или так долго, более месяца, шли, не успев застать Ильиных по их прежнему адресу. К 28 апреля, как видно из следующего письма Ильина, они уже были получены.

[878] Первая строка известной песни русского городского фольклора, иногда называемой «Песнь бродяги» (см., напр., сонет К. Д. Бальмонта «Разлука», к которому её первая строфа служит эпиграфом).

[879] Конюса. См. комм. 447.

[880] Август – имя старшего из братьев Циммерманов, имя младшего, издателя Метнера, – Вильгельм. См. также комм. 342.

[881] Мараковать – здесь: понимать, немного понимать; говорить.

[882] Площадь в районе Westend в Берлине. Reichskanzlerplatz (площадь Рейхсканцлера) – её название до 1933 г., когда она стала называться Adolf-Hitler-Platz. Прежнее название ей было возвращено в 1947 г., но с конца 1963 г. она носит имя первого президента ФРГ Теодора Хойсса (1884–1963), Theodor-Heuss-Platz.

[883] Klimatische Verhältnisse (*нем.*) – климатические условия.

[884] Пумперникель – распространённый в Германии сорт ржаного хлеба; считается, ещё со времён позднего Средневековья, благотворно влияющим на пищеварительный процесс. Едва ли такой псевдоним не есть ответ на благодарности А. М. Метнер за статью о Метнере (срв. в письме № 156: «А я скажу от себя, что Вы ему дали этим [статьёй. – *А. Л.*] столько силы, кот. ни с какими миллионами не сравнится»).

[885] Речь об Оцупах. См. комм. 261 и также *Ильин, т. 32.* С. 595–598.

[886] Поправка (1 аккуратно переправлено Ильиным на 2) намекает, что Ильин отправил это письмо именно 28 апреля, одновременно с предыдущим (дата в нём проставлена так же, как и здесь).

[887] Полное название журнала – «Русский Колокол. Журнал волевой идеи».

[888] Так в письме. «"Маманы музикалы" opus 16» – «Six moments musicaux», op. 16 – цикл фортепианных пьес С. В. Рахманинова, написанный в 1896 г. и посвящённый музыканту и композитору Александру Викторовичу Затаевичу (1869–1936). Посвящённые Ильину, «Три гимна труду» (op. 49) так и не будут содержать никакого вообще печатного (т. е. напечатанного) посвящения, и Метнер решится посвятить Ильиным явно лишь одно из своих последних сочинений («Две элегии» для фортепиано, op. 59), см. комм. 36-699.

[889] От *нем.* klimpern – бренчать.

[890] Возможная аллюзия-отсылка на Мф. 6, 16–18: «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают

на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим...».

[891] Подобных слов во всей Библии, конечно, нет.

[892] Т. е. № 2 из ор. 52 (см. комм. 872).

[893] От moll – обозначения минора (минорных тональностей). Ильин шутит над своей погрешностью, указанной ему Метнером (везде в статье mol вместо moll при указании тональностей).

[894] Брат А. Ф. Гедике (см. комм. 211), Павел Федорович Гедике (1879 – не позже 1938), католик по рождению, в 22 года принял православие и долгие годы был звонарём, причём звонарём, обладавшим великолепным слухом и умением, и за то очень любимым москвичами. См. яркие воспоминания о нём у С. Н. Дурылина (*Сергей Дурылин.* Москва. Записки // Москва. № 2 (февраль), 2014. С. 221–224).

[895] Несомненный отголосок посещения Ильиным литургий Преждеосвященных Даров, служащихся только во время Великого Поста (песнопение «Ныне Силы Небесныя с нами невидимо служат...», завершающееся словами «Верою и любовию приступим, да причастницы жизни вечныя будем», исполняется во время перенесения освящённых на предшествовавшей воскресной полной литургии Святых Даров с жертвенника на престол). Начало Великого Поста в 1929 г. пришлось на 18 марта, Пасха – на 5 мая.

[896] Позднейшая пометка Ильина.

[897] Эта деталь показывает, что Ильин присутствовал если не на самом концерте в Берлине 24 октября 1928 г. (см. комм. 780 и 791), то на ужине, устроенном после него, и это-то и была та самая встреча в «нелепой обстановке», «только подразнившая», о которой все корреспонденты потом не раз вспоминали (см. письма №№ 150 и 154). Впрочем, на послеконцертном чаепитии присутствовали оба брата Циммерманы (срв. те же комм.; начало цитированного там предложения: «После концерта с нами отправились несколько человек, среди которых были и оба брата...»).

[898] Напротив всего этого абзаца на полях позднейшая пометка Ильина карандашом: «Это письмо пропало у Метнеров». Очевидно, это предыдущее (№ 160) письмо, и оно всё же сохранилось. Впрочем, речь может идти и ещё об одном, не дошедшем, письме, которое Ильин отправил и которое смешивает в одно с № 160.

[899] Эти приписывающиеся Мартину Лютеру стихи Ильин цитирует явно по памяти. Стихи на самом деле принадлежат Эрдману Ноймайстру (Erdmann Neumeister, 1671–1756), немецкому поэту и богослову, автору гимнов, а также учебника поэзии (*[Neumeister E.]* Die Allerneueste Art Zur Reinen und Galanten Poesie zu gelangen. Allen Edlen und dieser Wissenshaft geneigten Gemüthern Zum Vollkommenen Unterricht Mit überaus deutlichen Regeln und angenehmen Exempeln ans Licht gestellet Von Menantes. – Hamburg, Bey Gottfried Liebernickel, 1707; [(*нем.*) *Ноймайстр Э.* Новейший способ приобщиться к чистой и галантной поэзии. Всем благородным и любознательным людям, стремящимся к совершенному обучению, чрезвычайно четкие правила и удачные примеры, представленные Менантесом. – Гамбург: у Готфрида Либерникеля, 1707]), в котором и были впервые опубликованы (С. 332). Следует подчеркнуть, что автором учебника был именно Ноймайстр, а Менантес (под этим псевдонимом писал и публиковался друг Ноймайстра Кристиан Фридрих Хунольд (Christian Friedrich Hunold; 1681–1721), немецкий поэт и либреттист) лишь издал (представил) его труд.

Прилагаем текст оригинала стихотворения:

Wer sich die Music erkiest
Hat ein Himmlisch Gut bekommen,
Denn ihr erster Ursprung ist
Von dem Himmel hergenommen.
Müssen in der letzten Zeit
Alle Künste sonst vergehen;
Bleibet in der Ewigkeit
Dennoch die Music bestehen
Weil die Engel ingemein
Selber Musikanten seyn.

[(*нем.*): Слушающий музыку / Обретает небесное благо, / Ибо источник её / На небесах. / Быть может, в последние времена / Все другие искусства исчезнут; / Оставаясь в вечности, / Музыка однако продолжит существовать, / Потому что Ангелы / Вместе и музыканты тоже.]

Стихи эти встречаются во многих вариантах, в том числе и в форме с меньшим числом строк и близкой к приведённой Ильиным. Перевод «его» варианта: Слушающий музыку / Начинает не-

бесный труд, / Ибо ее истинное происхождение – / С самих Небес. / Потому что святые Ангелы / Вместе и музыканты тоже.

Неоднократно положенные на музыку (наиболее известно соотв. сочинение Пауля Хиндемита, 1895–1963), Н. К. Метнера эти стихи, видимо, не вдохновили. Впрочем, и И. С. Бах, сочинивший на тексты Ноймайстра пять кантат (BWV 18, 24, 28, 59 и 61), именно это стихотворение обошёл стороной.

[900] Письмо написано на простой почтовой карточке. Штемпель крайне неразборчив. Название города и пр. не видно совсем (читаются только «...s XV N ...», что позволяет предположить «Paris XV», 15-й округ Парижа, как место отправки). В дате чётко читаются только время, месяц и год: «15 30 ... VI 1929». Число, впрочем, явно двузначно, причём первая цифра – 1. Вторая же – или 6, или 0. Тем самым можно предположить, что письмо писалось около (до) 10 или 16 июня 1929 г., однако, по указанию в тексте открытки на «вчерашнее письмо», дата её написания определяется вполне точно как 4 июня. На карточке имеется позднейшая пометка Ильина: «июнь 1929».

[901] Fall (*нем.*) – случай, дело, происшествие.

[902] Любопытно, что тут Ильин впервые написал в имени Наталии Николаевны мягкий знак, исправив его, впрочем, тут же на «і». О челюстной болезни Наталии Николаевны см. в письме № 95.

[903] Речь о книге «Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisiereung Deutschland [(*нем.*) Разверзание преисподней. Поперечный разрез большевизации Германии]» von Dr. Ehrt und Dr. Julius Schweikert, Eckkart-Verlag, Berlin-Leipzig, 1932 (второе издание: 1933), 326 S. Часть её, написанную Ильиным («Die Entstehung des Bolschewismus aus der geistigen Krise der Gegenwart [(*нем.*) Возникновение большевизма из духовного кризиса современности]»), см. в *Ильин*, *т. 7*. С. 116–141. Dr. Julius Schweikert (*нем.*) – доктор Юлиус Швейкерт – псевдоним Ильина. Вклад Ильина в книгу, впрочем, куда больший, чем написанная им часть: ему принадлежит общий замысел книги и её редактирование.

[904] Suisse. Lausanne. Poste restante (*фр.*) – Швейцария. Лозанна. До востребования.

Очевидно, Ильин, находясь в Эльзасе (а точнее – см. письмо № 167 и срв. *Ильин*, *т. 21*. С. 516, – в Trois-Épis), даёт свой будущий адрес, который станет (срв. указание на спуск к Женевскому озеру;

очевидно, в расположенной на его северном берегу Лозанне) актуальным уже со следующего же дня.

[905] Рамбуйе (*фр*. Rambouillet) – городок под Парижем, летняя резиденция французских президентов с конца XIX в.

[906] Письмо не датировано и заполняет полностью одну сторону листа, на обороте которого позднейшая пометка Ильина: «Август 1929». Являясь ответом на письмо № 164 и явно не зная ещё шутливого письма № 167, это письмо, очевидно, написано до получения последнего и после 9 августа 1929 г., будучи, судя по всему, тем самым (см. приписку А. М. Метнер к своему письму), что должно было быть «написано Колей» перед отправкой этого её письма (№ 165).

[907] А здесь, срв. комм. 902, впервые Метнер назвал Наталию Николаевну именно Наталией (через «і»). До сих пор и у него, и у А. М. Метнер всегда была на письме «Наталья».

[908] Точнее: «Но душа Ваша, вольная – душа поэта, – Вы лучший из поэтов...» (см. письмо И. С. Шмелева И. А. Ильину от 15.VII.1929 // *Ильин, т. 15*. С. 138).

[909] Т. е. поэтом Г. А. Оцупом, см. комм. 261.

[910] Trois-Épis [Труа-Эпи, от trois épis (*фр.*) – три колоса] – деревушка в Эльзасе, где (см. письмо № 164) останавливались Ильины по дороге в Швейцарию.

[911] Возможно, от *англ.* dreadnought – бесстрашный.

[912] См. комм. 261 и 885, а также сноску к письму № 159.

[913] Vers-chez-les-Blanc (Вер-шез-ле-Блан) – поселение в округе Лозанна швейцарского кантона Во. Нижеследующее же стихотворение написано в Шебре (Chexbres) – также поселении в кантоне Во, но в округе Lavaux-Oron (Лаво-Орон).

[914] В *Архиве* имеется отдельная ильинская рукопись с этим стихотворением (в его «*Собрание*» не входящая; см. *Архив,* 001 – 0607), отличающаяся от рукописи письма, помимо кое-где иных отступов у строк и пунктуации, подписью (в ней она такова: «1929. Август \\ Chexbres \\ над Леманом»), а также единственной строкой (указанной нами в прямых скобках как вариант). Леман (*фр.* Le Léman) – французское название Женевского озера. Стихотворение, как и четверостишие из самого письма (с фрагментом последнего), публиковались в *Ильин, т. 32*. С. 438–439 и 469–470.

[915] Первая строка (которой оно обычно и обозначается) стихотворения А. К. Толстого предположительно 1859 г.

[916] Шебр не имеет прямого выхода к Женевскому озеру, однако находится всё же почти на его берегу, так что из окна третьего этажа, даже без балкона, судя по всему, открывался прекрасный вид на озеро.

[917] Очевидная, хотя, скорее всего, и невольная, отсылка к знаменитой «Декларации митрополита Сергия» (точнее к посланию Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергия и Временного Патриаршего Священного Синода архипастырям, пастырям и всем верным чадам Всероссийской Православной Церкви от 29 июля 1927 г.), имевшей огромный резонанс как в самой России, так и в эмиграции. Её слова «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи», переиначенные в короткое «ваши радости – наши радости», вошли за два года в разряд почти повседневных выражений, о чём косвенно свидетельствуют и эти строки Ильина.

[918] Santa Margherita Ligure – Санта-Маргерита-Лигуре (Святая Маргарита Лигурийская), поселение в Лигурии, в около 35 км юго-восточнее Генуи. Город назван в честь св. вмчц. Марины Антиохийской (ок. 292 – ок. 307), в поздней католической традиции переименованной в Маргариту.

[919] Три значка Nota bene [(*лат.*) заметь хорошо, обрати внимание] подряд. Чуть ниже мы исправляем очевидную описку Ильина (в оригинале не «вы *всегда* можете», а «мы *всегда* можете»).

[920] Т. е. (*нем.*) Берлин З[апад], улица Королевы Августы, 53а. Русский Научный Институт. Для проф. доктора Ивана Ильина.

Вместе с Königin-Augusta-Strasse встречается и название Kaiserin-Augusta-Strasse, но это две разные улицы, хотя обе они названы в честь супруги (императора с 1871 г.) Вильгельма I Августы Марии Луизы Катерины Саксен-Веймар-Эйзенахской (1811 – 1890). Вторая из них (улица Императрицы Августы) была так названа в 1874 г. и с этим именем существует до сих пор. Первая же (улица Кёнигин Августы), на которой и располагался Русский Научный Институт, изначально (с момента проложения её в 1831 г.) называлась Grabenstrasse, т. е. канавная дорога (улица проложена вдоль Landwehrkanal, Ландверского канала, вспомогательного обходного канала реки Шпрее, спланированного ещё в 1818 г., но строившегося вплоть до 1850), и получила название Königin-Augusta-Strasse только

в 1867 г. В декабре 1933 г., уже после самороспуска Deutschnationale Volkspartei (DNVP, т. е. Немецкой национальной народной партии) и фактического слияния её с НСДАП, улица была переименована в Tirpitzufer, т. е. набережную Тирпица [ufer (*нем.*) – берег], в честь гросс-адмирала Альфреда фон Тирпица (1849–1930), являвшегося в том числе и одним из основателей DNVP (в 1918 г.) и её активным членом. Формально переименование было связано с построением и расширением в этом районе комплекса зданий, с 1914 г. занимаемого различными военными ведомствами, и потому окружающие улицы постепенно переименовывались в честь крупных военных деятелей Германии. Ныне (с середины 1947 г.) набережная носит название Reichpietschufer в честь матроса Макса Райхпича (Max Reichpietsch; 1894–1917), одного из огранизаторов антивоенного движения на флоте Германии, казнённого военным трибуналом в 1917 г.

[921] На обеих сторонах этой простой почтовой карточки позднейшие одинаковые пометки Ильина: «1929». На карточке штемпель Парижа с очень трудно читаемой датой, первая цифра которой, впрочем, ясная «2», вторая же может оказаться, раз письмо написано, как в нём указано, 28 сентября, только «8» или «9» («8», на наш взгляд, вероятнее).

[922] Т. е. посвящённые приватно Ильину «Гимны труду», см. письма № 158 и № 160 и комм. 888.

[923] Знакомая Ильина. Ниже он упоминает её ещё несколько раз (называя Лютой Аронзон) и мы узнаём, что она проживала в Варшаве, бывала в Берлине. Возможно, одна из его учениц.

[924] Грейнер Александр Васильевич (?–1958) – директор концертного отдела фирмы «Стейнвей и сыновья» («Steinway & Sons»). Адрес, указываемый А. М. Метнер, есть адрес Steinway Hall (концертного зала Стейнвей), располагавшегося на 57-й улице Нью-Йорка в 1925–2014 гг.

[925] College Swarthmore и Haverford College – известные частные гуманитарные колледжи, расположенные в городах Суортмор и Хаверфорд штата Пенсильвания. Основаны в 1864 и 1833 годах соответственно. Здесь, в Хаверфорде, пригороде (расположен в около 5 км от неё) Филадельфии – крупнейшего города Пенсильвании, одного из крупнейших городов США, жили друзья Метнеров Сваны. См., напр., зачёркнутый адрес в начале письма, который косвенно подтверждает, что письмо писалось именно здесь: или в квартире

Сванов в Йельском университете (см. след. комм.), или же в одной из ещё двух квартир Хаверфорда, в которых останавливались Метнеры (срв. Дневники-письма А. М. Метнер, 61 // *Метнер. Материалы*. С. 249–250). Из-за замечания «...выступление сегодня в College Swarthmore...» можно было бы предположить, что часть письма (от 18 октября) писалась в Суортморе. Однако это едва ли так: в США Метнеры часто перемещались в автомобиле (между Хаверфордом и Суортмором около 20–25 км), так что и эта часть письма почти несомненно писалась в относительно спокойной обстановке комнаты в Хаверфорде.

[926] Yale University (Йельский университет) – один из старейших (основан в 1701 г.) исследовательских университетов США, расположен в Нью-Хейвене (штат Коннектикут). 3-го ноября 1929 г. здесь, в Woolsey Hall (главная аудитория Йельского университета) Н. К. Метнер исполнил свой 2-й фортепианный концерт в сопровождении Симфонического оркестра Нью-Хейвена под управлением композитора, преподавателя теории музыки Йельского унивеситета и дирижёра упомянутого оркестра Д. С. Смита (David Stanley Smith; 1877–1949). См., напр., комментарий З. А. Апетян в *Метнер. Письма*. С. 391–392 или её же – в *Метнер. Материалы*. С. 304–305.

[927] Т. е. (*англ.*) сольный концерт.

[928] Ни в одном из двух упомянутых чуть выше комментариев З. А. Апетян, ни в Дневниках-письмах А. М. Метнер не сообщается о концерте 10 ноября у попечителя учебного округа Пенсильвании и вице-президента Филадельфийского Симфонического оркестра Mr. Turner, что и не удивительно, ибо Метнеры уже 7 ноября были в Нью-Йорке (см. Дневники-письма А. М. Метнер, 68–69 // *Там же*. С. 257–259). По-видимому, этот «серьёзно обставленный концерт» был задолго отменён. Все остальные упомянутые выше А. М. Метнер концерты (27-го ноября в Филадельфии с участием Н. Кошиц, recital 5-го ноября и концерт 12-го ноября «в одном салоне» в Нью-Йорке) состоялись.

[929] Лалиберте (Laliberté) Альфред Жозеф Франсуа (1882–1952) – канадский пианист и композитор, большой друг Н. К. Метнера и активный популяризатор его творчества в Канаде. Об А. Сване см. комм. 787.

[930] См. комм. 585. Срв. письмо № 105, а также № 109 и № 110, объясняющие повляющийся ниже у А. М. Метнер извиняющийся тон.

[931] Deus ex machina (*лат.*) – бог из машины. Выражение античного театра, в котором с помощью разных механистических приёмов в особо запутанный момент пьесы спускался «с небес» бог, разрешающий как трудности героев, так и несообразности сюжета. Означает неожиданную развязку ситуации, с привлечением внешних, ранее не имевших к ней отношения факторов.

[932] Т. е. 18 октября. Об этом выступлении сказано в начале части комментируемого письма от этого дня. Заметим также, что и для А. М. Метнер «третьего дня» означает «позавчера» (срв. комм. 35).

[933] Скорее всего, эта записочка на, буквально, клочке бумаги, была вложена в предыдущее письмо А. М. Метнер. На ней рукой Ильина позднейшая запись: «1929 окт».

[934] Если не указано иное, письма Ильина 1930 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0044; письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0186.

[935] Речь, быть может, о двух открытках, которые Ильин отправил Метнерам на адрес сестры А. М. Метнер 4 июля из Швейцарии («...с конца июня до начала августа [1930 г. – *А. Л.*] Beatenberg Hôtel Schönegg» – из «Наши местонахождения и путешествия», см. *Ильин, т. 21*. С. 516; также см. письмо № 173 ниже) и о которых он пишет в следующем своём письме. Обе они, по-видимому, утрачены. Однако в том же письме Ильин подробно рассказывает о своём «поиске Метнеров», так что не менее, если не более, вероятно, что, узнав, наконец, их адрес, он отправил им и письмо. Которое, впрочем, если и было, то тоже, по-видимому, утрачено.

[936] Речь, очевидно, о Людмиле Аронсон (см. письма № 169 и 173). К след. комм.: срв. комм. 35-641.

[937] Un de Ses apôtres (*фр.*) – один из Его апостолов.

[938] Речь, по-видимому, об аббате Тюркоте (Тюркот или Тюркотт – встречаются разные формы написания фамилии), профессоре Квебекской семинарии, жившем, срв. ниже письмо № 605, в Труа-Ривьер (*фр.* Trois-Rivières – Три реки) – пятом по величине городе канадской провинции Квебек. См. *Метнер. Материалы*. С. 259–260 (рассказ А. М. Метнер о прибытии в Канаду) и *Метнер. Письма*. С. 510–511 (письмо Н. К. Метнера К. Е. Климову от 21 ноября 1947 г.): «... Но тогда [в ноябре – декабре 1929 г. – *А. Л.*] канадцы поразили меня своей непосредственностью, свежестью душевной, напоминавшей мне нашу родину. Во всяком случае, мои

личные друзья, Лалиберте и Тюркотт... Аббат Тюркотт к тому же человек необычайной деликатности...». Также см. комм. 36-705.

В Монреале состоялись три концерта Н. К. Метнера: 6-го, 9-го и 10-го декабря, однако по указанию на зал именно на 600 человек и встречу на вокзале Труа-Ривьер именно священником (аббатом Тюркотом; см. указ. место в *Метнер. Материалы*) можно предположить, что Анна Михайловна ошиблась (что было бы не удивительно в том калейдоскопе событий, да и с учётом прошедших с концерта восьми месяцев) и на самом деле рассказывает о концерте, состоявшемся 26 ноября 1929 г. в Труа-Ривьер, как уже сказано, пятом по величине городе провинции Квебек, центром которой является Монреаль. Если это предположение верно, то концерт состоялся, видимо, в одном из монастырей Труа-Ривьер, «дочерних» по отношению к Монастырю усрулинок в Квебеке.

[939] Op. 52, № 6. См. также комм. 872. Концерт же, о котором идёт речь, состоялся 17 января 1930 г. в Carnegie Hall в Нью-Йорке. О нём подробнее см. в № 82–83 Дневников-писем А. М. Метнер // *Метнер. Материалы*. С. 268–269. Подробнее об истории с мошенничеством см. в: *Метнер. Письма.* С. 398–399, а также 422 и 556.

[940] Шартр – город во Франции на реке Эр, административный центр департамента Эр и Луар. Расположен в 96 км от Парижа на плодородной равнине Бос. О записях 1930 г. см. в комм. 36-233.

[941] О Г. Оцупе см. комм. 261. Как видно, он был также сотрудником парижской газеты «Возрождение».

[942] *Наталия Ильина*. Домовой // Русский Колокол, № 9. – Берлин, 1930. С. 39–44. См. также *Ильин, т. 28.* С. 757–763.

[943] V Академический съезд состоялся в сентябре 1930 г. в Софии. Ильин на нём не присутствовал. Срв. *Ильин, т. 21.* С. 516.

[944] Беатенберг – поселение в швейцарском кантоне Берн.

[945] Речь, судя по всему, о старинном (XII в.) дворце Киджи-Сарачини (Palazzo Chigi-Saracini), расположенном в центре Сиены. Точнее, о хранящемся в нём собрании картин (основное – впрочем, только с 1932 г. – предназначение дворца ныне – быть зданием Музыкальной академии, Accademia Musicale Chigiana).

Икона Божией Матери, о которой пишет Ильин (подчёркивание *Богоматери* означает, что Она изображена уже с Младенцем-Христом), – это, по-видимому, приписывающаяся неизвестному мастеру из Трессы (Maestro di Tressa) икона «Мадонна с Младен-

цем, с ангелами и святыми» из собрания Киджи-Сарачини. Считается написанной в 1225–1250 гг.

946 Моршах (Morschach) – поселение в округе Швиц (Schwyz) одноимённого немецкоязычного кантона Швейцарии. Моршах на самом деле расположен на восточном берегу Урнского озера (Urnersee), которое, впрочем, есть юго-восточная часть Фирвальдштетского озера (Vierwaldstättersee).

947 Ардженьо (Argegno) – поселение в Ломбардии, на границе Италии и Швейцарии, на берегу озера Комо.

948 Речь о книге Welt von dem Abgrund. Politik, Wirschaft und Kultur im kommunistischen Staate. Nach authentischen Quellen. Ein Sammeiwerk, bearbeitet und herausgegeben von Univ.-Prof. Dr. *Iwan Iljin*, früher Moskau. – Echart-Verlag, Berlin-Steglitz, 1931. – 576 S. [(*нем.*) Мир перед пропастью. Политика, экономика и культура в коммунистическом государстве. Согласно достоверным источникам. Сборник, отредактированный и изданный профессором Университета, доктором Иваном Ильиным, ранее Москва. – Издательство Echart, Берлин-Штеглиц.] Перевод см. в *Ильин, т. 20–21*.

949 Дом 5 по Bayernallee (Баварской аллее) Берлина тоже, по-видимому, не пережил Вторую мировую войну.

950 Перифраз строки из песни третьей поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»: «Зачем же, поле, смолкло ты \\ И поросло травой забвенья?..».

951 Если не указано иное, письма Ильина 1931 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0045; письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0187.

952 На оборотной странице этого письма, публикуемого по «папке» писем 1930 г. (*Архив*, 005 – 0186; о причине попадания в эту «папку» см. далее комм. 954), начинается следующее письмо А. М. Метнер, по которому и установлена дата.

953 От *нем.* Kerl – парень, дядя и Gripe – грипп.

954 Письмо написано на оборотной странице листа, содержащего пред. письмо Н. К. Метнера. Однако этой страницей оно не ограничивается и продолжено и завершено на ещё одном листе, исписанном с обеих сторон. По позднейшей пометке Ильина на втором листе («1931 февр»), этот лист был помещён в «папку» писем Метнеров Ильину 1931 г. (*Архив*, 005 – 0187). Однако первая страница письма, содержащая позднейшую ильинскую пометку «1931~~0 февр~~

декабрь 23.», находится в «папке» писем Метнеров 1930 г. (*Архив*, 005 – 0186), по которой и публикуется.

Точная дата письма (23 декабря, но, очевидно, юлианского календаря, т. е. 5 января 1931 г. григорианского) определяется (очевидно, и самим Ильиным была так определена) по упоминанию в письме А. М. Метнер о «завтрашнем» рождественском сочельнике (т. е. 24 декабря; а и Метнеры, и, тем более, Ильины всегда *праздновали* Рождество Христово исключительно по юлианскому календарю), сделанному на втором листе её письма, пометку на котором (относящую письмо к февралю) Ильин исправить, очевидно, просто позабыл. Также отметим, что листы бумаги, использованные для письма, – разные (не однотипные), что, вместе с тем, что первый из них содержит отдельное письмо Н. К. Метнера, и послужило причиной того, чтобы они оказались в разных местах *Архива*.

[955] Речь об ор. 53 № 1 («Sonata romantica [(*ит.*) Романтическая соната]» для фортепиано b-moll). Срв. письмо № 154 и комм. 832.

[956] В итоге во втором отделении этого концерта Метнер исполнил Этюд As-dur из ор. 8 Скрябина (Études-Tableaux [(*фр.*) Этюды-картины] Рахманинова и Концертный этюд № 2 для фортепиано «Gnomenreigen» [(*нем.*) «Хоровод гномов»], S. 145 Листа в программу не вошли) и какую-то из своих Сказок (в программе не обозначено, какую именно, срв. *Метнер. Письма*. С. 401). В первом же отделении был, как и предполагалось, исполнен 2-й концерт в сопровождении оркестра под управлением Роберта Хегера (Robert Heger; 1886 – 1978).

[957] См. комм. 779. Программа этого фортепианного вечера не сохранилась (см. *Там же*). Заметим здесь же, что на следующий день состоялся – видимо, заранее не запланированный, раз Анна Михайловна о нём не пишет – концерт в старинном шотландском городе Сент-Андрус, St. Andrews (не путать с St. Andrews Hall, Залом св. Андрея в Глазго, где состоялся концерт 3-го февраля), в котором Н. К. Метнер предполагал исполнить и «Романтическую сонату» (см. комм. 955 чуть выше), но из-за того, что концерт начался с запозданием, а Метнеры опаздывали на нужный им поезд (в Оксфорд, к концерту 8 февраля), исполнить её в этом концерте не удалось. Однако (см. Дневники-письма А. М. Метнер, 93 // *Метнер. Материалы*. С. 282) она была, с особенным успехом, исполнена на вечере в Глазго 5-го февраля.

[958] Эти записи, состоявшиеся 11–12, а также 25–26 февраля 1931 г., сделанные фирмой «Columbia» (полный список исполненного см. в *Метнер. Материалы*. С. 330), рассматривались ею как пробные и выпущены были с огромным опозданием, см. комм. 36-233.

[959] См. комм. 642.

[960] Открытка «Москва. Вид на Кремль» с видом на московский Кремль со стороны Раушской набережной (так что вдали виден и Собор Василия Блаженного), на которой написано письмо Н. К. Метнера, была, по-видимому, вложена в один конверт и отправлена одновременно со следующим письмом А. М. Метнер. На ней позднейшая пометка Ильина: «Янв 17. 1931», и она, очевидно же (как и следующее письмо А. М. Метнер), является ответом на, очевидно утраченное, поздравление Ильина с Рождеством Христовым, которое, судя по всему, представляло собой открытку с изображением Покровского Собора (храма Василия Блаженного) на Красной площади в Москве.

[961] Русский Колокол, № 9. – Берлин, 1930. С. 12–20 и 39–44. Также см. *Ильин*, *т. 28.* С. 724–734 и 757–763. Статья Н. Н. Ильиной разбирает стихотворение А. С. Пушкина 1819 г. «Домовому».

[962] Здесь и чуть ниже А. М. Метнер точно цитирует Н. Н. Ильину (см. *Там же.* С. 758) и И. А. Ильина (*Там же.* С. 730).

[963] Февраль 1931 г. Метнеры провели в Британии (срв. *Метнер. Материалы*. С. 280–289). 7 марта 1931 г. (срв. письмо № 180 ниже) они были уже во Франции.

[964] На письме позднейшая пометка Ильина: «1931 IV.10.». Заметим также, что Пасха в 1931 г. выпала на 12 апреля (нового стиля).

[965] См. комм. 418.

[966] Lit national (*фр.*) – национальная (народная) кровать. Фраза Ильина могла бы быть «переведена» на язык, понятный современному российскому читателю, напр., как «а не с паскудной IKEA» (вместо IKEA можно было бы подставить любое название широко известной и захватившей весь рынок мебельной фирмы), ибо «Le Lit National» – известная крупная парижская фирма по производству и продаже кроватей, существующая с 1909 г., когда её основатель Франсуа Пежодье (1885–1941) приобрёл в X округе Парижа магазин кроватей, быстро расширив дело и открыв ряд новых магазинов. В 1920 г. он спроектировал дешёвую (что было особен-

но важно для французов, восстанавливавших после войны свои опустошённые ею дома) кровать из меди, назвав её национальной кроватью, и она оказалась столь успешной, что дала вскоре название и самой фирме (сначала неофициальное, а через несколько лет уже и вполне официальное). К 1928 г. в Париже было уже не менее полудюжины магазинов этой фирмы, главный из которых работает до сих пор, а само понятие «национальная кровать» вошло в обиход как нечто общеизвестное. Срв., напр., в романе П. Н. Краснова 1931 г. «Выпашь»: «Он [главный герой романа, оказавшийся в 20-х гг. в Париже. – *А. Л.*] ложился с пустым желудком на свою жесткую и широкую "национальную" постель и долго не мог заснуть» (часть четвёртая, гл. VII; цит. по: *Краснов П. Н.* Полное собрание сочинений, т. 27: Выпашь (роман). – Подольск: Музей-Мемориал «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2023. С. 321).

[967] Т. е. Г. А и Р. Г. Оцупов. См. комм. 261.

[968] Срв. комм. 830–831.

[969] Подчёркивание (красным карандашом) принадлежит, очевидно, Ильину. Скорее всего, им же дописано «аля» в «февраля» и совершенно определённо его «скорописным» почерком добавлено сбоку «1931.», сверху «~~марта~~» и снизу «7 марта».

[970] Речь об ор. 52, срв. комм. 852 (и 872).

[971] Рукой Ильина позднейшая приписка: «1931 г.».

[972] Выше этой вставки рукой А. М. Метнер и очень мелким почерком: «за двоих 100 фр.».

[973] Речь о следующей заметке на первой странице парижской газеты «Возрождение» от 19 апреля 1931 г. (в названии И. А. Ильин ошибочно назван А. А. Ильиным, что мы исправляем):

Два доклада проф. И. А. Ильина

В ближайшие дни, в зале Сосьете Саван, 8, рю Дантон, состоятся в Париже два публичных доклада известного национального деятеля професс. И. А. Ильина.

Первый доклад проф. Ильина состоится 27 апреля, на тему: «*Русский национальный характер и его исторические корни*».

Второй доклад проф. И. А. Ильина состоится 29 апреля, на тему: «О монархическом и республиканском правосознании».

[974] См. комм. 730.

[975] Срв. «1931 г., май <Бад>-Пирмонт. Пром<ышленный> союз провинции Вест<фалия>-Лип<пе>. "Пятилетний план и демпинг"» (*Ильин И. А.* Мои выступления (на немецком языке, 1923-1931-1933-1935-1936-1939) // *Ильин*, *т. 21*. С. 496). См. также *Ильин*, *т. 20.* С. 404 – 407 (разделы «Советский демпинг» и «Мотивы демпинга» книги «Мир перед пропастью», см. комм. 948, хотя они и написаны В. Ф. Гефдингом).

[976] Т. е. в Русском научном институте в Берлине.

[977] Любопытно сделанное Ильиным исправление (к вопросу о старой и новой орфографии, срв. комм. 601 выше): вначале было написано «большія», т. е., видимо, предполающее затем написать «горы», но Ильин написал «горные хребты», что и потребовало замены «большія» на «большіе» (новая орфография во множественном числе родов не различает, а потому сделанное чуть ниже Ильиным обратное исправление – уже, по-видимому, лишь собственной ошибки-описки, – «вознесенные» на «вознесенныя» [молитвы] нам воспроизвести в основном тексте настоящего издания не удаётся).

[978] Соменал – очень сильное снотворное средство (по-видимому, свободно к 1930-м гг. уже не продававшееся, т. к. им легко можно было отравиться).

[979] В «*Собрании*» Ильина своих стихотворений из писем к Метнеру имеются следующие стихи, сочинённые им, по всей видимости, во время визита в Париж весной 1931 г. (или, см. ниже, тоже весной, но 1928 г.). Они присутствуют в двух видах: рукописном и машинописном, причём во втором из них – очевидно, ввиду невозможности набрать на пишущей машинке греческую букву, – $\pi^2 = \pi \cdot \pi$ записан прямо («пипи»). Мы публикуем их в комментариях, так как, явно сочинённые именно при встрече с Метнерами (при взгляде на портрет «якобы» Бетховена, висевший у Метнеров – срв. последние строки письма № 187), в переписке они, таким образом, не присутствовали, и были записаны Ильиным по памяти спустя несколько лет. Публикуется текст рукописи с сохранением формы «в ущельи» и поправкой очевидных пунктуационных описок по машинописи. Важнейшие отличия машинописного текста, в частности название и предположительные место и год написания, указываются в прямых скобках:

Стихи

[Подозрительная прогулка]

Надпись к рисунку у Н. К. Метнера
«Бетховен в ущельи»

Бушуйте, ветры! Лейтесь, воды!
И, вихор бешеный, лупи!
А я, смиренный, о народы,
Схожу под деревом π^2. [– пипи!..]

[Ангиен лэ бэн.
1930? Весной.]

В Анген-ле-Бен (см. комм. 707) Метнеры жили не ранее чем с июля 1927 г. и до середины мая 1928 г., так что, если память (в части места и времени года) Ильина не подвела, стихи были написаны весной 1928 г. См. также их первую публикацию в *Ильин*, *т. 32.* С. 470.

[980] Иван Антонович кувшинное рыло – персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, чиновник «крепостной экспедиции», оформлявший сделку Чичикова по покупке крестьян.

[981] «Сидит собакевич», т. е. собака, сидящая около граммофона с мордочкой, направленной в его рупор, и как будто слушающая доносящийся оттуда звук, голос своего хозяина, – известнейший логотип торговой марки «His Master's Voice» (по-немецки – «Die Stimme seines Herrn», по-русски – «Голос его [т. е. собачки. – *А. Л.*] хозяина»), принадлежавшей британской звукозаписывающей и музыкальной компании Grammophon. Ильин изучал основной каталог (Hauptkatalog) музыкальных изданий (граммофонных пластинок) этой компании 1930/31 года; Polyfar – так называлась немецкая фирма-производитель патефонов (переносных, имевших компактный рупор и в закрытом виде напоминавших небольшой чемоданчик, компактных граммофонов).

[982] Ильин имеет в виду, по-видимому, своё ожидание увидеть в каталоге пластинки с записями Метнера, сделанными им в студии Columbia во время последней поездки в Британию (см. письмо № 176 и комм. 958). Однако, как уже говорилось, эти записи рассматривались как пробные, при жизни Метнера изданы не были (из-за кризиса, срв. письмо № 199) и были опубликованы лишь в 1990-е гг.

О Л. Крейцере см. комм. 576. Альфред Пиккавер (Alfred Piccaver; 1884–1958) – известный англо-американский оперный

певец (тенор). Герман Ядловкер (1877–1953) – латвийский оперный певец (тенор) и музыкальный педагог, с 1929 г. кантор рижской синагоги. Евгений Гушалевич (1867, по др. данным 1864, –1907, по др. данным 1919) – австрийский (западноукраинский) оперный певец (тоже тенор). Ильин называет последнего «сопранъ» за, видимо, очень высокий (близкий к контртенору?) голос. Грубое же определение «скотоложство» (несомненно спровоцированное шутливым называнием чуть выше каталога каталожством), за которым явно читается нечто вроде «козлогласия» или «козлогласования», выдаёт активную нелюбовь Ильина к высоким мужским голосам (тенорам).

[983] Речь во всём этом странном, на первый взгляд, постпостскриптуме идёт, по-видимому (срв. следующие два письма), о каком-то лекарстве (тоже снотворном?), название которого, должно быть, схоже с именем Лоллий или же которое как-то было связано с Лоллием Львовым, о котором см. в комм. 1301 ниже и который-то, быть может, и есть его «первооткрыватель». Т. е. к единственному святому из православных святцев с таким именем, мученику Лоллию Садонскому или Анкирскому, пострадавшему в гонение императора Максимиана, это всё, вообще говоря, никакого отношения не имеет. Лекарством, по-видимому, не следовало делиться с Оцупами и Конюсами. Его ингредиенты Ильин приложил к письму, обведя замкнутой линией и заклеив кусочком марли (последний сохранился). От марли через первый абзац PPS идёт карандашная стрелка к тоже карандашом написанному (крупными буквами) слову «*пилюли*». Второй и третий абзацы PPS написаны слева и справа от наклеенной марли. Слова «всю жизнь» подчёркнуты красным карандашом и им же, ниже кусочка марли, написана вся последняя фраза письма.

[984] Чуть выше говорилось о сестре А. М. Метнер (см. комм. 535). Здесь речь о будущей «Грозовой сонате» («Sonata minacciosa», ор. 53 № 2). Показывал же Метнер Ильиным, скорее всего, «Романтическую сонату» (ор. 53 № 1).

[985] Очевидно, Columbia отправила Метнеру несколько вариантов сделанных им в Лондоне записей, из которых он должен был выбрать лучшие для издания (см. также комм. 982).

[986] Т. е. Иоанн из берлинского района Westend (о ликвидации квартиры в котором Ильин, срв. его же письмо № 174, пишет чуть выше).

[987] Так (точнее – «репестикъ») в тексте, но, скорее всего, это шуточно переиначенное слово «рецептик», т. е. рецепт, о котором сказано в пред. письме. Срв. ниже комм. 990.

[988] Речь о первой статье большого цикла «Кризис социализма» (с начала июня по конец октября опубликовано было 7 статей): «Кризис социализма. 1. Разочарование» // *Возрождение*, № 2193 от 4 июня 1931 г.

[989] О весенней аллергии (сенной лихорадке), которой страдала Анна Михайловна, не раз упоминается в переписке (см., напр., письмо № 6).

[990] И здесь (срв. комм. 987) шутейное переиначивание Монморанси в Маросейские Монты, т. е. Маросейские – не иначе как от названия московской улицы (Маросейки) – горы: mont (*фр.*) – гора. В след. письме Ильин принимает эту игру Метнера и в его лексиконе появляется слово «монмаросейка».

[991] Имеется в виду статья художника, писателя и критика Александра Николаевича Бенуа (1870–1960), но не из «*Возрождения*», а из «Последних новостей» (№ 3742 от 21 июня 1931 г.): «Художественные письма. II. Гибель романтиков». См. её также в *Александр Бенуа*. Художественные письма. 1930–1936. – М.: «Галарт», 1997. С. 39–44.

[992] Т. е. (*нем.*) Австрия. Гмунден в Зальцкаммергут. Улица Кальтенбруннера, 1.

Gmunden – город в т. н. Верхней Австрии, в Альпах на озере Траунзе (Traunsee), в исторической области Зальцкаммергут. Улица названа в честь австрийского народного поэта Карла-Адама Кальтенбруннера (1804–1867), приходящегося прадедом небезызвестному Эрнсту Кальтенбруннеру (1903–1946), начальнику Главного управления имперской безопасности Третьего рейха (Reichssicherheitshauptamt или RSHA).

[993] Gasthof (*нем.*) – гостиница, постоялый двор.

[994] Игра слов: Kurtaxe (*нем.*) – курортный сбор; такса – русское название (от *нем.* Dachs – барсук) породы южно-немецких охотничьих собак.

[995] Т. е. вчетвером, Ильиным и Метнерам. Па-де-катр (от *фр.* pas de quatre – *досл.* шаг или танец четверых) – балетный термин, музыкально-танцевальная форма, в которой участвуют четыре танцовщика или танцовщицы (самый известный pas de quatre в мире – пожа-

луй, Танец маленьких лебедей из «Лебединого озера» П. И. Чайковского). Также известен бальный танец с таким названием.

[996] От *нем.* Heufieber – сенная лихорадка (см. комм. 989). Fieber (*нем.*) – лихорадка, Heu – сено.

[997] См. письмо № 183 и комм. 979.

[998] Письмо написано на гостиничной бумаге с типографскими пометками вверху страницы: «Pension Alexandra», «Vormals Baerwolff Huttenstrasse 66», т. е. «Хюттенштрассе, бывшая Берволфф, 66» и «Zürich 6»

[999] Или Верхний Энгадин (Oberengadin) – район в Швейцарии в округе Малоя (Maloja) кантона Граубюнден (Graubünden). Известен как чрезвычайно живописное место: горы и озёра...

[1000] «Ихней» – т. е. братьев Николая и Эмилия Метнеров. Речь, кажется (но полной уверенности в этом нет, см. чуть ниже), о Лени Бюлер, дочери двоюродной сестры их матери (Александры Карловны Метнер, урожд. Гедике) Минны Федоровны Мей (урожд. Гартунг), Так, по крайней мере, утверждается в *Метнер. Письма*. С. 404–405, в комментарии к письму, сообщающему об этой поездке, и *Там же*, в именном указателе (С. 566), Ленокс Бюлер указан как сын этой Лени Бюлер. Ленокс Бюлер был учеником Н. К. Метнера, и со временем он и его жена Лени (или Магдалена, срв. комм. 35-638) стали ближайшими знакомыми не только Метнеров, но и Ильиных после бегства последних из Германии в Швейцарию, однако нигде ниже в переписке никак не упоминается о матери Ленокса Бюлера, притом что он сам и его жена упоминаются более чем многократно. Впрочем, мать Ленокса вполне могла носить то же имя, что и его жена.

[1001] Interlaken – округ в Швейцарии (с 2010 г. – часть более широкого округа, Интерлакен-Оберхасли) в кантоне Берн с центром в городе с тем же названием (Интерлакен), расположенном в живописной долине, окружённой вершинами Альп, на реке Ааре между двумя красивейшими озёрами Тун и Бриенц. Вообще, Berner Oberland (Бернское Нагорье) считается одним из красивейших мест Швейцарии, частью которого и является округ Интерлакен.

[1002] В русской транкрипции Санкт-Галлен или Сен-Галлен – город в Швейцарии, центр одноимённого немецкоязычного кантона.

[1003] Уцвиль (*нем.* Uzwil) – город в Швейцарии, в кантоне Санкт-Галлен. Входит в состав округа Виль.

[1004] Рядом позднейшая приписка И. А. Ильина: «1931». Письмо написано на открытой почтовой карточке: свободная сторона содержит письмо А. М. Метнер, сторона с адресом – приписку-письмо Н. К. Метнера. На этой же стороне (с адресом и письмом Н. К. Метнера) небольшое изображение аэроплана с типографской подписью: «Bern. Flugplatz» («Берн. Аэродром»). Штемпель Цюриха («Zürich 1 Briefversand»; Briefversand, *нем.* – отправка писем) с датой и временем: «19–20 2.VIII 1931».

[1005] Майринген (Meiringen) – небольшой городок в Бернском Нагорье, недалеко от озера Бринц (Brienz), между Интерлакеном и Люцерном, в ущелье реки Ааре.

[1006] Метнер говорит о европейском банковском (финансовом) кризисе 1931 г., больше всего ударившем по Германии. Начавшийся в Австрии в мае 1931 г. с краха крупнейшего банка центральной Европы «Creditanstalt», принадлежавшего семейству Ротшильдов, и вызвав панику в Германии, он заставил германское правительство, во избежание полной финансовой катастрофы, провозгласить с 14 июля 1931 г. так называемые банковские каникулы, то есть остановку всех банковских операций. Поначалу объявленные всего на два дня, эти «каникулы» растянулись до начала августа. В итоге, с помощью и других чрезвычайных мер (отказ от золотого стандарта, экстренный выкуп акций крупнейших банков страны, оказавшихся на грани банкротства, и др.), банковская система Германии была спасена, однако её экономика пережила тяжелейший кризис (сокращение производства и внешней торговли приблизительно вдвое; огромный рост безработицы, при котором почти половина взрослого населения Германии оставалась без заработка; почти двукратное превышение прожиточного минимума над средней заработной платой). Одним из естественных следствий кризиса 1931 г. в Германии стал рост популярности НСДАП и её лидера Адольфа Гитлера.

[1007] Роршах (*нем.* Rorschach) – город в Швейцарии в кантоне Санкт-Галлен, на южном берегу Боденского озера.

[1008] Т. е. Иоанн из Бюргенштока (срв. далее адрес). Bürgenstock – гора в Швейцарии, почти полностью окружённая Люцернским озером, на которой ещё в XIX в. расположилась одноимённая, по выражению Брокгауза и Ефрона, климатическая станция, т. е. курорт.

На обороте письма карандашом сделаны пометки (почерк точно аттрибутировать затруднительно, однако он похож на небрежный ильинский): «Письмо М.» (крупным почерком посередине одной из сторон сложенного вдвое листа; «М.» очевидно означает «Метнеру») и «Ирине Мане. Конюсам.» (почерком меньшего размера, с краю другой стороны сложенного листа; по поводу «Мани» срв. нижесл. письмо Ильина № 279).

[1009] См. комм. 929.

[1010] В итоге (срв. комм. 984) соната получила название «Sonata minacciosa».

[1011] Сравнение впервые встречающейся именно такой подписи Н. К. Метнера с шуточным «Объявлением» (см. комм. 1119), где четвёртым по счёту числится неизвестное нам стихотворение «Метнёрюцкій-Метнерюкъ», заставляет предположить, что «причитания», о которых пишет Метнер в своём письме, суть далеко не только краткие строки письма № 191 и что «полотенце вышло б вдруг» есть цитата именно из этого утраченного стихотворения. Заметим, что вставка в цитату частицы «б» сделана теми же чернилами и почерком, что и примечание-сноска. См. также примечание А. М. Метнер к своему письму № 272 и комм. 36-1375.

[1012] Т. е. В. Поль, срв. комм. 716. Об И. Фридмане см. комм. 576. Чуть ниже, после подписи, – скрытая цитата из Н. М. Карамзина («щасливые швейцары»). См. комм. 36-435.

[1013] Морсо (от *фр.* morceau) – пьеса, композиция, кусо(че)к.

[1014] Ильин явно несколько запутался с нумерацией конвертов и подарков, вложенных в это необычное письмо (очевидно, именно с этим и связаны исправления им текста своего письма, которые мы попытались воспроизвести, максимально точно следуя смыслу). Номером 2, аккуратно переправленным из № 1, стала шедшая как будто бы первой рубашка, а идущие как будто бы вторыми «Горные стансы» обозначены как помещённые в конверт № 3 (на самом деле, в свёрнутый полуконвертом чистый листок бумаги – если, конечно, этот листок и есть первоначальный «конверт»; не исключено, что первоначальный мог затеряться у Метнеров и, таким образом, утрачен). По этой причине «Лингвистическая справка» никак уж не могла иметь тот же № 3, а потому Ильин его, относительно тщательно, и замарал, а саму «справку», шедшую по первоначальному счёту третьей, сделал таким образом первой.

[1015] Опера М. И. Глинки «Жизнь за Царя» начинается с мужского хора (крестьян села Домнино): «В бурю, во грозу \\ Сокол по небу \\ Держит молодецкий путь. \\ В бурю на Руси \\ Добрый молодец \\ Песню русскую ведет: \\ "Страха не страшусь, \\ Смерти не боюсь, \\ Лягу за Царя, за Русь!"».

[1016] Все эти слова (как и как будто завершающие письмо – само письмо, а не приложения к нему! – слова «(открытки со стихами)», а также последующие, которыми надписан второй конверт) написаны Ильиным позднее на конверте, который Метнерам был отправлен (как и второй конверт, с открытками), судя по всему, чистым. В него была вложена (она сохранилась) крохотная аккуратная белая рубашечка, с вышитыми синими нитками буквами «М-М» со стороны груди («М-М», очевидно, означало супругов Метнер).

[1017] Первая из двух «М.» карандашом (по-видимому, тем же, который использовался позднее для надписания конвертов и приписки «(открытки со стихами)» к письму) переправлена в «Н.», но мы оставляем первоначальное посвящение, очевидно означающее «Метнерам» (т. е. обоим, А. М. и Н. М., а не одному Н. М.). Далее публикуются лишь стихи, причём в том именно виде, в котором они были отправлены Метнерам, однако без хотя бы беглого взгляда на сами карточки-открытки, которые они лишь сопровождают, понять точный смысл (и юмор) стихов не всегда возможно (те же карточки с почти теми же стихами Ильин отправил И. С. Шмелёву, и они воспроизведены на вкладке после стр. 288 в *Ильин, т. 17*). См. также в *Ильин, т. 32*. С. 444 – 447 публикацию, учитывающую все известные нам варианты этих стихов. В «*Собрание*» «Горные стансы» Ильин не включил, возможно, потому, что они им были переписаны на отдельный листок (см. *Архив*, 001 – 0607) и предназначались не для одних Метнеров.

[1018] Как видно из нот, эту подпись следует трижды пропеть. В первой из «пропевок» как будто слышится что-то из начала «Цыдули» (срв. письмо № 2а).

[1019] См. комм. 355.

[1020] Имеется в виду письмо И. С. Шмелева Ильину от 5.09.1931. См. *Ильин, т. 15*. С. 221 – 223, где к поздравлению Наталии Николаевны с днём Ангела приложены и такие слова: «И прикажите швейцарне исделать (испечь!) пирог с капустой (на Адриана-Наталию полагается с капусткой, это уж известно!)...».

[1021] Возможно, от *нем.* слова Botschafter (посол), однако вернее – от *романшского* (одного из национальных языков Швейцарии) Botscha, означающего столкновение (шаров, например).

[1022] Пура (Pura) – поселение в Швейцарии, в италоязычном кантоне Тичино (*ит.* – Ticino; *нем.*, *фр.* и *романш.* – Tessin, Тессин). О докторе Трюбе, у которого остановились Ильины см. в комм. 355.

[1023] Т. е. на чай, чаевые.

[1024] Т. е. адрес для пересылки писем в случае отсутствия адресата на месте: faire suivre (*фр.*) – переадресовать.

[1025] Т. е. пребыванию в Пуре у Трюбов (см. комм. 1022).

[1026] Арау (Aarau) – город на севере Швейцарии, административный центр кантона Аргау (Aargau). Об этих выступлениях Ильина в Базеле и Арау см. в *Ильин*, *т. 21*. С. 496. См. также письмо № 200.

[1027] Игра слов, связавшая имена корреспондентов с известным русским идиоматическим выражением «во всю Ивановскую».

[1028] Da capo \\ sempre da capo \\ da capo senza fine (*ит.*) – сызнова \\ ещё и ещё раз сызнова \\ сызнова и без конца.

[1029] Отсюда прочерчена стрелка, как бы указывающая на оборотную строну листа, на котором следует почти самоцитата (довольно сильно изменённый № 6) из «Горных стансов».

[1030] А. М. Метнер отвечает этими строками на две открытки, о которых упоминает Н. К. Метнер в своём следующем письме и которые, по-видимому, утрачены.

[1031] Имеется в виду т. н. Русское музыкальное общество в Париже (Société Russe de France), созданное усилиями русских эмигрантов как раз в 1931 г. как продолжатель и наследник Императорского Русского музыкального общества. О Н. Кошиц см. комм. 585.

[1032] Отправлено оно было, вместе со следующим (№ 199) письмом Н. К. Метнера, 8 октября, как указано в последовавшем (№ 201 ниже) письме А. М. Метнер.

[1033] Письмо не датировано, но точная дата отправки определяется по «обрамляющим» письмам А. М. Метнер (см. пред. комм.). На письме позднейшая пометка рукой Ильина: «окт. 1931».

[1034] Кризис (см. комм. 1006), поразил, конечно, не только Германию, но и распространился по всей Европе, чему эти слова Метнера – ещё одно подтверждение. Речь в них о сонатах ор. 53 № 1 («Романтическая») и № 2 («Грозовая») и о лондонских

записях фирмы «Columbia» (см. комм. 982). Срв. также P. S. предыдущего письма А. М. Метнер об отмене выступления 27-го октября.

[1035] Скобки поставлены Н. К. Метнером явно при перечитывании уже написанной фразы, что сделало её формально-грамматически несколько неправильной. Точка с запятой поставлена нами – в оригинале отсутствует даже просто запятая.

[1036] Т. е. украдут (свиснуть = свистнуть: *просторечное* – украсть).

[1037] Любопытнейшее прямое свидетельство Ильина о реалиях европейского финансового кризиса 1931 г. (см. комм. 1006), приведшего вскоре, в частности, и к закрытию «Русского Колокола».

[1038] Т. е. день памяти свт. Николая Чудотворца (по новому стилю – 19 декабря).

[1039] Так фактически и произошло, но несколько позже.

[1040] Т. е. в Германии. О выступлениях (7–9 декабря) в Берне и Цюрихе см. *Ильин*, *т. 21*. С. 497.

[1041] Pfarrer gottlos (*нем.*) – пастор безбожный (богооставленный?).

[1042] Rothenburgstrasse – улица в берлинском районе Штеглиц (Steglitz), названа в 1877 г. в честь благотворителя Прусского королевского приюта для слепых Фридриха Эрнста фон Ротенбурга.

[1043] Речь, очевидно, о восьми фортепианных «Романтических эскизах для юношества» (будущий ор. 54).

[1044] См. комм. 1031.

[1045] См. комм. 812. Концерт состоялся 3 марта 1932 г., но без участия Т. Макушиной (см. *Метнер. Письма.* С. 420).

[1046] Письмо не датировано, но, очевидно, написано и отправлено оно одновременно с предыдущим письмом А. М. Метнер. В правом верхнем углу первой страницы позднейшая пометка Ильина: «1931, 28 дек».

[1047] Очевидно, в газете *Возрождение*, которая часто помещала анонсы докладов Ильина или отчёты о них, однако о выступлениях Ильина в Цюрихе (см. комм. 1040) ничего найти не удалось.

[1048] Имеется в виду статья Ильина «Система растления», *Возрождение*, №№ 2362, 2368 от 20 и 26 ноября 1931. См. также *Ильин, т. 31*. С. 295–307.

[1049] Эмиль Людвиг (1881–1948) – немецкий писатель и биограф (в том числе, Гёте и Наполеона). Родился в еврейской семье офтальмолога Г. Кона (1838–1906), впоследствии сменившего фамилию.

В 1902 г. принял христианство, однако в 1922 г., после убийства националистами Вальтера Ратенау (министра иностранных дел Германии, подписавшего с Советской Россией в апреле 1922 г. т. н. Рапалльский договор; промышленника и политика еврейского происхождения; 1867–1922), демонстративно вернулся к иудаизму и покинул Германию. В 1945 г. издал и биографию Сталина, в 1931 же вышла его книга «Stalin, Unterredung mit dem deutschen Schriftsteller Emil Ludwig [(*нем.*) Сталин, беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом]». Срв. *Ильин, т. 6, кн. 2.* С. 182.

[1050] Эти снимки храма Христа Спасителя (срв. письмо № 211), по всей видимости, утрачены. См. ответ Ильина на присылку их в начале письма № 213 (см. также комм. 1064). Чудом при разрушении храма уцелели не одна, а шесть картин-полотен художника Василия Петровича Верещагина (1835–1909), написанных для алтарной части храма: «Моление о чаше», «Се человек», «Несение креста», «Распятие», «Снятие со креста» и «Положение во гроб».

[1051] Если не указано иное, письма Ильина 1932 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0046; письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0188.

[1052] См. комм. 698.

[1053] Концерт был организован Русским музыкальным обществом (см. комм. 1031 и 1045). См. о нём подробнее в последующих письмах А. М. Метнер, а также в *Метнер. Письма*. С. 419–420.

[1054] Имеется в виду статья Ильина «О музыке Метнера» // *Возрождение,* № 2465 от 2 марта 1932. См. её в приложении к наст. тому.

[1055] Bahnhof (*нем.*) – вокзал. Fernbahnsteig (*нем.*) – платформа дальнего следования.

[1056] Срв. комм. 601 (здесь похожая ситуация; далее мы подобные замены – напр., в письме № 213 – не оговариваем).

[1057] Зачёркнутое слово восстановлено предположительно.

[1058] Конюсом. См. комм. 447.

[1059] Грозовая соната (ор. 53 № 2) одночастна.

[1060] Amusez vous; et oubliez nous! (*фр.*) – Веселитесь; и забудьте о нас!

[1061] От *фр.* reprimande – выговор.

[1062] Punctum (*лат.*) – точка.

[1063] Salle de l'Ecole normale de musique, т. е. зал Музыкальной нормальной школы. См. *Метнер. Письма*. С. 420. École Normale

de Musique de Paris – одна из ведущих консерваторий Франции, основана в 1919 г. (термин école normale – нормальная школа – изначально означал учебное заведение для подготовки учителей).

[1064] Храм Христа Спасителя в Москве был разрушен (взорван) в декабре 1931 г., и утраченные его снимки были отправлены Метнером Ильину, несомненно, именно в связи с известием об этом событии, полученным им как-либо из Москвы (впрочем, об этом писалось и в *Возрождении*: см., напр., заметку на второй странице номера от 10 декабря). Несмотря на то, что последние перед разрушением годы (с 1923, хотя начало вытеснения из храма православных, верных патриарху Тихону, мог застать в Москве летом 1922 г. и высланный из страны осенью того же года Ильин) храм находился в руках обновленцев (настоятельствовал в нём сам будущий обновленческий «первоиерарх» Александр Введенский), он был дорог сердцу каждого москвича, что невольно подтверждает этими строками и Ильин.

[1065] На полях, напротив этого места, позднейшая пометка Ильина: «их проезд через Берлин в Ригу». Также вверху этой страницы его же позднейшая пометка: «1932 III 18».

[1066] Яков (Янкель-Меер Нохим-Аронович) Милькин (1877–1944) учился в Императорской Академии художеств в С.-Петербурге и в мастерской И. Е. Репина. В 1918 г. участвовал в выставке художников-евреев в Москве. В эмиграции жил в Париже. В 1944 г. был депортирован в Освенцим, где и погиб. Оригинал написанного им портрета Н. К. Метнера (Ильин имеет в виду проспект с ним и со списком сочинений Метнера на обороте, доступных в магазине на парижской улице Анжу; см. *Архив*, 4 – 10) в наст. время хранится в РНММ (инв. № 780/II). Надписи на портрете: «J. Milkine» и «Глубокоуважаемому Николаю Карловичу Метнеру на добрую память от Я. Милькина. Paris 20.2.32». Ещё один портрет Метнера (за роялем) работы Я. Милькина см. на 4 стр. второй вкладки с иллюстрациями в *Метнер. Письма*. См. также комм. 35-606.

[1067] Имеется в виду художник-портретист Савелий Абрамович (Завель Израилевич, Савий) Сорин (1878–1953), учившийся у К. К. Костанди в Одесской художественной школе, которую окончил с медалью, дававшей право поступления без экзаменов в Императорскую Академию художеств, а затем работавший, в том

числе, и в мастерской И. Е. Репина. Эмигрировав в 1920 г., поселился в Париже, где быстро снискал известность, участвуя в выставках русского искусства, а также провёл ряд персональных выставок во Франции, Англии и США.

[1068] Программа концерта (см. РНММ. Ф. 132, № 1540) изложена в *Метнер. Письма.* С. 420.

[1069] Бісови батьки (*укр.*) – бесовские родители (украинское ругательство).

[1070] Речь о фортепиано производства Себастьяна Эрара (1752–1831) или, скорее, основанной им фирмы Érard (одной из трёх, наряду с Pleyel и Gaveau, самых известных французских фирм-производителей фортепиано). Гарбузова Рая (Раиса Борисовна; 1906 или 1909–1997) – российская и впоследствии американская (в 1925 г. она покинула Россию; жила в Берлине, затем в Париже, а с 1934 г. – в США) виолончелистка. К концерту Метнера она не могла иметь отношения (у Метнера нет сочинений для виолончели) и упомянута лишь (см. прим. Ильина) случайно.

[1071] 1 Цар 18, 10–12; 19, 9–10 и срв. 20, 30–33. Об именно зависти Саула к Давиду в Писании не говорится, но говорится о боязни Давида Саулом: 1 Цар 18, 14–15 и 28–29.

[1072] Empfindlich (*нем.*) – чувствительный.

[1073] Имеется в виду, конечно, воспитательный дом (как выражались до революции, богоугодное заведение – для приёма и призрения подкидышей и бесприютных младенцев). Но сама полушуточная форма невольно наводит на мысль, что в слове «шпитательный», именно в этот момент его использования Ильиным, есть нечто от «гошпиталя» (госпиталь, Hospital – больница, лечебница) или даже от рыцарей-гошпитальеров (госпитальеры изначально, при создании своего ордена, были призваны к заботе о неимущих, больных или раненых паломниках в Святую землю). Впрочем, возможно, что ильинское слово происходит всего лишь от *нем.* speisen (питать, кормить) или его производных.

Впрочем же, сознательно или нет, оно заимствовано, скорее всего, Ильиным из книги: *Родионов И. А*. Наше преступление (Не бред, а быль). Из современной народной жизни. – С.-Петербург, 1908. Ещё до революции вышедшая вторым изданием (в 1910 г.; см. с. 269 этого изд.), книга и впоследствии не раз переиздавалась (см., напр., Берлин, 1922).

[1074] Passus (*лат.*) – шаг. Здесь означает, скорее, ход (срв. одно из значений *фр*. passage).

[1075] Фамилия И. Ф. Стравинского Ильиным (по всей видимости, намеренно – ради последующей игры слов) написана со строчной буквы, а речь идёт об опере Стравинского 1914 г. «Соловей» по сказке Г. Х. Андерсена или же, скорее, о его же симфонической поэме «Песнь соловья» 1917 г., в которой много музыки из упомянутой оперы. Разумеется, именно 666 (Откр. 13, 18) соловьёв нет ни в опере, ни в поэме – Ильин лишь описывает свои впечатления от прослушивания той или другой.

[1076] См. комм. 716. Речь о следующей заметке В. И. Поля (*Возрождение*, № 2469 от 6 марта 1932 г.):

Концерт Н. К. Метнера

Об исключительном интересе к музыке Н. К. Метнера можно судить хотя бы по тому, что последний концерт композитора в зале Эколь Нормаль собрал не только всех находящихся в Париже русских музыкантов, всех оттенков музыкальных направлений, от А. К. Глазунова до С. Прокофьева, но и многих выдающихся французских музыкальных деятелей.

Интерес был двойной – все хотели не только узнать о новых произведениях русского композитора, но и послушать их в исполнении и истолковании самого автора, пианиста превосходного и играющего свои сочинения как никто другой.

Стиль игры Метнера, насыщенный мыслью и импровизационный в одно время, настолько сливается со структурой создаваемой им музыки, что в его концертах мы находимся перед каким-то неделимым, самобытным целым, в котором обнаруживается единый творческий дух, имеющий корни в стихии пианизма и расцветающий в области сонатной и балладной фантазии.

Слушатель на таких редких концертах попадает сразу во внутренний мир художника, к которому открывается неожиданно прямой путь, без посредника – эстрадного виртуоза, объективно «продумавшего» чужое творчество и нередко подменяющего переживания автора своими, может быть и подлинными, но иногда не совпадающими с авторскими, экстазами. Нужно сказать еще, что одна из особенностей игры и композиции Метнера – богатство и разнообразие ритмическое, немало смущает приступаю-

щих к его сочинениям виртуозов, не привыкших к характерным, иррациональным удлинениям тяжелых времен и к сложным метаболическим ритмам, какие принято называть «каверзными».

Н. Метнера почему<-то> принято считать каким-то антиподом музыкального модернизма, но это мнение не вполне основательно. Правда, Н. Метнер не занят идеей пересоздать музыкальный язык на новых началах и от него мы не дождемся сочинения квартета в четвертитонной гамме, но все же именно у Метнера мы в изобилии встретим новые гармонические обороты, новые модуляции и полифонические сочинения (пример – фугато последней сонаты), новизна которых не в новых буквах алфавита, а в новых мыслях.

Одной из «новых» мыслей Метнера следует считать его настойчивое стремление всячески возвращать музыке ее автономность, несовместимую с подчиненной ролью на службе у всех других искусств.

Автономная музыка Н. Метнера как бы отталкивается от оперы, балета и, конечно, сонаризации кинематографа [т. е. озвучивания немого кино. – *А. Л.*], увлекающей новых композиторов.

Избегая распыления, она даже не укладывается до сих пор в оркестровый коллектив. Этому коллективу Метнер пока не вверяет своих мыслей, как бы боясь, что при оркестровой материализации от его музыки отлетит и поблекнет какая-то аура, доступная воспроизведению и сохранению лишь в руках солиста.

В своем последнем концерте Метнер исполнил новую, большую сонату с фугой опус 53, три «гимна труду», четыре сказки «О Сандрильоне [т. е. Золушке (от *фр.* Cendrillon – Золушка). – *А. Л.*] и Иванушке-дурачке» и ряд уже известных сказок, – некоторые из них артист повторил по просьбе публики, которая встретила и провожала концертанта длительными овациями.

Вл. Поль

Впрочем, В. Поль 12 марта 1932 г. опубликовал ещё одну заметку (в № 172 газеты «Россия и славянство»), посвящённую концерту, которую Ильин тоже имеет в виду (ибо фактически ссылается чуть ниже на следующий её фрагмент: «Сильное и очень оригинальное творчество в вокальной области, в области "художественной песни", которой Метнер уделяет очень много внимания, не осталось у него без влияния и на фортепьянные формы: элемент

влечения к песенности, к музыкальному рассказу – или, вернее, к "сказу" о самой музыке – выявляется здесь у него в предпочтении к "былинному стилю" – к сонатам, "сказкам" и "новеллам" и, наконец, "дифирамбам" и "гимнам"»).

[1077] Т. е. отвар (декокт – от *лат.* decoctum или *фр.* décoction – отвар). Иногда это слово используется как синоним слова «бульон».

[1078] Каурая и караковая – масти лошади: рыжая и чёрная (вороная).

[1079] Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) – русский музыковед, композитор, музыкальный критик. С 1926 г. жил в Париже, где был профессором Русской консерватории, организованной Русским музыкальным обществом (см. комм. 1147). Сотрудничал в газете «Последние новости» по музыкальным вопросам, в журнале «Современные записки», а также во многих других изданиях. Ильин, имея в виду его статью «Н. К. Метнер (к его сегодняшнему концерту)», подписанную «Л. С.» и опубликованную в день концерта в «Последних новостях» (№ 3998), цитирует далее следующие её пассажи: 1) «Кругом Метнера и его творчества группировался в Москве кружок страстных почитателей, принадлежащих к интеллектуальной верхушке московского общества»; 2) «Спор Метнера с "современностью" – трагический и неясный спор, но все русские интересующиеся музыкой должны присутствовать при различных стадиях этого спора, исход которого определится только по прошествии многих лет»; 3) «...хотя бы из-за той суровой и строгой сосредоточенности стиля и отвращения автора ко всяким внешним эффектам, которые утвердили за ним имя "русского Брамса"»; 4) «...его органическая связь и преемственность от великой германской романтической школы, от Бетховена, Шумана, Шуберта, Брамса». Наконец, идея о том, что «Сказки» Метнера суть «музыка о музыке», принадлежит всё же, кажется, одному В. Полю (см. цитату в конце комм. 1076).

[1080] Здесь, по-видимому, в именовании Л. Л. Сабанеева, отсылка к его отцу – Леониду Павловичу Сабанееву (1844–1898), известнейшему (его многочисленные книги, в том числе о собаках, не потеряли популярности до сих пор) русскому зоологу, натуралисту, популяризатору и организатору охотничьего и рыболовного дела.

[1081] Т. е. материальные, денежные, дела.

[1082] Речь о двух рецензиях Ильина на нем. языке о концерте Метнера, отправленных им издателю В. Циммерману (см. комм. 342) и Метнерам (см. след. письмо). Ни в *Архиве*, ни в Музее музыки следов их (пока) обнаружить не удалось, а, как фактически вытекает из след. письма, опубликованы они не были. О статье Ильина, которая упоминается ниже, см. в комм. 35-62.

[1083] Iwan le sot (*фр.*) – Иван-дурачок (несомненная аллюзия на ор. 51 Метнера, посвящённый, в том числе, Иванушке-дурачку). Срв. также комм. 781 (о посвящении ор. 51).

[1084] Здесь проспект означает, судя по всему, (от *лат*. prospectus) вид или проект будущего, перспективу, а весь «эпиграф» относится, очевидно, к нижеследующим пп. 1) и, в особенности, 2).

[1085] Оба раза в этом слове выражена несомненная полушуточность всего настоящего письма, и потому мы его оставляем в полной неприкосновенности.

[1086] Контрапункт – от *лат*. punctum contra punctum: точка (нота) против точки (ноты) – сочетание нескольких (хотя бы двух) самостоятельных мелодических голосов (то есть то же, что и полифония – от *др.-греч.* πολυφωνία – многозвучие, многоголосие). Также контрапунктом называют и музыкально-учебную дисциплину, изучающую собственно контрапункт и обучающую ему. По последней композитором и педагогом (в т. ч. и учителем Н. К. Метнера) С. И. Танеевым (см., впрочем, комм. 17), преподававшим в Московской консерватории помимо прочего и контрапункт, был написан хорошо известный в начале прошлого века в музыкальных кругах учебник: «Подвижной контрапункт строгого письма» (Лейпциг, 1909). Также им был переведён и издан ещё более известный учебник немецкого педагога и дирижёра Людвига Буслера (1838–1900) «Строгий стиль: Учебник простого и сложного контрапункта, имитации, фуги и канона в церковных ладах» (М.: Изд-во П. Юргенсона, 1885). Эпитетом «механический» Ильин намекает на сухость и формализм («школьность») этих учебников в противовес «органичности» многоголосия и ***предмет***ности сочинений Н. К. Метнера.

[1087] Вновь отсылка Ильина с своему давнему розыгрышу с письмом Метнеру от имени Леонида Крейцера (письмо № 108).

[1088] Т. е. (*нем*.) – «из которых я с радостью вижу, что концерт имел действительно большой успех».

Возможно, Ильиным подчёркнуты (волнистыми короткими линиями) не части слов («цен» в «рецензии», и «den» в «denen»), а сами эти слова. Для указания, что «aus denen» («из которых») относится именно к рецензиям на концерт. Однако созвучие немецкого «den» с русским «*ден*ьги» и, соответственно, «*цен*ой» не может не бросаться в глаза. Быть может, этим Ильин хотел намекнуть на возможный рост Метнера в глазах В. Циммермана и, как следствие, увеличение гонораров в будущем.

[1089] Т. е. (*нем.*) – «в конце концов, не чистого русского».

[1090] Letztes Ende (*нем.*) – последний конец.

[1091] Мысль Ильина темновата, но попробуем её разъяснить так: кто «rein», т. е. чистый, и кто Крейн, т. е. нечистый, – судить не Циммерману. Крейн – весьма распространённая (в том числе и даже в особенности, в Германии) еврейская фамилия – использована здесь как, скорее всего, более или менее случайная рифма к слову «rein» и является едва ли вызывающей сомнение критической реакцией на уже, по-видимому, вовсю пропагандировавшуюся расовую теорию А. Гитлера: Ильин отказывается воспользоваться немецкими фамилией и отчеством Метнера, дабы опубликоваться в заведомо более авторитетном издании.

«Всеобщая музыкальная газета» (*нем.* «Allgemeine Musik-Zeitung») – выходивший с 1907 г. в Берлине (до этого Лейпциге, Касселе, в том же Берлине и в Шарлоттенбурге, включённом в состав Берлина только в 1920 г.) еженедельник, посвящённый академической музыке. С 1874 г. (год основания) и до 1885 г. назывался «Всеобщей ***немецкой*** музыкальной газетой» («Allgemeine deutsche Musik-Zeitung»). Отсюда, по всей видимости, и указание Циммермана на соответствующие «требования» к Метнеру со стороны газеты. Просуществовал до 1943 г. (как полностью самостоятельное издание – до 1937 г.).

«Die Musik» («Музыка») – издание существенно меньшего масштаба: выходило приблизительно раз в квартал в 1901 – 1915 гг. и (после длительного перерыва) дважды в год в 1922 – 1943 гг. Несмотря на заведомо меньшую авторитетность, чем у «Allgemeine Musik-Zeitung», журнал «Die Musik», содержавший, в основном, репортажи о концертах и других событиях музыкальной жизни, а также о музыкантах и композиторах (встречаются выпуски, посвящённые целиком, например, Бетховену или Вагнеру), был очень популярным у читателей изданием.

Однако возможно (хотя, на наш [*А. Л.*] взгляд, гораздо менее вероятно) и иное толкование этой фразы Ильина, никак не связанное с расовой теорией. Крейн – фамилия трёх братьев-композиторов: Давида Сергеевича (первонач. Абрамовича; 1869–1926), Григория Абрамовича (1879–1955) и Александра Абрамовича (1883–1951), а также их отца – Абрама Гиршевича Крейна (1838–1921), скрипача и собирателя еврейской музыки (синагогальной и народной). Все трое братьев учились, в разное время, в Московской консерватории и затем преподавали в Москве (Д. С. Крейн, впрочем, более известен как вторая скрипка – с 1885 г. – и концертмейстер – с 1898 г. – оркестра московского Большого театра), так что все трое могли быть неплохо известны Ильину-москвичу. Однако едва ли он был знаком с сочинениями кого-либо из них, так что уверенное противопоставление им кого-либо из Крейнов (никогда и нигде вроде бы больше им не упоминавшихся) «чистому [музыканту]» Николаю Метнеру сомнительно.

[1092] Несмотря на отсутствие нот, с почти полной уверенностью можно сказать, что эти стишки положены на известный мотив «Ah, du lieber Augustin» («Ах, мой милый Августин»), австрийской песенки неизвестного автора второй половины XVII в. Считаясь написанной во время т. н. Великой эпидемии чумы в Вене 1678–1679 гг. и имея очень печальные слова, она стала «весёленькой» лишь полтора-два века спустя.

[1093] Цыдули – т. е. в данном случае (короткого, на один всего лист) письма.

[1094] Прилагавшийся к письму отдельный листок со стихотворением, очевидно, потом не раз использовался как Метнером, так и Ильиным, так что из папки с письмами Ильина за 1932 г. попал в итоге в папку 1939 г., по которой и публикуется (*Архив*, 005 – 0053). На листке позднейшие пометки Ильина: «соч. Н. К. Метнера» – справа от заглавия, «(музыка осталась в России)» – после подписи. О «Цыдуле» см. письмо № 2–2а и подробный комм. 7. Также отметим, что Ильиным на первой странице самого письма тем же, по-видимому, карандашом позднее помечено: «1932 III.27».

[1095] Это письмо, по-видимому, начиналось Н. К. Метнером как отдельное, и он полностью исписал с обеих сторон чернилами один лист. Продолжение же написано карандашом (очевидно, во избежа-

ние клякс – Н. К. Метнер именно по этой причине всегда предпочитал карандаш) на обороте листа, другая страница которого была оставлена для А. М. Метнер, её следующего письма (что письмо А. М. написано позже письма Н. М., вытекает из толкования, данного ею упоминаемым в его письме «воплям»), и было отослано одновременно с последним. В *Архиве* эти два листка перепутались в обширной папке писем Ильину от Метнеров 1932 г., однако оба находятся именно в ней. На первой странице письма, справа от приветствия, позднейшая пометка Ильина: «1932 апрель».

[1096] Речь о статье Ильина «Единый фронт» («*Возрождение*», № 2488 от 25 марта 1932 г.). См. также *Ильин*, *т. 31*. С. 307–313.

[1097] О частичном единомыслии и мелком соглашении идёт речь в статье Ильина «Единый фронт», на которую отзывается Метнер (отсюда и кавычки – это цитаты, а не образные выражения). В статье Ильина осуждается принятие большевиков эмигрантами и эмигрантскими организациями (сменовеховцами, бердяевцами, Милюковым и др.) на основе частичного единомыслия – соглашения как будто бы не со всем коммунистическим учением целиком, но с его частью. Добавляющее таких мелких соглашателей к «единому коммунистическому фронту», выстраиваемому большевиками таким образом как бы «снизу».

[1098] «Вышла» из этого книга «Муза и Мода», публикуемая нами в приложении к 35 тому наст. издания. Сами же эти записки (по-видимому, всё-таки и дополненные со временем, и изменённые) хранятся в РНММ (напр., Ф. 132, №№ 4603–4604).

[1099] Открытое простое (без изображения) письмо, отправленное в тот же день, что и предыдущие два, но отдельно. На открытке два штампа Монморанси со временем и датой: «20 1-4». На стороне с адресом позднейшая пометка Ильина: «1/IV 1932.».

[1100] Торопясь ответить Н. К. Метнеру на его открытку, Ильин, что для него нехарактерно, по-видимому, совершенно забыл датировать своё письмо. Позднейшая пометка его рукой (на полях слева от приветствия): «март 1932» – несомненно, ошибочна (если не имеет в виду старый стиль, конечно), ибо письмо написано после открытки (отправленной Метнером 1 апреля 1932 г.) и до следующего его письма (от 5 апреля), где уже он, в свою очередь, торопится с ответом на комментируемое письмо Ильина. Другими словами, письмо написано между 2 и 4 апреля 1932 г.

[1101] Т. е. шиш (в оригинале как будто написано разрядкой, но еръ не отделён от второй «ш», и обе «ш» подчёркнуты; заметим, что обычное постоянное подчёркивание «ш» у Метнера, предупреждающее путаницу с «т», для Ильина нехарактерно и, в том числе, отсутствует в комментируемом письме).

[1102] Музыкальный отдел (МУЗО) Народного комиссариата по просвещению РСФСР (Наркомпроса [Метнер и Ильин иногда удваивают «с» – очевидно, думая о комиссариате, – мы эту очевидную, но очень характерную ошибку не исправляем]) был создан вместе с самим Наркоматом 26 июня 1918 г. Во главе его был поставлен младший брат революционера Л. Б. Красина (1870–1926), композитор и музыковед Борис Борисович Красин (1884–1936). Однако МУЗО не был, судя по всему, прямым отделом Наркомпроса и относился к последнему опосредованно, называясь музыкальным отделом то Московского пролеткульта, то Главнауки, то Главполитпросвета, то Главпрофобра. Однако к ве́дению МУЗО быстро были отнесены все музыкальные школы и консерватории, а также наиболее крупные музыкальные коллективы (театры и оркестры). Музыкальным отделом было национализировано имущество Императорского Российского музыкального общества, а также нотные магазины, склады, издательства, музыкальные театры, концертные залы... МУЗО сам стал заниматься организацией музыкального образования, концертов и музыкально-издательскими предприятиями или, по крайней мере, жёстким, максимальным, контролем любого вида такой музыкальной деятельности. Так, в частности, МУЗО присвоил себе право контроля за всеми живущими авторами, которым без его разрешения запрещалось что-либо издавать, так что и это предостережение Ильина Метнеру отнюдь не было надуманным. МУЗО просуществовал до 1936 г., в начале которого был создан Комитет по делам искусств при Совете министров СССР (в 1953 г. в свою очередь преобразованный вместе с министерствами высшего образования, кинематографии, трудовых резервов и нек. др. в Министерство культуры СССР), в ведение которого вошли и музыкальные дела.

[1103] Отсылка к своей статье и отзыву на неё Метнера из предыдущего его большого письма (№ 215).

[1104] Срв. статью Ильина 1939 г. «Размышления о советской империи» // *Ильин, т. 31*. С. 647–683 (С. 678–679 – о немецких инженерах).

[1105] Альпари (от *ит.* al pari – наравне, вровень) – точное соответствие между рыночной ценой (биржевой котировкой) и номинальной стоимостью ценных бумаг (акций, облигаций, векселей). На практике стоимость ценных бумаг крайне редко соответствует их номиналу. Чаще всего это бывает только при первичном размещении. В период золотого стандарта термин *альпари* использовался в валютном обмене для указания ситуации, когда банковские кредитные билеты (позже банкноты) можно было легко обменять на декларированное количество денежного металла, либо цена на денежный металл на свободном рынке соответствовала номинальному содержанию металла в деньгах. Так же обозначалась ситуация обмена валют строго пропорционально их золотому содержанию.

[1106] Т. е. ГПУ – Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (называлось так с февраля 1922 до ноября 1923 г., после чего было преобразовано в ОГПУ – Объединённое ГПУ при СНК СССР). Ильин часто аббревиатуру ГПУ пишет именно в такой форме: «гепеу».

[1107] Т. е. т. н. спинная сухотка (*лат.* tabes dorsalis) – форма позднего нейросифилиса (сифилитического поражения спинного мозга). Характеризуется медленно прогрессирующей дегенерацией спинного мозга. Упоминаемый далее Ильиным прогрессивный паралич – ещё одна форма позднего нейросифилиса, при которой развивается слабоумие.

[1108] И ещё одна отсылка к своему розыгрышу от имени Л. Крейцера, см. № 108 (тем удивительнее, что даже при этом Ильин всё ещё не видит, и так и не увидит до «снятия маски» Метнером в следующем письме, розыгрыша со стороны Метнера).

[1109] Позже Ильин под псевдонимом С. П. (Старый Политик) опубликует в двух номерах газеты «*Возрождение*» (№ 3607 и № 3610 от 19 и 22 апреля 1935 г.) подборку как будто бы собранных им народных частушек «Новые советские частушки». См. *Ильин, т. 31*. С. 457–468 и также *Ильин, т. 32*. С. 594–595 и 704–705. Издатели должны признаться, что, хотя они и подозревали здесь мистификацию (хотя бы частичную; см. *Там же.* С. 705) со стороны Ильина, однако всё же поддались на его обман и впервые узнали верно, что автором этих частушек является сам Ильин, лишь из этого признания (которое, пролистывая переписку Ильина

и Метнера при подготовке к изданию 32-го тома настоящего Собрания сочинений И. А. Ильина, пропустили).

[1110] Diseuse (*фр.*) – говорунья, рассказчица, гадалка.

[1111] Этот «шифр» (в «как-странно-эте» как будто бы зашифровано имя Мариэтты Шагинян) приоткрывается Метнером в след. письме. См. также комм. 1119.

[1112] Ильин, очевидно, имеет в виду не столько большое письмо Метнера (№ 215), сколько упомянутые в нём «вопли» (см. № 216 и комм. 1098).

[1113] Не совсем точная (должно быть: «И, видишь, – я у ног твоих!») цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» (скорее же – из одноимённой оперы А. Г. Рубинштейна). Однако же ещё скорее – это, тоже чуть неточное (следует: «Видишь, я у ног твоих» [продолжение: «У ног твоих молю тебя: \\ Не отвергай любви моей безумной!»]), цитирование слов Самозванца из его дуэта с Мариной Мнишек из оперы (музыкальной драмы) М. П. Мусоргского «Борис Годунов». В драме «Борис Годунов» А. С. Пушкина, по которому (и по Н. М. Карамзину) написал либретто своей оперы Мусоргский, этих слов нет.

[1114] На первый взгляд, здесь только аллюзия на имеющее богослужебное происхождение выражение. Срв., напр.: «Хотя змий лукавый искусити тя, якоже Иова многострадальнаго...» (акафист трем святителям: Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, кондак 7) или «Тогда враг рода человеча умысли искусити тя: во образе ангела светла предста ти...» (акафист прп. Сергию Радонежскому, икос 8). Однако, если предположение о цитировании Мусоргского (см. пред. комм.) верно, то здесь возможна также и аллюзия на, тоже отсутствующие у Пушкина, слова либретто «Бориса Годунова»: «Искуси его, обольсти его» – обращение иезуита Рангони к Марине Мнишек перед её разговором с Самозванцем; или предваряющее их её обращение к Рангони: «Отец мой, соблазном страшным \\ Вы искусили душу грешную \\ Неопытной и ветреной Марины...»; или же, наконец, её же обращение к Самозванцу: «Лишь престол царей московских, \\ Лишь златой венец державный \\ Искусить... меня... могли бы».

Сходство имён (Марина – Мариэтта) как будто бы подтверждает это предположение. При этом на роль Рангони встают большевики (в лице МУЗО), а на место Самозванца помещаются то Метнер

(искушаемый Мариэттой-Мариной Шагинян-Мнишек по указке МУЗО-Рангони), то сам Ильин, всячески готовый помогать Метнеру в «словесном писании» последнего.

Однако часть этих рассуждений потеряет смысл, если выяснится, что Ильин не знал версии «Бориса» (чрезвычайно, кстати, им ценимого), в которой присутствуют сцены с иезуитом Рангони. Что, впрочем, почти невероятно, ибо, напр., редакция Римского-Корсакова, самая распространённая в XX в. версия «Бориса Годунова», во всех своих вариантах сцены с Рангони содержит.

[1115] Справа от приветствия позднейшие карандашные приписки рукой Ильина: «1932 отпр 5 апр» и, строкой ниже, «получ. ~~7~~6 апр.». Обе они написаны поверх предыдущей, видимо такого же рода, приписки Ильина, не очень тщательно им же, по всей видимости, стёртой. Восстановить её издателям не удалось, но почти уверенно читаются «ль,» в конце первой строки (февраль?) и цифра 2 в её середине (1932?). Само же письмо написано чернилами: начинается красивым почерком Н. К. Метнера, затем (приблизительно с 3/4 первой страницы) сменяется обычной рукой А. М. Метнер и потом (с чуть менее половины оборотной страницы) возвращается к красивому почерку Н. К. Метнера. Кроме того, по левому и правому полям первой страницы идёт карандашная приписка Н. К. Метнера, завершающаяся нотным фрагментом (написана, по-видимому, в самую последнюю очередь и потому публикуется нами в конце письма). Его же приписка на второй (оборотной) странице письма сделана чернилами.

[1116] Кроме этого многоточия, знаки препинания в оригинале стихов отсутствуют и в публикации расставлены издателями. «Карт-посталь» или, как чуть ниже, «посталька» – carte postale (*фр.*), почтовая карточка, т. е. письмо № 217, написанное на почтовой карточке. Об «изъятиях из сердца» (точнее, о «вычёркиваниях» см. письмо № 210 и ответы на него).

[1117] См. комм. 1096.

[1118] Слова «с моей стороны» вставлены рукой Н. К. Метнера.

[1119] Подтекстовка в оригинале автором записана как «Марьетта какстранно э то!». Что это за мотив и почему и как он связан с Ильиным, установить не удалось. Однако выскажем предположение, что он связан со стихотворением М. Шагинян «Комета», отправленным ею весной-летом 1915 г. Метнеру в надежде, что он

напишет на его текст песню. В своей приписке к письму А. М. Метнер от 24 июня 1915 г. (см. *Метнер. Письма.* С. 163 – 164) Метнер, очень любезно отвечая Мариэтте Шагинян, одновременно отмечает непонятность (= странность?) двух строк этого стихотворения («Орион в небе ходит, \\ Повторен троекрат»). Быть может, он поделился всем этим с Ильиным (в одном из несохранившихся писем 1915 г. или последующих лет, или же в разговоре) и в ответ получил от Ильина стишок, рифмующий «Марьетту», «это» и «комету»? – Если такое предположение верно (чему косвенным подтверждением служит упоминание Ильиным своего стихотворения «Мариэтта» в шуточном объявлении об открытии подписки на издание «Полного Собрания Стихотворений И. А. Ильина, посвящавшихся в разные эпохи жизни Н. К. Метнеру» – см. *Ильин*, *т. 32.* С. 459, а также № 421а в т. 35 наст. изд. – если, конечно, под «Мариэттой» не подразумеваются стихи из нижесл. писем № 221 или № 225, срв. начало письма № 228), то мотив может принадлежать и самому Ильину.

[1120] Телеграмма, собственно, состоит из одного слова: «Mohot». Остальное всё (кроме адресов и, помещаемых нами в квадратные скобки, воспроизводимых для большей ясности некоторых типографских фрагментов бланка) – иногда, по-видимому, позднейшие – пометки и изыскания Ильина о смысле этого слова. На телеграмме два штемпеля Монморанси с нечётко читающейся датой: то ли «8 -4 32», то ли «6 -4 32», но рукописная дата внутри телеграммы – чёткое 6 (с поправкой в месяце, так что Ильин чуть ниже её позднее дописал: «IV.6», а правее записал и полную дату: «1932 IV.6.»). На странице бланка с адресом Метнера (на «внешней» странице свёрнутого листка с телеграммой) поперёк его карандашное «Mohot» как будто бы рукой Ильина (при этом «h» написано поверх другой изначальной буквы – по-видимому, «c»; а заглавная «M» может, вообще говоря, читаться как каллиграфическое «H») с приставленным им же (видимо, позднее) знаком вопроса. Поскольку число слов (nomere de mots) телеграммы – 1 и, таким образом, число 11 201, написанное в соотв. ячейке, им быть никак не может, остаётся предположить, что оно играет роль индекса или чего-то подобного в предшествующем адресе (заметим, не содержащего ни имени Ильина, ни даже названия улицы и номера дома). В дате (date) римское IV записано поверх чего-то другого, что разобрать не удалось (варианты: №, W ...). Далее указано время подачи (heure de dépôt) телеграммы – 14:20.

Однако же французский бланк (срв. немецкий бланк очень близкой по времени поздравительной, с днём рождения, телеграммы Метнера Ильину, № 224 чуть ниже), штемпели Монморанси и отсутствие в телеграмме фамилии Ильина и его точного адреса заставляет предположить, что это вовсе не телеграмма Метнера Ильину (как предполагает расположение её в папке с письмами Ильину от Метнеров, по которой она и публикуется), а телеграмма, полученная как раз Метнером, от как будто бы неизвестного отправителя, и переправленная им Ильину (вместе со следующими двумя письмами, скорее всего), но в этом предположении – неясно, зачем именно.

Выскажем гипотезу: по указанию в телеграмме «Berlin Steglitz W» Метнер решил, что эта телеграмма пришла ему не от кого другого, как от Ильина, что это какой-то ещё один его розыгрыш, и потому лишь вложил её в своё следущее письмо безо всяких комментариев. Подтверждение этому мы находим в словах письма А. М. Метнер от 18 апреля 1932 г. (№ 227 ниже): «...и если бы мы не боялись ***подражания***, то могли бы ***тоже*** телеграфировать ***Вам*** "Hohot"» [Все выделения мои. – *А. Л.*].

Суммируя всё сказанное, заключаем, что, получив 6-го апреля, утром или днём, письмо Н. К. Метнера от 5-го апреля, в котором тот признаётся в розыгрыше с оперой на либретто М. Шагинян, Ильин, понимая, что ответное письмо писать долго, да и идти оно будет не менее суток, тут же, в 14:20 того же дня, телеграфирует Метнеру всего лишь одно, но всё объясняющее и прощающее слово «Hohot» (т. е. просто транслитерированный русский «хохот»). Однако как для немецких, так и для французских телеграфистов это слово не говорит ничего, и один из них или записывает, или читает его как «Mohot», так что Метнеры получают полную бессмыслицу, не понимают её и, почему-то без комментариев, отсылают обратно Ильину. Тут следует добавить, что на штемпелях Монморанси всё-таки, похоже, стоит именно 8, а не 6, т. е. телеграмма получена Метнерами была 8-го (а отправлена Ильиным 6-го) апреля, т. е. шла целых два дня. Потому они могли быть ещё в неизвестности, получил ли, отправляя эту телеграмму, Ильин их письмо от 5-го апреля (которое должно бы идти дольше телеграммы, но, судя по всему, шло лишь сутки). Метнеры тут же пишут письма (от 8-го апреля) и, вместе с ильинской телеграммой, отправляют Ильину. Ильин,

получив их – похоже, именно в свой день рождения, т. е. 10-го апреля, – в этот же день отвечает Метнерам «приговором Миноса», но прежде того – по-видимому, именно 7-го апреля, – не дошедшим до Метнеров и утерянным ещё одним письмом (см. указание на него в начале письма Ильина от 21 апреля, № 228, и печатаемые далее за № 221 восстановленные им стихи из него), а к 12-му апреля пишет и в тот же день отправляет отдельным письмом своё стихотворение «Мохот. За-гадочная телеграмма». По-видимому, разъяснения о своей телеграмме находились в утерянном письме от 7-го апреля.

[1121] Эти стихи из утерянного (см. пред. комм.) письма И. А. Ильина были им, по-видимому, восстановлены по памяти или по черновикам и включены в «*Собрание*» его стихотворений из переписки с Н. К. Метнером (см. комм. 1), по которому и публикуются (*Архив*, 001 – 0608). Последние четыре строки оригинала стихотворения отчёркнуты Ильиным слева на полях круглой скобкой и обозначены цифрой 1. Семь предшествующих им строк точно так же отчёркнуты и обозначены цифрой 2; после последней из этих строк поставлен символ //. При первом издании стихотворения (см. *Ильин, т. 32*. С. 667) мы предположили, что всё это свидетельствует о восстановлении Ильиным по памяти как самих стихов, так и их датировки. К этому предположению ныне добавилась ещё и уверенность в необходимости переставить местами указанные фрагменты (именно на это указывает Ильин такими знаками!), что в настоящем издании и сделано.

[1122] Письмо написано на обороте пред. письма А. М. Метнер.

[1123] Далее следуют такты 3 – 6 (первые четыре, если не считать «паузных») «Цыдули» (срв. письмо № 2а).

[1124] Эта поздравительная телеграмма, в отличие от «загадочной» предыдущей – на немецком бланке («Mohot» был на французском), и она содержит полный адрес Ильина (bln означает, очевидно, Берлин) и его фамилию. Однако теперь уже адрес Метнеров содержит не всегда понятные числа. Впрочем, число 1325 после даты, в разделе «Aufgenommen» [(*нем.*) принято], вписано от руки (отражено в публикации письма курсивом), и это, очевидно, именно время (13:25). Далее тем же почерком написаны не столь уверенно поддающиеся расшифровке буквы: первая, после типографского «von» [от], впрочем, явная «b»; остальные, после «durch» [через, на], являются, скорее всего, или «We», или же подписью;

возможно, что всё это вписано Ильиным-получателем – почерк отдалённо схож с ильинской скорописью; однако предположим и такую расшифровку: aufgenommen von B[erlin] durch We[st] – получено в Берлине Западным [отделением телеграфа]. После адреса Ильина от руки (иным почерком) написано число 191 (заметим, что в адресной строке Монморанси встречается оно же).

[1125] Первая «v» в «vivat» написана от руки поверх какой-то (печатной) другой буквы. По всей видимости, телеграфистом, исправлявшим свою или коллеги ошибку. Также между «vivat» и «ivan», напечатанным в одно слово, прочерчена (по-видимому, тем же инструментом для письма, что исправил и «v») разделяющая вертикальная черта.

Vivat Ivan (*лат.*) – да здравствует Иван.

На телеграмме позднейшая пометка Ильина: «ко ~~день~~ню рождения \\ 1932. 28 марта». 28 марта – день рождения Ильина по юлианскому календарю (в XX–XXI вв. соответствует 10 апреля нового стиля; до 1899 г. включительно соответствовал 9 апреля; в 2100 г., ввиду отсутствия в григорианском календаре в этом году високоса, т. е. 29 февраля, разница сдвинется ещё на один день, и рождение И. А. Ильина будет век отмечаться 11 апреля нового стиля).

[1126] К первому листу письма, как бы предваряя приветствие, действительно прикреплён нитками изящно завязанный бело-сиреневой ленточкой небольшой пучок тёмных конских (что именно конских, выяснится чуть ниже) волос.

[1127] О Г. Л. Катуаре см. комм. 507. Очевидно, он, как и все перечисленные Ильиным перед ним, был (в действительности или по мнению Ильина) блондином.

[1128] Срв. комм. 1116. Ниже, в стихотворении, Ильин использует ещё одну производную: постальчик.

[1129] А. В. Луначарский был первым наркомом (народным комиссаром) Наркомпроса (см. комм. 1102).

[1130] Т. е. (здесь) справедливый судья. Ильин, ради ли только ритма или же для усиления шуточного эффекта, меняет ударение. Правильно же – Ми́нос (*др.-греч.* Μίνως). Минос – легендарный царь критского Кносса, сын Зевса и Европы, имя которого стало синонимом справедливого царя.

[1131] Т. е. Владимир Поль (см. комм. 716, 1076 и др. выше).

[1132] См. комм. 1079.

[1133] Это же стихотворение помещено Ильиным в своё «*Собрание*». Вместе с предыдущим стихотворением (см. письмо № 221) оно объединено в своего рода главу, названную Ильиным на отдельной странице:

Письма Н. К. Метнеру

апрель / март 1932

(в связи с его первоапрельскою открыткою о том, будто Луначарский заказывает ему оперу за 1.200 дол., а М. С. Шагинян написала уже текст к ней; он якобы колеблется и запрашивает моего совета; я яростно отсоветовал, а он прислал два покаянных письма).

Далее следует опубл. выше письмо № 221 и следом за ним тут же комментируемое стихотворение, предварённое фразой «начало письма см. стр. 3» (цифрой 3 помечено помещённое в «*Собрание*» переписанное или же черновое прозаическое начало комментируемого письма) и отдельным названием:

Письмо Н. К. Метнеру

(в день моего рожденья, 1932. IV/10 – III/28)

при посылке пучка конских волос.

Сами стихи отличаются от отправленных в собственно письме и опубликованных в наст. издании лишь иногда иной пунктуацией, иными смещениями некоторых строк друг относительно друга, отсутствием деления на слоги в слове «Знаменательнейший» и др. незначительными мелочами, так что мы их отдельно не воспроизводим, однако, опираясь на них, исправляем лишние открывающиеся кавычки в начале всего стихотворения и отделяем чертой вторую строфу от всего дальнейшего.

[1134] Слово «Берлин» написано поверх довольно чётко просматривающегося (за исключением «и», в котором могут быть сомнения) первоначального «Зеисъ» (т. е. Зейс, Seis, Сьюзи, см. комм. 456), что являет собой очередную загадку, ибо в марте – апреле 1932 г. Ильин никак не мог быть в Сьюзи. Скорее всего, загадка объясняется тем, что эта запись – позднейшая, несмотря на как будто бы тождество карандашей, которыми написана она и собствен-

но письмо. Другое (менее вероятное) объяснение: Ильин начал эти стихи по какому-нибудь совершенно иному поводу во время своего последнего пребывания в Сьюзи, и лишь удавшийся розыгрыш Метнера позволил их завершить.

[1135] В комментарии к публикации этого стихотворения в *Ильин, т. 32*. С. 667 нами ошибочно было указано, что эти стихи – ответ на телеграмму Метнера, содержавшую непонятное слово «Hohot». Как выяснено в комм. 1120 выше, телеграмма была отправлена не Метнером Ильину, а Ильиным Метнеру и лишь *должна* была содержать слово «Hohot». Вместо того, скорее всего по ошибке телеграфиста, в ней содержалось только «Mohot», что и вызвало «возврат» её Метнерами Ильину (возврат должен был иметь место, ибо как иначе Ильин узнал так быстро это новое для себя и для всех слово?), а также эти стихи.

Письмо Ильина Метнеру со стихотворением «Мохотъ», содержало, по-видимому, только его, и именно оно воспроизведено ниже (причём в старой орфографии, ибо в противном случае оно много теряет). Однако в ильинском «*Собрании*» своих стихотворений из переписки с Н. К. Метнером (*Архив*, 001 – 0608) имеется ещё один его вариант (рукописный, рукой Ильина), снабжённый своего рода эпиграфом-пояснением, ставящим точку в нашем расследовании об этой телеграмме: «В телеграмме было "Hohot"» (это написано тоже рукой Ильина). В версии «*Собрания*» опущены дефисы в подзаголовке и последней строке, а также большинство кавычек и прописных букв; кроме того вставлена одна строка (печатается нами в квадратных скобках).

[1136] В версии «*Собрания*», напоминающем один из черновиков этого стихотворения, первоначально было «Пожелать», но оно зачёркнуто и заменено на «Отпустить».

[1137] Mohatra – средневековый термин арабского происхождения, означающий договор скрытого займа.

[1138] В «*Собрании*» первоначально было «Они», но уже там заменено на «Взяли».

[1139] В версии «*Собрания*» сверху приписано слово «опять», так что вместо «И нигде» можно прочесть «и опять» (в публикации в *Ильин, т. 32*. С. 668 нами ошибочно указано «где опять»; ошибка объясняется тем, что Ильиным сначала было написано «И где», затем вставлено сверху «ни», так что стало «И нигде», после чего

слово «нигде» было замарано, но замарано бледно, а сбоку-сверху от «где» приписано «опять»).

[1140] Имеется в виду «Полный французско-русский словарь, составленный Н. П. Макаровым», выдержавший множество изданий и бывший до революции 1917 г. основным такого рода словарём. В доступном нам издании (11-м, 1904 г.) указанная статья находится на 710 странице (Ильин, очевидно, пользовался одним из ранних изданий, разделённом на тома) и отличается от приведённой Ильиным лишь отсутствием знака вопроса в скобках, а также вместо «– s. m. –» в словаре лишь более компактное «sm.», что означает substantif masculin, т. е. имя существительное мужского рода.

В издании, имеющем прямое отношение к музыке, невозможно не отметить, что составитель этого словаря Николай Петрович Макаров (1810–1890) был, кроме прочего, известным музыкантом-гитаристом, а кроме того, по одной из не до конца подтверждённых версий, автором слов известнейшей песни «Однозвучно гремит колокольчик» (срв. *Эйхенбаум Б. М.* Мой временник: художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. – СПб.: Инапресс, 2001. С. 288–289).

[1141] Так в тексте. Скорее всего, это не ошибка и не описка, а продолжение какой-то давней шутки, далее встречающееся в переписке многократно. Бульдегом (от *фр.* boules de gomme) – лекарство от кашля в виде конфет, которые нужно медленно рассасывать.

[1142] «/8» (дата по юлианскому календарю) и год: «1932» – это, по-видимому, позднейшие приписки Ильина к первоначальному «21 апр.».

[1143] Это же есть как будто бы и в письме № 218: «Бесконечно радуюсь твоему словесному писанию. Бранись, формулируй, взывай! Это необходимо! Сколько лет я об этом мечтал! Если бы понадобился тебе в этом деле ***я*** – то "ты видишь – я у ног твоих"». Однако то письмо было ***до*** «хохота» (№ 220), описываемое же Ильиным (восстановленные остатки его опубликованы за № 221) – «первое ***после*** "хохота"» [Выделено мной. – *А. Л.*].

[1144] Oh, mon Dieu! (*фр.*) – О, Боже мой!

[1145] С. В. Рахманинов ещё до революции возглавил художественный совет Российского музыкального издательства (РМИ), созданного дирижёром С. А. Кусевицким в 1909 г. и базировавшегося изначально в Берлине (и Лейпциге), так что после революции 1917 г.

оно беспрепятственно продолжило работу и Рахманинов принимал в нём столь же активное участие. С 1920 г. РМИ работало в Париже, а в 1938 г. оно было продано «Boosey & Hawkes», крупнейшему британскому музыкальному издательству. Однако Ильин имеет в виду не его, а издательство «ТАИР», осно-ванное Рахманиновым, чтобы дать своим дочерям «какое-нибудь серьезное дело» (срв. *Метнер А. М.* [К истории издания книги Н. К. Метнера «Муза и Мода»]. – РНММ, Ф. 132, № 1789; публикуется также в приложении к т. 35 наст. изд.). Начавшее свою деятельность не позже 1927 г. парижское издательство, название которого образовано от первых букв имён дочерей Рахманинова Татьяны и Ирины, к 1932 г. выпустило уже несколько книг (Л. Л. Сабанеева, А. М. Ремизова, И. С. Шмелева и П. П. Потемкина). Вышедшая в свет в 1935 г. «Муза и Мода» Метнера стала, кажется, последним предприятием издательства.

[1146] Гукасов Абрам Осипович (1872–1969) – российский нефтепромышленник, доктор естественных и философских наук, меценат и издатель (в том числе, основатель и издатель «*Возрождения*»).

[1147] Русская консерватория в Париже создавалась в 1923–1931 гг. и открылась вместе с парижским Русским музыкальным обществом (см. комм. 1031) в 1931 г. Позднее получила имя Рахманинова.

[1148] Т. е. с Марселем Дюпре (см. письмо № 134 и комм. 730).

[1149] Описывая сейчас эту курьёзную историю совершенно серьёзно, Ильин позже не преминул обыграть её юмористически в своём рукописном журнале «Идиотика-обормотика», издеваясь там над оперой Прокофьева «Любовь к трём апельсинам» (см. письмо № 432 или *Ильин*, *т. 32.* С. 417–418).

[1150] Три строки (третья цитируется с необходимым Ильину изменением) из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827). Далее скрыто цитируются первые две строки этого же стихотворения: «Пока не требует поэта \\ К священной жертве Аполлон».

[1151] Срв. письмо Метнера Ильину от 7-го августа 1915 г. (№ 12 выше): «Впрочем, я этого бы не сделал и вообще был бы ниже воды, тише травы, если бы дело касалось только меня, моего яичка, а не того, что мне дороже всего, и чем я пренебречь не имею права, хотя бы этим пренебрегал весь мир». О «Карапете» см. комм. 214.

[1152] «Трагично-мрачноват» обведено красным карандашом и тем же карандошом приставлен к обведённому знак вопроса (несомненно метнеровский). То же – в посл. предложении п. 2.

[1153] Con timidezza (*ит.*) – робко. Так действительно обозначена (см. *Метнер Н. К.* Собрание сочинений, том II. Сочинения для фортепиано. – М.: Музгиз, 1959. С. 52), в обрамлении «dolce cantabile» (нежно-певуче) и «ma a tempo» (но в темпе), одна из тем посвящённой Г. Л. Катуару фортепианной сонаты Метнера (g-moll, ор. 22; написана в 1909–1910 гг. и издана РМИ в 1910 г.).

[1154] Allegretto tranquillo e grazioso, dolce (*ит.*) – оживленно безмятежно и изящно, нежно. В ор. 51 № 3 (Шесть сказок. Посвящается Золушке и Иванушке-Дурачку. III; см. *Метнер Н. К.* Собрание сочинений, том IV. Сочинения для фортепиано. – М.: Музгиз, 1960. С. 73) указано в обозначении темпа сочинения только «Allegretto tranquillo e grazioso»; «dolce» же подписано лишь под первыми нотами.

[1155] Последняя строка письма (содержащая это и следующее предложения) написана по левому полю последней его страницы.

[1156] Речь о «Грозовой сонате» (ор. 53 № 2; чуть ниже она названа по-французски «Orageuse»), а уже напечатанная, о которой говорится далее, – это № 1 того же ор. 53 («Романтическая соната»).

[1157] По всей видимости, Анна Михайловна ошибается, и первое из писем («первое после "мохота"», т. е. от 7 апреля, см. № 221) было всё-таки утрачено и до Метнеров не добралось. Как впоследствии и мы при подготовке к изданию *Ильин, т. 32*, Анна Михайловна, скорее всего, смешивает это письмо с первым (№ 218) письмом Ильина, связанным с оперой на либретто Мариэтты Шагинян.

[1158] Эта надежда А. М. Метнер оправдается, и учениками Метнера Марией Александровной Гурвич (урожд. Розенблюм; 1897–1981), Леопольдом Генриховичем Лукомским (1898–1959) и Пантелеймоном Ивановичем Васильевым (1891–1977; см. о нём комм. 1435) будет подготовлена к изданию и в 1963 г. издана в Москве (в 1979 г. выйдет второе издание) книга *Метнер Н. К.* Повседневная работа пианиста и композитора: Страницы из записных книжек.

[1159] Эта недатированная записочка, очевидно, была вложена в предыдущее письмо А. М. Метнер. На ней позднейшая пометка Ильина: «3 май 1932», но 4-е мая как дата написания вернее, ибо 3-го ещё не нужно было бы задерживать письма Анны Михайловны. Здесь же отметим, что Пасха в 1932 г. выпала на 1 мая.

[1160] Windinsel (*нем.*) – остров ветра. Возможно, здесь у Ильина оговорка, и он имел в виду Windstille (*нем.*) – безветрие.

[1161] Горгулов Павел Тимофеевич (1895–1932) – русский эмигрант, медик и литератор, стрелявший 6 мая 1932 г. во французского президента Поля Думера (1857–1932), умершего на следующий день от полученных ранений. Покушение Горгулова вызвало сильнейшую реакцию в русской эмиграции, что подтверждает косвенно и комментируемое письмо Ильина (очевидно, Ильин пишет о «горгуловщине» без какого бы то ни было встречного запроса со стороны Метнеров). По всей видимости, Горгулов был психически нездоровым литератором-графоманом, в своих политических построениях вполне одиноким (созданная им «партия» едва ли имела членом кого-либо, кроме его самого). Декларируемые взгляды Горгулова с современной точки зрения могут быть названы националистическими, но нет нужды говорить, что они имеют мало общего с, например, теорией национализма Ильина (см., напр., соотв. главу «Пути духовного обновления»). Сам он в конце концов назвал себя фашистом (при обыске после убийства французского президента у него были изъяты «Мемуары доктора Павла Горгулова, верховного председателя политической партии русских фашистов, который убил президента республики») и, по его словам, мстил Франции, отказавшейся от борьбы с большевиками.

Ильин однако (не зная ещё почти ничего из вышеизложенного), по-видимому, был уверен в большевицком источнике теракта Горгулова, что выразилось и в его статье «Смысл события», написанной для газеты «Возрождение» (опубл. в № 2557 от 2 июня 1932 г.; см. также: *Ильин, т. 31.* С. 319–324), на которую Н. К. Метнер отозвался публикуемым ниже письмом № 235.

[1162] «Тамошняя» – т. е. французская, парижская (эмиграция), очень остро воспринявшая совершённое Горгуловым. Вечером 7 мая (в день смерти президента) покончил с собой, выбросившись из окна, русский эмигрант, корнет Сергей Дмитриев, работавший в Париже официантом. В предсмертной записке он, по некоторым сообщениям, написал: «Умираю за Францию».

Об указанном в примечании Ильиным «выражении Шмелева» о второй родине: оно взято из письма Шмелёва Ильину от 14 мая 1932 г.: «...налетел камень-ураган и ударил в душу так, что я долго не мог опамятоваться. Ну да, говорю об убийстве Президента. Все в воле Божией, но такого испытания... – кажется, уже сверх меры. О, мир многострадальный! О, бездна его!.. Нет сил думать, гово-

рить, вникать. Отупение. Так неделю и ходил, как молнией ожженный. Доколе, Господи!?.. И знаете, только тут я познал, что Франция – наша вторая родина, – и так больно!.. Нет, тут словами не скажешь» (см. *Ильин, т. 15.* С. 273). Позже (в письме от 3 августа 1932 г.) Ильин пишет Шмелёву: «Читали ли Вы речь идиота-прокурора в процессе убийцы? Убедились ли Вы, что никакой "второй родины" *нет*, не бывает – и *не может быть*? Из этой речи это просто явственно» (*Там же*. С. 288), на что Шмелёв 6 августа отвечает: «Да, правы Вы: "второй родины" быть не может» (*Там же*. С. 291).

[1163] Velden am Wörtersee (Фельден-на-Вёртер-Зее) – ярмарочный городок в округе Филлах-Ланд, в австрийской земле Каринтия. Расположенный на западном берегу озера Вёртер-Зее, он является одним из самых популярных курортов Австрии.

[1164] Скорее всего, это письмо было отправлено вместе с предыдущим.

[1165] Badesaison (*нем.*) – купальный сезон.

[1166] Семо и овамо (*церк.-сл.*) – тут и там.

[1167] Accessoire; jardin de plantes (*фр.*) – принадлежность; ботанический сад.

[1168] Лядвия (*церк.-сл.*) – бёдра. Точнее – мышцы на бёдрах, ляжки.

[1169] Срв. *церк.-сл.* текст 7-й заповеди: «Не прелюбы сотвори» (Исх. 20, 14).

[1170] Есьмы (есмы, есми), есте, суть – утраченные большей частью современным русским языком (кроме всё ещё умирающего «суть») формы множественного числа глагола «быть» («быти»): азъ есмь, ты еси, онъ (она, оно) есть; мы есмы, вы есте, они суть.

[1171] Preblauer – распространённая по всей Австрии популярная марка минеральной воды из небольшого городка Пребл в Каринтии.

[1172] Пуглица, кисёмка (*простонар.*) – пуговица, тесёмка.

[1173] От *фр.* sourire – усмешка, улыбка, ухмылка.

[1174] Здесь, скорее всего: тронут (от *фр.* toucher – касаться, дотрагиваться; je suis touché – я тронут) и не имеет отношения к тушé в музыке (т. е. к способу или характеру прикосновения к клавишам фортепиано, влияющему на силу и окраску звука).

[1175] Аллюзии на известные поговорки «Пристал как банный лист», «В огорозе бузина, а в Киеве дядька», «Слушать ухом, а не брюхом».

[1176] Т. е. «и т. п.», «и тому подобное».

[1177] Очевидно, здесь «зашифровано» слово «complementness» или т. п., означающее (здесь) приношение комплиментов, или же просто синоним благодарности (срв. *англ.* thankfulness или gratefulness).

[1178] См. комм. 63.

[1179] Срв. комм. 1109.

[1180] Письмо не датировано. На первой странице над приветствием позднейшая приписка Ильина: «1932 апрель», очевидно ошибочная, ибо это письмо является ответом на ильинское от 18 мая. Датировано по следующему письму А. М. Метнер (от 30 мая и 1 июня), часть которого написана до, а другая часть – после него. Несмотря на, казалось бы, прямое указание Анны Михайловны в части её письма от 1 июня: «Написал он сейчас только...», имеющее, очевидно, в виду именно комментируемое письмо, выскажем предположение, что 1 июня – лишь наиболее вероятная дата завершения этого письма. Скорее всего, начато оно было вскоре после получения ильинского от 18 мая, ибо написано на трёх типографски пронумерованных блокнотных листках (4, 5 и 6), тогда как обширный постскриптум Н. К. Метнера к письму А. М. Метнер от 30 мая и 1 июня написан – очевидно, 1 июня, – на листке 28 из того же блокнота. Также нам кажется более вероятным, что письмо написано за несколько дней до письма А. М. Метнер и лишь отправлено вместе с ним (1 июня Н. М. Метнер, самое большее, дописал прощальные строки на листке блокнота с номером 6, чуть позже добавив на листке 28 постскриптум к письму своей супруги).

[1181] См. комм. 12.

[1182] О «творческом колодце» см. письмо № 42 и комм. 237.

[1183] Ильин на самом деле отправил Метнеру не свои, а конские волосы (см. письмо № 225 и комм. 1126).

[1184] Срв. письмо № 147 и комм. 780.

[1185] Речь, очевидно, не о книге «Entfesselung der Unterwelt. Ein Querschnitt durch die Bolschewisiereung Deutschland» (см. комм. 903), которую Ильин отправит Метнерам в ответ на это письмо (см. далее), а о немецком варианте брошюры «Яд большевизма»: «Gift, Geist und Wesen des Bolschewismus [(*нем.*) Яд, дух и сущность большевизма]». – Berlin: Eckart-Verlag, 1932. См. *Ильин, т. 7.* С. 578.

[1186] Как видно, Анна Михайловна, так же, как и Ильин (срв. комм. 1161), уверена в том, что Горгуловым руководили большеви-

ки или пробольшевицкие силы в Европе (социалистическое «подполье»).

[1187] В оригинале дважды «своих», что является явной опиской: очевидно, имелось в виду «всех своих».

[1188] На первой его странице позднейшая пометка рукой Ильина: «1 июня 1932».

[1189] См. комм. 1161.

[1190] Точнее: Иак. 2, 19–20.

[1191] Письмо без всяких сомнений является ответом на предыдущие письма Н. К. Метнера, а следующее письмо последнего (от 12 июля 1932 г.) является, в свою очередь, очевидным и, как следует из содержания, сильно запоздалым ответом на него. Однако оно не датировано и, судя по позднейшей ильинской пометке на нём («1946 (?)»), сам Ильин затруднился в определении его даты. Кроме того, это указание переместило его в папку с письмами Ильина Метнерам 1946 г., по которой оно и публикуется (*Архив*, 005 – 0056). Написано же письмо, скорее всего, сразу или в ближайшие дни по получении Ильиным письма Метнера от 4 июня 1932 г., т. е. в начале (не ранее 6) – середине июня 1932 г.

Заметим, что пометка Ильина косвенно свидетельствует и о том, что состояние, подобное описываемому в письме, он испытывал и в 1946 г.

По приписке Н. Н. Ильиной («Грустно, что мы не можем вместе посмотреть какое-нибудь озеро или долину...»), а, с другой стороны, по указанию самого Ильина (см. *Ильин, т. 21.* С. 517: «1932 [...] 18 мая Velden am Wörtersee до июля») заключаем, что письмо написано в Фельден-на-Вёртер-Зее.

[1192] Астения (иногда – асфения) означает не недержание, а отсутствие сил, слабость (от *др.-греч.* ἀσθένεια). Недержание же по-гречески обозначается совсем иным словом (ἀκράτεια). По-видимому, Ильин смешивает корень слова «астения» с первым таковым в слове «стенокардия», происходящим от *др.-греч.* στενός – узкий, тесный. Т. е. «астенический», по его словообразованию (заведомо шутливо-неверному, как часто у него встречается, или же просто ошибочному), – широкий, не могущий удержать.

[1193] О К. Константинове и чествовании А. К. Глазунова (в связи с 50-летием со дня его первого выступления; см. отчёт о нём в *Возрождении*, № 2562 от 6 июня 1932 г.) см. в след. письме.

[1194] Именно так в оригинале: Николавной.

[1195] Ракалия (от *фр.* racaille, низкое племя, отбросы общества) – бестия, негодяй, подлец, сволочь.

[1196] См. комм. 903.

[1197] Уголок второго листа письма оторван, но текст повреждён очень мало: всё отсутствующее легко, на обеих страницах, восстанавливается по смыслу. Мы, впрочем, заключили, здесь и выше, недостающие буквы в прямые скобки, и осталось лишь заметить, что и сам Ильин, перечитывая письмо, подписал в этом месте чуть ниже строки своей рукой слово «точное», восстанавливая утраченное.

[1198] Куафёр (от *фр.* coiffeur) – парикхмахер.

[1199] В Москве Ильины жили в Крестовоздвиженском переулке, подходящем с северной её стороны к улице Знаменка почти в том же месте, где к ней примыкает (с южной стороны) и Большой Знаменский переулок, так что один из них служит, практически точно, продолжением другого. То есть, по всей видимости, Метнер вспоминает некоторое памятное ему событие московской жизни, бывшее в квартире Ильиных.

[1200] К написанному Метнером о Константинове (1903 – 1947) добавим, что он сам называл себя просто Костей, быть может в подражание своим почти ровесникам Яше (на самом деле, Иосифу Рувимовичу, 1901 – 1987) Хейфецу, знаменитому скрипачу, и Мите Никишу (1899 – 1936), пианисту и композитору, сыну знаменитого дирижёра Артура Никиша. Через пять лет после того, как М. Никиш покончил с собой, в 1941 г., «Костя» Константинов исполнил партию фортепиано в премьерном исполнении его фортепианного концерта, причём в программе вечера сообщалось, что исполнитель был другом детства М. Никиша. Имя его заключено в кавычки («Костя») даже в некрологе, после его трагической гибели в авиакатастрофе опубликованном 31 мая 1947 г. газетой «Русская мысль» за подписью Н. Берберовой («Гибель К. Константинова»). Метнер, по всей видимости, слушал музыку К. Константинова не к шекспировской «Двенадцатой ночи», а к «Гамлету», в 1931 г. представленному в Париже во время своих гастролей труппой М. Чехова. Как композитор К. Константинов был весьма плодовит (список его сочинений внушителен, но большинство их написано после 1932 г.), однако оказался, судя по всему, полностью забытым (ни одной аудиозаписи его сочинений нам обнаружить не удалось). Оценить

его как пианиста можно по записи 1-го фортепианного концерта П. И. Чайковского, исполненного им и оркестром Парижской консерватории под управлением Шарля Мюнша.

[1201] РНММ. Ф. 132, № 4763. Довольно аккуратная рука А. М. Метнер (в документе, в частности, полностью отсутствуют пометки) говорит, что перед нами именно выдержки из предыдущего письма, сделанные А. М. Метнер, а не, как быть может можно было бы подумать, его черновик (черновик-стенограмма писался бы ею гораздо небрежнее – по крайней мере так, как характерно для её писем; кроме того, едва ли Н. К. Метнер переносил бы в своей же рукой написанное письмо *все* фрагменты черновика, да ещё и с *такой* точностью – подобная точность характерна для *списков* с оригиналов, но не для *самих* оригиналов). Наконец, на то, что это именно выдержки из письма супруга, указывает использование А. М. Метнер квадратных скобок для ***своего*** указания-примечания внутри текста.

[1202] РНММ. Ф. 132, № 4778. Письмо не датировано, однако по ссылке в нём на статью А. Ренникова в номере «*Возрождения*» от 12 августа, по перекличке с письмом Ильина Шмелёву от 3.VIII.1932 (см. *Ильин, т. 15.* С. 287–288), а ещё больше – по ответу, очевидно именно на это письмо, А. М. Метнер, датированному 21-м августа 1932 г., заключаем, что письмо написано в середине августа 1932 г. Скорее всего, между 15-м и 18-м числами.

[1203] Ильин имеет в виду т. н. учение о слезах и плаче восточных христианских подвижников, знакомое ему, по всей видимости, в основном по русскому «Добротолюбию». Конечно, там нигде не «прописывается» плакать по трижды в день и даже плакать, как ребёнок. Однако в этих его словах несомненен отголосок знакомства именно со строками «Добротолюбия», посвящёнными плачу.

Здесь же отметим, что строки о лечении слезами и учении аскетов приписаны к абзацу уже после написания письма (уменьшенным почерком, в две строчки, на оставшемся свободным после многоточия месте основной строки).

[1204] Речь о книге Ильина, предполагавшейся быть опубликованной под псевдонимом Julius Schweikert (фамилия его деда по матери) «Die ewige Grundlagen des Lebens [(*нем.*) Вечные основы жизни]»), изданной впервые в 1943 г. в издательстве Aehren Verlag Zürich под настоящим именем Ильина (Professor Dr. Iwan Iljin). Русский вариант этой книги – «Путь духовного обновления» – Ильин

готовил с 1932 по 1935 гг., и он был опубликован раньше (в 1937 г. в Белграде, см. комм. 35-230).

[1205] Т. е. Ильина (см. пред. комм. и комм. 903).

[1206] Любопытная поправка, к вопросу о важности для самого Ильина используемой им пунктуации: первоначально предложение завершалось многоточием, которое затем было аккуратно заштриховано, а сверху его поставлена заметная точка.

[1207] Первые две буквы («сл») написаны поверх отчётливо читающегося «sess», однако смысл последнего неясен и восстановить первоначальную мысль Ильина не удаётся.

[1208] См. письмо № 161 и комм. 899.

[1209] Аллюзия на Лк. 19, 40.

[1210] Всё это предложение отчёркнуто вертикальной линией на полях. Речь в нём о статье «Маленький фельетон: Ветви большевизма» Андрея Ренникова (настоящее имя Андрей Митрофанович Селитренников; 1882–1957), писателя и журналиста, начинавшего ещё в газете А. С. Суворина «Новое время» (в 1912 г.), где стали печататься его рассказы и очерки, быстро принесшие ему популярность. В гражданскую войну, в занятом Добровольческой армией Ростове-на-Дону, он издавал газету «Заря России». В марте 1920 г. выехал из России и обосновался в Югославии, где вместе с сыном Суворина возобновил газету «Новое Время» (1921–1926), в которой печатался, в том числе, и Ильин. В 1926 г. Ренников предпринимал безуспешные попытки перенести «Новое Время» в Париж, где вскоре стал сотрудником газеты «*Возрождение*», регулярно публикуя в ней свои рассказы, статьи и очерки («Маленький фельетон» есть на деле отдельная рубрика, принадлежавшая А. Ренникову, под заголовком которой вышло много его коротких заметок).

Фельетон Ренникова (*Возрождение,* № 2628 от 12.08.1932) настолько яркий, что позволим себе его привести полностью, ибо темы его во многом перекликаются с таковыми из переписки Ильина и Метнера.

Маленький фельетон

Ветви большевизма

Когда советские композиторы пишут симфонии на темы строительства, это еще можно понять.

Во-первых, есть семье надо. Во-вторых, пить надо. В-третьих, несчастные малолетние дети – тоже, как-никак, музыкальный фактор.

При подобных обстоятельствах вполне естественно по заданию начальства искать звуковые красоты в работе комбайнов, в гудении моторов, в шуршании приводных ремней.

Симфонические картины, в роде «Па д'асие» [Т. е. «Le pas d'acier» – французское название балета «Стальной скок» или же оркестровой сюиты из него. – *А. Л.*] товарища Прокофьева не должны удивлять сообразительного слушателя, понимающего, что художественная связь с советами легко не дается. Время наивных пасторальных бетховенских звукоподражаний кукушке [Речь о Пасторальной симфонии (№ 6) Бетховена. – *А. Л.*] безвозвратно прошло. Скрипки должны изображать теперь индустриализацию, виолончели – социализацию, кларнеты – журчание воды Днепростроя, фаготы – гнусавые голоса спецов-вредителей, тимпаны – призывные речи партийцев.

И подражание реву машин, превращение музыкальных инструментов в звучащие орудия производства, непрерывный шум, треск, грохот советских симфоний, в конце концов, имеют свой смысл: провести произведение через столкновение заданий и разрешить полученный диссонанс в желанном аккорде одобрения властей.

А вот, чего я никак не могу понять, это некоторых западных композиторов, живущих на полной свободе.

Симфонического начальства у них нет. Чеки – тоже. Социальные заказы отсутствуют. И, между тем, слушаешь их в концертных залах, слушаешь по радио и удивляешься:

– Неужели большевизм царствует всюду?

Для примера приведу, если угодно, нового американского композитора Мак Локлина. Симфоническая его картина сейчас имеет успех. Начинается она с тревожного выступления, проходит через примитивные варганы, гобои, смычковые, достигает максимума напряжения в какофоническом «тутти», заканчиваясь успокоительным пианиссимо в самом финале...

И изображает симфония эта не более, не менее, как заболевание человека гриппом.

Впрочем, так и называется: «Грипп».

Кларнеты в начале картины, согласно толкованию автора, дают первые признаки инфлуэнцы. Больному как-то не по себе. Он жалуется на общую ломоту в теле, на слабость, быструю утомляемость мышц. Со вступлением пищалок-варганов больной ложится

в постель. Начинается головная боль. Температура повышается. Все тело будто избито, во рту ощущение тошноты: в глазах муть...

Но вот вступают гобои. За ними струнные. Начинается пропотевание. В каденцах скрипок пот струится все больше и больше, каскадами. Контрабасы урчат, говоря, что все тело уже мокро, мокры даже простыни. А затем виолончели возвещают, что кризис прошел. Все остальные инструменты, особенно медные, торжествующе подхватывают: температура упала! И счастливый пациент засыпает. Нежное пианиссимо баюкает его тихими снами. Скрипки взбираются на высоту седьмой позиции, чтобы не тревожить покоя. Рядом с ними, ниже, альты. Флейты говорят о блаженной улыбке выздоровления...

И с последними звуками взрыв аплодисментов среди американской публики.

Ибо это так близко каждому и так понятно:

Грипп!

Совсем, как пятилетка для населения советской России.

* * *

Шопенгауэр, как известно, был большим поклонником музыки. Ценя ее вдохновенность, ее мистическое действие на душу, он отвел ей в своей философской системе особое почетное место.

В иллюзорном круге представлений музыка, по его мнению, обладает особым свойством, приводит нас в соприкосновение с трансцендентным миром, с «вещью в себе».

Шопенгауэр, конечно, не мог знать тогда ни Равеля, ни Прокофьева, ни Стравинского, ни Шарпантье. Увлеченный Бетховеном, Шуманом, Шубертом, он наивно почувствовал в музыке начало божественности, чудо проникновения в мир потустороннего, вечного.

Но живи он сейчас... И слушай каждый день но радио сначала сонатину Мориса Равеля, потом «Стальной скок» Прокофьева, затем «Петрушку» Стравинского, после этого «Грипп» Мак Локлина, а в промежутках между всем этим – джаз, джаз, джаз, джаз...

Конечно, никакого проникновения в вещь в себе он в таком случае музыке не приписал бы.

И наоборот. Все строки о ней в своем «Мир как воля и представление» с озлоблением вычеркнул бы.

А. Ренников.

Добавим, что «американский композитор Мак Локлин» и его симфония «Грипп» суть, скорее всего, не более чем сатирическая выдумка автора фельетона (никаких следов такого композитора отыскать не удалось, но не удалось отыскать и никаких следов такого рода сочинения – существуй же оно на деле, стать столь прочно забытым оно едва ли могло, каким бы слабым ни было).

[1211] Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» (1830).

[1212] Зачёркнутое «Риги. До востребования» выдаёт место, куда Ильин намеревался отправиться и отправился в конце августа 1932 г. (срв. *Ильин, т. 21.* С. 517) из цюрихского отеля «Зонненберг», где, по-видимому, и писал это письмо и куда намеревался вернуться. Риги (Rigi) – горный массив в центральной Швейцарии, на границе кантонов Люцерн и Швиц, между Фирвальдштетским (Люцернским) и Цугским (Zugersee) озёрами.

[1213] Имеются в виду аресты Ильина в 1918–1922 гг.

[1214] Т. е., по-современному, в Таллине и Хельсинки.

[1215] Письмо не датировано, но на нём позднейшая надпись рукою Ильина: «1932. август». Написано оно в ответ на предыдущее письмо А. М. Метнер, после встречи со Сванами у Рахманиновых 23 августа и до получения следующих писем от Метнеров (отправленных, судя по всему, 1 сентября 1932 г., см. ниже).

[1216] Was hast Du mich blank gerüstet, wenn mein Volk mich nicht begehrt (*нем.*) – Зачем Ты меня блестяще подготовил, если мой народ не желает меня. Первые две строки третьей строфы стихотворения Й. Эйхендорфа 1810 г. «Gebet [(*нем.*) Молитва]».

[1217] Евр. 10, 31.

[1218] Выдержки из Сенеки, озаглавленные «О Божественном Провидении», завершают № 9 «Русского Колокола».

[1219] Гриндельвальд (Grindelwald) – курортный швейцарский городок в кантоне Берн.

[1220] Т. е. на горе Rigi, см. комм. 1212.

[1221] Weggis (Веггис) – поселение (коммуна) в Швейцарии на берегу Люцернского (Фирвальдштетского) озера.

[1222] Женой С. В. Рахманинова.

[1223] Хертенштейн – деревня в составе коммуны Веггис, в которой находится вилла Рахманинова Сенар (название образовано от первых двух букв имён Сергей и Наталья, а также первой буквы их фамилии, срв. комм. 1145 о назв. «Таир»), выстроенная как раз

к лету 1932 г. на купленном Рахманиновым в 1930 г. участке земли у берега Люцернского озера.

[1224] Schynige Platte – одно из самых красивых мест в Швейцарии, в самом центре страны, неподалёку от Интерлакена: небольшой горный хребет и смотровая площадка в Бернском нагорье.

[1225] Т. е. 9-я симфония Л. ван Бетховена и опера-мистерия «Парсифаль» Р. Вагнера.

[1226] Анна Ярославна (между 1025 и 1036 – между 1075 и 1079) – одна из дочерей великого князя Киевского Ярослава Мудрого, выданная им замуж за французского короля Генриха I (1008–1060).

[1227] Дата, поставленная Анной Михайловной на своём письме, очевидно ошибочна, ибо оно является ответом на предыдущее ильинское, содержит упоминание о встрече Ильиных со Сванами у Рахманиновых 23 августа 1932 г., а, главное, написано «кратко», ибо не хочет «задерживать отправку Колиной карточки» – очевидно, от 30 августа (т. е. предыдущее письмо). По всей видимости, его истинная дата – или 31 августа, или же (что на наш взгляд вернее) – 1 сентября 1932 г.

[1228] Первая супруга А. Свана, филолог и педагог Екатерина Владимировна Сван (1890–1944) оставила (дневниковые) воспоминания о встрече с Метнерами в Нормандии в августе 1928 г. (см. *Метнер. Материалы.* С. 154–159). Здесь речь о её статье об испанском живописце позднего Реннесанса Доменикосе Теотокопулосе, известном как Эль Греко (1541–1614), опубликованной в газете «Россия и Славянство» (№ 171 от 5 марта 1932 г.).

[1229] Липаев Иван Васильевич (1865–1942) – тромбонист, педагог, а также очень плодовитый автор множества заметок, статей и популярных брошюр (в основном выходивших до революции), музыкальный критик и литератор. Преподавал историю музыки в Саратовской консерватории (в 1912–1921 гг.), в московских музыкальных техникумах и училище им. М. М. Ипполитова-Иванова (в 1923–1934 гг.).

[1230] Т. е. работы Н. Н. Ильиной. См. комм. 582 и 942.

[1231] Т. е. деревянной битой для детской игры в лапту, «осаленный» которой (или мячом – в зависимости от варьирующихся от местности к местности правил) игрок выбывает из игры.

[1232] Имеется в виду статья «Что такое искусство[?]. Сергею Васильевичу Рахманинову» // *Возрождение*, № 2678 от 1.10.1932.

См. также *Ильин, т. 6*, кн 2. С. 319–326. Впоследствии эта статья, в несколько изменённом виде, стала первой главой труда Ильина «Основы художества. О совершенном в искусстве», изданного им в Риге в 1937 г. См. также *Ильин, т. 6, кн 1*. С. 53–62.

[1233] Бернхард Оскар фон Риземан (1880–1934) – немецкий музыковед. В 1899–1904 гг. учился в Московском университете (вначале на историко-филологическом, затем на юридическом факультете), в 1907 г. защитил диссертацию о древнерусском песенном искусстве и вообще много писал о русской музыке; в частности, проживая до революции в Москве, написал ряд рецензий на московские концерты Метнера (см. *Метнер. Письма*. С. 213). В 1934 г. издал в Нью-Йорке книгу «Rachmaninoff's Recollections Told to Oskar von Riesemann [(*англ.*) Воспоминания Рахманинова, записанные Оскаром фон Риземаном]», о подготовке которой и Ильину и Метнеру, очевидно, было в сентябре 1932 г. уже хорошо известно.

[1234] Если *эзотерический* (от *др.-греч.* ἐσωτερικός – внутренний) указывает на нечто, так или иначе не доступное широкому кругу лиц, то *экзотерический* (от *др.-греч.* ἐξωτερικός – внешний, наружный) – на не скрываемое от непосвящённых, открытое для понимания внешними.

[1235] Имеется в виду статья «Что такое художественность[?]. Николаю Карловичу Метнеру» // *Возрождение*, № 2678 от 1.10.1932. См. также *Ильин, т. 6, кн. 2*. С. 327–333.

[1236] Имеется в виду статья «Искусство и вкус толпы. Ивану Сергеевичу Шмелеву» // *Возрождение*, № 2772 от 3.01.1933. См. также *Ильин, т. 6, кн. 2*. С. 334–339.

[1237] Дочь С. В. Рахманинова Татьяна (1907–1961) вышла замуж в 1932 г. за Бориса Юльевича Конюса (1904–1988), сына Юлия Эдуардовича Конюса, брата Льва и Георгия Конюсов (см. комм. 447). В этом браке родился через год Александр Рахманинов-Конюс (1933–2012).

[1238] Fermo in posta (точнее, fermo posta, *ит.*) – до востребования.

[1239] Т. е. в Париж.

[1240] Т. е. ор. 53 № 2 и ор. 54 (см. комм. 1043).

[1241] См. комм. 1199.

[1242] Es ist dafür gesorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen (*нем.*) – предусмотрено, чтобы деревья не врастали в небо. Немецкая поговорка, соответствующая русским: «выше лба уши не растут»,

«выше головы не прыгнешь», «всему есть свой предел» и т. п. Поговорка приписывается И. В. Гёте (не одним Метнером – подобные отсылки встречаются, напр., у М. Цветаевой в письме Б. Пастернаку от 18 марта 1931 г. или в воспоминаниях петрашевца Д. Д. Ахшарумова – см. стр. 93 по изданию 1905 г.), по всей видимости, потому, что он поставил её подзаголовком-эпиграфом на титульном листе третьей части своей «Aus meinem Leben: Dichtung und Wahrheit [(*нем.*) Из моей жизни: поэзия и правда]»), см. напр., первое издание: Tůbingen, in der J. G. Cottaiſchen Buchhandlung, 1814. Перевод изречения-поговорки, приведённый выше, заимствован из русского перевода указ. сочинения Гёте, принадлежащего Н. Ман (см. *Гёте И. В.* Собрание сочинений в 10 тт. Т. 3. – М.: Художественная литература, 1976. С. 379).

[1243] Выше этого слова карандашом написано слово «зерно». Почерк Ильина, но «позднего». У Метнера же речь о статье И. С. Шмелева «Русский писатель. Полвека писательского труда А. В. Амфитеатрова», но не из «*Возрождения*», а из газеты «Россия и славянство» (№ 191 от 23 июля 1932 г.). В частности, имеются в виду следующие её строки: «Это "располагающее" проходит и в книгах А. В. Амфитеатрова: задушевность и простота рассказа, некая свободность речи, с шуткой и благодушием, с острой, порой, ухмылкой, крепко цепляющей, но без зла, отсутствие крохоборства, оглядки, чеканные слова, желание щегольнуть, – отсутствие точной формы». См. также комм. 1361.

[1244] Прежде пансион Тонна (срв. комм. 663) указывался как располагавшийся на Lützowstrasse, теперь же в качестве адреса указан знаменитый, весьма протяжённый (так что номер 200 не должен удивлять) берлинский бульвар Kurfürstendamm (*досл.* – курфюрстова дамба) в округе Шарлоттенбург-Вильмерсдорф, довольно далеко от Лютцовштрассе. По-видимому, это был ещё один дом, принадлежавший тому же владельцу. Зоденерштрассе же расположена южнее бульвара в том же округе.

[1245] Лидо (Lido) – протяжённый (двенадцатикилометровый) остров, отделяющий Венецианскую лагуну от Адриатического моря, приблизительно в 1 км от Венеции. Любопытно, что именно в 1932 г. (в августе) здесь, на Лидо, прошёл первый (в будущем знаменитый) Венецианский кинофестиваль, однако Ильины прибыли в Венецию лишь через полтора месяца после его закрытия. Да и кино им было малоинтересно.

[1246] Faire bonne mine (*фр.*) – делать хорошую мину, притворяться.

[1247] Всего вышло три статьи, см. комм. 1232, 1235 и 1236, однако план Ильина вылился в книгу «Основы художества. О совершенном в искусстве», вышедшую в Риге в 1937 г. См. *Ильин*, *т. 6*, *кн. 1*. С. 52–182.

[1248] Письмо написано на двух листах бумаги, второй из которых к моменту подписи содержал пустой оборотную страницу. Дальнейший текст написан на ней. Его содержание срв. с № 200.

[1249] Чуть ниже позднейшая пометка Ильина: «1933», которая, очевидно, ошибочна (хотя бы по указанию в письме на концерт Метнера в Париже при участии А. М. Ян-Рубан, состоявшийся 9 ноября именно 1932 г.; см. *Метнер. Письма.* С. 437). Однако эта ошибка привела к тому, что письмо попало в «папку» писем Метнеров Ильину 1933 г. (*Архив*, 005 – 0189), по которой оно и публикуется. Ошибка Ильина объясняется тем, что и через год Метнеры тоже будут надеяться посетить Россию, и тогда тоже поездка не состоится (однако уже не по решению Метнеров, см. письма №№ 279–280).

[1250] Об А. М. Ян-Рубан см. комм. 99. Программу концерта см. в РНММ. Ф. 132, № 1541.

[1251] Речь, по-видимому (Второй концерт Метнера для фортепиано с оркестром, c-moll op. 50 был издан фирмой Циммермана в 1929 г.), о передаче Метнерам печатных оркестровых партий этого концерта или же просто нескольких экземпляров указ. издания.

[1252] См. комм. 695.

[1253] Т. е. статьи «Что такое художественность[?]. Николаю Карловичу Метнеру» (см. комм. 1235 и 1247).

[1254] Выделенный нами курсивом латвийский адрес, как и «Riga» перед вписанной А. М. Метнер датой, – типографские отметки на, по-видимому, не гостиничной, как можно было бы, быть может, подумать (дом, где остановились Метнеры, до революции был доходным, и, по-видимому, остался после неё чем-то в таком роде), а, видимо, специально заказанной для семейства I. Wolfman'a (из нижеследующего письма № 252: «Получили из Риги трогательные письма из трех домов: Вольфманы (где мы жили)...») бумаге, которой воспользовалась Анна Михайловна для этого и следующего своих писем (в следующем письме не воспроизводятся нами). О Вольфманах см. письмо № 307 и комм. 35-48.

Улица Пулквежа Бриежа (полководца Бриедиса, т. е. Фридриха Андреевича Бриедиса, 1888–1918, героя Первой мировой войны и латышского национального героя; расстрелян на Лубянке в конце августа 1918 г., по всей видимости по личному приказу заместителя Дзержинского Я. Х. Петерса) расположена в историческом центре Риги на правом берегу Даугавы. Дом № 7 сохранился.

[1255] Очевидно, речь о пред. письме, что вполне выясняется из след. письма Ильина, которое объясняет и то, почему от него не было ответа. Что А. М. Метнер действительно была в очень рассеянном-растревоженном состоянии перед поездкой в Ригу, особенно видно из приписки к пред. письму, которая несомненно (срв. первую её фразу) написана 11 ноября, но в которой повторяется отзыв о концерте 9 ноября (как будто в письме, в части от 10 ноября, его не было, да и сам концерт назван прошедшим «вчера», а не «позавчера»).

[1256] Wink (*нем.*) – знак, намёк; Spuk – привидение, призрак; Geist – дух, призрак.

[1257] Мария Михайловна Братенши (1882 – после 1932) – младшая сестра А. М. Метнер.

[1258] Последние строки стихотворения В. А. Жуковского 1824 г. «Таинственный посетитель» («Кто ты, призрак, гость прекрасный?»).

[1259] См. комм. 674.

[1260] Письмо написано на такой же бумаге, что и № 248, причём «17» написано – как будто бы другими чернилами – поверх чего-то другого (как будто бы «le», причём первый символ – явное рукописная латинская «эль», а не цифра «1»; впрочем, не исключено, что это всё же крайне небрежное «16»).

[1261] Анна Михайловна говорит здесь, конечно, о письме № 248, отчасти смешивая его со своим же письмом № 247, которое описал Ильин в двух своих «анекдотах» в № 249.

[1262] Если не указано иное, письма Ильина 1933 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0047, а письма Метнеров за тот же год – по *Архив,* 005 – 0189.

[1263] См. комм. 1236.

[1264] Имеется в виду статья Ильина «Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам. I. Талант» // *Возрождение*, № 2807 от 6.02.1933 (см. также *Ильин, т. 6, кн. 2.* С. 340–345).

[1265] Ильин вновь называет шуточно Г. А. Оцупа Отцупом (срв. письма №№ 159 и 167 и комм. 261 и 912).

Возможно, Ильин разыскивал виолончелиста Константина Исааковича Шапиро (1896–1992), в 1918 г. эмигрировавшего из России в Германию, где в 20-е гг. он учился на философском отделении Фрайбургского университета у Э. Гуссерля, а затем в Лейпцигской консерватории. С 1927–1928 г. (до 1952 г., когда переселился в США) он жил в Японии. Однако более вероятно, что речь всё же не о К. И. Шапиро (ибо его жена, пианистка Ита Шапиро – Лидия Абрамовна Чернецкая (1905–1983) – никак не могла быть определена, срв. начало след. письма, как бывшая и находилась в 1933 г. вместе с супругом в Японии), а о его двоюродном брате, пианисте, выпускнике Московской консерватории (бывшем там учеником Н. К. Метнера) Максе Шапиро (1898–1958), который прибыл в Японию вместе с супругами Константином и Итой Шапиро и прожил там до конца 1930 гг., когда переселился в США. См. *Айзенштадт С. А*. А. Рутин, П. Виноградов, М. Шапиро: русская фортепианная школа в формировании японской музыкальной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 9 (47), ч. 2, 2014. С. 25–29. См. также книгу сына К. И. Шапиро: *Шапиро И. К*. Edokko: история иностранца, выросшего в военной Японии. – М.: КоЛибри, 2010.

Впрочем, Ильин мог разыскивать как одного, так и другого из братьев, а Анна Михайловна, конечно, в своих ответных письмах имеет в виду именно Макса.

[1266] Впервые появляющаяся ещё в письме № 43 и затем надолго забытая, эта шуточная подпись, отсылающая к записи на дощечке онемевшего Захарии, отца св. Иоанна Предтечи (Ангела Ивана Ильина), в ответ спрашивавшим его, как назвать сына (Лк. 1, 63), впоследствии будет многократно использована Ильиным (всего около полусотни раз), до самых последних его писем Метнеру.

[1267] Т. е. в Монморанси, куда Метнеры вернулись после поездки в Ригу.

[1268] О ком идет речь, до конца неясно. В следующем письме Ильина А. М. Метнер (№ 256) он сообщает ей об одном из них, но кто это – политический ли деятель (может быть, Пауль фон Гинденбург (1847–1934), первый, и единственный, рейхспрезидент Герма-

нии? – срв. комм. 1282) или же кто-нибудь из «старичков» Русского научного института, – сказать трудно. Не исключено (и даже очень вероятно, впрочем), что Ильин там (а с ним и Анна Михайловна здесь) так говорит о себе (в письме № 256) или о себе с Наталией Николаевной (срв. в письме № 260: «Старики мои оба...»). Или же речь просто о каких-то соседях (или хозяевах квартиры) Ильиных, с которыми Метнеры познакомились, посетив Ильиных на обратном пути из Риги в Монморанси. Также схожим образом Ильин выразился о себе, быть может, с А. Эртом, но, скорее, вновь с Н. Н. (в письме № 296: «Старички оказались оба не у дел»).

[1269] Дауге Николай Александрович (1894–1964) – латышский музыкант, пианист и преподаватель. Учился в Варшаве, а затем (в 1908–1915 гг.) в Московской консерватории у профессора К. А. Киппа. В 1920 г. вернулся в Ригу, где концертировал (в том числе, исполняя сонаты и сказки Н. К. Метнера) и преподавал в Латвийской консерватории, в 1946 г. став её профессором.

[1270] Климов Константин Евгеньевич (1896–1974) – пианист, музыкант, преподаватель музыки, учился в Латвийской консерватории в классе доцента Н. А. Дауге, друг Н. К. Метнера. Его жена – Ксения Георгиевна (урожд. Александрович; 1899–1965). В 1944 г. они переехали в Австрию, затем в Германию, а в 1948 г. – в Канаду. В 1950 г. К. Е. Климов стал профессором консерватории при университете Лавль в Квебеке. Имеются в виду и другие представители большого семейства Климовых, о каждом из которых см. далее в отдельных комментариях.

[1271] РНММ. Ф. 132, № 792. Письмо не датировано, но по статьям Ильина, о которых в нём идёт речь, в частности и в главном – по последней из таковых, «Искусство и вкус толпы», которая здесь цитируется и которая была опубликована в номере «Возрождения» от 3 января 1933 г. (см. комм. 1236), легко видеть, что оно написано в начале 1933 г., причём, очевидно, после двух опубликованных выше писем 1933 г., в которых идёт речь о её присылке. Однако, судя по всему, это письмо не было отправлено, а в таком случае нахождение его в архиве РНММ означает, что Ильин его никогда не держал в руках. Косвенным подтверждением этому является тот факт, что в ответах Ильина нет следов знакомства с прилагавшимся к письму (или, скорее, собиравшемся быть приложенным) фельетоном об Антоне Брукнере. Ещё одним косвенным подтверждением

неотправки этого, казалось бы полностью законченного (в отличие, напр., от публикуемого следом), письма служит весьма жёсткое, если не жестокое, мнение о Брукнере самого Метнера, изложенное им в письме, которое он не решился в конце концов сообщить даже своему ближайшему другу, сам возможно засомневавшись в его, этого мнения, справедливости. Наконец, сам Н. К. Метнер в письме от 4 марта 1933 г. сообщает, что писал Ильину многократно и именно по поводу его статей, но ничего не отправил. Во всех случаях комментируемое письмо по всему своему характеру не могло быть написано существенно позже присылки Ильиным Метнеру своей статьи «Искусство и вкус толпы», т. е. написано оно было, скорее всего, в самом конце января 1933 г.

[1272] См. комм. 1235 (а также 1232 и 1236).

[1273] На оставшемся обширном свободном месте строки, явно позднейшая, приписка другой рукой (возможно, и даже скорее всего, Н. К. Метнера): «(Кажется это [вошло] в "Основы художества" Ильина)». Все три статьи (в новых редакциях) действительно были включены в книгу И. А. Ильина «Основы художества» (см. первую, седьмую и третью главы; напр., в *Ильин, т. 6, кн. 1*).

[1274] Действительно, симфонии Брукнера, почти все написанные в Вене, где он многие годы преподавал теорию музыки в Венской консерватории, слушателями-современниками не воспринимались и назывались даже бессмысленными и дикими, так что здесь Метнер повторяет, что называется, общее место.

[1275] РНММ. Ф. 132, № 4743. Судя по всему, это именно то письмо, о котором А. М. Метнер пишет в своём следующем: «Коля тут же по прочтении "Искусство и вкус толпы" сел писать Вам, но так и не дописал, потому что оказалось всего в один присест не напишешь, а потом он не мог уже вторично приняться за это, т. к. не отпускает его сейчас работа». И также – одно из тех нескольких неотправленных, о которых Н. М. Метнер сообщает в письме № 257.

Несмотря на отсутствие в этом недатированном незавершённом *черновике* письма точных указаний, на какие именно статьи Ильина отзывается этим черновиком Метнер, то, что

1) речь идёт о *трёх* статьях, посвящённых именно искусству, на первую из которых Метнер Ильину уже ответил и тот «ровно ничего не понял» (срв. письмо № 245, где Н. К. Метнер действительно отзывается на первую статью – с посвящением Рахманинову, –

и отвечающие на это сухие строки Ильина в № 246, косвенно подтверждающие непонимание им того, о чём писал Метнер);

2) упоминается о недавно бывшей личной встрече (срв. встречу в Берлине в декабре 1932 г. при возвращении Метнеров из Риги в Монморанси, на которой и мог, и должен был возобновиться разговор о статье, а также мог и должен был прозвучать этот ильинский ответ о «ровно-ничего-непонимании»);

3) весной 1932 г. Метнер действительно писал много Ильиным «из своих размышлений» (срв. письма №№ 233–235), на что Ильин, пусть и из-за серьёзной болезни, действительно ничего содержательно не отвечал (см. письмо № 236) и действительно обещал ответить статьями;

и, наконец, 4) почерк Н. К. Метнера сходен с его же почерком в других его письмах 1933 г. – всё это говорит о том, что черновик писался в 1933 г., причём до 22 февраля (дата письма А. М. Метнер) и, уж во всяком случае, за несколько дней до 4 марта (дата письма Н. К. Метнера). И заведомо после предыдущего «быстрого» письма, продиктованного Н. К. Метнером А. М. Метнер. То есть в феврале 1933 г.

[1276] Слова, поставленные ***нами*** в скобки вписаны над строкой к этому месту.

[1277] Nürnberger Platz (*нем.*) – Нюрнбергская площадь. Nürnberger Platz – площадь в Берлине в районе Вильмерсдорф. В 1913–1959 гг. на Нюрнбергской площади располагалась также одноимённая станция метрополитена. Что именно имел в виду Метнер, собираясь написать о Nürnberger Platz, неясно. Однако трудно удержаться и не предположить, что на самом деле подразумевается площадь самого Нюрнберга, на которой разворачивается действие последней сцены последнего акта «Нюрнбергских мейстерзингеров» Р. Вагнера – оперы, в которой ставятся (и решаются; в том числе, в указанной сцене) те самые вопросы искусства, что обсуждаются в трёх статьях Ильина и ответах на них Метнера. Если это предположение верно, то, очевидно, Метнер хотел написать то, что в позднее (ссылкой на слова Ханса Закса Вальтеру Штольцингу) вошло в его «Музу и Моду» (см. комм. 35-1368).

[1278] Последние две (до 22 февраля 1933 г.) статьи Ильина в газете «*Возрождение*» – это «Талант и творческое созерцание. Посвящается молодым русским поэтам. II. Творческое созерцание» //

Возрождение, № 2816 от 16.02.1933 (см. также *Ильин, т. 6, кн. 2*. С. 346–351) и «О духовной слепоте» // *Возрождение*, № 2819 от 19.02.1933 (см. также *Ильин, т. 31*. С. 362–365).

[1279] См. ниже комм. 1419.

[1280] Очевидно, это не письма Ильина, а три статьи об искусстве, о которых много написано выше, и такое сетование Ильина об отсутствии ответов от Метнера является ещё одним подтверждением предположения о неотправке Метнером письма № 253.

[1281] Гёрлиц (Görlitz) – самый восточный город Германии, часть его принадлежит в наст. время Польше (и называется Згожелец). Ильин выступил в Гёрлице 19 и 26 февраля в местном Евангелическом союзе с лекциями «Отечество» и «Частная собственность» (см. *Ильин*, *т. 21*. С. 497).

[1282] Речь об известном поджоге Рейхстага 27 февраля 1933 г. «Чистка», о которой сказано далее, началась с последовавшего на следующий день (28 февраля) указа рейхспрезидента Гинденбурга, отменявшего ряд статей конституции Веймарской республики. Направленный против коммунистов и социал-демократов (чему, очевидно, и сочувствовал Ильин), этот указ очень скоро коснулся и самого Ильина, что заставило его гораздо трезвее смотреть на происходящее (срв., напр., письмо № 296 от сентября 1934 г., где, впрочем, трансформация его отношения к событиям 1933–1934 гг. в Германии уже полностью, и давно, завершена).

[1283] См. комм. 63.

[1284] Ильин намеренно пишет «Собанееве» (срв. комм. 1080 и письмо № 213), но уже «н» не переправляет в «к». Речь же о книге: *Сабанеев Л. Л.* Воспоминания о Скрябине. – М.: 1925. Ещё о полускрытом юморе в наст. письме (что заметно может быть не сразу): ударения в «Из мѐньшего гонорара и бо́льшего – лучше бо́льший» переходят от тупого, через прямое вертикальное, в острое (как бы повторяя ход стрелки часов). Третья шутка – в сноске – повторяющая, кажется, нечто, «родившееся» при декабрьской встрече друзей в Берлине (и, видимо, авторства Наталии Николаевны): «тоже ащющаю» или т. п. – станет «лейтмотивной» во всей дальнейшей переписке. См. также комм. 35-38.

[1285] Т. е., по всей видимости, речь о статье «О духовной слепоте» (см. комм. 1278) – следующая после неё статья Ильина в «*Возрождении*» появилась только 13 марта 1933 г. (см. след. комм.).

[1286] Письмо – впрочем, это, скорее, записочка, – не датировано, однако написано, очевидно, сразу после прочтения Н. К. Метнером посвящённой искусствоведу и писателю П. П. Муратову (1881–1950) статьи Ильина «Кризис демократии. Все для народа» // *Возрождение,* № 2841 от 13.03.1933 (см. также *Ильин, т. 31*. С. 349–356). На обороте записки позднейшая пометка Ильина: «март 1933».

[1287] Письмо не датировано, но по ответу Ильина на него видно, что получено оно было в Великую Субботу, 15 апреля (Пасха в 1933 г. выпала на 16 апреля), а значит, отправлено, учитывая быстроту доставки почты между Парижем и Берлином, когда письма доходили за 1–2 дня, около 13 апреля 1933 г. На письме позднейшая пометка Ильина: «апрель 1933».

[1288] Речь о статьях Ильина «Смута продолжается» // *Возрождение*, № 2853 от 25.03.1933 и «Самостояние», опубл. на первой странице № 2858 от 30.03.1933. См. также *Ильин, т. 31*. С. 365–374.

[1289] Т. е. наполнена (от *церк.-сл.* «чрево» – живот, «чревата» – беременна).

[1290] Эта мысль станет одной из главных в «Музе и Моде». Диссонанс (диафония), от *фр.* dissonance, *лат.* dissonantia и *др.-греч.* διαφωνία – неблагозвучие, нестройное звучание. Консонанс (симфония) – от соотв. consonance, consonantia и συμφωνία – созвучие, согласное звучание.

[1291] Письмо написано на внутренней стороне специального почтового конверта (срв. письмо № 134 и комм. 728), потому последний и сохранился. На нём штемпель Парижа-XVI (Rue Singer) со временем и датой: «7[30] 24.IV 1933» и ещё один, с – по-видимому, «социально-рекламной», – надписью, часть которой пропала с, видимо, оторванной маркой: «SAUVEZI[...] \ AIDEZ L[...] \ UNIVERSITAIRE"», что предположительно означает «спасите <нечто> и [вы] поможете <чему-то> университетскому». Несмотря на эти ясные указания на отправку письма в Париже, дата, проставленная Анной Михайловной (22 апреля), говорит за то, что, по крайней мере, *писалось* письмо в Монморанси, а в Париже было лишь брошено в почтовый ящик – скорее всего, что называется, с оказией.

[1292] Имеется в виду т. н. «Процесс инженеров» – судебный процесс против шести английских и десяти советских инженеров, служащих московской конторы английского предприятия «Метро-

Виккерс», которых вечером 11 марта 1933 г. арестовало ОГПУ, обвинив в шпионаже и диверсиях, совершённых в СССР по заданию английской разведки. Сразу после ареста британских подданных, на деле действительно, по-видимому, имевших, по крайней мере некоторое, отношение к английской разведке, последовала буря протеста в Англии вплоть до требований разрыва коммерческих и дипломатических отношений с СССР. Процесс начался 12 апреля и уже 18 апреля был вынесен приговор, согласно которому почти все (за исключением одного) советские подсудимые были признаны виновными и приговорены к тюремным заключениям на сроки от трёх до десяти лет, один британский подданный оправдан за недостатком улик, а пятеро остальных признаны виновными. Трое из последних были приговорены к высылке за пределы СССР, а двое – к двум и трём годам тюремного заключения, но и они вскоре, вместе с тремя приговорёнными к высылке, были отправлены в Англию. Последствием процесса была остановка торговли между Англией и СССР, но довольно быстро эмбарго, наложенное британским правительством на советские товары, было снято и власти обеих стран заключили новые торговые соглашения.

[1293] Pack schlägt sich, Pack verträgt sich (*нем.*, *досл.*) – свора (сброд; Pack – сброд, сволочь) бьёт себя, свора сама себя и терпит. Немецкая пословица, частично соответствующая русским: «Свои люди – сочтемся»; «Свой своему поневоле брат»; «Ворон ворону глаз не выклюет»; «Свои собаки грызутся – чужая не приставай» и более точно – английской: «The rabble beat each other, the rabble make up». Смысл её в том, что для «своих» нормально жестоко ссориться и воевать, а потом внезапно помириться.

[1294] На письме позднейшая пометка ***Метнера***: «5 Мая 1933.», однако оно, являясь ответом на статью Ильина «Одинокий художник», опубликованную в «*Возрождении*» (№ 2891) 2 мая 1933 г. (см. также *Ильин, т. 6, кн. 2*. С. 352–357), было, скорее всего, написано чуть ранее этой даты – видимо, тут же по прочтении статьи, – и 5 мая лишь отправлено вместе с публикуемым следом письмом А. М. Метнер, помеченным ею этим же числом.

[1295] От *др.-греч.* εἰς πολλά, являющегося частью песнопения-возгласа-приветствия архиерею: «Εἰς πολλά ἔτη, δέσποτα» («На многие лета, владыко»), оставленного непереведённым в церковно-славянском богослужении и трансформировавшегося в русское

«исполать», означающее торжественное одобрение, похвалу, провозглашение славы.

[1296] «Художественное одиночество величаво и священно тогда, когда поэт творит из подлинного созерцания, недоступного по своей энергии, чистоте или глубине его современникам» (*Там же*. С. 356–357).

[1297] Ответ на ильинское «Холодному пианисту лучше не браться за грозы, бури и молитвы Бетховена или Метнера» (*Там же.* С. 354) с несомненной одновременной аллюзией на рассказ Самозванца Пимену-летописцу о своём сне: «Мне снилося, что лестница крутая \\ Меня вела на башню; с высоты \\ Мне виделась Москва, что муравейник; \\ Внизу народ на площади кипел \\ И на меня указывал со смехом, \\ И стыдно мне и страшно становилось \\ И, падая стремглав, я пробуждался...» из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов» (или же оперы М. П. Мусорского, в которой эти слова сохранены).

[1298] Год вписан позднее рукой Ильина.

[1299] 5 мая 1933 г. С. В. Рахманинов дал в Париже фортепианный концерт из сочинений Баха, Бетховена, Шопена, Шумана, Шуберта, Вебера, Мендельсона и своих. Анна Михайловна «отчитывается» о нём в своём следующем письме.

[1300] 2 апреля (20 марта юлианского календаря) 1933 г. С. В. Рахманинову исполнилось 60 лет (одновременно в 1933 г. отмечалось 40-летие его артистической деятельности). В Париже чествование его состоялось 7 мая.

[1301] Львов Лоллий Иванович (1888–1967) – филолог и журналист, с 1919 г. эмигрант (с 1924 г. жил в Париже). Сотрудничал со многими русскими эмигрантскими изданиями, в том числе с газетами «Россия и славянство» (в ней, 1 мая 1933 г., и вышла статья Н. К. Метнера «С. В. Рахманинов», о которой идёт речь чуть ниже; перепечатана в нью-йоркском сборнике С. А. Сатиной 1946 г. «Памяти Рахманинова» (С. 140–144) и после, из него заимствованная, во втором томе «Воспоминаний о Рахманинове», подготовленных к изданию З. А. Апетян; см. любое из нескольких их изданий) и «*Возрождение*», а также с ильинским «Русским Колоколом» (его заметка имеется в первом номере журнала). В годы Второй мировой войны был переводчиком в Русской освободительной армии генерала А. А. Власова. После войны некоторое время находился в лагере в американской оккупационной зоне, с 1945 г. жил в Мюнхене.

[1302] Интервью вышло с заголовком «У С. В. Рахманинова» («Последние новости», № 1441 от 30 апреля 1933 г.; переиздано в: С. Рахманинов. Литературное наследие. Том 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма / *Сост.-ред. Апетян З. А.* – М.: Советский композитор, 1978. С. 124–127). Ниже А. М. Метнер – весьма точно: лишь с несущественными отличиями в пунктуации и с одной своей пояснительной вставкой – цитирует фрагменты этого интервью.

[1303] Точнее, «Искусство писать, – говорил он мне [А. П. Чехов – писателю А. С. Лазареву-Грузинскому (1861–1927), из каких-то мемуарных публикаций о Чехове которого и взято, быть может, это ставшее крылатым изречение. – *А. Л.*], – состоит, собственно, не в искусстве писать, а в искусстве... вычеркивать плохо написанное». См., напр.: Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Художественная литература, 1986. С. 98. Впрочем, именно такая формулировка взята из впервые изданной лишь в 1947 г. главы так полностью и не опубликованной книги А. С. Лазарева-Грузинского «Антон Чехов и литературная Москва 80-х и 90-х годов», так что С. В. Рахманинову в 1933 г. она не могла быть известной. Впрочем же, то же Рахманинов мог сам лично слышать от Чехова (они познакомились в 1898 г.) и именно таким образом в своём интервью передать его мысль: «Писать – это значит больше вычеркивать».

[1304] «Не уходите! Усталым и изнемогающим» // *Возрождение*, № 2897 от 8.05.1933. См. также *Ильин, т. 31.* С. 385–389.

[1305] Аллюзия на названия некоторых воскресных дней богослужебного годового круга: Неделя о мытаре и фарисее, Неделя о блудном сыне, Неделя о Страшном суде, Неделя о расслабленном, Неделя о самаряныне, Неделя о слепом (неделя – в данном случае, *церк.-сл.* воскресенье – срв. *укр.* неділя, – хотя Анна Михайловна имеет в виду, конечно, не один день, а либо неделю в позднейшем смысле, т. е. *церк.-сл.* седмицу, или, скорее, просто некоторый нескольдневный промежуток времени).

[1306] Rubato – один из элементов трактовки музыкального произведения исполнителем (от *ит.* rubare – красть): варьирование темпа при исполнении, несколько отклоняющееся от заданных композитором темповых указаний.

[1307] Год вписан позднее рукой Ильина.

[1308] О первой см. в комм. 1304, вторая – «Национал-социализм. I. Новый дух» // *Возрождение,* № 2906 от 17.05.1933 (см. также

Ильин, т. 18. С. 316–324). Отметим, что последняя статья (которую последние 15–20 лет в некоторых кругах принято цитировать для демонстрации якобы приветствия Ильиным национал-социализма и Гитлера), очевидно, мыслилась им как первая в задуманном цикле статей о национал-социализме. Подобных циклов статей у Ильина множество, как в довоенном «Возрождении», так, напр., и в послевоенных «Наших задачах», но такой уверенно начатый и тут же завершённый цикл из единственной статьи – кажется, всего лишь один. Увидев в «Германской революции» 1933 г. здоровую реакцию немцев на проникавший отовсюду в страну большевизм, Ильин, очевидно, *имел* соответствующие надежды на национал-социализм, которые – и вообще говоря, *не более чем* которые (так что говорить, ссылаясь на эту статью, о «фашизме» Ильина, о приветствии им национал-социализма и полном сочувствии ему есть выдавать *желаемое* за действительное) – он честно, трезво и вполне спокойно изложил в комментируемой статье. Но, очевидно же, он довольно быстро (не более чем за год? – однако отсутствие продолжения задуманного цикла статей говорит, что это случилось значительно раньше) увидел родство национал-социализма с тем самым большевизмом, реакцией на который национал-социализм как будто бы и был, по крайней мере первое время (срв. также комм. 1282).

[1309] Так в тексте. Неясно, какого рода тут описка, но по смыслу «окраши***ва***вшего» как будто не менее вероятно, чем «окра***с***ившего».

[1310] Т. е. махровая («густопсовый» в переносном смысле используется для обозначения чего-то по-настоящему, подлинно, несомненно плохого или презираемого). Чуть ниже – несомненная аллюзия на известную пьесу М. Горького в игре слов с «Днем русской культуры» (см. след. комм.).

[1311] Впервые отмеченный в 1924 г., День русской культуры, приурочиваемый ко дню рождения А. С. Пушкина (26 мая 1799 г. юлианского календаря, что соответствовало 6 июня григорианского, в XIX же веке – 7-му, а в XX и XXI – даже 8-му, однако отмечается он обычно именно 6-го июня, т. е. по григорианскому календарю, в отличие от Дня русской культуры, использующего юлианский календарь; срв., напр., заметку А. Петрункевича в «*Возрождении*» от 8.06.1933. С. 4), стал одним из главных объединяющих праздников русской эмиграции (в заметке Петрункевича он назван даже «Днем русского объединения»), и Ильин не раз принимал в нём

участие (срв., напр., третью из трёх его речей о России – напр., в *Ильин*, *т. 6*, кн. 2. С. 26–34 и также 639). Здесь же имеется в виду следующая заметка из № 2942 «*Возрождения*» (от 22.06.1933).

День Русской Культуры в Берлине

Центром программы «Дня Русской Культуры» явилось вдохновенное, захватившее огромную русскую аудиторию, собравшуюся в актовом зале гимназии «Аугуста» – слово проф. И. А. Ильина. Это слово не было обычной программной речью, а напряженным и волнующим публичным «исповеданием веры», почти до религиозного пафоса возвысившейся поэмой «любви к родине»... Эта необычная по построению, пронизанная тоской, болью, гневом и пламенной верой – речь перенесла собравшихся в Россию, к истокам ее духа и культуры, к ее незабываемым просторам. И такова была магия этого вдохновенного, гипнотизирующего слова, что вокруг нас словно действительно вставали изумрудные хвойные леса нашего далекого Севера, сквозь них виднелись простые срубы изб, зеркально стлались стылые озера и смотрелись в них купола, родимые луковки. И. А. Ильин говорил о долгом, вновь и вновь повторяющемся в русской истории страдании народа, – о его умении создавать в глубинах духа свой «невидимый град Китеж», который остался неуловимым и для прежней татарщины и для сегодняшнего злого воронья. Он говорил о грядущем воскресении русского духа, о его кажущемся внешнем умалении – в окружении обступивших его равнодушных и занятых собою народов – и о неизбежном торжестве щедрой, молодой еще силами, закаляемой тяжкими Божьими испытаниями народной душе. Говорил И. А. Ильин в конце о самом прекрасном вершинном достижении русского духа: – языке, – певучем, насыщенном, просторном и богатом своею палитрой. Собравшаяся аудитория проводила оратора сердечной, долго не смолкавшей овацией.

С. Г.

Сама речь Ильина в «*Возрождении*» не появилась, что объясняется, скорее всего, тем, что её содержание (как видно и из этой заметки) было прямо связано с упомянутыми тремя речами Ильина о России, вышедшими вскоре (в 1934 г.) отдельной брошюрой в Софии (см. комм. 1365).

[1312] Строки из второй строфы стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон». Чуть шире и точнее: «Блажен, кто посетил сей мир \\ В его минуты роковые! \\ Его призвали всеблагие \\ Как собеседника на пир».

[1313] Несмотря на более позднее обозначение даты (6 августа), письмо Н. К. Метнера написано раньше следующего письма

А. М. Метнер (обозначенного ею 5-м августа). Это следует из содержания обоих писем.

[1314] Эта открытка, по всей видимости, утрачена.

[1315] Эта фотография опубликована в *Ильин, т. 32.* Вкладка после стр. 416. О «Карапете» см. комм. 214. Срв. письмо № 750.

[1316] Имеются в виду статьи «Искусство Шмелева» и «Творчество Шмелева» из № 2978 от 28.07.1933 и № 2985 от 4.08.1933 газеты «*Возрождение*» (см. также *Ильин, т. 6, кн. 2.* С. 110 – 123 и 647).

[1317] Всё, здесь цитируемое, – из стихотворения А. С. Пушкина «Муза» (1821), которое Метнер положил на музыку ещё в 1913 г. (ор. 29 № 1) и которое станет (или, скорее, летом 1933 г. уже стало) эпиграфом первой главы его будущей книги «Муза и Мода» (если, впрочем, не своего рода девизом вообще всей книги).

[1318] Чуть ниже рукой Ильина позднейшая запись: «1933». См. также комм. 1313.

[1319] Бельвю (Bellevue) не городок или поселение (коммуна) – так обозначается возвышенность (с которой, собственно, и открывается прекрасный вид, belle vue), идущая по левому берегу Сены от Мёдона к Сен-Клу в департаменте Сена-и-Уаза (Seine-et-Oise, S. et O.), где прежде располагался не сохранившийся небольшой загородный дворец маркизы де Помпадур (отсюда и Avenue du Chateau – *досл.* дворцовый проспект). Административно, как будет видно и из дальнейших писем, Бельвю относится к Мёдону.

[1320] Первые две цифры написаны поверх прописной «П», по-видимому долженствовавшей быть первой буквой слова «Проездом».

[1321] Konstanz (Констанц) – старинный город в Германии в земле Баден-Вюртемберг у Боденского озера (Bodensee), на границе со Швейцарией. Вюртемберг (Württemberg) – историческая область на юго-западе Германии, часть Швабии, где расположен и Шварцвальд [Schwarzwald (*нем.*) – чёрный лес] – покрытый лесом горный массив.

[1322] Т. е. южнее в Швейцарию, в Италию и Югославию (срв. *Ильин, т. 21.* С. 518). Рейнский водопад или Райнфалль (Rheinfall) – водопад на Рейне в Швейцарии, на границе кантонов Шаффхаузен и Цюрих.

[1323] Письмо написано на внутренней стороне специального конверта (подобного тому, что использовался для письма № 261), а потому сохранились адреса, причём зачёркивания и многочисленные

штемпели указывают на перемещения письма. Всего штемпелей пять, один из которых (самый неразборчивый) – мёдонский (Meudon, Seine et Oise) с датой «5 -9 33» (время – неразборчиво, предположительно – 18:10); второй, от которого сохранилась лишь треть (остальное оторвано при вскрытии конверта), – по-видимому, точно такой же мёдонский; третий (с датой и временем «-7.IX.33.·20») – штемпель Фрутигена (Frutigen – поселение в Швейцарии в кантоне Берн, центр одноимённого округа); четвёртый (датированный «-8.IX.33. – 9») – Кандерштега (Kandersteg – поселение в Швейцарии в кантоне Берн, входит в состав округа Фрутиген) и, наконец, последний (от «-8. IX.33·14») – Гунтена (Gunten – небольшая деревня-курорт в кантоне Берн, на северном берегу Тунского озера, см. след. письмо).

[1324] Это (по всей видимости, последнее) указание местоположения написано сбоку сиреневым карандашом и им же дважды подчёркнуто. Тем же карандашом вычеркнуты «Allemagne» и оба «Kandersteg». «7/9 Frutigen \\ Berner Oberland \\ poste restante» написано синими чернилами и ими же вычеркнуто всё предыдущее, кроме указанного выше. В самом же этом адресе двумя чёрными чернильными чертами вычеркнуто «Frutigen». О Бернском нагорье (Berner Oberland) см. комм. 1001. Poste restante (*фр.*), Postlagernd (*нем.*) – до востребования.

[1325] Рядом слева позднейшая приписка Ильина: «1933». Здесь же заметим, что в примечании А. М. Метнер (см. далее) цитируется, очевидно, то же стихотворение, что и в письме № 192 (см. также комм. 1011 и комм. 36-1375).

[1326] В июне 1933 г. генерал А. А. фон Лампе (1885–1967) был арестован немецкой политической полицией (гестапо) по обвинению в шпионаже, но вскоре был освобождён. Однако в июле (комментируемое письмо уточняет день) был арестован вновь и до 9 сентября 1933 г. содержался в одиночной камере (срв. *Лампе А. А.* Мой дневник. 1919. Пути верных. – М.: Вече, 2021. С. 41. Там же указано, что причиной одного из арестов было то, что фон Лампе воспользовался автомобилем датского посольства в Берлине для доставки в госпиталь своей тяжелобольной дочери Евгении, что было расценено как попытка его бегства из Германии).

[1327] Речь о Deutsche Hochschule für Politik [(*нем.*) Немецкая высшая школа политики], основанной в 1920 г. частной берлинской школе, быстро ставшей довольно известным и авторитетным учеб-

ным заведением. К 1937 г. она, впрочем, была напрямую подчинена правительству, а в 1940 г. и вовсе интегрирована в один из факультетов Берлинского университета (Humboldt-Universität zu Berlin), будучи заново основанной только после войны (в 1948 г.) социал-демократом Отто Зуром (Otto Suhr; 1894–1957) и ныне (с 1959 г.) существуя как Институт политических наук имени Отто Зура, входящий (с того же 1959 г.) в факультет политических и социальных наук Свободного университета Берлина (Freie Universität Berlin).

[1328] Имеются в виду три аналитические записки Ильина: «Директивы Коминтерна по большевизации Германии» (1932–1933 гг.), «О директивах Коминтерна по большевизации Германии» (21 апреля 1933 г.) и «Голод в советской России как результат коммунистической аграрной помитики. Диагноз» (конец июля 1933 г.). См. *Ильин*, *т. 21*. С. 258–306.) Эти меморандумы были направлены в Прусское министерство по науке, искусству и народному образованию и в МИД.

[1329] Последнее предложение написано уменьшенным почерком – скорее всего, оно приписано Ильиным при перечитывании письма.

[1330] Срв. комм. 1321. Freudenstadt – Фройденштадт, курортный город в земле Баден-Вюртемберг, центр одноимённого района.

[1331] Bitte ankleiden, Fremdenpolizei (*нем.*) – пожалуйста, оденьтесь, иностранная полиция.

[1332] Так в тексте. Вероятно, должно быть «нажала». Однако, учитывая следующий чуть ниже глагол-неологизм «ствердоточиться», здесь тоже может быть что-то подобное.

[1333] Приписано Анной Михайловной в две строки уменьшенным почерком на оставшемся свободным в конце абзаца месте. Скорее всего, при перечитывании письма перед отправкой.

[1334] Слово «уже» читается предположительно, по смыслу, ибо в письме оно тщательно замарано (поверх легко читаемого «по» написано печатаемое следом «на»).

[1335] Поездка в Россию, о которой пишет здесь Анна Михайловна, не состоялась (см. письма №№ 279–280 ниже).

[1336] Знаменитый медонский лес, отличающийся особенной живописностью (В. М. Васнецов, напр., написал в 1876 г. картину «В Медонском парке близ Парижа», хранится в Государственном Русском музее), – популярное у парижан место отдыха и прогулок.

[1337] Очевидная отсылка к сказке Г. Х. Андерсена «Новое платье короля» не делает это темноватое место более ясным. По-видимому,

здесь Метнер отсылает к какому-то давнему своему разговору с Ильиным, смысл которого – по нашему предположению, – таков: даже такой король, какой выписан у Андерсена, много лучше каких угодно современных правителей Германии (что «старых», демократических – такой разговор, если он действительно имел место, – мог по времени состояться только до прихода Гитлера к власти; что «новых», национал-социалистических), а также, по-видимому, и Франции.

[1338] К этому описанию (хотя полной уверенности у издателей нет) очень подходит гимн «Giovinezza [(*um.*) Юность]»; музыка написана юристом Джузеппе Бланком (1886–1969) в 1909 г. как всего лишь «выпускная песня» студентов университета Турина. Гимн, сравнительно незадолго до 1933 г. (около 1924 г.) ставший, с новыми словами, гимном национальной фашистской партии Италии, в 30-е гг. был сделан ещё и гимном итальянской армии (возможно, именно как таковой он и был представлен Метнеру, и именно отсюда эпитет «новоиспечённый»). В этих новых словах гимна дважды упоминается Муссолини и при этом полностью игнорируется правящий король Виктор Эммануил III. Слова гимна (пошлые, по определению Метнера), ёмко отражающие ряд идей итальянского фашизма, могли ещё больше уверить Метнера в необходимости корректива того, что они воспевают, именно, как он пишет далее, после письма Ильина, т. е. после его рассказа об обыске в берлинской квартире, краткосрочном фактическом аресте и допросе его политической полицией; как, впрочем, и после рассказа о долгосрочном аресте генерала А. А. фон Лампе.

[1339] Срв. комм. 1199.

[1340] В Москве, напомним, Метнеры жили в Саввинском переулке.

[1341] Снизу позднейшая приписка Ильина: «1933».

[1342] Т. е. тайная встреча, срв. Ин. 3, 1–2; 7, 50 и 19, 39.

[1343] Ещё одно подтверждение тому, что в обыденной жизни Ильины и Метнеры использовали григорианский календарь (новый стиль), а в церковной – разумеется, юлианский: именины Веры Карловны Тарасовой (память свв. мцц. Веры, Надежды, Любови и матери их Софии) – 30 сентября нового стиля (соответствует 17 сентября старого стиля).

[1344] Речь о дипломате Сергее Дмитриевиче Боткине (1869–1945), в 1919–1936 гг. главе Делегации по делам русских беженцев в Берлине. Ильин, конечно, знал его (несколько писем Ильина

Боткину опубликованы в *Ильин, т. 13*, первое из которых – 1928 года) и был его другом (срв. *Ильин, т. 32*. С. 436, 523–524 и 545, где опубликованы стихотворения Ильина, связанные с Боткиным).

Упоминаемая здесь беседа с С. Д. Боткиным, подписанная «–Ъ.», опубликована в парижской газете «Возрождение» (№ 3058 от 16 октября 1933 г.). Приводим её здесь целиком, ибо она проливает некоторый свет на первую реакцию русских эмигрантов, осевших в Германии, на события 1933 г.

Положение в Германии

Беседа с С. Д. Боткиным

Приехавший в Париж известный русский дипломат и общественный деятель С. Д. Боткин, стоящий во главе организации, ведающей защитой прав русских эмигрантов в Германии, поделился с нами впечатлениями, вынесенными им от своего пребывания в Германии Третьего Рейха.

– Вы бы хотели знать мои впечатления, – сказал С. Д. Боткин. – Действительно, я по совести могу себя считать хорошо осведомленным в германских делах. Ведь я прожил до войны в Берлине три года в качестве члена императорского посольства, а теперь вот уже 14 лет возглавляю беженское учреждение, имеющее целью оказание правовой и материальной помощи многочисленным нашим соотечественникам, живущим в Германии. Естественно, мне приходится там сталкиваться с самыми разнообразными людьми, а также, конечно, по вопросам помощи нашим соотечественникам, иметь постоянные сношения с органами правительства.

У меня создалось впечатление, что за пределами Германии зачастую не понимают и ложно представляют себе политическое и даже бытовое положение в этой стране. Это особенно бросается в глаза именно теперь, после национальной революции.

Впрочем, коснусь сначала положения при «прежнем режиме». Я знаю Германию много лет (был секретарем миссии в Штутгарте еще в конце прошлого столетия), и я привык смотреть на нее, как на страну, в которой своего рода патриархальность и исключительная честность были обыкновенным явлением.

Но что же можно было наблюдать после революции, я говорю в данном случае о революции, свергнувшей императорскую власть? Процветание подкупности, громкие процессы Склярека,

Бармата, Уральцева и т. п. Процветала деятельность «Вонунгсамта» (жилищного управления) с непреодолимыми строгостями для одних и попустительством для других. Но это, так сказать, лишь бытовые стороны строя, установленного революцией. В политике же наблюдался рост коммунистического движения.

На словах все правительства стояли на антикоммунистической платформе. Но действительной борьбы с этим злом не было никакой, и коммунизм рос и укреплялся, а так называемые коммунисты-теоретики совершенно безнаказанно и с полным успехом проповедывали свои зловредные теории. Мне неоднократно приходилось доказывать и в Берлине, и за границей, что коммунистический переворот в Германии вполне возможен. На меня смотрели с изумлением, к моим словам относились с недоверием. Между тем, для меня не представляет никакого сомнения, что эта опасность существовала и росла. Столь интересная книга д-ра Эрта и д-ра Швейкерта («Восстание преисподней») по подлинным материалам изобличавшая деятельность коммунистов в Германии, прошла за пределами Германии незамеченной. Не менее поучительна в этом же отношении только что вышедшая книга того же д-ра Эрта «Вооруженное восстание», на которую уже обратил внимание в «Возрождении» в интересной статье проф. Н. С. Тимашев.

Таким образом, мы, столь пострадавшие от коммунизма в России, мы, чья цель бороться именно с этим бичем человечества, вздохнули свободнее после национал-соцалистического переворота. Все национально мыслящие и стоящие на определенно антисоветской платформе, искренно приветствовали приход к власти Хитлера.

Живя на чужбине, мы не только не можем, но и не должны входить в оценку и тем более критику, как положительную, так и отрицательную, действий правительства той страны, гостеприимством которой мы пользуемся, и я могу удостоверить, что и прежние правительства относились вполне благожелательно к русским беженцам. Вместе с этим, считаю своим нравственным долгом категорически опровергнуть все, что приходилось читать о каких-то ужасах и зверствах, якобы учиняемых национал-социалистами.

Прошло почти восемь месяцев со времени переворота. Я их безвыездно провел в Берлине. Все время царил полный порядок, несмотря на неминуемое при таких крупных переворотах возбуж-

дение толпы. Правительство стремится к порядку. Оно с успехом борется против всяких вызванных революционным настроением явлений, а с другой стороны – оно принимает крайне строгие меры против коммунистов и им сочувствующих элементов.

– Вы спрашиваете меня, – сказал в заключение С. Д. Боткин, – возможны ли какие-нибудь военные выступления Германии? Мое впечатление, что Германия, в подавляющем большинстве своего населения, не хочет войны, да она бы и не могла ее вести. Германия не только не желает вызвать войну, но, как мне кажется, готова сделать все для мирного улаживания недоразумений со своими соседями. Рейхсканцлер в своих многочисленных выступлениях достаточно это подчеркивал, и мне представляется это совершенно искренним и соответствующим намерениям населения.

Так закончил беседу С. Д. Боткин.

Берлин. **Ъ**.

Комментарий: война – Первая мировая война 1914–1918 гг.; национальная революция, переворот – события марта 1933 г.; дело Юлиуса Бармата – громкий политический коррупционный скандал в Веймарской республике, разразившийся в 1924–1925 гг., обнаруживший вовлечённость Социал-демократической партии Германии в коррупцию, спекуляции на войне и мошенничества; Склярек – см. «*Возрождение*», № 1638 от 26.10.1929 (статья *А. А*. «Местные выборы в Германии. Письмо из Берлина» на стр. 5); Уральцев – мошенник, ведший торговые дела с советской Россией, процесс над ним шёл в 1930–1932 гг.; Wohnungsamt – жилищное управление, таковые появились в Германии (в основном, в Пруссии) с 1918 г., занимаясь «распределением» «свободных» квартир (см., напр., яркое описание их у П. Н. Краснова в романе «За чертополохом», часть 2, гл. XXIV); рейсхканцлер – Адольф Гитлер.

[1345] Скорее всего, здесь у Ильина описка, и должно быть «Вашей сестре Мане», т. е. Марии Михайловне Братенши, младшей сестре А. М. Метнер (срв. письмо № 249 и комм. 1257), жившей в Берлине. Если же описки нет, то всё равно имеется в виду, скорее всего, именно она, а указание Ильина о ней как о своей сестре – отголосок встречи Ильиных и Метнеров в Берлине на обратном пути Метнеров из Риги в Монморанси в декабре 1932 г., бывшей с большой вероятностью именно в квартире М. М. Братенши.

[1346] Fait accompli (*фр.*) – совершившийся факт.

[1347] Отсылка к стихотворению А. С. Пушкина 1827 г. «Арион» (или же, заодно, к песне Метнера на это стихотворение: ор. 36 № 6): «...наш кормщик умный \\ В молчанье правил грузный челн». В стихотворении Пушкина Арион (певец на упомянутом челне) – единственный, спасшийся после гибели корабля во внезапной буре. Однако, по рассказу Геродота (История. Книга I. Клио, 23 – 24), Арион, древнегреческий поэт и певец, плыл с заработанными пением сокровищами в Коринф. Моряки, желая завладеть его богатствами, вынудили его выброситься за борт, однако Арион, спасённый дельфином, благополучно добрался до Коринфа.

[1348] Т. е. родственник по жене. Однако неясно, какое родство имеется у Наталии Николаевны Вокач-Ильиной с Редлихами (впрочем, может иметься в виду лишь, что кто-то из родственников Н. Н. Ильиной заключил брак с кем-то из Редлихов). Речь же идёт о Романе Николаевиче Редлихе (1911 – 2005), вскоре ставшем учеником Ильина (а после его отъезда в Швейцарию перешедшем к С. Л. Франку), русском философе, общественном деятеле, в будущем активном члене Народно-Трудового союза (НТС).

[1349] Речь идёт о страшном голоде в России 1932 – 1933 гг., когда имели место случаи людоедства.

[1350] Речь о В. И. Поле (см. комм. 716) и Лоллии Львове (см. комм. 1301). Имеются в виду их рецензии на концерт Метнера, состоявшийся в Париже 29 октября 1933 г., в котором, кроме некоторых своих сочинений, Метнер исполнил также 32 вариации до минор и «Аппассионату» Бетховена (подробнее см. в *Метнер. Письма.* С. 459): в газетах «*Возрождение*» (№ 3075 от 2 ноября 1933 г.) и «Россия и славянство» (№ 226 от ноября 1933 г. – с апреля газета стала фактически, а с июня – и официально, ежемесячником, а в середине 1934 г. и вовсе закрылась).

[1351] Письмо не датировано; вернее, на нём имеется лишь позднейшая пометка Ильина: «1933 дек». Однако оно без всякого сомнения является ответом на предшествующее письмо Ильина (№ 279).

[1352] Почти нет сомнений, что здесь имеется в виду американский композитор, пианист и дирижёр Аарон Копленд (Aaron Copland, 1900 – 1990), действительно очень рано начавший сочинять музыку. Его «крик» – по всей видимости, элементы джаза, использованные им, в частности, в концерте для фортепиано с оркестром 1926 г., ещё в 1927 г. вызвавшие скандал при первом исполнении.

[1353] Если не указано иное, письма Ильина 1934 г. публикуются по *Архив*, 005 – 0048, а письма Метнеров за тот же год – по *Архив*, 005 – 0190.

[1354] На полях позднейшая пометка Ильина карандашом: «Бунина».

[1355] Речь о книге Ильина, изданной под псевдонимом Dr. Alfred Normann, «Bolschewistische Weltmachtpolitik. Die Plaene der 3. Internationale zur Revolutionierung der Welt [(*нем*.) Большевистская политика мирового господства. Планы III Интернационала по революционизированию мира]» (Bern: Gotthelf-Verlag, 1935). Русский перевод (О. В. Колтыпиной) см. в *Ильин*, *т. 8*. С. 5 – 340.

[1356] См. пред. комм.

[1357] Так в тексте. Должно быть, как будто бы, Авгиевы (пятый подвиг Геракла, как известно, состоял в том, что он вычистил за один день накопившийся за многие годы навоз в многочисленных конюшнях легендарного эгейского царя Авгия), однако едва ли Ильин ошибся или допустил описку – скорее всего, здесь скрытая аллюзия (сопряжённая с любимой им игрой букв и слов) на библейского пророка Авдия, намекающая на обличительность его книги.

[1358] Так в письме. Причем первая буква «п» выделена Ильинам в квадратную рамочку. Здесь возможна вновь двойная аллюзия: помимо явной – на «Бориса Годунова» А. С. Пушкина («Когда-нибудь монах трудолюбивый \\ Найдет мой труд усердный, безымянный, \\ Засветит он, как я, свою лампаду – \\ И, пыль веков от хартий отряхнув, \\ Правдивые сказанья перепишет...»), скрытая здесь на этот раз – на тот же подвиг Геракла (чтобы очистить Авгиевы конюшни Геракл прокопал канал от ближайших рек – отсюда и «пруд» – и вода сама вымыла из конюшен весь навоз).

[1359] Т. е. упомянутые в предыдущем письме лекции о Бунине. Игра слов здесь в том, что «буни» (от *англ.* «boonie hat») означает ещё и форму шляпы-панамы с широкими полями.

[1360] «Здесь» – т. е. в Париже, а не в Лондоне («Лондр» выше – Лондон, произнесённый на французский манер: Londres). Чуть выше же речь о (по определению самого И. С. Шмелева, см. посл. ссылку в наст. комм.) элегическом этюде «Iwan Schmeljow» друга Шмелева немецкого критика и писателя Эрнста Вихерта (Ernst Wiechert), опубликованном 22 октября 1933 г. в «Новой цюрихской газете» («Neue Zürcher Zeitung»). См. его русский перевод в изд.:

И. С. Шмелёв: pro et contra, антология. Т. 1. – СПб.: РХГА, 2023. С. 320–322. См. также *Ильин*, *т. 15*. С. 399 и 408–409 (посл. страницы уточняют комм. 1 к указ. публикации русского перевода этюда).

[1361] В приложенном (наклеенном на обороте первой страницы письма) листке из отрывного календаря имеются следующие строки:

Какие времена, читатели,
Ведь нынче легче, строго говоря,
Из писарей попасть в писатели,
Чем из писателя обратно в писаря!
А. Амфитеатров.

Известный (и в своё время очень популярный) писатель-романист, а также драматург, публицист-фельетонист и критик Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) был также и автором ряда стихотворений, в том числе сатирических. Срв. также комм. 1243.

[1362] Слева позднейшая пометка Ильина: «1934».

[1363] Брайкевич Михаил Васильевич (1873–1940) – инженер (проектировал и строил портовые сооружения и корабли), экономист, публицист, меценат, общественный и государственный деятель. Член Партии народной свободы («кадетов»), был сотрудником Объединённого всероссийского земского и городского союза («Земгора»). В марте 1917 г. стал городским головой Одессы, которым пробыл до августа, а в октябре того же года был назначен заместителем министра торговли и промышленности Временного правительства С. Н. Прокоповича, разногласия с которым явились причиной быстрого прошения об отставке. В 1919 г. с семьёй переехал в Батуми и в 1920 г. эмигрировал в Англию, где стал активным деятелем русской эмиграции. Издавал журнал «The Russian Economist» («Русский экономист»), выходивший одновременно на русском и английском языках. Сотрудничал с газетой П. Н. Милюкова «Последние новости», где публиковал статьи на экономические и др. темы. Супруги Брайкевичи станут близкими друзьями Метнеров и неоднократно появятся далее на страницах переписки.

[1364] О Татьяне Михайловне Брайкевич Метнер упоминает в письме Э. К. Метнеру от 6–9 февраля 1935 г. (см. *Метнер. Письма.* С. 465 и также на С. 464 фрагмент письма А. М. Метнер В. К. Тарасовой; также срв. далее в наст. изд. письмо № 330).

[1365] Имеется в виду (срв. ниже письма №№ 287 и 288) брошюра Ильина «О России. Три речи 1926–1933» (София: За Россию, 1934). См. также *Ильин, т. 6, кн. 2*. С. 7–34.

[1366] Сначала цитируя следующую заметку из «Возрождения» (№ 3196 от 4 марта 1934 г.):

Н. К. Метнер

В состоянии здоровья нашего знаменитого композитора наступило значительное улучшение. Ползучее воспаление легких остановилось, и врачи находят, что опасность миновала. Состояние здоровья Н. К., однако, заставляет его лежать в постели, и он должен будет переехать на некоторое время на отдых под Лондон до полного выздоровления.

Ильин после чуть скрыто цитирует Ф. И. Тютчева (стихотворение 1850 г. «Пошли, Господь, свою отраду...»). Несомненно, он знал об упомянутом в начале пред. письма А. М. Метнер тяжелейшем двустороннем крупозном воспалении лёгких, перенесённом Метнером весной-летом 1918 г., начавшемся почти сразу по кончине его матери, скончавшейся в такой же болезни (см., напр., *Метнер. Письма*. С. 176 и комм. 36-1826).

[1367] Выражение «допуск за кавалергардов» означало весьма серьёзную привилегию: обладатель её имел право входа в личные покои императорской семьи в Зимнем дворце.

[1368] Ирмосы, икосы, тропари – песнопения христианского богослужения. Канон – здесь: также часть богослужения. Состоит из нескольких (обычно 8-ми: с 1-й по 9-ю, пропуская 2-ю) песней, каждая из которых начинается ирмосом (в торжественных случаях им же и завершаясь) и далее состоит из нескольких (от 2–3 до 12 и даже более, но в таком случае обычно просто повторяющихся по дважды или трижды нескольких) тропарей. Икос обычно в каноне содержится один, и он поётся (или читается) после 6-й песни. Тропари канона часто содержат похвалы тому святому, в честь которого канон составлен. Такой «канон», составленный Метнеру, Ильин шуточно (в давней – должно быть уже более чем 100-летней к 1934 г. – «традиции» семинарских и приходских шуток) и предлагает исполнять перед его концертами.

[1369] Дуче (*ит*. duce), от *лат*. dux (лидер, вождь) – титул, который носил Бенито Муссолини, глава Национальной фашистской партии Италии. Титул был учреждён в 1925 г., и Муссолини получил его, сохранив за собой пост главы Совета министров Италии, что позволяло ему стать фактическим главой государства, несмотря на наличие de jure правящего монарха (срв. комм. 1338).

[1370] Острословие Ильина направлено не столько даже на митрополита Евлогия (Георгиевского), в 1934 г. Временного экзарха Константинопольского патриарха в Западной Европе, сколько на С. В. Рахманинова. Публикуем заметку целиком (напомнив читателю, что через несколько лет Рахманинов финансово поможет Ильину во время его бегства из Германии в Швейцарию).

Концерт С. В. Рахманинова

Вот уже несколько лет наш знаменитый соотечественник С. В. Рахманинов дает свои концерты в пользу нуждающейся русской эмиграции. Осиянный мировой славой, наш великий художник не забывает своих бедных земляков, чутко внемлет их нуждам и через благотворительные организации протягивает братскую руку помощи. Да благословит Господь это трогательное, воистину христианское служение его нашей эмиграции. Она никогда не забудет его в своих благодарных сердцах. В пятницу, 23 марта, состоится такой жертвенный его концерт. Он даст нам не только высокое художественное наслаждение, но и явит широту благородного любвеобильного сердца замечательного русского человека, нашего родного, славного современника.

Митрополит Евлогий.

21 марта 1934 г.

[1371] Письмо не датировано, а позднейшая пометка Ильина на нём: «1933. весна», очевидно неверна, ибо в письме упоминается «покойный Ставиский», умерший в январе 1934 г. Датируется по вклеенным в письмо вырезкам из газеты «Возрождение»: первая – из № 3228 от 5.04, вторая – из № 3230 от 7.04.1934 (обе – из анонимной рубрики «Разные известия»), точнее – по второй из них. Пасха же в 1934 г. пришлась на 8 апреля. Из-за ошибки Ильина письмо попало в папку его писем Метнерам за 1933 г. (*Архив*, 005 – 0047), по которой и публикуется. Добавим здесь же, что Большая Молчановка (с упрё-

ка в игре в которую, т. е. в продолжительном молчании, начинается письмо) – улица в Москве, параллельная совр. Новому Арбату.

[1372] Störende Nebengeräusche (*нем.*) – раздражающий, мешающий посторонний шум.

[1373] От *фр.* bavette – детский нагрудник, слюнявчик: bave (*фр.*) – слюна.

[1374] Другими словами, все эти дети – чистокровные евреи: черта оседлости – территория, за пределами которой запрещалось, впрочем за обширным рядом исключений, постоянное жительство иудеям (понятие появилось в 1791 г. после последнего раздела Речи Посполитой и присоединения её частей с многочисленным еврейским населением к Российской империи, юридически оформившись в 1804 г.); под «рецептом» же Вольфинга подразумевается идея несмешивания народов друг с другом (не обязательно еврейского с другими или других с еврейским) во избежание денационализации и с целью максимального поддержания и развития творческих способностей каждого народа, наряду с другими высказанная в главе XLII («Юдаизм») книги Вольфинга [Т. е. Э. К. Метнера. – *А. Л.*] «Модернизм и музыка» (Мусагет, 1912. С. 382–400).

[1375] Перечислены более или менее известные газеты: Neue Zürcher Zeitung («Новая цюрихская газета») – крупная швейцарская немецкоязычная ежедневная газета, издающаяся в Цюрихе с 1780 г. (см. также комм. 1360); Berliner Tageblatt (либеральная «Ежедневная берлинская газета», выходившая в 1872–1939 гг.); Der Fraind («Друг»), первая ежедневная газета на идиш в Российской империи, издавалась в Санкт-Петербурге в 1903–1908 и в Варшаве в 1908–1914 гг.; Humanité («Человечество») – ежедневная парижская коммунистическая газета, издающаяся с 1904 г. (центральный орган Французской коммунистической партии в 1920–1994 гг.); «Правда» и «Известия» – известные советские главные официальные газеты.

[1376] Шор Давид Соломонович (1877–1942) – пианист, педагог и музыкально-общественный деятель, а также деятель сионистского движения. Основатель и участник (вместе со скрипачом Давидом Крейном (см. комм. 1091) и виолончелистом Модестом Альтшулером) ставшего впоследствии известным Московского трио (или «Трио Шора»; в 1907 г., правда, Д. Шор на некоторое время вышел из состава трио, и его в нём заменял А. Б. Гольденвейзер). После первой своей поездки в Палестину в 1908 г. Д. Шор стал

активистом сионистского движения в России. В 1927 г. поселился в Тель-Авиве, где занимался концертной деятельностью и преподаванием музыки.

[1377] Бернхард Георг (Georg Bernhard 1875–1944) – известнейший в своё время немецкий журналист, с 1914 по 1920 г. бывший одним из двух, а с 1920 г. – единственным главным редактором старинной берлинской (воспринимавшейся, впрочем, как общенациональная) газеты Vossische Zeitung (известной чуть ли не с XVII в., хотя в 1904 г. она сама отметила свой лишь 200-летний юбилей, а это название приобрела по имени своего издателя в 1751–1795 гг. Христиана Фридриха Фосса, 1724–1795), которую он, Г. Бернхард, превратил в ярко леволиберальную. В 1933 г., с приходом к власти нацистов, Бернхард бежал в Париж; в 1940 г., после вторжения Третьего рейха во Францию, он, как и многие другие немецкие эмигранты, был интернирован в оставшейся не оккупированной немцами части Франции, откуда в 1941 г. сумел бежать в США, где и умер.

[1378] Ставиский Серж Александр (1886–1934) – мошенник и аферист еврейского происхождения, чьё имя вошло в историю с т. н. делом или аферой Ставиского, приведшей к попытке государственного переворота во Франции в феврале 1934 г. В конце 1933 г. обнаружился выпуск в обращение банком, одним из учредителей которого был, уже известный как мошенник, Александр Ставиский, фальшивых векселей на предъявителя в огромном количестве (на сумму в десятки миллионов франков). Разразившийся грандиозный скандал и открытое вслед за ним дело о финансово-политической (Ставиский, Мавроди своего времени, заручился поддержкой в правительственных кругах) афере привели к попытке ареста Ставиского в январе 1934 г., в момент которого он как будто бы застрелился. Однако в версию о самоубийстве верили мало, подозревая в причастности к «афере Ставиского» высших должностных лиц (срв., напр., «Ставицкий умер, не приходя в себя» // *Возрождение*, № 3144 от 10.01.1934: «...Лишь только мы [адвокаты Тиссье. – *А. Л.*] сообщили о случившемся Тиссье [директор ломбарда, проходивший по «делу Ставиского». – *А. Л.*], как тот заявил: "Это невозможно, Ставицкий не мог покончить с собою. Это не такой человек. Его убили. Вы не знаете Ставицкого. Если бы он имел силы, он даже раненый пытался бы бежать, оказать сопротивление"». Или *Там же*: «На улице лю-

ди пожимали плечами. Все были убеждены, что полицейские убили Ставицкаго, потому что на верхах боялись его разоблачений»), а еврейское происхождение мошенника лишь подливало масла в огонь.

Клод и Франсуа – действительные имена дочери и сына Ставиского, но его жену (вдову) звали на самом деле не Арлекинетта, а Арлетта (и здесь, видимо, традиционная едко-шуточная переделка имени Ильиным); попутно заметим, что та же едкость заставила его чуть выше повысить «э» в «эмигрантах» перед фамилиями Милюкова, Ходасевича и Мережковского, а также сыронизировать ниже над названием газеты Милюкова «Последние новости», с которой последние двое активно сотрудничали). Она действительно была арестована спустя некоторое время после смерти супруга-мошенника, см., напр., № 3228 от 5.04.1934 газеты «*Возрождение*» (это тот же номер, из которого Ильин взял первую вырезку). Однако, как сообщается в ноябрьской заметке того же «*Возрождения*» (№ 3452 от 15.11.1934) из всего трёх строк под заголовком «Арлетта Ставицкая»: «Судебный следователь Ордонно отклонил ходатайство защиты об освобождении из-под стражи вдовы Ставицкого».

[1379] Советская промышленная газета «За индустриализацию», орган ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства) СССР, издавалась в Москве в 1930–1937 гг.

[1380] Гансвиндт Герман (1856–1934) – немецкий инженер-изобретатель, разработчик дирижаблей, вертолётов, усовершенствованного двигателя внутреннего сгорания и мн. др.; в чём-то подобный К. Э. Циолковскому, предвестник немецкой космонавтики, он разработал идею космического летательного аппарата.

[1381] «Бнай-Брит» или «Бней-Брит» («Дети Завета», «Сыновья Завета») – наиболее известная, старейшая еврейская общественная организация, основанная в Нью-Йорке в 1843 г. выходцами из Германии и многое заимствовавшая у масонства (в частности, её отделения именовались ложами).

[1382] Революционер и дипломат, нарком по иностранным делам Максим Максимович Литвинов (Меер-Генох Моисеевич Валлах; 1876–1951), как и Лев Давидович Троцкий (Бронштейн; 1879–1940) были до революции если не участниками, то организаторами ограблений банков и ювелирных магазинов, которые сами «деликатно» называли (а за ними и советские историки) «экспроприациями». Потому их здесь Ильин и приравнивает к американским гангстерам,

а их «коллективного» двухлетнего сына издевательски называет уже участвовавшим в трёх крупных экспроприациях (что, понятное дело, должно очень радовать его «отцов»-экспроприаторов). Также высмеивает он и мемуары Троцкого «Моя жизнь», вышедшие впервые в Берлине в 1930 г. в двух томах (его «сын» диктует уже третий том своих). Наконец, высмеивается и постоянное позирование обоих для кинохроники. В самом же этом «сыне», «кандидате» на пост президента США «Мистере Геопкинсе», обыгрывается, скорее всего, один из трёх (скорее всего, младший) сыновей ближайшего сотрудника и советника Ф. Рузвельта Гарри Гопкинса (1890–1946), в 1933 г. (в мае и затем в ноябре) занявшего несколько ответственных правительственных должностей в США и впоследствии (в 1938 г.) ставшего министром торговли. Кандидатом в президенты, впрочем, Гарри Гопкинс никогда не был, и скорее всего (срв. «фильмуясь звуковым фильмом») вся эта злая шутка Ильина есть его реакция на сделанную Гопкинсу широкую рекламу (в прессе и, по-видимому, в кино). Любопытно, что именно Гарри Гопкинс во время Второй мировой войны был одним из главных переговорщиков с СССР, не раз посещал Москву и встречался со Сталиным и Молотовым (причём на его встрече со Сталиным в конце июля 1941 г. выступал в качестве переводчика именно Литвинов).

[1383] Позднейшая пометка рукой Ильина чуть ниже: «15.IV.1934» (дата, написанная Анной Михайловной, «записана» сверху постскриптумом Н. К. Метнера).

[1384] См. комм. 1365.

[1385] См. письма №№ 101, 117, 155, 160, 213, 300 и комм. 569.

[1386] Интермедия – обычно комическая, короткая, но завершённая (с завершённым сюжетом), сцена, исполняемая между действиями основной пьесы или оперы (самый известный пример – «La serva padrona», т. е. «Служанка-госпожа» Дж. Б. Перголези (1710–1736); или же – правда, уже как скорее стилизация – интермедия в первой картине второго акта «Пиковой дамы» П. И. Чайковского).

[1387] Срв. письмо № 252 и комм. 1270, а также письмо № 289.

[1388] Письмо написано на обороте второго листа предыдущего письма (так что, в частности, только что прочитанный читателем постскриптум – скорее, к комментируемому письму, чем к предыдущему), по которому и датируется.

[1389] См. комм. 1317. Ниже ещё одна полускрытая цитата: из Грибоедова (или, скорее Г. Р. Державина – последней строки его стихотворения 1798 г. «Арфа»: «Отечества и дым нам сладок и приятен», которую цитирует Чацкий в начале «Горя от ума»).

[1390] Лиелайс-Балтэзерс (*лат.* Lielais Baltezers – дословно «большое белое озеро») – озеро в Латвии, недалеко от Риги, на территории Адажского и Гаркалнского краёв.

[1391] «Был, однако, ученик отца в рижской русскоязычной гимназии по имени Андрей Климов (никакой родственной связи). Он позже жил в Канаде, я с ним встречался в Торонто. Но в 1934 Андрей К. был гимназистом, ему не могло быть более 16-и лет. Может быть (учитывая дальнейшее) часть идеи этого письма – как бы дать "отклик молодёжи"?» [*Комм. А. Е. Климова*]. От начала письма (от места и даты до этой подписи) – почерк Андрея Климова [*А. Л.*].

[1392] Климова Софья Терентьевна (урожд. Теодорович, 1899–1991) – родилась в Варшаве в семье настоятеля варшавской церкви во имя св. Марии Магдалины протопресвитера Терентия Теодоровича, после начала Первой мировой войны вместе с отцом переехала в Петроград, в 1917 г. вышла замуж за морского офицера Г. Е. Климова. В 1918 г. с мужем покинула Петроград, после окончания Гражданской войны поселилась в Риге, устроила летний пансион в дачном месте близ латвийской столицы (куда приезжал отдыхать И. А. Ильин, а летом 1936 г. по его рекомендации И. С. Шмелев), после окончания Второй мировой войны жила в Германии, в 1951 г. с мужем переехала в Канаду, где жила в Квебеке и затем до конца жизни в Оттаве. [*Комм. А. Е. Климова.*]

[1393] Ира и Олег Климовы – дети Софьи Терентьевны Климовой: Ира (р. 1922) и Олег (р. 1918). Ире тогда было 12 лет, Олегу 16. «Тётя Соня», как я её называл, имела определённую склонность к нравоучительному тону и поведению, и скорее всего это тут и отражается: она вероятно настояла, чтоб дети присутствовали на встречах с Ильиными и с Метнерами и об этом не без гордости сообщает, получив подписи детей как бы в подтверждение. [*Комм. А. Е. Климова.*] Вся эта часть письма, кроме подписей И. и О. Климовых, написана С. Т. Климовой. [*А. Л.*]

[1394] См. комм. 1270. Очевидно, поездка Ильиных в Латвию (во всяком случае, на Белое озеро) – следствие выполнения Ильиным просьбы А. М. Метнер из её письма № 287.

[1395] Т. е. государственный переворот в Латвии, см. ниже комм. 1402.

[1396] Вся эта часть письма, кроме подписи Н. Н. Ильиной, написана рукой И. А. Ильина.

[1397] См. комм. 1269.

[1398] Письмо № 287 выше.

[1399] Имеется в виду статья Ильина «Духовный смысл сказки» // *Возрождение*, № 3291 от 7 июня и № 3300 от 16 июня 1934 г. См. также *Ильин*, *т. 6*, *кн. 2*. С. 259–273. Метнер говорит, очевидно (срв. даты), о первой её части.

[1400] Т. е. № 1 из ор. 37 1918–1919 гг. («Пять стихотворений Ф. Тютчева и А. Фета» для голоса с фортепиано).

[1401] Перед приветствием позднейшее указание Ильина: «1934 декабрь», причём «4» как будто бы его же рукой (и тем же карандашом) переправлено на «5». По всей видимости, именно по этой причине бóльшая часть листов (первые три из четырёх) этого обширного письма оказалась в «папке» писем Ильина к Метнерам 1935 г. (*Архив,* 005 – 0049), по которой и публикуется. Но один, последний, лист (он начинается со слов «Глупо? Нет факт...») благодаря завершающей письмо дате расположен в «правильной» папке (*Архив*, 005 – 0048). Также заметим, что четверостишие из этого письма имеется также в «*Собрании*» (*Архив*, 001 – 0608), отличаясь от публикуемого варианта лишь полным отсутствием пунктуации (кроме завершающей точки).

[1402] Государственный переворот 15 мая 1934 г. – захват власти в Латвии премьер-министром Карлом Улманисом, приостановившим действие конституции и распустившим сейм. В государстве были ликвидированы все политические партии и закрыты многие газеты.

[1403] Архиепископ Иоанн (в миру Иван Андреевич Поммер; 1876–1934) – епископ Православной российской церкви, архиепископ Рижский и Латвийский, предстоятель Латвийской православной церкви. Уже очень скоро, в ночь с 11 на 12 октября 1934 г., он будет убит на архиерейской пригородной даче в Озолмуйже (Озолкалнс; в наст. время в черте Риги). Убийцы подвергли его истязаниям, после чего застрелили выстрелом в висок. Чтобы скрыть следы преступления, они подожгли дачу и скрылись. Преступление так и не было раскрыто, но подозрение более или менее уверенно указывало на коммунистов как на если не исполните-

лей его, то, по меньшей мере, вдохновителей (срв., напр., заметку на стр. 3 № 3431 «*Возрождения*» от 25 октября 1934 г.). Архиеп. Иоанн в 1981 г. был прославлен в лике святых Русской православной зарубежной церковью как священномученик Иоанн Рижский (день памяти – 12 октября по юлианскому календарю), Русской православной церковью прославлен в 2001 г. В плане «Встреч и бесед» Ильина имеется пункт «60. Иоанн Поммер предлагает мне протоиерейство через Зиле 1934». См. *Ильин*, *т. 14*. С. 323 и срв. С. 327 (№ 177). К сожалению, ни № 60, ни № 177 написаны не были.

[1404] Дубовской Николай Никанорович (1859–1918) – живописец русской пейзажной школы рубежа XIX–XX вв., видный общественный деятель, член и впоследствии один из руководителей Товарищества передвижников, академик живописи (1898), действительный член Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств (1900), член Совета Академии художеств (1908), преподаватель (1909) и профессор-руководитель пейзажной мастерской Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств (1911). Автор проникновенных, мастерски исполненных и пользующихся большой популярностью картин русской природы, продолжатель традиции широкого, панорамного пейзажа своего учителя, академика М. К. Клодта (1932–1902). Кисти художника принадлежит более четырёхсот картин и около тысячи этюдов. Считался «конкурентом» Левитана.

[1405] Широко известны две картины И. Левитана: «Тихая обитель» 1890 г. и «У омута» 1892 г. (обе хранятся ныне в Третьяковской галерее), представляющие собой своего рода диптих. Первая из картин ещё в 1891 г. была приобретена частным коллекционером и до 1960 г., когда она обнаружилась в коллекции дирижёра Н. Голованова, о ней как будто не было ничего известно. Выскажем предположение, что Ильин в Риге видел именно эту картину (упоминаний о картине Левитана с названием именно «Тихий омут» отыскать не удалось). См.: Государственная Третьяковская галерея – каталог собрания / Я. В. Брук, Л. И. Иовлева. – М.: Красная площадь, 2001. – Т. 4: Живопись второй половины XIX века, книга 1, А – М. С. 357.

Картина Н. Н. Дубовского «Финский залив» 1903 г. (размер: 24×34,5; холст на картоне, масло) в настоящее время, когда пишутся эти строки, (3 ноября 2023 г.), выставлена на продажу на одном из российских аукционов с оценочной стоимостью

400 000 – 800 000 руб. Впрочем, Финскому (Финляндскому) заливу Н. Н. Дубовской посвятил, по-видимому, не одну картину, и не факт, что Ильин видел в Риге в 1934 г. именно эту. Однако она чрезвычайно выразительна (если позволено будет сказать – написана «в духе» Ильина), так что, в отличие, быть может, от других картин Дубовского на морские темы, глядя на неё нет сомнений в том, что она должна была бы понравиться Ильину.

[1406] Строка народной песни «Вниз по матушке, по Волге».

[1407] «Один гад съест другую гадину, обоим туда дорога!» — слова Ивана Карамазова («Братья Карамазовы», Часть первая. Книга третья. Глава IX. Сладострастники).

[1408] Далее Ильин излагает часть фабулы рассказа А. М. Ремизова «Труддезертир» (III рассказ цикла «На даровых хлебах», входящего в его книгу «Взвихренная Русь»).

[1409] См. комм. 680 и 872.

[1410] Т. е. (*нем*.) сброшенные детские штанишки расцвели, как роза. Или же, если не совсем точно, но рифмованно (и, вообще говоря, с сохранением смысла):

Позабытые штанишки
Вдруг раскрылись, будто шишки

Срв. письма № 28 и 30. Отметим, что в первое издание этих стишков в *Ильин*, *т. 32* (С. 478) вкралась опечатка, исправленная сейчас благодаря не известному ещё тогда издателям письму № 28. Также заметим, что в «компонировал дельное» ещё одна (очередная) отсылка Ильина к давним письмам (см. № 108, а также №№ 155, 214 и 218, где имеются подобные отсылки).

[1411] Попокатепетль – действующий вулкан в Мексике. Название происходит от двух слов на языке науатль: попока — «дымящийся» и тепетль – «холм», то есть дымящийся холм.

Киришимаяма – горный хребет вулканического происхождения в Японии, состоящий из более чем двадцати вулканических конусов и кратеров, включая горы Синмоэ, Каракуни.

Шивелюч (Шивелуч) – действующий вулкан на полуострове Камчатка в пределах Восточного хребта. Самый северный из действующих вулканов Камчатки.

Кракатау – действующий вулкан в Индонезии, расположенный на Малайском архипелаге в Зондском проливе, между островами Ява и Суматра.

Тунгурагцу – действующий вулкан в Эквадорских Андах (Кордильера-Реаль), на территории национального парка Сангай. По названию вулкана названа и провинция Тунгурауа.

Руапеху – действующий стратовулкан в Новой Зеландии. Является самой высокой точкой Северного острова Новой Зеландии. Расположен в 23 км к северо-востоку от города Охакуне и в 40 км к юго-западу от южного берега озера Таупо. Имеет три главных пика – Тахуранги, Те Хеухеу и Парететаитонга. Активный кратер расположен между этими вершинами.

Тонгариро – вулканический массив в центральной части Северного острова Новой Зеландии. Массив состоит из 12 конусов высотой до 1978 м, находится на территории одноимённого национального парка, старейшего в стране.

Харимкотан – остров северной группы Большой гряды Курильских островов. В январе 1933 г. японское поселение на острове Харимкотан было разрушено извержением вулкана, а возникшее в результате цунами привело к гибели нескольких человек и на соседних островах Онекотан и Парамушир. Остров больше японцами не заселялся.

[1412] Точная, в том числе в пунктуации, цитата (разве что выделения слов принадлежат Ильину) из упомянутого в комм. 1408 рассказа А. М. Ремизова. См., напр., *Ремизов А.* Взвихренная Русь. – Париж: Таир, 1927. С. 425.

[1413] Из комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж». Главный персонаж Данден стал синонимом простака, страдавшего оттого, что его неразумные желания были исполняемы. Фраза этой пьесы «Ты этого хотел, Жорж Данден!» («*Tu l'as voulu, Georges Dandin!*») стала крылатой, означая уже «сам виноват в бедах, приключившихся с тобой», а Данден стал олицетворением человека, попавшего впросак. Ниже «пятнашки» = «салочки».

[1414] De profundis (*лат.*) – из глубины. Также – первые слова 129 псалма (*лат.*: «De profundis clamavi ad Te, Domine...», *церк.-сл.*: «Из глубины воззвах к Тебе, Господи...»).

[1415] См. комм. 929.

[1416] Ильин был уволен из Русского научного института в Берлине 9 июля 1934 г. См. *Ильин, т. 13*. С. 460. См. также пред. письмо.

[1417] Т. е. адрес. Срв. письмо № 117 и комм. 673. Заметим также, что нам пришлось перейти к старой орфографии и в фамилии

Лалиберте, ибо в противном случае «дразнящий» юмор Ильина ускользнул бы (в основном тексте письма он никак не искажает фамилию; здесь же в ней читается явное «свободѣ»).

[1418] Шантийи (точнее, замок Шантийи – Château de Chantilly) – одна из наиболее значительных аристократических резиденций Франции. Находится недалеко от Парижа в коммуне Шантийи (департамента Уаз), в долине реки Нонетт, притока реки Уазы.

[1419] Имеется в виду Карл Энгель (1883–1944) – французский пианист и издатель, в 1930–1944 гг. редактор музыкального ежеквартального журнала Musical Quarterly, старейшего академического музыкального журнала Америки.

[1420] Речь о номере газеты «*Возрождение*» именно от 7 августа 1934 г. (№ 3352), в котором была опубликована статья Ильина «Борьба за художественность. II. Внимание читателя» (первая часть была опубликована в № 3348 от 3 августа). См. также *Ильин, т. 6, кн. 2*. С. 358–370.

[1421] В *Архиве* отдельно от переписки (см. *Архив*, 001 – 288), вместе с письмом А. М. Метнер Ильину (№ 535, от конца октября 1946 г.) и брошюрой о Метнере В. И. Яковлева (*Яковлев Вас.* Николай Карлович Метнер. – М.: Музыкальный сектор, 1927), имеется очень точная копия первой части этого письма (до отчёркивания), сделанная А. М. Метнер, с припиской её рукой: «Мне жалко было отсылать Вам это письмо и я предпочла переписать» (эта копия была ею отправлена Ильину, который нуждался в материалах к предисловию к своему немецкому переводу книги Метнера «Муза и Мода». На первой странице копии рукой Ильина надписано: «из *моего* письма Н. Метнеру 1934».

[1422] Adirato (*ит.*) – гневно; tranquillo – спокойно. Указание «tranquillo» (точнее, «subito, tranquillo, dolente ma tempo», т. е. «внезапно, спокойно, с болью, но в темпе») в нотах ор. 20 № 1 следует почти сразу за фрагментом с указанием «adirato». См. *Метнер Н. К.* Собрание сочинений. Т. II. Сочинения для фортепиано. – М.: Музгиз, 1959. С. 34.

[1423] Имеется в виду следующее через несколько тактов указание «fff con disperazione» (см. *Там же.* С. 35), т. е. forte-fortissimo con disperazione (*ит.*) – очень-очень громко с отчаянием.

[1424] От указания «pleno voce» (*Там же*), т. е. «в полный голос».

[1425] Т. е. forte pesante (*ит.*) – громко веско (весомо, тяжело).

[1426] pp – *сокр.* от pianissimo, т. е. (*ит.*) очень тихо. В указ. издании, впрочем, стоит просто p, т. е. тихо (что может быть как позднейшим изменением, так и опечаткой, ибо, как становится ясно чуть ниже, Ильин читал корректурный экземпляр нот с поправками Метнера). См. *Там же.* С. 36.

[1427] B – обозначение ноты си. Форшлаг (от *нем.* vor – перед и Schlag – удар) – мелодическое украшение, состоящее из одного или нескольких звуков, предшествующих основному звуку мелодии и исполняющихся за счёт его (или предшествующего звука) длительности. Обозначается мелкой нотой, записанной перед основной, перечёркнутой в случае т. н. короткого форшлага (у Метнера в ор. 20 № 1 именно такой) и неперечёркнутой в случае т. н. длинного. Субконтроктава – самая низкая из слышимых октав (ко всему описываемому фрагменту у Метнера указание: «sempre poco marcato il basso», т. е. «всё время немного выделяя низкие ноты»).

[1428] Бекар – знак, восстанавливающий пониженный или повышенный тон в первоначальном виде (отменяющий до конца такта ранее назначенный бемоль или диез для той ноты, перед которой он стоит). Терция (от *лат.* tertia – третья) – музыкальный интервал шириной в три т. н. ступени.

[1429] Указание «p leggiero», т. е. «piano leggiero», «тихо легко», – одновременное с описанным выше «sempre poco marcato il basso», но для правой руки. Стаккато (*ит.* staccato, т. е. отрывисто) – музыкальный штрих, предписывающий исполнять звуки отрывисто, отделяя их один от другого паузами. Обозначается соотв. указанием (staccato) или точками над или под (именно так у Метнера в этом фрагменте и далее) нотами. Pianissimo (*ит.*) – очень тихо. Указания на pianissimo в печатной версии нет, но есть calando, т. е. понижаясь (замедляясь и снижая громкость). См. *Там же*.

[1430] Здесь и выше Ильин имеет, очевидно, в виду своё письмо от 27.VII (№ 291 выше).

[1431] Non admis (*фр.*) – не допускается, не разрешено.

[1432] «О, одиночество! О, нищета!» – завершающая строка стихотворения А. Апухтина 1856 г. «Отрывок: Из А. Мюссе». Положено на музыку несколькими композиторами, в том числе С. В. Рахманиновым (ор. 21 № 6).

[1433] Ниже позднейшая пометка Ильина: «1934».

[1434] Данилин Николай Михайлович (1878–1945) – хоровой дирижер, церковный композитор, регент, педагог. В 1917 г. участвовал в интронизации патриарха Тихона в Успенском соборе Кремля. После 1917 г. был регентом в нескольких московских храмах. До 1923 г. Данилин работал в Народной хоровой академии (в которую было в 1918 г. преобразовано Синодальное училище), в 1923–1924 гг. был хормейстером Большого театра, с 1923 г. преподавал в Московской консерватории (с 1930 г. профессор). 15 марта 1915 г. в Большом зале Российского благородного собрания (ныне – Колонный зал Дома Союзов) Синодальным хором под руководством Н. В. Данилина было впервые исполнено «Всенощное бдение» С. В. Рахманинова.

[1435] Васильев Пантелеймон Иванович (1891–1977) – композитор, ученик С. И. Танеева, ближайший друг и ученик Метнера. До 1934 г. преподавал игру на фортепиано в Музыкальном училище им. М. П. Мусоргского. После лагеря в 1938–1940 гг. жил в Ашхабаде, с 1947 г. – снова в Москве. Автор брошюры «Фортепианные сонаты Метнера» (М., 1962) и др. работ о Н. К. Метнере (в том числе, вст. статьи к его собранию сочинений). Также издал фрагменты «Музы и Моды» в журнале «Советская музыка» (1963. № 8. С. 44–50) и – в том же 1963 г., выступив в качестве автора вступительной статьи и комментариев, – фрагменты записных книжек Н. К. Метнера (*Метнер Н. К.* Повседневная работа пианиста и композитора. – М.: Музгиз, 1963. Второе изд.: Музыка, 1979). См. его воспоминания в *Метнер. Материалы.* С. 71–81. Об аресте П. И. Васильева обнаруживается такое свидетельство в мемуаре «Инок Никита Зволинский» писателя Сергея Федорова-Мистика, публикующегося на сайте proza.ru (см. https://proza.ru/2009/03/14/110):

«В 1948 году на съезде композиторов Никита познакомился с учеником Танеева и другом Метнера композитором Пантелеймоном Ивановичем Васильевым, который на три десятилетия стал его учителем фортепианной игры. После освобождения из лагеря Пантелеймон Иванович ютился по разным углам, и занятия с Никитой очень поддерживали его материально, помогали выживать.

Николай Карлович Метнер жил в эмиграции в Лондоне и как-то с оказией просил передать в Москве письмо к Пантелеймону Ивановичу. С посланцем от Метнера они встретились в ресторане Метрополь и славно пообедали. После обеда посланец уехал в Лондон,

а Пантелеймон Иванович на пять лет в лагеря. На допросе его спросили, почему он поддерживает связь с врагом народа Метнером?

– Это для вас он враг, а для меня он друг, – ответил Пантелеймон Иванович. Получил пять лет.

(Одного зека спросили другие зеки, за что он получил пятнадцать лет?

– Ни за что, – ответил он.

– Ни за что дают пять лет. А пятнадцать, значит есть за что.)

Лагерь Пантелеймон Иванович не любил вспоминать, но както в разговоре сказал: "А в двадцатиградусный мороз пройти по этапу шестьдесят километров каково?"».

[1436] Все четыре опубликованных письма Н. К. Метнера П. И. Васильеву (*Метнер. Письма.* С. 307–312, 321–326, 354–356, 405–410) опубликованы по копиям, сделанным с них (очевидно, перед отправкой) А. М. Метнер, кроме первого, которое, впрочем, опубликовано по изданию, также подготовленному А. М. Метнер и, очевидно, тоже использовавшему не оригинал письма. В последних трёх случаях З. А. Апетян пишет, что «местонахождение оригинала не установлено», и наст. письмо указывает, что письма Метнера П. И. Васильеву (как эти четыре, так, быть может, и другие) могут обнаружиться в его деле в архиве ФСБ.

[1437] Юрист Александр Александрович Сабуров (1874–1934) был женат на Софье Карловне Сабуровой (урожд. Метнер, 1878–1943), сестре Н. К. Метнера. Их сын Андрей Александрович Сабуров (1903–1959) – ученик Ильина (см. *Ильин, т. 33.* С. 316–317 и 580).

[1438] Письмо написано на одном большом листе с обеих его сторон, причём, по своему обычаю, Ильин начал его, оставив много свободного места в начале страницы. Листа ему не хватило, потому письмо продолжается и завершается именно на этом, первоначально свободном, месте первой страницы. Заполнено припиской и левое её поле, так что для привычной даты в конце письма слева места не оставалось и Ильин забыл, по-видимому, её проставить куда-нибудь ещё, а потому позднейшее его указание о ней (слева от приветствия) неточно: «1934. Конец сентября». Однако точная дата (25 сентября) устанавливается по письму № 300, где она указана Ильиным.

[1439] Свою позицию по Украине Ильин изложит более аргументированно в Резолюции Съезда Белых Организаций (Белого Съез-

да), созванного Ильиным и прошедшего в августе–сентябре 1938 г. в Румынии:

«5. ОБ УКРАЙНЕ

Украйна признается наиболее угрожаемою частью России в смысле отделения и завоевания. Украинский сепаратизм есть явление искусственное, лишенное реальных оснований. Он возник из честолюбия вожаков и международной завоевательной интриги. Малороссы суть ветвь единого, славяно-российского народа. Эта ветвь не имеет причин враждовать с другими ветвями того же народа и отделяться в отдельное государство. Отделившись, это государство предает само себя на завоевание и разграбление иностранцам. Малороссия и Великороссия связаны воедино верой, племенем, исторической судьбой, географическим положением, хозяйством, культурой и политикой. Иностранцы, подготовляющие расчленение, должны помнить, что они объявляют этим всей России вековую борьбу. Не будет мира и хозяйственного расцвета на востоке при таком расчленении. Россия превратится в источник гражданских и международных войн на века. Расчленяющая держава станет ненавистнейшим из врагов национальной России. В борьбе с нею будут пущены в ход все союзы и всякие средства. Россия переложит свой центр на Урал, соберет все свои огромные силы, разовьет свою технику, найдет себе могучих союзников и будет бороться до тех пор, пока не подорвет вконец и навсегда мощь расчленяющей державы. Национальная Россия не ищет ничьей погибели, но она сумеет ответить своевременно на всякую попытку расчленения и будет бороться до конца. Всякой державе выгодней иметь Россию другом, а не врагом. История еще не сказала своего последнего слова». См. *Ильин*, *т. 18*. С. 503.

[1440] В Берлине в 1934 г., но без указания даты, под псевдонимом Соборянин была опубликована (тиражом 5000 экз.) брошюра «Лжеучители. Документы и мысли о высылке ученых из Советской России в 1922 г.». В *Архиве*, в папке, озаглавленной Ильиным «Документы клеветы и обороны» (кор. 69, д. 8 по «мичиганской» каталогизации), эта брошюра сохранилась с пометками Ильина. См. также *Ильин*, *т. 13*. С. 571 и 604.

[1441] Имеется в виду Адольф Эрт, с которым Ильин написал книгу «Entfesselung der Unterwelt» (обложка которой действительно красно-бордового цвета). См. комм. 903 и 35-59.

[1442] Срв. комм. 1268.

[1443] Это первое свидетельство о намерении Ильина уехать из Германии. Как видно из этого же письма (см. приписки ниже), речь доходит уже даже до бегства (например, во Францию). По-видимому, последнее Ильин допускал лишь в самом крайнем и тяжёлом случае, которого в тот момент ещё не было, ибо, находясь в Югославии, где писалось это письмо, бежать было бы заведомо легче, чем, вернувшись в Германию, из последней. Обратим внимание читателя также и на то, что речь о бегстве идёт в заведомо несколько более поздних приписках, что косвенно свидетельствует о том, что первая мысль о возможной необходимости именно бегства могла прийти к Ильину именно в промежутке между написанием письма и приписок к нему.

[1444] Мотта Джузеппе (1871–1940) – швейцарский политик, президент, дипломат. Неоднократно был вице-президентом и президентом Швейцарии.

[1445] Эта фраза вписана позднее, уменьшенным почерком (чтобы уместиться в строке). Она означает, что Ильин отправил письмо не сразу по написании. Выскажем предположение, что Ильин ждал оказии, ибо *такое* письмо доверить обычной почте, даже вполне свободной в то время Югославии, было бы довольно безрассудно.

[1446] Т. е. Белград (Београд – настоящее, сербское, название столицы Сербии и Югославии), до востребования (от *фр.* poste restante).

[1447] Слева позднейшее указание Ильина: «1934». Также в самом конце письма, ниже подписи А. М. Метнер, позднейшие, с исправлениями, указания Ильина: «1934 ~~осень~~ 10 ноября».

[1448] Т. е. (*нем.*) уведомление кредиторам Швейцарского Дисконтбанка. Выплата 70% владельцам текущих счетов и депозитных вкладов, остаток на которых не превышает 3000 франков.

[1449] Т. е. выплаты по вкладам могут быть произведены только по тому же предъявлению их законного владельца. Срв. комм. 35-13.

[1450] Скорее всего, имеется в виду Ханс Трюб (см. комм. 355).

[1451] Это письмо Ильину О. Н. Конюс помещено (очевидно, им самим) в «папку» писем к нему Метнеров 1934 г., так что мы публикуем его в ряду всех писем, не вынося в приложения к наст. тому. Ниже даты позднейшее указание Ильина: «1934». К письму приложена маленькая афиша концерта Метнера 19 декабря 1934 г. при участии певицы Наталии Вечор (см. комм. 35-11).

Конюс (урожд. Ковалевская) Ольга Николаевна (1890–1976), жена Л. Э. Конюса (см. комм. 447), пианист и педагог. Преподавала в Русской консерватории в Париже, ведя класс фортепиано с 1927 г. Ильин отозвался на её просьбу, и 19 декабря, в день самого концерта, в *Возрождении* вышла его статья-анонс к предстоящему вечеру (см. её в приложении к наст. тому).

[1452] Улица, названная по имени художника Жана-Франсуа Милле (1814–1875), расположена в XVI округе Парижа.

[1453] Ниже – позднейшая пометка Ильина: «1934».

[1454] См. комм. 1063.

[1455] Ниже перечислены следующие сочинения Н. К. Метнера: «Бессонница» – № 1 из ор. 37; «О чем ты воешь, ветр ночной» – № 5 из ор. 37; «Ангел» – № 1 из ор. 36; «Муза» – № 1 из ор. 29; «Соната-Баллада» для фортепиано – ор. 27; «Meeresstille» и «Glückliche Fahrt» («Тишь на море» и «Счастливое плавание») – № 7 и № 8 из ор. 15; «Mignon» («Миньон») – № 4 из ор. 18; «Einsamkeit» («Одиночество») – № 3 из ор. 18; «Präludium» («Прелюдия») – № 1 из ор. 46; «Novelle № 1» – *указание (верное) справа напротив рукой*: *«G dur Andante op 17» принадлежит Ильину,* – № 1 («Дафнис и Хлоя») из ор. 17 («Три новеллы для фортепиано» 1908 г.); Сказки ор. 34 № 3 (a-moll) и № 2 (e-moll, т. е. ми минор – *исправление mi min. на E moll принадлежит Ильину*); «Tanzmärchen» («Танец-сказка») – № 1 из ор. 48; «Цветок засохший» («Цветок») – № 2 из ор. 36; «Лишь розы увядают» – № 3 из ор. 36; «Вальс» («Могу ль забыть то сладкое мгновенье») – № 5 из ор. 32; «Ворон» – № 2 из ор. 52; «Телега жизни» – № 2 из ор. 45; «Заклинание» – № 7 из ор. 29. Отметим, что эта программа сильно отличается от действительно бывшей программы концерта, на брошюрке с которой написано письмо № 302. Также синим карандашом отчёркнуты-помечены слева номера I.1, I.2, I.3, II, III.4, V.1, V.~~2~~, V.3, V.4 и V.5 (т. е. все, кроме I.4, III.1, III.2, III.3, всех пп. номера IV и номера V.2, но трудно сказать, что именно эти отметки означают.

[1456] Речь о статье Ильина «Музыка и слово (к концерту Н. К. Метнера)» в № 3486 от 19 декабря 1934 газеты «*Возрождение*». См. её также в приложении к наст. тому.

Семенов Юлий Федорович (1873–1947) – политический деятель, кадет, масон, ученый, мемуарист. Учился на физико-математическом

факультете Московского университета, затем продолжил образование в Сорбонне. В 1927–1940 гг. – редактор газеты «*Возрождение*».

[1457] Правильнее – Хри*с*огонов, Михаил Михайлович (1891–1982) – живописец, график, фотохудожник. Перед Первой мировой войной М. Хрисогонов обучался в Москве, в частной художественной школе (студии) И. И. Машкова (1881–1944). В августе 1914 г. был призван на военную службу и вышел в запас только 1 января 1918 г. Эмигрировал в конце 1920 г., жил в Югославии, где преподавал живопись и рисование; в частности – в Первом Русском Великого князя Константина Константиновича кадетском корпусе, который размещался в г. Бела Црква на границе с Румынией. С конца 1920-х гг. стал (как следует и из письма Ильина) известным портретистом. Неудачный фотопортрет, о котором здесь речь, можно увидеть в *Архив*, 3 – 14 (на обороте этого экземпляра надпись рукой Ильина: «1934. сентябрь \\ на площади Разугы-Дубровника \\ снято по заказу Белградского Союза Журналистов») и оценить юмор Ильина в следующем далее описании его.

[1458] См. комм. 472 и 1145.

[1459] Ложеровать, ложировать от *нем.* loger [logieren (*устар. воен.*) – разместиться где-либо; говорится обычно о войсках] – разместиться, располагаться, находиться.

[1460] Гонорировать – скорее всего, производное от «гонорар» (от *лат.* honorarium – вознаграждение), однако не исключено и что одновременно и от *фр.* honneur – честь (т. е. не оказывали должного уважения).

[1461] Сесть в бест – здесь: укрыться (жаргонизм).

[1462] Поездка Ильиных в 1934 г. в Югославию, где Ильин выступал с лекциями (т. е., в том числе, имел от этого некоторый заработок) длилась с сентября по октябрь. Затем они посетили Прагу и лишь в ноябре возвратились в Берлин. *См. Ильин, т. 21.* С. 518.

[1463] Письмо написано на 2-й, 3-й и 4-й страницах обложки брошюрки-программки концерта 19 декабря в Париже (см. комм. 1451). На первой странице программки рукой Ильина пометка: «Письмо 20.XII.1934».

[1464] Не совсем точная цитата из стихотворения Козьмы Пруткова «Предсмертное». См. и срв. комм. 36-346.

[1465] Этот как будто бы начальный фрагмент является на самом деле припиской ко всему письму, написанной на обширном свободном,

до приветствия, месте, которое обычно Ильин оставлял при написании своих писем. Мы здесь делаем исключение из своего правила помещать приписки в конце писем, ибо несомненно, что Н. К. Метнер так же, как и ныне читатель, первыми прочёл именно эти строки.

[1466] Программа, присланная О. Н. Конюс Ильину (см. письмо № 299), отличается от напечатанной в брошюре к концерту далеко не только в четвёртом отделении. Мы не воспроизводим её (её также можно найти в РНММ. Ф. 132, № 1547), но перечислим исполненные сочинения: I. «Бессонница» и «О чем ты воешь, ветр ночной?» Тютчева (№ 1 и № 5 ор. 37), «Ангел» и «Муза» Пушкина (ор. 36 № 1 и ор. 29 № 1); II. «Соната-баллада» ор. 27; III. Пять песен Гёте: «Тишь на море» и «Счастливое плавание» (ор. 15 №№ 7–8, исполнены без перерыва), «Миньон» и «Одиночество» (№ 4 и № 3 ор. 18), а также «Praeludium» (ор. 46 № 1); IV. Две сказки (ор. 9 № 3 и «Танец-сказка», ор. 48 № 1); V. «Ворон», «Телега жизни», «Цветок», «Лишь розы увядают», «Могу ль забыть то сладкое мгновенье» («Вальс») и «Заклинание» Пушкина (ор. 52 № 2, ор. 45 № 2, ор. 36 № 2 и № 3, ор. 32 № 5 и ор. 29 № 7).

[1467] А-ля Капуль, под Капуля, капуль, капульчик (*фр.* à la Capoul) – модная в конце XIX в. мужская причёска, названная в честь известного французского тенора Виктора Капуля (точнее, Жозефа Амеде Виктора Капуля; 1839–1924). Соотносившаяся с образом франта и дамского угодника и ставшая спустя годы особенно популярной среди малообразованных обывателей, со временем она приобрела соответствующую славу: стриженный под Капуля уверен, что выглядит модно и франтовато, и не замечает, что воспринимается окружающими как дурак. Срв. также фельетон Н. С. Лескова «Домашняя челядь» (напр., в *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 12. – М.: Правда, 1989. С. 331–343).

Речь же идёт о следующей заметке В. Поля (см. комм. 716), опубликованной в № 3490 «*Возрождения*» от 23 декабря 1934 г.

Концерт Н. К. Метнера

Концерт Н. К. Метнера, состоявшийся в зале Эколь-Нормаль, прошел с большим успехом и, как обычно, в атмосфере музыкального события, каким и должно быть выступление автора-композитора, исполняющего свои произведения и лично аккомпанирующего певице, поющей его песни.

Облик Метнера-пианиста нам известен. Это большой виртуоз, который, однако, завоевывает публику не внешним блеском игры, какого у него более чем достаточно для любой европейской эстрады, но глубокой интимностью исполнения, изысканной тонкостью нюансов, неуловимо капризными и в то же время закономерными изломами ритма и характерными «рубато». Полное проникновение фортепьянной стихией, в которой Н. К. Метнер, как фортепьянный композитор, является создателем многих новых и оригинальных гармонических и полифонических приемов, делает Н. К. Метнера, без сомнения, лучшим исполнителем его собственных сочинений, в которых он, как никто другой, умеет выявить и подлинную духовную сущность. Об этой сущности музыки Метнера философ И. А. Ильин написал обстоятельную статью, помещенную в «Возрождении» в день концерта. Я позволю себе лишь заметить, что уважаемый философ, может быть, слишком подчеркивает наличие философского элемента в музыкальном творчестве Метнера, где, к счастью для автора, все же преобладает элемент музыкальный. Аналогично поступали со Скрябиным почитатели этого «теософа», оказавшегося в конце концов, огромным чистейшим музыкантом.

На этот раз, несмотря на ряд сверхпрограммных номеров, Метнер играл «соло» сравнительно мало, оставаясь у рояля для сопровождения пения г-жи Наталии Вечор. Обладательница красивого, особенно в высоком регистре, голоса – Н. Вечор, в соответствии, конечно, с толкованием самого автора, исполнила ряд циклов песен Метнера на слова Пушкина, Тютчева и Гетэ. Несколько песен были повторены по требованию публики г-жой Вечор и ее необыкновенным аккомпаниатором-автором.

В. Поль.

[1468] Т. е. motto (*um.*) – девиз (здесь: скорее, эпиграф).

[1469] 5 и 6 строки стихотворения И. В. Гёте «Священное место» (см. комм. 341, где приведён, в том числе, и полный перевод). По этому указанию становится ясно, что речь идёт о рукописи (*Архив*, 001 – 0287), снабжённой Ильиным (на отдельном листке и спустя годы) следующим комментарием: «*Моя статья* о музыке Метнера *по-немецки* (Берлин, 30-е годы). Нигде не напечатана (в основе лежит моя *русская* статья из Рус. Колокола № 7)» (похожий его комментарий как бы предваряет первую страницу самой рукописи).

[1470] Срв. комм. 63.

[1471] Т. е. брат (очевидно, от *фр.* la fraternité – братство). Ильин здесь и в приписке ниже обыгрывает одновременно известный лозунг Французской революции и фамилию LaLiberté (la liberté, *фр.* – свобода), которого на протяжении всего письма называет Лалибертеем и для которого переводит на немецкий язык свою статью о Метнере.

[1472] Т. е. себе, см. подпись к письму и пред. комм.

[1473] РНММ. Ф. 161, № 1799. К этому единственному известному нам письму И. А. Ильина А. Б. Гольденвейзеру приложена копия открытого (хотя и не опубликованного) письма Ильина Андрею Белому (см. его в *Ильин, т. 13.* С. 105–106; там же на стр. 107 см. указание на то, что письмо Белому было отправлено 9 февраля, из чего следует, что для Ильина «третьего дня» означает именно «позавчера», срв. комм. 35), которым Ильин выступил в защиту Э. К. Метнера (см. подробнее: *Там же.* С. 107–111, а также первую ссылку в комм. 32 наст. тома).

[1474] Публикуемый (впервые) документ (*Архив,* 001 – 0280) представляет собой отдельную тетрадку-блокнот, в которой так или иначе заполнены 28 страничек, с записями, сделанными Ильиным, очевидно, именно в 1915 г. и впоследствии дополнявшимися. Первоначальные записи 1915 г. сделаны однородными чёрными чернилами, позднейшие записи и пометки сделаны, по-видимому, несколько позднее (все они карандашные, причём карандаш всюду простой, кроме трёх отметок, сделанных красным). В заголовке-титуле, занимающем всю первую страничку тетрадки, «Музыка Н. Метнера.» и «1915.» – чернильные; очевидно, более позднее «Мои заметки» – вписано простым карандашом. Вторая страничка содержит набросок списка сочинений Н. К. Метнера, который мы, как и весь документ, воспроизводим в точности (в частности, оставляя незаполненными те номера, что не заполнены Ильиным, а также не приводим переводов названий – см. их в конце 36 т. наст. изд., в указателе упоминаемых в переписке сочинений Н. К. Метнера). Последним в списке, если не считать двух следующих за ним незаполненных номеров, указан ор. 29, написанный в 1913 г. и опубликованный в 1914, что ещё раз подтверждает, что первоначальные записи делались именно в 1915 г. То же, что список впоследствии не дополнялся, подтверждает, что и карандашные более поздние записи, по крайней мере бо́льшая их часть, относятся к тому же времени

(следующий op. 30 был опубликован только в 1917 г., хотя, впрочем, opp. 31–32 вышли в свет чуть раньше – в 1916). Однако упоминания как о номерах op. 32, так и (и ещё более) о «Бессоннице» Тютчева, «Вальсе» Фета и «О чем ты воешь...» (т. е. о трёх номерах op. 37, писавшегося в 1918–1919 гг.) указывают, что, по крайней мере, часть карандашных записей, могла делаться много позднее. Буквы «Ю.», «Б.» и «К.», предваряющие порядковые номера opus'ов, означают издателей: Юргенсона, Беляева и Кусевицкого. Что означают римские цифры и крестики, передаваемые нами как «х» (ибо это очевидно не римская 10, не встречающаяся здесь ни разу) и сопровождающие часть opus'ов, догадаться тоже нетрудно: это отсылки к нотной библиотеке Ильина, и «х» при этом означает, что ноты opus'а имеются в ней полностью, а, напр., «III» – что имеется лишь № 3 соотв. сочинения (эта догадка, кажется, вполне подтверждается 17-й строкой списка, где оставлены пустыми места для последующего проставления тональностей первых двух номеров opus'а). До момента, когда чернильный текст сменяется карандашным, все карандашные пометки-добавления публикуются в {фигурных скобках}, а карандашные подчёркивания (то есть позднейшие, в отличие от чернильных – изначальных) передаются обычным подчёркиванием. Далее публикация следует уже привычным читателю принципам наст. издания (когда подчёркивания передаются курсивами). Добавим, что *Архив* содержит иной, поздний, сборник документов, озаглавленный Ильиным похоже: «Музыка Метнера» с приписанным сверху правее «мои заметки» (*Архив*, 001–0283).

[1475] Modus cognoscendi (*лат.*) – образ (способ) познания; modus cogitandi – образ мышления.

[1476] Термин «присутствие» позднее систематически появляется у Мартина Хайдеггера (см., напр., его «Бытие и время»). Неудивительно, что Ильин прибегает к нему раньше – источником, несомненно, является Гуссерль, общий учитель Ильина и Хайдеггера.

[1477] Может создаться впечатление, что здесь неоконченная, оборванная мысль. Однако точка после «само» стоит уверенная, как и финализирующая заметку черта. Скорее всего, здесь действительно было всего лишь пропущено (восстановленное нами) слово «оно» или нечто подобное.

[1478] Напомним, что понятие «конкретное» (*лат.* concreto – сращение; Ильин приписал «сращение» карандашом над словом «кон-

кретизация») было главным в ильинской интерпретации философии Гегеля, над большим трудом о которой – «Философия Гегеля как учение о ***конкретности*** Бога и человека» (выделено нами) – он работал как раз в 1915 г.

[1479] Это слово предваряется косой пометкой-отсечкой красным карандашом.

[1480] So-sein-Sagen (*нем. досл.*) – так-являющийся-Сказать. Из последнего глагола Ильин делает (исправляя строчную букву в прописную) существительное, что позволяет предложить такой перевод сочетанию so-sein-Sagen: так-являющееся-слово (или, б. м., даже Слово, но в таком случае, разумеется, не в прямо евангельском, срв. Ин. 1, 1–2, смысле).

[1481] Зачёркивание сделано карандашом (т. е. оно позднейшее).

[1482] Отчаяние в Тебе – т. е., очевидно, разочарование в Боге или подобное чувство-ощущение.

[1483] И здесь такая же (срв. комм. 1479) пометка красным карандашом.

[1484] Ильин отсылает к 67 странице первого тома двухтомной (в третьем издании) биографии Бетховена (Biographie von Ludwig van Beethoven. Verfaßt von *Anton Schindler.* Erster Theil. – Münster: Aschendorff, 1860), написанной австрийским музыкантом и (с 1822 г.) секретарём Бетховена Антоном Шиндлером (1795–1864). На этой странице приводятся некоторые краткие отзывы-мнения о Бетховене современных ему критиков (вполне «сальериевские» – в духе, разумеется, представления о Сальери, созданного известной трагедией А. С. Пушкина, но отнюдь не исторического Антонио Сальери, образ которого в обыденном представлении полностью заместился блестящим пушкинским изображением Злодея).

[1485] Далее следовала черта, завершающая заметку, однако она была зачёркнута пятью вертикальными черточками, так что заметка дальнейшим текстом как будто бы продолжается. Однако эти пять вертикальных чёрточек сверху как будто соединены длинной горизонтальной чертой (так что получился рисунок, чем-то напоминающий перевёрнутую неглубокую корзинку), но можно довольно уверенно сказать (по смыслу последующей речи), что новая черта не есть возвращение зачёркнутой, т. е. что она не означает начала новой заметки.

[1486] Das Allgemeine, Substantielle (*нем.*) – всеобщее, существенное (т. е. относящееся к существу, основным свойствам; субстан-

циональное). Субстанция – одно из основных понятий философии Гегеля. О «всеобщем» (Allgemeine) см. и срв. *Ильин, т. 22.* С. 119 и далее (Гл. 5. «Всеобщность мысли» труда Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»).

[1487] Status, operari, esse (*лат.*) – состояние (стояние), работа (труды), сущность (esse *досл.*, впрочем, – быть).

[1488] В оригинале здесь «~~не~~ не», причём зачёркнутое «не» зачёркнуто карандашом. Очевидно, здесь наложена ошибка на описку (по смыслу текста второе «не» должно быть «на», а первое зачёркнуто автоматически, ибо сочтено случайным повтором).

[1489] Дифференцированное – т. е. разделённое, различающее, отличающее одно от другого – состояние (души) здесь противопоставляется тотальности, т. е. целостности, всеохватности. Рихард Вагнер при этом упоминается как один из первых (и самых успешных) соединителей музыки, слова (поэзии), художества (декораций) и др. в единое, названное им музыкальной драмой или, более общо (но термин этот не его – он лишь воспользовался им в своих литературно-философских работах, обосновывающих его идею музыкальной драмы), Gesamtkunstwerk [(*нем.*) тотальное (объединённое) произведение искусства].

[1490] De profundis (*лат.*) – из глубины. Здесь аллюзия на Пс. 129, 1.

[1491] Заметим любопытное: во всём этом абзаце (как и в целом во всей тетрадке с заметками) очень много опущенных «ъ» на конце слов, что вообще для Ильина нехарактерно и является, скорее всего, проявлением некоторой торопливости (ибо немало «ъ» на месте, равно как на месте все, или почти все, «і» и «ѣ»). Отметим, впрочем, что подобное явление можно наблюдать и в письмах. Напр., в последнем абзаце письма № 14 (в наст. изд. особенность по необходимости теряется, так что см. оригинал письма: РНММ. Ф. 132, № 13276).

[1492] Des Einschlürfens (*нем.*) – чавканий, прихлёбываний, потягиваний (от *нем.* schlürfen – чавкать, потягивать, попивать).

[1493] И здесь подобная предыдущим (срв. комм. 1479 и 1483) пометка-отсечка.

[1494] «Роза» – № 6 из ор. 29 («Семь стихотворений А. Пушкина»). Черта, завершающая эту заметку, последняя чернильная – всё дальнейшее записано карандашом.

[1495] Stockung (*нем.*) – затор, застой.

[1496] До сих пор (кроме списка сочинений, открывающего «Мои заметки», расположенного на «чётной» стороне) Ильиным заполнялись в тетрадке только «нечётные» странички. С этого же момента записи занимают полный разворот, причём тексты обеих его сторон оказываются составляющими как бы таблицу в два столбца: левая, «чётная», страничка – левый столбец, правая, «нечётная», – правый (отделяющие «ячейки» друг от друга горизонтальные черты едины на весь разворот). Мы передаём такое расположение текста именно таблицами, причём переход от одного разворота к другому (кроме случаев, когда по смыслу заметки следующий разворот лишь продолжает «ячейки» предшествовавшего ему) передаётся утолщённой горизонтальной чертой.

[1497] Spröde, Bekehrte und Einsamkeit (*нем.*) – «Недоступная» («Die Spröde»), «Обращенная» («Die Bekehrte») и «Одиночество» («Einsamkeit») – первые три номера ор. 18 («Шесть стихотворений И. В. фон Гёте»).

[1498] То ли от этого слова, то ли от «перегружено» идёт линия к следующему далее «симфонич.», как будто вся часть этой ячейки таблицы после короткой черты является к нему комментарием.

[1499] Verallgemeinerung (*нем.*) – обобщение.

[1500] Schwere des Allgemeinen (*нем.*) – тяжесть всеобщего (срв. также комм. 1486).

[1501] Leichtigkeit des Einzelnen (*нем.*) – лёгкость единичного.

[1502] Речь, очевидно, о «Песенке эльфов» («Elfenliedchen»), № 3 из ор. 6 («Девять песен И. В. фон Гёте» для голоса с фортепиано).

[1503] Zu ernst genommen (*нем.*) – слишком серьёзно воспринял или, скорее, просто – слишком серьёзно. Т. е. полная фраза равносильна такой: «Все находят, что я это слишком серьёзно».

[1504] «Im Vorübergehen» [(*нем.*) «Мимоходом»] – № 4 того же (см. комм. 1502) ор. 6.

[1505] № 6 из ор. 32 («Шесть стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано).

[1506] № 3 («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы») из ор. 29 («Семь стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано).

[1507] № 1 из. ор. 37 («Пять стихотворений Ф. Тютчева и А. Фета» для голоса с фортепиано).

[1508] № 1 из ор. 24 («Восемь стихотворений А. Фета и Ф. Тютчева» для голоса с фортепиано).

[1509] Т. е. безмятежная (от *ит.* sereno – безмятежный).

[1510] Nicht-satt-werden (*нем. досл.*) – становящийся несытым (исцелённостью). Быть может, правильнее перевести: становящийся алчущим, взалкавший (исцелённости).

[1511] Так (без закрывающих кавычек и со словом «мечт») в документе. По-видимому, предполагалось «день сей мечт. покров», т. е. «мечт.» – сокращение от «мечтательный». Однако, если так, здесь ошибка памяти Ильина, ибо в оригинале песни (и стихотворения Тютчева): «День – сей ***блистательный*** покров».

[1512] Т. е. «Вальс» («Мелодия», «Давно ль»), № 4 из ор. 37 («Пять стихотворений Ф. Тютчева и А. Фета» для голоса с фортепиано), и «Заклинание», № 7 из ор. 29 («Семь стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано).

[1513] Точнее, «Сумерки» («Тени сизые смесились...»): № 4 ор. 24 («Восемь стихотворений А. Фета и Ф. Тютчева» для голоса с фортепиано).

[1514] № 2 из ор. 32 («Шесть стихотворений А. Пушкина» для голоса с фортепиано).

[1515] Точнее, «Могу ль забыть то сладкое мгновенье...» («Вальс»): № 5 того же ор. 32.

[1516] Einstellung (*нем.*) – здесь: настрой, настроение.

[1517] Ильин может здесь иметь в виду, очевидно, только фортепианную сонату Метнера 1911 г. (опубликована в 1912 г.) e-moll (ми минор) ор. 25 № 2, которой предпослано эпиграфом то же стихотворение Ф. И. Тютчева («О чем ты воешь, ветр ночной?..»), на которое позднее (в 1918 – 1919 г.) написана разбираемая в заметке песня. Тем самым, предшествующее подчёркнутое «*до*», если в нём нет описки или ошибки, означает не предлог, а ноту, и так, «*темой до*», Ильин обозначает одну из тем этой сонаты.

[1518] Точнее, «О чем ты воешь, ветр ночной?..»: № 5 из ор. 37 («Пять стихотворений Ф. Тютчева и А. Фета» для голоса с фортепиано).

[1519] Т. е. «Зимний вечер»: № 1 из ор. 13 («Два стихотворения» для голоса с фортепиано), написанный в 1907 и опубликованный в 1908 г., так что ильинская пометка рядом («1903.») заведомо неверна.

[1520] Впервые статья опубликована Ильиным в своём журнале «Русский Колокол» (Берлин, 1929. – № 7). При этом была допущена опечатка, на которую указал сам Н. К. Метнер (в письме И. А. Ильину от 15 марта 1929 г.; № 158 выше): «Единственная ошибка – музыкально-орфографическая – Твоей статьи <–> это «mol» – надо писать с двумя "ll"». Печатается далее с исправлением указанной ошибки. Также эта статья была опубликована нами ранее в *Ильин, т. 28* (содержащем все номера журнала «Русский Колокол»), а ещё ранее – в *Ильин т. 6, кн. 2* (шестой том Собрания сочинений, по первоначальной идее 10-томного сборника, был призван включить в себя всё наследие Ильина, относящееся к философии художества, в том числе и литературную и музыкальную критику; но ни две книги, ни даже третья не планировавшаяся изначально книга не смогли вместить всего), однако оба этих издания не отменяют необходимости наст. публикации, ибо статья имеет самое прямое отношение к переписке, многократно в ней упоминаясь и обсуждаясь (см., напр., в упомянутом письме № 158 развёрнутый отзыв о ней самого Метнера). Для наст. издания она заново вычитана по первоисточнику (первые переиздания не обошлись без огрехов), а также прокомментирована (большая часть комментариев относится к сноскам-примечаниям самого Ильина, а потому они для удобства читателя помещаются там же, но в [квадратных] скобках). Как и во всём наст. издании (в отличие от указанных двух публикаций, где правописание было полностью приведено к современным нормам), мы стараемся по возможности сохранить авторские орфографию и пунктуацию, в особенности в написании прописных букв, а также излюбленных Ильиным точек с запятой и тире. Яркий оратор, он готовил свои речи заранее, составляя подобие своего рода музыкальной партитуры, где отмечал разными знаками (среди которых и эти точки с запятой и тире) расстановку пауз, ударения и подчёркивания. Выступая, он читал лекцию, следя как будто дирижёр по раскрытой перед ним на пюпитре этой «партитуре». И в статьях Ильина, даже если они не выросли из подобных лекций, иногда отчётливо ощутим, именно благодаря его своеобразной пунктуации, этот «музыкальный эффект». Если же привести пунктуацию к современным правилам русского языка, он ускользнёт.

Наконец, Ильин ссылается на эту свою статью, указывая страницы журнала (см. письмо № 160). Чтобы эти ссылки сохранили

значимость, в наст. публикации в **{фигурных скобках}** указывается начало каждой из страниц статьи (исключая первую). Напр. **{12}** означает, что далее следует 12-я страница № 7 «Русского Колокола» (без учёта возможного переноса слова: переносимое слово считается принадлежащим странице, на которой оно начато).

[1521] Карлейль Томас (1795–1881) – знаменитый британский писатель, публицист, историк и философ. Ильин очень часто цитирует его, в особенности его труд «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841). Слова, вынесенные в эпиграф, заимствованы из беседы третьей («Герой как поэт. Данте. Шекспир») этой книги (всего она состоит из шести бесед) в переводе В. Яковенко (3-е изд.: СПб., 1908).

[1522] Речь, разумеется, о технике фортепианной игры. Ильин, владея фортепиано, сам разбирал и наигрывал себе сонаты и песни Метнера, как, впрочем, и сочинения других композиторов.

[1523] Ильин имеет в виду, конечно, живой концерт Метнера-исполнителя, однако и современный слушатель имеет возможность услышать игру Н. К. Метнера, благодаря сделанным в 30-е–40-е гг. записям (см. комм. 36-104, 36-233, 36-402, 36-403 и 36-455).

[1524] «Отверзлись вещие зеницы» – 7-я строка стихотворения «Пророк» А. С. Пушкина.

[1525] Здесь Ильин, не указывая на это совсем прямо, цитирует самого себя, а точнее, свою статью из № 2 «Русского Колокола» (1927 г.) «Кризис современного искусства» (см. *Ильин, т. 28*. С. 140), на которую, впрочем, чуть ниже он всё-таки ссылается. См. также комм. 322.

[1526] Намёк на то, что «modern» (*англ.*) означает не более чем «современный» (притом что понятия «современный» и «модернистический» всё же не тождественны).

[1527] Чудь – здесь, по-видимому, синоним нечисти (лесной нечисти), т. е. чего-то устрашающего.

[1528] См. Мк. 1, 23–26; 3, 11–12; 9, 17–29 (сам запрет – 9, 25; та же история – Мф. 17, 14–21). Также см. Лк. 4, 33–41.

[1529] Т. е. никакие видимые чудеса (запреты бесам) ни вмч. Георгия Победоносца, ни даже самого Господа Иисуса Христа не целят и не могут исцелить язву мира (постоянный образ православного богослужения, восходящий к Ис. 53, 5: «Той же язвен бысть за грехи наша и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего

на Нем, язвою Его мы исцелехом») – это может только сошествие Христово во ад (Ад) и Его воскресение, вызывающее в самих обитателях Ада (бездны) желание (исконное, как пишет Ильин) воспеть сходящему к ним Господу осанну («Осанна!» – молитвенное хвалебное восклицание, обращённое к Богу, переводимое как «Спаси же!», которым народ сопровождал входящего в Иерусалим перед Своими страданиями Иисуса Христа).

[1530] «Про древний Хаос, про родимый!» – 10-я строка стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (на которое Н. К. Метнером написана не раз упоминавшаяся песня и которое также взято им эпиграфом для фортепианной сонаты ор. 25 № 2). «Безглагольная речь» – из предпоследней строфы стихотворения Е. А. Баратынского 1821 г. «Водопад»: «Как очарованный стою \\ Над дымной бездною твоею \\ И, мнится, сердцем разумею \\ Речь безглагольную твою».

[1531] См. комм. 428.

[1532] «Страшная месть», XV.

[1533] Позже Ильин составит на немецком языке лекцию «Николай Метнер как композитор и ясновидец», см. письмо № 496.

[1534] Фактическая отсылка к Рим. 8, 22: «Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне». Ближе к концу статьи Ильин это подтвердит, отсылая к соседнему стиху послания.

[1535] Здесь уже явная отсылка к песнопению православного богослужения (к шестому ирмосу пасхального канона, автор которого – прп. Иоанн Дамаскин: «Снизшел еси в преисподняя земли...»), однако, как в предыдущем комментарии уже фактически было замечено, такими, не всегда явными, отсылками и аллюзиями наполнена вся статья.

[1536] Многочисленные паузы, а также люфтпаузы (обозначаются знаком запятой над нотным станом) – ещё одна характерная особенность Метнера-композитора (срв. «Цыдулю», письмо № 2а, а также комм. 13).

[1537] Обычно русское название этого номера первого цикла «Забытых мотивов» приводится как «Праздничный танец». Также третий номер третьего цикла, упоминаемый чуть ниже как «цветочный», имеет русское название «Танец цветения»; «ликующий» и «благоуханный» (№№ 4 и 5 того же третьего цикла «Забытых мотивов») – «Радостный танец» и «Плавный танец» соответственно. В последнем случае ильинский перевод (он, очевидно, не имел

под рукой русских авторских названий и переводил напечатанное в имевшихся у него нотах) совсем неверный, но, очевидно, он связан с так называемым misreading (неверным прочтением или считыванием) слова ondulata: вместо него Ильин, очевидно, увидел нередко встречающееся у Метнера в качестве указаний (напр., к «Цыдуле», письмо № 2а, или же, как Ильин привёл в одной из сносок чуть выше, к Сказке G-dur op. 9 № 3) odoroso.

[1538] Кавычки, очевидно, оттого, что сам Метнер никогда или почти никогда не называл свои вокальные сочинения романсами (такое название усвоено лишь раннему op. 3, содержащему всего три номера; во ***всех*** же остальных случаях используется или «песни», или «стихотворения»).

[1539] Цитируется стихотворение «Муза», положенное Метнером на музыку (op. 29 № 1). Срв. также комм. 1317.

[1540] См. § 52 I-го тома его труда «Мир как воля и представление».

[1541] Срв. письмо № 148.

[1542] Впервые статья опубликована в газете *Возрождение* (№ 2465 от 2 марта 1932 г.). Опубликована нами в *Ильин, т. 6, кн. 2,* однако, по тем же причинам, что и пред. статья (см. комм. 1520) и с теми же оговорками (об исправлении погрешностей первого и нашего изданий и о максимальном приближении к оригиналу в части пунктуации и орфографии), публикуется вновь. Процитированное полностью в статье стихотворение «Заклинание» А. С. Пушкина публикуется также с пунктуацией статьи. Поправки к первому изданию сделаны самим Ильиным: две главные (двухтемность вместо неверного двухтемпность и джаз-бандитизм вместо джаз-бандизм) указаны в письме № 210; они же и ещё несколько не столь существенных исправлений сделаны рукой Ильина в вырезке из газеты, сохранённой им в отдельной тетрадке («*Мои статьи по-русски.* 1932 март – 1933 апр. Возрождение. Русский Голос. Новый Путь. [Тетрадь] № 10»; см. *Архив*, 001 – 0703).

[1543] Из стихотворения 1844 г. «Землетрясение».

[1544] Речь о концерте 3 марта 1932 г. (т. е. статья Ильина является для него своего рода анонсом). См. также письма №№ 206 и 207 и комм. 1053.

[1545] В 1913 году. См. письма № 427 и № 547.

[1546] В салоне Маргариты Кирилловны Морозовой (см. указ в пред. комм. письма, а также комм. 14).

[1547] Оленина-д'Альгейм, Мария Алексеевна (1869–1970) – очень ценившаяся Метнером (срв., напр., *Метнер. Письма.* С. 85, 89–90 или его письмо ей: *Там же.* С. 469–470) камерная певица (меццо-сопрано). В 1908–1918 гг. в Москве действовал основанный ею «Дом Песни» – концертное музыкально-просветительское общество, где нередко выступал и Метнер. Премьерное исполнение (см. *Там же.* С. 149; к сказанному там добавим, что это был «пятый концерт "Дома Песни", посвящённый произведениям Николая Метнера», см. его программу в РНММ. Ф. 132, № 502) «Заклинания» (ор. 29 № 7; написано в 1913 г.) Н. К. Метнером и М. А. Олениной-д'Альгейм состоялось 19 января 1914 г. в Москве, в Малом зале Российского благородного собрания (он же Крестовый зал, с ноября 1917 г. именующийся Октябрьским залом Дома Союзов). С 1918 г. жила в Париже, в 1959 г. вернулась в Россию и жила в Москве.

[1548] См. комм. 99.

[1549] Наборщик (или редактор) не понял мысли Ильина и заменил его ироническое «джаз-бандитизм», играющее на соединении *ит.* banditto (бандит, разбойник) с *англ.* band (в jazz-band, т. е. джаз-оркестр, джаз-группа), на банальное «джаз-бандизм».

[1550] См. комм. 225.

[1551] Пс. 129, 1.

[1552] Речь, по всей видимости, о втором аресте по делу № 93 (первому из дел, по которым проходил Ильин; см. о нём в *Ильин, т. 33.* С. 7–231), т. е. концерт проходил осенью 1918 г. Срв. 36-1908.

[1553] Из рассказа 1926 г. «Свет Разума».

[1554] Аллюзия на историю пророка Даниила, брошенного в ров со львами (Дан. 6, 6–24) и одновременно историю трёх отроков (Анании, Азарии и Мисаила), брошенных в раскалённую печь и оттуда воспевших Богу хвалебную песнь (Дан. 3, 1–100). Это соединение-смешение не удивительно, ибо заимствовано оно из православного богослужения, нередко вспоминающего оба эти события одновременно, напр. в ирмосах и тропарях 7-й и 8-й песен Канона (сами эти песни – в современной, в том числе и Ильину, богослужебной городской и сельской практике, как правило, опускаемые, – собственно говоря, и являются разделённой на две части песнью трёх отроков: Дан. 3, 26–90).

[1555] Впервые статья опубликована в газете *Возрождение* (№ 3486 от 19 декабря 1934 г.). Затем публиковалась нами в *Ильин,*

т. 6, кн. 2. Публикуется вновь, по тем же причинам и принципам, что изложены выше в комм. 1542 и 1520. Поправки Ильина к первому изданию авторизованы им на вырезке из газеты с этой статьёй, помещённой в тетрадь «*Мои статьи по-русски.* 1933 май – 1936 апр. Возрождение. Русский Инвалид, Русский Голос. [Тетрадь] № 11» (*Архив*, 001 – 0704). Статья явилась вновь своего рода анонсом к предстоящему (19 декабря 1934 г., в день Ангела Н. К. Метнера) концерту, написанным по просьбе О. Н. Конюс (см. выше её письмо № 299 с этой просьбой; см. также письма 300 – 302, прямо связанные с этой статьёй). Ильин в «анонсе» следует присланной ему программе вечера (см. письмо № 299), которая в итоге оказалась несколько иной (см. письма №№ 300 – 302).

[1556] О Никише см. комм. 329, об И. Гофмане – комм. 281. Эжен Изаи (Eugène Ysaÿe; 1858 – 1931) – известный бельгийский скрипач, дирижёр и композитор. Пабло Казальс (1876 – 1973) – известный каталонский виолончелист, дирижёр и композитор (см. также комм. 36-538).

[1557] При первой публикации вместо этого слова стояло ошибочное «несомненно» (исправлено нами по поправке рукой Ильина в *Архив*, 001 – 0704, как и указано в комм. 1555).

[1558] Неточная цитата (вторая из цитируемых строк в оригинале звучит как: «Ты владыками их не зови»; также «Время» в оригинале с прописной буквы и в нём же несколько иная пунктуация) из стихотворения Владимира Соловьева 1887 г. «Бедный друг, истомил тебя путь...». Ниже оно цитируется вновь (см. комм. 1571).

[1559] Слова «и демона "мрачного и мятежного"» были выпущены в первой газетной публикации (восстановлены Ильиным в вырезке, см. *Архив,* 001 – 0704)

[1560] Диатоника и хроматика – два (из нескольких) рода т. н. интервальных систем.

[1561] Maestoso (*ит.*) – величественно, торжественно.

[1562] Несмотря на то, что речь перешла к Сонате-балладе (ор. 27), продолжает цитироваться «Муза» А. С. Пушкина. С тем, очевидно, что Соната-баллада раскрывает во всей глубине (см. начало абзаца) тему вдохновения. Отметим, что как ор. 27, так и ор. 29 (№ 1 которого и есть «Муза») писались приблизительно в одно время (1912 – 1914 гг.).

[1563] Цитируется завершение стихотворения «Землетрясение», иные строки из которого служат эпиграфом к пред. статье (1932 г.).

[1564] Credo (*лат. досл.*) – верую, первое слово христианского Символа веры, давно ставшее нарицательным именем, обозначающим, собственно, символ, т. е. образ, веры или её исповедание и использующимся часто без перевода (срв. «моё кредо» в том или ином деле). ff, т. е. fortissimo, (*ит.*) – очень громко; molto pesante (*ит.*) – очень весомо.

[1565] «Морской штиль» – речь о «Meeresstille [(*нем.*) Тишь на море]», op. 15 № 7; «дыхание ветра» – следующий (8) номер op. 15, «Glückliche Fahrt [(*нем.*) Счастливое плавание]»; «тоска Миньоны» – «Mignon», op. 18 № 4; «Einsamkeit [(*нем.*) Одиночество]» – op. 18 3), «Прелюдия» – op. 46 № 1.

[1566] Из стихотворения «Ношусь я по волнам житейским суеты...» (см. Стихотворения графа *А. Голенищева-Кутузова* (1894–1901 гг.). – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1901. С. 45).

[1567] Т. е. праха земного (персть – *церк.-сл. досл.* грязь, пепел, пыль, прах), а точнее – человеческой плоти, сотворённой Богом из него: Быт. 2, 7 (см. в особенности *церк.-сл.* перевод этого стиха, где употреблено именно «персть»).

[1568] Речь о «Могу ль забыть то сладкое мгновенье...» («Вальс»), op. 32 № 5. Opus 32 носит название «Шесть стихотворений А. Пушкина для голоса с фортепиано», однако указанный его № 5 действительно принадлежит Антону Дельвигу. Дело в том, что авторство Дельвига было установлено позднее и сочинения Метнером этой песни (1915 г.), и её первой публикации (1916 г.), в которой было указано, что это стихотворение лишь приписывается А. С. Пушкину. См. *Метнер Н. К.* Собрание сочинений. Т. VI. Сочинения для голоса и фортепиано. – М.: Музгиз, 1961. С. 5.

[1569] В газете стояло неверное «упования», исправленное Ильиным.

[1570] Фраза, несомненно, должна бы отсылать к «Фаусту» Гёте (часть 1, сцена 4, или, скорее, часть 2, акт V). В переводе А. А. Фета (части 2): «Тогда б я мог сказать мгновенью: \\ "Остановись! Прекрасно ты!"» (срв. из части 1 у Н. А. Холодковского: «Когда воскликну я: "Мгновенье, \\ Прекрасно ты, продлись, постой!" – \\ Тогда готовь мне цепь плененья...»; или у Б. Л. Пастернака: «Едва я миг отдельный возвеличу, \\ Вскричав: "Мгновение, повремени!" – \\ Все кончено, и я твоя [Т. е. Мефистофеля. – *А. Л.*] добыча...»). Однако контекст статьи исключает отсылку к 1 части «Фауста»

(несмотря на то, что чуть выше речь шла о Гёте, – это совпадение едва ли не случайно), и следует, кажется, предположить, что Ильин использует этот ставший повсеместно известным и чрезвычайно популярным возглас достигшего полноты счастья человека вовсе без связи с породившим его контекстом трагедии Гёте (во всяком случае, без связи с контекстом первой части).

[1571] Из того же (см. комм. 1558) стихотворения, продолжающие цитированные в эпиграфе и завершающие всё стихотворение строки. Многоточия в обоих случаях принадлежат Ильину.

[1572] Атриум изначально – центральная часть древнеримского жилища, его внутренний двор, куда свободно проникал свет и откуда шли пути во все остальные помещения; позднее – прямоугольный дворик перед входом в христианский храм, окружённый крытой галереей, нечто вроде притвора или преддверия, что последнее Ильин, по всей видимости, и имеет в виду.

[1573] Документ хранится в *Архиве* и публикуется впервые (*Архив*, 001 – 282). Написанный ещё до отъезда Метнеров за границу, он был, очевидно, вывезен Ильиным при его высылке из России и хранился с тех пор у него. Представляет собой 4 тетрадных («в линейку для прописей») листка, в которых рукой Н. К. Метнера заполнены 5 (из 8) страничек. «Титульная» тетрадная (содержащая слова «Набросок... анкету») заполнена рукой Ильина. Также, очевидно, Ильиным эти листки были обёрнуты в импровизированную обложку из как бы двух листов, первый из которых он сделал тоже титульным, а на последнем оставил не публикуемые нами в основном тексте следующие пометки об отсутствии 5 сочинений Метнера в Берлинской государственной библиотеке:

«**B Berliner Staatsbibliothek** *нет*
Opus 1 в романсной форме [Т. е. нет op. 1 bis. – *А. Л.*]
Opus 14. № 1. – изуродован в переплёте
Opus 25. № 1 – соната-сказка
Opus 27 – только первая часть
Opus 29 – есть только Муза, Конь, Заклинание».

Эти пометки сделаны, очевидно, уже в Германии (по-видимому, в 1928 г. – срв. письмо № 146). На титульном листе стоящее в скобках «автентическое» сперва было написано как «аутентическое», но затем «у» было Ильиным переправлено в «в». Основной текст документа представляет собой ответы на представленные Метнеру

вопросы, список которых, по всей видимости, утрачен, но большая часть которых легко восстановима по смыслу ответов. Метнер, как может видеть читатель, ответил не на все вопросы (которых всего было не менее 33). Кроме того, отметим, что в тексте встречается довольно много исправлений, причём тщательно замаранные первоначальные слова без специальной техники едва ли восстановимы, а потому мы их и не пытаемся прочесть.

[1574] Неточное (с заменой слова «пленной» на «праздной») цитирование стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе».

[1575] Речь, разумеется, о записи в нотах.

[1576] А здесь уже, очевидно, речь о какой-то граммофонной записи пьесы Э. Грига «Poeme Erotique» (№ 5 третьей тетради его «Лирических пьес», «Lyriske stykker», op. 43).

[1577] Эти тезисы трёх докладов, которые Ильин должен был сделать на IV Академическом съезде в Белграде (срв. письмо № 146 и комм. 772), но не сделал, отказавшись от поездки из-за переутомления (срв. письмо № 148), были опубликованы в первой части сборника трудов этого съезда: Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей, в Белграде 16–23 сентября 1928 года. Часть I. – Белград: Издание Русского Научного Института в Белграде, 1929. С. 469–471. Издание, очевидно, было малотиражным и, судя по всему, могло попросту не добраться даже до самого Ильина (в его библиотеке этого сборника не обнаруживается: срв. Каталог библиотеки Ивана Александровича Ильина. – М.: Издательство Московского университета, 2011). Мы публикуем эти тезисы в приложении к переписке Ильина и Метнеров не только потому, что без неё мы, возможно, ещё долго не знали бы об этом издании, но и из-за прямой связи всех трёх докладов с перепиской: первый из них прямо перекликается, напр., с письмом № 14; тема второго – одна из главных ильинских тем, проходящая, в том числе, и через заметную часть наст. переписки; наконец, тема третьего (публикуемого нами по понятным причинам в старой орфографии) пронизывает её всю.

[1578] Семема (от *др.-греч.* σημαίνω – обозначаю; тот же корень имеет слово «семантика») – единица т. н. плана содержания языка (план содержания языка – область того, что может быть предметом языкового сообщения; того, что, другими словами, может быть *обозначено* им, т. е., вообще говоря, *значений* или смыслов слов). Срв. также у Ильина: «Весь язык служит этому смыслу, т. е. тому, что он

хочет сказать и сообщить и что мы назовем "семемою"» (см. «Наши задачи», статья «167. О русском правописании»; напр., *Ильин, т. 2, кн. 2*. С. 115). Фонема (от *др.-греч.* φώνημα – звук) – минимальная смыслоразличительная единица языка. Морфема (от *др.-греч.* μορφή – вид, наружность, форма) – минимальная неделимая значащая часть слова. О фонеме и морфеме (как употребляет Ильин эти термины) см. также в указ. статье, являющейся, вместе со следующей за ней статьёй («168. О наших орфографических ранах»), раскрытием и продолжением публикуемых тезисов.

[1579] Семейотический = семиотический, т. е. (от *др.-греч.* σημεῖον – знак, признак) относящийся к семиотике (исследованию знаков и знаковых систем).

Добавление к комментариям к письму № 29:

Тетрадка, упомянутая в словах «...я пометил себе в тетрадке – здоровье, характер и Бог...», сохранилась, по крайней мере, в переписанном А. М. Метнер виде (см. РНММ. Ф. 132, № 770. ЛЛ. 43–45). Первые два из перечисленных выше пунктов (о здоровье и характере) публиковались в книге *Метнер Н. К.* Повседневная работа пианиста и композитора: Страницы из записных книжек. См. стр. 60 первого издания (М.: Государственное музыкальное издательство, 1963) или стр. 42 второго (М.: Музыка, 1979). Третий пункт в советские годы, конечно, не мог быть просто так опубликован, а потому воспроизводим его ниже:

3) *Помнить Бога.* Память о Боге дает объективный взгляд на себя и на все свое. Терпение просто – в нашей воле. Когда же воля ослабла, тогда память о Боге. Только Он может дать этот взгляд на себя, это созерцание. В то время как субъективное самосозерцание рождает или тщеславные чувства или отчаяние – объективное дает мир и тишину (точно так же, как мир и тишина способствуют до известной степени развитию этой способности; почему и следует избегать житейскую сутолоку). Объективный взгляд, созерцание важно не только как общий принцип, но и в частности как художественный. Пока человек мечется и трепещет от посланной ему мысли, он не властен над ней, он только слушатель, зритель, то есть постороннее лицо; и только когда он преодолел трепет и смог созерцать данное ему – он стал «автором».

СОДЕРЖАНИЕ*

ТОМ 34

Лисица Ю. Т., Лисица А. Ю.
Философия жизни Ивана Ильина и Николая Метнера 5

1915

1. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 26.III.1915.
Москва (*Архив*, 001 – 0608). Барону Пузенкампфу 26
2. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 26.III.1915.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4727). Цыдуля, текст 28
2а. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 27.III.1915.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4727). Цыдуля, ноты 28
3. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. *Между 27 и 31*.III.1915.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4776) 29
4. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 20.V.1915.
Выропаевка (РНММ. Ф. 161, № 13275) 31
5. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 28.V.1915.
Выропаевка (РНММ. Ф. 161, № 13273) 32
6. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 30.V.1915.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4730) 32
7. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 13.VI.1915.
Михайловское (РНММ. Ф. 132, № 4729) 33
8. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 18.VI.1915.
Выропаевка (РНММ. Ф. 132, № 4770) 35

* Предположительные даты или части дат и предположительные места написания выделены курсивом. Подробности всякий раз см. в комментарии к соотв. письму.

9. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. *Около (и не позднее) 9.*VII.1915. Москва (РНММ. Ф. 132, № 4731) 36
10. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 20.VII.1915. *Крым* (РНММ. Ф. 132, № 4739) 37
11. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 24.VII.1915. *Выропаевка* (РНММ. Ф. 132, № 4771). Гимн кофейнику 38
12. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 7.VIII.1915*. Мисхор (РНММ. Ф. 132, № 4732) 40
13. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 18.VIII.1915. *Выропаевка* (РНММ. Ф. 132, № 4772) 42
14. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 4.IX.1915. *Москва* (РНММ. Ф. 161, № 13276) 42
15. Вячеслав Иванов (И. А. Ильин) – Н. К. Метнеру. 31.X.1915. Москва (РНММ. Ф. 161, № 13267) 43
16. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 30.XII.1915. *Москва* (РНММ. Ф. 161, № 13277) 44
16а. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 31.XII.1915. *Москва* (РНММ. Ф. 132, № 4736) 44

1916

17. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 9.IV.1916. Кастрополь (РНММ. Ф. 132, № 4786) 45
18. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 12.IV.1916. Кастрополь (РНММ. Ф. 132, № 4785) 46
19. И. А. Ильин – А. М. Метнер. Между 12 и 18.IV.1916. Кастрополь (РНММ. Ф. 132, № 4842) 46
20. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 18.IV.1916. Кастрополь (РНММ. Ф. 132, № 4843) 47
21. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 24–25.IV.1916. Москва (РНММ. Ф. 132, № 4852) 48
22. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 26.IV.1916. Кастрополь (РНММ. Ф. 132, № 4782) 50
23. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. Между 14.IV и 7.V.1916. Москва (РНММ. Ф. 132, № 4737) 50

* На письме ложная и в самом же письме дезавуированная дата: 7.I.1916.

24. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 9.V.1916.
Кастрополь (РНММ. Ф. 132, № 4773) 51
25. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 15.V.1916. Байдарские ворота –
Севастополь – Москва (РНММ. Ф. 132, № 4784) 53
26. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 16.V.1916.
Оболенское (РНММ. Ф. 132, № 4733) 53
27. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 2.VI.1916.
Выропаевка (РНММ. Ф. 132, № 4783) 56
28. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 11.VI.1916.
Выропаевка (РНММ. Ф. 161, № 13281) 56
29. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 18–19.VI.1916.
Оболенское (РНММ. Ф. 132, № 4738) 58
30. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 19–20.VI.1916.
Оболенское (РНММ. Ф. 132, № 4734) 66
31. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 26.VI.1916.
Выропаевка (РНММ. Ф. 132, № 4774) 68
32. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 26.VI.1916.
Выропаевка (РНММ. Ф. 132, № 4781) 70
33. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 7.IX.1916.
Теберда (РНММ. Ф. 161, № 13274) 70
34. Е. Тидебёлль (И. А. Ильин) – Н. К. Метнеру. 4.XI.1916.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 379) 71
34а. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. XI.1916. Москва
(РНММ. Ф. 132, № 4726). Письмо Н. К. Метнера
Е. М. Тидебель 71
35. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 31.XII.*1916*.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4740) 72

1917

36. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. *До 29.I.1917*.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4741) 73
37. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. *До III.1917*.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4780) 73
38. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 8.VII.1917.
Выропаевка (РНММ. Ф. 132, № 4844) 74
39. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 12.VII.1917.
Москва (РНММ. Ф. 132, № 4735) 75
40. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 22.VII.1917.
Выропаевка (РНММ. Ф. 132, № 4775) 77

1918 – 1919

41. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. *Начало VIII.*1918, Москва (РНММ. Ф. 132, № 4728) 80
42. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 29.IX.1919 (Alfred J. Swan Collection [Box 1, folder 1920 – 1926], Albert and Shirley Small Special Collections Library, University of Virginia) 81

1922

43. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. X.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0036) 83
44. А. М. Метнер – Н. Н. и И. А. Ильиным. 23.X.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0178) 83
45. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 30.X.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0036) 84
46. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 1.XI.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0178) 85
47. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 9 – 10.XI.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0036). «Алло!..» 86
48. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 22.XI.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0178) 86
49. А. М. Метнер – И. А. Ильину. XI.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0178) 87
50. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 26.XI.1922. Берлин (*Архив*, 005 – 0178) 88

1923

51. А. М. Метнер – И. А. Ильину. *Между 6 и 13*.I.1923. Берлин (*Архив*, 005 – 0179) 90
52. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 19.I.1923. Берлин (*Архив*, 005 – 0179) 91
53. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 29.I.1923. Берлин (*Архив*, 005 – 0179) 92
54. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 1.II.1923. Берлин (*Архив*, 005 – 0037) 92
55. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 12.III.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 93

56. А. М. Метнер – И. А. Ильину. *Между 13 и 16.*III.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 94
57. А. М. Метнер – И. А. Ильину. *17.*III.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 94
58. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 1.IV.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 95
59. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 5.V.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 96
60. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 11.V.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 98
61. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 11.V.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 99
62. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 3.VII.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 100
63. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 10.VII.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 100
64. А. М. Метнер – И. А. Ильину. *Между 10 и 15.VII.1923. Пильниц* (*Архив*, 005 – 0179) 101
65. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. *До 23.VIII.*1923. Оберстдорф (*Архив*, 001 – 0608). Письмо Метнерам из Оберстдорфа 102
66. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 23 – 24.VIII.1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 102
67. А. М. Метнер – И. А. Ильину. *24.VIII.*1923. Пильниц (*Архив*, 005 – 0179) 107
68. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 7.X.1923. Берлин (*Архив*, 005 – 0037) 108
69. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. *X.1923*. Оберстдорф (*Архив*, 001 – 0608). Пильниц. Поэма 112

1924

70. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 9.IV.1924. Флоренция (*Архив*, 005 – 0180) 117
71. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 15 и 19.IV.1924. Флоренция (*Архив*, 005 – 0180; копии: РНММ. Ф. 132, № 791; Alfred J. Swan Collection [Box 1, folder 1920 – 1926], Albert and Shirley Small Special Collections Library, University of Virginia) 118

72. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
19.IV.1924. Флоренция (*Архив*, 005 – 0180)..... 124
73. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. Ок. 27.IV.1924.
Берлин (*Архив*, 005 – 0038)..... 125
74. Н. К. Метнер – Н. Н. Ильиной. 2.VI.1924.
Эрки (*Архив*, 005 – 0180)..... 126
75. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 2.VI.1924.
Эрки (*Архив*, 005 – 0180)..... 127
76. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 1.VII.1924.
Мюнхен, Нимфенбург (*Архив*, 005 – 0038)..... 130
77. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 17.VIII.1924.
Эрки (*Архив*, 005 – 0180)..... 130
78. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 16–18.IX.1924.
Сьюзи (*Архив*, 005 – 0038)..... 132
79. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 8.X.1924.
Атлантический океан (*Архив*, 005 – 0180)..... 134
80. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 8.X.1924.
Атлантический океан (*Архив*, 005 – 0180)..... 135
81. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 10.X.1924.
Нью-Йорк (*Архив*, 005 – 0180)..... 138
82. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 27.XI.1924.
Мерано (*Архив*, 005 – 0038)..... 139

1925

83. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 4.I.1925.
Мерано (*Архив*, 005 – 0039)..... 141
84. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 28.I.1925.
Написано в поезде из Чикаго в Нью-Йорк, отправлено
из Нью-Йорка (*Архив*, 005 – 0181)..... 142
85. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 3.II.1925.
Нью-Йорк (*Архив*, 005 – 0181)..... 145
86. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 4.II.1925.
Нью-Йорк (*Архив*, 005 – 0181)..... 145
87. Н. К. и А. М. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным. 23.V.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181)..... 146
88. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 28.V.1925.
Берлин[*] (*Архив*, 005 – 0039)..... 147

[*] Срв. письма № 96 и 97.

89. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 31.V.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181) 148
90. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. *2.VI*.1925.
Париж (*Архив*, 005 – 0181) 149
91. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 4.VI.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181) 149
92. Телеграмма Н. К. Метнера – А. П. Струве.
5.VI.1925. Орсе (*Архив*, 005 – 0181) 150
93. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 30.VI.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181) 150
94. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 11.VII.1925.
Обербозен (*Архив*, 005 – 0039) 151
95. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 11.VII.1925.
Обербозен (*Архив*, 005 – 0039) 152
96. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 24 – 26.VII.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181) 153
97. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 26.VII.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181) 155
98. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 31.VII.1925.
Обербозен (*Архив*, 005 – 0039) 156
99. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 21.VIII.1925.
Сьюзи (*Архив*, 005 – 0039) 157
100. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 3.IX.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181) 158
101. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 16.IX.1925.
Сьюзи (*Архив*, 005 – 0039) 161
102. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 23.X.1925.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0181) 161

1926

103. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 7.I.1926.
Берлин (*Архив*, 005 – 0040) 163
104. Н. Н. Ильина – Н. К. Метнеру. 7.I.1926.
Берлин (Alfred J. Swan Collection [Box 1, folder 1920 – 1926],
Albert and Shirley Small Special
Collections Library, University of Virginia) 165
105. А. М. Метнер – Н. Н. Ильиной. 19.I.1926.
Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0182) 166

106. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. Между 7 и 20.I.1926. Фонтен д'Иветт (РНММ. Ф. 132, № 4742) 169
107. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 20.I.1926. Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0182) 172
108. Leonid Kreuzer (И. А. Ильин) – Н. К. Метнеру. 21.II.1926. *Берлин* (*Архив*, 005 – 0040) 174
109. Нина Кошиц (Н. К. Метнер) – И. А. Ильину. 27.II.1926. Париж (*Архив*, 005 – 0182) 175
110. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 9.III.1926. Берлин (*Архив*, 005 – 0040) 177
111. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину. 12.III.1926. Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0182) 177
112. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 31.III.1926. Берлин (*Архив*, 005 – 0040) 179
113. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 20.VI.1926. Руайан-Понтейак (*Архив*, 005 – 0182) 179
114. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину. 25.VII и 5.VIII.1926. *Фонтен д'Иветт* (*Архив*, 005 – 0182) 182
115. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину. 12.IX.1926. *Фонтен д'Иветт* (*Архив*, 005 – 0182) 184
116. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 17.X.1926. Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0182) 186
117. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 24.XI.1926. Берлин (*Архив*, 005 – 0040) 188
118. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. Начало XII.1926. *Фонтен д'Иветт* (*Архив*, 005 – 0182) 189
119. А. М. Метнер – И. А. Ильину. Начало XII.1926. *Фонтен д'Иветт* (*Архив*, 005 – 0182) 190
120. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. Начало XII.1926. Берлин (*Архив*, 005 – 0040) 191

1927

121. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 1.I.1927. *Фонтен д'Иветт* (*Архив*, 005 – 0183) 193
122. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 30.I.1927. Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0183) 195

123. А. М. Метнер – И. А. Ильину. Не ранее 30.I
и не позднее 4.II.1927. Фонтен д'Иветт (*Архив*, 005 – 0183) 195
124. Телеграмма Н. К. Метнера – И. А. Ильину. 20.V.1927.
Варшава (*Архив*, 005 – 0183) 196
125. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 14.VI.1927.
Виши (*Архив*, 005 – 0183) 197
126. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 29.VI.1927.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0183) 198
127. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 10.IX.1927.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0183) 199
128. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 13.IX.1927.
Сен-Жерве-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0041) 199
129. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 21.IX.1927.
Сен-Жерве-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0041) 200
130. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 21.IX.1927.
Сен-Жерве-ле-Бен (*Архив*, 001 – 0608).
Эксцесс о Поле, и его фельетоне 201
131. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. Между 23.IX и 1.X.1927.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0183) 201
132. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину. 1 и 6.X.1927.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0183) 203
133. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 23.X.1927.
Ницца (*Архив*, 005 – 0041) 204
134. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 28.X.1927.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0183) 204
135. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 1.XI.1927.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0183) 205
136. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 18.XI.1927.
Берлин (*Архив*, 005 – 0041) 206
137. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 21.XI.1927.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0183) 207

1928

138. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 5.II.1928.
Берлин (*Архив*, 005 – 0039) 208
139. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 23.III.1928.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0184) 208
140. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 4.IV.1928.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0184) 209

141. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 7.IV.1928.
Берлин (*Архив*, 005 – 0042) ... 209
142. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 13.IV.1928.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0184) ... 211
143. А. М. Метнер – И. А. Ильину. *Ок.13*.IV.1928.
Анген-ле-Бен (*Архив*, 005 – 0186) ... 212
144. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 18.IV.1928.
Берлин (*Архив*, 005 – 0042) ... 214
145. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 6–8.VI.1928.
Париж (*Архив*, 005 – 0184) ... 216
Мысли Н. К. Метнера ... 217
<№ 1> Недостаток есть подделка недостающего. ... 217
<№ 2> О смысле в музыке. ... 218
<№ 3> «В наше время весьма принято...» ... 219
146. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 26.VIII.1928.
Гаутинг (*Архив*, 005 – 0042) ... 220
147. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 9.IX.1928.
Виллер-сюр-Мер (*Архив*, 005 – 0184) ... 223
148. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 1.X.1928.
Менаджо (*Архив*, 005 – 0042) ... 225
149. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 20.X.1928.
Берлин (*Архив*, 005 – 0184) ... 227
150. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 3.XI.1928.
Лондон (*Архив*, 005 – 0184) ... 227
151. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 14.XI.1928.
Бангор (*Архив*, 005 – 0184) ... 230
152. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 19–23.XI.1928.
Лондон (*Архив*, 005 – 0184) ... 230

1929

153. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам.
16.I.1929. Берлин (*Архив*, 005 – 0043) ... 234
154. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину.
28.I.1929. Монморанси (*Архив*, 005 – 0185) ... 235
155. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. II–III.1929.
Берлин (*Архив*, 005 – 0043) ... 239
156. А. М. Метнер – И. А. Ильину. До 15.III.1929.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0185) ... 240

157. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 15.III.1929.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0185) 242
158. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. *18*.III.1929.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0185) 242
159. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 18.IV.1929.
Берлин (*Архив*, 005 – 0043) 246
160. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 28.IV.1929.
Берлин (*Архив*, 005 – 0043) 248
161. И. А. Ильин – А. М. Метнер. V.1929.
Берлин (*Архив*, 005 – 0043) 251
162. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 31.V – 3.VI .1929.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0185) 253
163. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 4.VI.1929.
Монморанси или Париж (*Архив*, 005 – 0185) 257
164. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 1.VIII.1929.
Труа-Эпи (*Архив*, 005 – 0043) 257
165. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 9.VIII.1929.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0185) 258
166. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. VIII.1929.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0185) 260
167. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 15.VIII.1929.
Вер-шез-ле-Блан (*Архив*, 005 – 0043).
«Чемоданы я зазинул...». Бабы 260
168. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 23.IX.1929.
Санта-Маргерита-Лигуре (*Архив*, 005 – 0043) 263
169. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 28.IX.1929.
Париж (*Архив*, 005 – 0185) 264
170. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 15 – 20.X.1929.
Хаверфорд (*Архив*, 005 – 0185) 265
171. Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. X.1929.
Хаверфорд (*Архив*, 005 – 0185) 269

1930

172. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
17 – 26.VII.1930. *Монморанси* (*Архив*, 005 – 0186) 270
173. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 29.VII.1930.
Беатенберг (*Архив*, 005 – 0044) 274
174. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 21.XII.1930.
Берлин (*Архив*, 005 – 0044) 276

1931

175. Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 5.I.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0186)..... 279
176. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 5.I.1931.
Монморанси (первый лист – *Архив*, 005 – 0186,
второй лист – *Архив*, 005 – 0187) 279
177. Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
17.I.1931. *Монморанси* (*Архив*, 005 – 0187) 281
178. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 17.I.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187)..... 282
179. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 10.IV.1931.
Берлин (*Архив*, 005 – 0045)..... 282
180. Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 15.IV.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 284
181. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 17.IV.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 286
182. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 20.IV.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 287
183. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 10.V.1931.
Берлин (*Архив*, 005 – 0045)..... 288
184. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 19.V.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 289
185. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 12.VI.1931.
Берлин (*Архив*, 005 – 0045)..... 290
186. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 23.VI.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 291
187. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 9.VII.1931.
Гмунден (*Архив*, 005 – 0045) 292
188. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 17 – 18.VII.1931.
Цюрих (*Архив*, 005 – 0187) 293
189. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 29.VII.1931.
Гмунден (*Архив*, 005 – 0045) 294
190. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным. 2.VIII.1931.
Цюрих (*Архив*, 005 – 0187) 295
191. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 16.VIII.1931.
Бюргеншток (*Архив*, 005 – 0045)..... 296
192. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным. 20.VIII.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 297
193. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 25.VIII.1931.
Бюргеншток (*Архив*, 005 – 0045). Горные стансы 299

194. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 3.IX.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 304
195. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 14.IX.1931.
Пура (*Архив*, 005 – 0045)..... 304
196. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным. 19.IX.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 305
197. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 23.IX.1931. Пура
(*Архив*, 005 – 0045). «Так славь же сам себя, талант...» 306
198. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 6.X.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 308
199. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 8.X.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 309
200. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 10.X.1931.
Базель (*Архив*, 005 – 0045)..... 311
201. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 13.X.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 312
202. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 19.XII.1931.
Берлин (*Архив*, 005 – 0045)..... 313
203. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 28.XII.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 314
204. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 28.XII.1931.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0187) 315

1932

205. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 29.II.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188)..... 318
206. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 2.III.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188)..... 318
207. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 3.III.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0046)..... 319
208. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 5.III.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188)..... 320
209. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 8.III.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188)..... 323
210. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 9.III.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0046)..... 324
211. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 11.III.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188)..... 326

212. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 11.III.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188)..... 327
213. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам.
18.III.1932. Берлин (*Архив*, 005 – 0046)..... 328
214. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 27.III.1932. Берлин
(*Архив*, 005 – 0046). Цыдуля (*Архив*, 005 – 0053) 332
215. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 1.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 334
216. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 1.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 336
217. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 1.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 337
218. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру.
Между 2 и 4.IV.1932. Берлин (*Архив*, 005 – 0046).
«Что же Рига, Рига, Рига?»..... 337
219. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 5.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188). «Остерцунге,
друг мой милый...»..... 341
220. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 6.IV.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0188)..... 343
221. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 7.IV.1932.
Берлин (*Архив*, 001 – 0608). «Из Письма Н. К. Метнеру
(по поводу его первоапрельского обмана)»..... 343
222. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 8.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 344
223. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 8.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 345
224. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 10.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 346
225. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 10.IV.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0046).
«Ведь сегодня день рожденья...» 346
226. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 12.IV.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0046). «Мохотъ»..... 349
227. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 18.IV.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 351
228. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 21.IV.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0046)..... 353
229. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 3 – 4.V.1932.
18.IV.1932. Монморанси (*Архив*, 005 – 0188)..... 356

СОДЕРЖАНИЕ

230. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 4.V.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 359
231. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 18.V.1932.
Фельден-на-Вёртер-Зее (*Архив*, 005 – 0046) 359
232. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 18.V.1932.
Фельден-на-Вёртер-Зее (*Архив*, 005 – 0046) 361
233. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 1.VI.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 362
234. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным.
30.V – 1.VI.1932. Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 364
235. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 4.VI.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 367
236. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. VI.1932.
Фельден-на-Вёртер-Зее (*Архив*, 005 – 0056) 369
237. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 12.VII.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 370
237а. Выдержки из письма № 237, сделанные
А. М. Метнер (РНММ. Ф. 132, № 4763)..... 375
238. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. *Ок. 15 – 18.*VIII.1932.
Цюрих (РНММ. Ф. 132, № 4778) 377
239. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 21.VIII.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 380
240. И. А. Ильин – А. М. Метнер. Конец VIII.1932.
Гриндельвальд (*Архив*, 005 – 0046)..... 382
241. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 30.VIII.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 384
242. А. М. Метнер – И. А. Ильину. *1.IX.*1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 385
243. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 19.IX.1932.
Около Лугано (*Архив*, 005 – 0046) 387
244. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
8 – 10.X.1932. Монморанси (*Архив*, 005 – 0188) 388
245. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 14.X.1932. Монморанси
(*Архив*, 005 – 0188) 391
246. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 28.X.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0046)..... 394
247. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 9 – 11.XI.1932.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 396
248. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 13.XII.1932.
Рига (*Архив*, 005 – 0188) 398

249. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 15.XII.1932.
Берлин (*Архив*, 005 – 0046) 399
250. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 17.XII.1932.
Рига (*Архив*, 005 – 0188) 400

1933

251. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 12.I.1933.
Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 402
252. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
20 – 22.I.1933. Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 403
253. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. *Конец I.*1933.
Монморанси (РНММ. Ф. 132, № 792) 404
254. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. *II.*1933.
Монморанси (РНММ. Ф. 132, № 4743) 406
255. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 22.II.1933.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 407
256. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 28.II.1933.
Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 408
257. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. Ильину.
4.III.1933. Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 409
258. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. Около (после) 13.III.1933.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 412
259. Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
Около 13.IV.1933. Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 413
260. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам.
15.IV.1933. Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 413
261. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
22.IV.1933. Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 414
262. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 5.V.1933.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 415
263. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
5.V.1933. Париж (*Архив*, 005 – 0189) 416
264. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 8–10.V.1933.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 417
265. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 21 – 23.V.1933.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 419
266. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 3.VI.1933.
Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 420

267. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
17–24.VI.1933. Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 422
268. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам.
4.VII.1933. Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 423
269. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 6.VIII.1933.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 424
270. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 5.VIII.1933.
Монморанси (*Архив*, 005 – 0189) 425
271. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам.
26.VIII.1933. На пути из Констанца к Рейнскому водопаду
(*Архив*, 005 – 0047) 426
272. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 5.IX.1933.
Мёдон (*Архив*, 005 – 0189) 427
273. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам.
12.IX.1933. Гунтен (*Архив*, 005 – 0047) 428
274. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным. 17.IX.1933.
Мёдон (*Архив*, 005 – 0189) 430
275. И. А. Ильин – А. М. Метнер. 17.IX.1933.
Гунтен (*Архив*, 005 – 0047) 432
276. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 19.IX.1933.
Мёдон (*Архив*, 005 – 0189) 433
277. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам.
29.IX.1933. Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 434
278. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным.
10 и 17.X.1933. Мёдон (*Архив*, 005 – 0189) 435
279. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 21.XI.1933.
Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 436
280. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. XII.1933.
Мёдон (*Архив*, 005 – 0189) 438

1934

281. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 5.I.1934.
Берлин (*Архив*, 005 – 0048) 439
282. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 5.II.1934.
Берлин (*Архив*, 005 – 0048) 440
283. Н. К. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 10.II.1934.
Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 441
284. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 9–10.III.1934.
Лондон (*Архив*, 005 – 0190) 442

285. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 23.III.1934. Берлин (*Архив*, 005 – 0048) 443
286. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. Около 6 – 7.IV.1934. Берлин (*Архив*, 005 – 0047) 445
287. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 15.IV.1934. Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 448
288. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 15.IV.1934. Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 449
289. А. Климов, С. Т. Климова, И. Г. Климова, О. Г. Климов, К. Е. Климов, И. А. и Н. Н. Ильины – Н. К. и А. М. Метнерам. 22.V.1934. Белое озеро (*Архив*, 005 – 0048) 450
290. А. М. и Н. К. Метнеры – И. А. и Н. Н. Ильиным. 11.VI.1934. *Мёдон* (*Архив*, 005 – 0190) 451
291. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 27.VII.1934. Берлин (*Архив*, 005 – 0049 и 005 – 0048). «Abgelegte Kinderhose...». «Под вулканищем сидеть...» 453
292. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 2.VIII.1934. Берлин (*Архив*, 005 – 0048) 457
293. А. М. Метнер – И. А. и Н. Н. Ильиным. 6 – 7.VIII.1934. Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 458
294. И. А. Ильин – Н. К. Метнеру. 7.VIII.1934. Берлин (*Архив*, 005 – 0048; копия: *Архив*, 001 – 288) 461
295. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 16.VIII.1934. Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 463
296. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 25.IX.1934. Дубровник (*Архив*, 005 – 0048) 466
297. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 10.XI.1934. Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 469
298. А. М. Метнер – И. А. Ильину. 26.XI.1934. Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 470
299. О. Н. Конюс – И. А. Ильину. 2.XII.1934. Париж (*Архив*, 005 – 0190) 470
300. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 18.XII.1934. Берлин (*Архив*, 005 – 0048) 471
301. Н. К. Метнер – И. А. Ильину. 20, 23.XII.1934. Мёдон (*Архив*, 005 – 0190) 473
302. И. А. Ильин – Н. К. и А. М. Метнерам. 31.XII.1934. Берлин (*Архив*, 005 – 0048). «Владимир Пуль (буль-буль, нуль-нуль...)...» 474

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письмо И. А. Ильина А. Б. Гольденвейзеру (РНММ. Ф. 161, № 1799) 479

Заметки и статьи И. А. Ильина о музыке Н. К. Метнера 480

Музыка Н. Метнера. Мои заметки. 1915 (*Архив*, 001 – 0280) 480

Музыка Метнера («Русский Колокол». № 7. 1929 г.) 492

О музыке Метнера («Возрождение», № 2465 от 2 марта 1932 г.) 510

Музыка и слово (к концерту Н. К. Метнера) («Возрождение», № 3486 от 19 декабря 1934 г.) 515

Музыка Метнера: Метнер о своих воззрениях (автентическое) (*Архив*, 001 – 282) 521

И. А. Ильин. [Тезисы докладов на IV Академическом съезде в Белграде] (Труды IV-го съезда русских академических организаций за границей, в Белграде 16–23 сентября 1928 года. Часть I. – Белград: Издание Русского Научного Института в Белграде, 1929. С. 469–471) 524

КОММЕНТАРИИ

Основные принципы публикации 529

О ссылках на архивы и перекрёстных ссылках 532

Несколько слов о том, как и почему письма оказались в тех архивах, в которых они хранятся в настоящее время 533

О датировках писем 539

Список сокращений часто цитируемых документов и изданий 540

Комментарии 543

Ильин Иван Александрович

Собрание сочинений [Т. 34]

ПЕРЕПИСКА ИВАНА ИЛЬИНА И НИКОЛАЯ МЕТНЕРА

(1915–1951)

Книга 1
(1915–1934)

Утверждено к печати Учёным советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Редактор *А. Ю. Лисица*
Идея оформления серии *Л. Ф. Шканов*
Корректор *И. А. Птицын*
Компьютерный набор: *О. В. Лисица, Ю. Т. Лисица, А. Ю. Лисица*
Вёрстка *О. В. Клюшенкова*

Подписано в печать 10.12.2025.
Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 44,52.
Тираж 250 экз. Заказ № L-4553.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Буки Веди» 117041, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Южное Бутово, ул. Адмирала Руднева, д. 4, помещ. 13/6
info@ bukivedi.com

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: info@heritage-institute.ru